МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

1834. № 1. ЯНВАРЬ.

I. О сочиненіяхъ Гёте, изданныхъ послѣ его смерти..... 3.

II. Осада и взятіе Акры Ибрагимомъ Пашею, въ 1831 и 1832 годахъ. (Отрывокъ изъ Записокъ самовидца, Французскаго путешественника Г-на Корниля)..... 33.

III. Эмма. Повѣсть (Н. П.)..... 72.

IV. Поправка Замѣчаній О. Іакинѳа на IV-й томъ Исторіи Русскаго народа (Н. П.)..... 128.

V. Русская Литература (Новыя книги: *Асколь-дова могила*, новый романъ Г-на Загоскина — *Фантастическія путешествія Барона Брамбеуса* — *Денница на 1834-й годъ*, альманахъ — *Брошюрки*, издаваемыя Г-мъ Кронебергомъ, № 10-й)..... 166.

VI. Смѣсь (*Изъясненіе картинки* — *Некроло-*

Digitized by Google

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

НИКОЛАЕМЪ ПОЛЕВЫМЪ.

Русскій Заграничный Ист. Архив
Отдѣл. № 0-7534
Zahranicn...

Часть пятьдесятъ пятая.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
при ИМПЕРАТОРСКОЙ Медико-Хирургической Академіи.
1834.

Digitized by Google

Sw 9801/55 (1834)

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Января 9 дня, 1833 года.

Цензоръ и Кавалеръ Н. Лазаревъ.

483106/4

SLOVANSKÁ KNIHOVNA V PRAZE

Digitized by Google

О СОЧИНЕНІЯХЪ ГЁТЕ,

ИЗДАННЫХЪ ПОСЛѢ ЕГО СМЕРТИ.

Безсмертный представитель Германской Словесности принадлежитъ къ числу тѣхъ геніевъ, которыхъ изученію посвящаются цѣлые вѣка, у многихъ народовъ. Долговременная жизнь Гёте была ознаменована созданіями великими, посмѣнно увлекавшими вниманіе не однихъ соотечественниковъ, но и всѣхъ современниковъ его. Маститая старость генія была окружена всѣми лучами славы, и благоговѣющій міръ съ умиленіемъ смотрѣлъ на этотъ рѣдкій образецъ человѣка, совершившаго все, что, казалось, предназначено было совершить ему. Но мы не будемъ вспоминать здѣсь о томъ, что почитаемъ извѣстнымъ всякому просвѣщенному человѣку; не будемъ исчислять всѣхъ сочиненій Гёте,

Digitized by Google

всѣхъ заслутъ его, и доказывать его славы, проникнувшей до самыхъ уединенныхъ хижинъ. Сорокъ томовъ сочиненій и переводовъ, изданныхъ имъ въ послѣдніе годы жизни, заключаютъ въ себѣ неистощимый запасъ для изученія философа и поэта, пламеннаго юноши и охлажденнаго лѣтами, опытомъ и размышленіемъ старца. Поговоримъ о новомъ, пріятномъ явленіи: сочиненіяхъ Гёте, изданныхъ послѣ его смерши. Это новые лучи славы его, поразительные тѣмъ болѣе, что они какъ будто возвысились изъ могилы, обыкновенно почитаемой предѣломъ, концемъ дѣятельности на землѣ. Гёте говоритъ съ нами и изъ за-могилы.

Не всѣ изданныя нынѣ сочиненія его новы. Многія изъ нихъ были разсѣяны въ журналахъ и разныхъ періодическихъ сочиненіяхъ. Но всѣ они драгоцѣнны, какъ произведенія писателя великаго, проникавшаго своеобразно, глубоко во всѣ предметы, которые занимали его. Гёте-юноша и Гёте-старецъ равно занимательны и поучительны для насъ, ибо всегда одинъ и тотъ-же духъ оживлялъ его, измѣняясь по періодамъ возраста и отношеній. Можетъ быть еще драгоцѣннѣе для наблюдателя произведенія послѣднихъ лѣтъ Гёте, когда онъ, поэтъ и философъ, спокойно глядѣлъ на жизнь, обуреваемый одною страстью къ изящному. Тутъ мно-

Digitized by Google

голодныя заняшія его Естествознаніемъ были отдыхомъ мудреца, а поэтическія созданія свѣжими цвѣтами, возращенными теплотою души, не состарѣвшейся отъ лѣтъ. Человѣкъ изумительный! Однимъ изъ послѣднихъ созданій его была вторая часть *Фауста*, того-же Фауста, который исчезъ предъ нами въ тюрьмѣ Гретхенъ, при улетающихъ въ пространство звукахъ: «Генрихъ! Генрихъ!»

Нынѣ изданныя сочиненія Гёте начинаются второю частью Фауста, единственнаго, несравнимаго ни съ чѣмъ другимъ сочиненія, которое занимало Поэта въ продолженіе многихъ лѣтъ жизни, и остается однимъ изъ самыхъ рѣзкихъ выраженій его генія.

Желая представить здѣсь отчетъ о вновь изданныхъ сочиненіяхъ Гёте, мы не будемъ распространяться равно о каждомъ изъ нихъ; но о второй части Фауста постараемся дать понятіе, болѣе полное, нежели о такихъ сочиненіяхъ, которыя имѣютъ занимательность относительную. Не присвоиваемъ себѣ права судить произведеніе столь высокое—и почитаемъ нужнымъ упомянуть объ этомъ. Слишкомъ дерзко было-бы принимать рѣшительный тонъ, прочитавъ сочиненіе, которому надобно посвятить на обдумываніе, можетъ быть, нѣсколько

Digitized by Google

лѣшъ. Просимъ вообще почитать нашу статью *изученіемъ* новыхъ твореній Гёте— не болѣе. И въ этомъ видѣ, надѣемся, она представитъ много новаго, и шѣмъ болѣе у насъ, гдѣ почти никто не пишетъ о новостяхъ Европейскихъ Литтературъ.

Должно сказать прежде всего, что вторая часть Фауста, особенно послѣ перваго чтенія, приводитъ въ изумленіе, поражаетъ васъ какимъ-то очарованіемъ. Произведеніе это столь разнообразно, многообъемлюще, глубокомысленно, исполнено такихъ красотъ, что умъ и душа поддаются сначала безотчетному восторгу, и надобно много времени, чтобы понять: какое обаяніе объемлетъ васъ? Это исключительное свойство *Фауста*, и въ первой и во второй части. Мы скажемъ наши мысли объ этомъ свойствѣ его, но прежде всего изложимъ содержаніе второй части, дабы читатель могъ судить о ней, хотя по общимъ чертамъ, необходимо лишеннымъ въ прозаическомъ изложеніи всѣхъ цвѣтовъ поэзіи.

Мы должны замѣтить также, что большая часть перваго дѣйствія и все третье дѣйствіе (подъ заглавіемъ: *Елена*), были уже напечатаны въ сочиненіяхъ Гёте; но тамъ были они только отрывками, и не имѣли той полноты, которая

Digitized by Google

отличаетъ ихъ въ цѣломъ сочиненіи. Потому-то мы и будемъ говорить о нихъ какъ о сочиненіи новомъ, неразрывномъ съ другими частями Фауста, хотя самъ Гёте прежде назвалъ *Елену* Междудѣйствіемъ (Zwischenspiel zu Faust).

Первая часть Фауста оканчивается спасеніемъ Маргериты. Фаустъ и Мефистофель исчезаютъ.

Мы въ новомъ мірѣ. Прелестная долина. Фаустъ лежитъ на цвѣтистомъ дернѣ, утомленный, безпокойный, въ забытьи. При полусвѣтѣ ночномъ Аріель поетъ, приказывая воздушнымъ собратамъ своимъ успокоить измученнаго несчастливца. Съ приближеніемъ солнца они исчезаютъ. Фаустъ глядитъ на воскресающую природу и уподобляетъ ослѣпительные лучи солнца врагамъ, изъ которыхъ надежда блещетъ исполненіемъ; но когда приближаемся къ нимъ, пламень охватываетъ насъ— мы опять оглядываемся на землю и скрываемся въ покрывалѣ юности. « Не хочу глядѣть на солнце ! » говоритъ онъ.

Владѣнія Императора. Тронная зала. Среди толпы придворныхъ Императоръ всходитъ на тронъ, и спрашиваетъ, гдѣ Дуракъ его? Ему сказываютъ, что онъ упалъ на лѣстницѣ, но вмѣсто его явился какой-то другой, пресмѣш-

Digitized by Google

ной и презабавный: это Мефистофель. Императоръ принимаетъ его на мѣсто прежняго, и ставитъ подлѣ себя. Обращаясь къ Министрамъ, онъ говоритъ, что собралъ Дворъ свой веселиться; но если непремѣнно хотятъ они мучить его дѣлами, то пусть говорятъ, что имъ надобно. И вотъ, одинъ за другимъ, они описываютъ ему бѣдствія Государства, неповиновеніе войскъ, недостатокъ во всемъ, возмущенія, и проч. Императоръ, подумавъ, обращается къ новому своему Дураку и спрашиваетъ: «Не знаешь-ли и ты какого нибудь бѣдствія?» Никакого!— отвѣчаетъ Мефистофель.— И что можетъ быть среди блеска и силы, окружающихъ тебя? Деньги надобны вамъ? Въ землѣ много скрыто ихъ. Знающіе люди откроютъ вамъ, гдѣ именно. Канцлеръ возстаетъ противъ этого. Императоръ короче спрашиваетъ у Дурака: гдѣ-жь деньги?— Въ землѣ, отвѣчаетъ Мефистофель. Посовѣщуйтесь съ Астрологомъ, который подлѣ васъ. Въ толпѣ ропотъ, Астрологъ отвѣчаетъ загадочно; Императоръ въ сомнѣніи; толпа не вѣритъ Мефистофелю, но онъ говоритъ о ней съ презрѣніемъ и объявляетъ, что всѣ чувствуютъ силы природы. «Если у васъ потягиваетъ всѣ члены, если вы чувствуете какое-то недовольство, стоя на мѣстѣ, скорѣе копайте тутъ землю: подъ нею сокровище!» Всѣ чувствуютъ то, о чемъ онъ гово-

Digitized by Google

ритъ; Императоръ самъ хочетъ приняться за работу, но Астрологъ, внушаемый, какъ и прежде, Мефистофелемъ, совѣтуетъ ему сначала повеселиться. Императоръ велитъ начинать увеселенія. Мефистофель остается одинъ и говоритъ: «Глупцы никогда не думаютъ, какъ соединяются заслуга и счастье. Если-бы у нихъ и былъ философскій камень, то для него еще не было-бы философа.»

Сцена представляетъ обширную залу, гдѣ устроено празднество карнавала. Здѣсь Гёте истощилъ всё, что можетъ представить это увеселеніе Среднихъ Вѣковъ, странное, имѣвшее таинственное начало. На сценѣ являются лица миѳологическія, фантастическія, и народъ, со всѣми своими причудами. Тутъ находятъ свое мѣсто и Вѣнецъ Оливная, и Фантастическій Вѣнокъ, и Граціи, и Парки, и Фуріи, и Надежда, и Страхъ, и Благоразуміе, и неисчислимое множество другихъ лицъ и олицетвореній. Широкая кисть поэта-живописца придаетъ каждому свойственный оттѣнокъ. Сатиры, Фавны, Гномы, Великаны, Нимфы, Плутусъ, все вмѣстѣ образуетъ удивительное цѣлое. Самъ Императоръ участвовалъ въ празднествѣ, и въ видѣ бога Пана раздавалъ милости. Онъ очень доволенъ Мефистофелемъ. «Какой благопріятный случай привелъ тебя сюда?» говоритъ онъ ему.

Digitized by Google

«Ты прямо изъ Тысячи Одной Ночи.» Онъ велитъ ему быть всегда подлѣ себя. Но вотъ входятъ одинъ за другимъ Министры, и сказываютъ, что народъ успокоенъ, всѣ довольны, счастливы, ибо денегъ у всѣхъ множество. Это сдѣлали Фаустъ и Мефистофель: они изобрѣли *ассигнаціи*, роздали ихъ множество за подписью Императора, и обиліе воротилось. Императоръ сначала не понимаетъ новаго изобрѣтенія, хочетъ сердиться, но его убѣждаютъ, что ассигнаціи изобрѣтеніе преудобное и превыгодное. Онъ самъ, представляя бога Пана, подписалъ одну ассигнацію, съ нея сдѣлали тысячи снимковъ и роздали ихъ народу. Прелестная сцена, гдѣ Придворные тѣснятся около Императора, выманивая себѣ денегъ.

Темная галлерея. Фаустъ сказываетъ Мефистофелю, что Императоръ требуетъ представить ему Елену и Париса. «Мы обогатили его, теперь надобно забавлять. Онъ хочетъ видѣть образецъ мужчинъ и женщинъ.»— А ты думаешь, что Елену такъ-же легко вызвать, какъ бумажный призракъ гульденовъ?— Фаустъ требуетъ непремѣнно дать ему средство выполнить порученіе Императора. «Укажи мнѣ дорогу!» восклицаетъ онъ.— Туда нѣтъ дороги! — отвѣчаетъ Мефистофель.— Не замки, не запворы будутъ препятствовать тебѣ, а уединеніе. Знаешь-ли

Digitized by Google

ты, что̀ такое пустота и уединеніе?— Но Фаустъ упорствуетъ и Мефистофель отдаетъ ему волшебный ключъ— съ нимъ дойдетъ онъ къ Еленѣ.

Въ освѣщенныхъ залахъ, Императоръ и Придворные ждутъ представленія. Дамы просятъ у Мефистофеля средствъ отъ прыщиковъ, отъ ознобленія, отъ холодности любовниковъ. Наконецъ подскакиваетъ Пажъ, съ жалобой на возлюбленную, которая почитаетъ его несовершеннолѣтнимъ. «Не думай о молоденькихъ; ласкайся къ пожилымъ: онѣ лучше оцѣнятъ тебя!» говоритъ ему Мефистофель, и видя, что вокругъ него тѣснятся новыя попрошайки, восклицаетъ: «Наконецъ, я сцану говоритъ имъ правду, какъ ни дурно это средство.»

Фаустъ на сценѣ. Онъ вызываетъ сначала Париса, потомъ Елену. Сужденія Придворныхъ объ этихъ явленіяхъ даютъ Поэту случай выказать глубокое знаніе свѣта, и особенно придворнаго свѣта. Но Фаустъ самъ очарованъ Еленою. Онъ приходитъ наконецъ въ восторгъ неистовый. Все оканчивается взрывомъ. Духи исчезаютъ; Фаустъ упадаетъ на землю.

Это составляетъ первое дѣйствіе. Можемъ-ли мы проникать въ тайную мысль Поэта, или должны признать всю эту фантасмагорію сборомъ прекрасныхъ, но загадочныхъ сценъ? По-

Digitized by Google

слѣднее конечно легче, но, къ счастію, не возможно. Гёте, правда, взялъ основаніе своей трагедіи изъ кукольной комедіи, которой основою служила извѣстная въ Германіи легенда о Фаустѣ Чернокнижникѣ; но гдѣ взять такого прозаическаго ума, который не провидѣлъ-бы въ его твореніи глубокой мысли? Она будетъ яснѣе для насъ, когда мы разсмотримъ всю пьесу. Теперь можемъ только догадываться, что если въ первой части мы видѣли Фауста въ недовольствѣ самимъ собою, то здѣсь видимъ его въ распрѣ съ міромъ, который показанъ ему страшнымъ путеводителемъ съ самыхъ блестящихъ сторонъ. Фаустъ уже недоволенъ этимъ міромъ: онъ хочетъ новаго; хочетъ соединить прошедшее съ настоящимъ, и безумно влюбляется въ идеалъ древней красоты.

Второе дѣйствіе начинается въ прежней комнатѣ Фауста, который видѣнъ за занавѣсомъ, на прародительской постелѣ. Мефистофель подходитъ къ усыпленному и говоритъ: «Вотъ онъ, несчастливецъ, увлеченный въ любовь, трудно разрываемую! Кто поддастся обаянію Елены, тотъ не скоро образумится!» Онъ оглядывается и узнаетъ всѣ предметы, даже перо, на которомъ засохла капля крови Фауста, навсегда отдавшая его духу зла. Мефистофель встряхиваетъ шубу Фауста: изъ нея вылетаетъ мно-

Digitized by Google

жество духовъ, имѣющихъ видъ разныхъ насѣкомыхъ; они привѣтствуютъ сперваго покровителя. Наконецъ онъ завертывается въ шубу и звонитъ въ колоколъ. Грохотъ и шумъ въ комнатѣ: прибѣгаетъ сподручный ученикъ Доктора Вагнера. Мефистофель шутитъ надъ нимъ, и проситъ, чтобы онъ провелъ его къ своему учителю; тотъ говоритъ, что Докторъ вѣчно занятъ, запершись въ своемъ кабинетѣ; однакожъ идетъ просить у него доступа. Прибѣгаетъ какой-то высокоумный Баккалавръ, и принимая Мефистофеля за Фауста, говоритъ, что онъ уже не тотъ, какимъ видѣлъ его учитель за много лѣтъ, что онъ теперь знаетъ все, можетъ все, даже прогнать дьявола. Съ насмѣшливымъ сожалѣніемъ глядитъ на него Мефистофель.

Лабораторія Вагнера. Онъ сидитъ подлѣ алхимической печки, въ большихъ надеждахъ, когда входитъ къ нему, очень некстати, Мефистофель. «Тише, тише; удерживайте дыханіе,» говоритъ Вагнеръ.— А что это у васъ?— спрашиваетъ Мефистофель. *В.* «Тутъ дѣлается человѣкъ.»— *М.* Человѣкъ? А какую влюбленную пару заперли вы въ эту дымную баню?— *В.* «Сохрани Богъ! прежній способъ почитается у насъ просто вздоромъ.» Онъ описываетъ ему свои средства. «Смѣшеніе, все дѣлается чрезъ смѣшеніе, чрезъ колбу — и что прежде организи-

Digitized by Google

ровали, то мы кристаллизуемъ.» — Кто долго жилъ и много испыталъ, для того нѣтъ новаго — прибавляетъ Мефистофель. — Во время путешествій моихъ я уже видалъ кристаллизованные народы.— Въ склянкѣ у Вагнера въ самомъ дѣлѣ появляется Человѣчекъ (Homunculus). «Ну, папа!» говоритъ онъ. «Что-же? Это была не шутка! Прижми меня къ сердцу, только не крѣпко, чтобы не треснуло стекло. Таково свойство вещей: естественному едва достаетъ цѣлаго міра, а созданному искусствомъ надобно тѣсное пространство. Ты плутъ, братишка (Мефистофелю), въ пору пришелъ! спасибо! Мнѣ надобна дѣятельность! указывай-же, что мнѣ дѣлать.— Мефистофель указываетъ ему на распростертаго на ложѣ Фауста. Склянка выскакиваетъ изъ рукъ Вагнера, носится надъ Фаустомъ и освѣщаетъ его. Человѣчекъ описываетъ, что онъ видитъ свѣтлые источники, густыя рощи; среди нихъ, прелестнѣйшія женщины разоблачаются. Но одна блистательнѣе всѣхъ; она породы героевъ и даже боговъ; она освѣжаетъ пламень своего благороднаго тѣла въ кристаллѣ волнъ. Но вотъ слышенъ шумъ крыльевъ, свистъ; гладкое зеркало воды волнуется; дѣвицы бѣгутъ прочь; одна ихъ царица остается, и съ гордымъ, женскимъ наслажденіемъ смотритъ на преклоняющагося передъ ней царя лебедей. Онъ сближается съ нею... Но вотъ и скрылось все

Digitized by Google

подъ флеромъ шумана.— *М.* Для чего не досказалъ ты!... Крошка, а великій фантастъ! Я не вижу ничего... *Ч.* Конечно. Ты урожденецъ Сѣвера, ты сдѣлался юнъ въ вѣкъ шуманный, среди поповъ и рыцарей. Только въ мракѣ ты у себя дома.— Какъ все ново, гадко, смѣшно!— говоритъ онъ оглядываясь. — Если проснется этотъ, будетъ новая бѣда: онъ умретъ въ тоже мгновеніе. Онъ видѣлъ въ провѣщательномъ снѣ источники въ лѣсахъ, лебедей, нагихъ красотъ; можетъ-ли привыкнуть онъ къ здѣшнему. И я не могъ-бы этого.— Онъ зоветъ Мефистофеля на Классическій шабашъ. «Вы знаете только Романтическіе призраки; но истинный призракъ долженъ быть и Классическимъ.— «Древніе надоѣли мнѣ,» говоритъ Мефистофель.— «Да, ты любишь только сѣверо-западныя страны; однакожь мы отправимся на Юго-Востокъ. Тамъ, въ обширныхъ долинахъ свободно льется Пеней, опушенный кустарникомъ и лѣсомъ, въ тихій заливъ. Тамъ и Фарсальское поле, древнее и новое.» Мефистофель говоритъ... о Греческомъ народѣ. Человѣчекъ зоветъ его къ Ѳессалійскимъ вѣдьмамъ, и они оставляютъ грустнаго Вагнера. Мефистофель оканчиваетъ эту сцену двумя стихами къ зрителямъ: «Такъ-то мы зависимъ отъ собственныхъ нашихъ созданій!»

Digitized by Google

Классическій шабашъ вѣдьмъ. Фарсальскія поля, гдѣ среди мрака блуждаетъ фурія Эрихтона. Она жалуется, что поэты напрасно оклеветали ее; вспоминаетъ о прежнихъ событіяхъ на Фарсальскихъ поляхъ, о Цезарѣ, о битвахъ, но вдругъ удаляется, увидѣвъ свѣтящійся метеоръ. Это Человѣчекъ съ Мефистофелемъ несутъ по воздуху Фауста. Прикоснувшись къ землѣ, Фаустъ опамятывается и спрашиваетъ: «Гдѣ она?»— Здѣсь конечно узнаешь ты это— отвѣчаетъ Человѣчекъ.— Они расходятся. Мефистофель недоволенъ классическими явленіями. «Они всѣ такъ наги, безстыдны, такъ живы; надобно-бы подновить ихъ, нарядить по модѣ.» Разговоры его со Сфинксомъ, съ исполинами-муравьями, съ Аримаспами, не ладятся. Фаустъ напротивъ отдыхаетъ среди новыхъ для него образовъ. Онъ спрашиваетъ о Еленѣ; Сфинксъ совѣтуетъ ему спросить о ней у Хирона. Фаустъ встрѣчаетъ Хирона, садится на него, и дорогою они разговариваютъ. Фаустъ хвалитъ его за воспитаніе многихъ великихъ людей. «Да что пользы! хоть-бы и не воспитывать ихъ!» отвѣчаетъ Хиронъ. Фаустъ хвалитъ его медицинскія способности. «Отдалъ всѣ средства бабамъ!» отвѣчаетъ Хиронъ. Наконецъ разговоръ доходитъ до Елены. Хиронъ совѣтуетъ ему излечиться отъ любви къ ней, но Фаустъ не хочетъ и слышать о томъ. Подъѣхавъ

Digitized by Google

къ Манто, дочери Эскулапа, Хиронъ ссаживаетъ его, а Манто ведетъ его въ подземное царство Прозерпины.

На верхнемъ Пенеѣ, Сирены и разныя миѳологическія лица окружаютъ Мефистофеля. Наконецъ онъ видитъ блескъ: это Человѣчекъ. Онъ говоритъ Мефистофелю, что старается вырваться изъ стекла, но не находитъ средства; однакожъ не хочетъ отставать отъ двухъ философовъ, которые нравятся ему: это Анаксагоръ и Ѳалесъ. «Будь самобытенъ!» говоритъ ему Мефистофель. Человѣчекъ обѣщаетъ послѣдовать его совѣту; они разлучаются. Анаксагоръ и Ѳалесъ спорятъ о своихъ любимыхъ идеяхъ: первый производитъ все отъ огня, другой отъ воды. Человѣчекъ худо понимаетъ ихъ. Наконецъ Ѳалесъ увлекаетъ его на морское празднество. Мефистофель идетъ и жалуется, что у классическихъ существъ ада не слышно запаха сѣры, ни смолы. Онъ видитъ Форкіадъ (Горгонъ), льститъ имъ, и съ ихъ согласія превращается на время въ Форкіаду.

Утесистый заливъ Эгейскаго моря. Сирены, Тритоны и Нереиды поютъ хвалы покровительницѣ своей Лунѣ. Ѳалесъ съ Человѣчкомъ появляются на берегу. Они идутъ къ мудрому Нерею, предсказывавшему будущее Парису и

Digitized by Google

Улиссу. Вызвавъ стараго бога, Ѳалесъ проситъ его сказать, какимъ образомъ Человѣчекъ можетъ сдѣлаться мудрымъ человѣкомъ. Нерей жалуется, что совѣтовъ его не слушаютъ, что онъ говорилъ правду Парису и Улиссу, а они надѣлали дурачествъ. Подите къ Протею, прибавляетъ онъ. Протей, послѣ нѣсколькихъ превращеній, ведетъ ихъ къ Родосскимъ Тельхинамъ. Тамъ они опять у Нерея. Человѣчекъ видитъ дочь его, Галатею, чувствуетъ къ ней непреодолимое влеченіе, и разбиваетъ объ ея раковинную колесницу свою стклянку; онъ разливается пламенемъ. Дѣйствію второму конецъ.

Надобно признаться, что все это дѣйствіе принадлежитъ къ самымъ неоспоримымъ частямъ Гёшева Фауста. Трудно слѣдовать въ немъ за идеею поэта. Ясно видимъ символъ стремленія Среднихъ Вѣковъ къ соединенію съ Древностію, но многія подробности требуютъ изъясненій, которыя трудно представить. . . . . Вагнеръ изображаетъ уединенную ученость Среднихъ Вѣковъ, дѣйствительно создавшую новаго человѣка для новыхъ подвиговъ, и если догадка наша не ошибочна, то въ самомъ лицѣ Фауста видимъ полное выраженіе новыхъ временъ, желавшихъ

Digitized by Google

сочетавшься съ Древностью, съ идеаломъ ея красоты, съ ея преданіями и повѣрьями.

Эта мысль становится болѣе разительна въ третьемъ дѣйствіи, которое все занимаетъ *Елена*, прежде изданная въ видѣ междудѣйствія. Поэтъ переноситъ насъ въ Спарту, передъ дворецъ Менелая. Елена идетъ съ плѣнными Троянками, и сказываетъ, что Менелай послалъ ее впередъ, приготовить все къ жертвоприношенію. Но она въ недоумѣніи о самой себѣ: кто она? Прежняя-ли Царица, или плѣнница? .... На порогѣ дворца встрѣчаетъ ее ужасная Форкіа, и осыпаетъ укоризнами новыхъ пришелицъ. Наконецъ она объявляетъ, что все готово къ жертвоприношенію, и спрашиваетъ, назначилъ-ли Царь, кого принести въ жертву? Нѣтъ, онъ не указалъ на жертву. «О горе! Царица! онъ назначилъ для этого тебя.» Всѣ въ отчаяніи. Хоръ умоляетъ Форкіаду спасти Царицу и сопутницъ ея. Форкіада соглашается и разсказываетъ, что въ продолженіе долгихъ лѣтъ Троянской войны, къ сѣверу отъ Спарты, позади горъ Тайгетскихъ поселился новый, смѣлый народъ, вырвавшійся изъ тмы Киммерійской. Повелитель этого народа, прекрасный, мужественный, построилъ въ горахъ укрѣпленный городъ, невѣдомаго доселѣ вида, съ башнями, съ гербами на вра-

Digitized by Google

тахъ. Повелитель силенъ и великодушенъ: иди къ нему, онъ спасетъ тебя. Елена со спутницами своими приходитъ въ Рыцарскій замокъ Среднихъ Вѣковъ. Гречанки изумляются, видя бѣлокурыхъ, румянолицыхъ мужчинъ. Фаустъ повелитель ихъ. Онъ подводитъ къ Еленѣ скованнаго преступника: ему было поручено глядѣть съ высоты башни и сказывать о всѣхъ приближающихся къ замку. Но онъ забылъ свою обязанность и не извѣстилъ о приближеніи Елены и спутницъ ея. Фаустъ проситъ Елену изречь приговоръ виновнику. Она спрашиваетъ обвиняемаго, отъ чего не исполнилъ онъ своей обязанности. Линцей отвѣчаетъ, что тому виною она сама: онъ былъ такъ ослѣпленъ ея красотою, что забылъ все. Елена изрекаетъ ему прощеніе. Фаустъ на колѣняхъ передъ нею выражаетъ свою любовь и отдаетъ ей во власть себя и все, ему принадлежащее. Елена спрашиваетъ: отъ чего въ рѣчахъ новыхъ людей слышитъ она какое-то созвучіе, какъ будто одно слово спѣшитъ повторить звукъ другаго? Это рифма. Фаустъ восхищенъ, что даже рѣчи его народа нравятся Еленѣ. Согласіе рѣчей ведетъ ихъ къ согласію сердецъ. Они соединяются. Форкіа извѣщаетъ ихъ, что Менелай приближается съ войскомъ своимъ. Фаустъ не страшится, и раздѣляетъ своимъ военачальникамъ Грецію, а самъ поселяется въ

Digitized by Google

Аркадіи. Сцена перемѣнилась. Мы въ Аркадіи. Хоръ, дотолѣ бодрственный, спитъ. Форкіа пробуждаетъ его и разсказываетъ, что у Елены и Фауста есть сынъ, пылкій, шаловливый, неукротимый въ страстяхъ. Онъ прыгалъ однажды по скаламъ и наконецъ бросился въ бездну моря; отецъ и мать были неутѣшны; но вскорѣ онъ выплылъ, съ золотою лирою въ рукахъ и съ сіяніемъ вокругъ головы. Онъ рожденъ для пѣсней и мелодіи—прибавляетъ Форкіа. Хоръ отвѣчаетъ, что все настоящее есть печальный отголосокъ древнихъ, торжественныхъ временъ. Форкіа скрывается. На сценѣ Фаустъ, Елена и Эвфоріонъ, въ томъ видѣ, какъ описывала его зловѣщая Форкіа. Они выражаютъ свое счастіе, но Эвфоріонъ говоритъ, что ему хочется летѣть въ высь и тамъ удовлетворить своему любопытству. Родители стараются удержать его. Онъ начинаетъ плясать въ хорѣ, привязывается къ одной дѣвушкѣ и хочетъ прижать ее къ груди своей; она защищается, и наконецъ, превратившись въ пламя, улетаетъ, говоря, съ вышины: «За мной! въ легкій воздухъ! въ хладную пучину! Стремись достигнуть исчезнувшей цѣли.» Онъ стремится по скаламъ, выше и выше. «Я долженъ возвышаться и глядѣть съ высоты! Гдѣ я? Въ странѣ Пелопса, родственной землѣ и морю!» Хоръ умоляетъ его жить въ спокой-

Digitized by Google

ствіи. Онъ мечтаетъ о войнѣ и битвахъ. Тщетны моленія отца и матери. «Ты идешь на смерть,» говорятъ ему всѣ. «Неужели долженъ я глядѣть на нее издалека? Нѣтъ, я хочу дѣлить заботы и бѣдствія сражающихся!» Онъ кидается въ воздухъ, и летитъ нѣсколько мгновеній; голова его въ сіяніи; за нимъ полоса свѣту. «Икаръ! Икаръ!» восклицаетъ хоръ. Прелестный юноша падаетъ съ высоты къ ногамъ родителей; въ мертвомъ думаютъ найдти сходство съ знакомымъ лицомъ; но вещественное его вдругъ исчезаетъ; сіяніе, какъ комета, восходитъ къ небу; на землѣ остается его платье и лира.

Одинъ Критикъ (*) замѣчаетъ, что во всемъ этомъ видно примѣненіе къ Греціи и Байрону. Если замѣчаніе справедливо, то конечно весь эпизодъ Эвфоріона есть ненужная вставка, ибо сближеніе Древнихъ и Среднихъ Временъ не вяжется съ нею.

Елена также исчезаетъ, обнимая Фауста: въ рукахъ его остаются только ея покрывало и

(*) J. J. Ampère. Littérature et Voyages. Paris. 1833. in-8.

Digitized by Google

одежда. Форкіа говоритъ ему, чтобы онъ хранилъ это достояніе: оно вознесетъ его надъ всѣмъ обыкновеннымъ. «Мы свидимся опять, далеко, далеко отсюда.» Одежда Елены превращается въ облако, охватываетъ Фауста, и уноситъ въ вышину. Форкіа беретъ платье и лиру Эвфоріона и говоритъ зрителямъ: «Хорошо, что нашла и это. Пламя, правда, исчезло, но жалѣть о мірѣ я не стану. Тутъ еще довольно для ремесленнической, цеховой зависти. Я не могу надѣлять дарованіями, такъ буду ссужать хоть одеждою.» Предводительница хора зоветъ подругъ своихъ возвратиться въ царство тѣней, къ Царицѣ ихъ, но они не хотятъ, и превращаются въ стихіи. Окончательный хоръ—и занавѣсъ опускается. Форкіа вытягивается до исполинскихъ размѣровъ, сходитъ съ кошурновъ, сбрасываетъ маску и покрывало, и является Мефистофелемъ—«чтобы, сколько нужно пояснить пьесу въ эпилогѣ,» прибавляетъ самъ Авторъ.

Здѣсь уже ясно видно намѣреніе Автора: показать соединеніе древняго міра съ новымъ. Фаустъ представитель стремленія человѣческаго, а Мефистофель—духъ отрицанія и сомнѣнія. Но послѣдуемъ за Авторомъ далѣе.

Четвертое дѣйствіе открывается на высокой горѣ, среди зубчатыхъ скалъ. Облако опу-

Digitized by Google

скается на площадку, шутъ-же находящуюся; изъ него выходитъ Фаустъ. Онъ мечтаетъ о случившемся съ нимъ—слѣдовательно существованіе Елены, рожденіе и смерть Эвфоріона, были не обаяніе Мефистофеля, какъ думалъ вышеупомянутый нами Критикъ, не читавъ послѣдней части *Фауста* вполнѣ, и судя только объ *Еленѣ*. Это необходимыя, существенныя части Мистеріи Гёте.

Семи-мильный сапогъ становится подлѣ Фауста, другой слѣдуетъ за нимъ. Мефистофель сходитъ съ нихъ, сапоги идутъ далѣе.

М. «Вотъ какъ надобно ходить! Но скажи, пожалуста, что за мысль у тебя, сойдти на эти ужасныя скалы? Я знаю ихъ, хотя видѣлъ и въ другомъ мѣстѣ, потому что прежде были онѣ дномъ ада.

Фаустъ. «У тебя вѣчно глупыя легенды! Ты опять за нихъ.» Мефистофель важно разсказываетъ ему, что когда они (падшіе ангелы) были изгнаны въ глубочайшую пропасть, то пламя стало захватывать у нихъ дыханіе; дьяволы начали кашлять, метаться вверхъ и внизъ, и наконецъ, отъ стѣсненія газовъ, кора земли лопнула: дно сдѣлалось вершиною горъ. Фаустъ не вѣритъ ему, но Мефистофель увѣряетъ, что онъ самъ былъ при томъ. Онъ

Digitized by Google

хвалишъ преимущество свое надъ смертными. «Будемъ говорить яснѣе!» восклицаетъ обольститель. «Неужели ничто не нравится тебѣ на поверхности земли? Ты видишь отсюда неизмѣримое пространство: видишь царства міра и славу ихъ. Ты недоволенъ; неужели-же нѣтъ у тебя никакого желанія?» — Угадай! — отвѣчаетъ Фаустъ. — Мефистофель описываетъ ему прелесть власти; Фаустъ отвергаетъ властвованіе. Тотъ говоритъ ему о наслажденіяхъ роскошной жизни, въ великолѣпномъ замкѣ, среди садовъ и женщинъ — «женщинъ, потому что о прекрасныхъ я думаю всегда во множественномъ числѣ.» — Какой вздоръ! Я не хочу быть Сарданапаломъ. — Такъ вѣрно ты хочешь лешь въ луну? — Совсѣмъ нѣтъ! Есть и на землѣ довольно пространства для великихъ дѣлъ! — отвѣчаетъ Фаустъ. — «Ты хочешь славы?» — Слава въ самыхъ дѣяніяхъ — возражаетъ Фаустъ. — Однакожь о тебѣ будутъ пѣть поэты, возвѣщать славу твою потомкамъ, и дурачествами возбуждать къ дурачествамъ. — Все это не то — говоритъ Фаустъ. — Да и можешь-ли ты знать, чего желаетъ человѣкъ? Можетъ-ли твое противное, злое, ядовитое существо знать потребности человѣка?» — Скажи-же, чего желаетъ твоя фантазія! — Фаустъ сказываетъ ему, что онъ былъ на берегу моря, видѣлъ приливъ и отливъ, видѣлъ, какъ

Digitized by Google

волны затопляютъ земли и дѣлаютъ ихъ безплодными; но тамъ-же были и холмики: они удерживали волны въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Почему-же не удержать ихъ такъ вездѣ? «Я желалъ-бы побѣдить ихъ, и составилъ уже для этого планъ. Исполни его!» — Это очень легко! — отвѣчаетъ Мефистофель. Но за сценою слышна воинская музыка.—Опять война! восклицаетъ Фаустъ.—Надобно всѣмъ пользоваться— говоритъ Мефистофель.

Жалѣемъ, что не можемъ вполнѣ выписать разговора ихъ, который исполненъ мыслей высокихъ, смѣлыхъ, разительныхъ. Дѣло въ томъ, что когда Фаустъ и Мефистофель обогатили Императора, онъ предался наслажденіямъ и пересталъ думать о своемъ народѣ. Разстройство всѣхъ частей государства возрастало постепенно и окончилось возстаніемъ народа, который избралъ себѣ новаго Императора; теперь противники идутъ на рѣшительный бой. «Ты можешь одержать для него побѣду и возстановить его власть; онъ дастъ тебѣ обширную полосу морскаго берега — и твое желаніе исполнится.»—Но я не умѣю воевать—говоритъ Фаустъ. — Я собралъ помощниковъ для тебя— возражаетъ Мефистофель. Являются мужественные предводители горныхъ народовъ, и всѣ

Digitized by Google

идутъ въ лагерь Императорскій. Очарованіе побѣдило обыкновенныхъ воиновъ и Императоръ одержалъ побѣду. Мефистофель допустилъ успѣхи противниковъ до крайней степени, и когда уже все казалось потеряннымъ, онъ заставилъ воды выступить изъ горъ, зашумѣлъ огненнымъ дождемъ противъ непріятеля, и громомъ заключилъ полное разсѣяніе его. Мимоходомъ скажемъ, что это похоже нѣсколько на волшебную оперу. Но вотъ Императоръ награждаетъ придворныхъ своихъ и приближенныхъ, достоинствами и чинами, хотя самъ признается, что они не участвовали въ побѣдѣ. Является Архіепископъ, укоряетъ Императора за пособіе діавольскихъ силъ, и требуетъ земель, податей, налоговъ, въ пользу Католической Церкви. Здѣсь дары Императора и распоряженія его переносятъ читателя къ Среднимъ Вѣкамъ, когда Феодализмъ и Папство повелѣвали и властвовали всѣмъ. Архіепископъ два раза возвращается съ новыми требованіями, и наконецъ говоритъ, что Императоръ отдалъ морской берегъ одному извѣстному дурною славою человѣку, который подвергается отлученію отъ Церкви; не будетъ-ли угодно Императору, въ знакъ раскаянія, отдать Церкви и съ этихъ земель десятину, доходы и пошлины. «Да намъ еще нѣтъ и земли:

Digitized by Google

шамъ одно море.»— Мы подождемъ, покуда будешъ берегъ—говоришъ Архіепископъ. «Только дайше слово.»

Дѣйствіе пятое. Открытая долина. Путешественникъ идетъ, и съ восторгомъ привѣтствуетъ мѣста, на которыхъ вспрѣтилъ онъ самое искреннее гостепріимство, когда буря выкинула его на берегъ. «Но вѣрно хозяева мои уже умерли: они и тогда были стары,» говоритъ онъ. Однакожъ они живы и опять встрѣчаютъ его привѣтливо. Путешественникъ идетъ взглянуть на морской берегъ, а Филемонъ, приказавъ своей Бавкидѣ накрывать столъ, провожаетъ его и разсказываетъ, что тамъ, гдѣ прежде бушевали волны, теперь уже цвѣтущій берегъ, сады, деревня. Человѣкъ противопоставилъ морскимъ волнамъ дюны и присвоилъ себѣ новое владѣніе. Вблизи находятся и великолѣпныя палаты. Но Бавкида разсказываетъ, что все это совершилось какъ-то недобромъ. Работали днемъ, и ничто не дѣлалось; а гдѣ ночью скакали огоньки, тамъ являлась утромъ плотина; гдѣ слышны были стоны людей, жертвъ ночи, гдѣ лились волны огня, тамъ на другой день являлся каналъ. «Сосѣдъ нашъ безбожникъ; онъ предлагалъ намъ землю въ своихъ владѣніяхъ, да мы не хотимъ взять.» Они уходятъ въ часовню молиться.

Digitized by Google

Дѣйствіе переносится къ палатамъ. Увеселительный садъ и большой прямой каналъ. Фаустъ, уже дряхлый старикъ, бродитъ въ задумчивости. Линцей говоритъ ему въ слуховую трубу, что къ берегамъ подходятъ корабли и лодка готовится войдти въ каналъ. На дюнахъ раздается звукъ колокола. «Несносный звукъ!» восклицаетъ Фаустъ, и говоритъ, какъ тягостно ему видѣть позади себя чужое владѣніе. Лодка, нагруженная чужеземными сокровищами, пристаетъ къ берегу. Мефистофель съ тремя сотоварищами выходитъ и привѣтствуетъ владѣльца. Но тотъ не отвѣчаетъ ни слова на ихъ шумныя извѣстія, что они привезли ему на двадцати корабляхъ богатства. «Чего недостаетъ тебѣ еще?» спрашиваетъ Мефистофель. «Твой высокій умъ наградилъ тебя дарами земли и моря.» — Мученія мои нестерпимы! — возражаетъ Фаустъ. — Стыжусь сказать: я желалъ-бы удалить этихъ стариковъ, что живутъ тамъ. Я желалъ-бы взять у нихъ нѣсколько липъ; да, эти немногія деревья, не моя собственность, тяготятъ меня.» Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ, Мефистофель обѣщаетъ исполнить его желаніе. Онъ сжегъ бѣдное достояніе стариковъ, убилъ въ неровной борьбѣ странника, бывшаго у нихъ, и явился съ этимъ извѣстіемъ къ Фаусту. Фаустъ проклинаетъ поступокъ его.

Digitized by Google

Полночь. Идутъ четыре сѣдыя женщины. *Первая.* Я называюсь Недостатокъ. *Вторая.* Я называюсь Вина. *Третья.* Я называюсь Забота. *Четвертая.* Я называюсь Нужда. — Дверь заперта; мы не можемъ войдти къ богачу, который живетъ здѣсь. *Недостатокъ.* Я тамъ буду тѣнью. *Вина.* Я какъ ничто. *Нужда.* Отъ меня отворачиваютъ изнѣженный взглядъ. *Забота.* Вы, сестры, не можете и не смѣете войдти къ нему. Забота пройдетъ и въ замочную скважину. *(Исчезаетъ.) Недост.* Сѣдыя сестры, удалитесь отсюда. *Вина.* Я иду подлѣ тебя. *Нужда.* А по пятамъ вашимъ идетъ Нужда. *(Всѣ три)* Бѣгутъ облака, исчезаютъ звѣзды! Позади, вдалекѣ, идетъ, идетъ — *Смерть.*

Ужасное слово послышалось Фаусту. Его монологъ при этомъ превосходенъ. Забота вошла къ нему; онъ не хочетъ признать ея власти, и она—ослѣпляетъ его. Онъ еще хочетъ предпринять работу, исполнить какое-то предпріятіе, ибо хотя « ночь окружаетъ его, но внутри еще есть свѣтъ.» Онъ зоветъ работниковъ. Является Мефистофель, съ чудовищами-Лемурами. Вмѣсто рва, который велитъ имъ копать слѣпой Фаустъ, они роютъ — его могилу. Но, не понимая злобнаго умысла ихъ, Фаустъ утѣшается мыслію о добрѣ, которое еще мо-

Digitized by Google

жетъ сдѣлать, и вдругъ упадаетъ мертвъ. Мефистофель вызываетъ на помощь адскихъ духовъ, готовясь взять душу, давно предавшую ему себя. Его обращенія къ легіонамъ дьяволовъ, которымъ распредѣляетъ онъ при этомъ разныя занятія, исполнены всей насмѣшливости адскаго духа... Но вдругъ съ небесъ слышится утѣшительный голосъ. Хоръ ангеловъ поетъ милосердіе. Мефистофель въ изумленіи. Силы его ничтожны передъ Благостію Неизрѣченною. Розы сыплются съ вышины. Все пространство наполняется ангелами. Они принимаютъ къ себѣ безсмертную часть Фауста, и улетаютъ съ нею въ вышину. Мефистофель жалѣетъ о напрасномъ трудѣ своемъ.

Вся эта сцена исполнена красотъ невыразимыхъ. Читатель постепенно чувствуетъ ужасъ, когда приближается смерть Фауста, состраданіе, когда Мефистофель готовъ овладѣть душою закоренѣлаго грѣшника, и тихую радость, когда вдругъ раздается глаголъ утѣшенія. Монологи Мефистофеля въ этой сценѣ выражаютъ всю идею, какую человѣкъ можетъ составить себѣ объ искусителѣ, насмѣшливомъ и злобномъ. Послѣдняя сцена представляетъ чистую Католическую мистерію. Среди святыхъ анахоретовъ, являются ангелы съ душою Фауста;

Digitized by Google

разныя святыя лица поютъ милосердіе Всевышняго. Наконецъ является одна *Кающаяся, прежде называвшаяся Маргерита.* Она привѣтствуетъ искупленнаго и говоритъ: «Дозвольте мнѣ поучать его: онъ еще не можетъ переносить новаго свѣта!» Chorus mysticus заключаетъ драму, и Авторъ ставитъ послѣ него: Finis.

Можетъ быть, слабѣе всѣхъ другихъ дѣйствій представили мы это, послѣднее. Тому есть много причинъ, о которыхъ говорить здѣсь было-бы излишне.

(До слѣдующей книжки).

Digitized by Google

ОСАДА И ВЗЯТІЕ АКРЫ

Ибрагимомъ-Пашею, въ 1831 и 1832 гг.

(*Отрывокъ изъ Записокъ самовидца, Французскаго путешественника, Г-на Корнилл.*)

Сильное морское волненіе, во всю ночь, препятствовало намъ пристать къ Сирійскому берегу. Я не могъ уснуть; ходилъ по палубѣ нашего корабля и прислушивался къ однообразному шуму волнъ, отъ времени до времени прерываемому пушечными выстрѣлами, раздававшимися вдали, подъ крѣпостью. Въ темнотѣ невозможно было разсмотрѣть положенія крѣпости — этой знаменитой въ древности *Птолемаиды*; но бомбы, лопавшія въ воздухѣ и разсыпавшіяся огненными звѣздами, помогали мнѣ угадывать мѣсто оной и положеніе лагеря осаждающихъ.

На разсвѣтѣ, я могъ различать вдали лагерь Египетскій. Длинные караваны верблюдовъ тянулись въ него съ припасами. Я разсмотрѣлъ бастіоны самой крѣпости и верхи минаретовъ,

Digitized by Google

еще неразрушенные пушками осаждающихъ. Мы находились иногда въ двухъ миляхъ отъ Акры. Городъ Каиффа протягивался вдоль берега. Гора Кармель и холмы Ливанскіе ограничивали обзоръ.

Вчерашняя буря причинила здѣсь жестокія опустошенія. Гавань была усѣяна обломками; всюду видны были въ водѣ осколки мачтъ и остатки потонувшихъ кораблей. Грекъ, Капитанъ мой, съ ужасомъ указывалъ мнѣ на сіи плачевные остатки и хотѣлъ немедленно плыть въ открытое море. Я воспользовался его страхомъ, и предложилъ ему кончить условіе со мною. Между нами было положено, что я могу останавливаться вездѣ, гдѣ мнѣ угодно, и пробыть въ каждомъ мѣстѣ остановки сколько мнѣ заблагоразсудится. Охотно готовъ я былъ уничтожить наше условіе, если только безъ задержанія отпуститъ онъ меня на берегъ; негодяй согласился, и я возблагодарилъ Бога за избавленіе меня отъ этого полу-корсера, причинившаго мнѣ столько досадъ и убытковъ. Оканчивая навсегда сношенія мои съ Греками, отъ чистаго сердца сказалъ я имъ: прощайте на вѣки и дай Богъ никогда не встрѣчаться!

Наконецъ — я ступилъ моею ногою на эту *Азійскую землю*, исполненную древнѣйшихъ воспоминаній. Греція и Европа остались далеко за

Digitized by Google

мною. Съ тѣхъ поръ, какъ увидѣлъ я землю Перикловъ и Платоновъ, каждый день, казалось мнѣ, болѣе и болѣе раскрывались предо мною тайны Древности. Перенося теперь воспоминанія Спарты и Аѳинъ на берега Сирійскіе, я стремился вопрошать Древность о чудесахъ совсѣмъ другаго рода. Скоро увижу тѣ мѣста, гдѣ Религія Истины явилась міру въ торжествѣ крестномъ, гдѣ вѣра благости и прощенія врагамъ была засѣяна и возрасла подъ бурями гоненій. Далѣе, увижу Египетъ, источникъ вѣрованій древнѣйшаго Язычества. Бродя по берегамъ Нила, я вопрошу его о тайнахъ первобытныхъ временъ Востока; увижу чудеса древняго міра, на мѣстахъ, которыя можно назвать его колыбелью. По мѣрѣ приближенія къ симъ мѣстамъ первобытныхъ преданій человѣчества, кажется приближаешься ко храму Древности, сквозь тму вѣковъ, исчезающихъ передъ тобою...

Между тѣмъ явленія современной жизни должны были и еще часто будутъ привлекать къ себѣ мои внимательные взоры. Вліяніе Западныхъ обычаевъ коснулось въ новѣйшее время сихъ древнихъ областей и оставило на нихъ слѣды неизгладимые. Новая кора облекла этотъ дряхлый и ветхій пень Востока: легкая и прозрачная, она не могла скрыть собою его древ-

Digitized by Google

нихъ, волнистыхъ и твердыхъ слоевъ; но тѣмъ не менѣе, новая странная оболочка возбуждаетъ вниманіе странника, даже самою своею необыкновенностью. Можно-ли безъ участія разсматривать черты древней муміи, сквозь легкое покрывало, накинутое на нее новѣйшими временами?

Птолемаида дрожитъ отъ пушечныхъ выстрѣловъ; преемники *Сезостриса* сдвигаются вокругъ нея въ тѣсные полки и громятъ древнія стѣны сего города. Вся эта обновленная старость, вся эта обмазка дряхлости, представлялась мнѣ какимъ-то маскарадомъ народовъ, наканунѣ вѣковой масляницы.

И вотъ, мы ѣдемъ на мулахъ, среди хижинъ, разсѣянныхъ на песчаной долинѣ, взрытой ядрами и бомбами и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оттѣняемой уединенными пальмами. Вбродъ переѣхали мы черезъ небольшую рѣчку и прибыли къ передовымъ постамъ Египтянъ, охраняемымъ конницею. Въ это время ужасно усилился огонь съ крѣпости. Намъ надобно было пробираться трудною дорогою, подъ самыми крѣпостными выстрѣлами. Поворотивъ къ уклону одного холма, закрывшаго насъ отъ опасности, мы вступили въ самый станъ Ибрагима-Паши.

Digitized by Google

Тутъ увидѣли мы шатры Арабовъ, бѣлаго цвѣта, низенькіе, спѣсненные, разставленные въ три ряда. Засаленные, безобразные воины, странно одѣтые по новой военной системѣ Египтянъ, сидѣли вокругъ своихъ котловъ и варили свой *пилавъ*; другіе чистили оружіе; иные стояли на караулахъ. Начальники ходили отъ одной толпы къ другой и награждали палочными ударами небрежныхъ и лѣнивыхъ. Паши, Беи, Бимъ-Паши скакали повсюду, и невнимательно благодарили знаками за уваженіе, какое отдавали ихъ почетнымъ званіямъ цѣлые батальоны солдатъ, кланяясь въ землю. Верблюды тянулись длинными цѣпями, и пустынный крикъ и рыканіе ихъ раздавались повсюду. Муллы громогласно совершали свои обычныя молитвы, и бомбы лопались между нѣмъ надъ городомъ. Зрѣлище было необыкновенно: война Восточная; Турція и Европа вмѣстѣ; пустыни и горы; спокойствіе на лицахъ; движеніе, шумъ, смѣшеніе въ лагерѣ!

Я сошелъ съ своего мула подлѣ гостинницы, временно устроенной въ лагерномъ *базарѣ*. Въ ожиданіи, пока наступитъ часъ представленія нашего Ибрагиму, мы рѣшились обѣдать, и намъ подали Кипрскихъ сухарей, *кавьяра* (паюсной икры) и дикихъ жаворонковъ, которые питаются въ пустыняхъ мясомъ издохшихъ верблюдовъ.

Digitized by Google

Почти оканчивался нашъ воинскій пиръ, когда вблизи раздался пистолетный выстрѣлъ; пуля прожужжала мимо насъ, и подлѣ входа въ палатку упалъ и валялся въ смертныхъ судорогахъ Арабъ. Это былъ шпіонъ изъ города. Его замѣтили, когда онъ карабкался на крѣпостной бастіонъ, выстрѣлили въ него и попали ему въ ногу; несчастный имѣлъ еще силы бѣжать, но за нимъ гнались, и убили его въ виду нашемъ.

Множество Арабовъ собралось вокругъ его обезображеннаго трупа. Долго и молчаливо смотрѣли эти сыны пустынь на убитаго своего земляка, какъ будто думая: вотъ что и насъ ожидаетъ!— Меня тоже не могло обрадовать подобное зрѣлище, поразившее меня при первомъ вступленіи въ станъ Египетскій. За то, къ утѣшенію моему, сказали мнѣ, что въ 20-ти миляхъ отъ насъ, въ Назаретѣ и на Ливанѣ, открылась жестокая чума.— Она непремѣнно проберется въ лагерь— хладнокровно прибавляли къ этому разскащики— потому, что изъ горъ ежедневно привозятъ къ намъ товары и припасы.— Я подумалъ обо всемъ этомъ, и рѣшился поскорѣй взять мой пропускной фирманъ отъ Ибрагима и постараться немедленно уѣхать. Для этого спѣшилъ я, не теряя времени, къ жилищу Ибрагимову: это былъ пре-

Digitized by Google

лестный загородный кіоскъ, построенный Абдаллою, затворившимся теперь въ Акрѣ, и столь упорно защищавшимъ ввѣренный ему городъ. Ибрагимъ завладѣлъ кіоскомъ Абдаллы по праву сильнаго. Среди всѣхъ ужасовъ войны, кіоскъ сохранялъ еще свой праздничный видъ. Онъ находился подъ городскими выстрѣлами; но осажденные не стрѣляли въ него, чтобы потомъ не надѣлать своему повелителю излишнихъ убытковъ перестройкою разрушеннаго кіоска, когда осада, какъ они твердо надѣялись, въ скоромъ времени кончится для нихъ благополучно и Ибрагимъ принужденъ будетъ отступить безъ успѣха. Я не засталъ Ибрагима. Онъ осматривалъ свои баттареи, когда явился я въ его жилище. Ожидая возвращенія полководца Египетскаго, мы познакомились съ извѣстнымъ *Солиманомъ-Беемъ*, прежде бывшимъ Полковникомъ Наполеона, изгнаннымъ изъ отечества при Бурбонахъ, бѣжавшимъ въ Египетъ, гдѣ образовалъ онъ войско Вице-Короля Египетскаго на Европейскій манеръ, и самъ принялъ Мусульманскую вѣру. Солиманъ встрѣтилъ меня, окруженный писарями, адъютантами, инженерами и маленькими свинцовыми солдатиками, посредствомъ коихъ изъясняетъ онъ Ибрагиму, и другимъ, всѣ предполагаемыя имъ воинскія распоряженія, касательно осады и движенія войскъ.

Digitized by Google

Солиманъ-Бей извѣстенъ, какъ лихой солдатъ и большой весельчакъ. Пріемъ его, сдѣланный намъ, подтверждалъ это общее мнѣніе. Мы говорили съ нимъ о нашей общей родинѣ, о Греціи, о Турціи. По множеству вопросовъ, какіе предложилъ мнѣ Солиманъ, касательно замѣченнаго мною состоянія войскъ и флота Султанскаго, можно было предвидѣть, что предпріятія Египтянъ не ограничивались однимъ взятіемъ Акры.

Солиманъ увелъ меня въ сады кіоска. Загородный дворецъ этотъ долженствовалъ быть прелестенъ, когда не были еще вырублены пальмовыя и сикоморовыя рощи, его окружавшія. Абдалла устроилъ въ садахъ его павильоны, гроты, фонтаны, бассейны. Мнѣ весьма удобно было изъ этого полуопустошеннаго сада разсматривать Акру и видѣть весь планъ ея осады.

Акра знаменита въ Военной Исторіи по выдержаннымъ ею осадамъ. Крестоносцы и Наполеонъ бились нѣкогда подъ ея стѣнами. Ибрагимъ принялъ въ основаніе своихъ нападеній всѣ распоряженія, сдѣланныя въ подобномъ случаѣ Наполеономъ.

Въ нѣкоторомъ разстояніи, не болѣе какъ на ружейный выстрѣлъ отъ городскихъ стѣнъ, стояли предо мною и гремѣли Египетскія баш-

Digitized by Google

шареи. Крѣпостные валы, однообразною линіею примыкались двумя концами къ морю; посрединѣ ихъ возвышалась квадратная цитадель, и въ ней можно было разсмотрѣть куполъ мечети, у которой минареты сбиты были ядрами осаждающихъ. За городомъ высилась гора Кармель. Море было въ это время неподвижно; облака пыли по долинѣ означали рикошеты ядеръ, вылетавшихъ изъ крѣпостныхъ пушекъ.

Солиманъ указалъ мнѣ на ту часть стѣны, гдѣ предположено сдѣлать брешь, и когда я удивлялся, зачѣмъ такъ долго медлятъ этимъ важнымъ дѣломъ, онъ отвѣчалъ, что безъ приступа надѣялись убѣдить *буяна Абдаллу*, который однакожъ рѣшился лучше позволить взорвать на воздухъ весь городъ, нежели сдаться добровольно. Солиманъ бранилъ пашомъ Ибрагима за медлительность, утверждая, что давно надобно было зажечь подкопы, идти на приступъ и не жалѣть солдатъ для рѣшительнаго удара. «Въ настоящемъ положеніи дѣлъ,» продолжалъ онъ, «мы должны были ужаснуть Султана громовымъ ударомъ, и въ семъ случаѣ время для насъ гораздо дороже потери людей.» Разговоръ перешелъ къ другимъ предметамъ. «Не удивляетесь-ли вы, видя меня, своего соотечественника, ренегатомъ?» — сказалъ мнѣ Солиманъ. — Я не скрылъ моего удивленія. — «О! въ Парижѣ, когда вы станете объ этомъ раз-

Digitized by Google

сказывать, начнутъ кричать, ужасаться — да, такъ и должно быть: меня тамъ презираютъ, бранятъ, ругаютъ! Не спрашиваютъ, *что* заставило меня перемѣнить вѣру, а говорятъ только, что я, *Христіанинъ*, сдѣлался *Туркомъ*— Туркомъ! Что́ можетъ быть страшнѣе этого названія для Парижа, гдѣ женщины все; а Турки кажутся чудовищами, потому что женщины у нихъ ничто.» — Но неужели вы хотите оправдать подобное состояніе общества въ глазахъ Европейцевъ? — «Сохрани Боже! Я всегда былъ услужникомъ женщинъ, и до сихъ поръ не забылъ еще ловкихъ Парижскихъ *гризетокъ*. Да, ихъ шаловливость всегда нравилась мнѣ болѣе скучной чопорности нашихъ модныхъ дамъ. Впрочемъ — за что-же бранишь меня? Вездѣ можно быть добрымъ человѣкомъ. А обстоятельства? Я-ли въ нихъ виноватъ? Я начальствовалъ Мусульманами; оскорбленные повиновеніемъ *собакѣ* — такъ они называютъ Христіанъ, какъ мы въ свой чередъ называемъ Жидовъ — мои солдаты хотѣли снять съ себя такое безчестіе, и положили отправить меня на тотъ свѣтъ: въ меня выстрѣлили однажды, почти приставивъ дуло пистолета къ моей головѣ. Пуля пролетѣла однакожъ мимо, и я разрубилъ голову негодяю, который отваживался на мою жизнь. Но, не зная, могу-ли впредь надѣяться на подобную удачу, для вѣрнѣйшаго сохраненія

Digitized by Google

жизни, я сдѣлался Мусульманиномъ. Съ тѣхъ поръ Египтяне очень спокойно повинуются мнѣ. И что-же? Я все такой-же Христіанинъ, какимъ былъ и прежде. Вспомните, что я выросъ въ то время, когда, по приказу покойной Республики, во Франціи уничтожены были церкви, алтари и религія. Послѣ этого, за перемѣну какой-же вѣры упрекаютъ меня, когда ея не было ни у меня, ни во Франціи въ то время? Я принялъ другую вѣру, по желанію новаго моего отечества: мнѣ надлежало уважить обычаи здѣшней стороны. Правовѣрные солдаты мои были въ восторгѣ отъ моего ренегатства. Дураки! Они думали, что тотъ и Мусульманинъ, кто по ихъ обряду постится днемъ, шалитъ и объѣдается ночью и живетъ съ нѣсколькими женами (*)!»— Желая перемѣнить этотъ непріятный для меня разговоръ, ибо я не могъ быть убѣжденъ шутливыми рѣчами Солимана-Бея, обратился я къ осадѣ крѣпости. «Когда-же, думаете вы, кончится осада?» спросилъ я.— Кто ихъ знаетъ! Вотъ уже четвертый, или пятый мѣсяцъ кидаемъ мы бомбы, и едва еще успѣли

(*) Какъ историческую черту, показывающую характеръ Египетскаго преобразователя, мы сохранили здѣсь всѣ ложныя, превратныя и легкомысленныя сужденія Солимана-Бея, справедливо осуждаемыя Г-мъ Корнилемъ. *Пер.*

Digitized by Google

пообломать въ городѣ кое-что. Я хорошо исполняю свое дѣло: говорю, объясняю; они соглашаются съ моими совѣтами, а дѣлаютъ по своему. Турокъ всегда останется Туркомъ. Хотѣть подчинить этотъ народъ Европейской тактикѣ, все равно, что запретить волъ этой бомбѣ лопнуть на воздухѣ. Это значитъ хотѣть переродить совершенно людей и вещи. Но Паша ѣдетъ. Приходите сегодня вечеромъ; я представлю васъ Его Свѣтлости.

Возвращаясь въ гостинницу, на пути встрѣтилъ я владѣтеля горы Ливанской, *Эмира Бешира*, старика съ длинною сѣдою бородою; онъ передался на сторону Паши Египетскаго, возсталъ противъ Порты, и привелъ подъ Акру въ станъ Ибрагима 30,000 Друзовъ—обитателей горъ и пустынь Ливанскихъ. Ибрагимъ предварительно объявилъ уже его *Пашею Акрскимъ и Правителемъ всей Сиріи.*

Въ гостинницѣ нашли мы толпу Итальянцевъ, находящихся въ службѣ Египетскаго Паши. Сидя вокругъ большаго деревяннаго стола, они сильно шумѣли о политикѣ, стучали кулаками и стаканами. Наконецъ рѣчь дошла у нихъ до настоящаго ихъ положенія: долговременная осада надоѣдала имъ; жалованье плашили имъ худо; приближалась чума, и — что всего хуже—въ лагерѣ не было никакого

Digitized by Google

запаса вина. Они рѣшились наконецъ, съ горя, играшь, разсыпали на столъ деньги, вынули каршы. Мы ни во что не вмѣшивались, и послѣ жалобъ, споровъ и игры, искатели приключеній удалились изъ гостинницы. Кажется, этимъ господамъ всего болѣе хотѣлось на насъ вымѣстишь жалованье ихъ, задержанное Ибрагимомъ. За непріятную встрѣчу съ ними обрадовалъ насъ приходомъ своимъ нашъ любезный соотечественникъ, молодой Французъ, лекарь, добровольно вступившій въ службу Мугаммеда-Али. Онъ также не дружился съ Итальянцами, изъ которыхъ большая часть были изгнанники изъ отечества, прикрывшіе Египетскимъ мундиромъ свои прошедшія дѣла и безславіе, справедливо заслуженное ими въ отчизнѣ.

Узнавъ о цѣли нашего прибытія подъ Акру, новый знакомецъ нашъ, Г-нъ Лафонъ, полагалъ, что намъ придется прожить здѣсь нѣсколько дней, и ласково предложилъ намъ поселишься въ его медицинской палашкѣ. Товарищъ его, Г-нъ Ложье, урожденецъ Марсельскій, присоединилъ просьбы свои къ его просьбамъ, и мы помѣстились въ госпитальномъ отдѣленіи лагеря, въ самой срединѣ Египетскаго войска, по-брашски раздѣляя съ земляками кровъ, одръ и пилавъ. Такое бивачное

Digitized by Google

гостепріимство показывало собою что-то Рыцарское, Восточное, и ему обязанъ я пріятнѣйшими минутами изъ всего пребыванія моего подъ Акрою.

Вмѣстѣ съ новыми нашими хозяевами, отправились мы при наступленіи ночи въ кіоскъ Ибрагима. Мы застали его въ большой залѣ, съ Османомъ-Беемъ, главнымъ начальникомъ сухопутнаго и морскаго войска Египтянъ, послѣ Ибрагима-Паши, и съ Солиманомъ-Беемъ, который представилъ насъ Его Свѣтлости.

Ибрагимъ показался мнѣ человѣкомъ лѣтъ сорока пяти; видъ его не представляетъ ничего благороднаго; рѣдкая борода безпорядочно покрываетъ его некрасивый подбородокъ; глаза его дико сверкаютъ изъ подъ густыхъ бровей, и вся наружность Ибрагима соотвѣтствуетъ молвѣ о свирѣпомъ характерѣ этого палача несчастной Греціи. Старый рединготъ, каштановаго цвѣта, похожій на полукафтанье Католическаго священника, закрывалъ его широкую грудь и часть коротшихъ ногъ его, спущенныхъ съ кресель, ибо — замѣтьте: Его Свѣтлость сидѣлъ въ креслахъ, изъ которыхъ, какъ по всему видно, ему очень хочется со временемъ сдѣлать себѣ независимый тронъ.

Легкимъ наклоненіемъ головы отвѣчалъ Ибрагимъ на мой почтительный поклонъ, и ука-

Digitized by Google

залъ мнѣ на другія кресла, гдѣ долженъ былъ я сѣсть. Принесли кофе; трубокъ не подавали: Ибрагимъ не куритъ табаку. Солиманъ-Бей взялся быть моимъ драгоманомъ. Послѣ первыхъ привѣтствій, Ибрагимъ сдѣлалъ мнѣ тотъ-же самый вопросъ, какой слышалъ я въ Царьградѣ, представляясь тамошнему Сераскиру: «Скоро-ли Франція ваша начнетъ войну?» — Не знаю. — «Для войны надобны деньги.» — У насъ есть деньги, и если-бы дошло до войны, то кто откажется отдать послѣднее для защиты отечества.— «Вы все еще въ союзѣ съ Англіею?» — До сихъ поръ. — «Да, Франція и Англія два сильныя государства.» Ибрагимъ засмѣялся коварно, и вдругъ важно спросилъ меня. «Велико-ли у васъ войско?» — Если считать національную гвардію, два милліона.—Онъ задумался, наклонилъ голову, выставилъ впередъ нижнюю губу, и тихо началъ свистать. Это можно было истолковать такъ, какъ мнѣ кажется: «*Два милліона!* Хорошо; я много сдѣлалъ-бы и съ половиною этого числа»! — «Что дѣлаетъ вашъ Король?» — Исполняетъ свои обязанности. — «Развѣ у него есть *обязанности?*» — Какъ у всякаго изъ его подданныхъ; законы равно существуютъ и для него. — «*Machina, machina, machina!*» сказалъ Ибрагимъ по-Итальянски, и засмѣялся. — «Успокоилось-ли теперь у васъ?» — На-

Digitized by Google

добно не мало времени, чтобы совершенно успокоиться послѣ всѣхъ переворотовъ, бывшихъ во Франціи въ послѣднее время. — «*Liberté, inflammation!*» Ибрагимъ сказалъ эти два слова по-Французски. Во всѣхъ рѣчахъ и движеніяхъ Ибрагима, я замѣчалъ что-то насмѣшливое, и въ тоже время принужденное; мнѣ казалось, что онъ долго думалъ, проговоривъ что нибудь. Въ одинъ изъ этихъ промежутковъ молчанія, Солиманъ-Бей спросилъ по-Французски у Османа-Бея: что̀ думаетъ онъ объ его драгоманствѣ? Османъ, стоявшій до того времени неподвижно передъ своимъ повелителемъ, легонько оборотилъ голову, и отвѣчалъ, что Солиманъ переводитъ прекрасно. Я понялъ, что многіе изъ присутствовавшихъ могли разумѣть наши разговоры, и Солиманъ искусно хотѣлъ меня увѣдомить объ этомъ. Ибрагимъ опять началъ свои вопросы. «Вы пріѣхали къ намъ изъ Греціи; что̀ дѣлаютъ тамъ?»— Ничего важнаго.— «*Liberté!* Греки не казались такъ глупы, когда были подъ Турецкимъ правленіемъ.»—Да, палка убѣдительнѣе словъ.—«Въ Египтѣ нѣтъ палокъ!»—Онъ солгалъ, но я важно отвѣчалъ ему: неужели вы полагаете, что въ Европѣ не знаютъ различія между *Турецкимъ* и *Египетскимъ* правленіемъ? Всѣ видятъ разницу, и увѣрены, что она день отъ дня будетъ увеличиваться.— Ибрагимъ ничего не от-

Digitized by Google

вѣчалъ, и пристально посмотрѣлъ на меня. — Мы въ Европѣ увѣрены въ этомъ— продолжалъ я. Улыбка кровавая пробѣжала по толстымъ губамъ Ибрагима. Онъ задавалъ мнѣ потомъ множество вопросовъ, о состояніи Турціи, Янычарахъ, Улемахъ, пожарѣ въ Перакомъ предмѣстіи, наконецъ вообще о военномъ и гражданскомъ состояніи Турціи и новыхъ военныхъ усовершенствованіяхъ Султана, котораго съ усмѣшкою назвалъ онъ *il piccolo signore* (господчикомъ), долго смѣявшись послѣ этой шутки. «Махмутовы солдаты носятъ-ли ваши Европейскія шляпы?» —Нѣтъ. — «И мои тоже; они любятъ свои красные калпаки.»—Не смотря на то, у васъ превосходное войско. Я видѣлъ маневры вашего гвардейскаго полка, и удивлялся имъ. — «Это выборное войско изъ придцати тысячъ. Они просятся первые идти на приступъ. Весь успѣхъ будетъ зависѣть отъ того, кто пойдетъ впередъ, и отъ первыхъ пятнадцати минутъ. Приступъ для насъ новое дѣло. Если моя Гвардія хорошо удержится—мы побѣдимъ легко; если дѣло выйдетъ иначе—надобенъ будетъ еще приступъ; мои Арабы струсятъ. Этотъ *дели Абдалла* (дуракъ Абдалла)!... Если-бы онъ сдался, я пощадилъ-бы его; рано или поздно, надобно будетъ сдаться... *Дели*, *дели* (дуракъ, дуракъ).»— Славно будетъ для Вашей Свѣтлости покорить такой

Digitized by Google

городъ, который устоялъ противъ Бонапарте.— «О! Бонапарте дрался не съ такими защитниками. Въ городѣ были тогда Англійскіе артиллеристы и 18,000 славнаго войска; у Французовъ была только полевая артиллерія. И при всемъ этомъ они семь разъ ходили на приступъ! Славно дрались они! Если-бы не испугали ихъ ложнымъ извѣстіемъ, они взяли-бы городъ. Да, что говорятъ у васъ теперь о Бонапарте?» — При отъѣздѣ моемъ, думали о томъ, чтобы перенести гробъ его съ острова Св. Елены, и похоронить подъ колонною, которую онъ воздвигнулъ себѣ въ Парижѣ. — «И справедливо: всякому свое. Что-же: сдѣлали-ль это?»—Нѣтъ. — «Почему-же *нѣтъ*?» — Противники Бонапартовыхъ приверженцевъ превозмогли. — «Неужели у васъ боятся костей его?»—Тутъ вошелъ какой-то офицеръ Египетскій, и представилъ Ибрагиму бумагу. Онъ угрюмо взялъ ее, прочиталъ, отдалъ обратно, и молча сдѣлалъ рукою горизонтальное движеніе: это значило—смертный приговоръ...

Тогда я объяснилъ Ибрагиму причину моего прибытія, сказавъ, что я принужденъ былъ пріѣхать въ лагерь его, чтобы просить у него свободнаго пропуска черезъ горы въ Іерусалимъ, и если можно, то благоволилъ-бы онъ снабдить меня этимъ пропускомъ безъ замедле-

Digitized by Google

нія. «Вы не хотите дождаться взятія города?» — Признаюсь: время намъ дорого. — «О! это мигомъ сдѣлается. Какъ можно отказаться отъ присутствія при такомъ любопытномъ дѣлѣ? Вѣдь вы ѣздите для изученія нравовъ и обычаевъ разныхъ земель? Приступъ займетъ васъ. Это любопытно!»— Я боюсь ~~наступленія~~ жаровъ; мнѣ хотѣлось успѣть еще побывать прежде этого въ Іерусалимѣ и въ Египтѣ. — «Останьтесь только на приступъ; увѣряю васъ, что это будетъ очень любопытно. *Вы не можете отказать мнѣ въ этомъ.*» — Должно было согласиться, что онъ говорилъ правду; я замолчалъ, и всталъ съ своихъ креселъ, съ поклономъ. Ибрагимъ сказалъ мнѣ тогда, что чрезвычайно доволенъ моимъ посѣщеніемъ.—Мнѣ должно было благодарить васъ—отвѣчалъ я. — Такихъ обыкновенныхъ путешественниковъ, какъ мы, Ваша Свѣтлость видите всегда; но многимъ-ли путешественникамъ удается видѣть людей, подобныхъ Вашей Свѣтлости. — Ибрагимъ принялъ это за привѣтствіе, и наклонилъ голову съ такою комическою скромностію, что я едва не засмѣялся.

Лардони, Докторъ Ибрагима, еще до свиданія нашего съ нимъ, неоднократно уговаривалъ насъ не настоять въ требованіи пропускныхъ видовъ. Наши усы и плащи съ крас-

Digitized by Google

ными воротниками возродили множество подозрѣній. Одни считали насъ образчиками новой военной одежды; другіе бѣглецами Іюльской революціи, искателями приключеній, нарочно пріѣхавшими изъ Франціи въ Царьградъ, изъ Царьграда подъ Акру, для удобнѣйшаго шпіонства. Лардони увѣрялъ насъ, что если мы усильно выпросимъ себѣ позволеніе ѣхать, насъ успѣютъ запутать въ горахъ въ какую нибудь непріятную исторію, при чемъ навѣрное мы останемся не въ выигрышѣ. И такъ, приглашеніе насъ на любопытное зрѣлище приступа было просто повелѣніе остаться? Мы были военными плѣнниками, осаждающими и осажденными въ одно время, подъ милостивымъ покровительствомъ Его Свѣтлости! Нечего было дѣлать: надлежало по неволѣ закочевать въ таборѣ Египетскомъ.

Разговоры Ибрагима не всегда бываютъ такъ угрюмы и отрывисты, какъ разговоръ его съ нами. Иногда Ибрагимъ показываетъ остроуміе и ловкость въ рѣчахъ. Изъ множества анекдотовъ о немъ, разскажу одинъ достовѣрный. Когда Ибрагимъ посѣтилъ Адмиральскій корабль подъ Навариномъ, Французскій офицеръ спросилъ у него: присутствовалъ-ли онъ лично гдѣ нибудь на войнѣ, кромѣ Греціи? — «Я дрался въ Сеннаарѣ и въ Меккѣ,» отвѣчалъ

Digitized by Google

Ибрагимъ. «А вы сами, кромѣ Греціи, бывали-ль гдѣ нибудь?»—Я былъ въ Испанскомъ походѣ, подъ Трокадеро.—«То есть, шамъ отнимали вы то, что теперь даете Грекамъ. Но знаете-ли, что и шамъ и здѣсь вы равно проиграли?»—Ибрагимъ храбръ, какъ Турокъ старинныхъ временъ. Двадцать разъ въ день бываетъ онъ на своихъ баштареяхъ, и смѣло ходитъ на битвы въ головѣ своихъ колоннъ. Кажется, что кровь, пожаръ, смертные стоны веселятъ его. Онъ любитъ старые Турецкіе обычаи, и неохотно соглашается на нововведенія своего отца, который впрочемъ не родной отецъ его, какъ обыкновенно думаютъ. Мугаммедъ-Али женился на вдовѣ своего брата, и усыновилъ ея дитя, своего племянника: этотъ племянникъ есть *Ибрагимъ*. Слѣпо повинуясь старику, усыновившему его, Ибрагимъ служитъ Мугаммеду-Али усердно во всемъ; но собственно онъ врагъ всякой Европейской образованности. Иностранные обычаи кажутся ему нагостью и униженіемъ. Только изъ почтенія къ отцу, терпитъ онъ Европейцевъ въ своемъ войскѣ. Самый Солиманъ-Бей не принадлежитъ къ числу его любимцевъ, и нѣтъ сомнѣнія, что съ смертію Мугаммеда-Али Египетъ упадетъ въ прежнее варварство, изъ котораго кажется онъ вышедшимъ, если только какія нибудь

Digitized by Google

неожиданныя событія не перемѣнятъ порядка наслѣдства послѣ нынѣшняго Вице-Короля.

Терпѣливо ждалъ я рѣшенія Ибрагимова на приступъ къ городу. Наконецъ подкопы были зажжены, взрывомъ разрушило контръ-эскарпъ и засыпало крѣпостной ровъ. Оставалось пробить брешъ въ стѣнѣ; артиллерія начала дѣйствовать и очищала дорогу въ городъ Египетскимъ войскамъ.

Наканунѣ дня, назначеннаго для приступа, я ходилъ по лагерю. Всюду видна была самая живая радость. Солдаты толпились около своихъ начальниковъ, которые, сидя на скамейкахъ, исчисляли имъ всѣ выгоды, долженствующія слѣдовать за побѣдою. «Городъ не въ состояніи больше держаться,» говорили они солдатамъ. «Голодъ ослабилъ силы осажденныхъ. Уже нѣсколько разъ просили они помилованія у нашего полководца.»—Это была наглая ложь, но кто осмѣлился-бы ее оспоривать?— «Нашъ полководецъ отвергалъ всѣ ихъ просьбы, для того, чтобы страшнымъ наказаніемъ Акры показать примѣръ другимъ городамъ Сиріи. Безчисленныя сокровища накоплены въ городѣ и въ казнѣ Абдаллы. Жены его ходятъ въ золотѣ и въ алмазахъ. Арсеналъ его наполненъ драгоцѣннымъ оружіемъ, и — все это отдадутъ въ

Digitized by Google

добычу побѣдителямъ! Стоитъ только войдти въ городъ, и каждый изъ васъ сдѣлается послѣ того богатъ на всю жизнь—только войдти туда надобно! Разумѣется, будутъ драться съ нами; но это вздоръ: намъ суждено побѣдить, а за храбрость наградятъ насъ слава, богатство, благословеніе Пророка, раздраженнаго этимъ окаяннымъ городомъ, который осмѣлился противостать воинству Ибрагима, Паши Меккскаго и представителя Великаго Пророка Мугаммеда!» Кликами шумной радости отвѣчали солдаты на всѣ такія рѣчи; потомъ запѣвали они пѣсни, и шли къ своимъ шатрамъ, думая только о завтрашнемъ днѣ. Восторгъ былъ всеобщій; даже конница просила позволенія идти на приступъ.

Слушая все, что говорили въ лагерѣ, самъ я убѣдился наконецъ въ томъ, что Акра готова была просить пощады. Съ своей стороны я также ожидалъ разныхъ выгодъ отъ взятія города: во-первыхъ, отпуска своего; потомъ разсчитывалъ я: могу-ли отложить нѣсколько піастровъ для покупки хорошей сабли, Арабской лошади, или шалей Абдаллы, когда все это выставится на продажу въ лагерномъ базарѣ, и будетъ продаваться, вѣроятно, за бездѣлицу? Какъ ошибаются люди!

Digitized by Google

Вечеромъ, нетерпѣніе войска дошло до высочайшей степени. Арабы толпами бѣгали по лагерю, кричали, собирались въ кружки подлѣ шатровъ, прыгали, плясали и дико пѣли свои пустынныя пѣсни. Съ трудомъ уговорили ихъ удѣлить нѣсколько часовъ на успокоеніе. Наконецъ, глубокая тишина воцарилась повсюду.

Огонь артиллеріи прекратился съ обѣихъ сторонъ. Обширный брешъ пробитъ былъ въ стѣнѣ. Ночное небо усѣялось звѣздами, и, казалось, земля и небеса согласились утихнуть и успокоиться. Это было всеобщее перемиріе стихій и людей.

Въ полночь, Египетское войско совсѣмъ приготовилось. Тихо, безъ малѣйшаго шума, подходило оно къ баштареямъ; безмолвные ряды воиновъ Ибрагима казались издали длиннымъ, волнистымъ змѣемъ, залегавшимъ за пушками. Постепенно шли и исчезали рядъ за рядомъ всѣ войска, располагаясь позади холма, скрывавшаго отъ взоровъ нашихъ крѣпостныя укрѣпленія.

Солиманъ-Бей отправился туда-же, простившись съ нами мимоходомъ, и обѣщавъ весело поздороваться, если успѣетъ возвратиться

Digitized by Google

живой. Было очень холодно (*). Мы согрѣвались около бутылки рому, однакожь дрожали въ ожиданіи, наблюдая все происходившее, неподвижно и въ молчаніи, какъ будто женщины, когда ждутъ онѣ страшнаго фантасмагорическаго привидѣнія. Весь этотъ порядокъ, точность въ исполненіи приказаній, таинственность, тишина, были для насъ изумительны. Между тѣмъ звѣзды потухали— свѣтало. Пора было начинать дѣло. Намъ ежеминутно казалось, что Египтяне бросятся въ городъ, захватятъ его, не давши опомниться Абдаллѣ, и только пожаръ подастъ намъ извѣстіе о побѣдѣ.

Какъ-же изумлены мы были страшнымъ шумомъ музыки, трубъ, барабановъ и грохотомъ пушечныхъ выстрѣловъ! Къ этому присоединился пронзительный и продолжительный вопль солдатъ Египетскихъ; бомбы полетѣли въ городъ; огонь пушекъ, мортиръ и взрывъ бомбъ освѣтили въ темнотѣ городскія стѣны и полки осаждающихъ.

Тактика Турецкихъ приступовъ казалась мнѣ

(*) Приступъ, который описываетъ здѣсь Г-нъ Корниль, происходилъ 27-го Ноября (ст. ст.) 1831 года. *Пер.*

Digitized by Google

послѣ этого вовсе непостижимою. Идти ночью, тихонько, удерживать самое дыханіе, трепетать малѣйшаго шума, который показалъ-бы непріятелю движеніе войскъ; и когда остается только броситься въ брешь и овладѣть спящимъ городомъ, въ это время ударить набатъ, разбудить непріятеля бомбами и ядрами, и кричать ему во все горло: «*Вставай; готовь оружіе; мы здѣсь— бейся съ нами!*» Таковы были клики Ибрагимовыхъ солдатъ.

Густое облако дыма покрыло въ одно мгновеніе городъ и осаждающихъ. Солнце всходило изъ за-горы Кармеля, но надъ Акрою, казалось, сгустилась ночь въ облакахъ пыли и дыма. Въ самой срединѣ ея сверкалъ ужасный огонь во всѣхъ направленіяхъ, пересѣкаясь высоко въ воздухѣ: эту средину битвы составлялъ брешь, пробитый въ стѣнѣ артиллеріею Египтянъ.

Мы отправились на холмъ, о которомъ я уже упоминалъ прежде. Тамъ стоялъ самъ Ибрагимъ, съ своимъ Штабомъ, и быстро оборачивалъ лорнетъ свой во всѣ стороны, гдѣ только можно было разсмотрѣть что нибудь въ облакахъ дыма. Забывая о нашемъ присутствіи, онъ кричалъ, топалъ ногами, махалъ руками, рвалъ себѣ бороду отъ бѣшенства и нетерпѣнія. Наконецъ — не въ состояніи онъ былъ оставаться праздникъ зрителемъ битвы, вско-

Digitized by Google

чилъ на лошадь и бросился въ самый пылъ сраженія.

Мы не оставляли холма, и видѣли, что брешъ не переставалъ быть единственнымъ мѣстомъ упорной драки. Огонь не двигался ни назадъ, ни впередъ, и замѣтно было, что осажденные не уступаютъ Египтянамъ ни одного шага. Такое неожиданное упорство изумляло насъ. Между тѣмъ раненые появлялись со всѣхъ сторонъ. Мои хозяева оставили меня и спѣшили въ госпиталь, а я тихо поплелся къ нашему общему жилищу, искренно сожалѣя объ участи воиновъ Ибрагима, которые рѣзались и увѣчились, сами не зная за что. Я сожалѣлъ также и объ участи осажденныхъ; бѣдственное упорство ихъ лишало меня дешевой покупки сабель, лошадей и шалей; но, рано или поздно, дѣло должно было кончиться взятіемъ города и погибелью ихъ. Впрочемъ, и не предаваясь размышленіямъ объ участи человѣческой, надобно было поскорѣе оставить холмъ, съ котораго мы наблюдали приступъ: крѣпостныя ядра начали долетать туда, при усиленной пальбѣ, и легко могли они отправить въ Арабскій госпиталь самыхъ мирныхъ и кротчайшихъ наблюдателей приступа, безъ рукъ или безъ ногъ.

Три часа продолжалось дѣло. Съ обѣихъ сторонъ не видно было ни успѣха, ни малѣйшей

Digitized by Google

уступки. Въ одно время показалось намъ, что мѣсто битвы перемѣнилось и перешло далѣе въ городъ; мы полагали, что храбрые солдаты Абдаллы уступили наконецъ свирѣпости и многочисленности осаждающихъ, и оставили брешь. Но вскорѣ битва опять подвинулась къ этому мѣсту, хотя въ то-же время дрались и въ другихъ сторонахъ. Наконецъ, все вдругъ остановилось и утихло; дымъ разнесло вѣтромъ; всюду наступило глубокое безмолвіе.

Трудно было вообразить, чтобы войско Ибрагима было отбито Абдаллою. Ничто не показывало однакожь и того, чтобы Ибрагимъ овладѣлъ городомъ. Не зная, какъ рѣшить сомнѣніе, мы всѣ полагали, что второе было достовѣрнѣе, и, можетъ быть, таковъ обычай Мусульманъ, что побѣду торжествуютъ они угрюмымъ молчаніемъ, какъ приступъ означаютъ крикомъ и шумомъ.

Въ нерѣшительности, отправился я въ военный госпиталь. Въ этомъ обширномъ сараѣ, взорамъ моимъ представилось нѣсколько сотъ несчастныхъ, изувѣченныхъ солдатъ Ибрагима. Они лежали на землѣ, почти нагіе. Стоны и пронзительные крики раздавались со всѣхъ сторонъ, и показывали собою въ тѣснотѣ мѣста, гдѣ производились хирургическія операціи. Отрѣзанныя руки и ноги разбросаны были повсю-

Digitized by Google

ду, и между ними можно было замѣтить множество огромныхъ свертковъ чего-то, закутанныхъ въ шерстяные саваны: это были трупы умершихъ въ госпиталѣ, приготовленные къ погребенію. . .

Бѣдные люди! Что сдѣлалось съ вашими надеждами, съ вашею радостью, которую такъ неистово изъявляли вы вчера! Поражаемые пушками и саблями осажденныхъ, воины Египта и Ливана падали цѣлыми рядами, и толпами ползли и шли они потомъ смѣнять другъ друга на одрѣ страданій и смерти. Они лишены были даже отрады побѣдить, и съ горестными воплями разсказывали, что крѣпость выдержала всѣ ихъ тщетныя усилія. Осажденные были на нѣсколько мгновеній отбиты отъ бреша, и уступили— но это оказалось безполезнымъ, временнымъ торжествомъ; съ новою силою бросились воины Абдаллы на Арабовъ, ворвавшихся въ городъ, и перерѣзали ихъ.

Всѣ полагали, что Ибрагимъ готовится на новый приступъ. Казалось невозможнымъ оставить кровавое поле битвы, не употребивъ новыхъ усилій для отмщенія за первое безполезное дѣло. Но ничего этого не было. Въ теченіе трехъ, послѣдовавшихъ за приступомъ дней, мы не услышали даже ни одного ружейнаго выстрѣла. Осажденные воспользовались этимъ не-

Digitized by Google

ожиданнымъ перемиріемъ: снова очистили и прорыли они городскіе рвы, возобновили укрѣпленія, и черезъ то сдѣлали безполезнымъ второй приступъ, на который, спустя долгое время потомъ, рѣшился Ибрагимъ (*). Защита Акры сдѣлала-бы честь лучшему Европейскому генералу: *три тысячи* человѣкъ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, выдержали всѣ усилія *тридцатитысячнаго* войска, подкрѣпляемаго сильною осадною артиллеріею и толпами Ливанскихъ Друзовъ.

Госпитали безпрерывно болѣе и болѣе наполнялись ранеными. Бѣдные изувѣченные Арабы худо переносили операціи хирурговъ. Умы ихъ были поражены, Богъ знаетъ какими-то ужасающими видѣніями, которыя повсюду представляли имъ одно— *смерть!* Обманутые надеждою на удачный приступъ, они выискивали причины безуспѣшности своихъ отчаянныхъ усилій въ чемъ нибудь сверхъестественномъ. «Мы видѣли,» говорили они, «на стѣнахъ этой проклятой крѣпости, людей съ верблюжьими ногами, которыми шагали они вдругъ по десяти шаговъ; мы видѣли еще какихъ-то женщинъ, съ огненными глазами, съ страшными *ятаганами*

(*) Февраля 17-го 1832 года.

Digitized by Google

въ рукахъ, и однимъ ударомъ этихъ ятагановъ онѣ повергали цѣлые наши ряды.» Другіе говорили, что среди битвы явно кто-то шепталъ имъ о смерти, и пока старались они разгадать этотъ невнятный шопотъ, непріятель повергалъ ихъ изувѣченными среди труповъ и въ потокахъ крови.

Многіе изъ раненыхъ были изуродованы ужаснымъ образомъ. Это доказывало жестокость битвы, въ какой они находились. У одного Араба пистолетная пуля ударила въ правый глазъ, разбила небо во рту, раздробила нижнюю челюсть, лѣвое плечо, и вылетѣла въ ребра. Несчастный задыхался; смертное хрипѣніе было въ немъ единственнымъ признакомъ жизни, и вскорѣ кончилось съ его несмертными страданіями.

Но въ лагерѣ вообще все казалось спокойнымъ по наружности; только все облеклось въ глубокую тишину и неподвижность. Солдаты скрывались въ своихъ шатрахъ; даже карауловъ не было видно, и въ цѣломъ лагерѣ не слышно было ни одного голоса человѣческаго. Это безмолвіе, это уныніе, представляли воображенію шатры Египтянъ какими-то гробами, и весь лагерь показался-бы наблюдателю обширнымъ кладбищемъ, если-бы ряды верблюдовъ, безпрерывно движущіеся, не показывали собою призна-

Digitized by Google

ковъ жизни. Во всемъ этомъ являлось намъ что-то Восточное, напоминавшее Библейскія повѣствованія о томъ, какъ Ангелъ Господень въ одну ночь истребилъ многочисленныя полчища Ассиріянъ...

Утомленный всѣмъ, что видѣлъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, я рѣшился убѣдительно просить Солимана-Бея ходатайствовать о выдачѣ мнѣ пропуска въ Іерусалимъ. Онъ обѣщалъ; но совѣтовалъ еще немного повременить. Теперь подобное требованіе было-бы даже опасно: Его Свѣтлость заперся въ своемъ кіоскѣ, и одинъ, не допуская къ себѣ никого, предавался всѣмъ порывамъ безполезнаго гнѣва и безсильной ярости. Страшно было приблизиться къ разъяренному тигру. Солиманъ-Бей страшился сдѣлаться жертвою его бѣшенаго свирѣпства.

Наше общество у Г-на Лафона вскорѣ умножилось еще двумя путешественниками, которые предполагали проѣхать прямо черезъ Ливанскія горы, но принуждены были свернуть въ лагерь Ибрагима для полученія пропускныхъ видовъ. Одинъ изъ сихъ путешественниковъ, Г-нъ Вудъ, молодой Англичанинъ, познакомился со мною еще въ Царьградѣ; другой былъ Г-нъ С***, полстый Американецъ, уговорившійся вмѣстѣ съ Г-мъ Вудомъ ѣхать въ Іерусалимъ и Египетъ. Мы условились отправиться всѣ

Digitized by Google

вмѣстѣ. Нашъ Американецъ имѣлъ рекомендательныя письма къ Ибрагиму. Это доставило намъ желанные фирманы, и мы спѣшили удалиться отъ позорища кровавой распри между упорствомъ Турковъ и дикою смѣлостью Египтянъ.

Поспѣшно осмотрѣли мы достопамятности *Яффы*, города болѣе всего славнаго воспоминаніемъ о Ричардѣ Львиномъ Сердцѣ и Святомъ Людовикѣ. . . .

Уже все готово было къ отъѣзду нашему изъ Александріи, когда Мугаммедъ-Али получилъ столь давно ожидаемое извѣстіе о *взятіи Акры*. Послѣ осады, продолжавшейся почти девять мѣсяцевъ, Ибрагимъ имѣлъ наконецъ удовольствіе— вступить побѣдителемъ въ этотъ несчастный городъ (*). Пушечные выстрѣлы съ Александрійской крѣпости возвѣстили жителямъ Египта радостную вѣсть о привезеніи въ Александрію Абдаллы, мужественнаго защитника Акры. Медленность воинскихъ успѣховъ въ Сиріи тревожила умы всѣхъ подданныхъ Мугам-

---

(*) Акра была осаждена рѣшительно въ Октябрѣ 1831 г., а сдалась въ концѣ Мая 1832.

Digitized by Google

меда-Али, и тѣмъ живѣе была общая ихъ радость. Каждый предвидѣлъ, что паденіе Акры повлечетъ за собою важныя слѣдствія.

Абдалла отчаянно защищался, до самой послѣдней крайности. Потерявъ всю надежду быть освобожденнымъ отъ осады пособіемъ войска, какое послано было на помощь къ нему изъ Царяграда, запертой въ послѣднемъ укрѣпленіи города, онъ принужденъ былъ наконецъ внять голосу Ибрагима, предоставлявшаго ему свободный выходъ, и полную волю: отправиться куда угодно, въ *Царьградъ* или въ *Александрію*. Увѣренный, что не смотря на геройскій подвигъ свой, не миновать ему петли при появленіи въ Царьградѣ, Абдалла рѣшился, послѣ сдачи крѣпости, ѣхать въ Египетъ и отдаться Мугаммеду-Али.

Странное противорѣчіе въ поступкахъ и характерѣ Восточныхъ жителей! Абдалла, столь мужественно подвергавшійся безпрерывной гибели, показавшій изумительные примѣры твердости духа, явился въ Египетъ униженнымъ рабомъ. Когда къ кораблю, на которомъ прибылъ онъ къ Египетскимъ берегамъ, приплыла *каика* Мугаммеда-Али, и его приглашали сойдти въ нее, Абдалла затрепеталъ, умолялъ о пощадѣ, и просилъ не совершать надъ нимъ смертнаго приговора, пока онъ не попроситъ себѣ

Digitized by Google

помилованія отъ великаго повелителя Египта и Сиріи.

Введенный въ залу Дивана, Абдалла сталъ на колѣни и до земли преклонилъ голову у ногъ Мугаммеда. Старый Паша спѣшилъ увѣрить униженнаго своего плѣнника въ безопасности; сказалъ, что видитъ въ немъ храбраго Мусульманина, исполнявшаго свою обязанность, и не считаетъ его врагомъ своимъ послѣ побѣды. Тутъ же назвалъ онъ Абдаллу сыномъ своимъ; возвратилъ ему всѣхъ его женъ; обѣщалъ подарить домъ въ Каирѣ, и притомъ ежегодно выдавать ему по 200 тысячь франковъ на прожитіе. Съ радостію вышелъ послѣ сего Абдалла изъ Дивана. Ему подвели лошадь Мугаммеда-Али, и препроводили его въ ближній кіоскъ дворца, приготовленный для его пребыванія.

Вечеромъ, въ части города обитаемой Франками, были фейерверки и освѣщеніе. Европейцы радовались торжеству Мугаммеда-Али, какъ будто взятіе Акры рѣшало дѣла на Востокѣ въ пользу Европы. Хладнокровно смотрѣли при томъ всѣ на ужасное зрѣлище, нисколько не мѣшавшее другимъ радоваться:

Стража Мугаммеда-Али, тихо, въ молчаніи, шла сквозь толпы народа, и влекла за собою какого-то связаннаго, печальнаго Араба. Не-

Digitized by Google

подалеку отъ части города, занимаемой Европейцами, врыты были на площади два огромные столба, на которыхъ утверждена была перекладина, образуя собою огромныя врата смерти. Араба посадили подъ этою висѣлицею, закинули ему петлю на шею, и тихо, молчаливо, со всею Мусульманскою важностью, подняли его на воздухъ, за концы веревки. Когда несчастный терзался уже смертными судорогами, исполнители правосудія вдругъ спустили его на землю. Многіе подумали, что Паша Египетскій изрекъ пощаду преступнику— напрасно: веревку затянули снова и Арабъ былъ повѣшенъ окончательно. Отсрочка казни его произошла отъ небрежности исполнителей: они забыли приколоть на груди осужденнаго приговоръ, объяснявшій вину его.

Ужасное зрѣлище! и его надобно было разсказать вамъ съ возможнымъ хладнокровіемъ, потому, что оно происходило въ молчаніи, медленно, важно, и притомъ никто изъ зрителей не изъявилъ ни малѣйшаго соболѣзнованія! Исполнители казни осматривали повѣшеннаго; разсуждали, что отъ тяжести тѣла можетъ оборваться веревка, и потому необходимо подставить ему подъ ноги какую нибудь доску. Многіе изъ зрителей разсуждали съ ними объ этомъ. А между тѣмъ площадь кипѣла наро-

Digitized by Google

домъ, которому раздавали описанія осады Акры и Итальянскіе сонеты, въ коихъ торжественно воспѣвали какіе-то Европейскіе бродящіе поэты славу и торжество побѣдителей. На площадь прикатили потомъ множество смоляныхъ бочекъ и зажгли ихъ. Народъ пѣлъ, плясалъ, любовался борьбою фигляровъ, нарочно для него выставленныхъ, и долго длилось все это веселіе, пока толпы народныя удалились и разсѣялись. Отъ блеска потухавшихъ огней, длинною тѣнью отразились тогда на протяженіи опустѣлой площади висѣлица и трупъ повѣшеннаго, пока все не слилось въ глубокой темнотѣ ночи. Этотъ несчастный Арабъ не былъ однакожъ обыкновенный преступникъ: онъ убилъ своего отца, свою мать и трехъ родныхъ сестеръ. Осужденный на смерть, успѣлъ онъ убѣжать и скрыться въ Акрѣ. При взятіи сего города, такъ ужаснулся онъ, что снова бѣжалъ, и пришелъ прямо въ Египетъ; здѣсь узнали его и повѣсили.

На другой день услышали мы, что военный Египетскій бригъ назначенъ къ отплытію во Францію. Мугаммедъ-Али посылалъ съ нимъ вѣсть о своей побѣдѣ. Я немедленно потребовалъ себѣ аудіэнціи у Мугаммеда-Али. Онъ принялъ меня, и нѣсколько другихъ Французовъ, въ своемъ Диванѣ, вѣжливо посадилъ насъ и под-

Digitized by Google

чивалъ кофеемъ. Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, я изложилъ ему необходимость мою возвратиться скорѣе во Францію. Сказавъ о томъ, что слышалъ о назначеніи во Францію Египетскаго брига, я просилъ позволенія ѣхать въ отечество мое на этомъ кораблѣ. Мугаммедъ-Али отвѣтствовалъ мнѣ, что будучи союзникомъ Франціи, притомъ любя всѣхъ Французовъ, онъ охотно соглашается на мое желаніе, и Капитанъ *Крокодила* немедленно получитъ его приказаніе объ отвозѣ насъ въ Мальту, или прямо во Францію, по нашему желанію.

Оставляя побѣдителя, мы просили у него позволенія взглянуть на побѣжденнаго. Насъ ввели къ Абдаллѣ. Онъ сидѣлъ подлѣ окна обширной залы, и забавлялся обозрѣніемъ гавани въ зрительную трубку. На немъ былъ синій кафтанъ; на головѣ его бѣлая чалма; взоръ его, дикій и суровый, ни сколько не обезображивалъ однакожь величественныхъ чертъ лица его. Каждому слову его предшествовало шѣлодвиженіе, какъ будто онъ хотѣлъ придать словамъ своимъ еще болѣе выразительности. Абдаллѣ, по видимому, было тогда около 30-ти лѣтъ, не болѣе. Мнѣ показалось также, будто его физіогномія доказывала справедливость слышаннаго мною, что онъ большой шалунъ, не смотря на свою храбрость въ бояхъ.

Digitized by Google

Горделиво улыбнулся Абдалла, узнавъ, что я былъ свидѣтелемъ перваго приступа Ибрагимова къ Акрѣ. Впрочемъ, онъ слушалъ наши похвалы съ возможною скромностью, и отвѣчалъ, что его слава ничто передъ славою Мугаммеда-Али, благоволившаго даровать ему прощеніе въ его безумномъ упорствѣ. Мы приглашали его пріѣхать въ Парижъ, посмотрѣть Францію. «Я не властенъ въ себѣ,» отвѣчалъ Абдалла, «ибо отецъ мой, Мугаммедъ-Али, есть владыка всѣхъ моихъ дѣйствій.»— Вы увидите въ Парижѣ Алжирскаго Дея.— «Каково приняли его въ Парижѣ?»— Всѣ говорятъ, что весьма вѣжливо.— «А онъ умѣлъ защищаться противъ васъ только три недѣли!»— Противъ Французскаго войска: это значитъ много.— «Да! но впрочемъ— великъ Богъ!»— Мы разстались.

Digitized by Google

ЭММА.

Look on a love which knows not to despair,
But all unquench'd is still my better part,
Dwelling deep in my schut and silent heart
As dwells the gather'd lightning in its cloud,
Encompass'd with its dark and rolling shroud,
Till struck,—forth flies the all-ethereal dart (*).

Байронъ.

I.

Въ отдаленной части Москвы, именно въ *Нѣмецкой слободѣ*, до нашествія Наполеонова было много милыхъ, веселыхъ домиковъ и большихъ Боярскихъ домовъ. Теперь это измѣнилось: Нѣмецкая слобода застроена фабриками,

(*) Посмотри на любовь, незнающую отчаянія: она все еще горитъ не потухая, и составляетъ лучшую часть самого меня, глубоко заключенная въ моемъ недоступномъ и молчаливомъ сердцѣ, какъ заключена бываетъ яркая молнія въ тучахъ, обвитая ихъ темнымъ, извивистымъ саваномъ, пока не блеснетъ она и не пробѣжитъ по небесамъ огненною спрѣлою.

Digitized by Google

заводами, казенными училищами; только развалины, обгорѣлыя въ 1812-мъ году, видны отъ большей части прежнихъ Боярскихъ домовъ, и вывѣски пансіоновъ заслилаютъ собою стѣны обширныхъ палатъ вельможескихъ, уцѣлѣвшихъ отъ пожара двѣнадцатаго года, или возобновленныхъ послѣ него. Прихоть перенесла обиталища знатныхъ людей въ другія части Москвы. Но когда все это было не такъ, до 1812-го года, говорю я вамъ, въ Нѣмецкой слободѣ, изъ числа великолѣпныхъ домовъ вельможескихъ великолѣпнѣе другихъ былъ домъ Князя С***. Тѣнью своею заслилалъ онъ всю улицу; обширный садъ, окруженный каменною стѣною, съ чугунными, фигурными столбиками по тротуару, помощенному чугунными плитами, и съ желѣзными цѣпями отъ столбика къ столбику, примыкалъ къ нему съ одной стороны. Огромныя старыя деревья видны были изъ за садовой стѣны, и гордо шумѣли вершины ихъ, равныя съ вторымъ этажемъ Княжескихъ палатъ. Съ другой стороны дома, похожаго видомъ на старинный фигурный коммодъ, съ раковинами на полукруглыхъ окнахъ, и съ обширнымъ балкономъ, окруженнымъ фигурною рѣшеткою, были исполинскія ворота. Сквозь ихъ желѣзныя, всегда растворенныя рѣшетки, открывался обширный мощеный дворъ, съ флигелями, гдѣ помѣщалось ста три дворо-

Digitized by Google

выхъ людей, бывшихъ для услуги при Князѣ и Княгинѣ, женъ ихъ и дѣтей. Дворъ этотъ, вдали, оканчивался чугунною рѣшеткою, и опять желѣзными, симметрическими воротами, ведущими въ регулярный, стриженый садъ. Объ обширности сада судите потому, что Яуза текла черезъ него.

Таковъ былъ домъ Князя С***. Подлѣ этого обширнаго, построеннаго во времена Императрицы Елисаветы дома, рядомъ находился домикъ, деревянный, обитый тесомъ, выкрашенный сѣрою краскою; и—если-бы счастію надобно было выбирать себѣ жилище по сердцу, не знаю: едва-ли не этотъ домикъ выбрало-бы оно себѣ, и едва-ли не предпочло-бы его огромному сосѣду, великолѣпному Княжескому дому. Идя поутру мимо сѣраго домика, рѣдкій прохожій не останавливался, видя сквозь свѣтлыя стекла его, въ небольшой залѣ, прелестную каршину, въ родѣ каршинъ Августа Лафонтена: каждое утро, за большимъ столомъ, сидѣли тутъ трое милыхъ дѣтей— настоящія Грёзовы головки. Дѣти сидѣли и учились; въ сторонѣ, подъ окномъ, всегда сиживалъ тутъ-же, въ большихъ креслахъ, старикъ съ дымящеюся трубкою, и съ книгою, или съ газетами въ рукахъ. Его не умѣлъ-бы написать Грёзъ, потому, что онъ не умѣлъ писать этихъ добрыхъ Нѣмец-

Digitized by Google

кихъ лицъ, этихъ длинныхъ, сѣдыхъ волосовъ, внушающихъ какую-то невольную почтительность. Грёзъ не могъ-бы написать и еще двухъ лицъ, которыя можно было всегда замѣтить сквозь свѣтлыя окна сѣраго домика: старушки въ огромномъ чепчикѣ, съ очками на глазахъ, заботливо занятой вязаньемъ, или штопаньемъ чулковъ—истиннаго изображенія доброй Нѣмецкой хозяйки; и молодой дѣвушки, которая учила дѣтей, сидя съ ними за большимъ учебнымъ столомъ ихъ.

Люблю я эти готическія лица Нѣмецкихъ стариковъ и старушекъ, съ молода краснощекія, прикрытыя русыми, кудрявыми волосами, украшенныя голубыми глазами, и тихо, постепенно перешедшія къ сѣдымъ волосамъ, морщинамъ, и выраженію доброты, откровенно высказывающей вамъ всю жизнь, за которую едвали не всякій день благодарили они Бога! Иногда и на этихъ лицахъ увидите неправильную морщину — слѣдъ печали, горести, сердечной потери, но такая морщина пришлецъ между другими собратіями, показывающими, что жизнь постепенно накладывала ихъ на лица добрыхъ людей, какъ часовая стрѣлка постепенно переходитъ отъ одной минуты къ другой, отъ одного часа къ другому, пока укажетъ полдень, вечеръ, наконецъ—*полночь*, добрую ночь!—

Digitized by Google

Да, смотря на такое лицо старушки, я готовъ сказать вамъ, что жизнь ея прошла, какъ ясный весенній день; что было для нея время учиться и помогать матери въ хозяйствѣ; потомъ время любить, любить тихо, весело, при самомъ началѣ любви думая о подвѣнечномъ платьѣ, и заведеніи своего маленькаго мозяйства, и переходѣ, для этого хозяйства, изъ кухни матери въ кухню мужа, съ которымъ совѣстно не быть счастливою: такъ онъ добръ, такъ онъ заботливъ, такъ онъ любитъ тихо, кротко, нѣжно. Печаль и горе въ жизни такихъ людей—это облачки, разсѣянныя на ясномъ небѣ. Они, эти люди, по каплѣ пьютъ, столь горькое для многихъ питье, которое судьба подаетъ каждому изъ насъ при рожденіи—*жизнь*, и допивая его при дверяхъ гроба, среди добрыхъ, милыхъ имъ людей, съ сожалѣніемъ заглядываютъ въ бокалъ, ими осушаемый, и жалѣютъ, что въ немъ осталось допить только нѣсколько капель.

Старикъ съ Газетами и старушка съ чулкомъ, обитатели сѣраго домика, прожили жизнь свою такъ: это видно было изъ всего—изъ ихъ взоровъ, часто съ благодарностію обращавшихся къ небу; изъ тихаго пожатія руки, каждый разъ, когда старушка проходила мимо старика; изъ ихъ ясныхъ, добрыхъ лицъ; изъ того,

Digitized by Google

какъ они смотрѣли на малютокъ дѣтей; изъ того, какъ эти малютки обнимали ихъ и доводили до слезъ своими ласками. Онъ и она изображали собою прекрасный вечеръ прекраснаго дня.

Но дѣвушка? Правда, по ея бѣленькому, всегда опрятному платьицу, розовымъ щечкамъ, голубымъ глазамъ, зеленому передничку, стройной ножкѣ, тоненькой таліи, можно было видѣть, что это молоденькая Нѣмка, милое, доброе созданіе, утро дня жизни, яснаго и тихаго; но, и не бывши Нострадамомъ, не умѣя составлять гороскоповъ, можно было задуматься, глядя на нее, подумать, что едва-ли ей предоставляла судьба участь, подобную участи ея дѣда и бабушки (старикъ и старушка, жившіе съ нею, были ея дѣдушка и бабушка). Изъ чего можно было такъ заключать? Она была такъ скромна, такъ проста, такъ мила; отъ учебнаго стола братьевъ весело переходила она къ хозяйству, отъ хозяйства за свое фортепіано, отъ фортепіано къ своему Sammlung gottesdienstlicher Lieder (*), и съ такимъ полнымъ радости сердцемъ пѣла, вмѣстѣ съ

(*) *Собраніе духовныхъ пѣсенъ*, которыя поютъ въ Люперанской церкви, во время Божественной службы, и нерѣдко дома въ благочестивыхъ семействахъ.

Digitized by Google

дѣдомъ своимъ: Deines Gottes freue dich, dank ihm, meine Seele! Sorget er nicht väterlich, dass kein Gut dir fehle (*)?

Все такъ. Но всматриваясь въ нее, въ эту дѣвушку, вы замѣтили-бы какую-то невольную задумчивость, когда ей вовсе не о чемъ было задумываться; увидѣли-бы иногда на глазахъ ея навернувшіяся слезы—не радости и не печали, а чего-то тайнаго, грустнаго: она закрывала тогда глаза своею ручкою, и потомъ подымала ихъ къ небу; и тогда можно было замѣтить, что у нея глаза не просто будущей Нѣмецкой хозяйки, голубые, но какіе-то свѣтлые, яркіе, почти лазоревые, способные сверкать чуднымъ огнемъ. У дѣвушки, которой судьба предназначаетъ просто быть доброю хозяйкою, и размѣрять жизнь свою опредѣленными шагами отъ колыбели дитяти до кухни, никогда не подымается грудь отъ такого тяжелаго вздоха, никогда щеки не пышатъ такимъ неопредѣленнымъ румянцемъ, и этотъ румянецъ не смѣняется потомъ вдругъ

(**) *Возрадуйся о Господѣ, и благослови его, душе моя! Не Онъ-ли, яко отецъ, помышляетъ о тебѣ, да ни единое благо прейдетъ мимо тебе?*

Digitized by Google

шакою блѣдностію. Вглядишесь въ нее: и волосы ея не просто русые—они отливаютъ какимъ-то особеннымъ, блѣдно-золотистымъ цвѣтомъ; и эта бѣлизна лица не просто бѣлизна всякой молодой дѣвушки въ семнадцать, восемнадцать лѣтъ: это какой-то особенный поэтическій цвѣтъ, о которомъ пѣвали Нѣмецкіе Миннезингеры, какая-то прозрачность тѣла, о которой говоритъ современный намъ Данте: à travers ton beau corps mon âme voit ton âme *(сквозь твое прекрасное тѣло, душа моя видитъ твою душу)*. Вы видите эту дѣвушку за рукодѣльемъ, за учебнымъ столомъ, подлѣ дѣда, бабушки; она тиха, тиха, безмолвна; глаза ея опущены внизъ, вокругъ нея пустота души и сердца; ни одна страсть не смѣетъ приступить къ ней; близъ нея не слышно пламеннаго дыханія юноши, который угадалъ-бы ея душу, не слышно и біенія сильнаго сердца, отъ котораго страшными звуками отзывалось-бы ея сердце, какъ струна сама собою вторитъ струнѣ, на одинъ ладъ съ нею настроенной. Да, эта дѣвушка можетъ умереть, сама не сознавши души своей; ея небесная гостья можетъ безмолвно протосковать всю жизнь въ ея прекрасномъ тѣлѣ; дѣвушка эта можетъ наконецъ задохнуться сердцемъ и душею въ объятіяхъ молодаго, благопристойно-красиваго, ласковаго, благоразумно-любящаго супруга, и жизнь

Digitized by Google

ея тогда пройдетъ такъ-же тихо и весело, какъ тихо и весело танцуется Нѣмецкій вальсъ, оканчиваемый гроссъ-фатеромъ, какъ протекла жизнь ея бабушки... Но что̀ будетъ съ нею, если злобный демонъ страстей зажжетъ ея бы-ліе сильными страстями? Кстати: на учебномъ ея столикѣ, подлѣ тетрадокъ, лежитъ какая-то маленькая книжка: это Шиллеръ, сумасбродъ Шиллеръ, напечатанный въ маленькій форматъ, по Нѣмецкому обычаю на сѣрой бумагѣ; и глаза́ ея задумчиво устремлены на стихи:

Empfange meinen Vollmachtbrief zum Glücke!
Ich bring' ihn unerbrochen dir zurücke
Ich weiss nichts von Glückseligkeit (*). . .

И кажется, что старики вовсе не замѣчаютъ этого прокляатаго Шиллера; не видятъ, какъ читаютъ его украдкою, когда добрые старики полагаютъ, что внучка разбираетъ грамматическій смыслъ какой нибудь фразы въ дѣтскомъ Lesebuch. Милое созданіе! брось, ради Бога, брось этого Шиллера! Возьми лучше съ

(*) Возьми мою довѣренность на земное счастіе — возьми! Я отдаю тебѣ ее обратно, нераспечатанную: я не зналъ наслажденія счастіемъ!...

Digitized by Google

стариннаго туалета бабушки твоей Livländisches Kochbuch, и читай въ ней, какъ готовятъ пикули и дѣлаютъ сою...

Но я разсказываю вамъ столько подробностей о дѣвушкѣ, обитательницѣ сѣраго домика, а не сказалъ вамъ еще ни имени ея, ни кто такіе старикъ и старушка, съ нею живущіе; ни что это за дѣти, которые живутъ съ нею и съ ними. Объяснить такія семейныя подробности—если онѣ вамъ надобны— не долго: дѣвушка, о которой я разсказывалъ—*Эмма*. Старикъ— это уже вамъ извѣстно — ея дѣдъ; старушка— ея бабушка; трое мальчиковъ — ея маленькіе братья; и всѣ они и она составляли доброе, счастливое семейство, которое до 1812 года обитало въ маленькомъ, красивомъ домикѣ, въ Нѣмецкой слободѣ, подлѣ огромнаго дома Князя С***.

Біографія старика была очень проста и не велика. Отецъ его былъ Нѣмецъ; пріѣхалъ въ Россію, когда вызвали изъ Германіи знающихъ людей для устройства въ Россіи Почтамтовъ. Опредѣлясь въ Москвѣ, онъ прожилъ въ ней всю жизнь; лѣтъ двадцать просидѣлъ подлѣ Почтамтскаго окошечка, ежедневно, *кромѣ воскресныхъ дней*, принимая письма; но при томъ онъ успѣлъ выполнить почти все, что Стернъ почиталъ необходимою обязанно-

Digitized by Google

сшію каждаго честнаго человѣка, то есть: женился, построилъ домъ, насадилъ садъ (только не написалъ ни одной книги, и едва-ли читалъ что нибудь, кромѣ Нѣмецкихъ Газетъ и дѣловыхъ бумагъ); потомъ передалъ и домикъ, и садикъ, и небольшое нажитое имъ имѣніе сыну, который, не имѣя охоты сидѣть въ Почтамтѣ, сдѣлался учителемъ Нѣмецкаго языка въ Москвѣ; женился въ свою очередь; на старости лѣтъ переспалъ учить Нѣмецкому языку, и спокойно доживалъ вѣкъ свой въ отцовскомъ домикѣ, который перестроилъ онъ и выкрасилъ сѣрою краскою. Дѣтей у него не было. Услышавъ, что племянникъ его, служившій въ Петербургѣ, умеръ, оставивъ дочь и трехъ сыновей, старикъ, въ первый разъ въ жизни, оставилъ Москву, поѣхалъ въ Петербургъ, обнялъ тамъ со слезами сиротъ племянника, маленькую Эмму и братьевъ ея, поклялся замѣнить имъ отца, и привезъ ихъ въ Москву, гдѣ въ доброй старушкѣ, женѣ его, Эмма и братья ея точно увидѣли вторую мать, а въ старикѣ дѣдѣ втораго отца. Уже нѣсколько лѣтъ прошло послѣ поѣздки старика въ Петербургъ. Эммѣ было уже 17, 18-ть лѣтъ; но благодарная молитва къ Богу все еще означала для нея каждый вечеръ, когда день оканчивался, и Эмма, удалясь въ свою комнашу, надѣвъ на свою головку спальный чепчикъ, раз-

Digitized by Google

мышляла нѣсколько минутъ о томъ, что происходило съ нею въ этотъ минувшій день, и не согрѣшила-ли она передъ Богомъ чѣмъ нибудь? Не огорчила-ли чѣмъ нибудь папеньку и маменьку (такъ называла она дѣда и бабушку)? Потомъ—и то не всегда — она задумывалась, думала нѣсколько минутъ—сама не зная о чемъ... «Нѣтъ ничего опаснѣе такихъ неопредѣленныхъ думъ!» скажете вы. Можетъ быть; только увѣряю васъ, что Эмма послѣ того каждый вечеръ засыпала тихо и спокойно, и никакое дневное событіе не перерождалось для нея въ привидѣнія ночи: она не видала никакихъ сновъ, этихъ зловѣщихъ вороновъ нашей дѣйствительной жизни!

II.

— Дома-ли Эмма, дядинька? — спросила веселая дѣвушка, поспѣшно входя въ залу сѣрого домика. — «Дома, дома!» отвѣчалъ старикъ.—Гдѣ она?— «Въ саду.»—Бѣгу къ ней!— «Погоди, вѣтренница! Дай поцѣловать себя!»— Нѣкогда! Мнѣ надобно пересказать ей тысячу новостей! — отвѣчала дѣвушка, мимоходомъ прижимая ротикъ свой къ рукѣ старика, пока онъ цѣловалъ ее въ лобъ и щеки. — «Тысячу новостей! Онѣ всѣ, я думаю, сойдутъ на одну: ты вѣрно получила письмо отъ своего Теобаль-

Digitized by Google

да?»—Вы угадали! — « Что онъ пишетъ? » — Онъ скоро сюда будетъ; да не задерживайте меня: мнѣ надобно все, все пересказать моей Эммѣ!—И бросивъ свою соломенную шляпку на столикъ, гостья побѣжала въ садъ.

Этотъ садъ можно было назвать небольшимъ, красивымъ цвѣтникомъ, чѣмъ-то похожимъ на шитье дамскихъ шемизетокъ, гдѣ въ стройномъ порядкѣ, нитками, вышиты глупые цвѣточки и листочки. Но, скажите: кто изъ насъ не любовался этими нитяными цвѣточками на груди какой нибудь милой дѣвушки? Такъ и эти садики. Они малы, однообразны, пошлы; деревянная клѣтка, выкрашенная зеленою краскою, обложенная тощими акаціями, и нѣсколько кустовъ малины и смородины, выпянутыхъ по веревкѣ, замѣняютъ въ нихъ тѣнистыя аллеи; кривыя дорожки, по которымъ тѣсно идти втроемъ, и извилины которыхъ разсмотрите вы съ перваго взгляда, какъ обманъ дитяти угадываете съ перваго слова—вотъ вамъ изображеніе того, что при маленькихъ домикахъ въ Москвѣ громко называется — *садъ*. Обыкновенно посрединѣ бываетъ еще въ этихъ садахъ цвѣтникъ, гдѣ хозяева ставятъ иногда алебастровыхъ богинь, которыхъ разнощики шаскаютъ по Москвѣ на лошкахъ, вмѣстѣ съ статуйками Наполеона, изображеніями Езопа,

Digitized by Google

Милосердія, Лаокоона, Надежды и Любви, Купидонами, и кошками съ подвижною головкою и съ мышью въ зубахъ; или садятъ тутъ рѣдкія Американскія растенія, продаваемыя въ каждый цвѣточной лавочкѣ. Если у хозяина есть еще дюжина чахлыхъ деревьевъ — онъ гордится своимъ садомъ. «У васъ прекрасная тѣнь,» говорятъ ему. — «Мы тутъ пьемъ чай по вечерамъ,» говоритъ хозяйка. — Какъ пріятно пить чай вечеромъ на открытомъ воздухѣ — прибавляетъ гостя — какъ будто этотъ ящикъ безъ крышки, въ самомъ дѣлѣ *садъ* и *открытый воздухъ!* Но когда такая цвѣточная шемизетка бываетъ надѣта на грудь счастія жизни — знаете-ли, какъ милы, очаровательны кажутся тогда, и клѣтка съ акаціями, и дорожки, и цвѣтникъ! Все зависитъ отъ лучей души: свѣти они радостью — все мило и радостно! Капля росы на листочкѣ, что̀ это такое? Капля воды; но лучъ солнца освѣтитъ ее, и она загорится алмазомъ.

Такой садикъ, о какихъ мы говорили, былъ при сѣромъ домикѣ; въ этотъ садикъ побѣжала гостья искать Эмму, увидѣла ее въ углу садика, подлѣ бесѣдки, и издали закричала ей: Bon jour, mon amie! Эмма стояла, низко наклонившись къ цвѣточной грядкѣ, и что-то внимательно разсматривала. Она не слыхала

Digitized by Google

привѣтствія веселой своей госпьи, не слыхала шума шаговъ ея, когда эта госпья бѣжала къ ней по дорожкамъ, и тогда только замѣтила ее, когда госпья подбѣжала къ ней, и зажала ей глаза руками.

«Ахъ, Фанни»— сказала Эмма (госпью звали *Ѳедосью*; но это неблагозвучное имя, еще въ дѣтствѣ ея было передѣлано въ *Фанни*) — «шалунья! пусти меня!»

— Что за задумчивость? Не слышашь моего голоса, не видѣть меня!—

«Я смотрѣла, вотъ на этотъ милый мой цвѣточекъ: погляди—онъ оживаетъ; я думала, что онъ совсѣмъ пропалъ, и какъ это меня печалило, Фанни! Я ходила за нимъ, какъ за больнымъ братомъ; посмотри: онъ оживаетъ теперь!

— Что за цвѣтокъ? Какой вздоръ! Простые васильки!

«Васильки! Богъ и имъ велѣлъ жить; и не жалко-ли, если они гибнутъ не разцвѣтая, не насладившись своею жизнью! А и всего-то имъ жить одно лѣто....

Эмма опять наклонилась къ кусту васильковъ, и выправляла ихъ около тычинки, къ которой былъ привязанъ кустикъ ихъ.

Digitized by Google

«Что за ребячество, Эмма! Брось твои васильки; пойдемъ ходить по саду; я тебѣ перескажу— ахъ! милый другъ! я тебѣ все перескажу! *Онъ* пишетъ, *онъ* скоро пріѣдетъ! Уйдемъ въ бесѣдку, Эмма! я тебѣ прочитаю!— Фанни вынула изъ за-шнуровки своей маленькое письмецо, крѣпко поцѣловала его, и издали показала Эммѣ.

—Пойдемъ въ бесѣдку! сказала она. Дѣвушки обнялись, сѣли на лавку въ бесѣдкѣ; рука Фанни обвилась вокругъ шеи Эммы; голова Эммы склонилась на плечо Фанни, и разговоръ— смѣсь Французскихъ и Русскихъ словъ—начался въ полголоса.

Пока Эмма и Фанни переговорятъ о всякомъ вздорѣ— а онъ въ дѣвичьихъ разговорахъ занимаетъ важное мѣсто— да и въ чьихъ разговорахъ не такъ?— я успѣю сказать вамъ, когда вы сами еще не догадались, что Фанни была подруга Эммы— молодая дѣвушка, дочь сосѣда, Нѣмца, чиновника, какой-то дальней родни, который женился на Русской дворянкѣ, отъ чего въ именахъ дѣтей его вышла страшная пупаница Русскихъ именъ и Нѣмецкихъ прозваній: Ѳедосья Готлибовна, Филиппъ Готлибовичъ, и проч.— Говорили, будто такая-же пупаница вышла въ его хозяйствѣ и воспитаніи дѣтей. Фанни была подруга Эммы: вы знаете, что та-

Digitized by Google

кое значитъ: *подруга дѣвушки*? Меньше нежели ничто; Французская эпиграмма на дружбу; переводъ Шекспирова Сонета съ Французской прозы въ Русскіе стихи! Всего чаще, подружество дѣвичье начинается въ пансіонахъ; иногда на балахъ и танцовальныхъ вечерахъ. Въ пансіонахъ оно доказывается тѣмъ, что подруги подсказываютъ другъ другу уроки и дѣлятся конфектами; на балахъ тѣмъ, что онѣ садятся рядомъ въ мазуркахъ, и ходятъ обнявшись, пока музыканты отдыхаютъ, сто разъ повторивши одно и тоже. Иногда это подружество продолжается годы, и кончится тѣмъ, что одна подруга выходитъ за мужъ; счастливецъ вытѣсняетъ изъ сердца ея бѣдную подругу, какъ первый лучъ солнца заставляетъ блѣднѣть бѣдную луну. Иногда подруги надоѣдаютъ другъ другу, ссорятся и разстаются; иногда свѣтъ разрываетъ нѣжную дружбу ихъ за порогомъ пансіона, гдѣ одну подругу ждетъ лакей, облитый золотомъ, съ словами: «За Вашимъ Сіятельствомъ маменька изволила прислать карету,» когда другой въ тоже время говоритъ беззубая нянька, или старая кухарка: «Маменька велѣла мнѣ проводить васъ, барышня, домой.» Старыя дѣвушки рѣдко бываютъ подругами: злыя на все, онѣ искусали-бы другъ друга, искусавъ всю надежду свою на счастіе въ жизни. Но едва-ли сыщете хоть одну молодую дѣвуш-

Digitized by Google

ку въ мірѣ безъ подруги. Онѣ читаютъ вмѣстѣ азбуку любви, на зарѣ жизни, когда душѣ дѣвушки все такъ чуждо и знакомо, близко и далеко, и все такъ непоняшно и поняшно, безъ отчета головѣ и сердцу. Въ маленькомъ мірѣ ея бываетъ такъ темно: сердце еще не освѣщаетъ пустоты идей, а сквозь душу, какъ сквозь стеклянную призму разцвѣчивается между тѣмъ все семью небесными цвѣтами, безъ жара, но и безъ тѣни. Подъ эту призму становится обыкновенно подруга дѣвушки, и— Боже мой! сколько тутъ является важныхъ открытій ни чего, тайныхъ разговоровъ ни объ чемъ, писемъ и записокъ, стиховъ и альбомовъ, узоровъ по канвѣ и пересылки нотъ, гдѣ стихи Жуковскаго и Пушкина, понятные только перегорѣвшей душѣ, поются на голосъ романса Королевы Горшензіи, и Фрейшицъ передѣланъ въ вальсы и кадрили безбожными врагами Музыки! Кто не смѣется, найдя въ альбомѣ дѣвушки: je vous souhaite de tout mon coeur— toutes sortes de bonheur; либо выписки изъ Делиля и Сенъ-Ламбера? Но мнѣ также бываетъ смѣшно, когда я нахожу въ немъ:

If that high world, which lies beyond
Our own, surviving love endears;
If there the cherish'd heart be fond,
The eye the same, except in tears —

Digitized by Google

How welcome those untrodden spheres!
How sweet this very hour to die!
To soar from earth, and find all fears
Lost in thy light— Eternity!

It must be so: 't is not for self
That we so tremble on the brink;
And striving to o'erleap the gulf,
Yet cling to being's severing link.
Oh! in that future let us think
To hold each heart the heart that shares,
With them the immortal waters drink,
And soul in soul grow deatless theirs (*)!

(*) «Если въ этомъ мірѣ, возвышенномъ надъ нашимъ міромъ, переживетъ насъ любовь наша; если тамъ переживутъ насъ любящее сердце и очи любви, уже не знающія слезъ— какъ радостно перейдши въ эти безвѣстныя небеса, какъ весело умретъ въ сей самый часъ, улетѣвъ съ земли, и увидѣвъ всѣ опасенія исчезнувшими въ свѣтѣ твоемъ, о Вѣчность!

«Такъ должно быть: не за самихъ себя трепещемъ мы стоя на берегу, и, порываемые желаніемъ переплыть бездну, остаемся прикованные тяжкою цѣпью. Ахъ! оставьте намъ думу, что въ неизвѣстной будущности сердце соединится съ любящимъ его сердцемъ, упьется съ нимъ водами безсмертія, и душа съ душею будутъ жить вмѣстѣ, неумирающія!»

Digitized by Google

И это переписываютъ въ альбомъ подругѣ, по складамъ, дѣтскими каракульками? Сколько смѣшнаго въ мірѣ!

«Спѣшу увѣдомить васъ, милая Фанни, что, «слава Богу, всѣ дѣла мои въ Сарашовѣ кончи- «лись, и я вчера еще выѣхалъ-бы отсюда, если- «бы не простудился, и если-бы Докторъ не «посовѣтовалъ мнѣ не пускаться въ дорогу съ «моимъ кашлемъ. Зная чувства ваши, и судя «объ нихъ по своимъ, прошу васъ не безпо- «коиться обо мнѣ, и увѣряю, что болѣзнь моя «совершенно ничтожна. Вы можете вообразить, «съ какимъ нетерпѣніемъ желалъ-бы я поспѣ- «шить къ вамъ въ Москву, гдѣ ожидаютъ меня «любовь и счастіе. Завидую этому письму, ко- «торое увидитъ васъ прежде меня. Мысль объ «васъ никогда не оставляетъ меня, и нерѣдко «даже благотворный сонъ представляетъ мнѣ «вашъ прелестный образъ. Недавно былъ я у «дядиньки Богдана Богдановича. Онъ самъ, и «милое семейство его, любятъ васъ заочно, какъ «сестру и дочь, хотя еще и не знаютъ лично. «Папенька и маменька препоручаютъ вамъ сви- «дѣтельствовать ихъ почтеніе вашему дѣдуш- «кѣ и бабушкѣ.»

Таково было письмо, которое прочитала Эммѣ подруга. Это было письмо отъ жениха ея, молодаго и *очень милаго человѣка*, который хо-

Digitized by Google

дилъ къ ея отцу три года, наконецъ предложилъ Фанни руку, былъ сговоренъ, и уѣхалъ въ Саратовъ, просить позволенія отцовскаго на свадьбу и устроить свои дѣла.

—Не правда-ли, какъ онъ мило пишетъ, какъ онъ меня любитъ?— вскричала Фанни.

Эмма молчала.

—Ты сегодня пренесносная—продолжала Фанни.— Радуешься надъ дряннымъ цвѣткомъ, а не восхищаешься письмомъ моего жениха! Мило-ли оно?

«Нѣтъ!» отвѣчала Эмма, разсѣянно.

— Эмма! — вскричала ея подруга, сердито отодвигаясь отъ нея.

Эмма опомнилась, и спѣшила увѣрить подругу, что она сама не знаетъ, что говоритъ.

—Я вѣдь хорошо знаю тебя, Эмма: ты опять сегодня вздумала мечтать; опять начитalась своего Шиллера!—

«Нѣтъ! я недѣли двѣ не читала его, и едва-ли примусь за него скоро.

—Что-жъ за причина твоей разсѣянности? Посмотри, что за прекрасный день! Какъ все цвѣтетъ, какъ все хорошо!

Digitized by Google

« Да! » отвѣчала Эмма, вздыхая.

—Мой Теобальдъ пріѣдетъ; мы будемъ танцовать, много танцовать!

« Я рада! » сказала Эмма, и слезы капнули изъ глазъ ея.

Фанни испугалась, бросилась къ подругѣ, обняла ее, просила простить, и клялась, что не хотѣла огорчить ея.

—Я и не грущу; право, я весела, и ты меня ничѣмъ не оскорбила, Фанни!

« Но я говорю о своемъ счастьи, когда ты печальна!

—Я не завидую *твоему* счастью, Фанни, клянусь Богомъ, не завидую! Мнѣ иногда даже бываетъ жаль тебя.

« Милый другъ! что́ съ тобой сдѣлалось?

—Прости меня, Фанни! Я печалю тебя моими словами!

« Нѣтъ! но я тебя не понимаю: этого прежде не бывало. Я замѣтила, что съ тѣхъ поръ, какъ я невѣста Теобальда, я вовсе не узнаю тебя! —

Повѣрятъ-ли: безпокойное чувство ревности, и вмѣстѣ самодовольства, блеснуло въ глазахъ

Digitized by Google

Фанни; но, прибавимъ къ чести ея сердца — на одно мгновеніе.

Ничего этого не замѣчая, Эмма продолжала печально:— Не ты виноватa въ этомъ, Фанни— увѣряю тебя, не ты. Это глупость, вздоръ — мечты самыя нелѣпыя....

«Ты мнѣ разскажешь ихъ?

—Ради Бога, не спрашивай! Я сама ихъ не понимаю, и не умѣю растолковать.

«Тебѣ скучно?

—Нѣтъ! не скучно и вовсе не грустно. Но мое чувство походитъ на состояніе человѣка, котораго посадили въ клѣтку, и котораго невидимая какая-то сила удерживаетъ между небомъ и землею. Онъ самъ не понимаетъ, гдѣ виситъ его клѣтка; вокругъ него пустота, и ей нѣтъ конца, ни края, этой пустотѣ, Фанни: пустыня совершенная! Иногда по ней пролетаетъ мимо его что-то милое такое, раздаются звуки такіе чудные — ахъ! какіе чудные.... И вдругъ все исчезаетъ; и являются и летятъ мимо привидѣнія, такія страшныя, что онъ отъ ужаса закрываетъ глаза....

Въ это время, гдѣ-то, въ отдаленіи, повидимому у сосѣдей, раздались странные звуки: казалось, что они походятъ на клики отчая-

Digitized by Google

нія, на смертный стонъ, вырывающійся изъ груди человѣка, котораго душитъ сильная рука. Звуки эти пронеслись въ воздухѣ и мгновенно исчезли. Эмма задрожала; Фанни также вздрогнула, осмотрѣлась кругомъ— все было тихо, радостно, свѣтло; она не посмѣла спросить Эммы, прижавшей лицо свое къ ея груди, и начала опять разговоръ:

—Милая Эмма! ты будешь неблагодарна, если не согласишься, что тебя всѣ любятъ, обожаютъ; что ты составляешь радость и счастіе своего семейства; что я тебя люблю..... Неужели тебѣ этого не довольно? —

«Все знаю, все чувствую, и боюсь: не грѣхъ-ли мое несчастное чувство, не значитъ-ли оно неблагодарности къ моимъ роднымъ.... къ тебѣ, моя Фанни.... къ самому Богу....

—Эмма! ты любишь кого нибудь, и скрываешь отъ меня?

«О, нѣтъ! увѣряю тебя!» Эмма подняла голову свою, и прямо въ глаза смотрѣла своей подругѣ.

—Вѣрю теперь; но, что-же сокрушаетъ тебя?

«Не знаю. Когда дѣдушка ласкаетъ меня, мнѣ кажется, что это въ послѣдній разъ; что завтра Эмма останется одна, одна; когда братья

Digitized by Google

весело прыгаютъ вокругъ меня, мнѣ думается: они скоро покинутъ тебя, и каждый изъ нихъ скоро и навсегда забудетъ объ Эммѣ.

— Зачѣмъ-же печалить себя такою грустною мыслью, Эмма? Милый другъ! у тебя будетъ свой *Теобальдъ*! Не повѣришь, какъ радостно теперь я думаю, что онъ любитъ меня; что мы съ нимъ будемъ жить, такъ долго, долго, и все будемъ любить, и все будемъ счастливы!

«Ахъ, милый другъ! я испугалась-бы такого чувства, и не понимаю, какъ можетъ оно тебя радовать! Мужчины — я боюсь ихъ: они пугаютъ меня, всѣ сколько ихъ ни видала! Ихъ любовь— прости меня— любовь къ тебѣ Теобальда— избави, Боже! Нѣтъ, нѣтъ! мнѣ не надобно такой любви.....

—Ты сумасбродишь!

«Можетъ быть; но въ душѣ моей я чувствую что-то непонятное мнѣ самой. Послушай: говорятъ, что цвѣты не живутъ полною жизнію, что они только *растутъ*. Я не вѣрю этому. Всякій разъ, когда я смотрю на мои цвѣты, когда запахомъ ихъ навѣваетъ ко мнѣ вѣтерокъ, когда припомъ пташка такъ весело напѣваетъ мнѣ своимъ голоскомъ— тутъ отзывается душа какая-то, душа въ цвѣтахъ, въ звукахъ— говорю я самой себѣ.— Шиллеръ зналъ эту

Digitized by Google

душу цвѣтовъ и звуковъ. Онъ говорилъ о ней; а у людей я этого не вижу! Когда цвѣтокъ такъ нѣжно высказываетъ мнѣ жизнь свою; когда птичка такъ мило выпѣваетъ ее мнѣ— какъ-же должны-бы высказывать, выражать ее люди, когда имъ Богъ далъ глаза и слова! Какова-бы должна быть *любовь людей*! Мнѣ кажется иногда, что я создаю себѣ кого-то, какое-то привидѣніе, изъ всего, что очаровываетъ меня въ природѣ; я даю ему образъ человѣческій; передаю ему *свою душу*— онъ мнѣ больше нежели подруга— онъ *другъ* мой—нѣтъ! еще больше: онъ такъ любитъ меня, что другъ такъ любить не можетъ.... и я не знаю, какъ назвать его....

— И это привидѣніе, вѣрно, походитъ на мужчину, а не на подругу?

«Ахъ, да! Но, не смѣйся надо мною: оно не походитъ ни на одну подругу мою; увѣряю тебя, что оно не походитъ и ни на одного мужчину, какихъ я знаю. У него глаза свѣтятся небомъ; у него щеки алѣютъ, какъ заря; онъ *не говоритъ мнѣ ничего*, а *я все понимаю*.

—И мой Теобальдъ точно такъ!

«Ахъ, нѣтъ! Онъ не таковъ! Твой Теобальдъ говоритъ тебѣ, какъ говорятъ другіе мужчины— *ты* не онъ, а онъ *не ты*! Мое привидѣніе такое воздушное, что я дышу имъ, и если-бы

Digitized by Google

надобно мнѣ было говорить съ нимъ, я называла-бы его *я*, а себя *ты*! Онъ жилъ-бы моею жизнью—онъ умеръ-бы, когда не видалъ-бы меня съ собою....» Эмма понизила голосъ: «Онъ не уѣхалъ-бы въ Сарапповъ; не пожалѣлъ-бы своего кашля, и не писалъ-бы ко мнѣ: *вы*! Я разлюбила-бы его за все это, а безъ любви моей онъ не могъ-бы существовать. Его создала любовь моя, и съ смертію моей любви—умретъ онъ!»

Фанни невольно задумалась при словахъ подруги. «Милый другъ! ты мечтаешь!» сказала она. «Того, что создаешь ты себѣ въ воображеніи—нѣтъ въ мірѣ. Но любовь моего Теобальда прекрасна; она совершенно счастливитъ меня....

—Что̀ это за любовь, Фанни, если ты могла существовать прежде, не зная любви своего Теобальда! Прости меня, Фанни— я люблю тебя, и не хотѣла огорчать; но ты сама спрашивала меня— я все сказала тебѣ. Видишь-ли, отъ чего письмо твоего жениха холодитъ меня, какъ кусокъ льду; отъ чего мнѣ такъ тяжело смотрѣть на людей, особливо на мужчинъ, съ ихъ дерзкими взорами, съ ихъ любовью, такою грубою... Нѣтъ! мнѣ не надобно такой любви!

«Но тебя отдадутъ за мужъ, и, можетъ быть, за того молодаго гусара, который говорилъ съ нами, когда мы были на вече-

Digitized by Google

рѣ у М***. Онъ отъ тебя въ восторгѣ— онъ-же такой хорошенькій!

—Я никогда не отдамъ ему руки моей. Дѣдушка не станетъ принуждать меня. Этотъ гусаръ надоѣлъ мнѣ ужасно: онъ всякій день ѣздитъ мимо насъ, и глядитъ къ намъ, прямо въ окны. Неужели онъ любитъ, когда можетъ глядѣть на меня, какъ будто на хорошенькую куклу, и еще прямо, разглаживая свои усы, и щеголяя лорнетомъ? Уродъ! Нѣтъ! ваши люди, ваши мужчины мнѣ не нравятся..... Если-бы можно было мнѣ отказаться вовсе отъ свѣта, когда не будетъ дѣдушки и бабушки, и если-бы я была Руская, я— пошла-бы можетъ быть въ монахини. Тамъ, святая вѣра наполнила-бы всю мою душу, такъ наполнила, что всѣ привидѣнія были-бы изъ нея выпѣснены.... Если-бы я могла полюбить здѣсь кого нибудь на землѣ— Фанни! я умерла-бы: кто пойметъ мою любовь, когда я сама ея не понимаю? Фанни! я чувствую, что мнѣ не жить здѣсь долго; о счастьи я и думать не смѣю: люди не знаютъ счастья, и мнѣ кажется, что все шепчетъ мнѣ: Эмма! тебя ждутъ въ родной сторонѣ! Ты здѣсь пришелица! Не люби такъ, какъ любятъ люди! И небесный дождь, когда онъ падаетъ на землю, дѣлается грязью....

Тутъ снова послышались пронзительные зву-

Digitized by Google

ки, какихъ прежде испугалась Фанни. Теперь можно было яснѣе разслушать, что это были отчаянные крики человѣческіе. Эмма снова задрожала.

—Что̀ это такое, Эмма? Уже въ другой разъ мнѣ это послышалось!

« А я всякій день слышу, и мнѣ кажется, что судьба моя откликается ими, когда я спрашиваю у нея: есть-ли на землѣ счастье для Эммы?

—Растолкуй мнѣ, что̀ это такое?

« Это кричитъ сумасшедшій.

—Какой сумасшедшій?

«Развѣ ты не слыхала, что у сосѣда нашего, Князя С***, года два тому, сошелъ съ ума его сынъ?

—Да, такая жалость! Говорятъ, онъ былъ премилый молодой человѣкъ.

«Я его никогда не видала. Князь всегда живалъ въ Петербургѣ, и по пріѣздѣ въ Москву съ сумасшедшимъ сыномъ, долго жилъ въ своей деревнѣ. Только прошедшею зимою поселился онъ у насъ по сосѣдству, въ своемъ домѣ. Сына его взялся лечить какой-то ученый Докторъ, выписанный изъ Берлина. Но успѣха нѣтъ. Молодаго Князя поселили, съ самой весны въ са-

Digitized by Google

довомъ павильонѣ; говорятъ, онъ безпрестанно приходитъ въ бѣшенство и всегда прикованъ на цѣпи. Онъ кричитъ иногда, такъ ужасно, что у насъ, особливо по утру и въ вечеру, все бываетъ слышно.

—Какой ужасъ!

«Что̀ за ужасъ? Сначала я сама пугалась его крика, а теперь привыкла, хоть невольно содрогаюсь, каждый разъ, когда услышу этотъ ужасный крикъ. Мнѣ все кажется, что этого бѣднаго молодаго человѣка мучатъ, мучатъ за то, что онъ былъ лучше другихъ людей, и онъ проситъ пощады у безчеловѣчныхъ, а его не слушаютъ.

—Это разстроитъ меня на цѣлый день, Эмма—и твой разговоръ при томъ....—Фанни задумалась и тихо промолвила: «Да, можно-бы любить иначе, нежели любитъ мой Теобальдъ.» Она соскочила съ скамьи.— «Пойдемъ въ комнаты!» сказала она, съ принужденною усмѣшкою, и потащила съ собою Эмму по садовой дорожкѣ.

III.

Прошло нѣсколько дней послѣ разговора двухъ подругъ, и опять задумчиво, съ неопредѣленною мечтою, Эмма гуляла въ садикѣ своего дѣ-

Digitized by Google

душки. Прекрасенъ былъ день, ясно было небо; любимцы Эммы, цвѣты, казалось хотѣли сказать ей: «Будь весела, наша милая Эмма! о чемъ ты грустишь? Посмотри: мы ожили твоимъ стараніемъ. Повеселѣй-же, наша Эмма!»

Но Эмма ничего не слыхала, ни на что не смотрѣла; она сидѣла съ своею работою въ бесѣдкѣ, иногда устремляя взоръ на любимую свою грядку цвѣтовъ подлѣ бесѣдки, гдѣ великолѣпно цвѣлъ теперь василекъ, и, казалось, гордился между другими цвѣтами, какъ будто хотѣлъ сказать имъ: *меня любитъ Эмма*!

Вдругъ необыкновенный шумъ привлекъ вниманіе Эммы. Она глядитъ— нѣтъ! она не ошибается: среди яснаго полудня не являются привидѣнія! Но что-же это такое, если не привидѣніе?— Сверхъ каменной ограды, отдѣлявшей Княжескій садъ отъ садика дѣдушки Эммы, появилась растрепанная голова; рука чья-то уцѣпилась за верхъ ограды: это человѣкъ— онъ лѣзетъ на ограду; съ руки его перемахнулась въ садикъ желѣзная цѣпь.... Другою рукою ухватился онъ за ограду— другая цѣпь повисла на оградѣ. Онъ останавливается; глядитъ назадъ; оборачивается въ садикъ; безчувственно глядитъ онъ потомъ на солнце, на небо, на деревья, на цвѣты....

Digitized by Google

Эмма хотѣла бѣжать— холодомъ обдало ее; ноги ея подкосились. Бѣги, Эмма! бѣги, моли своего Ангела-хранителя, спасти тебя! Нѣтъ! силы оставляютъ Эмму! Ужасъ лишаетъ ее возможности бѣжать; она не въ безчувствіи, но какъ будто гремучая змѣя глядитъ на нее, и очарованіемъ глазъ своихъ уничтожаетъ у нея даже самую мысль двинуться съ мѣста.

Внимательно, не понимая сама, что̀ дѣлаетъ, Эмма устремляетъ взоры свои на незнакомца; не можетъ отвести отъ него глазъ своихъ. Она видитъ ясно, что это какой-то молодой человѣкъ: онъ одѣтъ въ сюртукъ; глаза у него голубые, волосы его русые; но— великій Боже! какое лицо— блѣдное, худое; какіе глаза— дикіе, мутные! Волосы его всклочены, падаютъ на плеча, неразчесанные, въ безпорядкѣ; на рукахъ его цѣпи; платье его разорвано. Съ минуту держался онъ за заборъ, и глядѣлъ назадъ, въ садъ Княжескій. Вдругъ въ саду Княжескомъ раздался голосъ: «Вотъ онъ! ловите его!» Лицо незнакомца обезобразилось судорогами. Держась одною рукою за ограду, онъ схватываетъ другою какую-то огромную палку, взмахиваетъ ее и кидаетъ въ садъ Княжескій. Въ одно время раздался въ саду пронзительный вопль и съ нимъ смѣшался безумный хохотъ незнакомца! Быстро вскакиваетъ онъ на ограду, и съ

Digitized by Google

крикомъ, съ дикимъ хохотомъ прыгаетъ въ садикъ дѣдушки Эммы, мгновенно поднимается, кричитъ, бѣжитъ изступленно, перепрыгиваетъ черезъ кусты, топчетъ грядки цвѣтовъ, и стремится прямо къ бесѣдкѣ, гдѣ сидитъ Эмма....

Послѣ перваго мгновенія безчувственнаго, безотчетнаго страха, Эмма поняла, что страшный незнакомецъ долженъ быть молодой сумасшедшій Князь С***; что, вѣроятно, онъ вырвался изъ рукъ своихъ смотрителей, и — пронзительный вопль, слышанный ею въ Княжескомъ саду, означалъ, можетъ быть, убійство приставленнаго къ нему человѣка; что онъ теперь бѣжитъ въ неистовомъ бѣшенствѣ — сумасшедшій, безумный, убійца! Еще разъ мысль о спасеніи мелькнула въ головѣ Эммы; но она не въ силахъ пошевелиться съ мѣста....

И поздно! Съ безумнымъ воплемъ, онъ стремится прямо въ бесѣдку; нога его топчетъ и уничтожаетъ милые васильки, любимцевъ Эммы— цѣпи его глухо ударились о бесѣдку— бѣжать нельзя! Безумецъ загородилъ собою входъ — мутные глаза его пробѣжали по маленькому пространству бесѣдки и устремились прямо на Эмму. Еще мгновеніе — онъ растерзаетъ, задушитъ Эмму своими изсохшими руками. Видъ человѣка приводитъ его въ бѣшенство: онъ ви-

Digitized by Google

дишъ въ немъ своего врага, и безсмысленное выраженіе лица его переходитъ въ ярость — одно чувство, оставшееся ему отъ прежняго состоянія человѣческаго. Злость человѣка и сила звѣря—удѣлъ безумія...

Мысль о смерти была первою мыслью Эммы; но—какую чудную перемѣну ощущаетъ она въ себѣ? Неужели послѣ того, когда человѣкъ вмѣститъ въ груди своей всеобъемлющую *мысль смерти*, все ничтожное, все земное, все, что дѣлало его братомъ червю земли — исчезаетъ въ немъ, и онъ, свободный, вольный въ ощущеніяхъ и поступкахъ, переходитъ къ тому, что носитъ на себѣ знаменіе не-земнаго, только къ тому, что безконечно и необъятно, какъ небо, говоря землѣ, подобно Пери, улетающей въ растворенныя врата Рая: *Прости, земля?*

Эмма вдругъ теряетъ весь страхъ свой, все свое опасеніе: въ безумцѣ, который стоитъ передъ нею, видѣнъ ей не сумасшедшій убійца, но бѣдный больной, страждущій, слабый человѣкъ, и сквозь его, обезображенное болѣзнію и страданіями лицо свѣтлѣетъ для нея какой-то прекрасный юношескій образъ, не страшный, но какъ будто умоляющій ее о пощадѣ, о спасеніи: падшій ангелъ, еще не вовсе утратившій слѣды своего небеснаго происхожденія.

Digitized by Google

Въ самой себѣ, она чувствуетъ необыкновенную, непонятную для нея перемѣну, какъ будто до нея коснулся волшебный прутикъ какого нибудь Просперо, и вмѣсто крови потекло по ея жиламъ что-то горящее, пламенное, и стало брызгать лучами свѣта и огня изъ глазъ ея—и глаза ея засвѣтились этимъ непобѣдимымъ свѣтомъ; и руки ея сдѣлались проводниками небесныхъ огней, которыми гремятъ небеса; и эти молніи, тайно, невидимо отъ взоровъ людскихъ, ввились во всѣ сокровенные изгибы души Эммы; кровь ея быстро закипѣла по всѣмъ ея жиламъ и отразилась на щекахъ ея жаркимъ румянцемъ!

Смѣло поднялась Эмма съ скамейки, на которой сидѣла, протянула руку, и голосомъ, не похожимъ ни на повелѣніе, ни на просьбу, ни на любовь, ни на гнѣвъ, скоро и громко произнесла: «*Кто вы? Что вамъ здѣсь надобно?*»

Какое непостижимое дѣйствіе произвели эти слова, этотъ голосъ на безумца! Казалось, что они сверкнули огнемъ, ударились прямо въ грудь его, причинили ему нестерпимую боль. Дикость выраженія въ лицѣ его исчезла, и замѣнилась болѣзненнымъ ощущеніемъ; мутные глаза его почти закрылись вѣками, какъ будто онъ не въ состояніи былъ смотрѣть на Эмму, прежде, въ безуміи своемъ, смотрѣвши

Digitized by Google

прямо на солнце. Онъ ухватился обѣими руками за грудь свою, и со стономъ произнесъ: «*Ахъ!*»

Теперь онъ уже не былъ тѣмъ страшнымъ незнакомцемъ, который вырвалъ изъ стѣны крѣпкія цѣпи свои, и, взмахнувъ тяжелую палку одною рукою, убилъ своего приставника. Онъ несчастный, больной, слабый юноша, лишенный единственнаго дара Божія, которымъ человѣкъ отличенъ отъ животнаго; онъ меньше нежели звѣрь: онъ *сумасшедшій!*

Эмма видитъ измѣненіе лица его; непобѣдимое чувство состраданія заступаетъ въ ней мѣсто страха и ужаса, заступаетъ невольно, не спрашиваясь ея разсудка. Болѣе: ей кажется, что этотъ бѣдный безумецъ, какъ будто знакомъ былъ ей давно; что она гдѣ-то знавала его, что вопли его, издавна слышанные ею, были призывнымъ кликомъ: Эмма! спаси меня! Онъ едва держится на ногахъ, и Эмма бросается къ нему, хочетъ поддержать его, говоря: «Что съ вами сдѣлалось?» Но едва рука ея коснулась незнакомца, колѣна его дрожатъ; онъ падаетъ передъ Эммою, и, закрывая глаза руками, говоритъ жалобнымъ голосомъ: «Пощади меня; не мучь меня—я не виновать! Они терзали меня нестерпимо!»

Digitized by Google

Эмма не понимала, что̀ ей дѣлать? Она рѣшилась удалиться, сказать дѣдушкѣ, призвать людей, ибо вовсе не знала, какъ должно обходиться съ сумасшедшими. Что она теперь одна въ саду, съ неизвѣстнымъ ей мужчиною— ей вовсе не приходило этого въ голову: она видѣла не мужчину, но какое-то жалкое существо человѣческое, покорное ей, просившее у нея пощады. Только мысль о томъ: какъ и чѣмъ пособить бѣдному страдальцу? заняла всю ея душу. Она рѣшилась однакожь идти изъ сада. Но едва Эмма сдѣлала одинъ шагъ, сумасшедшій сталъ передъ нею на колѣна, сложилъ руки на груди, тихо промолвилъ: «Не уходи, не уходи — побудь здѣсь!» И въ безсиліи упалъ онъ на траву.

Эмма испугалась, опять подошла къ нему, наклонилась и заботливо спрашивала: «Что̀ съ вами? Скажите, что̀ съ вами сдѣлалось?»— Мнѣ больно—здѣсь (онъ указалъ на грудь) — и здѣсь больно (онъ указалъ на голову)! Не уходи — безъ тебя они придутъ и возьмутъ меня....

«Нѣтъ! они не придутъ; скажите, что вамъ надобно?

— Ничего, ничего! Приложи руку твою къ моей головѣ; слышишь-ли, какъ она болитъ у меня? —

Digitized by Google

Эмма приложила руку свою къ головѣ безумца. Онъ дышалъ тяжело, но вдругъ открылъ глаза, и улыбка— можетъ быть, давно небывалый гость — оживила лицо его. Вдругъ онъ приподнялся, сѣлъ на травѣ и теръ глаза руками, говоря:

«Мошки, мошки! Онѣ лѣзутъ мнѣ въ глаза, отгони ихъ!»

Эмма стояла подлѣ него, и начала махать платкомъ, опасаясь раздражить сумасшедшаго своимъ непослушаніемъ. «Нѣтъ! рукой, рукой» — говорилъ онъ — «сдѣлай милость, махни рукой, а не этой тряпицей: мнѣ отъ нея холодно; теперь стало тепло, тепло— ясно, ясно—ахъ! какъ хорошо: мошки улетѣли!»

Въ это время, шумъ нѣсколькихъ голосовъ раздался подлѣ садовой калитки. Эмма оборотила голову и увидѣла дѣдушку. Въ своемъ калпакѣ и халатѣ, старикъ спѣшилъ въ садикъ и бѣжалъ по дорожкѣ; за нимъ поспѣшно слѣдовали трое или четверо незнакомыхъ людей; одинъ изъ нихъ былъ одѣтъ въ Княжеской ливреѣ. Эмма поняла, что Княжескіе слуги пришли за сумасшедшимъ, и испуганный дѣдушка бѣжитъ къ ней на спасеніе, услышавъ объ угрожающей ей опасности. Мысль о спасеніи и страхъ снова взволновали всю душу Эммы, едва уви-

Digitized by Google

дѣла она дѣдушку и Княжескихъ людей; она въ то-же мгновеніе почувствовала и то, какъ неприлично ей было оставаться въ саду одной, съ неизвѣстнымъ человѣкомъ, и какъ опасно быть съ сумасшедшимъ.

Въ одно мгновеніе бросилась она отъ бѣднаго безумца, какъ молнія, достигла до своего дѣдушки и трепеща прижалась къ его груди.

— Охъ! милый другъ мой! — говорилъ старикъ, едва не задыхаясь, и обнимая Эмму — какъ я испугался! Не испугалъ-ли онъ тебя? Какое несчастіе! Можно-ли было предвидѣть!

«Успокойтесь, милый дѣдушка! Я испугалась немного; но онъ такой смирный; онъ ничего мнѣ не сдѣлалъ.

— Слава Богу! Его сей часъ возьмутъ Княжескіе люди! Пойдемъ скорѣе домой. Какъ ужаснули они меня своими разсказами: прибѣжали опромешью; говорятъ, что сумасшедшій убѣжалъ въ нашъ садикъ; что никогда еще не былъ онъ въ такомъ бѣшенствѣ — сорвался съ цѣпи, ушибъ своего приставника...

«А не убилъ, дѣдушка?»—Нѣтъ, только ушибъ больно: бросилъ въ него палкой съ размаха; другихъ людей на тотъ разъ не было при немъ... — Старикъ спѣшилъ весть Эмму; но

Digitized by Google

страшный крикъ осшановилъ ихъ, и заставилъ оборошиться.

Ѣдва удалилась Эмма ошъ сумасшедшаго, онъ громко вскричалъ: «Гдѣ-же тошъ, кто былъ здѣсь со мною?»— Казавшись прежде слабымъ, изнеможеннымъ, онъ какъ будшо вдругъ получилъ опять всю свою неистовую силу; глаза его помутились; волосы стали дыбомъ; онъ вскочилъ, и, увидя подходящихъ къ нему Княжескихъ слугъ, страшно заскрежешалъ зубами.

— Ваше Сіятельство — сказалъ одинъ изъ слугъ—пожалуйше домой.

Сумасшедшій смошрѣлъ на него молча.

— Не извольше противишься— сказалъ другой слуга — Ихъ Сіятельства приказали вамъ пожаловашь домой.

Сумасшедшій захохошалъ. По знаку, данному сшаршимъ изъ слугъ, шрое вдругъ бросились на безумца и схвашили его. Онъ закричалъ раздирающимъ душу голосомъ, и не успѣли оглянуться, какъ двоихъ сшибъ онъ съ ногъ и отбросилъ ошъ себя далеко; шретьяго схвашилъ онъ за горло, перевернулъ черезъ себя, придавилъ его къ землѣ, и со смѣхомъ началъ душишь. Сшарый управишель отчаянно

Digitized by Google

завопилъ: «Ванюша, Ванюша! онъ задушитъ его! Помогите, помогите, ради Господа помогите!» Старикъ не смѣлъ броситься самъ, только кричалъ: «Люди, люди!» и совершенно потерялъ голову. Двое другихъ слугъ едва могли подняться, и не въ состояніи были помочь своему товарищу. Дѣдушка Эммы громко читалъ: Fater unser, и не зналъ, что̀ ему предпринять: бѣжать-ли, помогать-ли?

А Эмма? Весь страхъ, вся робость, какую чувствовала она, снова вдругъ исчезли. Она вырвалась изъ объятій дѣдушки; безотчетно бросилась прямо къ сумасшедшему, и вскричала: «Что̀ вы дѣлаете, Князь?»

Непостижимое измѣненіе! Сумасшедшій оставилъ слугу, котораго душилъ руками, и робко поднялся съ земли, потупилъ глаза, сложилъ руки. Эмма казалась божествомъ, передъ которымъ уничтожаются его злость и сила. Дѣдушка, изумленный ея неожиданнымъ поступкомъ, признавался потомъ, что въ это время онъ не узналъ своей крошкой, тихой Эммы; что лицо ея засвѣтилось чѣмъ-то неестественнымъ; что оживленная чѣмъ-то непонятнымъ, она—съ своимъ скромнымъ, нѣжнымъ лицомъ, своею легкою таліею, когда въ то-же время въ быстромъ порывѣ вѣтерокъ сорвалъ съ груди ея легонькій платочекъ — походила на

Digitized by Google

одного изъ Клопшшоковыхъ безсмертныхъ духовъ. Старикъ любилъ читать *Мессіаду*, и очень любилъ свою Эмму: не удивляйтесь его уподобленію.

— Сядьте здѣсь и будьте спокойны!—продолжала Эмма, все еще сама не понимая, что говоритъ, но смѣло указывая сумасшедшему на дерновую скамейку. Онъ безмолвно повиновался.

— Можно-ли такъ безчеловѣчно поступать? Вы убили-бы этого бѣднаго человѣка!

«Убилъ? А что такое: убилъ? Они били меня, они мучили меня!» — Сумасшедшій заплакалъ, какъ дитя. — «Я не стану драться» — продолжалъ онъ, смотря на Эмму — «если ты этого не хочешь — только не сердись.»

— Какъ можно хотѣть убивать людей! Но сидите-же спокойно.

«Но не уходи-же отъ меня,» сказалъ сумасшедшій, протягивая къ ней руки, «и не вели имъ меня трогать.»

— Будьте только смирны.

«У меня опять заболѣла голова. Дай мнѣ свою руку—вотъ здѣсь у меня болитъ!» Онъ протянулъ свою руку къ Эммѣ; она безпре-

Digitized by Google

пешно дала ему свою руку, и онъ приложилъ ее къ головѣ.

— Лучше-ли вамъ теперь?

«Лучше.» — Онъ отнялъ руку Эммы отъ головы своей, и съ улыбкою, внимательно, разсматривалъ эту милую, нѣжную ручку.

Въ изумленіи отъ всего происходившаго, стояли дѣдушка и слуги Княжескіе. Дѣдушка тихонько подошелъ къ Эммѣ и дернулъ ее за платье. Эмма оглянулась. «Эмма! что ты дѣлаешь! Отойди отъ него; пойдемъ домой!» сказалъ дѣдушка.

— Какъ-же оставить его?—отвѣчала тихонько Эмма, печально улыбаясь.—Вы видите, что онъ только меня и слушается.

«По-Нѣмецки говоритъ!» сказалъ сумасшедшій, улыбаясь и указывая пальцомъ на старика.— Эмма отняла у него свою руку; управитель и слуги осмѣлились опять подойдти ближе. Эмма отступила.

— Ваше Сіятельство.... произнесъ управитель.

Одной рукой сумасшедшій ухватился за бесѣдку, и она вся затрещала отъ его усилія выломишь изъ нея палку. Въ ужасѣ отбѣжали

Digitized by Google

слуги Княжескіе. Эмма снова произнесла: «Вы обѣщали быть спокойны,» и сумасшедшій сѣлъ на скамью, будто послушливое дитя.

— Какъ-же мнѣ уйдти отсюда? — спросила Эмма у дѣдушки.

Слуги подошли къ старику. «Ваше Высокоблагородіе!» сказалъ ему тихо управитель — «позвольте мнѣ доложить объ этомъ Ихъ Сіятельствамъ. Я тутъ ничего не разумѣю, изволите видѣть. Надобно позвать нашего Доктора.»

Но Докторъ шелъ уже въ это время по садовой дорожкѣ. Одинъ изъ слугъ успѣлъ его обо всемъ увѣдомить. Докторъ былъ старый человѣкъ, въ синемъ старомодномъ фракѣ. Онъ отрекомендовался дѣдушкѣ Эммы, съ старинною Нѣмецкою оригинальностію.

— Извините, любезный сосѣдъ — сказалъ Докторъ — а, можетъ быть, когда узнаемъ другъ друга поближе, и любезный другъ, извините, что васъ обезпокоилъ нашъ больной негодяй! Вы не повѣрите, какъ хитръ бываетъ человѣкъ, когда лишится употребленія разсудка. За два часа, я оставилъ его такого смирнаго; онъ пилъ лекарства и, во всемъ меня слушался—а между тѣмъ, вообразите, что онъ напроказилъ послѣ того!

Digitized by Google

«Объясните мнѣ, господинъ Докторъ, что все это значитъ?» говорилъ дѣдушка, указывая на Эмму, сидящую подлѣ Князя, и на Князя, который смотрѣлъ на нее, улыбался, былъ тихъ, спокоенъ, и, казалось, съ жадностью глоталъ воздухъ, сдѣлавшійся для него цѣлебнымъ отъ присутствія Эммы.

Дѣдушка наскоро пересказалъ Доктору всѣ событія. Докторъ угрюмо задумался, долго качалъ головою, долго чертилъ палкою по песку; наконецъ поднялъ голову и протяжно отвѣчалъ: «Изъяснить, любезный сосѣдъ, не откажусь; но прежде всего позвольте мнѣ, какъ честному человѣку, увѣрить васъ, что я не употреблю во зло вашей довѣренности, и потомъ спросить: сколько лѣтъ вашей внучкѣ?

— Я потерялъ дорогою, ѣхавши изъ Петербурга, или въ Петербургѣ гдѣ нибудь, календарь, въ которомъ былъ записанъ день ея рожденія.

«О днѣ ни слова, но годъ....

— То-то и года-то хорошо не знаю; должно быть ей 18 или 19 лѣтъ.

«Характеръ ея?

— Ангельскій.

Digitized by Google

« Это сказано неопредѣленно; судя по виду, должно думать, что характеръ ея *холеро-меланхолическій.*

— Она одно утѣшеніе наше со старухою.

« Хмъ! утѣшеніе! И одна внучка у васъ?

— У нея есть еще братья, маленькіе, премилые шалуны.

« Хмъ!» повторилъ опять Докторъ. «Она должна быть набожна, и, вѣрно, не любитъ общества мужчинъ?

— Не знаю: къ чему клонятся ваши странные вопросы, Г-нъ Докторъ? Мы еще такъ мало знакомы.

« Къ тому, сударь, къ тому—чортъ побери! Зачѣмъ вы давно не выдали за мужъ вашей внучки! Zum Teufel! На что держать дома этотъ гнилой товаръ!

— Г-нъ Докторъ! моя Эмма ангелъ скромности, добродѣтели и невинности.

« Да, я лучше васъ самихъ могу сказать вамъ все это, сударь, я—ученикъ и другъ великаго Месмера (Докторъ приподнялъ свою шляпу)! Вы тутъ ничего не понимаете, а я понимаю (Докторъ утеръ слезу, выкатившуюся изъ его глаза). Чортъ побери! Вѣдь вы желаете

Digitized by Google

счастья вашей внучкѣ? Такъ зачѣмъ-же вы давно не выдали ея за мужъ?

— Господинъ Докторъ!

«Господинъ сосѣдъ! потому, что вы должны были уговорить ее выйдши за мужъ. Неба съ землей мѣшать не надобно. На землѣ надобно думать о землѣ, и если не-земное мѣшается тамъ, гдѣ его не спрашиваютъ, выходитъ дребедень — вы этого не понимаете, а я понимаю. Лечить можно всякой всячиной: я вылечивалъ чахотку отъ любви пилюлями изъ ипекакуаны; tinctura regia, Перувіанскій бальзамъ и Боэргавовъ сахаръ спасли-бы дурака Вертера — и этого сумасшедшаго я вылечилъ-бы, да теперь все пропало! Теперь вѣдь ужь не льзя ихъ разлучить — онъ умрешъ! Эхъ, сосѣдъ, сосѣдъ! какъ можно позволять дѣвчонкамъ гулять въ садахъ, подлѣ которыхъ содержатъ сумасшедшихъ!...

Докторъ съ досадой стукнулъ своею палкою въ землю, и подошелъ ближе къ сумасшедшему. Онъ пристально началъ глядѣть на сумасшедшаго и на Эмму. Эмма потупила глаза, и покраснѣла-бы, если-бы щеки ея, отъ солнца, отъ всего, что было, и отъ сильнаго внутренняго движенія, давно не горѣли, какъ полымя.

Digitized by Google

— Ну! шакъ! Всѣ признаки — точно шакъ.... сердито произнесъ Докторъ.

Сумасшедшій замѣшался Доктора. Эмма отошла въ это время отъ него. Взоръ безумца мрачился и шемнѣлъ.

— Вы опять принялись за ваши дурачества— сказалъ Докторъ Князю — стыдитесь, Князь, стыдитесь!

Сумасшедшій сжалъ кулаки.

— Не нужно сжимать кулаки—вскричалъ Докторъ.—Я велю посадить васъ въ узкій мѣшокъ и капать вамъ воду на голову!

Сумасшедшій готовъ былъ вскочить съ скамейки.

— Можно-ли шакъ жестоко обходиться съ нимъ? — сказала Эмма, обративъ умоляющій взоръ на Доктора.

«Прошу покорно: жестоко обходиться! Ласкайте, ласкайте его; вы еще не знаете, что значитъ человѣкъ сумасшедшій; а не сумасшедшій еще хуже, хуже во сто разъ, говорю я вамъ! Вы этого не понимаете, а я понимаю.

Глухое рыканіе послышалось въ груди сумасшедшаго.— «Теперь все мое леченіе пошло

Digitized by Google

на вѣшеръ по вашей милости!» вскричалъ Докшоръ.

Замѣшивъ желаніе сумасшедшаго броситься на Доктора, Эмма оборотилась къ нему, и напомнила обѣщаніе быть спокойнымъ.

—Позволь мнѣ убить только этого!—шепталъ ей сумасшедшій, робко указывая на Докшора.—Онъ всѣхъ больше меня мучитъ. Я убью его такъ, что никто этого не увидитъ, и потомъ опять буду смиренъ, какъ тебѣ угодно.

Неужели только страхъ наказанія, или выдуманныя человѣкомъ приличія, заставляютъ несумасшедшихъ не говорить того вслухъ, что говоритъ человѣкъ въ безуміи? Или съ потерею ума, человѣкъ теряетъ божественную половину свою, и тогда только остальная половина его— *звѣрь*, остается въ немъ, и кровожадность тигра является въ человѣкѣ ничѣмъ неукротимая? Гнѣвъ не есть-ли сумасшествіе на минуту? Не знаю; но какъ часто человѣкъ съ умомъ мыслитъ то, что лишенный ума говоритъ онъ вслухъ! Загляните въ душу свою безъ свидѣтелей, и — вы содрогнетесь!

«Сударыня! велите ему остаться спокойнымъ, и скажите, что вы пойдете уговаривать меня не мучить его; потомъ пожалуйте

Digitized by Google

подойдите сюда, ко мнѣ. Безъ этого онъ тотчасъ убьетъ меня,» сказалъ хладнокровно Докторъ.

Докторъ говорилъ по-Нѣмецки; сумасшедшій тщательно вслушивался въ слова, не понималъ ихъ, и съ досадою потряхивалъ головой.

—Будьте-же спокойны; сидите здѣсь; я пойду уговорю его помириться съ вами; видите, какой онъ сердитый — сказала Эмма безумному.

«Ты уйдешь,» отвѣчалъ онъ, «и опять они возьмутъ меня. Ахъ! ты не знаешь, какъ они меня мучатъ! И все говорятъ мнѣ, что я сумасшедшій!» Онъ взялъ Эмму за руку; слезы наполнили глаза его.— «А я совсѣмъ не сумасшедшій. Ты видишь, что мнѣ съ тобой хорошо; я стану дѣлать все, что ты мнѣ велишь, только не оставляй меня!» Онъ сталъ на колѣни и держалъ Эмму за руку.

Сердце дѣвушки замирало отъ ощущеній, дотолѣ ей неизвѣстныхъ и теперь непонятныхъ. Она снова уговаривала безумца, и онъ остался неподвиженъ, на колѣнахъ, на своемъ мѣстѣ, глядя на удалявшуюся Эмму. Такъ глядѣлъ онъ на нее, какъ будто все существованіе, вся жизнь его заключалась въ ней.

—Сударыня — сказалъ ей Докторъ — нѣтъ

Digitized by Google

надобностяи изъяснишь вамъ какъ, но только одно скажу, что вы пріобрѣли теперь полную власть надъ этимъ несчастнымъ молодымъ человѣкомъ. Пользуйтесь своею властію, и вы вылечите его непремѣнно. Начинайте теперь-же ваше дѣло.

«Господинъ Докторъ! вы смѣетесь надо мною!» сказала Эмма. «Что я за лекарка!»

—Ну, ну! — вскричалъ Докторъ нетерпѣливо— я не умѣю по вашему изъясняться, и не стану говорить вамъ: будьте его ангеломъ-хранителемъ! Ангеловъ на землѣ нѣтъ; да, и какой вы ангелъ? Вы женщина, изъ костей, крови и мяса.....

«Господинъ Докторъ!

—Госпожа женщина, а совсѣмъ не ангелъ! прошу не сердиться! Угодно-ли вамъ лечить его?

«Если-бы я и могла, то надобна воля дѣдушки.....

—Дѣдушка вамъ тутъ значитъ меньше нуля, поставленнаго къ единицѣ съ лѣвой стороны. Надобна *ваша* воля.

«Я не понимаю.

Digitized by Google

—И не нужно понимать! Много надѣлали-бы люди, если-бы понимали все, что дѣлаютъ!

«Что-же мнѣ дѣлать?

—Пожелайте выздоровѣть ему, такъ пожелайте, какъ вы желаете себѣ царствa небеснаго, какъ вы любите вашего дѣдушку.

«О! больше, больше, если надобно».... Эмма смѣшалась, когда невольно вырвались у нея эти слова. «Я буду молиться объ этомъ каждый день, мыслить каждый часъ!

—Доброе созданіе!— сказалъ Докторъ, крѣпко сжимая ей руку.— Воля человѣка въ молитвѣ непобѣдима. Это.... Но вы не поймете меня! Читали-ль вы Библію? Помните-ль слова Его, Того, Кто самъ сходилъ на землю для страданія: aber ohne deinen Willen wollte ich nichts thun, auf dass dein Gutes nicht wäre genöthiger, sondern freiwillig (*безъ твоей воли ничто-же восхотѣхъ творити, да не аки по нуждѣ благое твое будетъ, но по волѣ*)?

«Ахъ! Г-нъ Докторъ! что̀ значитъ моя воля!

—То, чего никто въ мірѣ превозмочь не можетъ. Поведите меня къ нему; положите руки ваши ему на голову, и три раза проведите

Digitized by Google

ими отъ головы до сердца— то есть, отъ перваго главнаго зла человѣческаго до другаго, еще худшаго. Потомъ скажите ему, что я желаю ему добра; смотрите ему прямо въ глаза; велите ему ѣхать домой и пожелайте ему здоровья.

«Я буду желать и молиться объ этомъ.—

Эмма исполнила слова Доктора. Сумасшедшій все еще стоялъ на колѣняхъ. Она подошла къ нему и положила руки на его голову.

Если только можетъ быть въ человѣкѣ чистая, святая воля на добро—въ это мгновеніе, молитва къ Богу, какую въ душѣ своей произнесла Эмма, молитва, въ которой, забывъ самое себя, она преобразилась въ одно небесное желаніе добра— эта молитва могла силою воли душевной сдвинуть горы и сбросить ихъ въ океанъ, какъ легкія песчинки! Будто непорочный Ангелъ, коснулась Эмма — въ первый разъ въ жизни— сердца мужчины, и слышала подъ рукою своею его трепетаніе; но она не стыдилась и не краснѣла: она не глядѣла тогда на мужчину, сердце котораго билось подъ ея рукою; взоры ея устремлены были на небо, гдѣ безконечная, свѣтлая лазурь, казалась ей лазурью ока Неизмѣримаго, предъ Коимъ пролетаютъ вѣка, какъ пыль, вѣтромъ свѣваемая, и вселенная вещаетъ,

Digitized by Google

какъ бѣдная риза, но оно вѣчно, и неподвижно устремлено на вѣка и на вселенную.

«Твои руки жгутъ меня,» прошепталъ сумасшедшій. « Но сожги, сожги меня — мнѣ такъ хорошо! »

Дикій взоръ его угасалъ постепенно; онъ поднялся съ земли и повелъ рукою по глазамъ, какъ будто снимая съ нихъ что нибудь.

«Вы должны любить этого человѣка и слушаться его»—сказала Эмма, указывая на Доктора. Сумасшедшій робко взглянулъ на него.

— Пойдемъ-те со мною— сказалъ ему Докторъ ласково— вамъ теперь и со мною будетъ хорошо.

Сумасшедшій взглянулъ на Эмму, какъ будто спрашивая: велишь-ли ты мнѣ идти съ нимъ?— Да, иди же съ нимъ— промолвила Эмма тихо.

Докторъ взялъ безумца за руку, повелъ его и наткнулся на платочекъ, упадшій прежде съ груди Эммы. Онъ наклонился, поднялъ этотъ платочекъ и спросилъ у Эммы: « Вашъ-ли?»

—Ахъ, мой!— вскричала Эмма, смѣшавшись.

«Возьмите его въ руки, и потомъ повяжите

Digitized by Google

его на лѣвой рукѣ больнаго. Да, не дурачьшесь-же: извольше дѣлать, что я говорю.— Неужели вамъ жаль этого дряннаго лоскушка, если вы не жалѣете всей своей воли для его здоровья? Знаете-ли, чѣмъ вы, сударыня, жертвуеше для него?»

Эмма не отвѣчала ни слова, и повязала платочекъ свой на руку сумасшедшаго. Докторъ повелъ его къ калишкѣ садика. Безумный не противился; но казалось, что онъ едва можетъ идши; голова его тяжелѣла, глаза закрывались, ноги едва двигались. У калитки садика уже стояла великолѣпная карета Княжеская; два высокіе лакея, въ богатой ливреѣ, растворили дверцы. Сумасшедшаго почти на рукахъ внесли въ карету. Докторъ сѣлъ съ нимъ, и садясь оглянулся на Эмму и на ея дѣдушку, неподвижно стоявшихъ въ садикѣ; онъ усмѣхнулся, ласково махнулъ рукою. Дверцы кареты захлопнули; лакей закричалъ: «*Пошелъ домой*!» и карета загремѣла и быстро укатилась за вороша.

Эмма все еще стояла неподвижно. Что она думала? Не знаю.— Дѣдушка подошелъ къ ней, ласково обнялъ ее, и заботливо спросилъ: «Ты вдругъ такъ поблѣднѣла, моя Эммочка; что съ тобою сдѣлалось? Ты вѣрно чувствуешь себя

Digitized by Google

нехорошо? Пойдемъ, прими поскорѣе раковыхъ жерновокъ! »

Эмма прижалась къ дѣдушкѣ, опустила голову на грудь его и заплакала.

—Эмма, милая Эмма! — говорилъ ей дѣдушка.— Вотъ и старушка наша возвратилась изъ Города. Пойдемъ къ ней.

Тихо повелъ онъ Эмму. Русые локоны дѣвушки переплелпались съ сѣдыми волосами старика, и слезы юности падали на грудь его, среди разрушеній времени вполнѣ сохранившую чувство добра и любви къ милымъ ему людямъ.

(До слѣдующей книжки).

Digitized by Google

ПОВѢРКА ЗАМѢЧАНІЙ О. ІАКИНѲА

НА IV-Й ТОМЪ ИСТОРІИ РУССКАГО НАРОДА.

Кто читаетъ Исторію, долженъ изслѣдовать бытописанія; проникнетъ древнее и настоящее, какъ-бы собственными очами. Устами читай, мыслію вникай!
Санъ-цзы-цзинъ, или Троесловіе. *Пер. съ Китайскаго, О. Іакинѳа* (стр. 20).

Для чего, почтенный и глубоко уважаемый мною О. Іакинѳъ, не припомнили вы всѣхъ этихъ словъ Китайскаго мудреца, когда вздумалось вамъ писать замѣчанія на IV-й томъ И. Р. Н? Я увѣренъ, что вы не рѣшились-бы писать ихъ, припомнивъ сіи слова. Признаюсь, не понимаю я и того: какую причину подалъ я вамъ прибавить на меня къ замѣчаніямъ вашимъ горечь насмѣшекъ, по примѣру многихъ Русскихъ Критиковъ? Но дѣло сдѣлано. Что напишешь перомъ, того не вырубишь и топоромъ, по Русской пословицѣ. Позвольте-же мнѣ теперь отвѣчать вамъ, почтенный О. Іакинѳъ, и не сердитесь, если мечемъ правды я рѣшительно разрублю вашу критику, и послѣ того спрошу васъ: *стоило-ли труда писать подобныя замѣчанія*, и притомъ насмѣшкою оскорблять человѣка, всегда

Digitized by Google

искренно желавшаго вамъ добра, писателя, всегда съ особеннымъ уваженіемъ отзывавшагося о литературныхъ трудахъ вашихъ?

Приступимъ къ дѣлу. Не льзя однакожь напередъ не сказать предварительно нѣсколькихъ словъ, объ участи сочиняемой мною *Исторіи Русскаго народа* въ литературномъ Русскомъ мірѣ. Рѣшительно: не было въ Россіи другой книги, на которую было-бы написано столько критикъ. Но этого мало: всѣ критики были притомъ такъ *не похожи на Критику* — чтобы не сказать болѣе — что читая иныя изъ нихъ, я самъ изумлялся изобрѣтательному искусству нѣкоторыхъ почтенныхъ моихъ собратій, Г-дъ Литераторовъ, умѣвшихъ изъ замѣчаній на ученое сочиненіе составлять обвинительные акты противъ меня, совсѣмъ не въ ученомъ отношеніи. Спрашиваю: въ чемъ меня не обвиняли? Не говорилъли *Г-нъ Ранчъ*, что Исторія Русскаго народа выписана мною изъ рукописныхъ лекцій Г-на Погодина? Не составилъ-ли *Г-нъ Калайдовичъ* особой статьи изъ доказательствъ, что я не умѣлъ написать ея правильно по-Русски? Не обвинялъ-ли меня *Г-нъ Руссовъ* въ безбожіи, издавая особыя, цѣлыя книги въ мое уличеніе? А *Г-да М. Т. Каченовскій, М. П. Погодинъ, А. Ѳ. Воейковъ, А. С. Пушкинъ, Князь П. А. Вяземскій, Н. И. Надеждинъ, Ѳ. В. Булгаринъ*, чѣмъ не бросали въ мою книгу?— Одни сказывали, что я вовсе не видалъ авторовъ, на которыхъ ссылаюсь; другіе, что я все беру изъ бумагъ покойнаго Ходаковскаго; третьи, что я всѣмъ одолженъ присвоеннымъ будто-бы мною бумагамъ по-

Digitized by Google

койнаго Тимковскаго. Задержка въ выдачѣ томовъ Ист. Русск. народа была неистощимымъ источникомъ насмѣшекъ: меня уподобляли купцу, отмѣривающему по три аршина, вмѣсто двѣнадцати; и въ водевильныхъ куплетахъ и въ альманачныхъ эпиграммахъ подтверждали то, что писали въ критикахъ, съ откровенностью изумительною! Не странно-ли, что противъ всего этого *доныне я никому не отвѣчалъ?* Не странно, по многимъ причинамъ. *Первое* потому, что ни въ одной критикѣ я не нашелъ ничего достойнаго отвѣта, кромѣ уличенія въ небольшихъ обмолвкахъ, которыя болѣе относятся къ корректурѣ книги, нежели къ сущности Исторіи; *второе* потому, что большею частію споръ критиковъ шелъ совершенно о пустыхъ словахъ; *третье* потому, что жаль мнѣ было тратить время на антикритику, имѣя средства употребить его съ большею пользою, при совершенной увѣренности, что противниковъ моихъ въ истинѣ ни чѣмъ убѣдить невозможно; наконецъ, *четвертое*, и для меня главное — уваженіе къ самому себѣ не дозволяло мнѣ отвѣчать на статьи, писанныя безъ соблюденія законовъ самой обыкновенной вѣжливости. Это чувство побѣждало мысль, иногда приходившую мнѣ въ голову, что критики моихъ противниковъ могутъ наконецъ поселить предубѣжденіе противъ меня въ умахъ читателей. Но въ семъ случаѣ, я былъ увѣренъ въ благоразуміи и безпристрастіи публики, и — слава Богу! не ошибся. Нетерпѣніе, съ какимъ она желаетъ видѣть окончаніе труда моего, и отзывы многихъ почтенныхъ знатоковъ Исторіи

Digitized by Google

убѣждаютъ меня въ томъ, что читатели и безъ меня рѣшили тяжбу между мною и моими критиками въ мою пользу, и что они видѣли всю неосновательность изданныхъ донынѣ критикъ на Исторію Русскаго народа. Впрочемъ, какъ было этого и не видѣть, ибо дѣло это было слишкомъ явно. Приведу два свѣжіе примѣра: недавно Г-нъ Булгаринъ говорилъ въ Сѣверной Пчелѣ, что *въ одной строчкѣ Карамзина болѣе Логики*, нежели во всѣхъ томахъ И. Р. Н., которые *я издалъ и изданъ?* Подобная гипербола, гдѣ умъ Г-на Критика впадаетъ въ какой-то предвѣщающій восторгъ, годится быть внесенною въ собраніе примѣровъ неправильныхъ риторическихъ фигуръ! — Другое обстоятельство: Г-нъ Надеждинъ, въ *Молвѣ*, вздумалъ утверждать, что описаніе Башыева нашествія выписано мною изъ *Исторіи государства Россійскаго*; для сего онъ беретъ отрывки изъ моей книги, сводитъ оные съ подобными имъ отрывками изъ Карамзина, и находитъ удивительное сходство. Но кто-же подастся на такія доказательства, и не догадается, что въ описаніи Башыева нашествія *выражалась словами лѣтописей*, и слѣдуя *одной и той-же лѣтописи*, Карамзинъ и я необходимо употребляли сходныя выраженія? Тѣмъ легче было все это замѣтить, что въ концѣ IV-го тома И. Р. Н. я *вполнѣ приложилъ лѣтописное описаніе нашествія Монголовъ на Русь*, или, такъ называемую, *Умильную повѣсть*. Все, что казалось почтенному Критику кражею изъ Карамзина, взято было мною изъ этой *повѣсти*, въ чемъ легко можно было убѣдиться всякому. И согласитесь послѣ се-

Digitized by Google

го, что статья Г-на Надеждина отвѣта не стоила?

И такъ — не отвѣчая донынѣ моимъ критикамъ, я *имѣлъ на то свои достаточныя причины.* Вамъ, почтенный О. Іакинѳъ, напрошивъ, хочу отвѣчать, и опять имѣю причины: *первая* та, что не смотря на нѣсколько словъ, которыхъ я *не желалъ-бы видѣть* въ вашей статьѣ, вы пишете не для того только, чтобы побранить меня, а хотите говорить о дѣлѣ; *вторая* та, что рѣчь идетъ о самомъ трудномъ для меня предметѣ: *Восточной Исторіи.* Не зная ни одного Восточнаго языка, я долженъ былъ, съ великимъ трудомъ, основываться на разсмотрѣніи извѣстій Г-дъ Оріенталистовъ. Если изъ отвѣта моего вамъ публика увидитъ, что вы, О. Іакинѳъ, бывши знаменитымъ Оріенталистомъ, не нашли у меня важныхъ ошибокъ, это послужитъ ей доказательствомъ, что я не жалѣлъ труда для обработыванія въ Русской Исторіи *даже и Восточныхъ источниковъ.* Слѣдственно, публика отъ этого можетъ сдѣлать посылку, что въ другихъ матеріялахъ, болѣе для меня доступныхъ, могъ я быть еще исправнѣе, и тѣмъ подтвердится для читателей моихъ увѣренность, что *не робость и не сознаніе въ уликѣ побуждали меня молчать противъ другихъ моихъ критиковъ.*

Позвольте мнѣ, О. Іакинѳъ, сказать здѣсь еще нѣсколько словъ предварительно, вообще о предметѣ, теперь насъ занимающемъ. Я осмѣлюсь увѣр-

Digitized by Google

ждашь, что не только для меня, незнающаго Восточныхъ языковъ, но и для Оріенталиста не-полиглота, и не всеобъемлющаго археографа и глубоко ученаго человѣка, долго еще Востокъ, съ его языками, его Исторіею и Географіею, будетъ дѣломъ весьма затруднительнымъ. Совершенное различіе въ основаніяхъ языковъ и во всѣхъ понятіяхъ, малая обработанность источниковъ, и удивительное разногласіе людей, занимавшихся однимъ и тѣмъ-же предметомъ — вотъ препятствія, непобѣдимыя для всякаго, желающаго хорошо узнать Востокъ. *Индія*, *Аравія*, *Персія*, *Монголія*, *Китай* — это различные міры, изъ коихъ каждый надобно изучать отдѣльно и основательно. Къ сему необходимо надобно присоединить изученіе сношеній Европы съ Азіею, съ древнѣйшихъ временъ; надобно изучить писанія древнихъ Грековъ и Римлянъ, Византійцевъ и Западныхъ народовъ. Но для всего этого мало трехъ жизней человѣческихъ. Отъ того происходитъ большею частію *односторонность* Г-дъ Оріенталистовъ, и трудность изученія Востока основательно и правильно. « *Нѣсть вамъ спасенія, кромѣ Индіи!* » говоритъ Шлегель. « *Нѣсть вамъ спасенія, кромѣ Китая!* » говорите вы, и оба впадаете въ ошибку. *Васъ* именно, почтенный О. Іакинѳъ, причисляю я къ *одностороннимъ Оріенталистамъ*. Вы весьма хорошо знаете Китай и языкъ Китайскій; но, при незнаніи Запада Азіи, весьма часто вы ошибаетесь, когда рѣчь идетъ о чемъ нибудь внѣ Китая и Китайскаго языка, и эти ошибки видны даже не знатокамъ. Если вамъ угодно, что даже я, не Оріенталистъ, могу вамъ доказать это примѣрами.

Digitized by Google

Сказавъ о малой обработанности источниковъ и разногласіи писателей, занимавшихся Востокомъ, спѣшу предупредить возраженіе тѣхъ, кто станетъ утверждать, что все это встрѣчается во всѣхъ другихъ предметахъ Наукъ и Знаній. Согласенъ; но нигдѣ это не явно такъ, какъ въ изученіи Востока; нигдѣ нѣтъ такихъ разительныхъ противорѣчій; и по причинѣ малаго числа людей, могущихъ дѣлать повѣрку, изученіе Востока и его Исторіи для насъ всего труднѣе, всего сбивчивѣе.

Приведу немногіе примѣры, въ доказательство словъ моихъ. И не Оріенталистъ можетъ убѣдиться, что прежніе Западные Оріенталисты почти вовсе не годятся, при усовершенствованіяхъ новѣйшихъ свѣдѣній о Востокѣ. *Дегинь*, *Гобилъ*, *Майлла*, *Гербелоты*, *Дела-Круа*, *Галланы*, съ ихъ переводами, съ ихъ системами, потеряли нынѣ половину своей цѣны. Обратимся къ новѣйшимъ: *Гаммеръ* выдалъ намъ цѣлую книгу о происхожденіи Руссовъ; Г-нъ Сенковскій доказывалъ ему, что вся его книга есть сцѣпленіе ошибокъ; *Г-нъ Шармуа*, соглашаясь съ этимъ, утверждалъ, что самъ *Г-нъ Сенковскій* надѣлалъ много ошибокъ, хотя и менѣе Гаммера. *Г-нъ Шмидтъ* выдалъ книгу объ Исторіи Востока; *Г-нъ Клапротъ* доказывалъ ему, что онъ вовсе не понимаетъ дѣла, и въ тоже время спорилъ съ вами, почтенный *О. Іакинѳъ*, и спорилъ не о бездѣлкахъ, но о самомъ основаніи того, что говорили вы и Г-нъ Шмидтъ. Съ обѣихъ сторонъ сыпались притомъ брань и укоризны;

Digitized by Google

соперники взаимно уличали другъ друга въ мнимомъ, или настоящемъ, Богъ знаетъ — невѣжествѣ. Мы обрадовались было, когда *С. де-Саси* вступился въ споръ между Г-ми Клапротомъ и Шмидтомъ; но С. де-Саси говорилъ много, и только запуталъ споръ, такъ, какъ и *Абель-Ремюза*, посредникъ между вами и Клапротомъ. Положась на переводы *Узелея*, Эверсъ основалъ на нихъ цѣлую Исторію о древнихъ Руссахъ, но *Г-нъ Френъ* доказалъ, что Узелей самъ ошибся и ввелъ въ ошибку Эверса и Г-на Каченовскаго, который послѣдовалъ за Эверсомъ. Въ тоже время *Фатеръ* и *Нейманъ* спорили противъ этого и создали свои особенныя системы. *Шлегель* бранится на *Англійскихъ Оріенталистовъ*, и доказываетъ, что они невѣжды, а тѣ доказываютъ тоже самое Шлегелю.

Подобныхъ примѣровъ могъ-бы я привесши вдвое болѣе; но и сихъ, кажется, довольно въ доказательство словъ моихъ, что Восточные матеріялы для Русской Исторіи должны были составлять для меня предметъ весьма затруднительный. Скажу вамъ, какъ я поступалъ въ семъ случаѣ: я собралъ и внимательно перечиталъ множество разнообразныхъ книгъ о Востокѣ: вашихъ, Г-дъ Клапрота, Шмидта, Сенковскаго, Дегиня, Гербелота, Дела-Круа, Риттера, Крейцера, Абель-Ремюза, и проч.; тщательно сличалъ я ихъ потомъ, соображалъ, старался узнать истину, не думая объ именахъ авторовъ, и — ваши замѣчанія въ *Молвѣ* могутъ быть доказательствомъ, что я избралъ лучшую методу, ибо, слава Богу, вы *не нашли у*

Digitized by Google

меня важныхъ ошибокъ, по тщательномъ пересмотрѣ всего того, что я почелъ за нужное включить въ Исторію Русскаго народа изъ Восточной Исторіи. Сказавъ это, надобно доказать. Согласенъ, и по порядку *переберу я здѣсь все, что вамъ*, почтенный О. Іакинѳъ, *угодно было напечатать въ* Молвѣ. Всѣ ваши замѣчанія приведу я здѣсь вполнѣ, отмѣтивъ ихъ вводными знаками:

1. *Безбожіе Китайцевъ и фатализмъ Магометанъ* (И. Р. Н. т. IV, стр. 31). «Совѣтую Г-ну «Полевому, въ V-мъ томѣ И. Р. Н. въ числѣ по- «грѣшностей помѣстить, что здѣсь, вмѣсто: *без-* «*божіе*, должно читать: *единобожіе*, или яснѣе: «*натурализмъ* Китайцевъ. Это ближе къ истинѣ.»

Благодарю за совѣтъ, но ему не послѣдую, ибо не понимаю: что вы разумѣете подъ словомъ: *натурализмъ?* Если *пантеическій матеріализмъ*, то мое слово: *безбожіе*, именно выражаетъ это яснѣе вашего. Сколько мнѣ извѣстно, изъ всего, что я читалъ о Китаѣ, Китайцы именно не имѣютъ никакой религіи, не воздвигаютъ храмовъ и не молятся никакому Богу. Вѣря въ нравственность, сведенную на неизмѣняемые обряды, они покланяются предкамъ и мудрецамъ, но какъ *святымъ людямъ*, а не *богамъ*, и притомъ не имѣютъ никакой идеи о будущей жизни и всѣхъ другихъ догмашахъ, коими необходимо должна сопровождаться всякая религія, имѣющая въ основаніи идею *индивидуальнаго отъ вселенной*, хотя-бы и *абсолютнаго* Божества. Словомъ: Китайская *Религія* есть

Digitized by Google

чистый *Аѳеизмъ*, а это слово всегда переводится по-Русски, да иначе и перевести его нельзя, *безбожіемъ*. Лишенные поэзіи, закованные въ неподвижность общественныхъ идей, Китайцы создали себѣ и соотвѣтственную сему религію — какой-то міръ нравственной пустоты *безъ Бога* и *безъ вѣры* (*).

(*) Для поясненія словъ нашихъ, приводимъ здѣсь отрывокъ изъ наставленія, какое дано было отъ Китайскаго Правительства посланникамъ, отправленнымъ къ Калмыцкому Хану, черезъ Россію (Китайское и Манджурское описанія сего путешествія напечатаны въ Пекинѣ въ 1723 г., и экземпляры онаго, вывезенные Рассохинымъ, должны хранится въ Библіотекѣ СПбургской Акад. Наукъ. Переводъ, Рассохинымъ сдѣланный, помѣщенъ былъ Миллеромъ въ *Ежем. Сoч.* 1764 года). Предполагая, что Русскій Императоръ захочетъ видѣть Китайскихъ Пословъ, и станетъ съ ними говорить, велѣно было имъ отъ Китайскаго Правительства, *если онъ спроситъ о вѣрѣ*, отвѣчать: « Вѣра нашего государства состоитъ въ вѣрности къ Государю, въ послушаніи родителямъ, въ чистой совѣсти, въ познаніи истины и правды, и въ содержаніи своего слова вѣрно; сіи добродѣтели содержимъ мы ненарушимо, и какъ государство приводимъ въ добропорядочное состояніе ими, такъ равнымъ образомъ и самихъ себя исправляемъ, и содержимъ оныя

Digitized by Google

II. *Монголы называли Мугаммедань Таджиками, и это имя навсегда осталось именемъ Бухарцевъ.* (И. Р. Н. ш. IV. стр. 31). Не *Таджиками*, а *Таджиками*, сказалъ я, и въ доказательство, что Бухарцевъ донынѣ такъ называютъ, сослался на книгу Барона Мейендорфа.

« Думаю, что въ Москвѣ довольно находится « торговыхъ Бухарцевъ, и Г. Полевому не боль- « шаго-бъ труда стоило повѣрить съ ними повѣ- « ствованіе Барона Мейендорфа. »

добродѣтели съ такою крѣпостію, что хотя-бы намъ случилось быть и въ самыхъ крайнихъ бѣдахъ, или напастяхъ, однакожь смерть насъ не устрашаетъ, и ее принимаемъ мы безъ всякой боязни, не нарушая нашей вѣры ни малаго члена. Хотя нынѣ во многихъ государствахъ по своей вѣрѣ молятся Богамъ, и приносятъ жертвы, однакожь оныя не токмо помянутыхъ главныхъ, но и другихъ никакихъ добрыхъ дѣлъ не дѣлаютъ; и такъ молитвы ихъ ничего имъ не помогаютъ. Но что касается до нашего государства, то оное вѣрность къ Государю, послушаніекъ родителямъ, чистую совѣсть, познаніе правды и содержаніе своего слова вѣрно имѣя во всѣхъ дѣлахъ за первыя добродѣтели, исполняетъ ихъ дѣломъ со всею возможностію, и потому во всемъ нашемъ государствѣ процвѣтаетъ изъ давнѣйшихъ лѣтъ великая тишина; » и проч.

Digitized by Google

Смѣшно было-бы мнѣ спрашивать у какого нибудь невѣжды Бухарца, когда я имѣлъ передъ собою книгу ученаго путешественника, собиравшаго свои свѣдѣнія на мѣстѣ, въ Бухаріи. Но въ чемъ дѣло? Развѣ, О. Іакинѳъ, вы не вѣрите этому, и развѣ Баронъ Мейендорфъ *говоритъ неправду?* Посмотримъ ваше изъясненіе:

«*Таджикъ* есть *Бухарское слово*; въ переводѣ «значитъ: *горнь*, или *простой народъ*. Симъ словомъ «Турки, издавна господствующіе въ Бухарѣ, на«зываютъ *коренныхъ жителей сего государства* въ «отношеніи къ себѣ, и сіе слово отъ давности «шакъ срослось съ Бухарскимъ народомъ, что ны«нѣ даже *Бухарецъ*, встрѣтившись съ иностран«цемъ, спрашиваетъ: «Знаетъ-ли онъ говоритъ «*по-Таджикски*, т. е. по-*Бухарски?*»

Слѣдственно: Баронъ Мейендорфъ правъ, говоря, что коренные Бухарцы называютъ сами себя, и называются отъ другихъ: *Таджики?* И, слѣдственно, мнѣ не было надобности спрашивать объ этомъ у пріѣзжающихъ въ Москву Бухарцевъ? Но вы велите мнѣ спросить у Бухарцевъ о *значеніи* самаго слова, т. е. вы не вѣрите *Монгольскому* его происхожденію, увѣряя, что оно *Бухарское*, и значитъ: *горнь*. Въ семъ случаѣ лучше Бухарца я располкую вамъ, почтенный О. Іакинѳъ, что слово: *Таджикъ* происходитъ изъ западной Азіи: древніе Персы называли Арабовъ Мугаммеданъ: *Тази*, Сиріяне *Таджи*, Армяне *Даджикъ*. Отсюда перешло это къ Туркамъ; и когда Мугаммедане-Арабы покорили Бухару, сосѣдніе Турки стали называть

Digitized by Google

ее *Таджикъ*. Потомъ переняли это имя Монголы, называя онымъ *осѣдлыхъ Турковъ, составлявшихъ Хоразмійскую имперію, и вообще Мугаммеданъ*. Когда-же воздвиглась *Чагатайская имперія* Монголовъ въ Бухаріи, имя *Таджикъ* стало означать *первобытныхъ Бухарцевъ*, и невѣжды Бухарцы такъ себя донынѣ называютъ, можетъ быть, принимая это въ значеніи слова: *простолюдинъ*.

III. *Имя:* Чингисъ-Ханъ, *значитъ:* le Khan des Puissants, *и составлено изъ Монгольскаго слова:* чинъ, puissant, *а* гисъ *означаетъ множественное число.* Темудзинъ *значитъ*: воинъ, *и происходитъ отъ Монгольскаго слова*: шема, guerre. См. Histoire des Mongols, соч. Оссона, I стр. 70. (И. Р. Н. ш. IV. стр. 34).

« Если-бы Г. Полевой, касательно Монгольскихъ «именъ снесся, вмѣсто Оссона, съ Г. Шмидтомъ, « то предохранилъ-бы себя отъ столь нелѣпаго « толкованія словъ: *Чингисъ-Ханъ* и *Темудзинъ*. »

Нелѣпаго сказано слишкомъ тяжело; можетъ быть: *сомнительнаго*; но, по крайней мѣрѣ, *не я* выдумалъ это толкованіе, ибо ссылаюсь на автора, коему слѣдовалъ. Вы велите мнѣ спрашивать у Г-на Шмидта, а иной сказалъ-бы мнѣ, можетъ быть, что я долженъ спросить у кого нибудь другаго, напримѣръ: у Г-на Игумнова, Г-на Ковалевскаго, Г-на Разгильдеева, и другихъ знатоковъ Монгольскаго языка. Кого-же мнѣ прикажете слушать? Не дѣлая себя судьею въ томъ, чего я хорошо не знаю, скажу одно, что истолкованія именъ: *Чингисъ-Ханъ* и *Темудзинъ*, мною приведенныя,

Digitized by Google

именно шакъ означены у Оссона. Онъ говоритъ: На курилтаѣ 1206 г. Монголы разсуждали, что Темудзинъ, après avoir vaincu et détruit plusieurs souverains qui portaient le titre de *Gour-khan*, c'est-à-dire de *puissant khan*, il ne lui convenait pas d'adopter la même qualification dont l'éclat était terni; que le ciel ordonnait qu'il prit le titre de *Tchinkguiz khan*, ou de *khan des puissants*. Въ примѣчаніи, Г-нъ Оссонъ прибавляетъ: *Tchink* signifie *puissant* en mongol, et la particule *guiz* marque le pluriel. Le nom de Témoutchin veut dire *guerrier*; il est formé de *téma*, qui signifie *guerre* en mongol.

Если вамъ этого недостаточно, я раскрываю Абулгази, и нахожу въ немъ: Le mot *Zin* en langue Mogule veut dire *grand*, et la terminaison *gis* faisant le superlatif, *Zingis* veut dire *le plus grand* (Hist. Genéalog. ч. III, стр. 195). — Вы скажете, что все это несправедливо? Пусть шакъ; но, покрайней мѣрѣ, согласитесь-же, что я имѣлъ достаточныя причины, на коихъ основалъ толкованіе именъ Монгольскаго героя (*). Сдѣлайте одолженіе, О. Іакинѳъ,

(*) Надобно сказать здѣсь, что Г. Шмидтъ (Gesch. der Ost-Mongolen, стр. 376, 379) также не вѣритъ Оссонову изъясненію словъ: *Темудзинъ* и *Чинеисъ*. Онъ говоритъ: «*Воинъ* по-Монгольски называется *Дайтшинъ*.» Далѣе:» Zwar heisst *temetseku*» streiten, sich, etwas streitig machen» und *temetsel* « Streit, Wettstreit, » es kann *aber in keinem Fall dieses Wort auf Krieg oder kriegerische Eigenschaften bezogen werden*; auch müsste der

Digitized by Google

расположуйше намъ это лучше. Вы согласны на сіе, и продолжаете :

« Слово : *Чингисъ*, сами Монголы считаютъ *про-*

---

daraus abgeleitete Name alsdann *Temetsekitchi* oder *Temeteseldukitschi* heissen. Слово: *Streit*, по-Нѣмецки значитъ иногда *война*, вообще *споръ*, *состязаніе*, *борьбу*; нынѣшніе Монголы могли также потерять древнее значеніе слова : *Тета*, передѣлать его въ *Temet*, и потерять значеніе и этого слова, какъ далѣе доказываю я это примѣромъ Русскихъ словъ. И такъ, сомнѣніе почтеннаго Г-на Шмидта не убѣждаетъ меня. Тоже думаю я, когда Г-нъ Шмидтъ говоритъ о значеніи слова: *чинъ—Tching* ist zwar ein mongolisches Adverbium ; bedeutet aber nicht « machtig , » sondern « fest , unerschütterlich, z. B. *tsching bischirel* » unerschütterlicher Glaube , festes Vertrauen. » Далѣе Г-нъ Ш. утверждаетъ, что и въ семъ смыслѣ, слово: *чинъ* не принимаетъ множ. числа. Согласенъ; но Г-нъ Шмидтъ упускаетъ изъ вида, что его доказательства берутся изъ *нынѣшняго Монгольскаго языка*, и, вѣроятно, *какого нибудь нарѣчія частнаго*; а все это могло въ теченіе 600 лѣтъ, протекшихъ отъ Темудзина до нашего времени, измѣниться. Довольно, если остаются хотя *немногіе слѣды* для подтвержденія словъ Западныхъ писателей Азійскихъ, на которыхъ основывались Абулгази, Оссонъ, и другіе.

Digitized by Google

«*именованіемъ*, и *не даютъ ему никакого значе-*
«*нія.*»

Этому повѣрить не льзя, ибо вы сами, О. Іакинѳъ, пишете о курилтаѣ 1206 года: «Князья и чины «*поднесли ему* названіе *Чингисъ-Хана*» (Исп. Хановъ, стр. 35). Неужели Темудзину *поднесли имя*, которое *не имѣло никакого значенія?* Нѣчто подобное прежде васъ утверждалъ миссіонеръ Гобиль; но не вѣрьше, почтенный О. Іакинѳъ, словамъ Гобиля, такъ-же какъ не вѣрьше Китайской сказкѣ, будто имя *Чингисъ* произведено отъ крика небесной птички, которая прилетѣла на курилтай 1206 года и кричала: *Чингисъ, Чингисъ!* Примите также за аксіому слѣдующее: *ни одного слова нѣтъ, ни въ одномъ языкѣ, которое не имѣлъ-бы значенія.* Слова, коихъ этимологію вывесть кажется невозможно, означаютъ только, что *первоначальное производство* оныхъ утрачено, или затемнѣно невѣжествомъ. Но — позвольте! Вы сами говорите далѣе:

«Слово: *гинъ*, означаетъ «истинный.»

Слѣдственно: есть-же значеніе у этого несчастнаго слова: *гинъ?* Слѣдственно, вы сами себѣ противорѣчите, О. Іакинѳъ, и Монголы, утверждающіе противное, говорятъ безсмыслицу? Мимоходомъ, позвольте спросить однакожъ: на чемъ вы основываете это новое толкованіе слова: *гинъ?* Безъ доказательствъ, позвольте мнѣ не повѣрить вашему голословному утвержденію.

«Но члена: *гизъ*, нѣтъ въ Монгольскомъ языкѣ. «Множественное число Монгольскихъ словъ обра«зуется черезъ отдѣльное или слитное прибавле-

Digitized by Google

« ніе на концѣ слѳвъ членовъ: *каръ*, или *ыръ*, *отъ* « или *утъ*, и буквъ З и Д. » —

Не спорю, но ссылаюсь на книгу Оссона и на Западныхъ Азіятцевъ, которые утверждаютъ прошивное. Нѣтъ-ли у васъ какой нибудь ошибки, О. Іакинѳъ? Не спрашивали-ль вы у какого нибудь невѣжды - Монгола, какъ мнѣ велите спрашивать у невѣждъ Бухарцевъ? Можетъ быть, нынѣшніе Монголы не знаютъ древняго языка Монгольскаго, и измѣнили формы его, какъ мы измѣнили формы языка Славянскаго. Какой Русскій мужикъ изъяснитъ вамъ теперь имена: *Борисъ*, *Глѣбъ*, *Всеволодъ*, или скажетъ вамъ о *двойственномъ* числѣ именъ? — Спросите у образованнаго Рускаго, не знающаго хорошо древнихъ нашихъ, письменныхъ памятниковъ, о значеніи словъ: *задница*, *порты*, *трудъ*, *слобода*, *зелье*? Можетъ-ли онъ изъяснить вамъ, что сіи слова значили нѣкогда: *наслѣдство*, *одежда*, *печаль*, *свобода*, *порохъ*? А мы, Рускіе, кажется попросвѣщеннѣе Монгольскихъ варваровъ.

« *Темудзинъ* произведено отъ слова: *Тэмуръ*, « *желѣзо*, и значитъ: лучшее желѣзо, или укладъ. »

Позвольте этому не повѣрить, ибо между *Темудзинъ*, или, какъ вы пишете, О. Іакинѳъ, *Тэмуцзинъ*, и *Тимуръ* великая разница! Значеніе слова: *Тимуръ*, я зналъ и прежде, но нигдѣ не находилъ, чтобы Оріенталисты симъ словомъ изъясняли имя Темудзина.

« Впрочемъ, слова: *Чингисъ* и *Темудзинъ*, вовсе « *не употребляются* въ *обыкновенныхъ рѣчахъ*. »

Digitized by Google

Этихъ словъ я вовсе не понимаю, хотя они, кажется, и написаны по-Русски. Что̀ шакое хотите вы сказать, О. Іакинѳъ, говоря: *не употребляется въ обыкновенныхъ рѣчахъ?*

IV. *Прибавьте: сколько лжей и нелѣпостей надобно прежде всего разрѣшить въ разныхъ памятникахъ Китайскихъ, Турецкихъ, Византійскихъ, и проч.* (И. Р. Н. ш. IV. стр. 36).

«Изъ сихъ словъ безошибочно можно заключить, «что Г. Полевой еще не имѣетъ *правильнаго по-«нятія* объ Исторіяхъ *Турецкихъ* и *Китайскихъ*, «а потому объ нихъ скажу нѣсколько словъ.»

Слѣдственно, вы думаете, что я судилъ о Китайскихъ и Турецкихъ Историкахъ неправильно? Радъ послушать, что̀ скажете вы мнѣ, О. Іакинѳъ, и поучиться. Но вы обращаетесь сначала къ Византійцамъ.

«Что касается до Византійскихъ Историковъ, «то они *давно уже поняты* Европейскими учены-«ми. Предоставляю Г-ну Полевому самому, хотя «бѣгло, *осмотрѣть разрѣшенные.*»

Повторю и здѣсь, что хотя это *написано по-Русски*, но опять я, право, не понимаю, что̀ значитъ: *поняты учеными*, и *осмотрѣть разрѣшенные?* Кажется, почтенный О. Іакинѳъ, вы хотите сказать, что я *худо знакомъ* съ Византійскими Историками; не знаю мнѣнія о нихъ Европейскихъ ученыхъ, и несправедливо почитаю Византійцевъ писателями невѣждами, исполненными лжей и нелѣпостей? Смѣю увѣрить васъ, что не только я знаю Византійцевъ

Digitized by Google

по критическимъ выборкамъ изъ нихъ Европейскихъ писателей, но для Русской Исторіи особенно имѣлъ я тяжкую необходимость читать огромные кварианты *Стриттера*, и много изъ огромныхъ фоліантовъ, именуемыхъ: Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae, ибо и это было мнѣ необходимо. Далѣе скажу вамъ, что Европейскіе ученые говорятъ тоже самое, что я говорю о *Зонарахъ*, *Кедринахъ*, *Скилиціяхъ*, *Халкокондилахъ*, *Пахимерахъ*, и прочихъ Византійцахъ, т. е. что это суть *писатели, показывающіе совершенный упадокъ Исторіи и науки, совершенное отсутствіе критики, хвастовство, суевѣріе и невѣжество, доведенныя до высочайшей степени*, такъ, что пользуясь Византійцами, надобно имѣть величайшую осторожность и безпрерывно повѣрять ихъ, не только изслѣдованіями другихъ источниковъ, но даже *просто здравымъ разсудкомъ*. Въ доказательство всего этого могу представить вамъ мнѣнія *Гиббоновъ*, *Шлецеровъ*, *Нибуровъ*, и еще болѣе примѣры изъ Византійцевъ, которые могутъ убѣдить васъ гораздо лучше. Вслѣдствіе всего этого, почтенный О. Іакинѳъ, оставимъ Византійцевъ, которыхъ, какъ изъ словъ вашихъ видно, *не я*, а *сами вы* плохо знаете; поговоримъ лучше объ Историкахъ Турецкихъ и Китайскихъ.

«Турецкіе Историки наиболѣе основываются на «устныхъ сказаніяхъ. По сей причинѣ, извѣстія «ихъ о разныхъ происшествіяхъ въ политическомъ «мірѣ, въ *главномъ* вѣрны, а *въ подробностяхъ, по «большой части, неточны*, особенно касательно »времени ихъ событія. Сказанія ихъ о жизни

Digitized by Google

«славныхъ мужей *обыкновенно начинаются родо-*
«*словіемъ отъ Ноя, а за симъ родословіемъ слѣдуетъ*
«*чудесное рожденіе описываемаго героя.* По незна-
«нію иностранныхъ языковъ, *они* (Турецкіе Исто-
«рики) большею частію *ложно толкуютъ иностран-*
«*ныя слова*; по незнанію всеобщей Географіи, *не-*
«*опредѣлительно говорятъ объ отдаленныхъ стра-*
«*нахъ;* по невѣжеству въ Физикѣ, *къ важнымъ со-*
«*бытіямъ нерѣдко присоединяютъ баснословіе.* »

Скажите-же послѣ сего, почтенный О. Іакинѳъ: слова ваши, не есть-ли подтвержденіе моихъ словъ, что Турецкіе Историки *исполнены нелѣпостей?*

« Но *должно присовокупить*, что самая *нелѣпость*
« ихъ *всегда* имѣетъ *Историческое основаніе.* »

Если-бы вы сказали: *иногда*, или *часто*, даже *почти всегда*, то я, можетъ быть, не сталъ-бы противорѣчить. Но, слово: *всегда* — это гипербола, которую опровергать не стоитъ труда! Въ доказательство, вы приводите мѣсто изъ Абулгази (только не съ 451 стр. его Исторіи, какъ у васъ сказано, а съ 359-й), гдѣ упоминается о произведеніи колдунами Огогая зимы. Находя у Китайцевъ, что тогда точно *было холодно*, вы торжествуете! Но если я вамъ укажу сто мѣстъ, гдѣ вранью Турецкихъ Историковъ нѣтъ никакого основанія? И притомъ, что-же такое я говорилъ? Развѣ я рѣшительно *отвергалъ Турецкихъ Историковъ*? Нѣтъ! я сказалъ только, что *прежде нежели начнемъ заимствовать изъ нихъ*, надобно въ нихъ *разобрать истину отъ тысячи нелѣпостей*, такъ, какъ въ Византійцахъ.

Digitized by Google

« Одно сіе обстоятельство (произведеніе зимы « колдунами) довольно показываетъ, что Европейско- « му Исторіографу, желающему пользоваться Турец- « кими Историками, предварительно нужно знать « нравы, обычаи, законы, и *отчасти языкъ* описы- « ваемаго имъ народа, также и мѣстности страны, « обитаемой онымъ; а безъ сего невозможно отдѣ- « лить въ нихъ истину отъ примѣси лжи, предраз- » судковъ и баснословія, особенно при невѣрномъ « переводѣ. »

Все это правда; но *зная языкъ*, для чего и прибѣгать къ невѣрнымъ переводамъ? Опять всѣ слова ваши, О. Іакинѳъ, не суть-ли подтвержденія *именно того*, что я сказалъ о необходимости раздѣленія нелѣпостей и истины въ Турецкихъ Историкахъ? При этомъ раздѣленіи иногда не пособитъ ни языкъ, ни мѣстность и ничто, ибо часто нелѣпость не имѣетъ никакого основанія: будете *догадывать- ся* объ истинѣ — и только! У насъ въ Русскихъ Лѣтописяхъ есть сказки о сожженіи Коростеня Ольгою, о спасеніи Бѣлгорода киселемъ. Какая мѣстность и какое знаніе языка поясняетъ намъ происхожденіе и значеніе сихъ обѣихъ сказокъ? Выводимъ изъ нихъ только одно: *вѣроятно*, Коростень былъ взятъ и сожженъ; *вѣроятно*, Бѣлгородъ спасли, показавъ непріятелю запасы; если угодно — выводимъ еще: *вѣроятно*, въ Руси, до Нестора, ѣдали уже кисель съ медовою сытою, и голуби живали подъ застрѣхами. Такъ и въ Турецкихъ Историкахъ: когда они пишутъ, что Тамерланъ шелъ къ сѣверу столь далеко, что уже

Digitized by Google

не видалъ ночи; что Батый проходилъ къ Москвѣ густымъ лѣсомъ, сквозь который змѣя не могла проползти; что Бачманъ, Государь Кипчацкій, убѣжалъ на островъ рѣки Волги, но поднялся вѣтеръ, и разогналъ волны рѣки, такъ, что Монголы прошли на островъ по суху — истина, если угодно, шутъ видна; но никакое знаніе языка и мѣстности не докажетъ намъ, чтобы прибавленія къ истинѣ не были нелѣпы. Предлагаю все это на безпристрастный судъ вашъ, О. Іакинѳъ, и обращаюсь къ Китайскимъ Историкамъ.

«Китайская Исторія *пишется самимъ Правитель-*
«*ствомъ*, и составляется *изъ ежедневныхъ кабинет-*
«*ныхъ протоколовъ* текущимъ государственнымъ
«дѣламъ. *Слѣдовательно*: здѣсь ложь и нелѣпости
«никакъ допущены быть не могутъ.»

И неужели, почтенный О. Іакинѳъ, ваше *слѣдовательно* не есть шутка надъ нами? Помилуйте! Неужели *ежедневные кабинетные протоколы* Китайцевъ идутъ до самыхъ глубокихъ временъ, за двѣ, за три тысячи лѣтъ до Р. Х.! Неужели вы не шутя вѣрите, что если *само Правительство* (Китайское) *пишетъ свою Исторію*, то въ ней все излагается такъ вѣрно, какъ передъ Страшнымъ Божіимъ Судомъ? Нѣчто подобное вы уже говорили въ *Молвѣ*, по поводу замѣчаній въ Телеграфѣ о томъ, что весьма много есть нелѣпаго въ Китайскихъ извѣстіяхъ, изъ коихъ вы составили *Исторію Тибета и Хухунора*. Признаюсь: я посовѣстился тогда отвѣчать вамъ! И теперь, пусть другіе рѣшатъ: справедливо-ли ваше утвержденіе, и должно-

Digitized by Google

ли опровергаешь его указаніемъ на тысячи хвастливыхъ лжей и нелѣпостей самыхъ варварскихъ, коими исполнены извѣстія Китайцевъ? Впрочемъ, послѣ столь утвердительнаго приговора вашего правдивости Китайцевъ, вы вдругъ дѣлаете важную уступку:

« Но какъ Китайцы не имѣютъ тѣсныхъ связей « съ отдаленными государствами, также не зани- « маются ни Исторіей, ни Статистикой оныхъ, то « въ собственной ихъ Исторіи не найдете никакихъ « свѣдѣній объ отдаленныхъ народахъ, исключая « тѣхъ, каковыя получаютъ они отъ Посланниковъ, « изъ отдаленности пріѣзжающихъ къ ихъ Двору; « но и сіи свѣдѣнія чрезвычайно крашки, и не со « всею точностію изложены бываютъ. »

Когда пошло дѣло на признанія, будьте вполнѣ откровенны, О. Іакинѳъ, и скажите, что они походятъ на Историческія и Географическія свѣдѣнія, какія сообщилъ Персидскому дипломату остроумный плутъ Хаджи-Баба. Въ доказательство ссылаюсь на описаніе Россіи, взятое изъ Китайскихъ источниковъ Клапротомъ. И не только объ Европѣ, но и объ Азіи, Китайцы пишутъ такъ, что истину надобно искать въ ихъ описаніяхъ съ Діогеновымъ фонаремъ. Напрасно послѣ собственнаго вашего сознанія въ хвастовствѣ и невѣжествѣ Китайцевъ, вы, О. Іакинѳъ, прибавляете:

« *Главное затрудненіе* при ссылкахъ на Китай- « скіе источники состоитъ въ невѣрности перело- « женія оныхъ на Европейскіе языки. Дегинь изъ

Digitized by Google

«Китайскихъ источниковъ почерпнулъ свою Исто-
«рію Гунновъ, но всю извратилъ своими мечта-
«тельными догадками, каковою и сообщилъ оную
«Европѣ.»

Нѣтъ! это *не главное*, хотя и это важно, ибо вотъ уже нѣсколько лѣтъ происходитъ у васъ объ этомъ споръ съ Г-мъ Клапротомъ, но—Богъ вѣсть, кто правъ, кто виноватъ! Безпристрастные говорятъ, будто у васъ идетъ споръ въ словахъ, и что вы и Клапротъ равно ошибаетесь во многомъ. О Дегинѣ не говоримъ мы ни слова; но изъ собственныхъ вашихъ переводовъ съ Китайскаго можно представить ясныя доказательства, что Китайцы большіе хвастуны и лжецы въ своей Исторіи, хотя Исторію ихъ и пишетъ само Правительство.

V. Монголъ — *такъ называлось одно изъ небольшихъ поколѣній, составлявшихъ кочевое населеніе* (а не *селеніе*, какъ вы, О. Іакинѳъ, пишете) *Татана, или степей и горъ на югъ отъ Байкала, по рѣкамъ Селенгѣ, Орхону* (а не Оркону), *Толѣ и Керулану. Здѣсь существовало оно, вмѣстѣ съ тремя другими племенами родичей:* Ташарами *и* Тайгушами (а не *Тайчутами*) *и* Кэрэ. *Каждымъ поколѣніемъ владѣли отдѣльные Ханы, маленькіе деспоты, и восмнадцатый Ханъ съ начала самобытности Монгольскаго племени былъ Юссугай-Багадуръ* (И. Р. Н. т. IV. стран. 37).

«Примѣтно, что Г. Полевой не имѣлъ времени
«съ должнымъ вниманіемъ обозрѣть даже тѣ мѣ-
«ста въ Азіятскихъ Историкахъ, которыя онъ за-

Digitized by Google

«имѣлъ для своей *Исторіи Русскаго народа*,
«и по сему самому допустилъ *промахи* и *противо-*
«*рѣчія*.»

Нѣтъ, почтенный О. Іакинѳъ, до сихъ поръ вы еще не доказали этого. Увидимъ далѣе, что мнѣніе ваше о моей *невнимательности*, *промахахъ* и *противорѣчіяхъ* объявлено вами слишкомъ поспѣшно и ни чѣмъ не доказывается.

«Поколѣніе *Монголъ* считалось однимъ изъ четы-
«рехъ *большихъ* Ташаньскихъ поколѣній.»

Здѣсь надобно прежде всего условиться: что̀ вы разумѣете подъ словомъ: *большой*, и что̀ я понимаю подъ словомъ: *небольшой*. Я назвалъ такъ поколѣніе *Монголъ* въ отношеніи къ сосѣднимъ государствамъ, окружавшимъ тогда Монголію, и къ другимъ сильнѣйшимъ племенамъ Ташаньскимъ, которыя побѣждали Монголовъ безпрерывно, и у которыхъ самъ Темудзинъ неоднократно бывалъ въ плѣну.

«*Татаръ* было собирательное названіе четырехъ
«поколѣній.»

Слѣдственно — и *земли*, гдѣ они обитали. И въ вашихъ *Запискахъ о Монголіи*, ч. I, стр. 128, вы называете Ташань именно *Монголіею*, ибо такъ называли ее Манджуры, когда Ташаньскія племена именовались каждое само по себѣ отдѣльно и дрались между собою безпрерывно, не составляя ничего общаго.

«Главы сихъ поколѣній *не назывались Ханами*.
«Доказательствомъ сему служитъ то, что Темуд-

Digitized by Google

« зинъ принялъ шишуль *Хана* уже въ 1206 г., когда « онъ цѣлую половину Монголіи покорилъ своей « власти. »

Но какъ-же *они* назывались, и какъ ихъ называть должно? По крайней мѣрѣ Западные Азіятскіе писатели, а вслѣдъ за ними и Европейскіе Оріенталисты, придаютъ древнѣйшимъ владѣтелямъ Монгольскимъ шишулъ Хановъ. Оссонъ (Hist. des Mongoles, ч. I, стр. 27) говоритъ: *Caan* et *khahan* ou *khan* étaient chez les Mongols les titres de la royauté. Наконецъ—великій Боже! *вы, вы сами*, О. Іакинѳъ, называете прадѣда Темудзинова *Габулъ-Ханъ*, на стр. 7-й *Исторіи четырехъ Хановъ*, и безпрестанно встрѣчается у васъ въ этой Исторіи шишулъ *Хана*, придаваемый Монгольскимъ владѣтелямъ *гораздо прежде* 1206 г., напримѣръ: на стр. 14 — *Ванъ-Ханъ*, на стр. 32 — *Діянъ-Ханъ*. Какъ-же вы все это забыли? — Въ 1206 г. Темудзинъ принялъ шишулъ не *Хана*, а *Чингисъ-Хана*. Если вы и не согласны съ этимологіею Оссона о семъ шишулѣ, то согласитесь однакожь, что оно значило уже *нѣчто высшее* нежели Ханъ: *Императора*, какъ вы переводите, а не *просто Хана*.

« Юссугай-Багадуръ былъ *девятый*, а не восмнад- « цатый Ханъ: такъ признали родословную Чин- « гисъ-Хана потомки его, царствовавшіе въ Китаѣ « и Монголіи. Но если Г. Полевой *расположенъ бо-* « *лѣе вѣрить* Турецкимъ Историкамъ, то долженъ « былъ, послѣдуя опымъ, продолжать восходящую « линію Чингисъ-Хана до Адама, или Сафи-Юлы »

Признаюсь, почтенный О. Іакинѳъ, я не располс-

Digitized by Google

женъ вѣришь ни Кишайской, ни Турецкой генеалогіи Темудзина! Позволыше мнѣ здѣсь нарушишь порядокъ вашихъ замѣчаній, и обращишься къ шому замѣчанію, гдѣ вы въ другой разъ принимаешесь за эшу родословную, а именно:

VI. Мои слова: *Эта родословная* (Чингисъ-Хановa) *можетъ быть ложна, ибо смѣшивается со множествомъ басенъ. Она основана на преданіяхъ; а можно-ли на преданіяхъ основать что-либо, если они объемлютъ цѣлыя сотни лѣтъ* (И. Р. Н. ш. IV, сшр. 39)?

Вошъ, какъ я думаю, и гошовъ согласишься, чшо Юссугай былъ девяшый, десяшый, прядцашый Ханъ ошъ начала Монголовъ, ибо увѣряю васъ, чшо не вижу въ эшомъ важносши для Исшоріи, не понимаю и шого: какъ можно было варварамъ-Монголамъ, и ихъ пошомкамъ, опредѣлишь *перваго прародителя* своего? Эшо нелѣпосшь: все равно, чшо происхожденіе Руссовъ ошъ *Русса*, Славянъ ошъ *Славена*, Дашчанъ ошъ *Дана*. Но вы говорише:

«Если Г. Полевой не разсудилъ за благо пред-
«сшавишь намъ родословной Чингисъ-Хана, шо, по
«крайней мѣрѣ, долженъ былъ *указать Историка*,
«изъ кошираго онъ заимсшвовалъ эшу умсшвенную
«родословную Чингисъ-Хана. Послѣ сего чишашель
«могъ-бы понимашь: *гдѣ* эша *родословная*, коширая
«смѣшиваешся со множесшвомъ басенъ?»

Но, почшенный О. Іакинѳъ, я давно указалъ Историка, коширому слѣдовалъ, указалъ въ прим. 34, IV-го шома *Ист. Русск. народа*, и, если вамъ

Digitized by Google

угодно, повторю эшо указаніе: Histoire des Mongols, Оссона, ч. I, стр. 20, и ч. II, стр. 679. Оссону слѣдовалъ я потому, что онъ извлекъ родословную Темудзина не изъ Абулгази, жившаго въ XVII-мъ вѣкѣ, и производившаго Чингиса прямо ошъ *Адама*, *Монгола* и *Огуза*. Оссонъ взялъ въ основаніе *Джами-утъ-Теварихъ*, или *Собраніе лѣтописей*, составленное въ концѣ XIII-го вѣка, Фазель-Алла-Рашидомъ, по повелѣнію славнаго Газанъ-Хана. Рашидъ пишетъ въ предисловіи, что онъ пользовался при эшомъ письменными древними источниками, хранившимися въ архивахъ его Государя, сличалъ, соображалъ ихъ, совѣтовался съ находившимися при Дворѣ Газана учеными Кипшайцами, Индійцами, Уйгурами, Кипчаками, Тибетцами, Арабами и Франками, а шакже и съ Визиремъ Булашъ-Чинксанкомъ, глубоко изучавшимъ Турецкія и Монгольскія лѣтописи и преданія (*). Другимъ руководствомъ Оссона

(*) Сіе предисловіе Рашида вообще замѣчательно, какъ образецъ удивительнаго безпристрастія и благоразумія въ Азіятскомъ писателѣ XIII-го вѣка. Онъ говоритъ, напримѣръ: «Историки вообще не бываютъ очевидцами того, что пишутъ, и даже пишущіе современную Исторію должны составлять оную по разсказамъ. Извѣстно, что одинъ и тотъ-же человѣкъ сегодня измѣняетъ разсказъ свой въ нѣкоторыхъ частяхъ противъ вчерашняго; посему можно понять, что Исторія временъ и народовъ отдаленныхъ не можетъ быть совершенно вѣрною, и одни и тѣже дѣла разсказываются разно, или потому, что

Digitized by Google

была рукопись, называемая: *Мо' изг-улъ-Ансабъ*, или *Сапщенное родословіе*, составленное по повелѣнію Тамерланова сына, Шарухъ-Багадура, въ началѣ XV-го вѣка. Я повѣрялъ при томъ извѣстія Оссона извѣстіями Г-на Шмидша (изъ его Forschungen im

---

писатель обманывается преданіями и источниками, или потому, что съ намѣреніемъ одно преувеличиваетъ, а о другомъ молчитъ, а иногда невольно измѣняетъ истину, выражаясь неточно. Историку, который захотѣлъ-бы быть совершенно вѣрнѣйшимъ, не надобно и писать приниматься. Справедливо; но если изъ опасенія несовершенной истины, мы писать не будемъ, то всѣ великія достопамятности прошедшаго будутъ погребены забвеніемъ. Остается Историку почерпать Исторію изъ лучшихъ лѣтописей каждаго народа и совѣтоваться притомъ съ знающими людьми. Каждый народъ разсказываетъ по своему, но не бойтесь, чтобы противорѣчія падали въ укоризну вашу, и выказывайте ихъ ради узнанія истины. Мы, Мусульмане, считаемъ свои преданія вѣрнѣйшими преданій другихъ народовъ, но исторіи чужеземцевъ не льзя основывать на нашихъ только преданіяхъ, и надобно непремѣнно смотрѣть и на то, что чужеземцы о себѣ говорятъ и чему они вѣрятъ. Таково было правило, которому слѣдовалъ я, сличая Историческія сочиненія каждаго народа, и изучая преданія, признанныя достовѣрнѣйшими.» Спрашиваю: у какого Китайца найдемъ мы подобныя мысли, которыя сдѣлали-бы честь лучшему Европейскому Историку?

Digitized by Google

Gebiete der ælt. relig. polit. und liter. Bildungsgeschichte der V. M. A, ибо, къ сожалѣнію моему, я не имѣлъ иногда подъ рукою другаго, важнѣйшаго труда Г-на Шмидта: Geschichte der Ost-Mongolen).

По этой, принятой мною въ основаніе родословной, выходитъ, что за 2000 лѣтъ до Чингисъ-Хана существовалъ *народъ Монгольскій*, и былъ истребленъ врагами. Спаслись только двое: мужчина, *Тегузъ*, и женщина, *Кайанъ*. Они убѣжали въ горы Иргене-Кунъ. Тамъ расплодилось отъ нихъ множество народа, и вышли они въ нынѣшнюю Монголію, подъ предводительствомъ Хана *Буртечине*. Это былъ *первый Ханъ* Монгольскій. За нимъ слѣдовали: 2-й, *Битеджи-Ханъ*; 3-й, *Тамаджъ*; 4-й *Кабгу-Мерганъ*; 5-й, *Кучемъ-Тугрулъ*; 6-й, *Эга-Нидунъ*; 7-й, *Симъ-Сауджи*; 8-й, *Кала-Каджу*; 9-й, *Дунбунъ-Боянъ* (по Г-ну Шмидту, сіи имена выходятъ нѣсколько иначе, а именно: Bürte-Tschino, Bédétsé-Chan, Tamatsak, Choritsar-Mergen, Aghodschim-Bughurul, Nige-Nidün, Ssamssudschi, Chali-Chartschu, Forghaldschin-Bajan (*). Этотъ Ханъ женился на *Аланкуѣ*, изъ

(*) Есть разница между родословною Рашида и Санангъ-Сетсена, изъ коего извлекалъ извѣстія Г-нъ Шмидтъ (см. G. der Ost-Mongolen, стр. 58 и 373); но все это ни сколько не подтверждаетъ словъ О. Іакинѳа, и не опровергаетъ Оссона, на которомъ я основывался. Самъ Г. Шмидтъ пишетъ, что у Оссона родословная предковъ Чингиса findet sich richtiger als sonst irgendwo, кромѣ немногихъ ошибокъ.

Digitized by Google

народа Курлассъ (по Г-ну Шмидту, *Алунг-Гоа*). Послѣ смерши мужа, Аланкуа родила трехъ сыновей, чудеснымъ образомъ, ибо видѣла, что въ шатеръ ея проникаютъ лучи свѣта, и превращаются въ прекраснаго юношу, который остается съ нею цѣлыя ночи. Младшій изъ сыновей этого чудеснаго привидѣнія, *Буданджеръ*, былъ 10-мъ Монгольскимъ Ханомъ, принявъ правленіе послѣ Дунбунъ-Бояна, а отъ него слѣдовали: 11-й, *Бока*; 12-й, *Тутумъ-Менень*; 13-й, *Кайду-Ханъ*; 14-й, *Байзунгуръ*; 15-й, *Тумеяй-Ханъ*; 16-й, *Кабель-Ханъ*; 17-й, *Бертанъ-Багадуръ*, и 18-й *Юссугай Багадуръ*, отецъ Темудзина.

Вы видите, О. Іакинѳъ, что я имѣлъ причины назвать отца Темудзинова 18-мъ Ханомъ; но въ тоже время, соображая, что за 2000, и даже за нѣсколько сотъ лѣтъ, преданія не могутъ быть Исторически вѣрны; видя притомъ, что вся эта родословная исполнена чудесностей, я не почиталъ и не почитаю ея достовѣрною.

Сказавъ напрошивъ, что Юссугай былъ *девятый* Ханъ, вы продолжаете: « Мы имѣемъ родословную « Чингисъ-Хана, писанную въ Китаѣ, при внукѣ « его Хубилаѣ, *которая въ семъ случаѣ заслужи-* « *васть полное наше довѣріе.* Сія родословная не « смѣшана ни съ одною баснею (см. Исторія Ха- « новъ). »

Но какъ-же вы не замѣчаете, что эта *одна* и *таже* родословная? Вся разница въ томъ, что у Китайцевъ она начинается чудеснымъ рожденіемъ *Буданджера*, и, слѣдственно, Юссугай выходитъ по вашему *девятый*, а не 18-й Ханъ. Есть неболь-

Digitized by Google

шая разница въ именахъ; но вотъ шаблица ихъ по вашей книгѣ, по книгѣ Г. Шмидта и по книгѣ Оссона (*):

Оссонъ.	Шмидтъ.	О. Іакинѳъ.
Дунбунъ-Боянъ и жена его Аланкуя.	Добо-Мергенъ, или Торгалдшинъ-Боянъ и Алунгъ-Гоа.	Тобунь-Мэргынь и Арунгъ-Гова.
Буданджеръ.	Буданшзаръ-Монгъ.	Бодонь-Чаръ.
Бока.	Хабишши Багадуръ.	Багаршай-Хабици.
Тушумъ-Мененъ.	Маха-Тоданъ.	Маха-Доданъ.
Кайду-Ханъ.	Хашши-Куллукъ.	Хайду.
Байзунгуръ.	Шингхоръ-Докшинъ.	Бай-Шенхуръ.
Туменай-Ханъ.	Тумбахай-Зеценъ.	Думбагай.
Кабель-Ханъ.	Хабуль-Ханъ.	Габулъ-Ханъ.
Бершанъ-Багадуръ.	Бардамъ-Багадуръ.	Бардамъ.
Юссугай-Багадуръ.	Эссугей-Багадуръ.	Иссукэй.

(*) О разницѣ въ сей родословной, см. Г-на Шмидта,

Digitized by Google

И какъ-же вы говорите, что въ Китайской родословной *нѣтъ басенъ*, когда она, подобно другимъ, начинается чудеснымъ рожденіемъ Бодонь-чара, или Буданджера, и за нѣмъ слѣдуютъ въ ней разсказы о пустынножительствѣ его, побіеніи мальчиковъ Моналунью, спасеніи Хайду, и проч. и проч. Перечитайте сами первыя восемь страницъ вашей *Исторіи Хановъ*, и убѣдитесь, что Китайская родословная *совсѣмъ не заслуживаетъ нашего довѣрія*, и *смѣшана съ множествомъ басенъ*.

Вы несогласны вѣрить Турецкой родословной, ибо она начинается съ Адама? Но зачѣмъ-же смотрѣли вы только въ Абулгази? Вы видите, что другіе Турецкіе писатели начинаютъ ее не съ Адама, а только за 800 лѣтъ до Р. Х., и что ваша *достовѣрная Китайская* есть одна изъ тѣхъ, и такъ-же исполненная нелѣпѣйшихъ сказокъ, родословная?

Въ доказательство достовѣрности Китайской родословной, вы говорите, что ее *составляли при внукѣ Темуджина Хубилаѣ*, и потомъ признали ее потомки Чингиса, царствовавшіе въ Китаѣ и Монголіи. Еще важное ваше доказательство состоитъ въ слѣдующемъ:

«Не льзя сказать и того, чтобы родословная Чин-
« гисъ-Хановыхъ предковъ основана была на однихъ

G. der O. M. стр. 375. Онъ находитъ ошибки, равно и у Г. Оссона и — у *О. Іакинѳа!*

Digitized by Google

«преданіяхъ, потому, что Монголы съ начала «X-го вѣка имѣли собственное письмо, и владѣ«тельные Князья могли вести родословныя свои «на бумагѣ.»

Но Рашидова родословная, принятая мною, также была составлена *почти во времена Хубилая:* Хубилай умеръ въ 1294 г., а Газанъ-Ханъ въ 1300 году. Если Китайской родословной вѣрили Китайскіе и Монгольскіе потомки Чингиса, Рашидовой также вѣрили его Персидскіе и Чагатайскіе потомки. Вы *предполагаете* только, что генеалоги Хубилая имѣли передъ собою письменныя замѣтки, а Рашидъ говоритъ утвердительно, что *слѣдовалъ запискамъ, хранившимся въ архивахъ Газана.*

О грамотѣ Монгольской будемъ говорить тогда, когда рѣшится вашъ споръ по сему предмету съ Клапротомъ и другими Западными Оріенталистами: это дѣло весьма темное, О. Іакинѳъ. До тѣхъ поръ позвольте мнѣ утверждать, что *никакой достовѣрности нѣтъ ни въ Китайской, ни въ Турецкой родословной Чингисъ-Хана.* Варваръ Хубилай, первый разрушитель имперіи своего дѣда, пренебрегавшій именемъ Монгола, облекавшій себя всею пышностью Китайскаго Востока, строившій храмы своимъ Монгольскимъ предкамъ, могъ вѣрить нелѣпостямъ, льстившимъ его варварскому, смѣшному честолюбію; но намъ, Европейцамъ XIX вѣка, стыдно ссылаться на авторитетъ этого варвара. Царь Іоаннъ Васильевичъ былъ умнѣе и просвѣщеннѣе Ху-

Digitized by Google

билая, но добродушно утверждалъ происхожденіе Рурика отъ Августа Цезаря и почиталъ себя Римлянином. Знаете-ли вы, О. Іакинѳ, что сказалъ Газанъ Ханъ, когда Рашидъ прочиталъ ему свою Исторію Монголовъ, доведенную имъ до Чингисъ-Хана? « *Едва-ли все это правда: я почитаю достовѣрною Исторію предковъ моихъ только съ Чингисъ-Хана.* » Это, въ кудрявыхъ фразахъ, передалъ самъ Рашидъ. Неужели ученые люди XIX-го вѣка должны быть легковѣрнѣе Азіятскаго варвара XIII-го вѣка?

VII. *Наши нынѣшніе Татары суть народы Турецкаго происхожденія, и сами себя не называютъ Татарами. Они оскорбляются названіемъ Татаръ, что значитъ у нихъ, по ихъ изъясненію,* воръ. (И. Р. Н. ш. IV, стр. 38). Я сослался на слова Клапроша, въ его Mém. relatifs à l'Asie, т. I, стр. 474.

« Скажу Г. Полевому въ коротких словахъ, что « слова: *Татаръ*, нѣтъ въ Турецкомъ языкѣ. »

Я буду отвѣчать вамъ, О. Іакинѳ, еще короче: *есть*, и значитъ *курьера*, *гонца*, *вѣстника*, ибо Крымскіе Татары употреблялись у Турковъ въ сію должность, и оставили въ ихъ языкѣ сіе названіе. Но это сказано мимоходомъ, чтобы доказать вамъ, почтенный О. Іакинѳ, какъ надобно быть осторожну, утверждая что-либо, чего мы достовѣрно не знаемъ. Далѣе:

« *Слѣдовательно*: свидѣтельство, полученное изъ « Парижа на значеніе сего слова, относится къ

Digitized by Google

« поддѣльнымъ документамъ, которымъ ученость « Г-на Клапрота дѣйствительности не достав- « ляетъ. »

Это сказано слишкомъ горячо. Если-бы Клапротъ представлялъ какую нибудь свою ученую гипотезу, можно-бы еще сомнѣваться; но, онъ *знаетъ по-Татарски*—это неоспоримо; онъ *былъ въ Россіи и Сибири*—также неоспоримо; онъ *могъ спросить объ этомъ у перваго Татарина въ Казани, спросилъ, и написалъ:* Si l'on demande à un Tatar de Kazan ou d'Astrakhan, s'il est un Tatar, il répond négativement; il appelle aussi l'idiome qu'il parle *turki*, et jamais *tatari* (*). N'ayant pas oublié que ses ancêtres ont été subjugués par les Mongols ou *Tatars*, il regarde le nom de ces derniers comme une injure qui équivaut au mot *voleur*. Не понимаю: почему думать, что такое простое дѣло есть одно изъ доказательствъ невѣжества и хвастовства Клапротова? И почему не написали вы, почтенный О. Іакинеъ, просто: « *Клапротъ*, а « вслѣдъ за нимъ и *Полевой, говорятъ неправду, ибо « наши Татары называютъ себя* Татаръ, *а не* « Туркъ. » Вы браните Клапрота, а словъ его ни сколько не опровергаете, ибо, если въ Турецкомъ языкѣ вовсе нѣтъ слова: *Tatarъ*, то изъясненіе

(*) Г-нъ Клапротъ приводитъ здѣсь сіи слова Татарскими буквами, но за неимѣніемъ въ типографіи сихъ буквъ, мы не можемъ представить его примѣровъ.

Digitized by Google

Клапрота получаешъ совершенную достовѣрность, ибо тогда необходимо наши Ташары, *какъ говорящіе однимъ изъ нарѣчій Турецкихъ*, должны называть себя *Турками*.

« Сверхъ того, для чего заимствовать подобныя « свидѣтельства изъ Франціи, гдѣ пять Ташаръ, а « не въ Россіи, гдѣ находится оныхъ до трехъ « мильоновъ душъ ? »

Для того, что невѣжда Ташаринъ можетъ мнѣ переврать, а печатное свидѣтельство ученаго Ориенталиста есть лучшее доказательство, нежели слова Ташарина, котораго поймаю я гдѣ нибудь и стану допрашивать: какъ ты называешь себя: *Туркъ* или *Татаръ*? Онъ едва-ли и поймешъ, о чемъ идетъ дѣло.

Однакожъ, знаете-ли что, почтенный О. Іакинѳъ, я рѣшился послѣдовать вашему совѣту, и спрашивалъ у Ташаръ, въ Москвѣ находящихся. Они согласно отвѣчали мнѣ, что Ташарами *зовутъ ихъ Русскіе*; но сами себя называютъ они *Турки*, и если надобно спросишь: *говоришь-ли ты по-Татарски?* что должно сказать: *бламысы туркача* (*) ?

(*) Впрочемъ, Русскими буквами не льзя выразить горлаинаго Ташарскаго произношенія сихъ словъ. Кстати еще: у Г-на Левшина, въ его *Описаніи Киргисъ-Кайсацкихъ ордъ* (т. I, стр. 203), говорится, что Киргизы, Бухарцы и Хивинцы называютъ *Татаръ*, въ Россіи живущихъ: *Новаи*, и что слово: *Та-*

Digitized by Google

Признались они и въ томъ, что слово: *Татаръ*, значитъ на ихъ языкѣ брань, въ родѣ нашихъ словъ: *плутъ, негодяй, воръ*. Спрашиваю васъ послѣ сего, справедливо-ли бранили вы Клапрота и винили меня за то, что я положился на его слова? Кажется, что *нѣтъ*.

(*Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.*)

тарб, означаетъ у нихъ *какой-то* древній, подлый народъ, прокляшый однимъ изъ Мугаммеданскихъ святыхъ. Желаю знать, что́ вы скажете обо всемъ этомъ, О. Іакинѳъ? Не Клапротъ-ли подговорилъ Бухарцевъ, Хивинцевъ и Киргизовъ утверждать все это? Чего добраго! Клапротъ осмѣливается не во всемъ вѣрить Китайцамъ, а послѣ этого можно-ли въ чемъ нибудь ему вѣрить!

Digitized by Google

РУССКАЯ ЛИТТЕРАТУРА.

Новыя книги.

— *Аскольдова могила.* Повѣсть временъ Владимѣра Великаго. Соч. М. Загоскина. *Три части.* М. 1833 г. Въ т. Н. Степанова, III, 246, 292 и 334 стр. in-12.

Не только слыхали, но и читали мы мнѣніе, будто изъ *Русской Исторіи* не льзя извлечь *Историческаго романа*, т. е. такого созданія, которое вносило-бы какую нибудь поэтическую идею въ событія минувшаго, дополняло собою недостатокъ преданій и облекало ихъ жизнію подробностей, о которыхъ нѣкогда говоритъ Историку. Мысль ложная, недостойная никакого опроверженія! Уже мы хорошо понимаемъ *изъ чего* можетъ быть составленъ Историческій Русскій романъ: посмотрите, какъ говоритъ объ этомъ одинъ изъ первостепенныхъ Русскихъ поэтовъ нашего времени, *Марлинскій*. Остается доказывать возможность Русскаго Историческаго романа на дѣлѣ — созданіемъ достойныхъ твореній. Попытки наши до сихъ поръ были неудачны — нечего грѣха та-

Digitized by Google

ишь! За то будемъ радоваться, что неудачи не приводятъ насъ въ робость. Если у Г-дъ Булгарина, Лажечникова, Загоскина, Марлинскаго (разумѣемъ здѣсь его *Историческія Повѣсти*), веселятъ насъ многія часши и вѣрныя подробности, при всѣхъ недостаткахъ цѣлаго, то не менѣе весело смотрѣть и на то, что всѣ мы, *какъ Русскіе*, извѣстные настойчивостію (общею чертою Русскаго характера), не унываемъ отъ неудачъ, и приступомъ хотимъ взять Историческій романъ, какъ приступомъ взяли мѣсто наше въ Европейской Исторіи, ошбивая мощнаго непріятеля штыкомъ, построили себѣ столицу на берегу моря, и прыжками догоняемъ Европейское просвѣщеніе. Кто укоритъ насъ за прошедшее, тому напомнимъ мы нашу пословицу, что за шакой укоръ ему недолго сдѣлашься кривымъ.

Обращаясь къ роману, спрашиваемъ: можетъ-ли быть создано романическое твореніе изъ *древней Исторіи* Русской? По нашему мнѣнію: очень можетъ. Жили когда люди; слѣдовательно, были у нихъ и страсти. Немного дошло до насъ преданій о давнопрошедшемъ бытѣ предковъ, за то свободнѣе разыгрываться надъ нимъ воображенію. Славяне, Нордманны, Греки, эти три основныя стихіи нашей народности древней, могутъ быть изображены великимъ дарованіемъ не хуже Шотландскихъ горцевъ. Изучите отдѣльно *Варяга*, въ Исторіи его, сагахъ и сказкахъ; изучите *Грека*, въ такихъ-же источникахъ; наконецъ Славянина. Поставьте главными мѣтами—преданія нашихъ лѣто-

Digitized by Google

писей; дополните их *выводами Исторіи* Русской и справкою съ собственною своею *Русскою душею*. Тогда начнется трудъ фантазіи, и, если вы поэтъ, то романъ созданъ.

Почему, напримѣръ, не льзя облечь въ Историческій романъ нашего Святослава? Избавьте насъ отъ прозаической поэмы, въ родѣ Гонзальва Кордуанскаго; избавьте насъ отъ хвастливыхъ возгласовъ, которые и для позднаго времени хуже дождевыхъ пузырей! Если вы не соблюдете сихъ условій, то, разумѣется, подъ рукою вашею Святославъ превратится въ пошлую рапсодію. Нѣтъ! возьмите Византійцевъ, которые, послѣ изданія *Исторіи Льва Калойскаго*, весьма подробно могутъ вамъ показать тогдашнее состояніе и политику Грековъ. Этой политикѣ, этимъ Греческимъ событіямъ при Никифорѣ Фокѣ и Іоаннѣ Цимисхіи, противопоставьте желѣзнаго Нордманна нашего на Дунаѣ, съ его полудикими ордами, Печенѣгами, Славянами, Варягами. Болгарія, несчастный Царь ея Калокиръ, поэзія Скальдовъ, начало Руси — какія краски! Какъ не оживить ими Святослава!

Исторія Владиміра можетъ оживиться въ романѣ, на тѣхъ-же самыхъ основаніяхъ. Отдѣльно взятое повѣствованіе о крещеніи земли Русской можетъ еще облечься подъ рукою вашею въ прелестную, очаровательную легенду.

Мы думали, что все это имѣетъ въ виду М. Н. Загоскинъ, когда слышали, что онъ издаетъ новый романъ *Историческій*, изъ временъ Владиміра.

Digitized by Google

Но мы ошиблись. Принадлежа по формѣ и названію къ Историческимъ романамъ, *Аскольдова могила* можетъ быть названа совершенно вымышленнымъ сказаніемъ, гдѣ Авторъ совсѣмъ не слушаетъ ни Исторіи, ни народныхъ преданій.

Олегъ измѣннически убилъ Аскольда и Дира, и овладѣлъ Кіевомъ. Все покорно ему; потомъ все покорно Игорю, Святославу, Ярополку и Владиміру. Но *месть за кровь Аскольда* не погибла. Аскольда забыли всѣ, а вѣрный Бояринъ его, спасшійся отъ гибели, спасъ одного изъ потомковъ Аскольдовыхъ, бѣжалъ съ нимъ, укрылъ его, и далъ страшную клятву отмстить за своего Князя и возвести потомка его на престолъ Кіевскій. Прошло много лѣтъ; Бояринъ умеръ, но на смертномъ одрѣ, подъ ужасною клятвою, открылъ тайну своему сыну; сынъ передалъ эту клятву внуку, и внукъ исполняетъ то, чего не удалось исполнить ни отцу, ни дѣду. Онъ жертвуетъ всѣмъ своей родовой клятвѣ, отрекается отъ радостей и счастія, дышитъ только исполненіемъ обѣта, не успѣваетъ, бѣжитъ, скитается по чужбинѣ, возмущаетъ, подговариваетъ враговъ, не страшится ни преступленій, ни злодѣйствъ. Этотъ мститель Аскольда есть *Блудъ*, извѣстный по измѣнѣ Ярополку. Но его сокрушаетъ не только то, что погибель Ярополка и Олега послужила къ вящшему усиленію Владиміра, но и то, что гораздо прежде, при неудачномъ нападеніи на отца ихъ Святослава, открытый и принужденный спасаться бѣгствомъ, онъ потерялъ изъ вида единственна-

Digitized by Google

го потомка Аскольдова, котораго воспитывалъ у себя въ хижинѣ, въ лѣсу. Возвратясь потомъ при Ярополкѣ, Блудъ узнаетъ, что дитя это не погибло, но воспитывается при Дворѣ Владиміровомъ. Послѣ погибели Ярополка, долго скитавшись по чужбинѣ и устроивъ средства мщенія, Блудъ возвратился въ Кіевъ. Онъ старается узнать свое драгоцѣнное дитя въ толпѣ вишезей, окружающихъ Владиміра; старается возмутить Кіевлянъ, дружится съ жрецомъ Богомиломъ, которому извѣстна тайна, и который готовъ мстить Владиміру, боясь, что Владиміръ готовъ перемѣнить вѣру. Здѣсь начинается романъ.

. . . . . .

Съ нами конечно согласятся, что основная идея романа Г-на Загоскина уже не новая на Русскомъ языкѣ: она послужила основою *Клятвы при Гробѣ Господнемъ*. Не смѣемъ рѣшать: удачно-ли была изложена сія мысль въ *Клятвѣ* (знаемъ болѣе, что этотъ романъ еще не конченъ), и не для того-ли именно взялъ ее Г-нъ Загоскинъ послѣ Полеваго, чтобы показать примѣръ, какъ должно излагать сію идею? Признаемся однакожъ, что мысль *Клятвы* и *Аскольдовой могилы* кажется намъ поэтическою, глубокою мыслью. Напрасно думали нѣкоторые критики, что основаніемъ оной (или первообразомъ) былъ Купперовъ *Шпіонъ*. У Купера изображенъ вѣрный сынъ отечества, который, вспомоществуя его избавленію, употребляетъ всѣ силы и средства для его спасенія и погубленія враговъ его, не боится смерти и униженія, не ищетъ ни чести, ни славы, только-бы спасти от-

Digitized by Google

чизну и погубить непріятелей: это Курцій, бросающійся въ ровъ; Коклесъ, умирающій на мосту; Мадритскія патріотки въ войнѣ за Испанское наслѣдство; Сцевола, идущій въ станъ Порсенны. Такихъ примѣровъ въ Исторіи множество. Но *Иванъ Гудочникъ* у Полеваго, и *Блудъ* у Г-на Загоскина, совсѣмъ другое: это люди, поклявшіеся местью за отчизну, уже погибшую. Они хотятъ возстановить ее: имъ нѣтъ помощниковъ; они знаютъ это и боятся слабости своей; можетъ быть, готовы отчаяться, ибо поднимаютъ бремя не по силамъ человѣческимъ. Но ихъ связываетъ *клятва*, и — щетные борды противъ судебъ Провидѣнія — они гибнутъ, потому, что хотятъ невозможнаго; они платятъ за это самою своею добродѣтелью; погибшіе для настоящаго и будущаго, они невольно вовлекаются въ преступленія. Но откажемъ-ли имъ въ участіи, въ состраданіи? Откажемъ-ли изобрѣтателямъ сихъ характеровъ въ томъ, что человѣкъ съ дарованіемъ могъ-бы извлечь изъ сихъ фантастическихъ призраковъ воображенія созданіе великое? Успѣлъ или не успѣлъ въ томъ *Полевой* — не наше дѣло судить; посмотримъ, какъ является сія идея у *Г-на Загоскина*.

Блудъ встрѣчаетъ рабскую преданность ко Владиміру у языческихъ Кіевлянъ: они слѣпо повинуются Владиміру, ропщутъ, но боятся его казни, его дружинъ, и забыли Аскольда. Богомилъ оказываетъ явный эгоизмъ, и готовъ предать равно Блуда и Владиміра по разсчетамъ. Христіане Кіевскіе собираются еще у Аскольдовой могилы, но

Digitized by Google

не мстишь, а молишься за Владиміра и просишь Бога, да просвѣтишъ его православіемъ. Съ помощію слуги своего Торопа, шута, сказочника, *гудочника* (см. часть III, стр. 88 и 95), Блудъ ошкрываетъ потомка Аскольдова: это вишязь Всеславъ; но онъ влюбленъ въ дочь Христіанскаго священника, и дышитъ только этою любовію, когда отецъ его Надежды увлекаетъ его къ прощенію обиды и Христіанскому забвенію мести. Всеславъ рѣшительно отвергаетъ всѣ обольстительныя предложенія Блуда.

Въ этомъ заключены событія *двухъ* первыхъ частей романа. Читатели поймутъ, что сіи двѣ части необходимо должны быть обременены посторонними вставками и растянуты, когда дѣйствіе идетъ въ нихъ стороною и не сосредоточивается въ главной завязкѣ. Они не ошибутся. Авторъ обставляетъ главныя лица посторонними: дружина Варяговъ, служащая Владиміру, и особенно трусъ Фрелафъ; гудочникъ, слуга Блуда, который вездѣ является, шутитъ, сказываетъ сказки, поетъ пѣсни; рыбакъ Дулебъ, у котораго похитили невѣсту въ гаремъ Владиміра; Богомилъ, съ своимъ отвратительнымъ помощникомъ Лютоборомъ; Христіане Кіевскіе и священникъ Алексѣй, извѣстный въ лѣтописяхъ подъ именемъ *Варяжки*, противника Блудова; Ѳеодоръ и сынъ его, принесенные на жертву Перуну; любовь Всеслава и Надежды — все это дѣлаетъ двѣ первыя части *Аскольдовой могилы* какимъ-то собраніемъ эпизодовъ, гдѣ всего болѣе занимаютъ мѣста шутки Торопа, трусость

Digitized by Google

Фрелафа, вздохи Всеслава и поученія Алексѣя, а не основная идея романа. *Третья* часть является тѣмъ-же, такъ, что самая развязка романа пересказывается мимоходомъ, занесенная къ концу обстоятельствами мелочными. Видя во всемъ неудачу, Блудъ хочетъ принудить Всеслава, разбудивъ его страсти. Онъ убиваетъ Алексѣя, и по его-же уговору Надежду похищаютъ въ гаремъ Владиміра; защищая подругу, Всеславъ убилъ Княжескаго чиновника, осужденъ на смерть и спасенъ Блудомъ. Онъ соглашается на все, ибо Блудъ увѣряетъ его, что Алексѣй убитъ по повелѣнію Владиміра. Блудъ идетъ къ Печенѣгамъ, чтобы призвать ихъ на Кіевъ. Между тѣмъ Торопъ, для утѣшенія Всеслава, идетъ въ гаремъ Предславинскій, желая развѣдать объ участи Надежды, но попадается въ темницу. Здѣсь много мѣста въ романѣ занимаетъ самъ Владиміръ, и — не смотря на то, остается постороннимъ для романа. Мы видимъ его сперва въ лѣсу на охотѣ, гдѣ Дулебъ спасаетъ ему жизнь и гибнетъ. Скальдъ, плѣнникъ его, отказывается пѣть по его приказу; онъ отсылаетъ Скальда утѣшать пѣснями Рогнѣду; Скальдъ до такой степени возмущаетъ сердце Рогнѣды своими пѣснями объ отмщеніи обиды и позора, что она рѣшается убить Владиміра. Извѣстная неудача ея — и Владиміръ удаляется со сцены. Окончаніе романа походитъ на развязку мелодрамы: странно и несвязно. Торопъ успѣлъ найдти въ темницѣ своей окошечко, ведущее на тотъ дворъ, гдѣ собирается свита Владиміра. Стемидъ, другъ Всеслава, такъ-же какъ Всеславъ, безродный юноша, осво-

Digitized by Google

бождаетъ Торопа, и посылаетъ его спасать своего друга, ибо убѣжище Всеслава открыто; дорогой Торопъ встрѣчаетъ Блуда, который сказываетъ ему, что Всеславъ бѣжалъ и гдѣ теперь находится неизвѣстно. Оба идутъ искать его, прямо въ Предславино. Тутъ въ лѣсу вдругъ встрѣчаются: *Надежда*, успѣвшая уйдти изъ гарема, *Всеславъ*, пришедшій освобождать ее, *Торопъ*, встрѣвшій ихъ, и наконецъ самъ *Блудъ*. Всеславъ, Надежда и Торопъ укрываются у мнимой колдуньи, куда послалъ ихъ Спемидъ. Колдунья продаетъ ихъ; погоня близко; на Днѣпрѣ страшная буря; любовники окружены погонею. Блудъ подплываетъ въ лодкѣ къ утесу, гдѣ стоятъ Всеславъ и Надежда; онъ слышитъ крикъ преслѣдующихъ, видитъ наконецъ воина, бѣгущаго на утесъ, и поражаетъ его. Но сей воинъ былъ Спемидъ, хотѣвшій спасти своего друга. Золотая гривна на груди Спемида показываетъ Блуду, что этотъ Спемидъ былъ истинный *потомокъ Аскольда*. Онъ схватываетъ трупъ Спемида, и уплываетъ въ своей лодкѣ. Всеславъ и Надежда, оставленные на произволъ судебъ, хотятъ умереть вмѣстѣ и бросаются въ Днѣпръ. Эпиголъ: прошло много лѣтъ. Владиміръ уже крещенъ; по Днѣпру плыветъ лодка, и мы узнаемъ изъ разговоровъ людей, находящихся въ лодкѣ, что это воины, плывущіе истребить Богомила, который бѣжалъ въ Муромскіе лѣса и сдѣлался тамъ Соловьемъ разбойникомъ. Узнаемъ еще, что Блудъ и Торопъ погибли, сражаясь съ Русскими въ толпѣ Печенѣговъ, которыхъ привели на Кіевъ.

Digitized by Google

Разбирать: до какой степени *Аскольдова могила* верна Исторіи — не нужно; ибо въ ней ничего нѣтъ Историческаго. Что взято изъ Исторіи, что передѣлано до какой степени, что вы не узнаете ни Варяжской дружины, ни древней Руси, ни нравовъ, ни обычаевъ временъ Владиміра и Русскаго язычества. Весь романъ, все его подробности — анахронизмъ совершенный. Любовники говорятъ, какъ юноши начитавшіеся Шиллера; Скальдъ Скандинавскій поетъ баллады на манеръ *Мнѣнія* Жуковскаго; Владиміръ изображается какимъ-то усатымъ Ханомъ; разговоры дѣйствующихъ лицъ списаны съ разговоровъ нынѣшнихъ просвѣщенныхъ людиновъ, со всѣми ихъ простонародными шутками и прибаутками; дружина Варяговъ походитъ на шайку бродягъ, у которыхъ нѣтъ ни чести, ни отечества, ни Бога.

Какъ произведеніе фантазіи, гдѣ Авторъ не думаетъ о времени и вѣкѣ, *Аскольдову могилу* можно почесть лучшимъ изъ трехъ романовъ, донынѣ написанныхъ Г-мъ Загоскинымъ. Мы говорили уже объ основной идеѣ романа. Не смотря на то, что ни одно лицо въ подробностяхъ не выдержано; что интересъ цѣлаго разбивается ненужными вставками; что сложность нѣсколькихъ интригъ мѣшаетъ основанію; наконецъ — и, намъ кажется, это главная ошибка — что всему роману приданъ слишкомъ шутливый тонъ, ибо Торопъ и Фрелафъ дѣйствуютъ въ немъ безпрестанно, въ *Аскольдовой могилѣ* болѣе жизни, правды и поэзіи, нежели въ *Юріи Милославскомъ* и *Рославлевѣ*. Мѣста, гдѣ

Digitized by Google

Блудъ умоляетъ Всеслава высшавишь его виновникомъ гибели Владиміра, когда Всеславъ страшится показаться неблагодарнымъ въ глазахъ Кіевлянъ, поднявъ руки на своего благодѣтеля; другое мѣсто, когда онъ узнаетъ, что въ Смемидѣ погубилъ всю цѣль своей мести, своей жизни—оба эти мѣста прекрасны. Намъ кажется, что если-бы Г-нъ Загоскинъ рѣшительно удалилъ отъ своего романа все Историческое, взялъ идею не столь огромную въ основаніе, постарался также удалиться отъ сценъ пригодныхъ для Мелодрамы, и взялъ событіе изъ современныхъ простонародныхъ Русскихъ нравовъ, онъ могъ-бы создать что нибудь изящное. Для чего идти наперекоръ своему дарованію? Развѣ Вашингтонъ Ирвингъ не прославился сказками? Желать всѣмъ попасть въ В. Скотты невозможно. Впрочемъ, охота пуще неволи!

— *Фантастическія путешествія Барона Брамбеуса.* СПб. 1833. Въ т. Вдовы Плюшаръ съ сыномъ. XLVIII и 391 стр. in-8.

«Читали-ли вы книгу Барона Брамбеуса? Какъ вамъ нравится она? Да кто этотъ Баронъ Брамбеусъ?» Вотъ вопросы, которыми съ самаго появленія сей книги встрѣчаютъ многіе шѣхъ, въ комъ предполагаютъ они какую-то степень литтерашурнаго цеха, какое-то свѣдѣніе о тайнахъ Литтерашуры! Прелесть, когда спрашиваютъ такъ о сочиненіи Барона Брамбеуса, гдѣ все пи-

Digitized by Google

сано для всѣхъ, гдѣ Авторъ скрылъ только свою первоначальную мысль подъ цвѣтами и блестками шутокъ и остроумія. Впрочемъ, одинъ нравописатель уже нарекъ его своимъ соперникомъ, прошивопоставилъ свою водицу Мефистофелевскимъ насмѣшкамъ Барона, и въ какомъ-то умиленіи сердца воскликнулъ:

Montrez-moi mon vainqueur et je cours l'embrasser! Въ самомъ дѣлѣ, пріятно видѣть братскіе поцѣлуи соперниковъ, если только это не смѣшно. А едвали не смѣшно, когда книгу Бар. Брамбеуса почитаютъ *нравописаніями*, и бѣгутъ лобызать его, какъ славнаго соперника! Что-же это такое? Каррикатура на Александра Великаго, на Тамерлана, или Наполеона? И тѣ бывали великодушны къ соперникамъ побѣжденнымъ, а Барона Брамбеуса не могъ побѣдить у насъ никто, потому что никто на Русскомъ языкѣ не писалъ въ его родѣ. Постараемся предупредить будущіе вопросы читавшихъ эту книгу и не понявшихъ ея, или не читавшихъ ея вовсе и спрашивающихъ: что такое она?

Фантастическія путешествія принадлежатъ къ тому самому роду, въ которомъ превосходствовалъ Вольтеръ, имѣвшій отличныхъ соперниковъ и послѣдователей въ ономъ. *Кандидъ*, со своимъ Эльдорадо, есть первообразъ того, что видимъ теперь въ книгѣ Барона Брамбеуса. Неужели не замѣтили этого у насъ въ Россіи, гдѣ такъ жадно читали прежде и такъ усердно браняютъ Вольтера

Digitized by Google

нынѣ, за все? Правда, что онъ былъ ничтожный поэтъ, ничтожный философъ, ничтожный историкъ; но въ злобномъ юморизмѣ, который справедливо называетъ Экштейнъ *дьявольскимъ*, Вольперъ едва-ли не остается первымъ до сихъ поръ.

Мы отнюдь не называемъ книги Барона Брамбеуса подражаніемъ *Кандиду*, но видимъ только, что это одинакій родъ сочиненій по духу, по взгляду, и даже по изложенію. Самая форма сочиненія именно взята съ Вольперовыхъ сатирическихъ романовъ и повѣстей. Но форма вздоръ; а внутренній смыслъ книги важенъ для насъ. Не почитаемъ нужнымъ излагать содержанія *Фантастическихъ путешествій*: ихъ читали столь многіе, что трудъ нашъ былъ-бы лишнимъ для большей части читающей публики. Да, сверхъ того, что̀ и разсказывать о такой книгѣ, гдѣ содержаніе есть только связка, гдѣ все заключается въ подробностяхъ изложенія, мыслей, и, главное, во взглядѣ, въ направленіи? Баронъ воображаетъ себя путешествующимъ по небывалымъ странамъ или въ невозможныхъ отношеніяхъ съ людьми и съ подземными жителями. Слѣдовательно тутъ нечего искать: это форма. Заглянемъ поглубже въ скрытную мысль его: мы найдемъ, что онъ смѣется надъ всѣмъ, надъ всѣмъ, что есть гордость вѣка и человѣка. Вольперъ конечно смѣлѣе въ этомъ отношеніи: онъ хваталъ гораздо повыше человѣка и своего столѣтія. Но и Баронъ удачно смѣшитъ читателя, издѣваясь надъ Кювье, надъ Шамполліономъ, надъ разочарованіемъ современниковъ своихъ къ пошлости характеровъ

Digitized by Google

и страстей, и надъ многимъ другимъ, что исчисляешь *и лѣнь, и нѣкогда, и было-бы некстати.* Многіе восхищаются, что онъ не щадитъ приказныхъ людей и жалкихъ невѣждъ; но не замѣчаютъ, что это у него мимоходомъ. Когда идетъ на приступъ, то конечно много пришопчутъ негодныхъ травокъ, бѣлены и лапушнику; но развѣ это цѣль осаждающихъ? Нѣтъ!... Такъ и Баронъ Брамбеусъ: онъ даетъ лишь мимоходомъ щелчки мѣлкимъ ничтожествамъ; но главная цѣль его: осмѣять то, что почитаютъ люди высокимъ, разочаровать ихъ въ томъ, къ чему рвется душа и сердце ихъ, поколебать славы неколебимыя, вѣковѣчныя, осмѣять всѣ успѣхи вѣка. Здѣсь усилія его болѣе нежели слабы: они жалки. Но за то, какой праздникъ невѣждамъ и мѣлочникамъ умственнаго міра! Когда человѣкъ съ умомъ и дарованіемъ подкрѣпляетъ, своимъ нападеніемъ, ихъ давній ропотъ на современные успѣхи и славы, они съ восторгомъ хлопаютъ въ ладони и кричатъ: «А, а, славно, славно! Вотъ, не одни мы прошивъ этихъ: и умные люди съ нами!»

Но просимъ ихъ утишить восторги свои. Баронъ человѣкъ истинно ученый: онъ знаетъ цѣну великимъ людямъ и великимъ усиліямъ ума. Не надъ ними смѣется онъ, а надъ толпою современниковъ своихъ, которые такъ легко поддаются изумленію. Будьте только выше ихъ, и дѣлайте съ ними что хотите: они выслушаютъ брань на все, что украшаетъ и возноситъ вѣкъ; будутъ смѣяться даже

Digitized by Google

надъ самими собою, надъ понятіями своими, надъ умомъ и надъ сердцемъ. И вотъ въ чемъ заключается главная насмѣшка Барона! «Растопчешь все, чѣмъ гордятся они — и бросишь имъ-же на посмѣяніе.» И они хохочутъ, они восхищаются, не нахвалятся и не нарадуются книгою Барона Брамбеуса. Видно, страшагема Вольтера не была понята ими.

Если-же спросятъ насъ, высоко-ли цѣнимъ мы книгу Барона, какъ произведеніе Словесности, то мы скажемъ, что она есть явленіе весьма пріятное, потому что свидѣтельствуетъ о дарованіи, какихъ немного на Руси. Самый успѣхъ ея показываетъ, что она усыпана остроуміемъ, и если не мыслями новыми, то новымъ сближеніемъ словъ, такъ, что многіе не поняли основной идеи Автора, и причислили ее къ разряду *нравоописаній*. Но какихъ-же нравовъ это описанія? Жителей Медвѣжьяго острова и жерла Этны? Неужели вы и тогда будете узнавать себя, когда васъ станутъ изображать четвероногими?... Мы не поставимъ *Фантастическихъ путешествій* рядомъ съ твореніями Омира, Гёте, Шекспира и Байрона, какъ то сдѣлала Сѣверная Пчела; не подумаемъ и приближать Б. Брамбеуса къ этимъ Олимпійскимъ именамъ; но скажемъ просто, что это сочиненіе остроумное, совершенно по времени многихъ жителей нашего столѣтія, и могущее развлечь на нѣсколько часовъ самаго задумчиваго человѣка. Довольно и этого. Напечатана книга Г-на Брамбеуса съ ошиб-

Digitized by Google

ками прошивъ языка и правописанія: не знаемъ, кто виновашъ въ эшомъ.

— *Денница на* 1834 *годъ*. Москва. 1834. Въ Университетской т. 240 стр. in-16.

Случалось-ли вамъ видашь, какъ запоздалые прошедшаго вѣка являюшся въ собраніе молодыхъ людей, одѣшыхъ по послѣдней модѣ? Въ пудрѣ, съ кошелькомъ, во Французскомъ кафшанѣ, шаричекъ входишъ смиренно, раскланиваясь на всѣ сшороны и шараясь не задѣшь кого нибудь своими длинными полами, не обсыпашь кого нибудь своей пудрой. Такъ Альманахи наши появляюшся въ два послѣдніе года: безъ шребованій на первенсшво, какъ бывало во времена ихъ славы, безъ высокопарныхъ и даже бранчивыхъ фразъ, безъ щегольсшва, и какъ будшо приговаривая: «Дайше намъ шолько дожишь свой крашкій вѣкъ, и пошомъ дѣлайше чшо хошише.»

Такова и *Денница* нынѣшняго года. На заглавномъ лисшкѣ, она даже не поименована Альманахомъ, и если судишь по прежнему разнообразію Альманаховъ, когда въ нихъ помѣщались шеорешическія и ученыя сшашьи, кришика и полемика, шо *Денница* не походишъ даже на своихъ прародишелей. Безъ предисловій, безъ объясненій предсшавляешъ она нѣсколько пріяшныхъ произведеній Словесносши. Если-бы еще наружносшь ея соошвѣш-

Digitized by Google

ствовала назначенію книги, представляемой какъ будто въ подарокъ съ Новымъ Годомъ, то она была-бы истиннымъ Альманахомъ, каковы они вездѣ и какими прежде не были они на Руси. Но такъ все склоняется къ своему назначенію: и даже Русскіе Альманахи.

Содержаніе *Денницы на 1834-й годъ* составляютъ слѣдующія статьи:

Марко богатый и *Веселые Злыдни*, двѣ Русскія сказки (М.), по нашему мнѣнію, лучшія сочиненія въ сей книжкѣ. Основаніе ихъ взято изъ народныхъ преданій, а разсказъ отличается искусною простотою, приличною сему роду сочиненій. Если-бы перескащикъ поменьше роскошничалъ *своимъ* остроуміємъ, и не прибавилъ къ *Веселымъ Злыднямъ* двухъ ненужныхъ частей (*Смѣхъ и Горе*, *Адамова голова*), то его трудъ казался-бы еще ближе къ самородной Русской Сказкѣ.

Опалъ, волшебная сказка (И. К.). Въ ней, кажется, Авторъ уже черезъ чуръ перехитрилъ. Волшебству конечно законъ не писанъ, но есть законъ изящнаго, который не велитъ изъ вымысла дѣлать такихъ пошёмокъ, гдѣ заблуждается воображеніе читателя, вмѣстѣ съ Авторомъ.

Вѣщій сонъ, быль, Н. А. Мельгунова. Отрывокъ, мило разсказанный.

Родительская печаль. Это какое-то наважденіе Пиго-Лебрёня или Поль-де-Кока, не скрашенное ихъ игривымъ разсказомъ. Не надобно-бы было пу-

Digitized by Google

скашь эшой негодной *Печали* въ одно сообщество съ степенными сказками и былями.

Мужикъ и Смерть, Русская побасёнка. Больше сказашь о ней нечего.

Ледяная статуя. Отрывокъ изъ сочиняемаго И. И. Лажечниковымъ романа. Пріятная новость! Надѣемся видѣть романъ хорошій.

Мокошь, отрывокъ изъ новаго романа А. Ѳ. Вельтмана, столь крашкій, что можно видѣть въ немъ только игривый, прелестный разсказъ.

Буранъ. Мастерское описаніе бури въ степяхъ Оренбургскихъ. Если и эшо отрывокъ изъ романа, то мы поздравляемъ публику съ романомъ, обѣщающимъ много хорошаго.

Насмѣшка мертваго. Отрывокъ. Въ немъ выражена мысль не новая, но всегда поразительная: мысль о противоположности свѣтскихъ законовъ съ законами сердца, души, ума. Разсказъ хорошъ.

Все эшо сташьи, писанныя прозою. Но въ *Деннице* есть еще 21 стихотвореніе. Жаль, что изъ нихъ немного достойныхъ вниманія. Упомянемъ о пяти Русскихъ пѣсняхъ, изъ собранія П. В. Кирѣевскаго, и о стихотвореніи Н. С. Тепловой. Эшо лучшее. Если-же надобно-бъ было называть плохія стихотворенія, то.... ихъ много. Есть, напримѣръ, стихи безъ соблюденія всѣхъ правилъ Стихосложенія (стр. 122 я, 26-я, 184-я); есть стихи,

Digitized by Google

недостойные именъ, подписанныхъ подъ ними. Странно, что къ такимъ должны мы причислить *Сцену изъ Пикколомини*, переводъ Г-на Шевырева, писателя съ дарованіемъ. Но, читайте и скажите, кто это говоритъ: Максъ Пикколомини или Фамусовъ?

Вотъ, вызвали въ напасти духа, — онъ
Явился вамъ — а вы и испугались!
По вашему, чтобъ были чудеса
Какъ ежедневныя явленья.... Въ полѣ
Торопитъ время: намъ необходимы
Свой глазъ, своя управа....

Читая эти стихи, невольно повторяешь такіе же стихи Фамусова: *Вотъ, рыскаютъ по свѣту, бьютъ баклуши*, и проч. — И рядомъ съ такими комическими стихами встрѣчаются безпрерывно: *Коли, млатъ, пріялъ, доблій мужъ*, и подобныя слова, никогда не употребляемыя въ разговорѣ. Вообще, изъ перевода Г-на Шевырева столько-же можно узнать Шиллерову трагедію, какъ изъ карикатуры картину. — *К. П.*

— *Брошюрки.* Издаваемыя Иваномъ Кронебергомъ. № X. Харьковъ. 1833. Въ Университетской т. 24 стр. in-8.

Пріятно видѣть, что Г. Кронебергъ не только не прекращаетъ, но и съ возрастающимъ усердіемъ

Digitized by Google

продолжаешъ изданіе своихъ *Брошюрокъ*, заключающихъ въ себѣ много прекраснаго, глубокомысленнаго, полезнаго. Въ самомъ дѣлѣ, 10 изданныхъ имъ донынѣ книжекъ составляютъ библіотеку, гдѣ найдешъ для себя умственную пищу и философъ, и поэтъ, и всякій мыслящій человѣкъ. Жаль, что Г. Кронебергъ не оканчиваетъ начатыхъ имъ въ прежнихъ книжкахъ статей. Въ изданной нынѣ помѣстилъ онъ извлеченіе изъ книги Джіордана Бруно: Della causa, principio et uno, прозвавшаго свою систему, по мѣсту рожденія своего, Philosophia Nolana (Ноланская Философія). Г. Кронебергъ далъ своему извлеченію слѣдующее заглавіе: *О причинѣ, началѣ и одномъ. 1. О причинѣ поколику она разнствуетъ отъ начала и съ нимъ одно. Тожество дѣйствующей, формальной и идеальной причины.*

Жалѣемъ, что не можемъ ближе познакомить нашихъ читателей съ этимъ любопытнымъ явленіемъ.

Digitized by Google

СМѢСЬ.

— *Изъясненіе картинки.* — Прилагаемъ къ сей книжкѣ Телеграфа очеркъ одного изъ превосходнѣйшихъ произведеній древней Скульптуры. Это *Статуя Діаны.* Дочь Латоны и Юпитера, Діана была обожаема въ Древности почти столь-же многими, какъ и Аполлонъ, братъ ея. Она рыскала по лѣсамъ и горамъ, и была почитаема богинею охоты. Отъ того именовали ее Діаною Звѣроловицею, и представляли въ коротокой одеждѣ, съ лукомъ и колчаномъ. «Діана, говоритъ Винкельманнъ, изображалась одаренною болѣе всѣхъ другихъ богинь видомъ и формами дѣвическими. Она имѣла всѣ прелести своего пола, и какъ будто не знала о томъ; однакожъ она не опускала взоровъ внизъ, какъ Паллада: ея глаза, блистающіе, исполненные веселости, обращены къ предмету ея удовольствій, къ охотѣ. Волосы на головѣ ея собраны со всѣхъ сторонъ и оканчиваются на затылкѣ узломъ, по-дѣвичьи. Станъ у нея легче и тоньше нежели у Паллады или Юноны. Всего чаще видимъ Діану въ легкой одеждѣ, которая едва достаетъ у нея до колѣнъ.»

На статуѣ, ноги у нея обнажены и только обуты въ богатыя сандаліи; подлѣ нея лань: это конечно

Digitized by Google

лань горы Коринейской, златорогая и мѣдноногая. Кажется, художникъ изобразилъ то мгновеніе, когда Діана встрѣтила Геркулеса, при переходѣ черезъ Ладонъ, и выхватила у него жертву, угрожая ему своими стрѣлами. Потому-то на лицѣ ея выражено негодованіе и взглядъ оживленъ гнѣвомъ.

Эта превосходная статуя сдѣлана изъ Пароскаго мрамора, и достойна была стоять подлѣ Аполлона Бельведерскаго. Она сохранилась совершенно, и находится во Франціи со временъ Генриха IV-го. Долго была она въ Версальской галлереѣ; нынѣ во Французскомъ Музеѣ. Съ нея не одинъ разъ снимали эстампы: Меланъ въ 1669 году, Бакуа въ изданіи Le Musée français, и Гейне въ изданіи Фильоля. Вышина ея 6 футовъ 2 дюйма.

— Некрологія за 1832 и 1833-й годы. — Есть въ душѣ человѣческой какое-то чувство, которое среди самыхъ наслажденій жизни заставляетъ обращаться къ воспоминанію грустнаго, и отъ настоящаго переноситься къ прошедшему. Такъ при наступленіи *новаго года* тѣснится къ намъ память о *прошедшемъ годѣ*; радостныя надежды будущаго сливаются съ грустью о минувшемъ. Думаемъ, что никто не откажетъ въ участіи, если *начиная новый годъ*, мы представимъ читателямъ нашимъ исчисленіе потерь, которыя понесло Человѣчество кончиною славныхъ, или замѣчательныхъ людей въ 1832 и 1833 годахъ. Потери велики;

Digitized by Google

списокъ ихъ печаленъ; ушраша многаго незамѣнима. Какой рядъ воспоминаній предсшавляешъ пришомъ сей списокъ! Сколько изъ именъ, исчисляемыхъ нами, записала Исшорія въ свои безсмершныя лѣшописи! Какое дѣйсшвіе производили многія изъ нихъ на современниковъ, и какъ далеко нѣкошорыя изъ нихъ оштразятся въ пошомсшвѣ!

1832 годъ.

Іоганъ Вольфгангъ Гёте, сконч. 10 Марша. Имя всемірное.

Менѣе его, но шакже досшойный современникъ слѣдовалъ за нимъ:

Сиръ Валтеръ Скоттъ. Сконч. 9 Сеншября.

Исчисляемъ имена другихъ писашелей и ученыхъ людей, памяшныхъ въ Исшоріи Наукъ и Знаній:

Карлъ Викторъ Бонстеттенъ, другъ Боннеша и Іоанна Миллера, пракшическій философъ и пріяшный лишшерашоръ, сконч. 22 Января, 87 лѣшъ.

Георгій Краббъ, другъ В. Скошша, Англійскій поэшъ, создашель особеннаго рода Дидакшической Поэзіи, сконч. 22 Января, 78 лѣшъ.

Іеремія Беншамъ, преобразовашель пракшической Юриспруденціи, сконч. 25 Мая, 85-ши лѣшъ.

Сиръ Іаковъ Мекинтошъ, Юрисшъ и Исшорикъ Англійскій, сконч. 18 Мая, 67 лѣшъ.

Digitized by Google

Жанъ Батистъ Сей, писатель, оказавшій важныя услуги Повитической Экономіи своими сочиненіями, скон. Ноября 2, 65 лѣтъ.

Даніилъ Бекъ, ошличный знатокъ Греческой и Латинской Литтерашуры, Профессоръ Лейпцигскій, сконч. Декабря 1-го, 76 лѣтъ.

Шмитъ-Фисельдекъ, Нѣмецкій Историкъ, сконч. въ Копенгагенѣ, 1 Ноября, 62 лѣтъ.

Г-жа Монтольё, урожд. Крузацъ, сочинительница Каролины Лихтфильдъ и множества другихъ романовъ, сконч. въ Лозаннѣ, Декабря 16, въ глубокой старости.

Анна Маріа Портеръ, сочинительница Килярнскаго озера и многихъ другихъ романовъ, сконч. въ Брисшолѣ, Іюня 7, въ преклонныхъ лѣшахъ.

Раскъ, извѣстный Дашскій Оріенталистъ, сконч. въ Коценгагенѣ, Ноября 2, 45 лѣтъ.

Франція лишилась *четырехъ* знаменишыхъ Оріенталистовъ:

Іоаннъ Франциск Шамполліонъ, оказавшій безсмершныя заслуги касашельно гіероглифовъ и Исторіи Египша, сконч. Февраля 21-го, 47 лѣтъ.

Сенъ-Мартенъ, знашокъ Турецкаго и Армянскаго языковъ, сконч. Іюня 28-го.

Іоаннъ Петръ Абель-Ремюза, знашокъ Кишайскаго языка, сконч. Мая 22-го, 44-хъ лѣтъ.

Другія ушраты въ области Наукъ и Знаній:

Digitized by Google

Эдуардъ Додвелль, Англійскій Археологъ, сконч. въ Римѣ, Мая 2, 65 лѣтъ.

Георгій Кювье, образователь Сравнительной Анатоміи и лѣтописатель царства ископаемыхъ допотопныхъ животныхъ, сконч. Мая 1, 63 лѣтъ.

Шпурцгеймъ, ученикъ и другъ Галля, образователь науки Черепословія, сконч. въ Англіи, Ноября 25, 57 лѣтъ.

Графъ Шапталь, славный Химикъ, Министръ при Наполеонѣ, сконч. Іюля 18, 76 лѣтъ.

Лежандръ, одинъ изъ великихъ Машематиковъ нашего времени, сконч. Декабря 28 дня.

Брюэ, отличный сочинитель Географическихъ каршъ, сконч. Іюля 5-го.

Баронъ Цахъ, извѣстный Астрономъ и писатель, сконч. 21 Августа, 77 лѣтъ.

Люди, замѣчательные въ Политической Исторіи XVIII-го и XIX-го вѣка:

Казимиръ Перрье, Президентъ Совѣта Министровъ во Франціи, бывшій основателемъ Французской современной политики, сконч. Мая 4, 55 лѣтъ.

Генералъ Ламаркъ, одинъ изъ жаркихъ защитниковъ Оппозиціи во Франціи, котораго могила обагрилась потоками крови, сконч. Мая 21.

Графъ Гаугвицъ, бывшій Министромъ Пруссіи и

Digitized by Google

важнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ событіяхъ 1806 года, сконч. въ Венеціи, Января 28.

Дмитрій Ипсиланти, братъ Александра Ипсиланти, зачинщика возстановленія Греціи, одно изъ важныхъ лицъ въ новѣйшей Исторіи Грековъ, сконч. Августа 4-го.

Аббатъ Монтескіу, бывшій Министръ во Франціи, по возстановленіи Бурбоновъ, сконч. въ Сиреѣ, Января 25 д.

Виконтъ Мартиньякъ, также бывшій Министромъ при Карлѣ X-мъ, сочинитель любопытной Исторіи Испанской революціи, сконч. 22 Марта.

Адмиралъ Кокренъ, столь извѣстный своею храбростію, дерзостью и похожденіями въ Южной Америкѣ и Греціи, сконч. въ Парижѣ, Января 17 д.

Не льзя не вспомнить и слѣдующихъ людей:

Докторъ Бэлль, первый изобрѣтатель методы взаимнаго обученія, усовершенствованной Ланкастеромъ, сконч. въ Январѣ мѣсяцѣ 1832 г., 80 лѣтъ.

Муціо Клементи, извѣстный форшепіанистъ своего времени, учитель знаменитаго Фильда, скон. въ Англіи, Февраля 23, 80 лѣтъ.

Орловскій, единственный рисовальщикъ битвъ, лошадей, сценъ простонародныхъ, удалыхъ изво-

Digitized by Google

щиковъ, ямщиковъ, базаровъ и живошныхъ, сконч. въ Пешербургѣ, Мая 2 дня.

Рускіе, которымъ Орловскій былъ соотечественникомъ по своему пребыванію въ Пешербургѣ, и потому что находился въ Россійской службѣ, могутъ вспомнишь еще о слѣдующихъ Россіянахъ, и другихъ націй мужахъ, посвяшившихъ труды и знанія свои Россіи:

Христіанъ Лодеръ, учишель Гумбольдша, Анашомисшъ, Профессоръ Московскаго Универсишеша, умеръ въ Москвѣ, Апрѣля 4-го, 79 лѣшъ.

Баронъ Густавъ Розенкампфъ, незабвенный заслугами по часши Русскаго Законовѣдѣнія, умеръ въ Пешербургѣ, Апрѣля 16-го, въ преклонныхъ лѣшахъ.

Константинъ Ѳедоровичъ Калайдовичъ, оказавшій великія услуги Русской Исторіи изданіемъ и изслѣдованіемъ маше́ріяловъ Историческихъ, скончался, послѣ шяжкой и продолжишельной болѣзни, въ Москвѣ, Апрѣля 16-го числа.

Иванъ Алексѣевичъ Стемпковскій, отличный Археологъ, кошорому, вмѣсшѣ съ И. К. Бларамбергомъ (умерш. въ Декабрѣ 1831 г.), многимъ обязаны мы за изслѣдованія Греческихъ древносшей въ южной Россіи, умеръ Декабря 6-го, въ Керчи, гдѣ былъ онъ Градоначальникомъ.

Графъ С. Р. Воронцовъ, бывшій нѣкогда Россійскимъ Посломъ въ Англіи, и съ давняго времени поселившійся шамъ, умеръ въ Іюнѣ мѣс., въ глубокой старосши.

Digitized by Google

Аѳан. Иван. Стойковичъ, бывшій Профессоръ Харьк. Университета и сочинитель лучшей въ свое время Физики на Русскомъ языкѣ, умеръ въ Петербургѣ, Августа 25-го.

Ник. Ник. Сандуновъ, одинъ изъ извѣстныхъ практическихъ Юристовъ, бывшій долгое время Профессоромъ Русскаго Законовѣдѣнія въ Московскомъ Университетѣ, умеръ въ Москвѣ, Іюня 7-го дня, 66 лѣтъ.

Кромѣ того, въ 1832 году скончались:

Кардиналъ Теста, бывшій Папскимъ Нунціемъ въ Парижѣ во времена Революціи; *Генералъ Бельяръ*, извѣстный по участію въ Бельгійскихъ дѣлахъ; *Маркизъ Матафлорида*, важное лицо въ бывшей Испанской революціи; Англійскій *Адмиралъ Фримонъ*; *Бендавидъ*, ученикъ Канта; *Аббатъ Кіарини*, переводчикъ Талмуда; Англійскій путешественникъ въ Среднюю Африку *Коульвортъ*; Французскій путешественникъ въ Южную Азію, *Жакемонъ*; извѣстный своими сочиненіями о Лифляндіи, *Графъ Брей*; Швейцарскій Историкъ *Фюсли*; Итальянскій Археологъ *Цаппони*; Нѣмецкій Юристъ *Мейстеръ*; Нѣмецкій Математикъ *Тибо*; Англійскій Математикъ *Леслей*; Французскій Химикъ *Серюлласъ*; Итальянскіе Астрономы *Скарпа* и *Оріани*; Нѣмецкіе врачи: *Томассенъ* и *Рудольфи*; Итальянскіе врачи: *Барреta* и *Паллета*; Французскій врачъ Баронъ *Порталь* и Французскій хирургъ *Дельпешъ*; Англійскій хирургъ *Гомъ*; Нѣмецкій пейзажистъ *Графъ*; Французскіе живописцы: *Огюстенъ*, *Лагрене* и *Листеръ*; Французскій ваятель *Делестръ*; наконецъ

*

Digitized by Google

упомянемъ о знаменитомъ Нѣмецкомъ книгопродавцѣ *Котта*, который умѣлъ нажить огромное состояніе книжною торговлею, и умеръ съ чиномъ *Барона фонъ-Коттенбурга*.

(До слѣд. книжки).

— *Календарныя достопамятности 1834 года.* — Если-бы какому нибудь дикарю сказать, что мы, не зная того, что случится съ нами черезъ одно мгновеніе, можемъ предвѣстить ему разныя великія явленія на небѣ, на множество лѣтъ — какъ изумился-бы онъ! Но, мы этому не изумляемся и знаемъ, что дѣйствительно будетъ то, что предсказываютъ намъ Астрономы наши и подтверждаетъ Математика. Вотъ календарныя достопамятности, которыя *непремѣнно сбудутся* въ нынѣшнемъ 7342-мъ году отъ Сотв. Міра, или 1834-мъ отъ Рожд. Христова: Мая 26-го будетъ частное затмѣніе Солнца; Іюня 9-го полное затмѣніе Луны; Ноября 18-го полное затмѣніе Солнца. Въ Европѣ ничего этого мы не увидимъ; но второе частное затмѣніе Луны, Декабря 4-го, будетъ видно во всей Европѣ. Охотникъ до толкованій Календаря можетъ еще замѣтить, что нынѣ будетъ *самая поздняя* Пасха, Апрѣля 22-го, такъ что Благовѣщеніе приходится въ Воскресенье на 3-й недѣлѣ Великаго поста, и прямо изъ подъ Новинскаго, во Вторникъ на Ѳоминой недѣлѣ, Москвичи поѣдутъ на гулянье въ Сокольникахъ 1-го Мая, а Петровъ постъ будетъ состоять всего изъ *одиннадцати* дней.

Digitized by Google

Количество монеты, выбитой во Франціи въ 1832 году. — Многихъ занимаютъ теперь вопросы о Французской монетѣ. Надѣемся угодить наблюдателямъ слѣдующимъ оффиціяльнымъ извѣстіемъ, которое можетъ пригодиться для ихъ разсчетовъ:

Въ 1832 году выбито было во Франціи золотой монеты на . . . . . 2,011,000 фр.
Серебряной . . . . . 142,117,038 фр.

Съ начала царствованія Людовика Филиппа до 1832 года, выбито монеты во Франціи, золотой и серебряной, на 423,980,987 франковъ; въ царствованіе Карла X-го выбито золотой и серебряной монеты на 685,430,240 франковъ.

KNIHOVNA V PRAZE SLOVANSKÁ

Digitized by Google

Digitized by Google

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ (*).

Les oiseaux de paradis sont fantaisie de grande élégance; comme chapeau négligé, nous avons remarqué une capote: elle était très-grande de forme, à calotte un peu haute, en velours bleu ciel pâle, point de rubans, sinon un nœud de satin derrière; sur le côté, un magnifique oiseau qui retombait très-bas, avec infiniment de grâce et de noblesse.

Le satin souci et le satin rubis sont deux couleurs à la mode pour toilette du soir.

Une étoffe magnifique, qui vient de paraître au commencement de l'hiver, est le satin mêlé d'or ou d'argent. Les dessins, plus ou moins riches, ressortent avec grand éclat sur le tissu d'une brillante couleur.

Le satin sultane, dessin apparent, est surtout très-beau en or sur fond noir, violet ou marron. Le satin odalisque, dessin de fantaisie, plus léger, est charmant sur rose, bleu, vert ou blanc.

Le satin pactole, semé d'or ou d'argent, sur un fond de quelque couleur que ce soit, est plus simple que les autres, élégant et distingué.

Ces satins, spécialement destinés à des turbans, sont aussi parfaitement convenables à des robes habillées, pour la cour ou de très-grands bals, avec des diamans ou des pierreries.

(*) Въ Парижѣ до 1 Января (н. ст.) 1833 г.

Digitized by Google

Nous avons remarqué: une robe de velours noir, à corsage plat en pointe, des manches à doubles bouillons, et grands sabots de tulle français blanc, rattachés par un long nœud de satin noir.

Une jolie redingote du soir, en satin bleu de la reine, broché à larges fleurs, était en corsage à châle décolleté. La pélerine, ronde dans le dos, croisait avec la jupe, et tous deux étaient bordés d'une dent.

La même façon, en crêpe blanc, doublé de satin et bordé d'une petite blonde blanche, et en crêpe rose doublé, bordé d'une petite blonde noire.

Une robe de gaze, bleu ciel, à raies façonnées de satin; les manches à doubles bouillons, très-longues; le corsage à la Sévigné, en satin bleu, sans doublure de gaze.

Райскія пшички украшеніе чрезвычайно нарядное. Мы замѣтили (говоритъ Издатель Парижскаго Журнала) шляпку-капотъ, употребляемую запросто: она вообще велика, съ тульею довольно высокою, изъ блѣдно-голубаго бархата, безъ ленть; только одинъ атласный банть назади; съ боку, великолѣпная райская пшичка склоняется чрезвычайно низко, и очень красиво, благородно.

Атласъ цвѣта ногошковъ (soucі) и рубиноваго, теперь въ большомъ употребленіи для вечерняго наряда.

Великолѣпная шкань, появившаяся въ началѣ зимы, есть атласъ съ золотомъ или серебромъ. Узоры болѣе или менѣе богатые, ярко выказываются на шкани блестящаго цвѣта.

Digitized by Google

На атласѣ sultane, узоръ чрезвычайно видный, особенно красивъ изъ золота на черномъ, фіолетовомъ или каштановомъ полѣ.

Атласъ odalisque, съ узоромъ фантастическимъ, больше легокъ и прелестенъ на розовомъ, голубомъ, зеленомъ или бѣломъ.

Атласъ pactole, усѣянный серебромъ или золотомъ, на полѣ какого-бы ни было цвѣта, проще другихъ, наряденъ, и въ уваженіи.

Атласы эти, назначенные для шюрбановъ, также совершенно приличны для нарядныхъ платьевъ, для выѣздовъ ко Двору, или на балы самые великолѣпные; къ нимъ идутъ брильянты и другіе дорогіе каменья.

Мы замѣтили (говоритъ Издатель Парижскаго Журнала) платье изъ чернаго бархата, съ гладкимъ лифомъ, угломъ; рукава двойнымъ буфомъ, и большія оборки (sabots), изъ Французскаго бѣлаго тюля, приколоты длиннымъ чернымъ атласнымъ бантомъ.

Красивый вечерній реденготъ изъ синяго атласа (bleu de la reine), съ вышканными широкими цвѣтами; лифъ сдѣланъ открытый, шалью. Пелеринка на спинѣ круглая, напереди идетъ на крестъ какъ лифъ; пелеринка и лифъ обшиты зубчиками.

Тотъ-же фасонъ изъ бѣлаго крепа, подшитаго атласомъ и украшеннаго маленькой бѣлой блондой; изъ розоваго крепа, также подшитаго атласомъ и украшеннаго черной блондочкой.

Digitized by Google

Газовое платье свѣтло-голубаго цвѣта, съ узорчатыми атласными полосами; рукава двойнымъ буфомъ, очень длинные; лифъ à la Sévigné, изъ голубаго атласа, безъ газа.

На приложенной картинкѣ:

Дама. Прическа съ бриллiантами. Платье атласное. Шубка (manteau-boyard).

Digitized by Google

ейя за 1832-й и 1833-й годы—Календарныя достопамятности—Количество монеты, выбитой во Франціи въ 1832 году)... 186.

Парижскія моды.

При сей книжкѣ Телеграфа находятся: *Очеркъ статуи Діаны, и картинка Парижскихъ дамскихъ модъ.*

Подписка на Московскій Телеграфъ 1834 года принимается въ Москвѣ, въ Конторѣ Московскаго Телеграфа, на Тверской въ домѣ Г-жи Маплевой, и въ Газетной Экспедиціи Императорскаго Московскаго Почтамта. Цѣна, за 24 книжки съ 66-ю картинками, въ Москвѣ 40 рублей, съ пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи 45 рублей ассигнаціями.

Digitized by Google

Sm 9801/55 56

№ II. ЯНВАРЬ.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

О СОЧИНЕНІЯХЪ ГЁТЕ,

ИЗДАННЫХЪ ПОСЛѢ ЕГО СМЕРТИ.

(Окончаніе.)

Изложивъ кратко, поверхностно, однакожь вѣрно, главное содержаніе, или означивъ, такъ сказать, главныя черты второй части *Фауста*, мы должны были-бы сдѣлать общее заключеніе объ основной мысли всего творенія, и показать красоты поэтическаго развитія оной. Но здѣсь встрѣчаемъ затрудненіе, едва-ли преодолимое для современной критики. Очень можно отвѣчать въ немногихъ словахъ на вопросы холоднаго ума; но поэтическое созданіе не будетъ понятно отъ вашихъ односложныхъ отвѣтовъ. Оно какъ будто страшится ихъ, и хочетъ, чтобы видѣли его въ органическомъ развитіи,

Digitized by Google

а не подъ скальпелемъ анатома-критика. Это свойство всѣхъ великихъ созданій поэзіи, и, признаёмся, намъ всегда казались странны рѣшенія критики, диктаторскимъ, если не канцелярскимъ образомъ изрекающей: «Поэтъ думалъ выразить то, или то!» Очень хорошо; но покажите еще намъ, какъ выразилъ онъ это. И вотъ здѣсь-то оказывается, что рѣшенія бываютъ на половину произвольны или предположительны, особенно когда идетъ рѣчь о такихъ твореніяхъ, каковъ *Фаустъ* Гёте. Главную мысль второй части *Фауста* видимъ мы; но еще надобно дать себѣ отчетъ во всѣхъ подробностяхъ ея. А кто возьмется за это? Въ ней есть тысяча намековъ и отношеній, которыя могъ-бы изъяснить только самъ поэтъ, или человѣкъ, знавшій всѣ его помышленія. Но Гёте не оставилъ намъ, при этомъ созданіи, *изъясненія вдохновеній своихъ*, какъ остроумно выразился одинъ Французскій писатель, говоря о своихъ соотечественникахъ, которые даютъ отчетъ въ каждомъ вдохновеніи, почти въ каждой мысли, и посвящаютъ для этого длинныя предисловія. Въ самомъ дѣлѣ: загляните, напримѣръ, въ сочиненія Гюго, великаго, геніяльнаго писателя современной Франціи. Онъ прежде всего предоставляетъ вамъ отчетъ въ каждомъ своемъ твореніи, въ каждой мысли своей, и старается предупредить каждое ваше сомнѣніе.

Digitized by Google

Это имѣетъ свои выгоды и свои невыгоды. Но, какъ-бы то ни было, а при сочиненіяхъ Гёте нѣтъ ни одной пояснительной строчки: ловите, угадывайте помышленія поэта сами. Въ примѣръ, сколь трудно это, приведемъ ошибку одного критика, котораго уважалъ самъ Гёте, и котораго сужденіе о своемъ Театрѣ онъ перевелъ почти вполнѣ и помѣстилъ среди своихъ сочиненій (Ч. VI, стр. 102-122). Это Г. Амперъ, бывшій сотрудникомъ превосходнаго Журнала *Глобусъ*. Нынѣ онъ издалъ отдѣльною книгою разныя свои статьи, бывшія разсѣянными по многимъ Журналамъ, гдѣ находимъ между прочимъ сужденіе о *Еленѣ*, о которомъ мы уже упоминали. Г. Амперъ судилъ съ необыкновеннымъ проницаніемъ, умно, превосходно, и ошибся въ главномъ, признавъ *Елену* фантасмагоріею, отдѣльною картиною, не входящею въ составъ *Фауста*. Гёте опровергъ это мнѣніе полнымъ изданіемъ второй части *Фауста*, гдѣ *Елена* составляетъ третье дѣйствіе, имѣющее неразрывную связь съ прочими. Можно было-бы подумать, что она отдѣльна по своему содержанію, ибо дѣйствительно представляетъ отдѣльную картину, фантасмагорію, сонъ, если угодно. Такъ; но что-же и вся драма: Фаустъ, какъ не фантасмагорія поэтическая? Неужели искать въ ней грубой легенды о Чернокнижникѣ, или исторической картины вѣковыхъ событій? Это

Digitized by Google

видѣніе, гдѣ поэтъ высказываетъ намъ множество идей, глубокихъ, озаренныхъ свѣтомъ его ума и души, но самымъ сіяніемъ своимъ препятствующихъ ясно видѣть полное ихъ значеніе. Чего хотите вы отъ солнца? Разсматривать его? Берите-же закопченное стеклышко, и предоставьте міру пользоваться свѣтомъ и теплотою солнца! Чего хотите вы отъ глазъ красоты, пылающихъ всѣмъ одушевленіемъ жизни? Прочитать *идею* ихъ?... Смѣшны и жалки подобныя усилія! Смѣшны были-бы они и при великомъ созданіи генія. Если мы станемъ математически размѣривать *Фауста*, особенно во второй части, то найдемъ несоразмѣрности. Многое можно разсматривать въ немъ отдѣльно, слѣдовательно многое можно совсѣмъ отдѣлить, и по видимому связь драмы не потеряетъ ничего. Второе и третье дѣйствія кажутся совершенно вводными, фантасмагорическими. Четвертое дѣйствіе слабо связано съ первымъ, и въ немъ нѣтъ даже упоминанія о двухъ предшествовавшихъ. Только въ первыхъ стихахъ его видимъ отдаленный намекъ о прежнемъ. Пятое дѣйствіе, представляющее старца Фауста, смерть его, и событія послѣ его смерти, образуетъ также отдѣльное цѣлое, не имѣющее видимаго сцѣпленія съ прежнимъ Фаустомъ. Но все это, все по видимому отдѣльное, проникнуто одною мыслью: мыслью о борьбѣ человѣка съ

Digitized by Google

жизнью, и человѣчества съ вѣками. Разногласія нашей божественной природы, усѣявшія событіями всю Исторію, развѣ не имѣютъ единой, непрерывной связи? Борьба вещественнаго съ божественнымъ развѣ не составляетъ основанія всей нашей природы и всей Исторіи? Но если такова *единая* мысль, проницающая всю драму: *Фаустъ*, то она сама по себѣ еще не образуетъ созданія поэтическаго, и въ ея развитіи заключается вся великость и слава поэта. Это тема, которую— повторимъ еще разъ— разыгрываютъ вѣка, разыгрываютъ также и тысячи поэтовъ. Но Гёте облекъ ее звуками новыми, разнообразными, выразилъ столь оригинально, величественно, фантастически, что его твореніе останется единственнымъ, неподражаемымъ, какъ памятникъ души, совмѣщавшей въ себѣ цѣлый міръ. Подробности его творенія еще темны для насъ. Не льзя еще видѣть *необходимой* связи многихъ частей съ цѣлымъ. Такъ, напримѣръ, самое лицо Человѣчка не понятно во многихъ мѣстахъ. Что значитъ странствованіе его на шабашъ классическій, желаніе *отлѣситься*, привязанность къ Ѳалесу и разлитіе въ огнѣ у ногъ Галатеи? Можно изъяснить это множествомъ различныхъ идей; но мы отказываемся отъ такого образа изъясненія. Послѣднее желаніе Фауста: противопоставить дюны

Digitized by Google

морскимъ набѣгамъ, требуетъ отчета, который трудно дать себѣ.

Но подобныя-то изысканія называемъ мы холодною отчетливостью ума, не воспламеняемаго красотами цѣлаго созданія, не чувствующаго красотъ подробностей. Подождите: найдутся люди, которые выстроятъ цѣлыя системы на драмѣ Гёте, и разгадаютъ вамъ бобами своей учености значеніе каждаго темнаго мѣста этой драмы. Для Гёте явятся свои Малоны и Стивенсы, которые у него такъ-же станутъ считать слова, какъ считали ихъ они у Шекспира. Но все-ли изъяснено у Шекспира? Далеко нѣтъ! И неужели-же цѣлый міръ долженъ ожидать этого блаженнаго полнаго изъясненія, и удерживать свой восторгъ, при чтеніи, при слушаніи, при театральномъ представленіи Шекспировыхъ драмъ? Это не въ природѣ человѣческой. Вотъ почему, предоставляя другимъ критическія изысканія касательно всѣхъ подробностей *Фауста*, мы скажемъ, что вторая часть этого удивительнаго созданія вполнѣ достойна первой части. Она не имѣетъ съ нею видимой связи, единства; но единство ея таково-же какъ единство Среднихъ Вѣковъ съ новѣйшимъ временемъ. Это исторія *Человѣка*, исторія *Человѣчества*, и различныхъ фазовъ его образованія, вѣрованій и стремленій; но это исторія, напи-

Digitized by Google

санная поэтомъ, у котораго часто одинъ намекъ служитъ символомъ цѣлаго ряда событій. Это мистерія, то есть таинственное представленіе событій, но мистерія нашего времени, которую могутъ понимать только люди, знакомые со всѣми идеями современнаго просвѣщенія. Истинное поэтическое созданіе отличается еще и тѣмъ свойствомъ, что красоты его равно чувствуетъ философъ-критикъ, и доступный живымъ впечатлѣніямъ простолюдинъ. На этомъ основанъ успѣхъ Шекспира среди простонародья Англіи, успѣхъ Тасса въ Италіи, Гёте въ Германіи. Каждый видитъ въ немъ свои поэтическія стороны: живость образовъ, силу картинъ, музыку стиховъ. Эти достоинства господствуютъ въ *Фаустѣ* независимо отъ достоинства внутренней мысли. Возьмите каждое мѣсто драмы его отдѣльно — и вы будете восхищаться поэтическими красотами его.

Въ заключеніе, выпишемъ нѣсколько мыслей самого Гёте о своемъ *Фаустѣ*, высказанныхъ имъ по прочтеніи Французскаго перевода сего творенія (Ч. XLVI, стр. 169-я):

«Видя передъ собой Французскій переводъ моего *Фауста*, въ великолѣпномъ изданіи, вспоминаю о томъ времени, когда трудъ сей былъ замышленъ, сочиненъ, и написанъ, съ ощущеніями совершенно особенными. Успѣхъ, который пріі-

Digitized by Google

обрѣлъ онъ всюду, и который доказывается теперь даже типографическимъ совершенствомъ, зависитъ конечно отъ рѣдкаго свойства его: навсегда заключить въ себѣ періодъ развитія человѣческаго духа, мучимаго всѣмъ, что обременяетъ человѣчество, поражаемаго всѣмъ, что тревожитъ его, понимающаго все, что отвращаетъ его, и также одушевляемаго всѣмъ, чего желаетъ оно. Поэтъ уже весьма удаленъ отъ подобнаго состоянія; да и міръ, нѣкоторымъ образомъ, долженъ выдерживать совсѣмъ иную борьбу; однакожъ, состояніе человѣка оспаетъся большею частію одинаково и въ радости и въ страданіи. Новое поколѣніе всегда найдетъ причины разсматривать то, что прежде него составляло усладу и горесть, дабы, такъ сказать, изострится въ томъ, что ожидаетъ его.

«Сочиненіе сіе, по природѣ своей начато въ мрачной стихіи; дѣйствіе его происходитъ хотя на разнообразномъ, однакожъ тревожномъ позорищѣ; но на Французскомъ, все просвѣтляющемъ языкѣ, удобномъ для ума и размышленія, оно становится уже гораздо яснѣе и понятнѣе. Теперь, когда я смотрю на формать in-folio, на бумагу, на буквы, печать, переплетъ, на все, безъ исключенія, доведенное до совершенства, во мнѣ почти исчезаетъ прежнее впечатлѣніе, волновавшее меня и тогда,

Digitized by Google

какъ я взглядывалъ на свой прудъ черезъ долгое время, желая повѣрить для себя его сущность и свойства.»

Такъ думалъ Гёте въ послѣднее время о первой части своего *Фауста*. Любопытно было-бы прочесть его мнѣніе и о второй части — но теперь желаніе сіе тщетно.

Не хотимъ употреблять всегдашняго манёвра писателей, которые заговорившись о какомъ нибудь предметѣ, увѣряютъ, что они увлеклись имъ, и что для другаго у нихъ уже нѣтъ мѣста. Статья наша до сихъ поръ была посвящена только второй части *Фауста*, и не безъ намѣренія, потому что это сочиненіе почитаемъ мы важнѣйшимъ въ послѣднихъ десяти томахъ Гёте. О немъ, объ этомъ сочиненіи, мы должны были и хотѣли говорить подробнѣе нежели о другихъ, которыя не представляютъ равной важности, хотя всѣ достойны вниманія и даже изученія. Въ самомъ дѣлѣ, пріятно и поучительно видѣть мудреца Гёте во всемъ: и въ сужденіяхъ о Французской, Англійской, Итальянской, Нѣмецкой Литтературѣ, и въ путешествіи 1797 года, и въ первыхъ очеркахъ Гёца фонъ Берлихингенъ, и въ замѣткахъ касательно Искусствъ, Наукъ, Знаній. Но мы ограничимся только исчисленіемъ всего этого, заключающагося въ новыхъ томахъ сочиненій

Digitized by Google

Гёте, изданныхъ послѣ его смерти. Иначе надобно было-бы написать не журнальную статью, а цѣлый томъ.

Часть сорокъ вторая полнаго собранія сочиненій Гёте, или вторая изданныхъ послѣ его смерти, заключаетъ въ себѣ два, чрезвычайно любопытныя сочиненія. Это: *Драматизированная Исторія Готтфрида фонъ Берлихингенъ, Желѣзной Руки*, и *Гёцъ фонъ Берлихингенъ, Желѣзная Рука, драма въ пяти дѣйствіяхъ, передѣланная для театра.* Первая, вѣроятно, есть то самое сочиненіе, о которомъ упоминаетъ Гёте въ своихъ Запискахъ, разсказывая, что сначала онъ извлекъ изъ собственнаго жизнеописанія Гёца драматическія сцены, и послѣ составилъ изъ нихъ свою *первую трагедію.* Любители Поэзіи Гёте давно желали имѣть въ рукахъ своихъ этотъ драматическій очеркъ. Теперь они могутъ удовлетворить свое любопытство — если только мы не ошибаемся, почитая *Готтфрида* тѣмъ самымъ сочиненіемъ, которое послужило основою извѣстной трагедіи. По милому обычаю Нѣмцевъ, тутъ нѣтъ ни одного примѣчанія или поясненія, а намъ не случилось читать сужденій Нѣмецкихъ Журналистовъ о изданныхъ нынѣ сочиненіяхъ Гёте. Какъ-бы то ни было, но *Готтфридъ* достоинъ вниманія и самъ по себѣ. Это драматическія сцены, гдѣ лица

Digitized by Google

почти тѣ-же, что и въ самомъ *Гёцѣ*; но языкъ ихъ еще ближе къ старинному Нѣмецкому. Въ содержаніи есть большія отмѣны.— *Гёцъ*, передѣланный для театра, любопытенъ только тѣмъ, что въ немъ можно видѣть, какъ великій знатокъ Драматическаго Искуства измѣнилъ свое произведеніе, соображаясь съ законами и потребностями сцены.

Часть третія (13-я) занята описаніемъ путешествія, которое предпринималъ Авторъ въ 1797-мъ году въ Швейцарію, и поѣздки къ Рейну, Майну и Неккару, въ 1814 и 1815 годахъ. Но всего любопытнѣе тутъ описаніе сокровищъ Искуства, находящихся въ окололежащихъ городахъ. Гёте былъ не только любитель, но и знатокъ древностей и произведеній Искуства во всѣхъ родахъ. Дружба его почти со всѣми замѣчательными людьми, имѣвшими собранія рѣдкостей, библіотеки и кабинеты, давала ему случай видѣть и разсматривать многое. Его замѣчанія показываютъ истиннаго цѣнителя Изящнаго. Не столь удовлетворительно кажется намъ описаніе прежняго его путешествія (въ 1797-мъ году). Оно состоитъ изъ замѣтокъ, въ коихъ всего чаще видѣнъ Нѣмецъ. На ряду съ описаніемъ мастерской Даннекера, находите тутъ цѣну коровьяго масла! Замѣчанія его о городахъ, о жите-

Digitized by Google

ляхъ разныхъ мѣстъ, также очень мѣлочны. Сужденія о современныхъ тогда событіяхъ политическихъ, достойны любаго Нѣмецкаго клуба. Они состоятъ изъ анекдотцевъ, изъ газетныхъ извѣстій и простонародной непріязни къ врагамъ. Въ ненависти должна быть своя возвышенность. Но таковы добрые Германцы! Въ мірѣ умственномъ, идеальномъ, возлетая къ небесамъ, они въ гражданской жизни вѣчно оспаются подлѣ чепчика и кофейника жены, съ трубкою во рту, съ грошевою газетою передъ глазами.

Часть четвертая (44-я) вся посвящена *Искуству*. Это собраніе статей о произведеніяхъ и предметахъ Искуства, гдѣ разсыпано множество замѣчаній и мыслей глубокихъ. Кажется, небольшіе отрывки эти собраны изъ разныхъ Журналовъ, гдѣ первоначально печаталъ ихъ Авторъ. Они могутъ служить пріятнымъ и наставительнымъ чтеніемъ, какъ для раскрытія многихъ частей Искуства, такъ и для узнанія образа мыслей Автора, который, если можно такъ выразиться, былъ самъ живымъ Искуствомъ.

Часть пятая (45-я) чрезвычайно любопытна. Въ ней собраны разныя статьи Автора о Театрѣ, или лучше сказать о Драматическомъ Искуствѣ, и Нѣмецкой Литературѣ. Относящія-

Digitized by Google

ся къ Театру особенно важны. Статья о Веймарскомъ Театрѣ можетъ служить предметомъ изученія для всѣхъ Гг. Директоровъ и содержателей театровъ. Въ ней увидятъ они, какими средствами, при самыхъ небольшихъ пособіяхъ, знатоки Искуства умѣли привести въ цвѣтущее состояніе театръ Германскихъ Аѳинъ. Замѣчанія о Шекспирѣ исполнены мыслей свѣтлыхъ, достойныхъ великаго поэта; но еще занимательнѣе небольшая статья о первомъ изданіи *Гамлета*, гдѣ маститый старецъ съ юношескою пылкостью говоритъ о впечатлѣніи, которое сдѣлала на него отысканная недавно и напечатанная въ 1825-мъ году трагедія Шекспира въ первобытномъ ея видѣ. Статьи о Нѣмецкой Литературѣ, по большей части, крашки. Это рецензіи разныхъ книгъ, которыя казались Гёте достойными вниманія по чему нибудь. Но шутъ-же есть статьи, писанныя и по разнымъ другимъ случаямъ. Гёте былъ критикъ благоразумный, уклончивый, и не геніяльный. Это не Августъ Шлегель. Впрочемъ, не льзя не отдать справедливости многимъ его замѣчаніямъ, необыкновеннымъ его свѣдѣніямъ по всѣмъ частямъ Литературы, и какому-то спокойному, ясному образу сужденій. Онъ почти никогда не разсматривалъ книги подробно: онъ бралъ какую нибудь одну мысль изъ нея, или говорилъ свое мнѣніе объ

Digitized by Google

ея общности, передавая читателямъ свои впечатлѣнія въ видѣ отчета за себя, а не за Искуство или Науку, которымъ всякая книга приноситъ пользу или наноситъ ударъ, болѣе или менѣе чувствительный.

Часть шестая (16-я) есть драгоцѣнное собраніе статей о разныхъ Литературахъ: Древней Греческой, Французской, Англійской, Итальянской, Восточной, и о Народной Поэзіи. Не льзя не удивляться наблюдательности, съ какою Гёте смотрѣлъ на всѣ событія въ Литературахъ различныхъ народовъ. Ничто не ускользало отъ его орлинаго взгляда. Отрывки Греческихъ трагиковъ, Французская комедія и романъ, творенія Байрона, Восточная Поэзія, статьи журнальныя, все было важно и занимательно для него. Онъ съ особеннымъ уваженіемъ говоритъ о Критикахъ Журнала: *Глобусъ*, нѣкогда украшавшаго Французскую Литературу; съ изумленіемъ, съ восторгомъ пишетъ о Байронѣ; съ безпристрастіемъ, безъ жеманства о самомъ себѣ. Даже эфемерное явленіе: *Книга ста одного сочинителя*, обратила на себя вниманіе его, и онъ посвятилъ нѣсколько страницъ первой части ея. Для читателей нашихъ, вѣроятно, будутъ любопытны сужденія и замѣчанія его о разныхъ Французскихъ книгахъ, потому что онѣ почти всѣ извѣстны

Digitized by Google

имъ. Выписываемъ перечнемъ его мнѣнія о замѣчательнѣйшихъ.

Цѣлую исторію разсказываетъ Гёте о своемъ переводѣ извѣстнаго Дидеротова сочиненія: *Племянникъ Рамо.* Гёте перевелъ его въ 1804-мъ году, съ рукописи, которая потерялась послѣ, и сочиненіе Дидерота было извѣстно только по переводу. Въ 1821-мъ году, Викомтъ де Соръ и Г-нъ Сенъ-Женьесъ перевели *Племянника Рамо* съ Гётева перевода, и объявили, что они нашли подлинникъ долго терявшагося сочиненія Дидеротова. Но въ этоже время нашелся дѣйствительный подлинникъ. Начался споръ между издателемъ его и Гг. де Соромъ и Сенъ-Женьесомъ. Обратились наконецъ къ Гёте, съ просьбою рѣшить этотъ странный споръ; и онъ рѣшилъ его въ пользу издателя дѣйствительнаго подлинника.

Въ извѣстіи о романѣ Сальванди: *Донъ Алонзо*, Гёте изъявляетъ удивленіе къ дарованію сочинителя, и называетъ сочиненіе его замѣчательнымъ, богатымъ по содержанію, великимъ!...

Говоря о переводѣ своихъ Драматическихъ сочиненій, онъ радуется, что Французы сближаются съ чужеземными Литературами и черпаютъ мы-

Digitized by Google

сли и чувства изъ свѣжихъ источниковъ. Далѣе онъ переводитъ сужденіе Г-на Ампера о Театрѣ своемъ, и наконецъ съ нѣкоторымъ изумленіемъ упоминаетъ о своемъ жизнеописаніи, сочиненномъ Г-мъ Стапферомъ, находя въ немъ разгаданнымъ многое, что казалось темнымъ самому предмету жизнеописанія. Вотъ собственныя его слова: «Желаю, чтобы друзья мои прочитали это жизнеописаніе. Иное извѣстно имъ не такъ, объ иномъ думаютъ они другимъ образомъ, но вѣрно вмѣстѣ со мною будутъ съ благодарностью удивляться, какъ умѣлъ біографъ столь хорошо присвоить себѣ открытое и разобрать скрытное? Замѣчательно также, какъ могъ онъ достигнуть нѣкоторыхъ воззрѣній на свой предметъ, воззрѣній, изумляющихъ и того, кто прежде всѣхъ долженъ былъ-бы имѣть ихъ, и кто однакожь не имѣлъ ихъ, именно потому, что они были къ нему слишкомъ близки.»—Въ замѣчаніяхъ на извѣстное сочиненіе: La Guzla, poésies illyriques, Paris, 1827, Гёте едва-ли не первый сказалъ, что это не переводъ оригинальныхъ Иллирійскихъ сочиненій, а подражанія Далматскимъ народнымъ пѣснямъ, и особенно стихотвореніямъ Маглановича, принадлежащія Автору Клары Газюль. Въ самомъ этомъ имени Гёте открылъ анаграмму: Gazul—Guzla.—Объявляя объ Исторической драмѣ А. Дюваля: *Тассъ*, Гёте

Digitized by Google

переводитъ рецензіи изъ Journal du Commerce и Le Globe, изъ которыхъ въ одной отдаютъ преимущество Дювалю, а въ другой Гёте, какъ автору драмы *Tasso*. Къ этому онъ, между прочимъ, прибавляетъ: «Не напоминаю о себѣ и своихъ сочиненіяхъ хочу я, переводя рецензіи Французскихъ Журналовъ; нѣтъ, цѣль моя гораздо выше. Я хочу обратить вниманіе на то, какъ образуется *Всемірная* Литература, гдѣ предлежитъ намъ, Нѣмцамъ, почетная роль. Всѣ народы оглядываются на насъ, хвалятъ, порицаютъ, берутъ наше, отбрасываютъ его, подражаютъ ему, обезображиваютъ, понимаютъ насъ или не понимаютъ, открываютъ или закрываютъ передъ нами сердца: все это должны мы принимать равнодушно, потому что намъ дорога общность такого направленія.» Далѣе разсматриваетъ онъ, болѣе или менѣе, слѣдующія сочиненія или предметы Искусства, относящіеся къ Франціи: «Англійскій Театръ въ Парижѣ — Французскій въ Берлинѣ — Histoire de la vie et des ouvrages de Molière — Richelieu ou la journée des Dupes, comédie historique par le Mercier — Французскій Первый Театръ — *Фаустъ*, въ переводѣ — Elisabeth de France, tragédie par A. Soumet — Perkins Warbeck, drame historique par M. Fontan — Idées sur la philosophie de l'histoire

Digitized by Google

de l'humanité, par Herder—Отдѣльныя мысли—Le Livre des Cent-et-un — Аѳинянки, опера Жуи.

Въ Англійской новой Поэзіи занимался Гёте, болѣе всѣхъ, Байрономъ. Уваженіе его къ великому Англійскому Поэту было безпредѣльно. Онъ, для образца, перевелъ первыя пять строфъ *Донъ-Жуана*, и—отказался переводить его. Замѣчательны слѣдующія строки Гёте: «Донъ-Жуанъ произведеніе безгранично-геніяльное; непріязненное для человѣчества до самой свирѣпой жестокости, и дружественное до самой глубокой, нѣжной привязанности. Теперь, когда мы знаемъ, цѣнимъ этого Автора, и хотимъ, чтобы онъ былъ таковъ какъ есть, теперь съ признательностью наслаждаемся мы тѣмъ, на что отваживается онъ такъ свободно, такъ дерзко. Чудному, дикому, безпощадному содержанію Донъ-Жуана, вполнѣ соотвѣтствуетъ и техническая часть стиховъ; Поэтъ такъ-же мало щадитъ языкъ, какъ людей. Разсматривая его ближе, мы видимъ, что въ Англійской Поэзіи уже есть образованный комическій языкъ, котораго совершенно нѣтъ у насъ, Нѣмцевъ. Комическое Нѣмецкое преимущественно заключается въ чувствѣ, а не въ выраженіи. Удивляетесь богатству Лихтенбер-

Digitized by Google

га: у него въ повелѣніи цѣлый міръ знанія и отношеній, которыя смѣшиваетъ онъ какъ карты и плутовски выигрываетъ на нихъ. Даже стихи и рифмы Блумаэра, столь приличные комическому содержанію, забавны собственно рѣзкою противоположностью стараго съ новымъ, благороднаго съ пошлымъ, возвышеннаго съ низкимъ. При внимательномъ разсмотрѣніи, находимъ, что Нѣмецъ, желая быть смѣшнымъ, отступаетъ за нѣсколько столѣтій, и только въ забавныхъ рифмахъ удается ему быть простодушнымъ, простосердечнымъ.» Кромѣ *Донъ-Жуана*, Гёте говоритъ о *Манфредѣ*, *Каинѣ*, и о сношеніяхъ своихъ съ Байрономъ.

Вообще замѣчанія его объ иностранныхъ Литтературахъ подчинены одной, главной мысли: мысли объ успѣхахъ Искусства, у какого-бы то ни было народа. Онъ никогда не забываетъ однакожъ сказать объ отношеніи каждаго явленія къ Нѣмецкой Литтературѣ. Намъ кажется, что этому примѣру должны слѣдовать всѣ наблюдатели Литтературъ. Не бранить, не называть ихъ кровавыми, безумными, ядовитыми, а умѣть извлекать изъ каждаго замѣчательнаго ихъ явленія поучительную мысль: вотъ дѣло Критики. Такъ поступалъ Гёте, и отъ того сужденія его полезны, наставительны.

Digitized by Google

Итальянской Литтературѣ посвящены двѣ небольшія статьи: о Данте, и объ одномъ Итальянскомъ Журналѣ. Восточная Литтература также обратила на себя вниманіе Гёте только двумя сочиненіями. За то у него богато отдѣленіе *Народной Поэзіи*, гдѣ всего болѣе занимали его Сербскія и Новогреческія стихотворенія. О Русской Литтературѣ нѣтъ ничего, кромѣ небольшаго упоминанія при книгѣ Бауринга: Servian popular poetry. Переводимъ его для любопытныхъ:

«Г-нъ Баурингъ также подарилъ насъ, еще въ 1821-мъ году, Русскою Антологіею, изъ которой мы ближе узнали отдаленныя Восточныя дарованія, раздѣляемыя отъ насъ мало извѣстнымъ языкомъ. Тогда не только живѣйшее значеніе пріобрѣли для насъ знаменитыя имена, но еще мы познакомились ближе и съ однимъ давно роднымъ, по любви и дружбѣ къ намъ, человѣкомъ, Г-мъ Жуковскимъ. Онъ обязывалъ насъ дотолѣ, дружескимъ и почетнымъ для насъ образомъ, своими сладостными стихотвореніями; изъ Антологіи Бауринга научились мы любить это поэтическое дарованіе въ большей его обширности, и удивляться ему.»

Часть седьмая (47-я) заключаетъ въ себѣ *Стихотворенія*, не вошедшія въ составъ прежъ-

Digitized by Google

нихъ частей. Изъ нихъ особенно любопытны стихотворенія юности Гёте, на которыхъ надписанъ 1769-й годъ.

Часть осьмая (48-я) есть продолженіе Записокъ Гёте, которыя писалъ онъ подъ заглавіемъ: *Вымыслъ и истина.* Полагаемъ, что читатели уже знакомы съ образомъ сочиненія этой любопытной книги, раскрывающей намъ не одну жизнь Гёте, но и умственную жизнь всей Германіи его времени. Надобно читать ее, а пересказать о ней нечего. Замѣтимъ, что нить повѣствованія у Гёте наблюдается не строго; особенно въ этой части онъ не рѣдко возвращается къ прошедшему и дополняетъ то, что сказывалъ прежде.

Часть девятая (49-я) занята мелкими отрывками, мыслями, замѣчаніями. Въ нихъ много любопытнаго, оригинальнаго, много выводовъ ума и опытности. Тутъ-же есть переводъ Гёте Рѣчи Фридриху Великому, сочиненной Іоанномъ Миллеромъ.

Въ *десятой части* (50-й) начинаются статьи, относящіяся къ Философіи и Естествознанію; вѣроятно, онѣ будутъ продолжаемы въ слѣдующихъ пяти частяхъ, которыхъ мы еще не получили, и которыми Издатели обѣщаютъ заключить полное собраніе *всѣхъ* сочиненій Гёте.

Digitized by Google

Въ десятой части напечатаны статьи мелкія, афоризмы, разныя замѣтки. Обширнѣе всѣхъ другихъ, и по нѣкоторымъ отношеніямъ любопытнѣе всѣхъ статья объ извѣстномъ спорѣ двухъ знаменитыхъ Французскихъ Естествоиспытателей: Жоффруа Сенпъ-Илера и Кювье. Это едва-ли не *послѣднее* сочиненіе Гёте; по крайней мѣрѣ онъ занимался имъ передъ самою смертью своею. Французскіе ученые приняли сужденіе Гёте съ необычайнымъ уваженіемъ, перевели и напечатали въ Журналахъ, и даже отрывкомъ въ *Книгѣ Ста одного*. У насъ на Руси это событіе ученаго міра осталось неизвѣстно публикѣ, и потому намѣрены мы представить въ переводѣ статью Гёте, замѣчательную по многимъ отношеніямъ, касающуюся вопроса чрезвычайно важнаго, и возбудившую общее вниманіе. Не даемъ обѣщанія, ибо опытъ безпрестанно учитъ насъ, какъ трудно, особенно въ наше время, надѣяться выполнить все, къ чему кажется обязаннымъ человѣкъ, имѣющій единымъ помышленіемъ добро, пользу и просвѣщеніе.

Пересмотрѣвъ статью нашу, видимъ всю неполноту ея, всю бѣдность вправленіи съ богатствомъ предмета. Но и можетъ-ли быть иначе? Кто осмѣлится сказать, что онъ въ

Digitized by Google

состояніи представить ясное понятіе о десяти томахъ сочиненій Гёте, заключивъ статью свою въ немногія страницы? Одинъ *Фаустъ* можетъ быть поводомъ къ нѣсколькимъ томамъ поясненій. Мы полагаемъ однакожъ, что не безъ пользы прочтетъ страницы сіи тотъ, кто не имѣетъ случая углубляться самъ въ сочиненія безсмертнаго Германскаго поэта и философа. Даже знакомые съ языкомъ его не всегда отваживаются на такой подвигъ. Но, пора знакомиться намъ, Рускимъ, съ Нѣмецкою Литературою, которой представителемъ главнымъ, хотя и не единственнымъ, остается великій Гёте.

Думаемъ, что не можемъ лучше заключить нашей статьи, какъ представивъ здѣсь нѣсколько мыслей Ампера о Гёте. Переводомъ всего разсужденія его, Гёте, такъ сказать, утвердилъ мысли Французскаго Критика. Все, что говоритъ сей послѣдній о Франціи, можно примѣнить и къ Россіи.

«Слава Гёте распространяется у насъ тихо, и главная причина этого въ высшемъ свойствѣ его генія — оригинальности. Все оригинальное, то есть глубоко запечатлѣнное характеромъ, собственно принадлежащимъ какому либо человѣку или народу, сначала не лег-

Digitized by Google

ко заслуживаетъ одобреніе; а оригинальность есть самое рѣзкое свойство Гёте. Можно сказать даже, что этотъ независимый человѣкъ доводитъ до излишества то качество, безъ котораго нѣтъ генія. Впрочемъ, всегда потребно нѣсколько усилія, когда хотимъ освободиться отъ привычки, и постигнуть Изящное, являющееся намъ въ новой формѣ. Но съ Гёте не довольно сдѣлать это усиліе одинъ разъ: надобно возобновлять его для каждаго изъ его сочиненій, потому, что всѣ они созданы подъ различнымъ вдохновеніемъ. Переходя отъ одного къ другому, всякой разъ входите вы въ новый міръ. Это плодовитое разнообразіе можетъ испугать воображеніе лѣнивое, можетъ сбить съ толку ученіе исключительное; но это-же самое разнообразіе Гёте привлекаетъ къ нему умы, которые столько возвышены, что могутъ понять его, столько сильны, что могутъ слѣдовать за нимъ.

«Есть люди, одаренные столь сильнымъ, рѣзкимъ характеромъ, что сначала они изумляетъ и даже отталкиваетъ; но свыкнувшись съ ними, привязываются къ нимъ именно за тѣ качества, которыя сначала удаляли. Таково дѣйствіе сочиненій Гёте. Они выигрываютъ, когда вы узнаете ихъ; но чтобы узнать, на-

Digitized by Google

добно принять на себя трудъ изучить ихъ; трудъ, потому что часто въ нихъ странность формы скрываетъ глубокій смыслъ идеи. Почти всѣ поэты бываютъ одинаковы всегда, и потому-то легко наблюдать ихъ, легко слѣдовать за ними. Гёте, напротивъ, всегда столь отличенъ отъ другихъ и отъ самого себя, столь неуловимъ, столь непостижимъ въ стремленіи къ своей цѣли, часто такъ разстроиваетъ обыкновенныя привычки Критики и даже удивленія, что человѣкъ, желающій вполнѣ наслаждаться имъ, долженъ быть такъже свободенъ отъ всѣхъ литтературныхъ предразсудковъ, какъ онъ. А можетъ быть столь же трудно встрѣтить читателя совершенно безъ предразсудковъ, какъ и поэта, который-бы, подобно Гёте, попралъ ихъ всѣ, безъ исключенія.»

К. П.

Digitized by Google

ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ НЕСОЧИНЕННАГО ЕЩЕ СОЧИНЕНІЯ.

«Башарея! Залпъ будетъ!»

Уставъ Артиллерійскаго ученія.

Заря чуть занималась прошивъ швердынь Ахалцыха, обложеннаго Русскими войсками. Только въ вышинѣ, надъ моремъ мрака и дыма, можно было различить зубчатыя стѣны замка и головы минаретовъ, краснѣющіе то невѣрнымъ отблескомъ Востока, то кровавымъ огнемъ повременныхъ выстрѣловъ. Замокъ этотъ походилъ тогда на исполинскій корабль съ обломанными мачтами, рѣющій по волнамъ и бьющійся утопая. Это было въ роковое утро Ахалцыхскаго приступа, 15-го Августа 1828-го года. Башареи наши, устроенныя противъ сѣвернаго вала города, неумолчно громили оный цѣлыя сутки, во-первыхъ чтобы разрушить бастіонъ, который прикрывалъ куртину, обреченную на приступъ, во-вторыхъ чтобъ мѣшать врагамъ и ночью исправлять разрушенное. Но къ разсвѣ-

Digitized by Google

ту велѣно было пальбу разрѣдить, вѣроятно для того, чтобы до рѣшительной минуты утаить истинные замыслы. Батарея праваго крыла замолкла вовсе.

На этой-то батареѣ, окопанной земляным брустверомъ съ короною изъ туровъ, Артиллеристы, прикорнувъ къ орудіямъ, дремали съ банниками и зарядными сумами подъ рукой. Пальники, воткнутые въ землю, роняли искры на вѣтеръ. Подлѣ одной изъ амбразуръ спалъ, сидя на землѣ, командиръ батареи Подполковникъ Виноградовъ, завернувшись въ шинель и опустивъ голову въ колѣна. Турецкія ядра, гудя въ ночномъ воздухѣ, прыгали черезъ его голову; гранаты, брошенныя на удачу, лопались на лету или ударяли въ ограду, осыпая его землей и осколками — но онъ спалъ.

Въ это время, съ холма, отдѣлявшаго станъ отъ окоповъ, прискакалъ къ батареѣ офицеръ высокаго роста, спрянулъ съ коня, бросилъ поводъ въ руки барабанщика и наконецъ доискался Подполковника Виноградова. Добудишься его, впрочемъ, было не такъ легко, какъ найдти. Нѣсколько разъ кликалъ онъ и дергалъ за плечо сонливца — все напрасно. «Проснитесь, Подполковникъ!.. Иванъ Ильичъ! взгляни пожалуста! не слышишь! — Виноградовъ!» наконецъ закри-

Digitized by Google

чалъ онъ тому на ухо такъ звонко, что многіе канонеры бросились по мѣстамъ.

Винградовъ проснулся.

«Пора что-ли?» сказалъ онъ вскакивая... «Къ орудіямъ! смирно! батарея, залпъ будетъ?»

У Винградова былъ чершовскій голосъ. Бывало, подъ Эриванью, гдѣ онъ командовалъ брешъ-батареей, чуть раздавался любимый привѣтъ его: «Батарея! залпъ будетъ!» непріятельская стѣна пустѣла и крѣпостныя орудія замолкали вдругъ. Все бѣжало долой или падало ницъ — пушкари и стрѣлки — такъ хорошо знали они голосъ Русскаго Топчи; такъ боялись мѣткости его выстрѣловъ. И тутъ съ просонковъ онъ гаркнулъ прямо по-богатырски: казалось, что кликъ его покрылъ ревъ пальбы, и что дрогнувшій надъ ними сводъ пороховыхъ облаковъ сыплется, роняетъ камни. Какъ нарочно будто лопнула въ воздухѣ граната, на заключеніе оглушающаго crescendo Винградова, и чугунные иверни ея, форча мимо ушей, вонзились въ землю.

—Тише, ради Бога, тише!— произнесъ пріѣхавшій офицеръ.— Ты до поры до времени переполошишь Турокъ. Я не привезъ тебѣ очереди стрѣлять; я пріѣхалъ самъ отъ себя, хорошенько разглядѣть позицію, гдѣ-бы всего вы-

Digitized by Google

годнѣе и всего короче провести свой башальонъ, когда пойдемъ на приступъ.

«Только-то?» сказалъ Подполковникъ потягиваясь.» Зачѣмъ-же ты не попросишь свой орденъ Персидскаго Солнца посвѣтить тебѣ въ потемкахъ!... Съ моими фитилями не много толку. Дай мнѣ заснуть еще хоть минутку, Вадимовъ. Я не спалъ трои сутки— сонъ такъ и моритъ, такъ и клонитъ меня. Вольно!» скомандовалъ Подполковникъ и завернулъ голову въ шинель.

— Нѣтъ, нѣтъ, Иванъ Ильичъ! спара, брашъ, шпука. Мнѣ нужны твое знаніе мѣстности, твои совѣты, твоя дружба. Можетъ статься, немного минутъ осталось намъ быть вмѣстѣ на этомъ свѣтѣ— неужели-же мы бросимъ эти минуты сну?

Подполковникъ, еще дремля, подалъ изъ подъ шинели руку свою Вадимову—и тотъ сжалъ ее съ чувствомъ.

—Ну, да и меня въ сторону; время-ли теперь спать! — сказалъ онъ.—Черезъ часъ рѣшится участь Ахалцыха и нашего войска. Заря освѣтитъ славу или безславіе Рускихъ... Жизнь многихъ тысячь идетъ на одну ставку— судьба ужь тасуетъ карты—а ты спишь!...»

«Пятерка ва-банкъ!» вскричалъ вскакивая Подполковникъ и простеръ къ городу жилистую руку свою.

Digitized by Google

Пріѣзжій разсмѣялся.— Да, Русская рука владыка! она сорветъ хоть какой банкъ подъ конецъ игры; но развѣ въ первый разъ Рускіе подъ стѣнами Ахалцыха? А Турки все-таки говорятъ: «Сорви прежде мѣсяцъ съ неба, а потомъ съ мечети Ахалцыха!» Дивлюсь я тебѣ, Иванъ Ильичъ: надо много имѣть Нѣмецкаго равнодушія, или чисто Русской, беззаботной храбрости, чтобы спать и шутить за мигъ до кровавой, невѣрной битвы.

Подполковникъ съ важностію взялъ за руку пріѣзжаго. «Послушай, другъ!» сказалъ онъ. «Шутить я стану и въ сраженіи— у меня такая природа, именно природа— и не болѣе. Это не отвага, не привычка, не хвастовство—въ этомъ не моя вина и не моя заслуга. Это просто широкая кровоносная жила, которая позволяетъ мнѣ такъ-же легко дышать въ пороховомъ дыму, какъ на чистомъ воздухѣ. Но сплю я передъ дѣломъ не изъ безчувствія, а потому что у меня все въ исправности, потому что я увѣренъ въ успѣхѣ, наконецъ потому что я измученъ усталостью и безсонницею. Посмотри на моихъ канонеровъ: неужели ты думаешь, что они всѣ Волжинскіе (*)? Напрасно! я увѣренъ, что между ними есть пѣтые трусы; а разбери-ка ты

(*) Имя Полковника Волжинскаго, недавно убитаго въ сраженіи съ Чеченцами, за беззавѣтную храбрость вошло за Кавказомъ въ пословицу.

Digitized by Google

ихъ теперь съ храбрецами! Они всѣ храпятъ равнехонько, потому что равно истомлены, заряжая и надвигая три дни безпрестанно орудія. Теперь за то не пробудитъ ихъ взрывъ никакой бомбы подъ носомъ—ни что, кромѣ моего голоса.

—И всегда было такъ съ тобою?—спросилъ пріѣзжій?

Подполковникъ задумался... «Однажды — да это было только однажды,» отвѣчалъ онъ послѣ минутнаго молчанія, «что я не смыкалъ очей, усталый во сто разъ больше теперешняго, что я молился всю ночь передъ сраженіемъ, что я плакалъ какъ дитя.»

—Ты, ты плакалъ?

«Я, да, я плакалъ; но это было въ ночь передъ Бородинскимъ сраженіемъ!! О, то была роковая, грозная, священная ночь для всѣхъ Русскихъ — а я былъ Рускій безъ примѣси, какъ теперь; но я не былъ старъ, какъ теперь. Я зналъ какимъ-то чутьемъ, что за той ночью рѣшится судьба отечества, и трепеталъ за него, какъ трепещетъ теперь нашъ Графъ за жизнь солдатъ своихъ, за Русскую славу. Тогда-жъ не объ одной славѣ, не объ одной жизни Русскихъ, но о свободѣ Руси шло дѣло: о томъ, быть-ли ей или не быть, носить-ли намъ имя народное не краснѣя, или видѣть его сорваннымъ, растоптаннымъ въ грязи!.. Тяжко было, ужасно бы-

Digitized by Google

ло! И этотъ святой ужасъ проникъ тогда всѣ сердца, всѣ умы, отъ полководца до послѣдняго рядоваго. Никто не боялся тогда умереть —боялись, что трупы наши не загородятъ Наполеону дороги къ порабощенію милой родины. Я бѣсился, читая въ нѣкоторыхъ романахъ и Журналахъ описанія Бородинской ночи: слушать ихъ, такъ у насъ въ лагерѣ былъ тогда чуть не пиръ горой! и пѣсни да шутки, и смѣхи да потѣхи!! Писали это или не Рускіе, или не очевидцы, или какіе нибудь дудики, лишенные всякой наблюдательности, которые грѣлись тогда не у бивачнаго огня, а у Генеральскаго самовара; люди, которые даже изъ крови умѣютъ пускать мыльные пузыри, надутые пошлыми газетными восклицаніями. Неправда-жь, горькая неправда, будто мы тогда радовались. Съ нами былъ Кутузовъ, напротивъ насъ былъ Наполеонъ; а кто изъ насъ не зналъ его военнаго генія, кто не видѣлъ его несмѣтныхъ полчищъ, его неистощимыхъ средствъ? Эта безмолвная, тяжелая дума, упопила весь станъ нашъ въ смертную тишину. Никто не спалъ. Солдаты заботливо чистили ружья, точили штыки, и, готовясь къ смерти, надѣвали чистыя рубашки. Шепотомъ завѣщали они землякамъ отнести поклонъ, кто къ женѣ, кто къ брату, кто благословеніе дѣтямъ, если вынесетъ Богъ изъ сраженья и службы. Многіе мѣнялись крестами и

Digitized by Google

образами. «Крестовый братъ! не выдай!» говорили они другъ другу, прощаясь. «Братья товарищи! не поминайте лихомъ.» Они знали, что завтра будутъ драться на порогѣ Москвы, а Москву каждый считалъ ворошами въ домъ свой; но это не былъ страхъ, то не было отчаяніе— то была гордая рѣшимость умереть за свою отчизну, и умереть не напрасно. Скитающійся образъ Смоленской Божіей Матери стоялъ въ лагерѣ. Тысячи солдатъ толпились около него, прикладывались, молились въ землю. Всегда коротка солдатская молитва, но въ ту ночь она была особенно искренна, потому что солдаты молились за спасенье Россіи, потому что Русское войско былъ тогда Русскій народъ. И они набожно бросали послѣднія копѣйки свои въ кружку, благоговѣйно подклоняли головы подъ кропило, умываючись святой водой, готовясь умыться священною кровью— какая-жъ кровь не священна пролитая за отчизну!.. О, это было умилительно, это было торжественно! Съ тѣхъ поръ, какъ брата полюбилъ я Русскаго солдата: это самое безропотное животное въ самой тяжкой долѣ; это самое беззаботное въ опасностяхъ созданье; и, что всего чуднѣе, самое нехвастливое существо послѣ чудесъ храбрости, существо, которое за Царя проливаетъ радушно остальную каплю крови, отдаетъ Богу остальную лепту!... Я былъ тогда вольнодумецъ—

Digitized by Google

по крайней мѣрѣ на словахъ, по крайней мѣрѣ по модѣ— но приблизясь къ образу изъ любопытства, я былъ увлеченъ примѣромъ.... Я палъ ницъ— плакалъ горько— молился съ вѣрою, но едва не съ отчаяніемъ... Судьба родныхъ моихъ, судьба моей родины, какъ чугунное ядро тяготѣла въ сердцѣ— я чувствовалъ, что одно чудо могло спасти ихъ, а чтобы вѣрить свершенью чудесъ, необходима пылкая вѣра! Я поднялъ голову — и мнѣ показалось при мерцаньи лампады, будто ликъ образа съ любовію склоняетъ ко мнѣ свои взоры, будто небесныя очи его сверкаютъ слезами, будто уста шепчутъ слова надежды— мнѣ стало легче, съ души будто гора скатилась. Нѣтъ! сказалъ я самому себѣ. Русь не будетъ рабыней Франціи! — И я молился еще, но уже съ отрадою. И слезы, и дыханье, и мысли— весь я превратился тогда въ молитву!»

—Ты былъ поэтъ!— съ жаромъ произнесъ пріѣзжій, прижимая руку Подполковника къ груди.

«Я былъ Артиллерійскій Подпоручикъ,» хладнокровно отвѣчалъ тотъ. «Я и не забылъ тогда этого; я осмотрѣлъ всѣ заряды, всѣ скорострѣльныя трубки, каждую ось, всякой винтъ на лафетѣ, всякой ремень на упряжи, даже осмотрѣли срѣзные ножи у бомбардировъ. Такъ внима-

Digitized by Google

тельно исполнялъ въ ту ночь свою должность каждый.... и вотъ засѣрѣло утро!

«Но не здѣшнее, не сегоднишнее утро, безъ зари и тумана, а наше Русское, осеннее утро, со своею свѣжестью и запахомъ павшихъ листьевъ; съ туманами, которые то обдаютъ тебя холодкомъ, то словно одѣваютъ горностаевой шубою. Краснѣе крови всшало солнце— и озарило вышины Бородинскаго поля. То была чудная каршина... Она врѣзалась въ мое воображеніе такъ ярко, такъ живо, какъ будто я теперь стою опершись о колесо пушки, которая ужь давнымъ давно отслужила свой срокъ, удостоена въ ломку и перелита Богъ знаетъ во что. Лѣниво снимались туманы, но съ каждой улетающей волною дальше и дальше распахивалось поле, и наконецъ, когда они отхлынули совсѣмъ, всё раздолье наступающей битвы проглянуло какъ въ райкѣ. Тамъ и сямъ дымились испепеленныя уже деревнишки; батареи правда были скрыты, но холмы щетинились штыками, и колонны волновались словно забытыя серпомъ полосы жашвы. Земля вспахана ужь была колесами орудій и подковами коней— готова родимая принять посѣвъ картечь и ядеръ, и потомъ упишься кровавымъ дождемъ, чтобы на весну взошла ужасная озимь, заразою. Полки входили въ линію безмолвно, но на лицѣ кажда-

Digitized by Google

го написано было: «Умру, а не побѣгу.» Адъютанты и ординарцы носились стремглавъ, крестили взадъ и впередъ. Ропотъ Русской земли съ каждымъ мигомъ становился слышнѣе и грознѣе: казалось, она съ негодованіемъ гнула хребетъ свой подъ тяжестію вражеской артиллеріи и конницы... Она колебалась и гудѣла какъ море передъ грозою— того и ждалъ я, что она всплещется валами и поглотитъ новую армаду.»

—А развѣ не разступилась, развѣ не поглотила Русская земля эту армаду?— сказалъ задумчиво пріѣзжій.— У стѣнъ Кремля застыла все пожигающая лава Наполеона, и теперь на пеплѣ ея зеленѣютъ виноградники свободы народовъ. Въ 1825-мъ году рыскалъ я по Бородинскому полю, вслѣдъ за Принцемъ Оранскимъ, котораго влачила за собой въ 1812-мъ году желѣзная воля Наполеона—и вотъ онъ, 13-ть лѣтъ спустя, пришелъ съ береговъ Шельды поклониться тому мѣсту, на которомъ Русскіе заложили первый камень освобожденія Европы—и этотъ камень была гробовая плита 20 тысячъ нашихъ собратій! И мы, прежніе враги, теперь родные не только по кровному союзу Монарховъ нашихъ, но и по чувствамъ души, мы стояли на холмѣ, покрытомъ этою плитою, и думали, онъ о минувшемъ, я о будущемъ.

Digitized by Google

«C'est un pélerinage d'expiation,» сказалъ мнѣ Принцъ.

«Pélerinage de réconciliation,» возразилъ я.

—Да, время примирило всѣ вражды, залечило всѣ раны. Роскошныя жатвы всходили на нивахъ, утучненныхъ трупами, увлаженныхъ кровью двадцати народовъ. Красивыя села красовались на пепелищахъ деревень, когда-то расщащенныхъ для бивачныхъ костровъ. Въ деревнѣ Горки, одинъ старикъ грѣлся на солнцѣ сидя на доскѣ, положенной на двухъ гранатахъ. Здоровые ребятишки рѣзвились на улицѣ. Одинъ изъ нихъ подбѣжалъ къ намъ, и вертя въ рукахъ пуговицу, сказалъ: «Купите, баринъ, Французскую пуговицу — отецъ мой вчерась выпахалъ ее изъ земли!» Принцъ далъ малюткѣ червонецъ и взялъ отъ него бездѣлку. «Вотъ судьба орловъ Наполеоновыхъ!» сказалъ онъ, показывая ее намъ: на ней подъ орломъ выбитъ былъ нумеръ славнаго 61-го полка.

«Да, бомба меня убей, это былъ храбрый полкъ!» вскричалъ Подполковникъ. «Батарея наша стояла на гребнѣ лихо окопана и сильно прикрыта; но этотъ чертовскій полкъ пошелъ на насъ молча, ружье подъ курокъ, равняясь подъ картечами какъ на разводѣ— только надвинувъ на глаза кивера. Страшно и любо было

Digitized by Google

смотрѣшь на этихъ удальцовъ. Говорятъ, Багратіонъ закричалъ: браво, браво, и захлопалъ имъ въ ладоши. Я постигаю это увлеченіе: для героя исчезли тогда враги — онъ видѣлъ только неустрашимыхъ, кто-бъ они ни были. Только половина этого полка дошла до насъ и сбила насъ; другая лоскомъ легла на скатѣ.

—Съ нами, спасься можешь, черезъ часъ будешь то-же: Турки за стѣнами сидятъ на смерть, особенно въ Ахалцыхѣ; онъ искони славится неодолимостью своихъ стѣнъ, неустрашимостью своихъ защитниковъ. Когда Французы дрались на диво за пустое слово, за безумный замыселъ своего повелителя— не понимая ни того, ни другаго—чего не сдѣлаютъ Турки, изувѣрные и безстрашные по природѣ, на защиту своей вѣры и родины? Въ нихъ непримирима ненависть, въ насъ неласыпна жажда отличій: битва будетъ ужасна. Я иду впереди на приступъ... и кто знаетъ, можетъ быть паду изъ первыхъ! Какой-то неясный, тайный голосъ говоритъ даже, что я паду навѣрно... Другъ! тебѣ въ такомъ случаѣ передсмертный завѣтъ мой— дай слово, что ты исполнишь его!

« Это не личная месть?

—Сохрани Боже. Пусть никакая злоба не переживетъ меня; да и зачѣмъ ей вываривать ядъ

Digitized by Google

изъ костей моихъ, когда не могла она доселѣ выжать ни капли яду изъ этого сердца, полнаго любовью, одной любовью!»

«Понимаю теперь: порученіе твое будетъ по сердечному отряду!»

—О, не шути этимъ, Иванъ Ильичъ! Любовь моя для меня не одно сердце, не одна душа, но самъ я, но весь я: она моя мысль, мой свѣтъ, жизнь моя, судьба моя. Видишь-ли ты красное знамя надъ крѣпостью? Каждый изъ васъ превращаетъ его своимъ желаніемъ, кто въ пашенъ на слѣдующій чинъ, кто въ орденъ, кто въ листъ реляціи, гдѣ его имя напечатаютъ не буквами, а звѣздами; но не крыло славы мнѣ вѣетъ въ этомъ знамени; нѣтъ: покрывало той, которую люблю. Дорога къ ней черезъ трупы, черезъ разбитыя стѣны, сквозь пламень и воду—и что успоитъ, когда я устремлюсь къ ней съ саблею въ рукѣ? Кровь мою, всю кровь выпоилъ-бы я славѣ, если-бъ славу эту могъ я постлать себѣ въ изголовье, чтобы съ *ней* вмѣстѣ склонить на него голову— и потомъ умереть.

«Мечтатель, мечтатель!» произнесъ улыбаясь Подполковникъ. «Жаръ-голова!»

—Что жъ добраго дѣлалось-бы на свѣтѣ съ ледъ-головами! О, не отнимай у меня этой мечты: она мое неизмѣнное копье, мой конь-игрень,

Digitized by Google

мои лапы заколдованныя; мечта эта вина и цѣль моей отваги. Какое дѣло, одинаковы-ли пружины, когда онѣ всѣ согласно двигаютъ машину къ общей пользѣ?... Обѣщай-же мнѣ, Винградовъ, что если меня не станетъ, ты съѣздишь въ Петербургъ; тамъ отыщешь одну даму, по адресу этого письма, и отдашь ей мои бумаги. Разскажи ей мою службу, мою жизнь, обѣ черезъ край полныя крови и желчи, лишеній и отличій. Военную славу избрала она свахою между ею и мною — скажи-жь ей, что я какъ Цезарь палъ у стопъ этого холоднаго идола славы, палъ хватаясь за вѣнецъ! И послѣдняя мысль моя была *о ней*, и послѣднее слово мое было *ея* имя!... Другъ! ты исполнишь это?... Обѣщаешь-ли ты мнѣ это?

«Вадимовъ, ты знаешь меня!»

—Винградовъ, ты понимаешь меня!

Друзья обнялись крѣпко, долго. Щеки обоихъ были мокры, когда они подняли головы отъ плеча другъ друга. «Какіе мы ребята!» произнесъ Подполковникъ. «Что за невидаль приступъ! что за предчувствія смерти! Увидишь самъ, что выйдешь изъ дѣла цѣлъ и живъ; при томъ-же и то сказать: можетъ быть я угожу прежде тебя къ сатанѣ на ужинъ à la fourchette.»

—По крайней мѣрѣ по разсчету вѣроятностей,

Digitized by Google

любезный Иванъ Ильичъ, едва-ль до тебя дойдетъ очередь умереть сегодня. Брустверъ довольно высокъ!

«Да неужели ты думаешь, что я усижу за этимъ брустверомъ до конца дѣла? Ей Богу нѣтъ! Бомба меня убей, нѣтъ! Когда колонны прорвутся за палисады, я подвезу свои орудія на пистолетный выстрѣлъ, и буду окачивать бусурмановъ чугуннымъ ливнемъ сквозь кровли и стѣны.»

—Какъ-то еще позволятъ!

«О, я увѣренъ, что Графъ позволитъ мнѣ, прикажетъ мнѣ это. Сидѣть на баштареѣ сиднемъ, бомба меня убей!... Да, лучше было мнѣ лежать со штыкомъ въ боку, подъ колесомъ орудія, которое Французы сбирались увезти съ Бородинскаго поля, чѣмъ зѣвать на бой, когда другіе дерутся. Да, братъ Вадимовъ! жарко здѣсь, а все таки не чета Бородину— я....»

Народная война и потомъ война во Франціи, была слабая струна Подполковника. Разсказы о нихъ приплетались у него ко всему и ко всѣмъ, то для сравненія, то для противорѣчія. «Вотъ ни дать ни взять такъ случилось подъ Смоленскомъ,» начиналъ онъ; «или то-ли дѣло было подъ Кульмомъ! такъ-ли дрались мы подъ Фершампенуазомъ!» — И вслѣдъ за этимъ пре-

Digitized by Google

дисловіемъ тянулась безконечная, какъ Петергофская бумага, исторія о позиціяхъ, ошибкахъ, преслѣдованіяхъ, о всѣхъ ратныхъ случайностяхъ. Описанія его были необыкновенно вѣрны и оригинальны — его можно было заслушаться: онъ все видѣлъ самъ, вездѣ былъ самъ; все зналъ, все помнилъ, да! на бѣду нашу, все, кромѣ того, сколько разъ онъ разсказываетъ одно и то-же, однимъ и тѣмъ-же. Видя, что разсвѣло, Вадимовъ прервалъ многоглаголиваго Артиллериста просьбою разглядѣть вмѣстѣ засѣнье Ахалцыха; и вотъ оба друга, вскочивъ на амбразуру, внимательно принялись изучать всю игру мѣстности: канавки, рытвины, пригорки, поясняя другъ друга замѣчаніями. Ядра и гранаты прыгали, летали черезъ нихъ, съ шумомъ разрывая воздухъ.

Между тѣмъ востокъ загорѣлся и окрестность почти вдругъ возникла изъ мрака, будто земля впервые озаренная солнцемъ изъ хаоса. Ни одного облачка не было на небѣ, никакого тумана по горамъ. Весь Ахалцыхъ открылся какъ на ладони. На высокомъ каменномъ сосцѣ дерзко вставалъ старинный замокъ его, подпершись башнями и оскаливъ зубцы свои, между коими сверкали пушки. Домы города, съ нависшими ярусами, съ цвѣтными ставнями, съ плоскими кровлями, возвышались неровными,

Digitized by Google

успупчатыми купами, запливъ между собою спупанныя улицы. Иные изъ нихъ, казалось, лѣзли въ гору къ стопамъ замка, чтобы пріютиться подъ его защиту; другіе словно разбѣжались по склону холма вдаль отъ жадносши Баши. Тамъ и сямъ изъ среды ихъ просились въ небо стройныя минары (*), получившія голосъ подобно статуѣ Мемнона отъ солнечнаго луча. Муэззины кричали свою обычную молитву, хотя ревъ пушекъ заглушалъ ее, а мѣткія ядра вырывали кирпичи изъ столба.

Кое-гдѣ, подлѣ изразцовыхъ или бѣлыхъ куполовъ мечетей, возносились стрѣловидные тополи, и они свѣжо, отрадно зеленѣлись между грудами грязныхъ зданій, точно свѣтлыя мысли, запавшія случайно въ огромную книгу схоластическихъ нелѣпостей.

Всѣ валы, охватывающіе городъ, опушены были облаками дыма, и лишь когда вѣперокъ раскашивалъ ихъ на мигъ, видны были разноцвѣтныя чалмы Янычаръ и Горскіе папахи, надъ огрудниками.

До всхода солнца, пушки съ обѣихъ сторонъ перебранивались отрывисто. Но каждый лучъ,

(*) Не минаретъ по-Турецки мечетная башня, но минара.

Digitized by Google

падающій съ неба, казалось, запалялъ какъ фитиль огонь новыхъ орудій, шакъ, что когда солнце возникло въ полномъ блескѣ, вся окружность Ахалцыха закипѣла пальбою. Сначала мѣрно, хладнокровно ошвѣчали наши батареи на бѣшеную стрѣльбу съ валовъ; но попомъ, будто разгораясь постепенно гнѣвомъ, онѣ разъ за разомъ чаще и грознѣе двоили, усиливали огонь свой, шакъ, что когда городскія орудія, будто послѣ неистовства отъ опіума, притихли, падая въ дремоту безсилія, наши съ возрастающею люстостію, зыбля рѣвомъ землю, мешали чугунный вихорь свой въ непріятельскія бойницы, вихорь, который долженъ былъ распылить и сместь ихъ съ лица земли.

А. Марлинскій.

(*Продолженіе впредь*).

Digitized by Google

ЭММА.

(Продолженіе).

IV.

Въ огромной диванной своего великолѣпнаго Княжескаго дома, сидѣла Княгиня С***. Комната была богато убрана и превосходно меблирована. Стѣны ея были красиво драпированы краснымъ сукномъ, съ золотыми подборами. Прошивъ Княгини, подлѣ окна, сидѣлъ и глядѣлъ въ окно на обширную Москву супругъ Княгини Князь С*** . Онъ былъ въ шелковомъ большомъ шлафрокѣ. Впрочемъ, трудно было рѣшить, что̀ его занима̀ло болѣе: видъ-ли Москвы, или пара болонокъ, которыя прыгали, кусались и играли въ комнатѣ? Князь кликалъ ихъ, бранилъ, ласкалъ, бралъ къ себѣ за пазуху, ссорился, мирился съ ними. Княгиня не принимала участія въ его занятіи; сидѣла подлѣ столика, гоняла отъ себя собаченокъ,

Digitized by Google

когда онѣ подбѣгали къ ней, и казалась весьма недовольною. Двѣ колоды картъ лежали передъ нею на столикѣ; Княгиня не трогала ихъ. Наконецъ, она громко позвонила. Вошелъ лакей. «Ну?» сказала она вошедшему лакею. — Они изволили возвратиться — отвѣчалъ лакей. «Такъ что-жь ты не зовешь его ко мнѣ?» вскричала Княгиня, такъ сердито, что лицо ея покраснѣло отъ досады.— Докладывалъ; изволили пойдти къ Его Сіятельству; сказали: приду.— «Поди-же, попроси его пожаловать ко мнѣ скорѣе; да, учтивѣе говори, болванъ!» закричала Княгиня. Лакей ушелъ.

— Матушка—тихо проговорилъ тогда Князь, зажимая ротъ собачкѣ, залаявшей отъ громкаго восклицанія Княгини — ты испугала моего Коко!

«Мнѣ кажется, Князь, этотъ гадкій Коко заставляетъ васъ забывать, что кромѣ его есть что нибудь на свѣтѣ.»

— А что-же такое есть еще на свѣтѣ? — спросилъ Князь, въ недоумѣніи поднимая голову.

«Напримѣръ, у васъ есть единственный сынъ, и этотъ сынъ болѣзнію своею ведетъ ко гробу вашу жену.»

Digitized by Google

— Вы знаете, Княгиня, что я не люблю говорить объ этомъ печальномъ предметѣ.

« Потому, что вы эгоистъ, и если-бы сынъ вашъ скорѣе умеръ, вы порадовались-бы этому, какъ избавленію отъ скуки !»

— Лучше умерешь, Княгиня, нежели остаться безъ ума.

« Однакожъ, есть примѣры людей, въ чинахъ и богатствѣ, вовсе лишенныхъ ума.» Княгиня насмѣшливо взглянула на Князя.

— То есть, не одаренныхъ большимъ умомъ? хотите вы сказать — отвѣчалъ Князь, какъ будто не понимая намека Княгини. — Они не сумасшедшіе однакожъ. Большой умъ опять зло, и очень большое зло. Знаете-ли, что я опытомъ узналъ это?

« Не на себѣ-ли самомъ ?»

— Нѣтъ! на чиновникахъ и людяхъ, съ которыми случалось имѣть дѣла въ жизни. Повѣрьте мнѣ.....

« Замолчите, сдѣлайте милость ! » прервала съ досадою рѣчь его Княгиня. Князь испугался; молчалъ съ минуту; потомъ опять старался завести разговоръ. — Ты не поняла меня, mon amie—началъ онъ тихо и ласково — я сказалъ,

Digitized by Google

что лучше пожелаю смерти моему милому Полю, нежели соглашусь видѣть его на всю жизнь сумасшедшимъ.

«И вы говорите объ этомъ такъ хладнокровно, какъ будто рѣчь идетъ о вашей гончей собакѣ?» вскричала Княгиня.

— Надобно философически смотрѣть на вещи. Вы знаете правило Гельвеція...

«Я знаю одно, что только сердце матери способно чувствовать и оцѣнить потерю сына.»

— Но развѣ мы не приняли всѣхъ мѣръ, mon amie? Нашъ Докторъ....

«Вашъ Докторъ пустой ученый говорунъ!»

— Помилуйте: его Европейская слава, письма Гуффланда, рекомендація Франка и Аберкромби...

«Вся ваша Европа дура!»

— Но я самъ говаривалъ съ нимъ...

«Вы, сударь, безчувственное созданіе!

— Но, вы сами, Княгиня...

«Что-же я разумѣю въ ихъ глупой наукѣ, въ этой Медицинѣ? Одно вижу я, что всѣ Доктора обманщики и насъ дурачатъ.»

Digitized by Google

Князь не отвѣчалъ, какъ будто рѣшительный тонъ Княгини убѣдилъ его въ истинѣ всего, что говорила Княгиня. Онъ началъ глядѣть въ окно, и напѣвалъ въ полголоса:

Dans ma cabane obscure
Toujours soucis nouveaux;
Vent, soleil, ou froidure,
Toujours peine et travaux!

Въ это время послышались въ другой комнатѣ тяжелые шаги Доктора. Приближеніе его произвело чудное дѣйствіе на Княгиню: она поправила свою шаль; небрежнѣе сѣла на диванъ; улыбка вдругъ появилась на лицѣ ея, и, какъ будто веселою маскою, закрыла всю ея досаду. Никто не узналъ-бы теперь въ этой ловкой, свѣтской, ласковой женщинѣ сердитой барыни, бранившей мужа своего, Доктора и всю Европу за минуту прежде.

— Мой любезный Г-нъ Докторъ — сказала Княгиня—я ждала васъ нетерпѣливо.

«Я къ вашимъ услугамъ, Княгиня»—угрюмо отвѣчалъ Докторъ. «Что вамъ угодно?»

— Могу-ли думать о чемъ нибудь, кромѣ одного!

Digitized by Google

«Теперь въ самомъ дѣлѣ, Княгиня, пришло время доказать на дѣлѣ ваши слова: точно-ли думаете вы *только объ одномъ*, то есть, о жизни вашего сына.»

— О жизни? Боже мой! вы меня пугаете!

«И не думалъ пугать: вы рѣшительно можете спасти его — или погубить, также рѣшительно.»

— Спасти! Говорите ради Бога; говорите, Г-нъ Докторъ.

«Да! это въ вашей волѣ. Болѣе говорить нечего.» Докторъ спокойно сѣлъ на диванъ, и началъ нюхать табакъ изъ своей огромной золотой табакерки.

— Сжальтесь надъ безпокойствомъ матери, скажите скорѣе!

«Но я не имѣлъ еще чести слышать вашего отвѣта на первыя мои слова.»

— Чего пожалѣемъ мы для нашего Поля! Деньги—все, что вамъ угодно!

«А если-бы это стоило полъ-имѣнія вашего?»

— Г-нъ Докторъ! я не понимаю....

«А, кажется, очень понятно: если-бы это стоило полъ-имѣнія—сказалъ я. Дѣло идетъ не о такомъ леченіи, гдѣ говорится только о

Digitized by Google

возможности вылечить—нѣтъ! Сынъ вашъ черезъ полгода непремѣнно будетъ здоровъ, какъ первый ѣдокъ Лондонскаго бифштекса и первый *боксеръ* Смитфильдскаго рынка, или вы можете сказать мнѣ въ глаза, что я величайшая скотина, и приказать вашимъ лакеямъ выполкать меня въ шею!»

— Ваша услуга будетъ оцѣнена во что вамъ угодно.

«Моя услуга уже оцѣнена тѣмъ, что вы мнѣ договорились платить и платите. Больше мнѣ ничего не надобно. Понимаете, Княгиня: ни одного шалера лишняго! Не обо мнѣ тутъ дѣло. И развѣ могъ-бы я сказать о самомъ себѣ, что вылечу навѣрное, не только сумасшедшаго вашего сына, но даже одурѣлую кошку?»

— Я васъ не понимаю. И безъ этого, я хотѣла спросить васъ, что значитъ нелѣпое происшествіе, о которомъ разсказывалъ мнѣ управитель? Что это за Нѣмка? Что было въ саду у нашего сосѣда? Мнѣ крайне непріятна исторія, гдѣ можетъ быть вмѣшано наше имя.

Докторъ молчалъ.

— Я хотѣла видѣть сына моего, пошла къ нему, и увидѣла его спящаго, накрытаго какимъ-то женскимъ платочкомъ. Мнѣ сказали, что онъ спитъ уже двѣнадцать часовъ сряду, и вы не велѣли его трогать.

Digitized by Google

«Но, мой другъ,» сказалъ Князь— «развѣ ты не побоялась идти къ нему въ павильонъ?»

— Вы ничего не знаете: онъ переведенъ теперь въ свои комнаты.

«Какъ? Онъ здѣсь — въ комнатѣ? Но его припадки ужаснаго бѣшенства?»—Докторъ молча взглянулъ на Князя.— «Я говорю объ опасности припадковъ его,» сказалъ Князь въ замѣшательствѣ. — «Вы полагаете, что пребываніе его здѣсь не опасно?» съ робостію прибавилъ Князь.

Докторъ не хотѣлъ ничего отвѣчать ему, оборотился къ Княгинѣ, и смотрѣлъ на нее пристально. «Если-бы не лекарь явился, но сдѣлалось чудо, и Ангелъ Божій слетѣлъ на землю для исцѣленія вашего сына — согласитесь-ли вы наградить его всѣмъ, чего только онъ потребуетъ?»

— Странныя рѣчи, Г-нъ Докторъ! Вы шутите, когда я совсѣмъ не расположена шутить.

«Читали-ль вы, Г-нъ Докторъ, сочиненіе шалуна Аруэта: Examen important de Milord Bolingbroke, ou le tombeau du Fanatisme?» спросилъ Князь усмѣхаясь.

Digitized by Google

— Чишалъ: мерзость, о которой не стоитъ труда говорить.—Разрѣшите-же, Княгиня, мой вопросъ?

«Въ нашъ вѣкъ, любезный Доктпоръ, не вѣрятъ и стариннымъ чудесамъ, не только не видятъ ихъ вновь»—промолвила Княгиня, съ принужденною улыбкою.

— Но если-бы чудо сдѣлалось съ вашимъ сыномъ?—съ жаромъ возразилъ Докторъ.—Вы все еще молчите? Такъ оно уже сдѣлалось!—вскричалъ Докторъ, съ досадою поднявшись съ дивана — сдѣлалось: Ангелъ слетѣлъ съ неба. Умѣйте оцѣнить его, люди, кто-бы вы ни были, Князья или мужики! Великій Месмеръ! Друзья мои — вы Жюсьё, Бекманъ! для чего нѣтъ васъ здѣсь!

«А! я былъ у Делона, въ бытность мою въ Парижѣ, и видѣлъ его магнетическія ванны и гальваническіе кондукторы — это очень любопытно!»—сказалъ Князь.

— Вы смотрѣли безъ вѣры, а надобно не видѣть, но вѣрить: иначе чудесъ нѣтъ на свѣтѣ! Ради Бога, увольте меня отъ вашего Вольтера, Князь: для васъ довольно знать, что сынъ вашъ выздоровѣетъ. А вамъ, Княгиня, какъ матери, и мнѣ—какъ честному человѣку — надобно болѣе. Отъ васъ зависитъ спасеніе ва-

Digitized by Google

шего сына и того Ангела, который прилетѣлъ къ нему для его спасенія!

«Пожалѣю-ли я чего нибудь.»

— Не въ деньгахъ дѣло: не ихъ требуютъ! Явился лекарь, который лечитъ сына вашего своею душею, своимъ бытіемъ. Жизнь и смерть положены на вѣсы вашего рѣшенія. Если вы безусловно не отдадитесь довѣренности, если вы хоть мысленно воспротивитесь тому, что непостижимо для насъ, чего умъ нашъ не умѣетъ понимать — сынъ вашъ погибъ! Смерть — средины нѣтъ! Но, также вѣрно и совершенное его спасеніе, при согласіи и довѣріи вашемъ.

«Ахъ, Г-нъ Докторъ! сдѣлайте милость, поступайте, какъ вамъ угодно! Но, кто-же этотъ спаситель моего бѣднаго Поля?»

— Та Нѣмка, о которой управитель говорилъ вамъ.—Докторъ опять сѣлъ спокойно на диванъ.

«Она лекарка?»

— Лекарка! — Да, лекарка, если это вамъ угодно.

«C'est quelque chose d'empirique »—промолвилъ Князь невнимательно. «Впрочемъ, надобно испытать все. Только не опасно-ли лекарство?»

Digitized by Google

— Больше нежели опасно: оно ядъ самый сильнѣйшій, какой только существуетъ въ мірѣ! Сама лекарка подвергается опасности умереть и уморить больнаго въ одну минуту.

«Какъ-же вы хотите отдать моего сына такой шарлатанкѣ?» сказала Княгиня, съ неудовольствіемъ. «*Вы* взялись лечить его, и ваши знанія ручались за васъ....»

— *Лечить* взялся я, но не *вылечить*. Мои знанія—вздоръ, нелѣпость, дрянь! А она ручается вамъ своею жизнью... И какъ располковать вамъ это? Вѣрите-ли вы хоть чему нибудь, Княгиня?

«Боже мой!»

— Вѣрьте-же этой посланницѣ небесъ: она спасетъ вашего сына!

«Но изъясните ваши загадки?»

— Какъ будто это можно! Изъясните прежде загадку души человѣческой, изъясните тайну жизни нашей, изъясните земное бытіе наше. Изъяснить, когда самъ Месмеръ ничего не изъяснилъ!

«Стало быть, она магнетизёрка? Но вѣдь магнетизмъ, я слыхала, не опасенъ?»

— Вольно вамъ называть это магнетизмомъ

«Но что-же это такое?»

Digitized by Google

— Это леченіе души душею; это микстура изъ бытія, пластырь изъ сердца, порошки изъ жизни и смерти! Но что̀ тутъ много говорить! Пойдемъ-те къ вашему сыну. Вы увидите сами, и—тогда опровергайте.

«Теперь... Но, его состояніе....»

— Неужели и вы боитесь его?

Княгиня надвинула шаль на плеча и встала съ дивана. Молча пошелъ передъ нею Докторъ. Онъ и она вошли въ спальню молодаго Князя. Больной спалъ, закрытый платочкомъ Эммы. Боязливо подошла къ кровати его Княгиня. Здѣсь, когда она спала близъ одра скорби несчастнаго своего сына—въ ней исчезла свѣтская женщина: она была матерью; слезы потекли у нея изъ глазъ.

Докторъ снялъ платочекъ, положилъ руку на глаза больнаго, повелъ рукою по глазамъ—больной открылъ ихъ. «Встаньте—вамъ велѣли встать, если вы хотите видѣть *ее*»—сказалъ Докторъ.

Больной бодро поднялся съ постели. «Я ее вижу,» сказалъ онъ, какъ будто съ усиліемъ всматриваясь — «она теперь молится и думаетъ обо мнѣ.»

Digitized by Google

Тихій голосъ, кротость, какой не замѣчала Княгиня въ сынѣ своемъ, съ самаго начала его сумасшествія, такъ поразили ее, что она невольно вскричала: «Ахъ! вижу, вижу, что ему лучше—Боже мой! ему гораздо лучше!»

Больной вздрогнулъ, и такъ дико посмотрѣлъ на мать свою, что она содрогнулась и отступила невольно.

— Какая неосторожность!—шепнулъ ей Докторъ. Онъ обратился къ больному, и ласково сказалъ ему: «Вамъ не должно сердиться.»

—Кто это тебѣ говорилъ?— угрюмо отвѣчалъ больной.

— *Она* велѣла.

Больной мгновенно успокоился. «Да!» сказалъ онъ. «Но когда-же опять придетъ *она?*» продолжалъ онъ, водя рукою по лбу. — «Я чуть вижу ее; мнѣ такъ темно, темно!»

— Вамъ велѣли лечь и успокоиться. — Больной не сопротивлялся, легъ и закрылъ глаза. Докторъ опять накрылъ его платочкомъ Эммы.

Княгиня плакала. «Видѣли-ль вы, Княгиня?» громко сказалъ тогда Докторъ.

— Ахъ! тише—не тревожьте его!

Digitized by Google

«Не бойшесь. Теперь можешъ гремѣшь громъ и его не разбудишъ: онъ очарованъ не-естественнымъ сномъ, пока его природа и сила выше его природы споряшъ между собою объ немъ. Видише-ли вы? Вѣрише-ли вы? Еще-ли надобны вамъ объясненія?»

— Вѣрю, хошь ничего не постигаю. Но чшо должна я дѣлать? Повелѣвайше мною, Г-нъ Докшоръ.

«Вы видише шо, чего никшо еще не понимаешъ. Люди назвали это *Животнымъ магнетизмомъ*. Великій Месмеръ первый угадалъ эшу шайну *бытія всемірнаго*. Вашъ сынъ, полсутки шому назадъ, находился въ высшей степени безумія, но теперь совершаешся надъ нимъ шаинственный процессъ магнешизма, и онъ въ самомъ опасномъ положеніи. Въ шоже время жизнью моею ручаюсь вамъ, что онъ выздоровѣешъ. Сядьше, Княгиня, и выслушайше.

«Какъ-бы это сказашь вамъ? Самый высокій умъ человѣческій есшь кропъ, выглядывающій изъ норы своей на вселенную. Но гдѣ человѣкъ сближаешся съ *универсальною* жизнію, шамъ онъ сшановишся *весь міръ*, *вся вселенная*; кропъ, какъ часшь цѣлаго, есшь микрокозмъ макрокозма. Поелику для содержимаго въ содержащемъ пространшво и время исчезаюшъ, ибо изъ

Digitized by Google

не-Я они переходятъ въ его *Я*, то посему взоръ нашъ видитъ сквозь море, живетъ въ прошедшемъ, и *воля* человѣка непобѣдима, если только онъ обратитъ силу и волю свою на дѣйствіе, внутри и внѣ себя все равно, ибо тогда природа становится частію его самого, *субъектомъ* его *объекта*... Чувствую, что я говорю темно; но, позвольте (*)... Любили-ль вы, Княгиня? Вы молчите: вѣрно вы никогда не любили, не знаете любви, этого совершеннаго уничтоженія воли, не знаете субъективной жизни чужею жизнію. Жаль, жаль, что вамъ послѣ сего рѣшительно невозможно изъяснить закона, по которому человѣкъ духъ и тѣло, ангелъ и земля, великое и смѣшное, Кантъ и я, все и ничто. Вообразите однакожь, что человѣкъ можетъ весь перейдти въ универсальную жизнь; что вся его воля можетъ устре-

---

(*) Можетъ быть, тоже скажутъ и читатели наши; но мы просимъ ихъ извинить насъ, ибо повторяемъ слово въ слово рѣчи Доктора, и не смѣемъ изъяснять того, что ему самому казалось темно *для другихъ*. Но что *самъ онъ* хорошо понималъ, все, что говорилъ, въ этомъ мы увѣрены и увѣряемъ нашихъ читателей.

Digitized by Google

миться на одинъ предметъ — что̀ тогда противостанетъ ему? Ему-ли тогда не уничтожить собою болѣзни какой нибудь? Какое сомнѣніе! Что̀ такое болѣзнь? Побѣда *тѣла* надъ духомъ, отъ которой побѣдитель умираетъ. Этого побѣдителя вдругъ оковываетъ *духъ* другаго, переходитъ въ него, живетъ одною съ нимъ жизнью и даетъ ему жизнь свою. Можетъ-ли тѣло бороться съ этимъ страшнымъ противникомъ, для котораго нѣтъ ни времени, ни пространства, ни малаго, ни великаго, и который безсмертенъ жизнью за гробомъ, слѣдственно, безсмертенъ вѣчно, и не только *тамъ*, но и *здѣсь*: духъ Сократа живетъ въ насъ, хотя плоть Сократа давно умерла и истлѣла! Вы этого не понимаете, потому что, извините, Княгиня, вы не жили духомъ, ибо вы *не любили*, а кромѣ любви женщина ни въ чемъ не можетъ приблизиться къ универсальной жизни — для нея процессъ универсальности объективно совершается только въ любви; а во всѣхъ другихъ случаяхъ она живетъ субъективно....»

Видно было, что Доктору чрезвычайно казалось трудно объяснить все то, что онъ думалъ объяснить. Онъ усердно отиралъ потъ съ лица.

—Г-нъ Докторъ— сказала Княгиня— мы были знакомы въ Парижѣ съ послѣдователями Мес-

Digitized by Google

мера. Они дѣлали иногда много шуму. Делонъ часто обѣдывалъ у насъ. Онъ такъ-же говаривалъ какъ вы; но — мы смѣялись надъ нимъ — признаюсь вамъ!

«И надо мной теперь смѣетесь, или не смѣете только смѣяться? Но когда-же чернь не освистывала мудрости; когда поэзія не почиталась сумасшествіемъ; когда любовь не казалась нарушеніемъ всѣхъ вашихъ приличій? Впрочемъ, теперь уже поздно раздумывать: сынъ вашъ не принадлежитъ ни себѣ, ни вамъ — онъ принадлежитъ тому существу, которое овладѣло его бытіемъ. Въ волѣ этого существа возвратить ему разумъ, сдѣлать его человѣкомъ. Если вы, если я вмѣшаемся— мы погубимъ его. Вы должны только повиноваться этому существу, владыкѣ вашего сына, что̀-бы оно ни приказало. Малѣйшее сопротивленіе— смерть!»

—Боже мой! Любезный Докторъ! я передаю вамъ полную волю.

«А когда онъ будетъ здоровъ; когда у васъ опять будетъ сынъ, а не сумасшедшее животное; когда обладающее имъ существо будетъ жить *одною душею* съ вашимъ сыномъ, тогда, Княгиня, тогда что̀?»

—Пожалѣю-ли я чего нибудь для ея награды! Я готова осыпать ее золотомъ!

Digitized by Google

«Да, что̀ вы такъ дорого цѣните ваше золото?» возразилъ Докторъ. «Если потребуется болѣе нежели золото, если надобно будетъ жертвовать вашими предразсудками, вашею знатностью, если.... Постойте, Княгиня: клянусь Богомъ — если вы теперь скажете мнѣ: *нѣтъ*; если вы только задумаетесь на одно мгновеніе — я сорву этотъ платочекъ съ вашего сына: въ бѣшенствѣ встанетъ онъ, и вы первая будете жертвою его бѣшенства, и ни что уже не укротитъ его.... Онъ погибнетъ!»

Печально свѣтилъ погасавшій день сквозь шелковыя занавѣсы. Какъ мертвецъ лежалъ молодой Князь на своей кровати, неподвиженъ, едва дыша. Княгиня сложила руки и съ чувствомъ отчаянной матери сказала Доктору: «Спасите его! Чего-бы ни стоило, спасите его!» — Вашу руку Княгиня!— «Вотъ она!»—

— Совѣсть! довольна-ли ты? — проворчалъ Докторъ самому себѣ.

V.

Эмма сидѣла въ учебной комнатѣ, по утру, на другой день послѣ разговора между Княгинею и Докторомъ; молча, задумавшись, она вязала что-то. Дѣдушка ея сидѣлъ въ своихъ кре-

Digitized by Google

слахъ. Вдругъ щегольская карета осшановилась у ворошъ домика.

—Другъ мой— сказала бабушка Эммы, поспѣшно входя въ комнашу — другъ мой! Княжескій лакей прибѣжалъ спросить у тебя: можешь-ли ты принять Княгиню, кошорая желаетъ шебя видѣть?

Эмма вспыхнула; дѣдушка съ безпокойствомъ вскочилъ съ креселъ и бросилъ шрубку. «Княгиня? Скажи, что я за честь почитаю — гдѣ она? Дайше мнѣ сюршукъ мой— приберише поскорѣе въ комнашѣ!»

Эмма поспѣшно подвинула къ сшѣнѣ сшоликъ, взяла книги, лежавшія на немъ, переложила ихъ на другой, и не знала, за что приняшься.

—Что-же сказашь лакею?

«Да, просишь, просишь!»

Карета въѣхала во дворъ, и пока дѣдушка надѣвалъ свой сюршукъ, бабушка Эммы въ дверяхъ вспрѣчала Княгиню.

Просшо, но богашо одѣшая, съ ласковою улыбкою ошвѣчала Княгиня на неловкія привѣшсшвія сшарушки. Явился дѣдушка, низко кланяясь. Бабушка предлагала чашку кофе. Эмма съ прелешомъ присѣла, и дрожала невольно, не смѣя глядѣшь на Княгиню.

Digitized by Google

—Не безпокойтесь, любезный сосѣдъ, не безпокойтесь, милая сосѣдка—сказала Княгиня.—Прошу васъ быть со мною безъ церемоній; прошу удостоить меня вашей дружбы, вашего знакомства.

Удивительно дѣйствіе богатства и знатности: имъ все пристало, все къ лицу, какъ молодой хорошенькой дѣвушкѣ! Княгиня успѣла очаровать старика и старушку своимъ входомъ и немногими словами. Свѣтское обращеніе, ловкость, нарядъ ея, экипажъ, кротость, ласковость— о! она могла приказывать имъ, не только просить ихъ.

—Но гдѣ-же милая ваша внучка? Ради Бога, дайте мнѣ расцѣловать, обнять ее! Познакомьте насъ. Это вы, милая?— сказала Княгиня, нѣжно цѣлуя Эмму.

Она посадила ее подлѣ себя на диванѣ. Робѣя, дрожа, съ раскраснѣвшимися щеками, Эмма едва дышала.

Какъ будто желая вывести ее изъ замѣшательства, Княгиня обратилась къ дѣдушкѣ, и, не выпуская изъ рукъ своихъ руку Эммы, сожалѣла, что давно не имѣла удовольствія узнать лично своихъ почтенныхъ сосѣдей.

—Ваше Сіятельство — отвѣчалъ дѣдушка — могли-ли мы ожидать такой чести, такой бла-

Digitized by Google

госклонности! Я еще долженъ благодарностію брату вашему, Его Высокопревосходительству (старикъ проговорилъ *чинъ*, *имя* и *фамилію*): онъ былъ Директоромъ нашего Департамента, и я имѣлъ честь служить подъ его милостивымъ начальствомъ.

—Когда-же это?—спросила съ участіемъ Княгиня, желая завести разговоръ. Старикъ началъ подробно разсказывать, а Княгиня внимательно оглядывала Эмму. Не смотря на умѣнье скрывать свои ощущенія, казалось, что она изумляется, разсматривая эту дѣвушку. Чему дивилась она? Тому-ли, что видѣла какое-то кроткое, доброе созданіе, робкое, несмѣлое, молоденькую *мѣщанку*? И эта дѣвушка-мѣщанка была спасительницею сына ея? И это созданіе было загадкою, которой не могъ изъяснить ей ученый Докторъ Нѣмецкій? Отъ этой дѣвушки зависѣла жизнь ея сына? Но чему-же дивишься? — А кто изъ васъ не дивится, видя вдохновеннаго поэта въ обществѣ людей, видя, что этотъ поэтъ какое-то робкое, несмѣлое и неловкое созданіе? Дѣти, дѣти! кто изъ насъ не воображаетъ себѣ, что великіе люди должны быть какіе-то исполины; кто изъ насъ не мѣряетъ величія души человѣческой саженями? За что-же мы смѣемся надъ дѣтьми, которые представляютъ

Digitized by Google

себѣ каждаго богатыря, о которомъ пишутъ въ сказкахъ, ростомъ съ Ивана Великаго?

—Не могу-ли я быть теперь чѣмъ нибудь вамъ полезною? — сказала Княгиня ласково.— Прошу приказывать мнѣ.

«Ваше Сіятельство!...

—Оставьте мое Сіятельство въ покоѣ, любезный сосѣдъ. Вы видите во мнѣ несчастную мать, и отъ васъ зависитъ теперь все мое счастіе, жизнь моя, жизнь моего бѣднаго сына. — Княгиня заплакала. Бабушка заплакала вмѣстѣ съ нею. Эмма поблѣднѣла и готова была также плакать.

«Ваше Сіятельство».... сказалъ дѣдушка заикаясь и не зная что отвѣчать.... «Если только— то я— прошу васъ»....

—Наградить за это я ничѣмъ не могу васъ, любезный сосѣдъ: награда ваша на небесахъ, а не на землѣ — если только радостныя слезы матери не дороже вамъ всякихъ наградъ въ мірѣ.

«Ваше званіе, ваша благосклонность...»

— Вы видите всю бѣдность знатнаго званія, всю ничтожность богатствъ, любезный сосѣдъ!

Digitized by Google

Отъ васъ зависитъ теперь участь всего нашего семейства.

«Возможно-ли, Ваше Сіятельство? Помилуйте..»

— Тутъ нечего толковать много, любезный сосѣдъ — сказалъ Докторъ, перебивая рѣчи старика. Докторъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ Княгинею, но сидѣлъ молча и слушалъ, упершись зубами въ золотой набалдашникъ своей палки.— Тутъ нечего толковать. Вы должны согласиться, чтобы ваша внучка исцѣлила молодаго Князя — должны, если только вы человѣкъ, если только вы Христіанинъ, если только вы желаете себѣ царства Небеснаго.

«Ахъ! Господинъ Докторъ — Ваше Сіятельство! надобны-ли для меня подобныя убѣжденія? Если только добрая моя Эмма можетъ чѣмъ нибудь пособить вашему сыну...»

—Если только *хочетъ*, скажите лучше— возразилъ Докторъ.

«Вы спасете его? Вы захотите спасти его?» вскричала Княгиня, нѣжно схвативъ за плеча Эмму обѣими руками, и смотря ей въ глаза, сквозь слезы. «Милое созданіе! скажите мнѣ!

Крупныя слезы закапали изъ глазъ Эммы. Она склонила голову на грудь Княгини, и едва могла промолвить: «Располагайте мною, Ваше Сія-

Digitized by Google

тельство.» Крѣпко обняла ее Княгиня. Радостно улыбалась бабушка, смотря на Княгиню, обнимавшую Эмму; дѣдушка утиралъ глаза; Докторъ внимательно глядѣлъ на Ея Сіятельство, и, казалось, хотѣлъ прочитать въ ея душѣ всѣ ея тайныя чувства.

—Г-нъ Докторъ — сказала наконецъ Эмма, вырвавшись изъ рукъ Княгини— не ошибаетесь-ли вы? Клянусь вамъ Богомъ, что я совершенно не знаю, чѣмъ могу я пособить излеченію сына Ея Сіятельства!

«Дѣвушка!» вскричалъ Докторъ, схвативъ руку Эммы: «такъ-же робко говорила нѣкогда одна дѣвушка, тебѣ подобная, когда высокая тайна совершалась въ мірѣ. Душа невинности есть рай чудесъ высокихъ и непостижимыхъ. Горе вкусившему плодъ съ древа познанія! Не ему, нѣтъ! не ему западаетъ въ душу лучъ небесный. Только невинному, чистому, какъ младенцу, предоставлено уничтожать предвѣдѣнія мудрыхъ, и только въ невѣдущую душу нисходитъ благодать! О, великій Месмеръ! какую тайну узнаю я теперь!»— Онъ благословилъ Эмму, поднялъ глаза къ небу, и отвернулся утереть слезу.

—Милая Эмма! сказала Княгиня— отнынѣ вы будете моею дочерью!

Digitized by Google

Ярко загорѣлись опять щеки Эммы отъ этого слова. Она закрыла лицо руками, и тихо промолвила: «Пощадите меня, Ваше Сіятельство.»

Казалось, что теперь Княгиня съ восхищеніемъ смотрѣла на Эмму. И прелестна, очаровательна была Эмма въ эту минуту, необъяснима, какъ мигъ восторга, проста, какъ пѣсня Швейцарская, радостна, какъ вѣсть свободы узнику.

—Любезный сосѣдъ!— сказала Княгиня дѣдушкѣ— отнынѣ вы позволите мнѣ раздѣлить права ваши надъ вашею Эммою. Предъ лицемъ Бога, клянусь быть ей матерью! Послушайте-же теперь, послѣ моего обѣщанія, послѣ моей клятвы, и не пугайтесь: вы должны отпустить со мною мою милую Эмму.

Невольное: *ахъ*! вырвалось вдругъ изъ груди Эммы и изъ устъ ея бабушки. Самъ дѣдушка казался изумленнымъ. Предложеніе было такъ неожиданно. Эммѣ показалось, будто сердце оторвалось у нея; она поблѣднѣла.

—Завтра ѣдемъ мы въ нашу подмосковную деревню. Эмма поѣдетъ со мною.

«Только въ деревню вашу?»

— Неужели вы согласитесь разстаться съ Эммою?— поспѣшно сказали бабушка. Молча,

Digitized by Google

но съ умоляющимъ взоромъ, оборотилась къ ней Княгиня.—Извините, Ваше Сіятельство— продолжала бабушка въ замѣшательствѣ — мы такъ привыкли къ нашей Эммѣ.... Впрочемъ, какъ угодно моему мужу....

«Мы можемъ примирить всѣ затрудненія,» возразила Княгиня. « Поѣдемте всѣ вмѣстѣ, любезный сосѣдъ! Мѣста достанетъ для всѣхъ насъ; деревня наша прелестная— у насъ тутъ немного: только пять сотъ душъ; но домъ пребольшой, садъ обширный — будетъ гдѣ помѣститься. »

Мысль: ѣхать къ Князю, къ этому знатному, богатому вельможѣ, быть въ его обществѣ, свѣтскомъ, блестящемъ, модномъ, разстаться съ своимъ домикомъ, разстроить порядокъ хозяйства, всѣ привычки, всѣ удобства, съ которыми свыкается старость? И почему не ѣхать одной Эммѣ? Все это пролетѣло въ головѣ старика въ одно мгновеніе.

— Но что я буду у васъ дѣлать?— сказала Эмма, робко.—Простите меня, Ваше Сіятельство, я вовсе не знаю никакихъ приличій большаго свѣта, даже никогда не живала въ чужомъ домѣ.

« Въ *чужомъ*, милый другъ! Развѣ вы будете въ чужомъ домѣ? Развѣ не заступлю я вамъ мѣста матери?»

Digitized by Google

— Ахъ, Ваше Сіятельство!— сказала Эмма, цѣлуя руку Княгини — я уже люблю васъ, какъ мать....

« Въ самомъ дѣлѣ, Ваше Сіятельство, наша Эмма вовсе не знаетъ большаго свѣта,» начала важнымъ голосомъ бабушка, думая, что нашла непобѣдимое средство оспорить требованіе Княгини.

— Оставьте вашъ большой свѣтъ — сказала Княгиня, съ легкимъ упрекомъ.—Можете-ли вы воображать домъ мой какимъ нибудь блестящимъ, большимъ свѣтомъ, домъ печали и скорби, гдѣ ваша Эмма будетъ звѣздою счастія и радости! О, Боже мой! неужели имя Княгини, неужели званіе моего мужа пугаетъ васъ?

« Но развѣ пребываніе Эммы съ вами необходимо ?»

— Да, сосѣдъ!—сказалъ Докторъ.—Надобно, чтобы нашъ больной былъ безпрестанно съ нею вмѣстѣ, дышалъ однимъ съ нею воздухомъ, глядѣлъ ея глазами, говорилъ ея мыслью, думалъ ея умомъ.

Дѣдушка невольно улыбнулся. « Что-же изъ этого будетъ ?» подумалъ онъ, самъ про себя.

Эмма не видала его улыбки. Отъ словъ Доктора у нея мелькнула совсѣмъ другая мысль. « Мечта моя! неужели ты сбываешься?»

Digitized by Google

Княгиня замѣшила, какъ улыбнулся дѣдушка. Можетъ быть; она поняла его мысль; по крайней мѣрѣ, она улыбнулась, будто говоря ему въ свой чередъ: «Оставимъ будущее судьбѣ, любезный сосѣдъ!»

Но Доктору показалась усмѣшка дѣдушки недовѣрчивостію къ его словамъ. «Сосѣдъ!» сказалъ онъ. «Неужели вы ничего не слыхали и не читали объ этомъ? Вамъ, какъ Нѣмцу, стыдно такое незнаніе. Завтра-же пришлю я къ вамъ сочиненія Гмелина и Бекмана.»

— Но вы говорили мнѣ, Докторъ—возразила Княгиня, усмѣхнувшись лукаво — что ни Месмеръ, ни Гмелинъ, и никто этого не понимаетъ.

«Вамъ угодно ловить меня на словахъ, Княгиня. Но между двумя вещами, которыя одинаково называются, можетъ быть разница неизмѣримая. Просполюдинъ говоритъ: *я ничего не знаю*; и Сократъ, объявленный отъ Оракуловъ мудрѣйшимъ изъ людей, говоритъ тоже. Что-жъ изъ этого? Просполюдинъ въ самомъ дѣлѣ не знаетъ ничего, а Сократъ знаетъ все по-своему: онъ не знаетъ.... Какъ-бы изъяснить мнѣ это... Er weiss alles, was er nicht kennt....» Докторъ заговорилъ по-Нѣмецки съ дѣдушкою Эммы.

Digitized by Google

— Не позволите-ли, Ваше Сіятельство, чашку кофе—сказала бабушка—прошу васъ сѣсть; сядьте, отдохните, успокойтесь, Ваше Сіятельство!

« Охотно, милая сосѣдка. Позвольте мнѣ ближе познакомиться съ вами; увѣряю васъ, что вы найдете во мнѣ простую, добрую женщину.»

— Эмма! поди поскорѣе, милая, свари намъ кофе.

Эмма весело побѣжала.— « А мы поговоримъ между тѣмъ съ вами объ Эммѣ »—сказала Княгиня, усаживая подлѣ себя бабушку.

Докторъ съ жаромъ велъ между тѣмъ съ дѣдушкою разговоръ о сомнамбулизмѣ и магнетизмѣ, искусственномъ магнетизированіи, естественной поляризаціи и духовной эксценпризаціи. Общество этихъ людей казалось такимъ дружескимъ, веселымъ, радостнымъ. Княгиня расцѣловала братьевъ Эммы; послала своего лакея за фруктами въ свою богатую оранжерею. Бѣдняжки дѣти съ роду не видывали такихъ персиковъ, такихъ яблоковъ; имъ дали по цѣлому ананасу, и бабушка едва уговорила ихъ отдать спрятать ананасы сестрицѣ, и не ѣсть всего вдругъ. — Дружески разстались наконецъ сосѣди.

Digitized by Google

— Довольны-ли вы мной, Докторъ?— сказала Княгиня, когда сѣла съ нимъ въ карету. —Еще-ли станете вы говорить, что кто не любилъ, тотъ не зналъ ничего универсальнаго?

«Вы *мать*—я забылъ это»—сказалъ Докторъ, весело улыбаясь. Онъ досыта наговорился о Месмерѣ съ дѣдушкою Эммы, и былъ теперь чрезвычайно веселъ и доволенъ.

— Боже мой!—воскликала старушка, бабушка Эммы, проводивъ Княгиню и оставшись въ своемъ семействѣ—да, что за милая дама эта Княгиня! Совсѣмъ и не замѣтишь, что она знатная, что она сіятельная, что она богата.

Старикъ сидѣлъ въ своихъ креслахъ, и курилъ трубку съ усиленнымъ удовольствіемъ, можетъ быть и отъ того, что проголодался, почитая неучтивостью куритъ при Княгинѣ, и не принимавшись за трубку свою во все время, пока была у нихъ сіятельная гостья. Видъ его выражалъ довольство простолюдина, который послѣ свиданія съ знатнымъ человѣкомъ, говоритъ самъ себѣ: кажется, я не одурачилъ себя въ глазахъ его?—На слова своей старушки, онъ отвѣчалъ односложными: Ja, ja! и пускалъ табакъ фигурными кружками, и вдругъ густою тучею, и потомъ тихонько, тоненькою, длинною змѣйкою.... Эммы не было въ комнатѣ.

Digitized by Google

«Гдѣ-же наша Эмхенъ?» сказала наконецъ старушка, когда уже не находила болѣе словъ для похвалы Княгинѣ. Она пошла въ комнату Эммы, и увидѣла сквозь стеклянныя двери, что Эмма стоитъ на колѣняхъ и усердно молится. Съ наслажденіемъ смотрѣла старушка на Эмму, и думала, смотря на нее: «Судьба непостижимая! Можетъ быть, это будущая Княгиня С***?» Тайныя слова старушки показывали все, что поняла и придумала она, изъ всего, что видѣла и слышала. У старика дѣдушки бродили въ головѣ магнетизмъ и сомнамбулизмъ, поляризація и эксцентризація. Но Эмма? Думала-ли она о будущемъ своемъ княжествѣ. Ахъ! нѣтъ: она молилась; таково было первое движеніе Эммы, разспавшись съ Княгинею. Но о *комъ*, о *чемъ* молилась она, и *что* она думала?

VI.

Смѣшны люди, если они рѣшаются систематически отдавать себѣ отчетъ о самихъ себѣ и о другихъ! Забавны всѣ эти Философы и Историки, когда они хотятъ изъяснить каждую дробь мыслей и поступковъ человѣческихъ! Что такое Всеобщая Исторія? *Человѣкъ*, написанный Ролленемъ въ милльонѣ огромныхъ томовъ in-quarto. А жизнь человѣка отдѣльно взятая? Сокращеніе той-же Всеобщей Исторіи,

Digitized by Google

сдѣланное Шреккомъ для училищъ. И вообще говоря: походитъ-ли человѣкъ на логическій силлогизмъ въ своей жизни? Что-же такое мѣлкія дроби мыслей и думъ его! Тутъ система? Бѣдняки!

Но мысли, и думы, и вся жизнь дѣвушки, этого творенія, созданнаго въ минуты восторга первобытной поэтической жизни вселенной, этого творенія, очарованнаго и очаровательнаго, но безотчетнаго, какъ стихи юнаго поэта—въ нихъ-ли будемъ искать логической системы? Будто облака, вольно летаютъ мысли и думы по небу души дѣвичьей, освѣщаются улыбкою, темнѣютъ слезами, сверкаютъ чувствами....

Мы знали прежнюю Эмму до встрѣчи ея въ саду съ сумасшедшимъ Княземъ. Она высказала намъ всю свою душу въ разговорѣ съ Фанни: мы подслушали этотъ разговоръ. Когда, по возвращеніи съ дѣдушкою изъ сада, карета Княжеская умчала безумца; когда все происшествіе въ саду казалось Эммѣ какою-то мечтою, отъ которой ничего не осталось въ дѣйствительности; когда Эмма выслушала продолжительные разсказы старика старушкѣ, о томъ, что видѣлъ онъ въ саду, и когда ее самое заставили два раза пересказать обо всемъ этомъ, пересудили, переговорили—Эмма ниче-

Digitized by Google

го не понимала, что это такое было... И еще болѣе: она даже не спрашивала у самой себя объ этомъ! Чувства ея были похожи на чувства человѣка, котораго невидимая сила вдругъ подняла высоко, близко къ солнцу; и вдругъ голова его закружилась — онъ упалъ въ какую-то бездну, полную непроницаемаго тумана. Онъ не знаетъ: *гдѣ* онъ, на небѣ-ли, на землѣ-ли, въ пропасти-ли какой; боится крѣпко стать ногами, чтобы не провалиться далѣе въ глубину; боится ощупать вокругъ себя руками, чтобы не схватить за голову какой нибудь змѣи, чтобы не протянуть руки своей въ пасть какого нибудь невидимаго чудовища; боится и взглянуть къ верху: что если надъ головой его мракъ непроницаемый, или тяжкое, роковое рѣшеніе Судьбы нависло черною тучею? — Какъ естественно кажется мнѣ дѣйствіе дѣтей, когда они сжимаются ночью подъ своимъ одѣяльцемъ, и закрываютъ себѣ глаза руками, думая, что спасутся отъ привидѣній, если не видятъ ихъ! Не такъ-ли дѣлаемъ и всѣ мы, взрослые?

Но когда, послѣ обѣда, братья разсѣлись по угламъ и учили свои уроки, а дѣдушка и бабушка легли отдыхать, Эмма сѣла подлѣ окна, съ вязаньемъ. Нѣсколько минутъ она смотрѣла на небо, на улицу, опять на небо... Наконецъ,

Digitized by Google

она никуда не смотрѣла, и стала думать — думать невольно, въ глубокой тишинѣ, окружавшей ее. Туманъ разсѣявался вокругъ нея; бездна исчезала; образъ несчастнаго молодаго человѣка, лежавшаго у ногъ ея въ садикѣ, означился теперь передъ нею, сквозь мракъ и туманъ. Вѣчный врагъ нашъ, Воображеніе — стало расцвѣчивать его своими заколдованными красками. Забавны мнѣ старушки, маменьки и бабушки: онѣ не даютъ дочкамъ и внучкамъ своимъ читать романовъ, забывая, что душа дѣвушки есть сама по себѣ глава изъ романа, подъ которою подписываетъ Судьба, какъ Журналистъ: *продолженіе обѣщано!* Изъ всего, что было въ садикѣ, Эмма живо помнила только ту минуту, когда сквозь блѣдное, обезображенное болѣзнію лицо молодаго Князя, проглянулъ ей какой-то юношескій, милый образъ — и какой образъ? *Тотъ, тотъ* самый, который создавала себѣ Эмма въ неясныхъ мечтахъ, образъ, которому она давала жизнь и бытіе, и счастіе жизни и прелесть бытія! Все остальное исчезало передъ нею — и ужасъ событія въ садикѣ, и безуміе Князя, и Князь: совсѣмъ не приходило въ голову Эммѣ, что это *былъ Князь* — и то-ли еще? Исчезала вся природа, и всѣ люди: одинъ *онъ*, неизвѣстный и знакомый душѣ, лежалъ у ногъ ея, и говорилъ ей: *мнѣ такъ хорошо!* Милльоны людей, будто пылинки

Digitized by Google

въ тучахъ пыли и шумана, толпились вокругъ него и Эммы, и всѣ они были имъ чужды: изъ милльоновъ только *одинъ* принадлежалъ Эммѣ, молилъ спасти его, оживить, воскресить. Сердце Эммы такъ сильно билось! — Вдругъ страшный ударъ грома раздался въ ушахъ ея — она испугалась, взглянула въ окно: небосклонъ облекала черная туча, и огненною змѣею раздирала молнія нѣдра этой тучи; крупный дождь шумѣлъ, и окошко, растворенное Эммою, хлопало. Эмма совсѣмъ не замѣтила, какъ подкрались на небо тучи, какъ собралась гроза и зашумѣла буря. Она спѣшила запереть окно и ободрить испугавшихся братьевъ. Но, Боже мой! Ей казалось теперь, что мечта ея сливалась какимъ-то непонятнымъ образомъ съ дѣйствительностью; она слышала, видѣла грозу, и не понимала еще: въ самомъ-ли дѣлѣ на яву гремятъ эти громы, или только гремятъ они въ ея душѣ? «Эмма! ты забыла, что обѣщалась молиться за него, молиться о томъ, чтобы онъ выздоровѣлъ! А что-же ты дѣлала, Эмма — молилась-ли ты о немъ? Ты безумствовала; ты преображала его въ какую-то странную мечту.... Эмма! ты согрѣшила; и Богъ напоминаетъ тебѣ громомъ небеснымъ о грѣхѣ твоемъ.—Создатель! прости меня!»

Эмма спала на колѣни, но не знала, какъ ей молиться, какъ провести челнокъ успокое-

Digitized by Google

нія молитвою по волнамъ души своей, въ первый разъ въ жизни вздымавшимся грозными, непримиримыми валами....

— Ты видно очень испугалась грозы, Эмма! Прежде ты никогда не баивалась грома—сказала бабушка, входя въ комнату. Грозы душевныя были неизвѣстны старушкѣ; и въ душѣ-ли Эммы, своей крошкой, тихой Эммы вздумалабы она замѣчать ихъ!

Въ первый разъ въ жизни, Эмма скрыла тайную думу свою отъ доброй бабушки, изумленная тѣмъ, что гроза уже пролетѣла, и солнце опять ярко свѣтило на небѣ, и что этого перехода отъ бури къ солнцу она такъ-же не примѣтила, какъ прежде не примѣтила грозныхъ тучь, заслывавшихъ свѣтлое солнце. Въ первый разъ Эмма не пошла вечеромъ полюбоваться цвѣтами въ садикѣ своемъ. Ей хотѣлосьбы теперь говорить съ Фанни, и ни съ кѣмъ болѣе не говорить ничего. Она занялась ученьемъ братьевъ, и такъ прилежно, и такъ долго учила ихъ, что они стали жаловаться бабушкѣ. Насталъ вечеръ; Эмма сѣла разыгрывать Гуммелевъ концертъ, и играла опять такъ долго, что бабушка принуждена была два раза напомнить ей объ ужинѣ. Когда надобно было идти въ свою комнату, остаться въ ней

Digitized by Google

одной — Эмма ужаснулась пустоты и одиночества; ей казалось, что изъ каждаго темнаго уголка глядятъ на нее какіе-то безумные глаза; изъ-за каждой двери слышится какой-то хриплый голосъ: «Эмма! я твой, но и ты моя!» — Со страхомъ бросилась она въ свою постелю. Тяжелый сонъ налегъ на грудь ея привидѣніями, и глушилъ ее воплями, звукомъ цѣпей, гробовымъ пѣніемъ. *Онъ* былъ мертвый, лежалъ неподвижно; передъ нимъ догорала свѣча, въ высокомъ гробовомъ подсвѣчникѣ. «Эмма!» сказалъ онъ, вдругъ поднявшись — «когда догоритъ эта свѣча—ты умрешь!» Свѣча горитъ, горитъ, догораетъ, догораетъ, едва свѣтитъ; Эмма поспѣшно поправляетъ свѣтильню, но свѣтильня кончается, кончается—догорѣла— еще разъ вспыхнула, потухла— мракъ повсюду — какой-то голосъ запѣлъ похоронную пѣсню, и глаза мертвеца открылись, засверкали, окостенѣлыя руки его протянулись — онъ говоритъ насмѣшливымъ голосомъ: «Сюда, Эмма, сюда!»— Эмма вздрогнула и пробудилась..... Востокъ алѣлъ утреннею зарею, и Эмма чувствовала дрожь и холодный потъ по всему тѣлу. «Не оставь меня, Боже великій!» прошептала она, и вмѣсто утренней молитвы, читала: Du bist mein Vater, ich dein Kind: mein Heil ist, dich zu lieben!

Digitized by Google

Блѣдная и задумчивая сидѣла Эмма за работою своею, когда не мечты, но дѣйствительность жизни явилась передъ нею въ видѣ Княгини С***.—Все, что говорили потомъ Княгиня, дѣдушка, бабушка, Докторъ, все, что говорила сама Эмма, пролетало мимо души ея. Но когда Докторъ сказалъ, что молодому Князю надобно быть вмѣстѣ съ Эммою, дышать однимъ съ нею воздухомъ, глядѣть ея глазами, говорить ея мыслью, думать ея умомъ—«*Мечта моя! неужели ты сбываешься?* невольно спросила Эмма у самой себя.

«И такъ, это не будетъ уже мечта? Но, какъ-же встрѣтимся мы опять съ тобою, мой безумецъ? Какъ станешь ты оживать моею жизнію, сумасшедшій?» думала Эмма, и не смѣла спрашивать, когда и какимъ образомъ отправится она съ Княгинею, хотя и знала, что дѣдушка и бабушка согласились на ея отъѣздъ въ подмосковную Княжескую. Прилежно, ревностно занималась она хозяйствомъ, какъ будто ей совсѣмъ не надобно было собираться въ дорогу. Бабушка скрывала отъ нея всѣ небольшія, дорожныя приготовленія; тихонько увязали ея бѣлье, сложили ея платья; старушка сама не хотѣла говорить Эммѣ о разлукѣ съ нею до самаго часа разлуки. Развѣ не радуется человѣкъ даже отсрочкѣ казни, хотя

Digitized by Google

участь его уже опредѣлена бываетъ въ этомъ случаѣ неизбѣжно? И кто изъ насъ не былъ доволенъ, когда на день отсрочивалъ отъѣздъ свой милый намъ человѣкъ? и кто изъ насъ напоминалъ ему потомъ, что время ѣхать?

Съ изумленіемъ увидѣла Эмма, на другой день утромъ, экипажъ Княжескій, подъѣхавшій къ крыльцу. Неожиданно бабушка велѣла ей поскорѣе одѣваться. Только Докторъ вошелъ въ комнату. Княгиня оставалась въ каретѣ. «Милая Эмма! ты ѣдешь на счастье!» сказалъ дѣдушка, и горько заплакалъ, когда Эмма въ одну минуту была готова, надѣла свою шинельку и бросилась къ нему въ объятія— *проститься*!

Страшное слово! Кто первый замѣнилъ тобою милое: *до свиданья*, тотъ, кто первый сказалъ тебя, тотъ зналъ ужасъ разлуки, разлуки вѣчной! Не ты-ли, праматерь наша, сказала первая это страшное слово, въ то время, когда передъ тобою простертъ былъ безчувственный трупъ Авеля!

Въ бричку, въѣхавшую во дворъ, вмѣстѣ съ каретою, отправляла бабушка каршончики и узелки Эммы, и слезы текли между тѣмъ изъ глазъ ея. На крыльцѣ стояли кухарка и дворникъ. «Простите, барышня!» говорили они, и плакали, цѣлуя руку Эммы. А брашья ея? О ми-

Digitized by Google

лыя связи семейственныя, простыя ощущенія любви родственной, тишина безвѣстнаго бытія! зачѣмъ мѣняетъ васъ человѣкъ на бурныя страсти, на бѣшеныя впечатлѣнія, на шумный, безвѣстный ему, обольстительный свѣтъ?—Чье сердце не бьется сильнѣе и послѣ двадцатилѣтней стужи лѣтъ и печалей, вспоминая ту минуту, когда одинъ шагъ въ кибитку, карету, тѣлегу — все равно — долженъ былъ отдѣлить насъ отъ всего прежняго, чѣмъ мы жили, съ чѣмъ мы сжились сердцемъ; и когда на крыльцѣ стояла, провожая насъ, добрая мать, скрывающая свои слезы; и подлѣ нея видна была сѣдая голова старика отца, и просныя печальныя лица служителей, и бѣленькія головки братьевъ, сестеръ, съ заплаканными глазами! — Не сжимайся такъ тяжело, сердце мое: это было такъ давно.... это такъ давно прошло, пролетѣло... Тѣхъ, кто провожалъ меня, давно нѣтъ на свѣтѣ...

Дверцы кареты отхлопнулись. На задней лавкѣ сидѣла Княгиня; противъ нея сидѣлъ молодой Князь, сынъ ея; онъ былъ закутанъ въ шинель свою, и яркіе глаза его сверкали изъ подъ дорожнаго картуза. Карета была четырехъмѣстная, великолѣпная; кучеръ и форрейторъ едва удерживали шестерню борзыхъ коней, впряженныхъ въ нее.

Digitized by Google

Докторъ говорилъ что-то съ дѣдушкою, пока Эмма цѣловала своихъ братьевъ. «Какъ землякъ, честный Германецъ и честный человѣкъ!» громко произнесъ наконецъ Докторъ, крѣпко пожимая руку старика. Онъ взялъ потомъ Эмму за руку, и повелъ ее къ подножкамъ кареты, пока Княгиня ласково кланялась дѣдушкѣ и бабушкѣ. Старикъ и старушка перестали плакать и усердно откланивались. Эмма не плакала, даже казалась веселою; но когда ступила она на нижнюю ступеньку каретныхъ подножекъ —вдругъ затрепетала она, будто кто-то дернулъ ее сзади, будто кто-то удерживалъ ее, и шепталъ ей: Эмма, остановись!— Лицо ея поблѣднѣло; едва не сдѣлалось ей дурно. Она чувствовала неизъяснимое отвращеніе ступить еще шагъ далѣе....

—Идите, моя милая, моя добрая Эмма!— сказала Княгиня, со слезами на глазахъ, подавая ей руку— идите— намъ пора ѣхать!

«Пожалуйте, сударыня»— говорилъ Докторъ.

Эмма вошла въ карету. Докторъ сѣлъ противъ нея, подлѣ молодаго Князя. Въ послѣдній разъ взглянула Эмма на людей, столь милыхъ ея сердцу, неразлучныхъ съ нею до того времени. Дверцы захлопнули; стукъ экипажа заглушилъ голоса, и карета быстро понеслась по Московскимъ улицамъ.

Digitized by Google

Эмма робѣла? Нѣтъ! она не оробѣла отъ блестящихъ глазъ безумца, прямо на нее устремленныхъ — чего-же было еще робѣть ей? Или то, что сдавило сердце ея, когда она входила въ карету, было мрачное предчувствіе будущаго? Но что-же такое страшное видѣла вокругъ себя Эмма? Ласковую, добрую Княгиню, страннаго весельчака Доктора. Сумасшедшій сидѣлъ молча, неподвижно, не раскрывая своей шинели, не снимая своего картуза; уподоблялся статуѣ, пока Эмма не взглянула на него: взглядъ Эммы обратился на него, и онъ поспѣшно надвинулъ картузъ свой на глаза, закрылъ лицо своею шинелью. Эмма поглядѣла на Доктора, какъ будто спрашивая: что̀ это значитъ? «Не замѣчайте его,» сказалъ ей Докторъ по-Нѣмецки, и началъ общій разговоръ съ Княгинею. Княгиня казалась растроганною, обняла, поцѣловала Эмму, взяла ее руку, долго держала руку ея въ своей, пожимая дружески, нѣжно, и между тѣмъ вела разговоръ съ Докторомъ. Эмма молчала.

Она имѣла теперь досугъ осмотрѣться кругомъ и углубиться въ самое себя. Но душа ея показалась ей какимъ-то хаосомъ безпорядочныхъ, безотчетныхъ мыслей; Эмма не захотѣла смотрѣть въ нее, какъ раззоряющійся богачъ не смотритъ на счеты, подносимые дворецкимъ.

Тѣмъ внимательнѣе глядѣла Эмма кругомъ се-

Digitized by Google

бя. Какъ зашла ты сюда, Эмма? Какая непостижимая сила вырвала тебя, столь быстро и нежданно, изъ мирной семьи твоей, и бросила сюда, въ это странное общество, чужее, чуждое? Что за великолѣпіе тебя окружаетъ: бархатъ, золото, блескъ! И что-же въ этомъ великолѣпіи? Сумасшествіе, принужденный разговоръ, печальная мать, наемникъ, который взялся лечить ея безумнаго сына! Такъ-ли было въ твоей тихой семьѣ, безъ золота и блеска, но при ласковой рѣчи бабушки, при улыбкѣ старика дѣдушки, рѣзвой веселости братьевъ, простотѣ подругъ? Эмма! какъ зашла ты сюда!— Робость овладѣла Эммою; она прижалась въ уголокъ, чувствуя, что все уничтожаетъ ее— да, уничтожаетъ! Не смотря на ласковость Княгини, на ея стараніе не дать замѣтить Эммѣ превышающаго состоянія и образованія свѣтскаго, Эмма ясно видѣла это: самая одежда Княгини, дорожная, простая, но богатая, бриллиантъ на рукѣ ея, множество ничтожныхъ, но дорогихъ бездѣлицъ, какими бываетъ окружена свѣтская дама, все это видѣла и замѣтила Эмма, соображая свою одежду, свою опрятную, но бѣдную шинельку, свою красивую, но простую соломенную шляпку. Эмма чувствовала, что никому не уступитъ въ силѣ души, силѣ чувства — можетъ быть и умѣ; но ловкость, оборотъ разговора Княгини — ахъ! ея каждое

Digitized by Google

слово, и эта невнимательность, съ какою Княгиня смотрѣла на все великолѣпіе, холодность, съ какою говорила она о дорогомъ, важномъ, сильномъ, обо всемъ, что прежде казалось Эммѣ столь великимъ и значительнымъ, все показывало Эммѣ бездну, раздѣлявшую ея состояніе и образованіе отъ состоянія и образованія людей, съ которыми такъ нежданно столкнула ее судьба!

Какую Философію, какую твердость духа и опытность надобно имѣть, чтобы свое самобытное *я*, свое внутреннее превосходство поставить безъ робости противъ прилагательнаго блеска большаго свѣта, и твердо глядѣть въ безчувственные глаза этому чудовищу, называемому Большимъ свѣтомъ!

Когда послѣ трехъ часовъ скорой ѣзды, карета въѣхала въ огромныя ворота обширнаго помѣстья Княжескаго, и передъ Эммою открылся величественный фасадъ каменнаго Княжескаго дома, сады его, пруды, безконечные парки; когда потомъ, смущенная, робкая, пошла она по мраморной лѣстницѣ, мимо огромныхъ канделабровъ и статуй; когда слуги засуетились, растворили двери въ безконечный рядъ старинныхъ залъ и гостиныхъ— Эмма потерялась совершенно. Эти стѣны, покрытыя штофомъ и бархатомъ, мраморъ, бронза, ковры, картины,

Digitized by Google

золото, серебро, до потолковъ зеркала и шемныя до полу окна, тысячи изобрѣтеній роскоши, которыхъ Эмма вовсе не знала употребленія; наконецъ явленіе угрюмаго старика, Князя С***— и толпа слугъ и служанокъ, и самая тишина и почтительность, съ какою всѣ ходили по этимъ заламъ и комнатамъ, все это дѣлало Эмму какою-то простою, бѣдною дѣвочкою, которую изъ милости взяла къ себѣ Княгиня, подивиться, посмотрѣть на все великолѣпіе, и потомъ слышать убійственныя слова: «Видишь-ли, Эмма, всю разницу между нами и тобою?» — Но этого не было. Дружески и мило обняла Княгиня Эмму, и нѣжно осмѣлилась прижаться къ ней Эмма, и сердце ея отдохнуло, когда Княгиня повела ее послѣ сего по дому, и показала ей нѣсколько богатыхъ комнатъ, говоря: «Вотъ ваши комнаты, милая Эмма! Будьте здѣсь полною хозяйкою.« Княгиня пошла къ себѣ. Эмма осталась одна, оглянулась кругомъ, и готова была воскликнуть, смотря на огромность и великолѣпіе комнатъ, и на удалявшуюся Княгиню: «Я здѣсь одна, я здѣсь чужая — перенесите, перенесите меня опять подъ родную, знакомую мнѣ кровлю смиреннаго убѣжища моего дѣтства!»

Щегольски одѣтыя, красивыя служанки окружили Эмму. Ей казалось, что каждая изъ нихъ

Digitized by Google

смотритъ на нее съ удивленіемъ, что каждая превосходитъ ее привычкою ко всему, что изумляло ее. Почтительно стояли эти служанки, ожидая приказаній, но Эмма не привыкла *приказывать*.— «Мнѣ ничего не надобно, мои милыя,» сказала она, сама поспѣшно снимая свою шляпку. Служанки поглядѣли одна на другую. Это заставило Эмму покраснѣть. «*Онѣ* видятъ твою неловкость; что-же увидятъ въ тебѣ другіе?» — Замѣшательство Эммы прервано было приходомъ служителя, который важно произнесъ: «Сударыня! Ея Сіятельство приказала васъ просить къ себѣ.»— Эмма спѣшила къ Княгинѣ.

(До слѣдующей книжки).

Digitized by Google

ПОВѢРКА ЗАМѢЧАНІЙ О. ІАКИНѲА

НА IV-Й ТОМЪ ИСТОРІИ РУССКАГО НАРОДА.

(Окончаніе.)

VIII. *Однажды былъ онъ (Темудзинъ) полоненъ Яргутаемъ, Ханомъ племени Тайгутовъ* (И. Р. Н. ш. IV, стр. 40). *Въ другой разъ захватило Темудзина въ полонъ племя Меркитовъ* (И. Р. Н. ш. IV, стр. 41). Снова повторяете вы, почтенный О. Іакинѳъ, слова мои: «*Здѣсь существовало оно (поколѣніе* Монголовъ) *съ тремя другими родичами:* Татарами, Тайгутами *и* Кэрэ (Ист. Р. Н. ш. IV, стр. 37), и начинаете снова преслѣдовать бѣдную эшу фразу, вмѣстѣ съ другими.

«Замѣчательно, что Г-нъ Полевой, въ IV-мъ «томѣ своей И. Р. Н., однажды только упомянулъ «о послѣднихъ четырехъ поколѣніяхъ; напротивъ, «часто встрѣчаются у него названія: *Тайджутъ и «Керантъ*. Надлежало-бы Г-ну Полевому пояснишь, «что *Тайгутъ* и *Кэрэ* суть правильныя Мон- «гольскія названія двухъ поколѣній, превращен- «ныхъ Турецкими Исторіками въ *Тайджутъ* «и *Керантъ*. Иначе читатели легко могутъ при- «нимать слова: *Тайгутъ* и *Тайджутъ*, *Кэрэ* и

Digitized by Google

«*Керантъ* за названіе четырехъ разныхъ поколѣ-
«ній. Такое замѣчаніе шѣмъ кажется нужнѣе, что
«при разноименности одной и той-же вещи, при
«чтеніи книги всегда бываешь въ недоумѣніи.»

Вы правы, О. Іакинѳъ: мнѣ надобно-бъ было писать: *Тайгутъ* или *Тайджутъ*, однообразно. Впрочемъ, выше сего, опровергая ваше замѣчаніе V-е, я замѣшилъ уже, что имя *Тайгутъ*, на стр. 38-й IV-го ш. И. Р. Н., есть опечатка, и должно читать: *Тайджутъ*. Что касается до *Кераитовъ*, то здѣсь позвольте мнѣ маленькое объясненіе. Я упомянулъ о четырехъ *первоначальныхъ* племенахъ Ташаньскихъ. Но отъ начала ихъ до Темудзина прошло много лѣтъ, и въ сіи годы сдѣлалось много разныхъ перемѣнъ. *Кераитское* государство составилось изъ множества Азіятскихъ племенъ, въ числѣ коихъ было вмѣшано и древнее поколѣніе *Кэрэ*. Согласенъ съ вами, что оно могло дать первобытное названіе *Кераитамъ*; но *его*-ли должно разумѣть говоря о владѣніяхъ *Оангъ Хана* (или *Ванъ-Хана*, какъ вы пишете)? Сомнѣваюсь, ибо Оангъ-Ханъ владѣлъ поколѣніями: *Чиркиръ*, *Тунгкантъ*, *Тумаутъ*, *Эліатъ* и *Кэрэ*, или *Керантъ*, и уже предокъ его Маркузъ-Буйрукъ былъ сильный государь, когда другія племена Ташана, т. е. *Монголы*, *Татары* и *Тайджуты* были ничтожны и гибли въ мелкихъ междоусобіяхъ. Все это надобно было мнѣ пояснить, хотъ въ примѣчаніяхъ; но я потому умолчалъ, что это дѣло совсѣмъ постороннее для Исторіи Чингисъ-Хана, который и самъ въ свою очередь, не смотря на огромность

Digitized by Google

свою, составляешь только эпизодъ въ Исторіи Русскаго народа. Если-бы мнѣ должно было подробно объяснять все, о чемъ я упоминалъ мимоходомъ, то иной потребовалъ-бы отъ меня родословной Папъ; другой списка всѣхъ потомковъ Чингиса; третій списка всѣхъ маленькихъ поколѣній Ташаньскихъ, дракъ ихъ, перемѣнъ, переселеній — и всему этому не было-бы конца!

« Поколѣніе Меркитовъ » — говоришь вы въ заключеніе — « правильно называется на Монгольскомъ языкѣ *Моркисъ*, или *Морхисъ*. »

О названіяхъ послѣ. Впрочемъ, если вамъ угодно, вотъ и *четвертое* имя Меркитовъ — *Маркеттъ*. Его можете найдти у Абулгази, ч. III, глава VI.

IX. Юрта, *Монгольское названіе шалаша, или кочевой кибитки; собраніе юртъ называлось* Орда *(или* Орду*).* Юрта *принималась въ значеніи собственной земли Хана, и въ противоположность тому, окрестныя земли подвластныхъ, и сами подвластные, именовались:* Улусъ (И. Р. Н. т. IV, стр. 46).

« *Юрта* есть испорченное Монгольское слово: « *ѵртэгэ*, сокращенно выговариваемое: *ѵртэ*, что « значишь: *почтовая станція*. Рускіе превратили « сіе слово въ *юрту*, и несправедливо разумѣютъ « подъ онымъ круглый войлочный шалашъ, въ ка« ковыхъ обыкновенно живутъ кочевые. Сей шалашъ « по-Монгольски называется: *ѵыръ*. »

Можетъ быть, все это такъ *теперь;* но въ древ-

Digitized by Google

нія времена, вѣроятно, *юрта* значило жилище, *шалашъ*, ибо въ семъ значеніи это слово употребляется у Якутовъ и другихъ Азійскихъ народовъ. Такъ переняли его и Рускіе; когда для означенія *почтовой станціи*, они взяли у Монголовъ другое слово, именно: *ямъ*, отъ чего произошло названіе *ямщика*. Если-бы слово: *юртъ*, означало древле почтовую станцію, съ чего взяли-бы Рускіе говорить и писать о мѣстопребываніяхъ Хановъ: *юртъ?* Приведу примѣры: Кошъ-Магметъ, Ханъ Ногайскій, писалъ къ Іоанну: «Мы посылаемъ въ Астрахань, къ Темиръ-Кутлуеву Цареву *юрту*ословъ.... На Бараковѣ Царевѣ Казанскомъ *юртѣ* ходили есмо, а нынѣ опять на свой *юртъ* пришли есмя» (*Прод. Виѳліоѳики*, ш. VIII, стр, 45, 47).

«*Орда*, правильно: *ордо*, а не *орду*, означаетъ «дворецъ, или резиденцію Хана, а не *собраніе* «*юртъ*. Юрша-же никогда не принимается въ зна- «ченіи собственныхъ земель Хана. Въ Монголіи «собственные удѣлы Хановъ, и прочихъ владѣ- «тельныхъ Князей, называются *айманъ*, а *улусъ* «значитъ государство.»

Такъ говорите *вы*, О. Іакинѳъ; но вотъ, что говоритъ Оссонъ (Hist. des Mongols, ч. I, стр. 59): «On appelle *ordou*, la *réunion des pavillons, tentes et huttes* qui forme l'habitation ordinaire d'un prince et de ses femmes, *ainsi que des personnes attachées à leur service*; de ce nom est venu celui de *horde*, dont la signification est différente. *La multitude d'hommes qui obéit à un souverain tatare*, s'appelle son *oulouss*, c'est-à-dire son

Digitized by Google

peuple, et *le territoire particulier* d'un prince, d'un chef de tribu, d'un chef de famille, se nomme son *yourte*.»

Вы возразите, что Оссонъ лжетъ; что намъ не надобно этого свидѣтельства изъ Парижа, а лучше спросить у нынѣшнихъ варваровъ, обитающихъ въ Монголіи. Но къ нимъ далеко ѣхать, и, по крайней мѣрѣ, слова Оссона докажутъ вамъ, что я не выдумывалъ того, что говорилъ о *юртѣ*, *ордѣ* и *улусѣ*. Скажу вамъ еще, что у предковъ нашихъ слово: *Улусъ*, принималось въ значеніи земли, подвластной Хану, въ противоположность *Юрту*, собственной его землѣ. — Но, зачѣмъ далеко ходить: въ вашихъ *Запискахъ о Монголіи* (ч. II, стр. 188), вы говорите, что слово: *Ордо*, кромѣ дворца, значитъ еще *Ханское становище*, и что подъ словомъ: *Ордо*, или *Уртэ*, Монголы разумѣютъ *стойбища*. Кстати замѣтишь, что въ этомъ мѣстѣ *Записокъ о Монголіи*, вы называете шатеръ, или палатку — *гыръ*, а не *гыръ*, какъ напечатано въ *Молвѣ*.

X. Слѣдующаго за симъ замѣчанія не почитаю нужнымъ выписывать, ибо я говорю о томъ, что по всѣмъ вѣроятностямъ употребленіе пороха и огнестрѣльныхъ оружій было извѣстно Монголамъ. Вы подтверждаете мое мнѣніе, присовокупляя, что «остается изслѣдовать: не въ Индіи-ли первоначально открыто употребленіе огнестрѣльныхъ орудій?» И такъ, мы согласны между собою.

XI. *Нерѣдко, приходя въ какую либо страну, Монголы спрашивали*: какая это земля? *За тѣмъ слѣдовалъ вопросъ*: Знаетъ-ли она великаго Чингисъ-

Digitized by Google

Хана? Покоришесь ему, или мы сами не вѣдаемъ, что съ вами будетъ — единому Богу сіе извѣстно (И. Р. Н. ш. IV, стр. 51).

« Сія краснорѣчивая выходка въ Папскомъ Послан-« никѣ XIII-го вѣка, или въ какомъ либо Мугам-« меданскомъ Историкѣ еще сносна, а Европейско-« му писателю XIX-го вѣка непростительна. Уже-« ли народы того времени не имѣли никакихъ свя-« зей съ своими сосѣдями, и вовсе не знали, кто « живетъ за пограничною чертою земель ихъ? Подъ « симъ только условіемъ можно допустить, что « Чингисъ-Хановы полководцы вели свои ополченія « на угадъ, сами не зная, гдѣ находятся и куда « идутъ.»

Именно, почтенный О. Іакинѳъ, Древніе и Средніе вѣка представляютъ намъ такія странныя явленія народовъ, невѣдомо откуда вышедшихъ, невѣдомо куда идущихъ! Монголы, такъ какъ прежде ихъ народы подвластные Аттилѣ и Бояну, и потомъ Тамерлану, знали своихъ сосѣдей, и конечно лучше меня и васъ могли истолковать: кто такіе были *Уйгуры, Кераиты*; но двинутые обстоятельствами и геніемъ государей своихъ, они вовсе не понимали: куда идутъ и съ кѣмъ сражаются, когда съ береговъ Онона и Сыръ-Дарьи дошли на берега Инда, Ганга, Волги, Москвы, Клязьмы, Вислы, Дуная, Одера? Тамъ появлялись они, подобно тучѣ саранчи, истребляли, уходили, селились, отдѣлялись. Доказательство словъ моихъ можете найдти въ Китайскихъ, Турецкихъ, Русскихъ, Западныхъ Лѣтописяхъ тѣхъ временъ. Какъ часто Монголы,

Digitized by Google

не зная дороги, не зная страны, заходили въ ущелья горъ и непроходимыя степи, гдѣ только удача, или изумительное мужество спасали ихъ. Посмотрите на походъ Монголовъ въ Русь послѣ Калкской битвы: это совершенная прогулка по невѣдомымъ землямъ! Батый шелъ просто на *Западъ*, и уже конечно самъ не зналъ куда идетъ, ибо и Рускіе, не только западные Европейцы, вовсе не слыхивали до того времени о Татарахъ, или Монголахъ, и съ ужасомъ говорили: «Придоша языцы незнаемы, отъ странъ невѣдомыхъ, ихъ-же добрѣ никто не вѣсть кто суть, и отколѣ изыдоша, и что языкъ ихъ, и котораго племени суть, и что вѣра ихъ; зовутъ я Татары, а иніи глаголютъ Торки, а друзіи Печенѣзи; Богъ единъ вѣсть кто суть и отколѣ изыдоша.» Сообразите извѣстія Китайскія и Турецкія о завоеваніяхъ Монголовъ; прочтите письма Монголовъ къ Европейскимъ Государямъ, и вы убѣдитесь, что слова мои о покореніи Монголами странъ, дотолѣ вовсе имъ невѣдомыхъ, и о томъ, какъ они къ сему приступали, совсѣмъ не пустая выдумка, но *Историческая характеристика* событій ужаснаго XIII-го вѣка, и что приведенныя мною слова Монголовъ были почти оффиціяльною формулою у сихъ варваровъ.

XII. *Вторгнувшись въ Тангутское царство, въ 1206-мъ году, Темудзинъ принялъ названіе* Чингисъ-Хана (Ист. Р. Н. т. IV, стр. 56, а не 58-я, какъ сказано въ *Молвѣ*).

«Читатель по симъ словамъ вѣрно заключитъ, «что Темудзинъ въ бытность свою въ Тангутѣ

Digitized by Google

« принялъ титулъ Хана. Совсѣмъ напротивъ: Те-
« мудзинъ ходилъ съ своимъ войскомъ въ Тангутъ
« въ 1205-мъ году, и въ семъ-же году возвратился
« на свою родину. Уже въ слѣдующемъ году онъ со-
« бралъ Князей при вершинахъ Онона, высшавилъ
« девять бѣлыхъ флаговъ, и объявилъ себя Ханомъ
« (Императоромъ). Князья поднесли ему наимено-
« ваніе Чингисъ-Хана.»

Позвольте мнѣ сказать, почтенный О. Іакинѳъ, что это замѣчаніе ваше есть пустая привязка къ словамъ. Я могъ видѣть изъ вашихъ книгъ и другихъ источниковъ, что *не въ Тангутѣ*, а *по возвращеніи своемъ оттуда, на другой годъ*, Темудзинъ принялъ названіе Чингисъ-Хана. Но я удалилъ отъ моего разсказа сіи подробности, сказавъ на стр. 53-й И. Р. Н., что «излишне было-бы входить здѣсь въ исчисленіе всѣхъ побѣдъ и завоеваній Темудзина, начиная съ первыхъ успѣховъ его до кончины сего чудовищнаго генія.» Потомъ кратко исчислилъ я только важнѣйшее: покореніе близкихъ сосѣдей; впаденіе въ Тангутъ; принятіе имени Чингиса; остальныя окрестныя завоеванія; покореніе царства Гинъ, или Кинъ, Ховарезма, части Индіи и Персіи; походъ на Кавказъ и въ Русь. Иначе мнѣ надобно-бъ было излагать множество подробностей, безъ всякаго сомнѣнія, любопытныхъ, но слишкомъ частныхъ. Напримѣръ, кстати о *Тангутѣ*: вспомните, что покореніе сего государства не было совершено однимъ походомъ въ 1205 г., и составляетъ цѣлую Исторію, продолжавшуюся до 1227 года. Но я умолчалъ объ этомъ, и думаю, за это не обвинятъ меня.

Digitized by Google

Притомъ, выписавъ часть моей фразы, вы придали ей произвольный смыслъ, по которому выходитъ, что Темудзинъ въ 1206 г. вторгнулся въ Тангутъ, и *тамъ* назвалъ себя Чингисъ-Ханомъ. У меня напечатано (И. Р. Н. стр. 55): «Завладѣвъ Кераитами, Меркитами, Татарами, и вторгнувшись въ Тангутское царство, въ 1206 году Темудзинъ принялъ названіе Чингисъ-Хана, сдѣлалъ данникомъ своимъ Государя Тангутскаго, женился на его дочери и покорилъ Киргизовъ, Уйгуровъ и Уйрашовъ.»

Такой-ли смыслъ въ этихъ словахъ, какой угодно выводить вамъ?

XIII. *Темудзинъ отважился возстать противъ мнимыхъ своихъ повелителей, Нючжискихъ Манджуровъ* (И. Р. Н. т. IV. стр. 57).

«Нынѣ Манджурами (О. Іакинѳъ пишетъ: *Маньжуры*) называются разныя поколѣнія Тунгусовъ, «обитающія отъ Сунгари-Улы и стрѣлки Амурской, на востокъ до Восточнаго Океана. Сіи Тунгусы дважды покоряли Китай: въ первый разъ въ началѣ XII-го столѣтія, подъ названіемъ *Нючженцевъ*, «а въ другой разъ въ половинѣ XVII-го вѣка, подъ «названіемъ *Манджуровъ*. Народное имя Нючженцевъ получили они отъ Княжескаго дома *Нючжи*, «возникшаго въ городѣ Нингушѣ, лежащемъ на лѣвомъ берегу рѣчки Хурхи, а *Манджурами* назвались отъ Княжескаго дома *Манджу*, возникшаго «въ городкѣ Одоли, лежащемъ при вершинахъ Хурхи, въ 300-хъ верстахъ отъ Нингушы на юго-за-

Digitized by Google

«надъ. — И такъ, Нючженцы и Манджуры суть «одинъ и тотъ-же народъ, только подъ двумя на- «званіями, заимствованными отъ двухъ своихъ ди- «настій, и слова: *Нючжискихъ Манджуровъ*, имѣли- «бы одинакій смыслъ съ словами: *Россійскихъ Рос- «сіянъ*, если-бы только пришло кому либо въ голо- «ву употребить послѣднее выраженіе.»

А мнѣ приходитъ въ голову, будто все это только привязка ваша къ словамъ. Нелѣпо будетъ сказать: *Россійскіе Россіяне*, но ни чуть не нелѣпо: *Русскіе Славяне, Литовскіе Славяне*, говоря о Славянахъ составившихъ Русь и Литву, въ противоположность Славянамъ *Моравскимъ, Богемскимъ, Сербскимъ*.

Что *Нючжійцы* и *Манджуры* были племена одного и того-же поколѣнія; что первые въ 1115 г. покорили Сѣверный Китай (а *не весь Китай*, какъ можно подумать изъ словъ вашихъ, О. Іакинѳъ— позвольте и мнѣ, хоть однажды, привязаться къ словамъ), и были уничтожены Монголами въ 1234 году; а вторые завоевали Китай въ 1649 г. и владѣютъ имъ донынѣ— кто-же этого не знаетъ?— Но когда часть Манджуровъ отдѣлилась отъ своихъ родичей подъ именемъ *Нючжійцевъ*, не должно-ли означать послѣднихъ подъ именемъ *Нючжійскихъ* Манджуровъ, въ отношеніи къ остальнымъ Манджурскимъ поколѣніямъ, какъ слѣдуетъ говорить: *Испанскіе* Готѳы, *Чагатайскіе* Монголы, говоря о Готѳахъ въ Испаніи и Монголахъ Бухарскихъ, въ отношеніи къ остальнымъ Готѳамъ и Монголамъ?

Digitized by Google

XIV. *Заплакавъ отъ негодованія, три дня и три ночи скрывался Темуджинъ на высокой горѣ, изнуряя себя постомъ и молитвою, и двинулъ послѣ сего свои полчища* (И. Р. Н. ш. IV, стр. 59).

« Г. Полевой, съ *препрославленною критикою на-*
« *столщаго вѣка*, не примѣтилъ, что это написалъ
« Мугаммеданскій историкъ, сообразно съ понятія-
« ми о своей религіи; а у Монголовъ въ подобныхъ
« случаяхъ ни поста, ни молитвы не бываетъ.»

За что, нѣтъ-ли у Монголовъ какого нибудь обычая: обвинять несправедливо? Для чего насмѣшки надъ Современною Критикою, и къ чему ведутъ онѣ? И какъ-же могли вы написать, О. Іакинѳъ, будто я *не замѣтилъ*, что извѣстіе о молитвѣ Чингисъ-Хана передано намъ Мугаммеданскимъ писателемъ, когда въ примѣчаніи, на стр. 59-й И. Р. Н., я привожу даже и *имя Автора*, изъ котораго взято оно: « Рашидъ» (Оссона, H. des Mongols ч. I, стр. 149)?

« Ближе къ истинѣ было-бы, еслибъ Г. Полевой
« *самъ отъ себя* написалъ, что Чингисъ-Ханъ пре-
« проводилъ цѣлый мѣсяцъ въ попойкѣ съ своими
« полководцами, и потомъ двинулся въ походъ, ибо,
« какъ сей Государь, такъ и его полководцы, дѣй-
« ствительно симъ образомъ отправлялись въ по-
« ходы. »

Но, въ силу какой препрославленной критики прошедшаго вѣка совѣтуете вы мнѣ *самому отъ себя прибавлять* то, чего не нахожу я въ источникахъ Историческихъ? Неужели, почтенный О

Digitized by Google

Іакинѳъ, вы слѣдуете сему правилу въ вашихъ сочиненіяхъ и переводахъ, въ тоже время совѣтуя мнѣ не упоминать о факшѣ, потому только, что онъ находится въ нелюбимыхъ вами Турецкихъ Историкахъ, а нѣтъ его у вашихъ любимцевъ Китайскихъ писателей?

Сдѣлайте одолженіе, скажите: гдѣ нашли вы извѣстіе, что древніе Монголы никогда не начинали дѣлъ своихъ молитвою, а всегда попойками? Въ вашей *Исторіи Хановъ* я не нашелъ этого. Плано-Карпини, самовидѣцъ, увѣряетъ, что въ его присутствіи, при возведеніи на тронъ Хана, Монголы долго и усердно молились. Онъ пересказываетъ даже поученіе, какое тогда говорили Хану вельможи (Vide sursum, et agnosce Deum, и т. д.). Впрочемъ, не знаю: позволите-ли вы, О. Іакинѳъ, вѣрить Плано-Карпини? Вѣдь онъ не былъ Китаецъ. Только Китайцы никогда не лгутъ, а всѣ другіе писатели страшные врали.

XV. *Темуджинъ умеръ по Китайскимъ извѣстіямъ 66 лѣтъ; царствовалъ 22 года; но сіе невѣрно, и Мугаммеданскіе Историки, знавшіе лучше событія въ Монголіи, сказываютъ, что Темуджину было 72 солнечныхъ, или съ небольшимъ 74 лунныхъ лѣтъ* (И. Р. Н. ш. IV, стр. 63).

«По Китайской Исторіи, Чингисъ-Ханъ умеръ «на 66-мъ году отъ рожденія (См. *Ист. Хановъ*, «стр. 124 (*). А изъ Мугаммеданскихъ Историковъ

(*) Не 142-ю-ли страницу?

Digitized by Google

« Абулгази, который извлекъ свою Исторію изъ « 18-ти другихъ Турецкихъ и Персидскихъ Исто- « риковъ, также пишетъ, что Чингисъ-Ханъ умеръ « въ лѣто 624 (1227), живъ 65 лѣтъ. »

Все это правда; но я предпочелъ лучше слѣдовать *Рашиду*, ибо ни Китайцы, ни Абулгази не объясняютъ: *на чемъ* основывается ихъ исчисленіе; Рашидъ-же входилъ по сему случаю въ подробныя изслѣдованія, и отъ кончины Темудзина до времени написанія Исторіи Рашида прошло только лѣтъ семьдесятъ. Вотъ слова сего Историка: *On ne sait pas précisement* le jour et l'heure de la naissance de Témoutchin, *mais comme il est constaté dans l'opinion des princes Tchinguiziens et des seigneurs Mongols, qu'il a vécu 72 années solaires, ou un peu plus de 74 années lunaires, et qu'il est mort le quinzième jour du mois d'automne de l'année du porc* (Cacaï-Yil) *qui commence en safer* 624 (т. е. въ Февралѣ 1227 г.), *qu'on sait d'ailleurs qu'il naquit également dans l'année du porc*, il s'ensuit que sa naissance *doit être placée dans l'année du porc antérieure de cinq cycles à celle de sa mort*, laquelle a dû commencer au mois de zilcadé 549 (т. е. въ Февралѣ 1155 года). » Сіи слова Рашида можете прочесть у Оссона, H. de. M. т. I, стр. 30.

« Біографію Чингисъ-Хана писали сами Монголы, « владычествовавшіе въ Китаѣ. Хубилай, который « собралъ сію біографію, былъ внукъ Чингисъ-Хановъ. « *Нѣт. сомнѣнія*, что онъ часто видалъ своего дѣ- « да, и находился при его погребеніи; слѣдователь- « но: вѣрнѣе Мугаммеданскихъ Историковъ зналъ его « жизнь. »

Digitized by Google

Здѣсь можетъ выйдти споръ, подобный спору о томъ, какая родословная вѣрнѣе: Китайская или Магаммеданская? Причины, по коимъ предпочелъ я Рашидовъ вычетъ о жизни Темудзина, изъяснилъ я выше сего, т. е. потому, что Рашидъ, ученый человѣкъ своего времени, зналъ достовѣрно, что *по общему тогдашнему повѣрью* Монгольскихъ Князей и вельможъ (въ числѣ коихъ были многіе лично знавшіе Темудзина), Темудзину *было при кончинѣ его 72 года*; а въ тоже время Рашидъ откровенно сознается, что годъ рожденія Темудзина достовѣрно неизвѣстенъ; но *извѣстно*, что онъ родился въ годъ *Свиньи*, и умеръ въ сей-же годъ, черезъ пять цикловъ времени.

Могъ-ли я промѣнять такія ученыя доказательства и изслѣдованія на безотчетное увѣреніе Хубилая въ противномъ? Не спорю, что Хубилай могъ видать дѣда своего при его жизни, и даже быть при его погребеніи, ибо Хубилай умеръ 80 лѣтъ, слѣд. въ 1227 году, при погребеніи Темудзина, было ему лѣтъ 13-ть отъ роду. Но, чтобы вѣрнѣе ученаго современника своего Рашида, зналъ сей варваръ годы своего дѣдушки, этого сказать не льзя. Какъ-бы то ни было, а вы, О. Іакинѳъ, осуждаете меня не выслушавъ, и говорите: «*Подобными замѣчаніями трудно прикрыть поверхностное обозрѣніе Историческихъ источниковъ!*» Смиряюсь, но предаю мое оправданіе на судъ другихъ.

XVI. *Еще при жизни своей Темудзинъ раздѣлилъ завоеванныя имъ страны четыремъ сыновьямъ своимъ*: Чучи, Чагашаю, Огошаю и Тулую (И. Р. Н. т. IV,

Digitized by Google

стр. 65). Въ примѣчаніи у меня сказано: «*Въ именахъ дѣтей Чингисъ-Хана мы слѣдуемъ правописанію Западныхъ Оріенталистовъ. Г-нъ Френъ пишетъ*: Джучи, Джагатай, *и проч. По Китайскому произношенію выходитъ:* Чжоцинъ, Чаганьшай, Угэдэй, Тулэй.»

«Г. Полевой сознается, что онъ, считая Ки-
«тайское произношеніе Монгольскихъ словъ не-
«правильнымъ, преимущественно слѣдовалъ право-
«писанію Западныхъ Оріенталистовъ, какъ *вѣрнѣй-*
«*шему*.»

Совсѣмъ нѣтъ: въ прим. 29-мъ IV т. И. Р. Н. я объяснился о трудности выразить Восточное произношеніе Латинскими, или нашими, Кирилловскими буквами; привелъ и примѣры разнописанія оныхъ въ Европѣ (между прочимъ семь примѣровъ разнописанія одного Чингисъ-Ханова имени), и заключилъ: «Мы рѣшились держаться средины: не совсѣмъ обезображивать Восточныя имена, и *не писать ихъ однакожъ такъ, какъ многіе писали, стараясь выразить сколь можно ближе произношеніе Восточное* (напримѣръ: Ibn Fath Allah El Bailuni, или Abu Abd Allah Mohammed Ibn Abd Allah El Lawati). Потому именно принялъ я больше употребительное правописаніе нѣкоторыхъ Западныхъ Оріенталистовъ.

«Теперь время и случай представить публикѣ на
«судъ, вмѣстѣ съ вышеприведенными собственны-
«ми именами, и другія Монгольскія слова, которыя
«Г-нъ Полевой употреблялъ по правописанію За-
«падныхъ Оріенталистовъ, въ избѣжаніе Китайска-

Digitized by Google

«го произношенія оныхъ, какъ-то: Юссугай, Мангу, «Субущай.»

Слѣдуетъ мнимое обличеніе меня въ совершенномъ невѣжествѣ:

«Въ таблицѣ собственныхъ именъ, приложенной «въ концѣ изданной мною *Исторіи Хановъ*, ска«зано:

«*Чжочинъ*, имя Принца; значитъ: *часть*. Мон«гольское слово; на Кишайскомъ *Чжучи*.

«*Чаганьтай*, имя Принца; значитъ: *бѣлый*. Мон«гольское слово; на Кишайскомъ *Чахэтай*.

«*Угэдэй* и *Огэдэй*, имя Государя; значитъ: *высшій*. «Монгольское слово; на Кишайскомъ *Окотай*.

«*Субутъ*, имя Принца; значитъ: *жемчугъ*. Мон»гольское слово; на Кишайскомъ *Субутай*.

«*Шукэй*, имя человѣка. Монгольское слово; на «Кишайскомъ *Юсугай*.

«*Мункэ* имя Государя; значитъ: *вѣчный*. Монголь«ское слово; на Кишайскомъ *Мынкэ*.

«*Мунгу*, имя человѣка; значитъ: *серебро*. Мон«гольское слово; на Кишайскомъ *Мангу*.

«Изъ сего открывается, что Чжочинъ, Чагань«шай, Угадэй, Шукэй, Субушъ и Мункэ, суть «собственныя Монгольскія имена правильнаго про«изношенія, а Джучи, Чагатай, Оготай, Юсу«гай, Субушай, суть ше-же слова по Кишайскому «произношенію. Г. Полевой, всемѣрно избѣгая Ки«шайскаго правописанія, къ неудовольствію своему, «точь въ точь попалъ на оное.»

Digitized by Google

Не буду здѣсь излагать спора о правописаніи и передѣлкахъ именъ Кишайцами, спора, который продолжается между Г-мъ Клапротомъ и вами, О. Іакинѳъ. Это затруднило-бы столько читателей (*). Но позвольте мнѣ обратиться къ дѣлу ближе, и показать, что для обвиненія меня вы позволили себѣ нѣсколько рѣшительныхъ несправедливостей.

Во-*первыхъ*, въ таблицѣ собственныхъ именъ при вашей *Исторіи Хановъ*, имена Чжоцинъ, Чагантай, Угэдэй, Субутъ, Шукэй, Мункэ, Мунгу, выставлены такъ: (на стр. 389) *Чжу-чи*, (на стр. 387) *Ча-хз-тхай*, (на стр. 372) *О-кхо-тхай*, (на стр. 375) *Су-бу-тхай*, (на стр. 371) *Мынъ-гэ*, *или Манъ-лай-кхэу*, (на стр. 370) *Манъ-гу*. Думаю, что между такимъ произношеніемъ, и *Чучи*, *Чагатай*, *Оготай*, *Субутай*, *Мангу*, какъ пишутъ Западные Оріенталисты, есть разница, именно показывающая стараніе Кишайцевъ поддѣлаться подъ Монгольское произношеніе; и что, слѣдовательно, *не Китайскому, но Западныхъ Оріенталистовъ правописанію* слѣдовалъ я. Главное-же то, что въ таблицѣ вашей пишете вы *такъ*, а въ Молвѣ *иначе*. Это вовсе никуда не годится!

Второе. Вы скажете, будто я сознаюсь, что *вы*, по крайней мѣрѣ, правильно по-Монгольски

(*) Желающіе, могутъ видѣть сущность этого спора въ статьяхъ Г-на Клапрота и отвѣтахъ О. Іакинѳа, въ Тел. 1831 года, пп. XXXVIII и XXXIX.

Digitized by Google

пишете: Чжоцинъ, Чаганьтай, и проч., а я виноватъ, почему такъ не писалъ. Потому, что я сомнѣваюсь въ правильности вашего Монгольскаго правописанія. Доказательствомъ сего приведу, что Г-нъ Шмидтъ въ своей Исторіи Монголовъ пишетъ, не *Чжоцинъ*, а Dschutschi, не *Чаганьтай*, а Tsaghatai, не *Угэдэй*, а Ugetai, не *Субутъ*, а Ssubugetai, не *Шукэй*, а Iussugei, не *Мункэ*, а Möngke, т. е. точь въ точь такъ, какъ вы называете: *по неправильному Китайскому произношенію*. Но Г-нъ Шмидтъ переводилъ съ Монгольскаго языка — въ этомъ спорить нечего. Гдѣ-же ваша справедливость?

Сказавъ, что я нечаянно, самъ того не зная, попалъ на Китайское произношеніе, вы продолжаете: «Сіе произошло отъ того, что Западные Оріенталисты, при переводѣ Исторіи Монголовъ съ Китайскаго языка, въ тоническомъ переложеніи собственныхъ именъ неуклонно слѣдовали Китайскому правописанію.»

Вотъ это уже становится забавно! Но всѣ Турецкіе Историки, всѣ Западные Оріенталисты, переводившіе Турецкихъ Историковъ, пишутъ: не *Чаганьтай*, не *Исукэй*, а Чагатай (Джагатай), Юссугай (Юссукай). Неужели и Мугаммедане XIII-го вѣка справлялись, и Оріенталисты XIX-го вѣка справляются о произношеніи Монгольскихъ именъ у *Китайцевъ*? Пощадите, О Іакинѳъ!

«Что касается до *Мангу*, подъ которымъ Г-нъ «Подевой разумѣлъ Государя *Мункэ*, сіе слово, по «двусмысленному его употребленію, должно при-

Digitized by Google

«числишь къ погрѣшностямъ, ибо *Мангу* по-Ки-«тайскому правописанію есть *Мунгу*, имя чинов-«ника, а не Государя.»

Но вы сами говорите, что *Мунгу* по-Монголь-ски, *Манг-гу* по-Китайски, есть имя *человѣка*, значитъ: *серебро* (Ист. Хан. стр. 370). Неужели никому въ Монголіи не позволяютъ называться: *Мангу*, боясь смѣшать это имя съ званіемъ чиновника?

За тѣмъ вы говорите о раздѣленіи Монгольскихъ нарѣчій. Не выписываю этого, ибо это нисколько къ дѣлу не относится (требуя при томъ свидѣтельства отъ человѣка болѣе васъ свѣдущаго во всѣхъ отрасляхъ Монгольскаго языка). Изъ вышеприведенныхъ мною объясненій ясно доказывается, что ни Чжочинъ, ни Чжоцинъ, ни Чагатай, ни Цагантай не *говорятся по-Монгольски*.

Я повѣрю противному, когда вы опровергнете все, сказанное мною противъ вашего XVI-го замѣчанія, и докажете, что Магаммеданскіе Историки Монголовъ, Западные Оріенталисты и Г. Шмидтъ слѣдовали *Китайскому правописанію*, и не знали *настоящаго Монгольскаго*. Но согласитесь, что это рѣшительно невозможно?

XVII. *Потомъ Мангу и Куюкъ ѣдутъ къ Огстаю, а Батый завоевываетъ снова землю Руссовъ и Харакалпаковъ* (Черныхъ Клобуковъ) — И. Р. Н. ш. IV, прим. 107.

Я старался изъяснить этимъ словомъ, названіе

Digitized by Google

народа, упоминаемое въ числѣ племенъ, покоренныхъ Батыемъ по правую сторону Волги. Оссонъ, изъ коего я взялъ текстъ Турецкаго писателя, говоритъ: marcherent contre les Russes et les Bonnets Noirs (*Caracalpaks*; ce sont les Klobouks Noirs des Historiens Russes). Давно уже согласились ученые изслѣдователи въ тождествѣ названія *Кара-Калпаковъ*, или *Хара-Калпаковъ*, обитающихъ между Аральскимъ и Каспійскимъ морями, и *Черныхъ Клобуковъ*, столь извѣстныхъ по нашимъ лѣтописямъ. Въ чемъ-же дѣло?

« *Кара*-Калпакъ, а не *Хара*, суть Турецкія слова, « въ переводѣ: черный калпакъ. Калпакомъ въ Средней Азіи называютъ высокую, конической фигуры, « шляпу безъ полей, и таковыя-же шляпы съ околы- « шами. Г. Полевой можетъ узнать это отъ каждаго Татарина, бывшаго на Оренбургской, или Сибирской линіи. »

О словѣ: *Хара*, или *Кара*, скажу одно, что сколько мнѣ извѣстно, ни Русское К, ни Русское Х, не выражаютъ вполнѣ Восточнаго звука, который стараются выразить ими; такъ-же какъ не выражаютъ его Латинскія С и КН. Что *калпакъ* значитъ *шапку* у Турецкихъ племенъ на Востокѣ, также давно я знаю. Далѣе:

« *Клобукомъ* въ Словарѣ Россійской Академіи на- « звано покрывало креповое, носимое монашествующими на головѣ, сверхъ камилавки, а камилавка, « или, правильнѣе, камилавхій, есть наглавникъ, но- « симый монашествующими подъ клобукомъ. Совѣ- « тую Г. Полевому, для исправленія сей погрѣшно-

Digitized by Google

« сши, въ слѣдующемъ томѣ, вмѣсто *черныхъ клобу-* « *ковъ*, написать: *черныхъ камилавокъ*, если только « найдешъ какое либо сходство въ камилавкѣ съ « островерхою, или Туркестанскимъ калпакомъ. »

Оставляя въ покоѣ Словарь Академіи, смѣю увѣрить васъ, почтенный О. Іакинѳъ, что предки наши *клобукомъ* называли *вообще шапку*. Въ Польскомъ языкѣ донынѣ: ktobuk, значитъ *шляпу*, *калпакъ*; шапочки у соколовъ древле назывались: *клобучекъ*; отсюда происходитъ и Русскій глаголъ: *нахлобучить* (т. е. наклобучить). И именно *клобукомъ* называлась и *камилавхія* монашеская. Покрывало-же, сверхъ оной носимое, именовалось: *каптырь* (это слово сохранилось донынѣ у Раскольниковъ) и *кукулій*, по просторѣчію: *кукуль*. — Въ лѣтописяхъ нашихъ встрѣчается народъ: *Черные Клобуки*; явно *черношапники*, *черношляпники*. *Каракалпакъ* значитъ также: *черношляпникъ*, *черношапникъ*. Дѣло не въ формѣ, а въ названіи головнаго убора. Какъ-же велите вы мнѣ, О. Іакинѳъ, называть *Черныхъ Клобуковъ* Черными Камилавками, въ угодность Словарю Академіи, когда ихъ шакъ не называли наши предки, и когда Лѣтописи говорятъ именно: *Черные Клобуки?* Или вы шутите, О. Іакинѳъ? Если такъ, то эта шутка совсѣмъ не у мѣста. Или вы не вѣрите тождеству нашихъ Черныхъ Клобуковъ и Каспійскихъ Каракалпаковъ? Въ такомъ случаѣ, для чего не объяснились вы прямо?

XVIII. Хора-Хорин, *по-Монгольски*, Хара-Хорумъ, Кара-Корумъ, *или* Каракумъ, *по-Турецки* (И. Р. Н. т. IV, стр. 107).

Digitized by Google

«Хора-Хорин есть названіе столицы, основан-
«ной Чингисъ-Ханомъ. Сіи слова суть Монгольскія;
«въ переводѣ: двадцать черныхъ. Туркестанцы
«исказили сіи слова въ Кара-Корумъ, или Кара-
«Кумъ, что на Турецкомъ значитъ: черный песокъ.
«Г. Полевой преимущественно принялъ искаженное
«слово, а правильное отринулъ.»

Потому отринулъ, что не совсѣмъ вѣрилъ, буд-то *Хара-Хорин* есть чистое Монгольское про-изношеніе, на основаніи тѣхъ-же причинъ, по ко-торымъ не писалъ я: Чжоцинь и Чаганьшай. При томъ: не выстраивалъ-ли я и нашего произно-шенія, подлѣ *Кара-Корума?* И наконецъ, я-ли вы-думалъ слово: *Кара-Корумъ?* Такъ писали Мугамме-данскіе Историки и Западные Оріенталисты, коимъ я слѣдовалъ, и писалъ: *Кара-Корумъ*, какъ имя бо-лѣе извѣстное и употребительное. Споръ о томъ: значитъ-ли это *черный песокъ*, или *двадцать черныхъ*, предоставляю рѣшить людямъ, опытнымъ болѣе меня. У Г. Шмидта (повторяю: *переводившаго съ Монгольскаго*) я нахожу: *Chorumchan Balghad*, что переводитъ онъ: die Stadt oder Residenz Chorumchan. Далѣе: *Choning*, съ изъясненіемъ: der spatere Name der Stadt *Chara-Chorum* oder *Kara-Korum* (Gesch. der Ost-Mongolen, стр. 404, 211, 411).

«Сверхъ того, искаженное, Г-нъ Полевой вновь
«исказилъ: изъ *Кара-Кумъ* сдѣлалъ *Хара-Корумъ*,
«ибо Монгольское слово: *Хара*, на Турецкомъ язы-
«кѣ говорится: *Кара*.»

Нѣтъ! я писалъ: или *Кара-Корумъ*, или *Хара-Ко-румъ*, и совсѣмъ не писалъ *Хара-Корумъ*: ссыла-

Digitized by Google

юсь на 107-ю страницу И. Р. Н. Повторяю, что слово: *Кара-Корумъ*, не мною выдумано. Вы скажете: для чего я осмѣлился написать: *Хара-Хорумъ?* Для того, что, какъ я выше сказалъ, думаю, будто ни наше К, ни наше Х, вполнѣ Восточнаго звука не выражаютъ, и мнѣ кажется, сколько извѣстно мнѣ произношеніе Азіятцевъ, вѣрнѣе писать Х. Впрочемъ, вышеприведенныя слова Г. Шмидта вполнѣ показываютъ, что и то и другое хорошо, и писать можно, ибо Г. Шмидтъ именно пишетъ: Chara-Chorum *oder* Cara-Corum, совсѣмъ не дѣлая отверженія бѣдному: *Хара*. Послѣ сего не знаю, справедлива-ли насмѣшка ваша надо мною: «Едва-ли «нынѣшнее усовершеніе Исторіи требуетъ такихъ «превращеній?» Неужели эта насмѣшка что нибудь доказываетъ?

XIX. *Здѣсь основалъ онъ* (Батый, *а не* Чучи, *какъ вы говорите*) *свою Великую орду, и назвалъ ее* Золотою (И. Р. Н. ш. IV, стр. 108).

«Мѣсто сіе чрезвычайно важно для Исторіи Зо«лотой орды. До сего времени, еще ни одинъ изъ «ученыхъ не имѣлъ счастія дочитаться въ Азіятскихъ Историкахъ, что *Чучи назвалъ орду свою «Золотою*. Г. Полевой весьма одолжитъ ученую «публику, указавъ сей неизвѣстный источникъ свѣ«дѣнія о Золотой ордѣ.»

Но, я и не думалъ говорить, чтобы *Чучи основалъ Волжскую, или Сарайскую орду, и назвалъ ее Золотою*. Я говорилъ о *Батыѣ*, ибо извѣстно, что Чучи, отецъ Батыя, умеръ, или въ Средней Азіи,

Digitized by Google

или въ Сибири, въ 1225 году, и что только на курилтаѣ 1235 года положили Монголы: Батыю, и другимъ Ханамъ, идти за Волгу на Западъ; и только послѣ возвращенія своего изъ Венгріи основалъ Батый на Волгѣ Золотую орду, куда въ первый разъ явились къ нему Русскіе Князья въ 1243 году.

Почтенный О. Іакинѳъ! вы нѣсколько разъ упрекали меня въ поспѣшномъ чтеніи, а сами обвиняете меня въ томъ, что должно приписать вашему поспѣшному прочтенію 108-й стр. IV-го тома Ист. Русск. народа, если только не чему нибудь другому....

XX. *Дѣленіе четыремъ сыновьямъ Темудзина*: Чучи (*отъ него* Батый и *братья его*), Чагатай (*отъ него властители Самарканды*, и Тимуръ, *или* Тамерланъ). — (И. Р. Н. т. IV, стр. 156).

«По свидѣтельству Азіятскихъ Историковъ, Ти-«муръ-Ханъ не отъ Чингиса происходилъ, а былъ «родомъ Бухарецъ, по состоянію пастухъ. Тѣлесная «сила, отважность и счастье сдѣлали его изъ па-«стуха сильнымъ Государемъ.»

Извините: Тимуръ былъ знаменитаго происхожденія, отъ племени Берлассовъ; Карашаръ-Невіанъ, предокъ его въ пятомъ колѣнѣ, былъ Визиремъ Чагатая, и родъ Тимура равнялся съ Чингисовымъ, ибо Темудзинъ происходилъ отъ Кабель-Хана, а Тимуръ отъ брата его Хана Качули. Справьтесь въ *Институціяхъ* Тимура (Institutiones, Французскій переводъ Ланглеса, Парижъ, 1787 г., стр. 24, 25), у Абулгази, стр. 152, 399 и 402; у Оссона, H. des M. ч. II, стр. 679. Тимуръ гордился своимъ род-

Digitized by Google

ствомъ съ Чингисъ-Ханомъ, и для того даже предпринималъ послѣдній походъ въ Китай, въ 1405 г., чтобы возвратить Китай изгнаннымъ изъ него потомкамъ Чингиса. Самъ клеветникъ и ругатель Тимура, Арабша, признается, что по женскому колѣну (per mulieres) Тимуръ былъ родня Чингису (Achmedis Arabsiadae vitae et rerum gestarum Timuri, Франкфуртъ, 1767 г., ч. I, глава I, стр. 25).

Правда, мнѣ надобно было все это пояснить, и слова мои: «Чагатай (*отъ него* властители Самарканды и Тимуръ),» могутъ показаться такъ, будто я произвожу Тимура отъ Чагатая. Но, вы видите, О. Іакинѳъ, что я имѣлъ основаніе, производя Тимура отъ Чингисидовъ; а вы, напротивъ, не имѣли никакого, голословно называя его Бухарскимъ пастухомъ низкаго рода, и ссылаясь на Азіятскихъ Историковъ, которыхъ поименовать не разсудили за благо. Не угодно-ли подтвердить слова ваши доказательствомъ точнымъ?

«Оспоривая у Чингисцевъ владычество надъ «Азіею, онъ (Тимуръ) вооружилъ одну половину «Турецкихъ племенъ на другую, и сія-то борьба «Тимуридовъ съ Чингисидами, нечувствительно «ослабивъ силу Золотой орды, подала Россіи воз«можность восторжествовать надъ прежними сво«ими тиранами. Если Г. Полевой примѣтъ сію «мысль, то долженъ будетъ исключить Тимуръ-Ха«на изъ родословной Чаганьтаевой.»

Мысли этой я не приму, ибо хотя Тимуръ точно былъ *одною изъ посторонних причинъ* паденія

Digitized by Google

Орды Волжской, два раза разгромивъ ее, но не Тимуръ былъ главною причиною, а совсѣмъ другія обстоятельства, прежде и послѣ него совершившіяся, о чемъ подробно говорю я въ IV-мъ и V-мъ томахъ И. Р. Н. Если изъ вражды Тимура прошивъ Тохтамыша, вы, О. Іакинѳъ, выводите доказательства не-родства его съ Чингисидами, то не понимаю: какъ объясните вы непримиримую, кровавую вражду, которая терзала потомковъ Чингиса, почти съ самой его кончины до рѣшительнаго паденія ихъ повсюду?

Замѣчанія ваши, О. Іакинѳъ, кончились, и я оканчиваю мои замѣтки противъ нихъ. Теперь позвольте мнѣ сказать нѣсколько словъ — въ заключеніе.

1. Согласитесь, что я не исказилъ вашихъ замѣчаній, выписалъ ихъ всѣ вполнѣ, и отвѣчалъ вамъ на каждое ваше обвиненіе.

2. Согласитесь и въ томъ, что я не позволилъ себѣ ни малаго гнѣва и ни одного оскорбительнаго противъ васъ слова. Я почитаю это-же столь неприличнымъ дѣльному спору, сколько и несообразнымъ съ тѣмъ уваженіемъ, какое чувствовалъ и чувствую я къ вамъ, уважая почтенные труды ваши. Мнѣ очень жаль, что вы не такъ поступили со мною. Человѣкъ самый почтенный и ученый можетъ ошибаться, и ошибка весьма часто не доказываетъ ни глупости, ни невѣжества. Если-бы я и ошибся въ чемъ нибудь, зачѣмъ высказывать вамъ обличеніе меня съ гнѣвомъ и сердцемъ? Но —

3. Согласитесь, что всѣ ваши противъ меня об-

Digitized by Google

виненія разлетѣлись дымомъ отъ безпристрастнаго разбора? Говорю смѣло, что всѣ двадцать замѣчаній вашихъ состоятъ, или изъ привязокъ и собственныхъ вашихъ недоразумѣній (VIII-е, о Кераитахъ; XI, о походахъ Монголовъ; XII, о Тангутѣ; XIII, о Нючжисцахъ; XIV, о молитвѣ Темудзина), или изъ словъ, ничѣмъ недоказываемыхъ (I, о религіи Китайцевъ; XX, о Тимурѣ), или изъ того, что вы слѣпо вѣрите всему Китайскому, и не вѣрите ни чему и ни кому другому, а особливо Западнымъ Оріенталистамъ (VI, о родословной Чингиса; XV, о лѣтахъ Чингиса), или, наконецъ — просто изъ ошибокъ, какъ напримѣръ: все, что вы говорите о достовѣрности Азіятскихъ Историковъ, въ зам. IV-мъ; о словѣ: *Хара*, въ замѣч. XVIII-мъ; о Золотой ордѣ, въ зам. XIX-мъ — все это, позвольте мнѣ сказать, рѣшительныя ошибки.

Повторю, что сказалъ въ началѣ моей статьи: «*Стоило-ли труда писать подобныя замѣчанія?*»

Вамъ не угодно было замѣтить ничего достойнаго похвалы въ томъ, что я извлекъ изъ Азіятской Исторіи и включилъ въ Русскую; не угодно было замѣтить новаго на Русскомъ языкѣ взгляда на Исторію Азіи, на нашествіе Монголовъ и владычество ихъ въ Россіи. Не требую отъ васъ этого; но, скажите: не совѣстно-ли вамъ приставать къ толпѣ тѣхъ Русскихъ Литераторовъ, которые, въ блаженномъ самодовольствѣ незнанія, смѣются надъ высшими взглядами, надъ современнымъ усовершенствованіемъ Критики, и въ Нибурѣ и Шамполліонѣ, А. Тьерри и Гизо, видятъ шарлатановъ? Если-бы,

Digitized by Google

слѣдуя за сими великими людьми, я и ошибался по недостатку собственныхъ силъ, но знайше, О. Іакинѳъ, что мои ошибки предпочтительнѣе жалкаго невѣжества людей, дерзающихъ смѣяться надъ подобными, благородными усиліями нашего вѣка къ распространенію Исторической истины.

Какъ-бы благодаренъ былъ я вамъ, если-бы вы, безпристрастно оцѣнивъ трудъ мой, скромно указали мнѣ на мои погрѣшности, дополнили неполное, пояснили темное, и исправили все это своимъ указаніемъ! Я охотно готовъ сознаваться въ ошибкахъ: вотъ, напримѣръ, въ томъ, что первая половина IV-го тома И. Р. Н. напечатана со многими опечатками (*), хотя и происшедшими отъ обстоятельствъ, отъ меня независѣвшихъ. Въ отношеніи темныхъ мѣстъ, укажу для примѣра на одно, что не понимаю: откуда взялось наименованіе Монголовъ *Татарами?* Возьмитесь пояснить это.

Но и теперь, хотя ни за одно почти замѣчаніе ваше, О. Іакинѳъ, мнѣ нечего благодарить васъ, я повторяю, что и самое пристрастіе, самая привязчивость ваша ко мнѣ никогда не истребятъ моего къ вамъ уваженія, какъ къ человѣку, и какъ къ достойному Оріенталисту, хотя настоящимъ Оріен-

(*) Приведу нѣкоторыя: И. Р. Н. т. IV, стр. 27, Хахорумъ; стр. 29, Cyaumis, Cattiywar; стр. 35, Вурутъ; стр. 37, Онопу; стр. 39, Юссюгай; стр. 55, Чуртушенъ, Туркинь — вмѣсто: Харахорумъ, Choumis, Cattywar, Бурутъ, Онону, Юссугай, Чуртуменъ, Турканъ.

Digitized by Google

шалистомъ вы назваться не можете, зная только Китайскій языкъ, и немного Монгольскій). Даже то, что вы безъ всякаго разсужденія увлекаетесь Китайцами, въ глазахъ моихъ уважительно: оно доказываетъ любовь, страсть вашу къ исключительному и любимому предмету вашихъ занятій.

Статья эта была кончена, когда въ N° 151-мъ *Молвы* появилось дополненіе къ замѣчаніямъ О. Іакинѳа на IV-й томъ И. Р. Н. Долгомъ почитаю объясниться и объ этомъ дополненіи. Оно состоитъ въ слѣдующемъ:

Я сказалъ, на стр. 29-й IV-го тома И. Р. Н., что въ Китаѣ и Индіи существуютъ остатки древнѣйшихъ племенъ, начало коихъ совсѣмъ неизвѣстно Исторіи. Отличаясь отъ другихъ племенъ своими языками, по всѣмъ вѣроятіямъ, сіи народы должны быть отнесены къ самымъ древнѣйшимъ переворотамъ въ Азіи. Такихъ племенъ, или народовъ, указалъ я въ Китаѣ четыре: Miaosse, Lolos, Mienting, Hainan.

О. Іакинѳу ужасно все это не понравилось. Онъ осыпаетъ меня за эти народы множествомъ насмѣшекъ (отъ повторенія коихъ я увольняю себя и почтенныхъ моихъ читателей), и изъясняетъ:

Что *Miaosse* есть полу-Индійское племя, за 4114-ть лѣтъ тому, *выведенное* въ Китай, отъ котораго племени произошли Тангуты и Тибетцы;

Digitized by Google

Что *Lolos* есть Тангушское поколѣніе, живущее въ области Сы-чуанъ;

Что *Mienting* есть Кишайское названіе Пегуанцевъ, и, слѣдовательно: Mienting есть извѣстная земля *Пегу*;

Что *Hainan* не народъ, а *островъ* Хайнанъ, заселенный Кишайцами.

Пожимаю плечами отъ удивленія, и хотя могъ-бы я много написать въ опроверженіе замѣчаній О. Іакинѳа, но ограничусь нѣсколькими словами:

1. Извѣстіе Кишайцевъ о народѣ Miaosse, давно извѣстно въ Европѣ. Но, какъ можно означать *даже годъ* выхода этого народа въ Китай, за 4114 лѣтъ! И притомъ, что значитъ: *изъ Индіи?* Опять странность, ибо имя *Индіи* означаетъ обширное пространство земель, населенное разнородными племенами, и ни съ однимъ изъ *Индійскихъ* племенъ Miaosse несходны: это дикари, которыхъ едва покорили Кишайцы подъ власть свою въ послѣдней четверти XVIII-го вѣка. Явно, что извѣстіе Кишайцевъ о выводѣ народа Miaosse изъ Индіи, за 4114 лѣтъ до нашего времени, есть хвастливое вранье, выдаваемое ими за истину.

2. Племена народа Lolos живутъ въ области Юнъ-Нанъ, и по извѣстіямъ Географовъ нѣсколько сходствуютъ съ Бирманами, но во многомъ отличаются отъ нихъ, и, какъ замѣтно, сіи племена были нѣкогда самобытнымъ, сильнымъ народомъ. Слово: *Тангутъ*, въ Исторіи Азійской, еще неопредѣленнѣе Индіи.

Digitized by Google

3. О томъ, что Mienting есть *Пегу* — не знаю, что и сказать! Государство *Монъ* или *Моанъ*, нынѣ покорное Бирманамъ, отъ Европейцевъ именуемое Пегу, отъ Бирмановъ Taleing, отъ Сіямцовъ Ming-mon, смѣшиваешь съ народомъ Mienting, живущимъ въ верхнемъ Юнъ-Нанѣ, иначе называемымъ *Кинча*, позволительно какому нибудь ученику; но какъ писашь, и даже печатаешь это ученому человѣку? Не понимаю!

4. Верхъ всего — есть слова О. Іакинѳа о *Гайнанѣ*. Любопытно, что найдя близъ Китайскихъ береговъ островъ Гайнанъ, онъ упрекаетъ меня въ сущемъ невѣжествѣ, и увѣряешь, что называшь Гайнанъ народомъ, все равно, что сказашь: *Сицилія, живущая въ Неаполитанскомъ королевствѣ, есть остатокъ древняго неизвѣстнаго народа.* Но, вѣрно, О. Іакинѳъ не знаетъ, что Гайнанъ, до покоренія его Китайцами, былъ заселенъ туземнымъ, отдѣльнымъ отъ Китайцевъ и неизвѣстнымъ народомъ, остатки коего и теперь укрываются внутри острова. Эти остатки не похожи ни на одинъ Азіятскій извѣстный народъ; говорятъ своимъ особеннымъ языкомъ, и хотя почитаются отъ иныхъ Географовъ племенемъ Папуасовъ, но это еще не доказано.

Что сказашь послѣ всего этого о дополненіи О. Іакинѳа къ его замѣчаніямъ на Ист. Русск. народа?

Любопытнѣйшее въ дополненіи О. Іакинѳа есть то, что открылась наконецъ причина, по которой вздумалъ онъ столь жестоко нападать на меня: онъ откровенно признается, что его разсердилъ отзывъ

Digitized by Google

Телеграфа объ *Исторіи Тибета и Хухунора*. Не забавно-ли: въ Телеграфѣ замѣчено было, что у Китайцевъ Исторія исполнена нелѣпостей, а О. Іакинѳъ принялъ это за неуваженіе къ его «ученому труду,» вздумалъ сердиться, и плашитъ за это критикою на Ист. Русскаго народа? — Послѣ сего, если-бы кто нибудь перевелъ Миѳологію Индійцевъ, и критики, отдавая справедливость за трудъ переводчика, сказали притомъ, что Индійская Миѳологія принадлежитъ къ заблужденіямъ ума человѣческаго, переводчикъ имѣлъ-бы право сердиться и считать это личнымъ къ себѣ неуваженіемъ? И въ угодность ему надобно-бъ было говорить, что Индійская Миѳологія есть истинная религія? Какъ могутъ ошибаться люди, самые умные и почтенные, и поступокъ О. Іакинѳа какое сильное доказательство, что человѣкъ въ гнѣвѣ способенъ къ самымъ страннымъ заблужденіямъ и ошибкамъ!!

Н. П.

Digitized by Google

РУССКАЯ ЛИТТЕРАТУРА.

Новыя книги.

— *Руководство къ познанію Исторіи Литтературы*, составленное Василіемъ Плаксинымъ. СПб. Въ т. III-го Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи, 1833. IX и 352 стр. in-8.

Заглавіе сей книги не соотвѣтствуетъ ея содержанію. По заглавію можно искать въ ней Исторіи Литтературы вообще, а она, собственно, содержитъ въ себѣ взглядъ на Исторію Русской Литтературы, для поясненія коей Авторъ считалъ необходимымъ сказать нѣчто о древнихъ, и отчасти новыхъ Литтературахъ. Съ 58-й страницы и до конца книги идетъ Исторія Русской Литтературы.

- И такъ мы должны смотрѣть на сіе сочиненіе, какъ на опытъ Исторіи *Русской* Литтературы, въ чемъ соглашается и самъ Авторъ, на стр. VI-й и VII-й своего предисловія. Необходимо однакожъ предваритльно сказать нѣсколько словъ о его теоріи.

Digitized by Google

Признаемся, что теорія почтеннаго Автора очень сбивчива. Мы не могли доискаться въ книгѣ его: чѣмъ онъ почитаетъ Литтературу? Въ одномъ мѣстѣ онъ называетъ ее *знаніемъ* (стр. Є-я), въ другомъ *Изящнымъ Искуствомъ* и *формою* (стр. 5-я), въ третьемъ *Наукою* (стр. Ш-я); наконецъ онъ называетъ свой предметъ то Словесностью, то Литтературою, и такія противорѣчія разсѣяны во всей его книгѣ. Не мѣсто излагать здѣсь наши понятія о Словесности и Литтературѣ, тѣмъ болѣе, что мы уже имѣли случай высказать ихъ въ разборѣ первой лекціи Г-на Давыдова; однакожь не льзя не замѣтить, что сбивчивость понятія объ идеѣ предмета, объясняемаго Г-мъ Плаксинымъ, кажется намъ главнымъ недостаткомъ всѣхъ Русскихъ сочиненій о Словесности, а въ томъ числѣ и сочиненія разсматриваемаго нами.

Первыя 12-ть страницъ сей книги заняты ненужными и по большей части несправедливыми размышленіями. Все зданіе Словесности (къ которой Авторъ причисляетъ и *Исторію*) зиждется пушъ на выгодѣ народовъ передавать свой бытъ и подвиги потомству. Нужно-ли опровергать это? Далѣе идутъ мнѣнія: что всякій языкъ можетъ имѣть Литтературу, что самыя бѣдныя *словесныя* произведенія составляютъ Литтературу, что Литтература проистекаетъ изъ языка, но доколѣ нѣтъ народности, нѣтъ общности (чего?), дотолѣ нѣтъ Исторіи, нѣтъ Литтературы.

Всѣ эти опредѣленія и выводы слишкомъ неудач-

Digitized by Google

ны. Во-первыхъ Литтература бываетъ не у *языка*, а у *народа*. Кажется, въ наше время уже не спорятъ, что человѣкъ, измѣняясь вѣкомъ и климатомъ, все-таки остается человѣкомъ, и слѣдовательно самый варварскій народъ не только можетъ, но и долженъ имѣть Литтературу, какъ скоро достигнетъ онъ извѣстной степени образованности. Но, во-вторыхъ, не всякое словесное произведеніе есть Литтература, для которой необходима еще письменность, ибо литтературныя произведенія не сочиняются и не составляютъ Литтературы безъ формъ неизмѣнныхъ, которыхъ не можетъ дать имъ одна память. Въ третьихъ, наконецъ, Литтературою можно назвать только полное выраженіе народа во всѣхъ родахъ письменности, хотя-бы въ то-же время оно было совсѣмъ не *національнымъ* выраженіемъ, и наоборотъ, при самомъ полномъ выраженіи народности въ словѣ, можно оставаться безъ Литтературы. Въ подтвержденіе словъ нашихъ просимъ почтеннаго Автора спросить себя: неужели Французская Литтература вѣка Людовика XIV-го (совсѣмъ не народная) не Литтература, а Оссіановы пѣснопѣнія, столь ярко ознаменованныя народностью, Литтература? По его опредѣленію выйдетъ отвѣтъ противоположный истинѣ, то есть, что у Французовъ вѣка Людовика XIV-го не было Литтературы, а у древнихъ Шотландцевъ она была.

Но шаткія эти опредѣленія привязаны къ книгѣ Г-на Плаксина, Богъ знаетъ для чего, такъ,

Digitized by Google

что они не мѣшаютъ ей быть книгою очень хорошею. Они даже ни сколько не соединены съ Исторіею Русской Литтературы, такъ-же какъ и предшествующіе ей взгляды на другія Литтературы, на Классицизмъ и на Романтизмъ. Вообще у Г-на Плаксина много мыслей здравыхъ, истинныхъ; но онѣ какъ-то отдѣльны, несвязны и перемѣшаны съ мыслями не совсѣмъ справедливыми. Это доказываетъ, что Авторъ читаетъ современныя сочиненія, но не образовалъ еще изъ нихъ полной системы для своего предмета.

Пропустимъ всю первую часть книги Г-на Плаксина, ибо какъ введеніе, такъ и взгляды на Литтературы чужеземныя, не отличаются у него ничѣмъ, достойнымъ упоминанія. Обратимся къ предмету болѣе занимательному и важному для насъ Рускихъ: къ Исторіи нашей Литтературы.

Г-нъ Плаксинъ начинаетъ ее опредѣленіемъ Русскаго характера и образованія первоначальныхъ идей. Это показываетъ уже, что онъ глядитъ на свой предметъ, въ историческомъ отношеніи, съ высокой точки зрѣнія. Здѣсь можно не соглашаться съ нѣкоторыми его выводами, но не льзя не отдать справедливости его основаніямъ. Такъ намъ кажется, напримѣръ, слишкомъ исключительнымъ мнѣніе его, что народы Европейскаго Запада всѣ подверглись вліянію внѣшняго, чуждаго образованія; надобно было-бы прибавить, что каждый изъ нихъ преобразилъ это вліяніе по своему; доказательствомъ тому служатъ Литтературы: Испан-

Digitized by Google

ская, Англійская, Французская и Итальянская. Да гдѣ же и не было этого? Какой народъ образовался безъ чуждаго вліянія? Дѣло въ томъ, что каждый прибавлялъ нѣчто свое къ чужому, и въ указаніи на это состоитъ Исторія образованности. Показать чуждые элементы, имѣвшіе вліяніе на какой-либо народъ, и трудъ преобразованія сихъ элементовъ — вотъ задача Историка. Г-нъ Плаксинъ говоритъ сначала о природѣ Русской; потомъ о нашемъ Баснословіи, котораго, замѣтимъ мимоходомъ, у насъ вовсе не было. Нѣсколько занесенныхъ съ чужбины именъ не составляютъ еще Баснословія; повѣрья не вѣрованіе, долженствующее имѣть полную систему. Слѣдующая глава посвящена краткому изложенію всего хода нашей Литтературы, въ отношеніи къ языку. Наконецъ, Авторъ раздѣляетъ Исторію Русской Литтературы на четыре, уже совершившіеся періода: I-й, Языческая Литтература; II-й, Преобладаніе Христіанской Литтературы передъ Языческою; III-й, Учено-Богословское направленіе Литтературы; IV-й, Классическая Словесность.

Довольно странно видѣть такое раздѣленіе въ Литтературѣ, еще не существующей! Будемъ вѣрны убѣжденію нашему, которое подтверждаетъ и Г-нъ Плаксинъ, говоря о Русской Литтературѣ еще въ будущемъ (стр. 60-я и 68 — 69-я); будемъ называть Литтературою полное выраженіе эпохи въ жизни какого либо народа, и спросимъ: отъ чего родилось вышеозначенное раздѣленіе подъ перомъ писателя мыслящаго? Отъ смѣшенія Исто-

Digitized by Google

рiи Русскаго народа съ его Литтературою. Г-нъ Плаксинъ не вспомнилъ, что какъ человѣкъ, такъ и народъ можетъ прожить нѣсколько періодовъ жизни, безъ всякаго выраженія умственнаго своего бытія. Въ немъ будутъ признаки, будутъ даже нѣкоторыя явленія способности выражать умъ, душу, чувство; но это мгновенія во времени, это кольца, не связанныя въ неразрывную цѣпь, не имѣющія никакого соединенія, не выражающія никакой полной мысли. И поденьщикъ, и пахарь, и солдатъ поютъ, плачутъ, смѣются — но это-ли выраженіе жизни ихъ? Такъ Русскій народъ, искони могучій, готовый ко всему великому, только по временамъ, урывками, обращался къ Литтературѣ, но не оставилъ почти никакихъ памятниковъ въ ней. *Пѣснь о Полку Игоревомъ* есть единственный слѣдъ нашей древней Литтературы, а Г-нъ Плаксинъ составляетъ изъ этого цѣлые два періода Литтературы! Въ нихъ означаетъ онъ многое; но принадлежатъ-ли къ Литтературѣ духовныя книги, государственные договоры, или пословицы, повѣрья и преданія? Къ тому-же, многія изъ сихъ послѣднихъ не такъ древни какъ полагаетъ Авторъ. Лѣтописи также не Литтература, хотя онѣ составляютъ важнѣйшій памятникъ нашей письменности и содержатъ въ себѣ иногда поэтическіе отрывки. Не почитаемъ ихъ Литтературою потому, что требованія этого слова не удовлетворяются бѣдными обломками нашей письменности. Можетъ быть, когда съ Рюрикомъ шли его Берсеркеры, тогда берега

Digitized by Google

Волхова и Днѣпра оглашались дивными пѣснопѣніями; но эти пѣснопѣнія не дошли до насъ; а если-бы и дошли, то принадлежатъ-ли они къ *Русской* Литтературѣ? Кажется, не льзя не сказать: нѣтъ. Но гдѣ-же границы, отдѣляющія Русскую Литтературу отъ Нордманнской, древней Церковной, и потомъ Монастырской — и все еще не Русской? Границы сіи назначаетъ сама Исторія. Когда Русскій народъ дѣйствительно составилъ государственное тѣло? Когда онъ пересталъ представлять толпу разнохарактерныхъ удѣльныхъ владѣній? Около шестнадцатаго столѣтія. И такъ, вотъ чѣмъ ограничивается Исторія Русской Литтературы. Но и тутъ, скорели дошли мы до первыхъ начатковъ! Едва въ осмнадцатомъ вѣкѣ появляется чистый Русскій языкъ, и едва съ XIX-го вѣка начинаемъ мы понимать себя и жить литтературно, ибо Литтературу образуетъ цѣлый народъ, а не дюжина писателей, образовавшихся чужимъ умомъ и чужеземными книгами. Анахарсисъ одинъ не могъ создать Скиѳской Литтературы.

Все изложенное здѣсь можетъ показать, что мы отнюдь не раздѣляемъ мнѣнія Г-на Плаксина о періодахъ Русской Литтературы. По нашему мнѣнію, они придуманы, а не извлечены изъ сущности предмета.

Сужденія о писателяхъ суть дѣло вкуса. Но воззрѣніе на значительность главныхъ дѣйствователей бываетъ, болѣе или менѣе, слѣдствіемъ про-

Digitized by Google

свѣщенія. Въ этомъ отношеніи намъ пріятно указать на прекрасныя сужденія Г-на Плаксина о Ломоносовѣ, Державинѣ и особенно Карамзинѣ. Никто еще не говорилъ о семъ послѣднемъ съ такимъ безпристрастіемъ, съ такою благородною откровенностью! Издатель Телеграфа выдержалъ много нападеній за подобный образъ мыслей о Карамзинѣ; желаемъ, чтобы Г-нъ Плаксинъ не подвергся подобной участи. Но такъ-то истинныя мнѣнія распространяются, незамѣтно, тихо, но неуклонно! Сколько уже голосовъ подано теперь противъ прежняго, безусловно-похвальнаго мнѣнія о Карамзинѣ? Это признакъ, что настаетъ время истинной Критики, когда умѣютъ воздавать должное заслугѣ, и въ то-же время не хотятъ, не могутъ обременить самаго славнаго имени похвалою незаслуженною.

Издатель Телеграфа долженъ благодарить Г-на Плаксина лично за себя, видя самый лестный его отзывъ о романѣ: *Клятва при Гробѣ Господнемъ*. Но пишущій строки сіи изумляется смѣлости Г-на Плаксина: какъ не боится онъ нашихъ Аристарховъ, хваля Полеваго и находя Карамзина не во всемъ геніяльнымъ? Шутки въ сторону: независимость мнѣній Гна Плаксина даетъ намъ право надѣяться, что онъ не посѣтуетъ на нѣкоторыя мнѣнія нашей статьи. Можетъ быть они ошибочны; но мы писали ихъ вслѣдствіе собственнаго убѣжденія, а за это можно извинить многое.

Digitized by Google

— *Повѣсти и Разсказы Петра Сумарокова.* 3 части. М. 1833. Въ т. Лазаревыхъ Института Вост. языковъ. XXI, 313, 337 и 316 стр. in-12 (*).

До сихъ поръ, имя П. П. Сумарокова было извѣстно публикѣ только по Журналамъ и Альманахамъ, гдѣ помѣщались его Повѣсти и Стихотворенія. Но вотъ онъ бьетъ челомъ вдругъ цѣлыми томами, гдѣ, правда, не много бывшаго ненапечатаннымъ, но гдѣ и старое и новое пріятно читать и перечитать. Нѣкоторыя изъ Повѣстей Г-на Сумарокова были помѣщены въ Телеграфѣ, и вѣрно читатели наши, а еще болѣе читательницы, съ удовольствіемъ вспоминаютъ о *Кокетствѣ и любви*, о *Кольцѣ и запискѣ*. Г. Сумароковъ, наслѣдникъ, по прямой линіи, самаго извѣстнаго въ Русской Словесности имени, отличается въ сочиненіяхъ своихъ совсѣмъ не тѣмъ, что составляло отличительный характеръ сочиненій А. П. Сумарокова, и даже Панкратія Пл. Сумарокова, которые оба были страдальцы своей пылкости и въ жизни и въ Литературѣ. Молодой наслѣдникъ ихъ, напротивъ, одушевляется въ каждомъ изъ своихъ произведеній какою-то тихою, чрезвычайно милою философіею, которая заставляетъ его съ веселой стороны глядѣть на дурачества людей, но не мѣшаетъ ему усматривать и достоинства удивительной ихъ природы, гдѣ вѣрность и измѣна, любовь и ненависть,

(*) Продается въ Конторѣ Московскаго Телеграфа, по 15 рубл. за экземпляръ.

Digitized by Google

умъ и глупость, смѣшаны самымъ поэтическимъ образомъ, самымъ привлекательнымъ для романиста, и даже для наблюдателя. Канва превосходная, и такая нескончаемая, что ея достанетъ до тѣхъ поръ, пока люди будутъ жить и слѣдственно писать! И сколько пишутъ они! Право, ужь очень много! И это было-бы очень кстати, если-бы писали хорошо, умно, съ чувствомъ, съ душой, потому что читателей въ тысячи разъ болѣе нежели писателей. Для читателя, хорошая книга есть истинный подарокъ, и вотъ почему за долгъ почитаемъ мы рекомендовать любителямъ пріятнаго чтенія— *Повѣсти и Разсказы П. Сумарокова*.

Мы уже сказали, что этотъ писатель смотритъ на свѣтъ и на жизнь взоромъ веселымъ, проницательнымъ; прибавимъ, что онъ часто одушевляется помышленіями истинно поэтическими, можетъ быть самъ не подозрѣвая того, потому, что всегда почти говоритъ онъ отъ своихъ лицъ, а не отъ самого себя. Особенно въ женскихъ фигурахъ его много чувства. Можно замѣтить, что онѣ часто сбиваются у него въ излишній романизмъ, въ идеальность чувства; но это совсѣмъ не недостатокъ, потому что развѣ мало женщинъ съ романическою головою? А особенно въ провинціяхъ! О, вы вѣрно не знаете милыхъ, молоденькихъ провинціялокъ, этихъ живыхъ Ташынъ *Онѣгина*, которыя не читая ни Байрона, ни Гюго, часто въ дѣйствительности бываютъ тѣмъ, или по крайней мѣрѣ лелѣютъ въ сердцахъ своихъ то, что названныя нами поэты выражаютъ въ своихъ безсмертныхъ ка-

Digitized by Google

шинахъ. Г. Сумароковъ, можетъ быть, наглядѣлся на деревенскихъ романистокъ нашихъ, и потому рисуетъ ихъ очень удачно. Особеннымъ достоинствомъ его разсказовъ почитаемъ мы простодушіе. Да! Мм. Гг., простодушіе въ писателѣ совсѣмъ не такое простое свойство, какъ думаютъ многіе. Оно есть слѣдствіе свѣтлаго ума и чистой души, на которой всѣ предметы отражаются въ истинномъ ихъ видѣ; а гдѣ истина, тутъ нѣтъ ни чванства, ни хвастовства, ни скрытности. Писатель простодушный есть писатель умный, который говоритъ съ вами какъ думаетъ, разумѣется облекая только въ общепринятыя формы разговоръ свой. Пріятно, весело и даже поучительно разговаривать съ такимъ человѣкомъ.

Но довольно объ общихъ свойствахъ Автора *Повѣстей и Разсказовъ*. Перейдемъ къ Повѣстямъ его. Вотъ ихъ заглавія: *Предубѣжденіе— Колодецъ— Кокетство и любовь— Интересная незнакомка— Кольцо и записка— Вечеръ передъ свиданьемъ*. Къ этому прибавлены: *Письма съ Кавказа*, и *Предисловіе*, исполненное самаго умнаго простодушія, вообще господствующаго въ сочиненіяхъ Г-на Сумарокова. Нѣкоторыя изъ Повѣстей его напечатаны въ первый разъ. Не пересказывая содержанія каждой изъ нихъ, мы съ особеннымъ удовольствіемъ укажемъ на *Предубѣжденіе*, на *Кокетство и любовь*, на *Вечеръ передъ свиданьемъ*, на *Кольцо и записку*. Вотъ истинный родъ, въ которомъ, по нашему мнѣнію, долженъ писать Г. Сумароковъ. Тихія чувства, деревенскіе нравы помѣщиковъ, любовь ихъ дочекъ

Digitized by Google

и сынковъ — таковъ міръ, повинующійся ему. Иногда, вмѣстѣ съ своими героями, онъ возвышается и до чувствъ, до страстей болѣе глубокихъ, ибо гдѣ человѣкъ, тамъ и страсти. Но вообще, ему не надобно быть неблагодарнымъ къ своему міру, не надобно оставлять его для такихъ предметовъ, какой, напримѣръ, служитъ основою повѣсти: *Колодецъ*.

Мы должны еще сказать о слогѣ Автора. Немногіе изъ Русскихъ Литераторовъ пишутъ такъ легко, правильно, сладкозвучно. Мы не имѣемъ надобности приводить для этого примѣровъ, потому что наши читатели знаютъ Г-на Сумарокова по нѣкоторымъ изъ его сочиненій, напечатаннымъ въ Телеграфѣ. Надѣемся, что и въ нынѣшнемъ году изданіе наше обогатится новыми его произведеніями, и для этого желаемъ любезному Автору досуга и вдохновенія.

Книга его напечатана красиво, на бѣлой бумагѣ; есть опечатки, но тому причиной было, вѣроятно, отсутствіе Автора. Кто испыталъ, что значитъ въ Россіи печатать книги *за-глазно*, тотъ не осудитъ его за нѣсколько словъ, напечатанныхъ неправильно.

—MMMCDXLVIII годъ. Рукопись Мартына Задека. Сочин. Вельтмана. Три части. М. 1833 г. 179, 198 и 204 стр. in-12 (*).

(*) Продается въ Конторѣ Московскаго Телеграфа, по 12 руб. за экземпляръ.

Digitized by Google

Много было уже примѣровъ, что поэты и прозаики переносили дѣйствія своихъ сочиненій въ будущее время. Кромѣ книги Мерсье, кромѣ *Послѣдняго человѣка* (Англійскаго романа), мы помнимъ прекрасный опытъ, нѣкогда появившійся на Русскомъ языкѣ, подъ именемъ *Европейскихъ писемъ*. Но Г-нъ Вельтманъ, кажется, не имѣлъ въ виду идей, какія хотѣли выражать всѣ другіе сочинители, переносившіе дѣйствія своихъ лицъ въ будущее время. Его 3448-й годъ совершенно походитъ на нынѣшній 1834-й годъ: люди тѣже, страсти тѣже, глупости людей и страстей тѣже. Для чего-жь странное названіе книги? Для чего перенесеніе дѣйствія на 1614 лѣто впередъ? Не знаемъ, и думаемъ, что умному человѣку позволено иногда шалить: Вельтманъ шалитъ—вотъ вся причина, и — весьма сильная причина!

Не имѣя никакого права разгадывать тайной мысли Сочинителя, можемъ однакожь, для объясненія самимъ себѣ его творенія, предполагать, что мысль глубокую, въ обширнѣйшемъ планѣ, хотѣлъ здѣсь развить Сочинитель. Онъ воображаетъ себѣ сильное Славянское царство на берегахъ Босфора; Турки прогнаны въ Африку; весь видъ Европы измѣнился; въ Босфорѣ царствуетъ юный, мудрый Царь Іоаннъ. Съ другой стороны является Эолъ, начальникъ сильныхъ морскихъ разбойниковъ. Идея въ немъ заключенная превосходна: воспитатель хотѣлъ пересоздать въ немъ человѣка; изъ раба страстей и природы, сдѣлать его царемъ ихъ. Что-же сдѣлалось изъ Эола? Начальникъ

Digitized by Google

пиратовъ. «Зови людей на помощь людямъ — они не пойдутъ; зови ихъ на гибель себѣ подобныхъ — они готовы, и не спросятъ тебя: для чего ты дѣлаешь зло, и кто далъ тебѣ право на злодѣянія.— Но дѣло не мысль. — О! если-бы величіе предпріятія не рабствовало передъ ничтожными обстоятельствами! Воображая взлетѣть на высоту— я упалъ, *чтобы* не вставать. Обстоятельства возстали на меня: какъ насѣкомое, я запутался въ паутинѣ.»— Вотъ основаніе характера Эолова.

Спрашиваемъ: чего не льзя было развить изъ Іоанна и Эола, воображая ихъ живущими черезъ 1600 лѣтъ послѣ нашего времени?

Но, или огромность идеи испугала Автора, или онъ не могъ развить ея по обстоятельствамъ, отъ него не зависѣвшимъ, только *рукопись Мартына Задека* кажется намъ огромными подмостками вокругъ небольшаго зданія.

Вся завязка романа заключена въ удивительномъ сходствѣ лица Іоаннова съ Эоловымъ. Пиратъ похищаетъ Іоанна, увозитъ его на свой островъ, а самъ заступаетъ его мѣсто. Для чего? Онъ самъ не отдаетъ въ этомъ отчета; хочетъ жениться безъ страсти на дочери одного стараго вельможи; измѣняетъ порядокъ дѣлъ. Между тѣмъ, Іоаннъ спасенъ отъ гибели случайными обстоятельствами. Развязка кажется намъ вовсе неестественною. Мы не хотимъ лишить удовольствія читателей нашихъ узнать ее изъ самаго романа.

Digitized by Google

Подробности многія прекрасны: каррикатурныя изображенія Царедворцевъ Іоанна; битва разбойниковъ и вообще плаваніе ихъ съ Іоанномъ (во II й части); нѣкоторыя сцены въ убѣжищѣ разбойниковъ; наконецъ изображеніе Босфоранской гостинницы и приходъ товарищей къ Эолу (въ III й части) отдѣланы мастерски.

Но общность, повторяемъ, неудовлетворительна: это все равно, что отрывки изъ какого нибудь огромнаго музыкальнаго сочиненія, по которымъ не льзя судить о цѣломъ, хотя каждый отрывокъ, отдѣльно взятый, показываетъ дарованіе сочинителя.

— *Синтаксисъ Греческаго языка*, по руководству Векгерлина, изданный С. И.— М. 1833 г. въ т. Унив., 155 стр. in-8.

Подобные труды можно назвать безкорыстными въ нашей Литтературѣ: ихъ не кому ни читать, ни оцѣнить, ни купить. Тѣмъ достойнѣе уваженія такіе труды, и Г-нъ Ивашковскій, почтенный Профессоръ Греческаго языка при Моск. Унив., конечно, въ самомъ исполненіи своей обязанности видѣлъ всю свою награду. Мы слышали, что огромный, давно начатый печатаніемъ трудъ его: *Словарь Греко-Россійскій*, приходитъ теперъ къ окончанію. Онъ остановился за кончиною Г-на Зосимы, принимавшаго на себя всѣ издержки изданія. Теперь препятствія устранены, и трудолюбіе почтеннаго Г-на Ивашковскаго дополнитъ въ нашей Литтературѣ ощутительный недостатокъ Словаря Греческаго.

Digitized by Google

СМѢСЬ.

— *Изъясненіе картинки.* — Исторія Атридовъ была неисчерпаемымъ источникомъ для поэтовъ, которые представляли почти всѣ ея событія, во всѣхъ возможныхъ видахъ. Въ наше время, кто рѣшится избрать предметомъ драмы смерть Агамемнона, когда у насъ подъ руками сотни своихъ героевъ, умерщвленныхъ не меньше трагически! Но прежде.... и давно-ли было это *прежде!* За десять, за пятнадцать еще лѣтъ, *безъ Грековъ не было спасенья!* Въ эту-то пору несамобытнаго Классицизма, и Живопись брала съ особеннымъ стараніемъ предметы изъ древней, а не изъ новой Исторіи. Герѣнъ, одинъ изъ лучшихъ живописцевъ современной Франціи, избралъ для своей картины, которая была на выставкѣ 1817 года, *Клитемнестру*, идущую убить супруга своего Агамемнона. Онъ представилъ Царя Царей, въ сладостномъ спокойствіи спящаго подлѣ трофеевъ, пріобрѣтенныхъ имъ въ Троѣ. Клитемнестра, побуждаемая Эгистомъ, держитъ въ рукѣ кинжалъ, который долженъ поразить ея супруга. Но все показываетъ, какъ трудно совершить ей злодѣяніе. Она готова

Digitized by Google

остановишься при самомъ входѣ въ комнату Агамемнона, и, кажется, омраченный преступленіемъ умъ не повинуется ей — но гнусный Эгистъ насильно толкаетъ ее впередъ. Еще шагъ, и злодѣяніе совершится.

Не льзя не отдать должной хвалы художнику; но въ картинѣ его вообще господствуетъ какая-то принужденность — неизбѣжное свойство произведеній Классическихъ. Сверхъ того, намъ кажется, что лицо Эгиста не должно выражать смущенія, страха; а въ немъ выражены эти чувства, и, что всего страннѣе, тоже самое видно и въ лицѣ Клитемнестры. Физіогномія Эгиста, напротивъ, должна была-бы носить на себѣ отпечатокъ смѣлости злодѣянія: онъ мужчина и рабъ, желающій погубить своего властителя, чтобы потомъ вступить въ его права.

Картина сія почитается однимъ изъ лучшихъ произведеній Герена, какъ по мысли, такъ и по исполненію. Она хранится въ Люксанбургской галлереѣ. Съ нея былъ снятъ эстампъ Альфредомъ Жоанно. Вышина ея 10 футовъ 6 дюймовъ, ширина 9 фут. 9 дюймовъ.

— *Историческая поправка замѣчанія къ Русской народной пѣснѣ.* — Изъ Альманаха: *Денница*, изданнаго на сей 1831-й годъ М. А. Максимовичемъ, мы узнали справедливость слуха, что П. В. Кирѣевскій занимается собраніемъ *Русскихъ народныхъ*

Digitized by Google

пѣсенъ. Г-нъ Кирѣевскій помѣстилъ въ *Денницѣ* пять пѣсенъ изъ своего собранія, уже приготовленнаго имъ къ печати. Все это весьма порадовало насъ. Видимъ, что пѣсни тщательно списаны, что сохранена въ нихъ вся народная простота; видно, что Г-нъ К. хочетъ издать ихъ критически, и хорошо понимаетъ свое дѣло. *Историческія*, или *былевыя* пѣсни, кажется, предполагаетъ онъ пояснить замѣчаніями. Предпріятіе весьма доброе; но желательно, чтобы замѣчанія и поясненія были составлены тщательнѣе того, какое, вѣроятно, для образчика, помѣщено при одной изъ пѣсенъ въ *Денницѣ*.

Пѣсня эта сочинена, по предположенію Г-на К., *на осаду Пскова* Королемъ Польскимъ Стефаномъ Баторіемъ, въ 1581-мъ году. Ее поютъ въ Сызрани; тамъ списалъ ее извѣстный Русскій поэтъ Н. М. Языковъ, и прислалъ къ Г-ну К. — Догадка Г-на К. объ Историческомъ происхожденіи сей пѣсни, основывается на томъ, что въ ней сначала говорится объ осадѣ Пскова (Опскова) *Королемъ* — какимъ? — не сказано, ибо Король этотъ названъ только *собакою* (копилъ Король силушку, копилъ-то онъ, собака, двѣнадцать лѣтъ). Но слѣдующее за тѣмъ останавливаетъ Г-на Кирѣевскаго, ибо дѣйствіе въ пѣснѣ вдругъ переходитъ къ какому-то *Волдку*; упоминается какой-то воевода *Семенъ Карамышевъ*; съ Польской стороны являются *Королевичъ*, *Гетманъ Хоткевичъ*; съ Русской *Донскіе Казаки*; говорится о *солдатахъ*, о *ротахъ*; а всего этого не могло быть во времена Баторія. При-

Digitized by Google

шомъ совсѣмъ не упоминаются въ пѣснѣ имена Русскихъ воеводъ, защищавшихъ Псковъ въ 1581-мъ году. Г-нъ К. изъясняетъ однакожь, что Русскіе пѣсельники иногда своевольно приставляли отъ себя подробности, вставляли имена и подновляли пѣсни. Примѣры этого многочисленны, и нерѣдко анахронизмы заставляютъ почитать старую пѣсню новою.

Предположеніе Г-на Кирѣевскаго справедливо и изъясненія его остроумны; но для пѣсни, имъ изъясняемой, они не годятся, ибо сія пѣсня отнесена имъ совсѣмъ не къ надлежащему ея времени.

По нашему мнѣнію, она относится *не къ осадѣ Пскова въ 1581-мъ году*, а къ происшествіямъ 1612-го года, когда Сигизмундъ III-й, послѣ разбитія Хоткевича Мининымъ и Пожарскимъ, въ Августѣ, подъ Москвою, приходилъ въ Россію. Онъ приступалъ тогда къ Горѣлому Городищу, посылалъ уговаривать Москву, и жестоко осаждалъ потомъ *Волокъ* Ламскій, который защищали воеводы *Карамышевъ* и Чемезовъ. Недостатокъ припасовъ, малочисленность войска, смятенія въ Польшѣ и мужество воеводы Карамышева, заставили Сигизмунда отложить свои предпріятія, и поспѣшно уйдши изъ Россіи. Это событіе праздновали Русскіе, какъ великую побѣду, и народная пѣсня могла передать достопамятное преданіе объ оной памяти народной.

Кажется, наше изъясненіе удовлетворительно, ибо имъ объясняется: какимъ образомъ зашли въ

Digitized by Google

пѣснію *Королевичъ* (Владиславъ), *Хоткевичъ*, *Вороничъ* (храбрый наѣздникъ Польскій), *Волокъ*; и наконецъ, почему героемъ пѣсни является *Карамышевъ*, а не И. П. Шуйскій, спаситель Пскова въ 1581-мъ году?

Почему-же пѣсня начинается подступленіемъ Короля подъ Псковъ, и походомъ его черезъ Полоцкъ и Великія Луки? Г-нъ К. замѣчаетъ, что въ пѣснѣ видѣнъ *перерывъ*; послѣ словъ оной: *мечитесь скоро въ зелены луга, въ зелены луга Государевы*, вдругъ находимъ неожиданный переходъ къ Волоку. Увлеченный мыслію, что вся пѣсня касается осады Пскова, Г-нъ К. предполагаетъ здѣсь только пропускъ. Намъ кажется напротивъ, что здѣсь смѣшаны простолюдинами двѣ разныя пѣсни, изъ коихъ *начало второй*, объ *осадѣ Волока*, потеряно. Другая-же пѣсня, продолжающаяся до вышеозначеннаго перерыва, вѣроятно, *утратила окончаніе*. Она могла относиться къ осадѣ Пскова, или Баторіемъ въ 1581 году, или, что кажется намъ вѣроятнѣе, Густавомъ Адольфомъ въ 1615-мъ году. Сія послѣдняя осада Пскова знаменита не менѣе Баторіевской. Но наши Литтераторы, Поэты и даже многіе Историческіе изслѣдователи не знаютъ ея, ибо она не попала въ сочиненіе Карамзина, а свѣдѣнія многихъ далѣе книги Карамзина не простираются, хотя давно-бы пора догадаться, что прочитавъ Ист. Гос. Росс., мы не получаемъ полнаго познанія въ Исторіи Отечественной, даже и о томъ времени, которое успѣлъ описать Карамзинъ.

Digitized by Google

— *Объ изданіи Русской Вивліовики при Телеграфѣ.* — Нѣкоторые изъ почтенныхъ Подписчиковъ Телеграфа спрашивали Издателя: когда выйдетъ *первый* томъ *Русской Вивліовики*, слѣдующій къ Телеграфу 1833 года? Издатель можетъ повторить только то, что сей томъ печатается; около 20-ти листовъ его напечатано; остальные кончатся въ непродолжительномъ времени (всего будетъ 25-ть листовъ). Содержаніе сего тома, полагаемъ, будетъ довольно любопытно и разнообразно. Въ немъ помѣщены: *Дѣла изъ Албазинскаго Архива — Граматы, собранныя въ Курскѣ — Грамата Іоанна Грознаго, Новгородскому Архіепископу Леониду — Грамата Лжедимитрія въ Курмышъ — Уставная Грамата Царя Михаила о таможенныхъ пошлинахъ — Память приставамъ, назначеннымъ для смотрѣнія въ Москвѣ за печеніемъ и продажею хлѣба,* 1624 года — *Грамата Петра Великаго*, или заграничный паспортъ, какой давали отправляемымъ отъ него за границу, для обученія, Русскимъ Дворянамъ, на Русскомъ и Латинскомъ языкахъ — *Граматы и акты Литовскіе*: Симеона-Лугвенія, Свидригелла, Казиміра — *Договоръ Казиміра Короля Польскаго съ Новгородомъ — Переговоры Казиміра съ Псковитянами — Выписки изъ Варшавскаго Короннаго Архива*: драгоцѣнныя свѣдѣнія, касательно войны между Россіею и Польшею, во времена малолѣтства Іоанна Грознаго — *Граматы* и *Наказы*, собранные Г-мъ Сахаровымъ въ Тулѣ; наконецъ письма Суворова, литтерашурные, Русскіе, старинные отрывки, и другія смѣси. Книга украсится снимкомъ съ подписей Патріар-

Digitized by Google

ховъ Московскихъ и печатей ихъ. — *Второй* томъ Вивліоѳики, который будетъ *(также безъ всякой особенной платы)* разосланъ Г-мъ Подписчикамъ на Телеграфъ 1834 года, заключитъ въ себѣ нѣсколько замѣчательныхъ драгоцѣнностей. Но дабы разнообразить содержаніе его противъ перваго, въ немъ не будутъ печатаны граматы и акты: онъ составится изъ разныхъ особенныхъ статей, донынѣ вовсе неизвѣстныхъ Русской публикѣ, или находящихся въ рукописи у немногихъ. Издатель Телеграфа получилъ отъ почтенныхъ любителей Отечественныхъ Древностей, и самъ приготовилъ для *втораго* тома *Вивліоѳики* слѣдующее: *Путешествіе Даніила Паломника въ Палестину*, въ XII-мъ вѣкѣ, древнѣйшее Русское извѣстіе объ Іерусалимѣ — *Путешествіе Никона Митрополита*, бывшаго потомъ Патріаха, за мощами Св. Филиппа въ Соловецкій монастырь — переводъ *Эймундовой Саги*, изданной Датскимъ Королевскимъ Обществомъ изслѣдователей Сѣверныхъ Древностей, и содержащей въ себѣ событія временъ Ярослава — *Описаніе событій въ Россіи, составленное самимъ Гетманомъ Жолкевскимъ*, который убѣдилъ Русскихъ признать Владислава Царемъ въ 1610-мъ году (взято изъ Польской рукописи, бывшей донынѣ вовсе неизвѣстною) — *Дневникъ Сапеги*, находившагося въ Россіи при Тушинскомъ Самозванцѣ, и осаждавшаго Троицко-Сергіевскую Лавру — переводъ весьма рѣдкой брошюрки о Димитріи Самозванцѣ, извѣстной подъ именемъ *Легенды о Самозванцѣ* (см. Ист. Г. Р. Карамзина т. XI, прим. 372) — *Житіе Св. Бориса и Глѣба*, приписываемое

Digitized by Google

Преподобному Нестору (доставлено отъ Его Высокопреосвященства Митрополита Евенія) — *Переводъ книги*: *The Russian Impostor*, или описаніе событій въ Россіи, изданное въ Лондонѣ, въ 1674 году. Кромѣ того будутъ многія другія статьи, о важности коихъ читатели могутъ судить по исчисленнымъ здѣсь. — Каждый томъ *Вивліоѳики* будетъ продаваться и *отдѣльно отъ Телеграфа*, по самой умѣренной цѣнѣ, ибо цѣль Издателя Телеграфа при составленіи Вивліоѳики состоитъ только въ томъ, чтобы доставить всѣмъ любителямъ Древностей Отечественныхъ средство имѣть въ рукахъ рѣдкіе и любопытные памятники отечественной старины, остававшіеся донынѣ неизвѣстными, изъ числа коихъ нѣкоторые и совершенно могли погибнуть, сохраняясь въ немногихъ вѣтхихъ спискахъ, по архивамъ и въ частныхъ рукахъ.

— *Отрывокъ письма изъ Санктпетербурга, въ Декабрѣ 1833 года.* — Сегодня былъ я у моего старинаго пріятеля К. А. Тона, который нынѣ почитается однимъ изъ лучшихъ архитекторовъ въ Россіи, и извѣстенъ во всей Европѣ. Онъ пріобрѣлъ себѣ почетное имя еще пушешествуя по Италіи. Будучи въ Римѣ, К. А. провелъ нѣсколько лѣтъ въ разсматриваніи развалинъ древнихъ Цезарскихъ дворцовъ, и, прочитавъ все, что есть о нихъ въ современныхъ имъ писателяхъ, издалъ чертежи сихъ громадъ въ томъ видѣ, въ какомъ, по всѣмъ

Digitized by Google

вѣроятностямъ, были онѣ во времена величія Римлянъ. Онъ подарилъ меня экземпляромъ сего важнаго труда. При разсматриваніи многихъ другихъ его произведеній, вниманіе мое особенно обратилось на Высочайше утвержденные планы, предполагаемаго къ сооруженію въ Москвѣ, храма Христа Спасителя. Со времени просвѣщенія Россіи Христіанствомъ, всѣ наши церкви строили и строятъ въ подражаніе чужеземцамъ, Византійцамъ, Итальянцамъ. Нѣкогда въ Кремлѣ Москвы, Русскіе начинали образовывать свою архитектуру церквей, въ которой было много прекраснаго, высокаго, но много лишняго и, разумѣется (вспомните вѣкъ) не-изящнаго. Надлежало очистить, усовершенствовать, изобрѣсть, т. е. творчески возсоздать начатой когда особенный родъ нашей церковной архитектуры. Тонъ это сдѣлалъ. Его новая церковь Спасителя будетъ безъ колоннадъ, и даже вовсе безъ колоннъ, безъ пилястровъ, безъ всѣхъ украшеній извѣстныхъ пяти Орденовъ, безъ статуй, безъ барельефовъ, и — поздравляю васъ — будетъ прекрасна! Равносторонняя, по 38-ми саженъ въ каждой стѣнѣ, свободно вмѣститъ она въ себѣ 5,000 человѣкъ. Куполъ ея будетъ 12-ть саженъ въ поперечникѣ и 25-ть вышины отъ помоста церкви. Издержки на сооруженіе предполагаются свыше 12,000,000 рублей.

Г-нъ Тонъ строитъ уже по новой, созданной имъ архитектурѣ, небольшую церковь Св. Великомученицы Екатерины въ Петербургѣ. Онъ прекрасно передѣлалъ въ Академіи Художествъ двѣ

Digitized by Google

огромныя аншичныя галлереи, конференціонный залъ и библіотеку, которой Государь изволилъ подарить богатѣйшее собраніе эстамповъ въ книгахъ, оставшихся послѣ Его Высочества Константина Павловича въ Варшавѣ. Изъ Россійскихъ Монарховъ еще никто не занимался Художествами подобно Николаю I-му. Онъ смотритъ самъ черновые эскизы и ѣздитъ запросто, совершенно одинъ, въ мастерскія художниковъ, особенно къ Орловскому, который теперь дѣлаетъ Ангела на Александровскую колонну, и занимается памятниками Кутузову и Барклаю де-Толли. Кутузовъ уже отлитъ изъ бронзы, а Ангелъ — колоссъ въ 7-мъ аршинъ — только отдѣланъ изъ глины. За эту модель платится 15,000 рубл. — Дорогою изъ Академіи, ѣдучи мимо Фалконетова Петра Великаго, я вспомнилъ, что въ Парижѣ какой-то Полковникъ, прямой Французъ, послѣ торжественнаго открытія монумента Людовику XV-му, проходя со своимъ полкомъ мимо статуи Генриха IV-го, приказалъ экспромтомъ преклонить знамена, сказавъ: «Ceci vaut bien l'autre (одинъ стоитъ другаго).»

По обѣщанію моему, должно-бы начать теперь говорить съ вами о Петербургскомъ Театрѣ: но сей обширный предметъ до другаго раза. — Скажу лучше, въ дополненіе того, что говорилъ я о К. А. Тонѣ, что Государь Императоръ изволилъ опредѣлить, чтобы впредь всѣ Греко-Россійскія церкви строились по вновь усовершенствованной имъ Тономъ Русской церковной архитектурѣ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ (*).

Au bal du château on remarquait généralement que les jeunes personnes portaient des diadêmes de fleurs, et que leurs manches n'étaient point garnies de sabots de blonde.

La princesse Marie était mise on ne peut plus simplement. Elle portait une robe de mousseline blanche, sans fleurs ni rubans de couleur. Dans ses cheveux se détachait un rang de perles, dont le milieu était marqué par une poire qui tombait sur le front.

Beaucoup de femmes avaient le corsage de leurs robes bordés d'une ligne de fleurs, ces fleurs se retrouvaient dans les bouillons des manches.

Les manches sont généralement à trois bouillons, sans manchettes de blonde.

Comme robes de soirées, on porte cet hiver une charmante étoffe demi-habillée. Ce sont les satins d'Alger damasquinés. Les blancs surtout sont d'une teinte vraiment ravissante. Les fleurs satinées, d'un blanc pur et brillant font ressortir le fond de laine, d'un blanc roux jaunâtre, qui sied parfaitement au visage. Les blondes et les rubans de satin ont une grande recherche et beaucoup d'éclat sur cette étoffe blanche, si élégante et si distinguée. On voit les mêmes robes en toutes couleurs. Celles de couleur foncée sont négligées. Celles de couleur claire doivent être d'une nuance très-tendre et très-douce ; une des plus jolies comme fantaisie est le vert anglais ou le vert pistache.

(*) Въ Парижѣ до 20 Января (н. ст.) 1834 г.

Digitized by Google

Парижскія моды.

Voici quelques ensembles de toilettes pour de jeunes personnes: une robe de gaze de soie rose, à dessous de satin; corsage drapé à la tyrolienne, manches courtes, à nœuds en rubans de satin-blonde, rose et blanc; une ceinture à longs pans, pareille; dans les cheveux une couronne à la rosière, en roses de haie; pour bijoux des perles.

Une robe de crêpe blanc, corsage garni de deux rangs de tulle, entre lesquels se trouvaient de petits flocons en rubans de satin bleu ciel, les manches courtes étaient garnies de même; sur la jupe traversait une très-légère guirlande de petites grappes bleues, qui formaient aussi la coiffure par une guirlande en spirale.

Une élégante toilette de femme: une jupe de dessous en satin blanc sur laquelle ouvrait une double jupe en crêpe, rattachée, en s'écartant vers le bas par des nœuds de satin; le corsage plat était garni d'une blonde plate, relevée au milieu à la Sévigné par une agrafe en camée; dans les cheveux des guirlandes à la Berthe en liseron de champs; pour bijoux une parure de camée.

На придворномъ балѣ вообще замѣтили, что молодыя особы были въ діадемахъ изъ цвѣтовъ, и что рукава у нихъ не были обшиты внизу блондовой оборкой (sabots).

Принцесса Марія была одѣта какъ не льзя проще: въ бѣломъ кисейномъ платьѣ, безъ цвѣтовъ, и безъ цвѣтныхъ лентъ. Въ волосахъ у нея былъ рядъ жемчуга, по срединѣ котораго находилась кисть изъ того-же жемчуга и спадала на лобъ.

Digitized by Google

Парижскія моды.

У многихъ дамъ лифъ былъ убранъ полоской цвѣтовъ; такіе-же цвѣты были и въ буфахъ рукавовъ. Рукава обыкновенно дѣлаютъ изъ трехъ буфовъ, безъ блондовыхъ оборокъ.

Нынѣшнею зимою дѣлаютъ платья для вечеровъ изъ чрезвычайно красивой и полу-нарядной ткани. Это Алжирскій (damasquiné) атласъ. Бѣлый особенно хорошъ. Бѣлые атласистые цвѣты, чистые и блестящіе, выказываютъ шерстяную ткань красно-желтоватаго цвѣта, который чрезвычайно къ лицу. Блонда и атласныя ленты очень нарядны и блестящи на этой прекрасной и отличной бѣлой ткани. Эти же платья дѣлаютъ всѣхъ цвѣтовъ. Темный цвѣтъ носятъ за-просто. Платья свѣтлыя должны быть чрезвычайно нѣжнаго и не яркаго оттѣнка. Одинъ изъ самыхъ красивыхъ, есть зеленый Англійскій или зеленый фисташковый.

Вотъ нѣсколько полныхъ нарядовъ для молодыхъ особъ: платье изъ шелковаго газа розоваго цвѣта, на атласномъ чехлѣ; лифъ драпированный (à la tyrolienne); коротkіе рукава съ бантами изъ атласно-блондовыхъ лентъ, розовыхъ съ бѣлымъ; поясъ съ длинными концами такой-же; въ волосахъ вѣнокъ (à la rosière) изъ розъ; вмѣсто драгоцѣнныхъ камней жемчугъ.

Платье изъ бѣлаго крепа; лифъ убранный тюлемъ въ два ряда, между которыми маленькія вишушки атласныхъ лентъ свѣтлоголубаго цвѣта; коротkіе рукава, точно такъ-же убранные; кругомъ платья чрезвычайно нѣжная гирлянда изъ маленькихъ голу-

Digitized by Google

бых кистей, которыя, винтообразною гирляндой составляли также уборку головы.

Модный нарядъ дамы: бѣлый атласный чехолъ, на которомъ двойная креповая юпка, раскрытая къ низу шире, и приколотая атласными бантами; лифъ гладкій, обшитъ гладко блондой; посреди его, на верху, пряжка à la Sevigné изъ камея; въ волосахъ гирлянда à la Berthe, изъ маленькихъ колокольчиковъ; вмѣсто дорогихъ каменьевъ, вдѣланный въ золото камей.

На приложенныхъ картинкахъ:

Дама. Платье креповое, убранное цвѣтами. Плащъ кашемировый, вышитый.

Мужчина. Суконный плащъ, обшитый бархатомъ и подбитый шелковою матеріею. Верхній сюртукъ суконный; жилетъ кашемировый.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный комитетъ *три* экземпляра. Москва, Января 30 дня 1834 года.

Цензоръ и Кавалеръ Лазаревъ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА.

Digitized by Google

№ III. ФЕВРАЛЬ.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

КРАТКОЕ ОБОЗРѢНІЕ ИСТОРІИ ЕГИПТА,

сочиненное въ Александріи для Мугаммеда-Али, и представленное ему въ Ноябрѣ 1829 года,

Шамполліономъ Младшимъ. (*)

Первыя племена, заселившія Египетъ, то есть долину Нила, между водопадомъ Озуанскимъ и моремъ, пришли изъ *Абиссиніи* или изъ *Сеннаара*. Но означить время этого перваго переселенія, чрезвычайно древняго, не возможно.

(*) Въ этой статьѣ соблюдено, по возможности, Шамполліоново правописаніе собственныхъ именъ, нѣсколько отличное отъ того, которое издавна привыкли мы видѣть въ Русскихъ книгахъ. *Прим. Перев.*

Digitized by Google

Древніе Египтяне принадлежали къ поколѣнію людей, совершенно похожихъ на *Кенну* или *Барабра*, нынѣшнихъ обитателей Нубіи. Въ Египетскихъ *Коптахъ* не открываемъ ни одной изъ характеристическихъ чертъ древняго народонаселенія Египта. Копты суть слѣдствіе безпорядочнаго смѣшенія всѣхъ народовъ, посмѣнно владѣвшихъ Египтомъ. Напрасно ищутъ въ нихъ главныхъ чертъ поколѣнія древняго.

Первые Египтяне прибыли въ Египетъ бродящими толпами. У нихъ не было никакихъ постоянныхъ жилищъ, такъ-же какъ у нынѣшнихъ Бедуиновъ, не было Наукъ, Искусствъ, ни твердыхъ формъ гражданственности.

Вѣковые труды и обстоятельства сдѣлали то, что Египтяне, сначала бродящіе, занялись наконецъ земледѣліемъ и поселились прочно и постоянно. Тогда возникли торговые города; но вначалѣ они были небольшія деревни, и только отъ постепеннаго развитія гражданственности сдѣлались городами великими и могущественными.

Древнѣйшіе города въ Египтѣ были Ѳивы (*Луксоръ* и *Карнакъ*), *Эсне*, *Эдфу* и другіе города *Саида*, выше *Дендеры*; Средній Египетъ населился послѣ, а въ Нижнемъ Египтѣ уже гораздо позднѣе были жители и города.

Digitized by Google

Люди совершили великіе труды, и только тогда Нижній Египетъ сдѣлался обитаемымъ.

При началѣ своей гражданственности, Египтяне были управляемы *Священнослужителями*. Эти управляли каждымъ округомъ Египта, подъ руководствомъ *Великаго Священнослужителя*, который давалъ имъ приказанія именемъ самого Бога, какъ говорилъ онъ. Такая форма правленія называется *Θеократіею*: она походила, хотя очень несовершенно, на ту, которая была у Арабовъ при первыхъ Халифахъ.

Это первое Египетское Правительство легко бывало несправедливымъ, притѣснительнымъ, и долго противилось успѣхамъ гражданственности. Оно раздѣлило народонаселеніе на три различныя части: *1-я Священнослужители*, *2-я Военные*, *3-я Народъ*. Только народъ работалъ; плоды всѣхъ его трудовъ были поглощаемы Священнослужителями, которые содержали *Военныхъ* на жалованьѣ и употребляли ихъ для удержанія въ покорности всѣхъ остальныхъ жителей.

Но пришло такое время, когда воины утомились быть въ слѣпомъ повиновеніи у Священнослужителей. Совершился переворотъ, и перемѣна, счастливая для Египта, была произведена военнымъ начальникомъ, называвшимся

Digitized by Google

Менеи. Онъ сдѣлался повелителемъ народа, учредилъ правленіе единодержавное и передалъ власть своимъ прямымъ наслѣдникамъ.

Древнія Египетскія Исторіи относятъ время этого переворота почти за шесть тысячь лѣтъ до Исламизма.

Съ сей поры страна была управляема *Государями*, и Правительство сдѣлалось болѣе кротко, болѣе просвѣщенно. Власть Государей находила нѣкоторое противудѣйствіе въ томъ вліяніи, которое неизбѣжно сохранилось въ классѣ Священнослужителей, оставшемся при истинномъ назначеніи своемъ: поучать, и въ тоже время преподавать законы нравственности и основанія Искусствъ. *Онвы* все еще были столицею Государства; но Царь *Менеи*, и его сынъ и наслѣдникъ *Аѳоѳи* (Athothi), заложили *Мемѳисъ* и сдѣлали его укрѣпленнымъ городомъ и второю столицею. Онъ находился невдалекѣ отъ Нила: развалины его найдены въ деревняхъ *Менфъ*, *Мохнанъ* и особенно въ *Митъ-Раинне*. Древніе Арабскіе Историки называютъ *Мемфисъ*: *Марсъ-Эль-Кадиме*, для отличія отъ *Марсъ-Эль-Атике* (*Фосѳавъ* или старый Каиръ) и отъ *Марсъ-Эль-Каэрд* (Каиръ), что нынѣ столица.

Длинный рядъ Царей слѣдовалъ за *Менеи*; различныя фамиліи занимали тронъ; граждан-

Digitized by Google

ственность развивалась изъ вѣка въ вѣкъ. Во время III-й династіи были построены пирамиды *Дахшуръ* и *Саккара*, древнѣйшіе памятники знаемаго міра. Пирамиды Гизе суть гробницы трехъ первыхъ Царей V-й династіи, называвшихся *Суфи I-й*, *Сенсауфи* и *Манхери*. Вокругъ нихъ возвышаются небольшія пирамиды и гробницы, сдѣланныя изъ большихъ камней: это могилы Принцевъ фамиліи сихъ древнихъ Государей.

При этихъ династіяхъ или царствующихъ фамиліяхъ, которыя слѣдовали однѣ за другими, Искуства и Науки возникли и постепенно развернулись. Египетъ уже былъ силенъ и могущественъ; онъ совершилъ даже многія великія предпріятія воинскія внѣ Государства, именно при Царяхъ, называвшихся: *Сезохрисъ*, *Аменеме* и *Аменемофъ*; но памятники сихъ Государей не существуютъ болѣе, и Исторія не сохранила ни одной подробности объ ихъ дѣяніяхъ, потому, что послѣ ихъ царствованія случился великій переворотъ, который измѣнилъ видъ Азіи; варварскіе народы вторгнулись въ Египетъ, овладѣли имъ и опустошили его, истребляя все на своемъ пути: Ѳивы были превращены въ развалины.

Это событіе совершилось почти за 2800 лѣтъ до Исламизма. Часть варваровъ поселилась въ

Digitized by Google

Египтѣ и тиранствовала надъ нимъ въ продолженіе многихъ столѣтій. Такимъ образомъ была остановлена и истреблена этими чужеземцами первобытная гражданственность Египта. Они разорили Государство своими поборами и грабительствами, уничтоживъ бѣдностію и часть туземнаго народонаселенія. Эти варвары избрали себѣ въ начальники одного изъ среды своей, и онъ принялъ титулъ *Фараона*: имя, которымъ означали тогда всѣхъ Царей Египетскихъ.

Во время четвертаго изъ этихъ чужеземныхъ повелителей, *Юсуфъ*, сынъ *Якуба*, сдѣлался первымъ Министромъ и призвалъ въ Египетъ семейство отца своего, которое образовало такимъ образомъ корень Іудейскаго народа.

Прошло много времени, и различныя части Верхняго Египта освободились отъ ига чужеземцевъ; во главѣ сопротивленія были потомки Государей, которыхъ лишили престола варвары. Одинъ изъ сихъ царственныхъ потомковъ, именемъ *Амозисъ*, собралъ наконецъ столько силъ, что напалъ на чужеземцевъ въ самомъ Египтѣ Нижнемъ, гдѣ они особенно утвердились посредствомъ военныхъ крѣпостей, изъ которыхъ первою считалась *Ауара*, огромный укрѣпленный станъ, находившійся на мѣстѣ нынѣшняго *Абу-Кешейда*, со стороны *Салаіэ*.

Digitized by Google

Военные подвиги *Амозиса* освободили Египетъ отъ тиранства варваровъ. Амозисъ выгналъ ихъ изъ Мемфиса, бывшаго у нихъ столицею, и принудилъ всѣхъ ихъ запереться въ укрѣпленномъ большомъ городѣ *Аварѣ*. Началась осада этого города, но во время ея умеръ Амозисъ, и его сынъ *Аменофъ* продолжалъ осаду; онъ принудилъ чужеземцевъ къ капитуляціи, въ силу коей они очистили Египетъ; потомъ бросились они въ Сирію, гдѣ и поселились нѣкоторыя племена ихъ.

Аменофъ, первый сего имени, соединилъ такимъ образомъ весь Египетъ подъ своею властію, и возстановилъ тронъ Фараоновъ, то есть Царей поколѣнія Египетскаго. Онъ былъ начальникъ XVIII-й династіи. Все царствованіе его, такъ-же какъ и царствованія трехъ первыхъ его наслѣдниковъ, *Тутмозиса I-го*, *Тутмозиса II-го* и *Мериса-Тутмозиса III-го*, были посвящены возстановленію въ Египтѣ правленія твердаго, правильнаго, и возвышенію народа, подавленнаго множествомъ лѣтъ чужеземнаго рабства.

Варвары истребили все, слѣдовательно все надобно было возстановлять. Упомянутые нами великіе Государи не пощадили ничего, для извлеченія Египта изъ упадка: порядокъ былъ

Digitized by Google

возстановленъ во всемъ Государствѣ; снова прокопали каналы, начали ободрять, покровительствовать земледѣліе и Искуства, а они возвратили изобиліе и благосостояніе подданнымъ, отъ чего утвердилось и упрочилось богатство Правительства. Вскорѣ были снова выстроены города; зданія, посвященныя религіи, возникли повсюду, и многіе памятники, которымъ еще и нынѣ удивляются на берегахъ Нила, принадлежатъ къ этой занимательной эпохѣ возстановленія Египта мудростію его Государей. Изъ числа такихъ памятниковъ именуемъ памятники *Семне* и *Амады*, въ Нубіи, и многіе въ *Карнакѣ* и *Мединетъ-Габу*; это прекрасныя постройки Туѳмозиса I-го или Туѳмозиса III-го, называемаго также *Мерисомъ*.

Этотъ Государь поставилъ два обелиска Александрійскіе; онъ, изъ всѣхъ Фараоновъ, совершилъ самыя великія дѣла. Ему обязанъ Египетъ существованіемъ огромнаго озера въ Файумѣ. Послѣ множества безмѣрныхъ работъ, произведенныхъ по его волѣ, посредствомъ каналовъ и шлюзовъ это озеро сдѣлалось водохранилищемъ, которое поддерживало, во всей низовой странѣ, постоянное равновѣсіе при наводненіяхъ Нила, недостаточныхъ или слишкомъ сильныхъ. Озеро это называлось прежде *Мериловымъ*, а нынѣ именуется *Биркетъ-Карунъ*.

Digitized by Google

Наименованные нами Государи, и нѣкоторые изъ ихъ преемниковъ, кажется, сохраняли во всей обширности Царскую власть, исторгнутую ими у начальниковъ варваровъ; но они употребляли ее только для блага Государства; они, посредствомъ ея, старались исправить и возстановить общество, испорченное рабствомъ, и снова утвердить Египетъ въ первомъ разрядѣ политическомъ, который принадлежалъ ему среди окрестныхъ народовъ.

Азійскіе народы, хотя весьма не многіе, уже достигли въ это время нѣкоторой степени гражданственности, и силы ихъ могли угрожать спокойствію Египта. *Мерисъ* и преемники его часто брались за оружіе и воевали въ Азіи и въ Африкѣ, какъ для утвержденія Египетской власти, такъ для опустошенія и ослабленія чуждыхъ Государствъ, и обезпеченія чрезъ то безопасности Египетскаго народа.

Между этими завоевателями должно считать *Аменофа II-го*, сына Мерисова, обложившаго данью Сирію и древнее Вавилонское царство; *Тутмозиса IV-го*, завоевавшаго *Абиссинію* и *Сеннааръ*; наконецъ *Аменофа III-го*, который докончилъ завоеваніе Абиссиніи, и совершилъ великіе походы въ Азію. Отъ него еще остаются памятники. Онъ, напримѣръ, построилъ

Digitized by Google

дворецъ въ *Солебѣ*, въ Верхней Нубіи, великолѣпный дворецъ въ *Луксорѣ*, и всю южную часть огромнаго дворца Карнакскаго въ Ѳивахъ; два огромные колосса въ Курна суть статуи, изображающія сего знаменитаго Государя.

Сынъ его *Горусъ* наказалъ возмутившихся Абиссинцевъ и продолжилъ труды своего отца; но двое дѣтей его, наслѣдовавшихъ ему, не имѣли ни твердости, ни мужества предковъ; въ немного лѣтъ они потеряли вліяніе, которымъ пользовался Египетъ надъ сосѣдними странами. Но Царь *Менефта, I-й* возстановилъ славу Государства и внесъ побѣдоносное оружіе свое въ Сирію, въ Вавилонъ и даже въ сѣверную часть Персіи.

Послѣ его смерти, покоренные народы опять взбунтовались; *Рамсесъ Великій*, сынъ его и наслѣдникъ, подъялъ оружіе, утвердилъ всѣ завоеванія своего отца, и простеръ ихъ до Индіи. Онъ истощилъ побѣжденныя Государства и обогатилъ Египетъ несмѣтными поборами съ Африки и Азіи.

Сей знаменитый завоеватель, извѣстный также въ Исторіи подъ именемъ *Сезостриса*, былъ самый храбрый воитель и наилучшій Государь. Онъ употреблялъ всѣ богатства, отня-

Digitized by Google

тыя у покоренныхъ народовъ, и налоги, которые получалъ отъ нихъ, на огромныя работы, предпринятыя для общественнаго блага; онъ основалъ новые города, старался возвысить почву нѣкоторыхъ, окружилъ многіе другіе большими окопами, дабы предохранить ихъ отъ наводненій рѣки; выкопалъ новые каналы; ему также приписываютъ первую мысль о соединительномъ каналѣ между Ниломъ и Чернымъ моремъ. Онъ покрылъ Египетъ великолѣпными постройками, изъ которыхъ весьма многія существуютъ донынѣ: это памятники *Ибсамбула*, *Дерри*, *Гирше-Ганана*, и *Уади-Эссебуа* въ Нубіи; памятники *Курна*, *Эль-Медине* въ Египтѣ, подлѣ Курны, и часть дворца *Луксорскаго*; наконецъ, огромная зала дворца Карнакскаго, съ колоннами, начатая отцомъ его. Сей послѣдній памятникъ есть великолѣпнѣйшее зданіе изъ всѣхъ, воздвигнутыхъ руками человѣческими.

Но Сезострисъ не только украшалъ Египетъ великолѣпными зданіями: онъ хотѣлъ обезпечить благосостояніе его обитателей и обнародовалъ новые законы; важнѣйшій изъ нихъ былъ тотъ, который давалъ всѣмъ званіямъ подданныхъ его право собственности, во всей обширности. Такимъ образомъ онъ ограничилъ свою безусловную власть, кото-

Digitized by Google

рую предки его сохраняли послѣ изгнанія варваровъ. Это благодѣяніе сдѣлало безсмертнымъ его имя, предъ коимъ благоговѣли до тѣхъ поръ, пока въ Египтѣ оставался хотя одинъ человѣкъ, знавшій Древнюю Исторію своей страны. Въ царствованіе Рамсеза Великаго, или *Сезостриса*, Египетъ достигнулъ высшаго политическаго могущества и внутренняго благосостоянія.

Фараонъ считалъ тогда въ числѣ странъ, подвластныхъ ему или платившихъ дань: 1-е, Египетъ; 2-е, всю Нубію; 3-е, Абиссинію; 4-е, Сеннаарь; 5-е, множество странъ на югѣ Африки; 6-е, земли всѣхъ бродящихъ племенъ въ пустыняхъ, на востокъ и западъ отъ Нила; 7-е, Сирію; 8-е, *Аравію*, въ которой древнѣйшіе Цари имѣли разныя учрежденія, между прочимъ, подлѣ долины Фараоновъ, и въ мѣстахъ, называемыхъ нынѣ Джебель-Эль-Мокаттебъ, Эль-Магара, Сабуѳъ-Эль-Кадимъ, гдѣ, кажется, существовали мѣдно-литейные заводы; 9-е, Царство Вавилонское и Ниневійское (Муссулъ); 10-е, большую часть Анатоліи или Малой Азіи; 11-е, *Островъ Кипръ* и многіе острова Архипелага; 12-е, многія Государства, занимавшія земли нынѣшней Персіи.

Тогда существовали постоянныя и правильныя сообщенія между Египтомъ и Индіею. Тор-

Digitized by Google

говля между сими двумя Государствами была чрезвычайно дѣятельна. Ежедневно открываемыя нынѣ въ гробницахъ Ѳивскихъ шкани Индійскаго издѣлія, вещи изъ Индійскаго дерева и крѣпкіе тесаные камни, конечно получавшіеся изъ Индіи, не оставляютъ никакого сомнѣнія о торговлѣ древняго Египта съ Индіею, въ такое время, когда всѣ Европейскіе народы и большая часть Азіятскихъ были еще совершенно варварскими. Впрочемъ, и невозможно изъяснить числа и великолѣпія древнихъ Египетскихъ памятниковъ, не видя въ цвѣтущемъ состояніи сей древней торговли главнаго источника несмѣтныхъ богатствъ, истраченныхъ для нихъ. И дѣйствительно, доказано ясно, что Мемфисъ и Ѳивы были первымъ средоточіемъ торговли, прежде нежели *Вавилонъ*, *Тиръ*, *Сидонъ*, *Александрія*, *Тадмуръ* (Пальмира) и *Багдадъ*, всѣ сосѣдственные Египту города, наслѣдовали отъ него постепенно это прекрасное и важное преимущество.

Касательно внутренняго состоянія Египта въ сію великую эпоху, все доказываетъ, что благоустройство, Науки и Искусства сдѣлали тамъ великіе успѣхи.

Государство было раздѣлено на тридцать шесть областей или губерній, управлявшихся

Digitized by Google

различными въ степеняхъ чиновниками, по указаніямъ полнаго Уложенія Законовъ.

Народонаселеніе простиралось вообще до 5-ти милльоновъ по крайней, и до 7 милльоновъ по большей мѣрѣ. Часть этого народонаселенія, посвящавшая себя особенно изученію Наукъ и успѣхамъ Искусствъ, была сверхъ того обязана исправлять обряды богослуженія, заниматься правосудіемъ, утвержденіемъ и сборомъ налоговъ, неизмѣнно опредѣленныхъ сообразно природѣ и объему каждой части собственности, напередъ исчисленной, и всѣми отраслями гражданскаго управленія. Это была ученая, образованная часть народа: ее называли *Духовною Кастою.* Члены Царскаго семейства исполняли главныя должности сей Касты, или управляли оными.

Другая часть народонаселенія Египетскаго была исключительно предназначена для надзора за внутреннимъ спокойствіемъ и для внѣшней защиты Государства. Въ ея-то многочисленныхъ семействахъ, обезпеченныхъ, содержимыхъ на счетъ Государства, и составлявшихъ *Военную Касту*, производились наборы солдатъ: изъ нихъ всегда была готова Египетская армія во 180,000 человѣкъ. Первый, но самый малый изъ отдѣловъ этой арміи, былъ обу-

Digitized by Google

чаемъ для сраженій на колесницахъ, запряженныхъ въ двѣ лошади: это была тогдашняя *кавалерія* (настоящей кавалеріи совсѣмъ не было въ Египтѣ); изъ остальныхъ были составлены корпусы различной пѣхоты, а именно: солдаты линейные, въ кирасахъ, со щитомъ, съ копьемъ и мечемъ, войска легкія, стрѣлки, пращники, и отряды, вооруженные топорами или косами. Войска были обучаемы правильнымъ манёврамъ, ходили и двигались линіями, полегіонно и по-ротно. Эволюціи были исполняемы по звуку барабана или трубы.

Царь обыкновенно ввѣрялъ начальствованіе различными корпусами Принцамъ своего семейства.

Третью часть народонаселенія составляла *Каста Земледѣльческая*. Члены ея исключительно заботились о воздѣлываніи земель, которыя находились у нихъ или во владѣніи или по найму. Произведенія земли были ихъ собственностью, и только часть изъ оныхъ предназначалась для *Царя*, и для Кастъ *Духовной* и *Военной*: это составляло главный и самый вѣрный доходъ Государства.

По извѣстіямъ древнихъ Историковъ, годовой доходъ Фараоновъ, включая въ него и дани, платимыя чужеземными народами, можно

Digitized by Google

почесть, по малой мѣрѣ, въ 6 или 700 милльоновъ на наши деньги.

Ремесленники, работники всякаго рода и купцы, составляли четвертый отдѣлъ народа: это была *Каста Промышленная*, платившая соразмѣрный занятію каждаго налогъ, и способствовавшая такимъ образомъ, своими трудами, богатству и потребностямъ Государства.

Произведенія этой Касты вознесли Египетъ на высшую степень цвѣтущаго состоянія. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ роды промышленности существовали у древнихъ Египтянъ, и торговля ихъ съ другими народами, болѣе или менѣе образованными, и составлявшими тогдашній политическій міръ, распространилась чрезвычайно.

Египетъ производилъ тогда правильную и весьма обширную торговлю избытками разнаго рода хлѣба. Онъ извлекалъ великія прибыли отъ своего скота и своихъ лошадей. Онъ доставлялъ всюду свои льняныя и бумажныя ткани, равняющіяся по совершенству и тонкости со всѣмъ, что производитъ въ наше время промышленность Индіи и Европы самаго совершеннаго. Металлы, которыхъ совсѣмъ нѣтъ въ почвѣ Египта, но которые получалъ онъ изъ обложенныхъ данію земель, или съ выгодою

Digitized by Google

вымѣнивалъ у народовъ независимыхъ, выходили изъ мастерскихъ его подъ различными формами, превращенные въ оружія, въ инструменты, въ разныя вещи или предметы роскоши и наряды, которые съ жадностію покупали сосѣдніе народы. Изъ Египта вывозились каждый годъ: значительное количество глиняныхъ вещей всякаго рода, и безчисленныя произведенія изъ стекла и эмали, доведенныя когда у Египтянъ до высочайшей степени совершенства. Наконецъ, онъ снабжалъ сосѣдніе народы *папирусомъ* или бумагою, составленною изъ внутреннихъ мягкихъ частей растенія, истребившагося въ Египтѣ нѣсколько столѣтій назадъ. Древніе Арабы называли его *бердъ*; оно росло преимущественно въ болотистой землѣ, и обрабатываніе его было источникомъ богатства для обитавшихъ на берегахъ древнихъ озеръ Бурлоса и Мензале или Тенниса.

У Египтянъ не было монетной системы, подобной нашей. Для мѣлкой внутренней торговли у нихъ была монета условная; но въ значительныхъ сдѣлкахъ платили *кольцами изъ чистаго золота*, извѣстнаго вѣса и діаметра, или кольцами серебряными, также утвержденнаго названія и вѣса.

Digitized by Google

Касательно мореходства въ сію древнюю эпоху, у насъ еще нѣтъ многихъ, существенныхъ свѣдѣній. Въ Египтѣ были *военныя морскія суда*, или большія галеры, ходившія въ одно и тоже время на веслахъ и на парусахъ. Можно предполагать, что мореходство купеческое было довольно обширно, хотя почти достовѣрно извѣстно, что торговля и отдаленныя плаванія производились особенными, въ качествѣ маклеровъ, людьми подвластнаго Египту народа, у котораго главные города были: *Сиръ*, *Саидъ*, *Бейрутъ* и *Акръ*.

Внутреннее благосостояніе Египта было основано на великомъ распространеніи его земледѣлія и промышленности. Безпрерывно открываютъ въ гробницахъ Ѳивъ и Саккара вещи, сдѣланныя въ совершенствѣ, и показывающія, что народъ Египетскій зналъ всѣ удобства жизни и наслажденія роскоши. Изъ всѣхъ народовъ, древнихъ и новыхъ, ни одинъ не возвелъ далѣе древнихъ Египтянъ величія и пышности зданій, вкуса и изысканности въ мебеляхъ, въ домашнихъ вещахъ, въ нарядѣ и украшеніяхъ.

Таковъ былъ Египетъ во время величайшаго своего, извѣстнаго намъ блеска. Цвѣтущее состояніе его началось съ послѣднихъ Царей

Digitized by Google

XVIII-й династіи, къ которой принадлежитъ Рамсесъ Великій или *Сезострисъ*. Мудрыя и многочисленныя учрежденія этого Государя, страшнаго врагамъ, кроткаго и милостиваго къ подданнымъ, упрочили благосостояніе Египта.

Преемники его въ мирѣ наслаждались плодами его трудовъ, и сохранили большую часть его завоеваній, которыя еще болѣе распространилъ четвертый изъ нихъ, *Рамсесъ-Меіамунъ*, Государь воинственный и честолюбивый. Все царствованіе его было сцѣпленіемъ счастливыхъ предпріятій, противъ самыхъ могущественныхъ народовъ Азіи. Этотъ Государь построилъ прекраснѣйшій дворецъ *Медине-Габу* (въ Ѳивахъ), гдѣ на стѣнахъ еще и нынѣ видны, изсѣченныя и написанныя, изображенія всѣхъ походовъ сего Фараона въ Азію, битвъ его на землѣ и на морѣ, осадъ и взятія многихъ городовъ, наконецъ обрядовъ торжества, съ какими возвращался онъ изъ отдаленныхъ походовъ. Этотъ завоеватель, кажется, усовершенствовалъ военную морскую силу своего времени.

При Фараонахъ, царствовавшихъ послѣ него, Египетъ долго наслаждался миромъ. Въ сію эпоху глубокаго спокойствія, Египетъ забылъ

Digitized by Google

военный и завоевательный духъ, оживлявшій его при династіяхъ предшествовавшихъ, и естественно долженъ былъ усовершенствовать свое внутреннее управленіе, придать новые успѣхи своей промышленности, своимъ искусствамъ; но внѣшнее господствованіе его уменьшалось съ каждымъ столѣтіемъ, потому что успѣхи гражданственности явились во многихъ странахъ, отъ самой связи ихъ съ Египтомъ, между тѣмъ какъ онъ могъ удерживать ихъ въ зависимости своей только увеличиваніемъ военныхъ силъ, безмѣрныхъ и несообразныхъ съ его средствами.

Въ самомъ дѣлѣ, новый политическій міръ образовался вокругъ Египта: народы Персіи, соединенные въ одно тѣло народное, уже грозили великимъ соединеннымъ Государствамъ Ниневіи и Вавилона, а сіи послѣднія старались отнять у Египта важныя отрасли торговли, оспоривали у него обладаніе Сиріею, и употребляли народы и племена Арабскіе для обезпокоиванія границъ прежняго своего владыки. При этомъ столкновеніи, Финикіяне, естественные маклера въ торговлѣ двухъ соперничествующихъ державъ, переходили отъ одной стороны къ другой, сообразно выгодамъ времени, потому что борьба была про-

Digitized by Google

должительна и упорна: дѣло шло о торговомъ существованіи одной изъ двухъ могущественныхъ Имперій.

Походы Фараона *Шешонка* I-го и сына его *Озоркона* I-го, прошедшихъ Западную Азію, поддержали на нѣсколько времени первенство Египта. Онъ долго могъ-бы наслаждаться плодами сихъ побѣдъ, если-бы вторженіе *Еѳіоповъ* (или Абиссинцевъ), не обратило всего вниманія его къ странамъ южнымъ. Но усилія были тщетны. *Сабаконъ*, Царь Еѳіопскій, овладѣлъ Нубіею и прошелъ послѣдній водопадъ Нила съ арміею, увеличенною всѣми варварскими народами Африки. Египетъ палъ, послѣ борьбы, въ которой погибъ Фараонъ *Бокъ-Горъ*.

Властвованіе Еѳіопскаго завоевателя было кротко и человѣколюбиво. Онъ возстановилъ ходъ правосудія, прерванный безпорядками вторженія. Второй преемникъ его, также Еѳіопъ, внесъ оружіе въ Азію и совершилъ продолжительный походъ въ сѣверъ Африки. Исторія говоритъ, что онъ покорилъ всѣ племена, до самаго Гибралтарскаго пролива. Царь, именемъ *Тагарака*, выстроилъ одинъ изъ небольшихъ дворцовъ *Мединетъ-Габу*, существующій донынѣ. Но вскорѣ послѣ него, Еѳіопская династія была изгнана изъ Египта, и одна Египетская

Digitized by Google

фамилія заняла тронъ Фараоновъ; это была XXVI-я династія, называвшаяся *Саитъ*, потому что начальникъ ея, Стефинѳи, былъ урожденецъ города *Сан* (нынѣ *Са-эль-Гагаръ*), въ Нижнемъ Египтѣ.

Утвердившись, эта династія хотѣла воскресить вліяніе отчизны надъ сосѣдними Азіятскими Государствами, и такимъ образомъ возобладать первенствомъ торговли. Царь *Псамметикъ* I-й открылъ чужеземнымъ купцамъ немногія гавани, которыя даровала природа Египту, и въ числѣ коихъ уже была *Александрійская*, гдѣ на мѣстѣ нынѣшняго города стояла деревушка *Ракоти*.

Этотъ Фараонъ особенно вошелъ въ связи съ Іонійцами и Карійцами, Греческими народами, поселившимися въ Азіи. Онъ позволилъ не только селиться въ Египтѣ купцамъ сихъ народовъ, но и сдѣлалъ еще великую ошибку, уступивъ имъ земли, и взявъ на свое содержаніе значительный корпусъ войскъ Іонійскихъ и Карійскихъ. Египетскіе солдаты, какъ члены *Военной Касты*, одни имѣли преимущество сражаться за Египетъ; они оскорбились, что Царь ввѣряетъ защиту Государства чужеземцамъ, варварамъ, еще далеко отставшимъ отъ Египетской образованности. Кромѣ этого,

Digitized by Google

Псамметикъ былъ такъ неблагоразуменъ, что отдалъ Грекамъ первыя мѣста въ арміи. Воины Египетскіе были раздражены въ высочайшей степени. Составивъ обширный заговоръ, къ которому присоединились почти всѣ члены Военной Касты, Египетскіе солдаты, въ числѣ болѣе 100,000, вдругъ оставили тѣ мѣста, куда услалъ ихъ Царь, покинули отечество, и, перешедъ водопады Нила, поселились въ Еѳіопіи, гдѣ основали они особое Государство.

Такимъ образомъ лишенный вдругъ почти всѣхъ естественныхъ своихъ защитниковъ, Египетъ быстро приблизился къ паденію, и гибель его политической независимости сдѣлалась неизбѣжна.

Цари Вавилонскіе знали неизлечимую язву Египта, своего соперника, и удвоили усилія. Сирія сдѣлалась безсмѣннымъ театромъ кровавыхъ столкновеній двухъ народовъ. Неко II-й, сынъ *Псамметика* I-го, сначала отбросилъ Вавилонянъ или Ассиріянъ въ ихъ естественныя границы, и послѣ этого старался открыть новые пути торговлѣ, приложивъ всѣ попеченія о морской силѣ. Флотъ, вышедшій изъ Чермнаго моря, обозрѣлъ и изслѣдовалъ всю окружность Африки, обогнулъ самый южный мысъ

Digitized by Google

ея, и отправившись къ сѣверу, вошелъ въ Гибралтарскій проливъ и возвратился такимъ образомъ въ Египетъ черезъ Средиземное море. При этомъ Государѣ также совершены великія работы для соединительнаго канала между Ниломъ и Чермнымъ моремъ. Конецъ его царствованія былъ несчастенъ: Вавилонскій Царь *Небюкадъ-Незаръ* разбилъ Египетскія арміи и выгналъ ихъ изъ Финикіи, Іудеи и всей Сиріи.

Псамметикъ II-й, сынъ Псамметика I-го, тщетно старался возвратить себѣ области, отторгнутыя отъ Египетской Имперіи; преемникъ его, Уафре, былъ счастливѣе: онъ возобладалъ снова народами *Сура* и *Саида* и островомъ *Кипромъ*, но сила его разрушилась во время похода противъ города *Кирены* (Гренаха). Этотъ несчастный походъ довершилъ разстройство всего, что еще оставалось отъ военной Египетской касты: ненависть ея противъ Фараона *Уафре*, который не смотря на ужасный урокъ, данный его дѣду Псамметику I-му, окружалъ себя войсками Іонійскими или Греческими, разразилась внезапно, и солдаты Египетскіе взбунтовались, возложили корону на главу одного придворнаго, именемъ *Амазиса*, и пошли противъ *Уафре*. Сей послѣдній былъ побѣжденъ и совершенно раз-

Digitized by Google

бипъ при *Маріувѣ*, гдѣ сражался онъ, предводительсшвуя своими чужеземными войсками.

Амазисъ царсшвовалъ сорокъ два года. Царсшвованіе его было счасшливо и мирно; шорговля чрезвычайно оживилась и богашсшва шекли въ Египешъ, не пошому чшобы онъ былъ силенъ самъ собою, или опяшь завоевалъ оружіемъ свое внѣшнее вліяніе, но пошому что въ это время Цари Вавилонскіе пересшали угрожашь Египшу, сопрошивляясь народамъ Персіи, соединившимся подъ единовласшіемъ *Кира*, кошорый бысшро напалъ на Ассирію и посшепенно завоевалъ ее. Это завоеваніе окончилось взяшіемъ и покореніемъ Вавилона.

Амазисъ уже предвидѣлъ близкій конецъ Египешской Монархіи. Послѣдняя междоусобная война ослабила все то, что осшавалось еще ошъ народнаго войска, почши совершенно разсшроеннаго худою полишикою предшесшвенниковъ Амазиса. Онъ не могъ полагашься на вѣрносшь Греческихъ войскъ, кошорыя удерживалъ на жалованьѣ; однако лично для самого себя онъ былъ счасшливъ, и умеръ послѣ царсшвованія благополучнаго, именно въ то время, когда Персидскія арміи двигались для нападенія на Египешъ.

Digitized by Google

Едва взошедши на пронъ послѣ своего отца, *Псамметикъ III-й*, именуемый также *Псаменисомъ*, долженъ былъ бѣжать въ *Пелузу* (Θинехъ или Фарама), самую надежную изъ крѣпостей Египетскихъ къ сторонѣ Сиріи. Тамъ собралъ онъ всѣ остатки военной Египетской касты и бывшія у него на жалованьѣ чужеземныя войска. Персы, подъ предводительствомъ Царя своего *Камбиза*, сына Кирова, при пособіи Арабовъ прошли безпрепятственно пустыню, отдѣляющую Сирію отъ Египта, и безчисленное войско ихъ выстроилось передъ Египтянами, стоявшими передъ стѣнами Пелузы.

Битва была продолжительна и ужасна; при концѣ дня Египтяне поколебались, задавленные многочисленностью; Камбизъ побѣдилъ, и народная независимость Египта погибла навсегда.

Персы продолжали свои успѣхи. Они приступомъ взяли *Мемфисъ*, и столица сія отдана была на разграбленіе; Персидскій народъ, еще варварскій, повсюду распространилъ опустошеніе и смерть. *Θивы* были разграблены и прекраснѣйшіе памятники ихъ низвергнуты или истреблены; народъ, согбенный подъ тиранскимъ игомъ, былъ преданъ произволу Сатраповъ или Правителей, поставленныхъ надъ

Digitized by Google

нимъ Персидскими Царями. Искусства и Науки почти совершенно исчезли въ этой землѣ, породившей ихъ.

Нѣкоторые Египетскіе начальники, одушевляемые храбростію, освободили на малое время отечество свое отъ рабства; но великодушныя усилія ихъ вскорѣ истощились пропивъ безпрерывно возрастающаго могущества Персидской Имперіи.

Наконецъ Александръ (Искендеръ), предводительствуя Греческимъ войскомъ, низвергнулъ властвованіе Персовъ въ Азіи, и Египетъ отдохнулъ подъ властію новаго повелителя. Послѣ смерти этого великаго человѣка, основавшаго городъ *Александрію*, потому что географическое положеніе ея, казалось, предназначено было сдѣлаться средоточіемъ всемірной торговли, Греческіе военачальники раздѣлили между собою завоеванія его. Одинъ изъ нихъ, *Птолемей*, объявилъ себя Египетскимъ Царемъ и былъ основателемъ *Греческой династіи*, управлявшей Египтомъ около трехъ столѣтій.

При этихъ Царяхъ, которые всѣ назывались однимъ именемъ *Птолемея*, городъ Александрія оправдалъ предвѣщаніе Александра. Городъ сей сдѣлался складочнымъ мѣстомъ для торговли всей Африки и Азіи съ Европою, гдѣ уже

Digitized by Google

было довольно много народовъ образованныхъ. Но безчинства и ширанство послѣднихъ Греческихъ Царей предуготовили паденіе ихъ власти.

Фамилія Птолемеевъ была низвергнута *Цезаремъ-Августомъ*, Римскимъ Императоромъ, и Египетъ, навсегда потерявъ даже имя народное, сдѣлался областью Римской Имперіи и былъ управляемъ Префектомъ.

Съ этого времени онъ раздѣлялъ счастіе и несчастія Имперіи, отъ которой зависѣлъ, доколѣ Мусульманскіе Арабы не завоевали его во имя Халифа *Омара*, подъ предводительствомъ военачальника *Амру-Эбнъ-Эль-Аса*.

Digitized by Google

ВЕЧЕРА У Г-жи СТАЛЬ,

ИЛИ

Парижскія собранія 1789 и 1790 гг. (*).

Я былъ еще очень молодъ, когда появилось мое *первое* произведеніе на театральной сценѣ — опера: *Петръ Великій*. Въ ней изобразилъ я сего славнаго Русскаго Царя, какъ онъ, въ одеждѣ простаго работника, скрывъ свое знаменитое имя и великое званіе, строитъ собственными своими руками корабль — первый,

(*) Статья Бульи, извѣстнаго сочинителя Дѣтскихъ сказокъ и повѣстей. Читая ее, какъ будто слушаете разсказъ стараго *любезнаго* Француза о томъ, что бывало съ нимъ въ старые годы. *Изд. Телеграфа.*

Digitized by Google

отъ котораго начался многочисленный флотъ его (*).

Гретри взялся написать музыку на мою оперу, и, благодаря счастливому товариществу сего великаго композитёра, публика приняла небольшой трудъ мой съ такимъ восторгомъ, что это превзошло всѣ мои ожиданія. Въ концѣ пьесы, простой корабельный мастеръ является *Русскимъ Императоромъ*, и возбуждаетъ удивленіе всѣхъ, кто его окружаетъ; но указывая на Лефорта, своего друга и Министра, участвовавшаго во всѣхъ его трудахъ и предпріятіяхъ, онъ говоритъ, что напрасно будетъ Государь, какой-бы то ни былъ, стараться сдѣлать свой народъ просвѣщеннымъ и счастливымъ, если нѣтъ у него мудраго помощника, друга, который-бы помогалъ ему въ трудахъ его и говорилъ правду. Въ сихъ словахъ публика видѣла разительный намекъ на Министра

(*) Карамзинъ находился тогда въ Парижѣ, видѣлъ эту оперу, и писалъ о ней потомъ въ *Письмахъ Русскаго Путешественника*. Кто изъ насъ не помнитъ этого описанія, и переведенной Карамзинымъ пѣсни изъ оперы Бульи: *Жилъ былъ въ свѣтѣ добрый Царь? — Переводч.*

Digitized by Google

Неккера, столь драгоцѣннаго въ то время Французскому народу. Зрители съ восторгомъ подхватили этотъ намекъ; взоры всѣхъ обратились къ ложѣ Министра, гдѣ находился онъ со всѣмъ своимъ семействомъ. Г-жа Сталь не могла скрыть своей дочерней радости, и радость ея была такъ велика, что долгомъ почла она, на другой-же день, ѣхать благодарить Гретри за торжественную и столь трогательную признательность, къ которой онъ далъ поводъ публикѣ. Г-жа Сталь просила у него адреса къ молодому его товарищу, *Сочинителю Оперы*, и въ тотъ-же день посѣтилъ меня Шведскій Посланникъ, мужъ Г-жи Сталь. Отъ имени Неккера и его семейства, онъ пригласилъ меня на большой обѣдъ, въ слѣдующій четвергъ, къ Генералъ-Контролеру, куда созвано было все избранное изъ современныхъ литтераторовъ.

Такимъ образомъ явился я въ назначенный день въ домъ Министра Неккера, вмѣстѣ съ Гретри, сдѣлавшимся моею покровительною эгидою. Насъ приняли особенно ласково. Представляясь Неккеру, я былъ пораженъ веселостію, какая видна была на его открытомъ, выразительномъ лицѣ; мнѣ казалось, что съ первыхъ словъ, которыя услышалъ я отъ него, въ немъ видѣнъ былъ великій государствен-

Digitized by Google

ный человѣкъ, другъ народа и твердый хранитель законныхъ правъ его. Доброта и снисходительность видны были въ каждомъ движеніи супруги его, Г-жи Неккеръ. Она внушала невольное къ себѣ уваженіе, и казалась мнѣ вполнѣ достойною почтеннаго прозванія, которое давалъ ей народъ: *благотворительница бѣдныхъ* (hospitalière des mansardes). Она произвела на меня впечатлѣніе оживленной Христіанской добродѣтели, ниспосланной на землю для того, чтобы показать другимъ женщинамъ совершенный примѣръ кротости, терпѣнія и милосердія.

Что касается до Г-жи Сталь, она изумила, ослѣпила меня съ перваго взгляда. Горящее выраженіе глазъ ея заставляло каждаго испытывать одно изъ тѣхъ неожиданныхъ потрясеній, противъ которыхъ не льзя приготовиться къ оборонѣ, потому, что они проникаютъ въ сердце, прежде нежели мы имѣемъ время размыслить о нихъ. Вообще однакожь, видъ этой женщины, уже и тогда столь извѣстной своимъ умомъ, представлялъ что-то мужественное, рѣзкое, противоположное любезности ея пола. Несовсѣмъ чистое лицо, и сухія губы, показывали упорную работу Г-жи Сталь за письменнымъ столомъ, и ночи посвящаемыя ученію. Ея движенія были не безъ пріятности,

Digitized by Google

но вообще казались слишкомъ повелительны и своенравны. Звонкій голосъ и скорое произношеніе дѣлали разговоръ Г-жи Сталь похожимъ на безпрерывную молнію. Скрытное, но безпрестанное влеченіе къ умственнымъ занятіямъ нерѣдко вводило ее при разговорѣ съ другими въ разсѣянность, которую спѣшила она потомъ поправить яркимъ свѣтомъ ума, или ослѣпительнымъ остроуміемъ. Словомъ: первый взглядъ на Г-жу Сталь совсѣмъ не показывалъ въ ней ничего ни обольстительнаго, ни величественнаго. Но если вы начинали слушать ее, и слушали нѣсколько времени, если вы вдавались съ нею въ общій разговоръ, разсужденіе о Литературѣ, или политикѣ, какими оживляется общество, она рѣшительно восхищала, увлекала васъ. Каждое слово, выходившее изъ ея выразительныхъ устъ, очаровывало умъ, поражало воображеніе; при каждомъ словѣ, не смотря на прелесть любезности, дополнявшей очарованіе ума, не льзя было не признать ея превосходства; и въ этомъ столь-же откровенно признавались, сколь легко все это переносили. Видя Г-жу Сталь, я рѣшительно ощущалъ то впечатлѣніе, какое долженъ производить творящій геній, принявшій на себя формы женщины не красивой и безъ всякихъ требованій, и принявшій единственно для того, чтобы не со-

Digitized by Google

вершенно унижать гордость мужчинъ, которые пожелаютъ вступить съ нимъ въ равноборство на поприщѣ ума.

Впрочемъ, меня уже не удивляли вѣрность идей, ловкость разговора, и особенно тонкость обращенія и глубокость взгляда Г-жи Сталь, когда я осмотрѣлся кругомъ и разглядѣлъ всѣхъ людей, какими окружена была эта новая Муза своего вѣка. Тутъ увидѣлъ я *Лагарпа*, съ его завистливымъ взглядомъ, его странною фигурою, и насмѣшливымъ выраженіемъ лица, показывавшимъ писателя увлекаемаго страстями и пристрастіемъ, неумолимаго разрушителя всякой новой извѣстности. Тутъ былъ *Аббатъ Морелье*, называвшійся Ѳеологомъ Энциклопедистовъ, забывавшій о своемъ монашескомъ воротничкѣ, для того, чтобы писать веселыя пѣсни и говорить дамамъ милый вздоръ. *Мармонтель* старался шутъ пріятными разсказами одушевить холодное однообразіе своихъ дарованій. *Аббатъ Сіейсъ*, съ орлинымъ взоромъ своимъ, вздернутыми губами, и широкимъ лбомъ, вмѣстилищемъ великихъ идей, казалось составлялъ здѣсь свой *Опытъ о началахъ*, цѣлуя руку Г-жи Сталь, любимой своей ученицы. Далѣе, *Буффлеръ*, съ самымъ обыкновеннымъ, но открытымъ и смѣющимся лицомъ, возбуждалъ хохотъ каждымъ словомъ, каждою

Digitized by Google

своею шуткою, хотя иногда не совсѣмъ удачною, и, возбуждая общую веселость, казалось упрекалъ своего сосѣда, *Шевалье Парни*, за его излишнюю робость и добродушное незнаніе своихъ собственныхъ достоинствъ. Подлѣ нихъ, *Ривароль* и *Шампсене* придумывали, сидя въ углу, какую нибудь новую злую насмѣшку въ свой *Маленькій словарь великихъ людей*, радуясь, что умѣютъ смѣло и безстыдно осмѣивать въ немъ тѣхъ самыхъ людей, у которыхъ они пожимали руку, ѣли, пили за обѣдомъ и занимали деньги: блестящіе фокусники, выигрывавшіе вездѣ, гдѣ только ни являлись, ненасытные блюдолизы, хозяева въ каждомъ чужомъ домѣ, куда ихъ допускали, модные эгоисты, настоящіе придворные негодяи, нравственность которыхъ удачно выразилъ одинъ изъ нихъ двумя своими стихами:

Quel bien est solide aujourdh'ui ?
Le plus sûr est celui qu'on mange (*).

Блестящая говорливость Риваролля, колкія и яркія насмѣшки, какія отпускалъ онъ насчетъ званій, называвшихся тогда Среднимъ

(*) Какое благо прочно нынѣ ?
Лишь то, что выпьемъ и съѣдимъ !

Digitized by Google

сословіемъ (le tiers-état), заставили меня почесть его однимъ изъ родовыхъ монополистовъ, вооружавшихся противъ новыхъ идей, кипѣвшихъ въ это время во Франціи. Относясь къ какому-то незнакомцу, благородный и важный видъ котораго предупреждалъ меня въ его пользу, я спросилъ: «Кто такой былъ этотъ знатный господинъ, поддерживающій свою партію и свои преимущества столь горячо и зло?» — Онъ знатный господинъ? — въ полголоса отвѣчалъ мнѣ незнакомецъ, не могши удержаться отъ усмѣшки.—Это сынъ бѣднаго Лангедокскаго трактирщика. Нѣсколько времени ходилъ онъ въ поповской рясѣ, и потомъ успѣлъ, право не знаю какъ, украсить шляпу свою бѣлыми перьями. Это сплетникъ по ремеслу; онъ вездѣ втѣснится, вездѣ проползетъ, вездѣ пройдетъ за свое безстыдство, и всегда умѣетъ сдѣлаться необходимостью для каждаго значительнаго человѣка. Словомъ: это Риваролъ! — «Послѣ сего» — сказалъ я — «не дивлюсь бѣглому огню его разговоровъ. Мнѣ кажется, въ немъ видишь человѣка, который пилитъ алмазъ, и бросаетъ пыль его въ глаза другимъ, чтобы они ничего не могли разглядѣть въ немъ самомъ.»

Я удалился отъ Риваролевскаго, шумнаго, блестящаго сборища, и приблизился къ другой

Digitized by Google

сторонѣ залы, гдѣ видѣлъ людей, болѣе доступныхъ моей душѣ и болѣе свойственныхъ моему нраву. Тутъ былъ *Аббатъ Делиль*, находившійся тогда, на верху своей славы; нѣсколько разъ встрѣчался я съ нимъ у Гретри, подлѣ котораго теперь сидѣлъ онъ. Я спросилъ объ имени незнакомца, разговаривавшаго со мною о Риваролѣ, и узналъ, что это былъ *Кондорсе*. Принадлежа по званію своему къ партіи знатныхъ, онъ показывалъ однакожъ въ себѣ жаркаго защитника другихъ состояній, и не переставалъ явно излагать свои мнѣнія въ *Деревенскомъ листкѣ*, говоря, что за честь почитаетъ быть главнымъ редакторомъ этой простолюдинской газеты.

Стараясь дополнить число пріятныхъ для меня людей въ этомъ многочисленномъ собраніи, я увидѣлъ подлѣ окна трехъ человѣкъ; каждый изъ нихъ былъ отличенъ по своей наружности, но всѣ они говорили между собою съ дружескимъ вниманіемъ, доказывавшимъ, что находятъ себя соотвѣтственными одинъ другому и понимающими другъ друга. Первый изъ нихъ былъ *Флоріанъ*: его угловатыя, насмѣшливыя черты странно противорѣчили понятію, какое составлялъ я себѣ о миломъ сочинителѣ *Эстеллы* и *Галатеи*. Другой былъ *Дюсисъ*: торжественный видъ его, благород-

Digitized by Google

ная поступь, патріархальный тонъ разговора были совершенно согласны съ тѣмъ, что я мечталъ въ то время о трагикахъ моего времени, звуками величественныхъ лиръ своихъ глубоко проникавшихъ въ мою душу. Какое почтительное участіе возбудилъ во мнѣ Дюсисъ! Какъ завидовалъ я людямъ, удостоеннымъ его дружескаго вниманія! Какимъ непреодолимымъ стремленіемъ чувствовалъ я себя привлекаемымъ къ нему!... Наконецъ, третья особа, собесѣдникъ Дюсиса и Флоріана, былъ худощавый молодой человѣкъ, съ потупленнымъ взоромъ, робкою поступью, и все въ немъ показывало, что онъ еще недавно вступилъ въ блестящій кругъ, гдѣ находился теперь: это былъ *Колленъ д'Арлевиль.* Пьесы его: *Непостоянный, Оптимистъ, Воздушные замки*, съ успѣхомъ приняла публика, и Лагарпъ бросалъ уже на него косые взгляды, готовясь ругать его въ своемъ *Курсѣ Литтературы* — памятникѣ блестящаго безстыдства и отвратительнаго пристрастія! Смиренный и добрый Колленъ д'Арлевиль, вовсе не думавшій, что онъ уже шревожитъ желчь неумолимаго Аристарха, былъ представленъ Г-жѣ Сталь *Епископомъ Шартрскимъ*, однимъ изъ самыхъ любезныхъ Прелатовъ тогдашней Франціи, хотя онъ и отличался излишне мірскимъ обхожденіемъ. Епископъ Шартрскій разговаривалъ въ это время,

Digitized by Google

стоя подлѣ камина, съ Неккеромъ и съ Епископомъ Опюнскимъ, знаменитымъ *Маврициемъ Талейраномъ*, который и тогда предвѣщалъ уже блестящую ролю, предназначенную ему въ современной Исторіи, и заставилъ Ривароля сказать: C'est un maudit boiteux qui nous fera faire bien du chemin (этотъ прокляпый хромецъ заведетъ насъ далеко).

Г-жа Сталь благосклонно подвела меня къ Дюсису и его товарищамъ. Молодость и прогательная простота Колленъ д'Арлевиля скоро сблизили меня съ нимъ. Онъ встрѣтилъ меня съ крошкою вѣжливостію, составлявшею отличительную черту его характера, и спѣшилъ увѣрить, что между нами было братство по литературнымъ занятіямъ. Я хорошо умѣлъ измѣрять разстояніе, раздѣлявшее его дарованіе отъ моихъ слабыхъ способностей; но пожатіе руки его почелъ я предвѣщаніемъ уваженія и дружбы, какими дѣйствительно былъ удостоенъ отъ него впослѣдствіи.

Множество дамъ, высшаго званія и извѣстныхъ своими дарованіями, умножали присутствіемъ прелесть этого очаровательнаго собранія, и заставляли меня восхищаться, что я былъ принятъ въ такое отличное общество. Между дамами не трудно было мнѣ отличить

Digitized by Google

Маршальшу Бово, тетку Шевалье Буффлера, богатую анекдотами, пріятную разскащицу, и объявлявшую себя партизанкою простолюдиновъ. Я замѣтилъ и старушку *Г-жу Дюбокажъ*, прозванную *бродящимъ столѣтіемъ*, вскружившую въ молодости своей головы двумъ старымъ Кардиналамъ и Папѣ Венедикту XIV-му. Ей было уже восемьдесятъ лѣтъ, но она все еще составляла собою ушѣху многочисленнаго общества, читая свои прелестные стихи, разсказывая о своихъ пушешествіяхъ съ увлекающею живостью и колкою веселостью. О ней сказалъ мой старинный другъ, Демушье:

On est vieux à vingt ans, si l'on cesse de plaire;
Et qui plaît à cent ans, meurt sans avoir vieilli (*).

Подлѣ «бродящаго столѣтія,» которое наперерывъ искали во всѣхъ лучшихъ обществахъ, была другая ученая женщина, также въ лѣтахъ, хотя и не старуха, соединявшая съ остатками

(*) Мы стары въ двадцать лѣтъ, если перестали нравиться; а кто нравится ста лѣтъ, тотъ умираетъ не состарѣвшись.

Digitized by Google

красоты очаровательную прелесть, и тонкость ума, украшенную истинною Философіею: я говорю о *Графинѣ Фанни Богарне*, которую Бюффонъ называлъ своею *милою дочерью*, и съ которою Руссо любилъ разговаривать. Она особенно обладала удивительною способностью обрисовывать одною чертою самые важные, самые возвышенные предметы. Она говорила, напримѣръ, что Корнель былъ *богъ* (разумѣется, ложный богъ, какъ-то: Юпитеръ, и тому подобные лже-боги), Расинъ *богиня*, Вольтеръ *волшебникъ*, а Шекспиръ *колдунъ*. Говоря о любви, она сказала, что женщины любятъ всѣмъ сердцемъ, а мужчины всѣми силами. И подобныя блестки вырывались у нея каждую минуту — можно сказать, при всякомъ словѣ— и каждая новая мысль, пересказанная ея прелестными устами, будто блестящая искра, попадала въ память всякаго, кто слышалъ ее.

Наконецъ, желая дополнить это собраніе всѣхъ современныхъ знаменитостей, скажу, что *Г-жа Жанлисъ* блистала тамъ своимъ, необыкновеннымъ познаніемъ свѣта, своими тонкими и разнообразными замѣчаніями о нравахъ, обычаяхъ и странностяхъ придворныхъ. *Адель и Теодоръ*, *Вечера въ замкѣ*, *Театръ воспитанія*, ставили уже въ то время сочинительницу ихъ въ первый рядъ нравственныхъ писате-

Digitized by Google

лей. Г-жа Сталь всегда говаривала о Г-жѣ Жанлисъ съ почтительнымъ уваженіемъ, и не однажды слышалъ я, какъ она защищала ее отъ насмѣшекъ Ривароля и Морелье, нападавшихъ на Г-жу Жанлисъ за ея взыскательную важность и забавную ненависть, безпрерывно изъявляемую противъ современной Философіи. Я особенно изучалъ эту знаменитую женщину, потому, что былъ очарованъ прелестью, какая видна была во всемъ, что она дѣлала и говорила; меня плѣняло и выраженіе лица ея, еще сохранявшаго остатки красоты. Не льзя было не удивляться легкости, съ какою переходила она отъ важнаго, живаго разговора къ милымъ бездѣлкамъ, столь пріятнымъ, столь занимательнымъ въ свѣтскомъ разговорѣ. То играла она на арфѣ, и мы слышали мелодическія произведенія и очаровательные звуки; то рисовала ландшафтъ, цвѣтокъ, насѣкомое, въ удивительномъ совершенствѣ. Никогда не видалъ я у другихъ женщинъ такого знанія всѣхъ мѣлкихъ рукодѣлій женскихъ, наполняющихъ собою промежутки пустоты въ жизни, и дающихъ драгоцѣнное удобство женщинѣ быть всегда занятою. Надобно признаться, что при всемъ этомъ я замѣчалъ въ Г-жѣ Жанлисъ умъ завистливый и гордый; излишнюю скромность, доведенную до жеманства (pruderie); тонъ слишкомъ рѣшительный, слишкомъ взыскатель-

Digitized by Google

ный, и совсѣмъ несоотвѣтственный благочестивой терпимости и кроткому состраданію, о чемъ она безпрестанно твердила. Мнѣ казалось наконецъ, что не смотря на свои требованія: образовывать и очищать сердца юношества, Г-жа Жанлисъ забывала иногда, пробѣгая сцены свѣтской жизни, что ведетъ съ собою за руку молодую воспитанницу. По всему этому не дивился я, когда видѣлъ потомъ людей самыхъ терпѣливыхъ и одаренныхъ большими достоинствами, но жестоко нападавшихъ на эту знаменитую женщину. Они упрекали ее, между прочимъ, за то, что она критиковала слогъ и осуждала самую нравственность сочиненій Фенелона; что она бранила Вольтера, который съ высоты Парнасса, занимаемой имъ, коварно смѣялся надъ бѣдными усиліями скромницы, и за котораго Шенье въ своемъ *Посланіи* къ этому необыкновенному человѣку, отмстилъ ей однимъ стихомъ—по моему мнѣнію—остроумнѣйшимъ изъ всѣхъ, какіе только сказаны были въ новѣйшее время прошивъ свѣтскихъ женщинъ, сдѣлавшихся ханжами изъ свѣтскаго разсчета, или въ очищеніе шалостей юныхъ лѣтъ. Вы помните этотъ стихъ: Et toi, sainte Genlis, Philaminte des cieux *(И ты, блаженная Жанлисъ, Райская Филаминта)!*

Digitized by Google

Окончу мой вѣрный очеркъ собраній, какія бывали у Г-жи Сталь, быстрымъ переборомъ именъ нѣкоторыхъ людей, извѣстныхъ въ разномъ отношеніи, и видѣнныхъ мною въ то время въ домѣ Неккера. Подлѣ Грепри находились тутъ: *Монсиньи*, *Далейракъ*, *Дезедъ* и *Мартини*; ихъ прекрасныя Музыкальныя сочиненія долго поддерживали нашу Комическую Оперу. Почтеннаго *Віена*, основателя новой Французской школы Живописи, окружали: *Менажо*, *Сюве*, *Венсанъ*, милая *Г-жа Лебрюнъ*, и множество другихъ живописцевъ разныхъ родовъ, какъ-то: *Фрагонаръ*, *Грёзъ*, *Ванспендонкъ*, дѣвица *Жераръ*, и проч.—Между учеными замѣчалъ я: *Жюсьё*, *Делапласа*, *Монжа*, *Ласепеда*, *Дасье*, *Лаланда*. Словомъ: каждый четвертокъ, у Генералъ-Контролера можно было встрѣтить все, что очаровывало умъ, украшало память, очищало вкусъ, увеличивало мысль. Это было, такъ сказать, мѣсто свиданія всего, что считалось тогда знаменитымъ во Франціи. Къ Неккеру собирались изучать все это люди всѣхъ Дворовъ Европейскихъ, желавшіе преслѣдовать развитіе и успѣхи Наукъ, Искуствъ и просвѣщенія во Франціи. Дѣйствительно: куда-бы ни обращались взоръ и слухъ вашъ, вы встрѣчали только извѣстныя и славныя имена; вы внимали только очищенному, блестящему, ученому языку. Тутъ научались судить людей, не по

Digitized by Google

званіямъ, какія они занимали въ обществѣ, но по ихъ личнымъ достоинствамъ. Разумѣется, наблюдатель нерѣдко чувствовалъ свое ничтожество, изучая этотъ міръ, блиставшій умомъ и дарованіями, нерѣдко получалъ урокъ скромности и убѣждался въ своей посредственности. Но усилія, какія прилагалъ онъ потомъ выйдти изъ такого непріятнаго положенія, не всегда оставались тщетными, и молодой человѣкъ становился выше, вовсе того не замѣчая. Я самъ на себѣ испытывалъ все это: многимъ былъ я одолженъ почетной обязанности моей являться въ это, столь избранное общество, въ эти собранія, о которыхъ донынѣ вспоминаю съ почтительною признательностію. Тамъ научался я, лучше нежели гдѣ либо потомъ, оцѣнять привѣтливую общительность и счастливое знаніе приличій, отличавшія въ то время Французское общество. Во всю жизнь мою съ того времени сохранилъ я въ душѣ моей неизмѣнную благодарность женщинамъ, которыя, подобно Г-жѣ Сталь, умѣютъ украшать заслуженную ими извѣстность непобѣдимою прелестью свѣтской жизни.

Черезъ нѣсколько времени пригласили насъ, Гретри и меня, отъ имени семейства Неккеръ, на большой праздникъ, который давалъ Министръ всему иностранному Дипломатиче-

Digitized by Google

скому корпусу. Домъ его былъ великолѣпно освѣщенъ, и парадное крыльцо обставлено множествомъ цвѣтовъ и деревьевъ. Комнаты наполнены были всѣмъ тѣмъ, что только Парижъ представлялъ въ то время замѣчательнаго изъ знатныхъ людей и знаменитѣйшихъ особъ обоего пола. Г-жа Сталь явилась вся въ брилльянтахъ, и хотя казалось, что этотъ уборъ тяготитъ ее, но мы были приняты ею съ искренною ласкою, какую всегда предпочиталъ я условной вѣжливости придворныхъ людей и приличіямъ этикета. Среди блестящаго большаго свѣта, мы встрѣтили здѣсь Делиля, Буффлера, Ривароля, Шампсене, и всю обыкновенную, всегда собиравшуюся къ Г-жѣ Сталь литтературную братію. Помню, что въ этотъ день всего болѣе обрадовался я увидѣвъ старика *Седена.* Онъ дружески пожалъ руку Гретри, какъ товарищу своей славы, и удостоилъ меня назвать своимъ *юнымъ собратомъ.* Это заставило меня затрепетать отъ радости, и обѣщать самому себѣ—сдѣлаться со временемъ достойнымъ такого названія.

Почти всегда образуется въ подобныхъ большихъ собраніяхъ маленькое отдѣленіе литтераторовъ и наблюдателей человѣческаго сердца, которые собираютъ тутъ очерки прямо съ натуры, и забавляются на счетъ модныхъ

Digitized by Google

глупостей, честолюбивыхъ требованій, тяжелой незрѣлости Туркаретовъ своего времени, рѣшительнаго тона Академическихъ педантовъ (Парижскихъ), важности Университетскихъ невѣждъ (Парижскихъ), хитрости устарѣлыхъ кокетокъ, жеманства красавицъ, словомъ: всего этого прилива и отлива мѣлкихъ страстей, которымъ люди приносятъ однакожь столько жертвъ, и которыми столько людей бываетъ обмануто. Въ собраніяхъ Г-жи Сталь особенно любопытно было отдѣльное общество, собиравшееся почти всякій разъ въ особой маленькой залѣ, которую хозяйка обыкновенно называла: Chambre ardente (Похоронная Палата). Тутъ Ривароль сверкалъ огнемъ своихъ удачныхъ шутокъ и злаго остроумія; Буффлеръ неистощимымъ добродушіемъ и веселостью, не мѣшавшими ему поражать стрѣлой насмѣшки каждаго проходившаго, въ свой чередъ, черезъ этотъ ужасный волшебный фонарь сатиры и шутокъ.

Сидя на табуретѣ, при входѣ въ Похоронную Палату, я пожиралъ слухомъ и врѣзывалъ въ память свою драгоцѣнное собраніе острыхъ словъ, новыхъ мыслей, очерковъ рѣзкихъ и удивлявшихъ разительнымъ сходствомъ. Голова моя разгорячалась, сердце билось сильно, и мнѣ казалось, что я вырастаю видимо. Оболь-

Digitized by Google

щеніе юности въ подобномъ обстоятельствѣ такъ естественно! Счастливый случай вскорѣ представился мнѣ принесть и мой маленькій участокъ для общей, всѣхъ одушевлявшей веселости. Съ жадностію ухватился я за этотъ случай. Вотъ какъ это было: однажды сидѣлъ я у Г-жи Сталь подлѣ какого-то незнакомца. Это былъ высокій, худощавый человѣкъ, въ темномъ платьѣ, въ кругломъ парикѣ, съ драгоцѣнною золотою табакеркою въ рукахъ, съ широкимъ яхонтовымъ перстнемъ на пальцѣ, важно усѣвшійся въ глубинѣ креселъ, сложивъ ногу на ногу, уставивъ носъ къ верху, глядя на всѣхъ съ презрительною улыбкою, и широко раздувая ноздри. Онъ немилосердо критиковалъ всѣхъ литтераторовъ, мелькавшихъ мимо его, принималъ на себя видъ непоколебимой твердости и безстыдной смѣлости. Нашъ очаровавшель Делиль не имѣлъ счастія ни сколько нравиться этому безжалостному Аристарху. Я понялъ, что онъ долженъ быть одинъ изъ новѣйшихъ Фреронов, которыхъ мучитъ всякая извѣстность и знаменитость. Вскорѣ узналъ я, что мой сосѣдъ величайшій педантъ Университета, находится въ числѣ Редакторовъ *Французскаго Меркурія*, и занятіе его въ этомъ Журналѣ составляетъ насмѣшливая критика надъ всѣми Философскими сочиненіями, которыя не имѣютъ чести нравиться его схоластиче-

Digitized by Google

ской учености. Мой сосѣдъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ достоинъ сего назначенія: никогда не видывалъ я въ такой мѣрѣ соединенія учености и наглости. Особенно на Драматическихъ писателей волновалась желчь его и осклирился его злой языкъ. «Кто такой, вонъ этотъ старикъ, съ острымъ носомъ, рысьими глазами, лисьею фигурою?» спросилъ у меня незнакомецъ. «И почему толпится вокругъ него народъ?»—Это Седенъ— отвѣчалъ я — и, вѣроятно, онъ читаетъ *Посланіе къ моему платью*, или говоритъ о планѣ какого нибудь новаго своего сочиненія. — «Седенъ? Какъ, это онъ, литтературный плотникъ, кропатель пошлостей, гдѣ льститъ толпѣ, и заставляетъ ее бѣгать смотрѣть свои вздоры, увѣряя, что въ нихъ мастерски изображаетъ простолюдиновъ?» — Кровь закипѣла въ моихъ жилахъ, и я началъ выдумывать средства: какъ бы отмстить за любезнаго литтературнаго плотника, достойнаго сотоварища Грешри, съ которымъ раздѣлилъ онъ столько успѣховъ? Прежде всего, мнѣ вздумалось убѣждать неумолимаго Аристарха хладнокровнымъ сужденіемъ. Я сказалъ ему, что Седенъ, въ своемъ родѣ, истинный творецъ и человѣкъ геніяльный; что если справедливо можно упрекать его за небрежность слога, то не льзя не при-

Digitized by Google

знать высокаго достоинства въ сочинителѣ пьесъ, каковы: Philosophe sans le savoir и Gageure imprévue; что его *Роза и Колась* верхъ совершенства по свѣжести и естественности; его *Ричардъ Львиное Сердце*, облеченный въ Рыцарскіе нравы, увлекаетъ невольно зрителя, и наконецъ, что его: *Дезертёръ*, *Феликсъ*, *Король и мызникъ*, и множество другихъ пьесъ, уже полвѣка заслуживаютъ общее рукоплесканіе зрителей. «Не говорите мнѣ объ этихъ кропателяхъ Комическихъ Оперъ!» возразилъ мой суровый цензоръ. «Всѣ они истинные фигляры, ярмарочные писатели, что называется по нашему: *литтературныя подонки*. Большая часть этихъ бѣдняковъ едва знаютъ грамотѣ, ничему не учились, а по-Латини не умѣютъ и по складамъ чишатъ!»

Въ то время я еще хорошо зналъ моихъ Латинскихъ авторовъ, затверженныхъ въ училищѣ, такъ, что могъ пересказать наизусть множество лучшихъ мѣстъ изъ Тацита, Горація, Цицерона, и проч. — Въ этотъ разъ призвалъ я мою счастливую память на помощь моей досадѣ, и рѣшился загонять новаго Фрерона Латинскими фразами. Онъ заговорилъ со мною о Г-нѣ Неккерѣ и его заслугахъ—Magnitudinem suam malit justitiâ tueri, отвѣчалъ я словами

Digitized by Google

Тацита *(правотою только поддерживаетъ онъ свое величіе)*. Педантъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ; улыбка пробѣжала по его ядовитымъ устамъ; но, не смѣшавшись, продолжалъ онъ рѣчь свою, и говорилъ, что при всѣхъ своихъ достоинствахъ Неккеръ имѣетъ много враговъ. «Онъ утѣшается,» возразилъ я, «словами Цицерона: Gloria nostra est testimonium conscientiae nostrae *(наша слава есть свидѣтельство нашей совѣсти)*.» — Кажется, М. Г., что вы особенно преданы Министру? — «Совсѣмъ нѣтъ,» отвѣчалъ я, «и увѣряю васъ, что я принялъ для себя правиломъ прелестный стихъ Овидія: Vive tibi, et longè nomina magna fuge *(живи самъ собою и убѣгай знатныхъ)*.» — Радуюсь, М. Г., что вижу въ васъ столь отличнаго знатока Древнихъ авторовъ. Конечно, я имѣю честь говорить съ Профессоромъ Королевскаго Коллегіума?—«Помилуйте! Могу-ли я быть Профессоромъ! Мнѣ надобно еще учиться, и я ограничиваюсь тѣмъ, что повторяю съ Виргиліемъ: Quid verum atque decens curo *(ищу истиннаго и прекраснаго)*.» — Вы должны однакожъ занимать важное мѣсто въ ученомъ свѣтѣ? — «Никакого, и не желаю его, вѣрный спасительному уроку Виргилія: Littus ama, altum alii teneant *(держись береговъ, и пусть другіе плывутъ въ открытое море)*.» — Чѣмъ болѣе

Digitized by Google

приводите вы доказательствъ вашей учености, тѣмъ болѣе возбуждаете мое любопытство; позвольте-жъ, М. Г., узнать мнѣ: кто вы? — «Я—*жалкій кропатель Комическихъ Оперъ, истинный фигляръ литтературный, ярмарочный писатель*, одинъ изъ тѣхъ, кого столь краснорѣчиво называете вы *литтературными подонками*, и при всемъ томъ — готовый служить вамъ Лашинью, сколько угодно!»

Громко засмѣявшись, я удалился отъ педанта. Буффлеръ слышалъ весь нашъ разговоръ, и пересказалъ его самымъ забавнымъ образомъ засѣдателямъ Похоронной Палаты. Всѣ хохотали; Г-жа Сталь удостоила меня пожатіемъ руки; Седенъ обнялъ меня, и торжественно позволилъ мнѣ называться своимъ ученикомъ; другіе поздравляли, расхвалили меня — лестная почесть, сильно подѣйствовавшая на мою литтературную жизнь, потому, что она подавала мнѣ, юному солдату, едва принимавшемуся за оружіе, надежду заслужить когда нибудь почетное имя рыцаря на блестящемъ литтературномъ поприщѣ!

Среди своего великолѣпнаго праздника, Г-жа Сталь призналась мнѣ, что блескъ и шумъ всегда кажутся ей тягостными, и она пред-

Digitized by Google

почитаетъ многочисленнымъ собраніямъ избранное общество друзей, какое постоянно собирается у нея по *Вторникамъ*, гдѣ число собесѣдниковъ не превышаетъ 12-ти, или 15-ти. Тогда каждый изъ литтераторовъ читаетъ свое новое произведеніе, а дружеская откровенность, освобожденная отъ всякихъ свѣтскихъ условій, раждаетъ взаимную довѣренность и простоту въ обхожденіи. «Мнѣ кажется, мы такъ хорошо знаемъ уже другъ друга,» продолжала она, «что я могу считать васъ между нашими коротскими знакомыми. Приходите-же во Вторникъ въ нашъ маленькій комитетъ; это будетъ для васъ любопытно и небезполезно.»— Я отвѣчалъ, что горжусь и почитаю себя счастливымъ, заслуживъ ея благосклонность, и только одного боюсь, что не успѣю оправдать этого своими дарованіями.

Въ первый Вторникъ послѣ того, я отправился къ Неккеру. Собирались вечеромъ въ восемь часовъ, и въ девять садились ужинать. Всякій этикетъ, всякій парадъ были изгнаны. Являлись въ простыхъ фракахъ, и въ наемной каретѣ останавливались подлѣ самаго крыльца Министерскаго; словомъ: всѣ были тутъ по-домашнему, и обходились безъ всякихъ чиновъ. Это легко уже было замѣтить

Digitized by Google

изъ того, какъ встрѣтили меня Неккеръ и дочь его: онъ и она взяли меня за руки, провели въ Похоронную Палату, посадили между собою на диванъ, и съ нѣжнымъ участіемъ разспрашивали меня о моемъ положеніи, о томъ, что я думаю предпринять для своей будущности. Я отвѣчалъ, что отъ отца осталось мнѣ, чѣмъ могу я прожить, и притомъ мои занятія даютъ къ тому средства, когда скромную независимость предпочитать всему другому на свѣтѣ.« Послушайте,» сказалъ мнѣ Неккеръ, трогательнымъ голосомъ отца, проникнувшимъ до глубины моего сердца—«мнѣ надобенъ теперь секретарь для частной переписки; онъ долженъ быть у меня семьяниномъ, участникомъ многихъ важныхъ тайнъ, и другомъ моимъ. Если вы находите такое мѣсто приличнымъ для себя — съ этой минуты вы мой, и я берусь устроить судьбу вашу.» — Мысль: быть при васъ въ такомъ отношеніи — отвѣчалъ я, растроганный его участіемъ— сдѣлала-бы меня счастливымъ и заставила гордиться, если-бы съ самыхъ юныхъ лѣтъ не пріучилъ я себя къ независимости, и не успѣлъ совершенно побѣдить мое честолюбіе. Жить для самого себя, принадлежать только самому себѣ: такова цѣль моей жизни, рѣшеніе твердо обдуманное, услаждающее меня. Прошедшее, настоящее и будущее основалъ я

Digitized by Google

на правилахъ, которыя заключены въ стихахъ одного изъ любимыхъ моихъ писателей, Авзонія. Вотъ переводъ этихъ стиховъ:

Le bonheur qu'ici-bas j'envie,
C'est une obole au-dessus du besoin....
Une douce et fidèle amie,
Heureuse ainsi que moi, dans un tout petit coin;
Enfin c'est de pouvoir éparpiller ma vie
Sans nul gêne et sans fâcheux témoin (*).

«Да поможетъ вамъ Богъ!» сказала мнѣ Г-жа Сталь, крѣпко пожавъ мою руку.— «Повторите мнѣ еще этотъ переводъ изъ Авзонія: люблю простоту, люблю все, что идетъ отъ сердца, и предпочитаю этому все, что происходитъ отъ ума.» Потомъ поглядѣла она на меня проницательно, и прибавила—сорокъ три года прошло съ того времени, а слова ея еще

(*) Лишняя копѣйка на нужды; кроткая, вѣрная подруга, подобно мнѣ счастливая въ смиренномъ уголкѣ, и возможность истратить жизнь мою безъ принужденій и безъ докучливыхъ наблюдателей за мною — вотъ блаженство, котораго хочу на землѣ!

Digitized by Google

не изгладились изъ моей памяти — прибавила: «Вы *истратите* жизнь свою только для счастія другихъ—я предвѣщаю вамъ это.» Съ чувствомъ выслушалъ я предвѣщаніе Г-жи Сталь, и потомъ всегда обязанностью почиталъ выполнять его.

Между тѣмъ собрались всѣ обыкновенные собесѣдники. Уже Ривароль приготовилъ свою палитру; Шамсене игралъ острыми словами и любопытными подробностями изъ Журнала, имъ издаваемаго; Буффлеръ смѣялся надъ всѣмъ, осмѣивалъ всѣ партіи, являясь то придворнымъ человѣкомъ, то приверженцемъ Среднихъ званій, и увѣрялъ, что боится одного: не помѣшали-бы политическіе вздоры хорошо пить и ѣсть; Делиль, трепетавшій, чтобы у него не отняли аббатства, тогда развлекалъ себя сочиненіемъ поэмы: *Воображеніе*, и въ этотъ день читалъ онъ намъ наизусть прелестный эпизодъ, гдѣ изображаетъ ужасъ, томленіе, надежду, ободреніе и избавленіе юнаго художника, заблудившагося въ Римскихъ катакомбахъ. Нарочно потушили всѣ свѣчи во время чтенія, и глубокое молчаніе, окружавшее поэта, казалось, увеличивало еще болѣе волшебное дѣйствіе его дарованія и неизъяснимую прелесть его чтенія.

Digitized by Google

Признаюсь: ни Жербье, ни Мирабо не производили потомъ на чувства мои впечатлѣнія болѣе сильнаго, болѣе живаго.

Но послѣ Делиля, уже никто не осмѣливался читать стиховъ. Напрасно просили Сенъ-Ламбера прочесть отрывокъ изъ прелестной поэмы его: *Времена года*, и Герцога Ниверне какую нибудь изъ его остроумныхъ басенъ. Только Буффлеръ прочиталъ нѣкоторые изъ своихъ эротическихъ стихотвореній, гдѣ умъ смѣшанъ былъ у него со всѣмъ тѣмъ, что только злость имѣетъ самаго дѣйствительнаго, и гдѣ вольность была умѣрена прелестью выраженія. Онъ одинъ и могъ занять своихъ слушателей послѣ неизъяснимаго впечатлѣнія, произведеннаго стихами Делиля.

Въ числѣ немногихъ дамъ, которыя бывали у Г-жи Сталь по Вторникамъ, должно было особенно отличить *Графиню Сабранъ*, съ счастливою физіогноміею и врожденною веселостью соединявшую блестящее воображеніе и наблюдательный умъ. Мнѣ извѣстно было, что она пишетъ прелестныя элегіи, гдѣ показываетъ столько-же дарованія, сколько показывала скромности, скрывая ихъ. Остроумныя, рѣзкія шутки, безпрерывно вылетавшія изъ ея вырази-

Digitized by Google

тельнаго ротика, казалось, прибавляли еще болѣе прелести ея проницательному взгляду.

Едва на часахъ пробило десять, метръ-д'отель извѣстилъ насъ, что кушать готово. Сѣли за столъ. Всего было человѣкъ пятнадцать, и едва кончился ужинъ, слуги удалились. Тогда маленькое собраніе наше сдѣлалось очаровательно; не было ни принужденія, ни этикета; каждый наливалъ вино себѣ и своему сосѣду; можно было свободно опереться рукою на спинку креселъ своей сосѣдки; общій разговоръ былъ увлекателенъ; острыя слова сверкали, и веселость являлась въ тысячѣ разныхъ образовъ. Самъ Неккеръ, забывая на минуту тягости государственныхъ дѣлъ, предавался любезности, столь свойственной каждому Французу. Г-жа Неккеръ, не смотря на свое строгое благочестіе, не могла удерживаться отъ смѣха, слушая шалости, какими наперерывъ отличались Буффлеръ, Шампсене и Ривароль, и любопытные, исполненные знанія большаго свѣта разсказы Сенъ-Ламбера и Герцога Ниверне. Въ свой чередъ, Г-жа Сталь предавалась всей стремительности своего воображенія, блистала огнемъ ума и яркими искрами творящаго генія, поставившими ее впослѣдствіи между знаменитыми литераторами сво-

Digitized by Google

его времени: это была истинная Коринна, импровизирующая, въ прекрасный вечеръ, на очаровательныхъ берегахъ Мизенскихъ.

Чтобы отдохнуть немного отъ ошибки блестящаго остроумія, новости выраженій, картинъ всякаго рода, обыкновенно къ 11-ти часамъ начинали игру въ *буриме*, бывшую тогда въ страшной модѣ. Въ нашемъ собраніи находились отличные мастера этихъ поэтическихъ шалостей. Герцогъ Ниверне, не смотря на свои 74 года, являлся въ этомъ случаѣ столько-же милъ, сколько и неистощимъ: этотъ Несторъ эротической поэзіи, превосходный переводчикъ поэмы: *Ричардетъ*, первый началъ остроумную борьбу стихами. Его вызвалъ Сенъ-Ламберъ, и онъ поднялъ перчатку, какъ мужественный и юный ратоборецъ. Въ свою очередь, предложилъ онъ вызовъ своему достойному сопернику, также сѣдоволосому старцу, и Сенъ-Ламберъ умѣлъ тотчасъ доказать, что умъ и пріятность никогда не старѣютъ. «Вотъ чему дивятся!» вскричалъ Буффлеръ. — «Да вѣдь онъ пѣвецъ всѣхъ *временъ* (de toutes les *saisons*)!» Делиль напалъ на этого остряка, который явился въ бою ярче и ловчѣе обоихъ старцевъ, но менѣе ихъ нѣженъ и уменъ. Ривароля и Шампсене столкнула вмѣстѣ Г-жа

Digitized by Google

Сталь, и, подобно двумъ молодымъ конямъ безъ узды и шпоръ, они ринулись въ бой, изумляя самыми забавными прыжками. Это былъ истинно бѣглый огонь остроумія — выстрѣлъ едва успѣвалъ слѣдовать за выстрѣломъ!

Наконецъ, Делиль вызванъ былъ на поприще битвы Графинею Сабранъ, такъ добродушно и умно, что не льзя было ему не согласиться; и сколь ни трудны были заданныя ему рифмы, стихи его отличались при семъ случаѣ нѣжнымъ чувствомъ, чистотою слога и свѣжестью идей, обыкновенными свойствами сочинителя поэмы: *Сады* — единственнаго изъ его твореній, которое было тогда напечатано. Изъ многихъ четверостишій, сочиненныхъ имъ въ виду нашемъ, или лучше сказать поэтическихъ звуковъ, вырвавшихся изъ его гармонической лиры, какъ свѣтлая вода исторгается изъ родника обильнаго (*), я удержалъ въ памяти слѣдующее, написанное имъ Графинѣ Сабранъ, на рифмы, заданныя Сенъ-Ламберомъ:

(*) Да не подумаютъ читатели, что переводчикъ для шутки вставилъ такую похвалу Делилю, уподобляя стихи его чистой водѣ: Бульи отъ добраго сердца говоритъ это о Делилѣ, не думая шутить. Вотъ слова подлинника: comme l'eau pure qui sort d'une source féconde. Невольно прибавите: какая истина!

Digitized by Google

Vos traits divins font naître le *désir:*
Votre langage impose le *silence.*
On vous aborde avec une *espérance:*
On s'en retourne avec un *souvenir* (*).

« Не вѣрю » — вскричалъ Буффлеръ — « чтобы можно было изобразить Графиню Сабранъ вѣрнѣе и милѣе! » — Elle pose si bien! выразительно прибавилъ къ этому старый Герцогъ Ниверне. Графиню вызвали между тѣмъ на писанье стиховъ Шампсене и Ривароль, и задали ей множество рифмъ; но она воспоржествовала съ замѣчательною ловкостью и совершеннымъ приличіемъ надъ всѣми трудностями.

Наконецъ пробило полночь, и всѣ весело разошлись. Я возвратился въ мое скромное и мирное убѣжище, еще неономпившись отъ головокруженія, какое овладѣло мною отъ того, что я допущенъ былъ въ общество остроумцевъ и знати современной, составлявшей собою въ то время избранниковъ большаго свѣта. Я не могъ не поздравлять самого себя и за то, что среди ихъ умѣлъ я сохранить мое

(*) «Божественныя черты твои внушаютъ *желаніе*; твой разговоръ предписываетъ *молчаніе*. Къ тебѣ приближаются съ *надеждой*, и оставляютъ тебя съ *воспоминаніемъ*. » Заданныя слова были: *желаніе, молчаніе, надежда, воспоминаніе.*

Digitized by Google

достоинство человѣка и мою независимость. Счастливый и гордый тѣмъ, что у меня достало смѣлости отказаться отъ обольстительныхъ предложеній Министра, я, по своему обыкновенію, перебиралъ въ головѣ моей избранныя правила изъ Древнихъ авторовъ, служившія для меня руководствомъ въ жизни, и между прочимъ эти памятныя слова Цицерона: Non esse cupidum pecunia est *(ты богатъ, если не хочешь быть богатымъ)*. Я не забывалъ Лукреціевыхъ словъ: Ut latius multo jam sit parere quietum, quam regere imperio, res velle *(независимость и спокойствіе лучше великаго владычества)*; помнилъ и Тацитово изрѣченіе: Malo securum et secretum Virgilii secessum *(предпочитаю всему уединенное спокойствіе Виргилія)*. Мнѣ казалось, что я все еще слышу, какъ говорила Г-жа Сталь, пожимая мнѣ руку: Le ciel vous exauce — и я заснулъ спокойно, съ улыбкою повторяя любимый девизъ мой, стихи переведенные мною изъ Авзонія:

Le bonheur qu'ici-bas j'envie,
C'est une obole au-dessus du besoin....
Une douce et fidèle amie,
Heureuse ainsi que moi, dans un tout petit coin....
Enfin c'est de pouvoir éparpiller ma vie
Sans nul gêne et sans fâcheux témoin.

Digitized by Google

ЭММА.

(Продолженіе).

VII.

«Я обѣщалъ вамъ, мой любезный и почтенный другъ, продолжить сообщеніе наблюденій моихъ, касательно магнетическихъ явленій, какія начались надъ ввѣреннымъ леченію моему молодымъ Княземъ С***, и мысли мои по сему случаю. Хотя послѣ того получилъ я письмо отъ общаго друга нашего, Г-на Профессора и Доктора Копфбреннера, но ни сколько имъ не убѣжденъ. Препровождая при семъ копію съ упомянутаго письма общаго нашего друга, признаюсь: вижу въ немъ только доказательства, что ни лѣта, ни ученіе не охладили энергіи души его, и онъ всегда пылокъ, какъ дитя, хотя и ученъ, какъ старикъ. Но онъ рѣшительно неправъ. О семъ упомяну далѣе.

Digitized by Google

Вамъ уже извѣстно первоначальное явленіе, происходившее въ саду Г-на ***, въ Москвѣ, гдѣ больной субъектъ подвергнулся внезапному и сильному дѣйствію объекта, совершенно здороваго, и никогда доколѣ имъ не виданнаго. Извѣстно вамъ и то, что послѣ сего поляризировалъ я субъектъ съ объектомъ, и чтобы дѣйствіе магнетизма происходило свободнѣе, рѣшился устранить субъектъ отъ всякаго насильственнаго леченія, какъ-то: усмирительныхъ наказаній, обливанія водою, и т. п. — Далѣе, пользуясь хорошею погодою, перевезъ я его въ окрестности Москвы, въ село, окруженное обширными лѣсами, гдѣ совершенно устранилъ всѣ положительныя лекарства, а только давалъ успокоивающія. Но за то подвергнулъ я мой субъектъ самому сильному дѣйствію объекта, на полной свободѣ, при постоянно хорошей погодѣ и при спокойствіи наружномъ совершенномъ.

Слѣдствія были мною предвидѣнныя. Сближеніе совершенно животнаго состоянія сумасшедшаго съ чуждою ему стороною усиленнаго духа, произвело въ *одномъ* совершенное уничтоженіе его *я*, когда въ *другомъ* его *я* развилось въ высокой духовной степени. Молодая дѣвушка, представительница духа, поборающаго живот-

Digitized by Google

ность, безъ всякихъ механическихъ средствъ магнетизма, покорила себѣ больнаго, такъ, что сначала нѣсколько дней онъ не могъ даже смотрѣть на нее прямо, былъ при ней безмолвенъ, и неподвиженъ, какъ истуканъ. Потомъ началъ переходить въ него живительный духъ высшей жизни. Тогда первое чувство его было робость, покорность какая-то, совершенно безусловная. Наконецъ, больной началъ понимать все, что говорилъ ему объектъ, началъ самъ упражнять свою мыслящую способность, и журналъ, мною веденный, представитъ вамъ изумительную картину постепеннаго развитія человѣка въ нравственномъ его отношеніи. Съ тѣмъ вмѣстѣ образовывалась и внѣшняя сторона больнаго: пропала дикость въ его глазахъ; черты лица проникло выраженіе мысли; возродились понятія объ уваженіи къ родителямъ, о благопристойности и стыдливости. Больной постепенно терялъ робость свою передъ объектомъ, и чувство пріязни и дружбы къ объекту усиливается въ немъ безпрерывно и постепенно. Кончится должно тѣмъ, какъ я это напередъ изъясняю, что субъектъ долженъ почувствовать самую усиленную дружбу, то есть сильнѣйшую любовь. Тогда объектъ потеряетъ свою силу, и станетъ въ страдательное положеніе, въ какомъ находится въ мірѣ женщина, мощная, когда передъ

Digitized by Google

нею слабость, ничтожная, когда передъ нею великое. Женщины любимыя и любящія непремѣнно должны быть въ пассивномъ бытіи, когда простю любящія, но нелюбимыя, живутъ активно. Отъ того отчаяніе любви въ женщинѣ можетъ возвысить ее до неслыханной поэзіи, а счастіе любви всегда будетъ только пріятная проза. Отъ того женщины, по инстинктному самолюбію, предпочитаютъ въ любви дураковъ геніямъ, и отъ того мой нынѣшній объектъ удивительно возвысился душею, ибо передъ нимъ было совершенное животное, т. е. *сумасшедшій*. Здѣсь я рѣшительно противорѣчу общему другу нашему, Г-ну Коппбреннѣру. Его мысль та, будто моральныя стихіи такъ-же разлиты во вселенной, какъ и вещественныя; что главная изъ сихъ стихій есть Любовь; что каждый есть представитель какой-либо стихіи, и что сородныя индивидуальности мужчины и женщины, созданныя по одной стихіи, производятъ тѣ магнетическія явленія, какія наблюдаю я нынѣ надъ Княземъ С*** и его объектомъ. Все это несправедливо. Здѣсь, по моему мнѣнію, слѣдуетъ совсѣмъ иное: женщина, совершенная по чистотѣ души, набожная, и изолированная отъ всякаго другаго бытія, вознесла свою земную стихію до высочайшей степени скорби, состраданія, и чрезъ то тѣлесную магнитность,

Digitized by Google

какъ категорію скрѣпляемости (Zusammenkettung), перевела въ моральное бытіе. *Магнетизмъ* и *Пансофика* суть одно и тоже. Нисшую часпь ихъ видимъ въ обыкновенной магнипизировальной манипуляціи, а высшую въ свободномъ фанатизмѣ, раждающемъ на Востокѣ столь странныя всевѣдѣнія (вспомните, что писалъ я въ диссертаціи моей De spectrorum artificiosa exhibitione, которою впрочемъ теперь и самъ я недоволенъ). Нашъ общій другъ утверждаетъ, что по возвращеніи разума, Князь С*** и объекпъ его должны страспно полюбить другъ друга, и что объектъ особенно будетъ любить субъектъ свой. Все это невѣроятно. Напротивъ, Князь С*** преимущественно долженъ привязаться къ объекпу, какъ къ моральной необходимости жизни, а объектъ его, утомленный возвышеніемъ духа, долженъ, или совсѣмъ уничтожиться, или сойдпи съ ума, если не будетъ проникнутъ чувствомъ акпивной привязанности субъекпа, и не согласится жипь пассивно. Вся ошибка нашего общаго друга происходитъ опъ того, что онъ почитаетъ Любовь, нисшее чувство бытія, всемірною стихіею. Но если допустипь это, то каждая женщина любящая дѣлалась-бы самымъ высокимъ существомъ, когда это бываетъ напротивъ. Все это однакожь только запасы къ моему Психо-Физіологическому

Digitized by Google

огромному изслѣдованію о Любви и Духѣ, и объ отношеніяхъ страстей съ нервами и мозгомъ.—Посылаю вамъ при семъ метеорологическія записки мои о климатѣ Москвы, и статью о повѣшренномъ кашлѣ, какой имѣлъ я случай наблюдать здѣсь въ Москвѣ, въ Маршѣ сего года. Поклонитесь отъ меня Г-ну Статскому Совѣтнику Бибириху, Г-ну Доктору Шпульвейссу,» и проч.

VIII.

*(Дѣвичья, въ деревнѣ Князя С***).*

Анютка. Право, Степанъ, ты досидишься до бѣды. Поди въ свою лакейскую.

Степанъ *(съ торбаномъ въ рукахъ, развалясь на стулѣ, поетъ и подыгрываетъ).*

За палатами-то стоятъ шатры шелковые,
Э, а, о, о, охъ! шелковые, да, шелковые!

Парашка. Тебѣ по-Русски говорятъ, Степанъ, чтобы ты убирался отсюда.

Степ. Да я и слушаю не по-Французски, моя разлапушка, слушаю, да нейду.

Дуняшка. А вотъ увидитъ тебя Аѳанасій Панфильичъ, такъ онъ тебѣ дастъ себя знать.

Digitized by Google

Степ. Не бось, моя разлюбезная Авдотья Степановна: этого стараго чорта унесло въ Перепелихино, и онъ раньше ночи не воротится расхаживать здѣсь по пѣпушиному.

Маша. Но ты знаешь, Степанъ Ильичъ, что барыня накрѣпко заказываетъ лакеямъ приходить въ дѣвичью. Увидитъ тебя Миссъ Чортъ, подыметъ такую грозу....

Степ. Она ушла завтракать. Ей, вотъ этакое блюдо *буденю*, да окорокъ унесли въ ея комнату. Ну! да если увидитъ, что̀ за бѣда? — Хе! палки деньги, деньги палки — семь бѣдъ одинъ отвѣтъ — спины не нанимать стать: своя, не купленая! Лучше-ли мнѣ красть барское, да проигрываться въ три листа, чѣмъ приходить сюда къ вамъ, мои красавицы, погуторить кое-о чемъ, то есть, такъ сказать, о томъ о другомъ? Или, примѣромъ то есть сказать, спѣть пѣсню.... То есть, Авдотья Степановна, какъ ты изволишь объ этомъ думать:

Ахъ! ты, Степа, Степаша горюнъ!
Ты почто, Степанъ, не женишься?

Анютка. Да, я говорю тебѣ, что барыня не велитъ лакеямъ въ дѣвичью ходить. И въ самомъ дѣлѣ, за своею Дуняшкой ухаживаешь,

Digitized by Google

да другимъ дѣло дѣлать мѣшаешь, пострѣленый!

Дуняшка. Такъ тебѣ стало и завидно, что не за тобой ухаживаютъ?

Анютка. Завидно! будто не знаетъ, что вотъ все это бѣлье надобно къ обѣду выгладить, отдѣлать; а смотри-ка: гдѣ солнце-то?

Степ. Ну, если къ барскому обѣду, такъ успѣете — въ пять часовъ вѣдь обѣдъ; добрые люди, отдохнувши, полдничать да къ вечернѣ идти собираются, а мы обѣдать садимся....

(Всѣ смѣются).

Степ. А что, право, у баръ зашёй не оберешься. Вѣдь, вотъ, хоть-бы и о томъ сказать: не ходи сюда съ красными дѣвицами поговорить! А сами что̀ дѣлаютъ. . . .

Маша. На то они баре.

Степ. Баре? Такъ имъ и надобно что хошь дѣлать? Тутъ не далеко искать: вывезли они молодому барину эту Нѣмку молоденькую....

Анютка. Да, вѣдь она его лечитъ.

Степ. Лечитъ? Хитеръ сталъ этотъ Нѣмецкій народъ: у него и дѣвки-то лѣтъ восмнадцати лечить умѣютъ. Хоть-бы ты меня, Дунюшка, этакъ полечила!

Digitized by Google

Дуняшка. Да, отъ коего чорша шебя лечишь?

Степ. Да, отъ сердечной зазнобы, разлапушка. Отъ того-же, отъ чего Нѣмка молодаго барина лечитъ.

Анютка. Полно ты врать, Степанъ.

Степ. Нечего врать. Вѣрь ты этимъ барчатамъ, да Нѣмкамъ, а мы знаемъ, что знаемъ.

Маша. Ахъ! скажи?

Степ. То-то скажи. Будто вы сами не догадаетесь. А я такъ подслушалъ, какъ Миссъ Чортъ говорила; а она ужь, конечно, знаетъ, что говоритъ.

Дун. Чего тутъ догадываться. Баричъ нашъ сошелъ съ ума, и какъ было ему не сойдти: ребенкомъ былъ — его лелѣяли, мальчикомъ росъ—нѣжили; а какъ попалъ въ службу, такъ въ полгода и съ ума спятилъ.

Парашка. Говорятъ, онъ книгъ зачитался.

Степ. Скажи лучше: отъ ретиваго головушка повернулась. Вѣдь и съ нашимъ братомъ, лакейщиной: какъ приглянулся кто, такъ вотъ голова и одурѣетъ.

Анютка. Вздоръ!

Степ. Не вздоръ, а то, что правдой зовутъ. Видишь: Миссъ Чортъ говоритъ, что

Digitized by Google

баричъ только прикинулся сумасшедшимъ. Этому, говоришъ, примѣры и въ книжкахъ есть описаны, и на театрѣ представляютъ. А онъ себѣ очень на умѣ. Полюбилась, видишь, ему эта Нѣмка, и уговорилъ онъ Доктора сказать, будто она лекарка.

Пар. Не такова наша барыня, чтобы ее обманули.

Анютка. Однакожъ, Параша, въ самомъ дѣлѣ: чѣмъ-же она его лечитъ? Ни порошковъ, ни пластырей, а онъ здоровѣетъ видимо, съ тѣхъ поръ, какъ Нѣмка при немъ.

Степ. Эхъ! да какое лекарство лучше дѣвичьихъ глазокъ! Я самъ замѣтилъ: баричу грустно станетъ, опять будто что-то на него найдетъ недоброе — Нѣмка поглядитъ ласково, заговоритъ съ нимъ, и — какъ рукой сняло!

Пар. Ты думаешь, будто Нѣмка эта полюбилась баричу? Анъ неправда, я знаю. Если и были у него шашни, такъ не тутъ. Помнишь, Анюта?

Анютка. Да, съ сосѣдкой-то молодою Графиней? Знаю.

Всѣ. А что? что?

Пар. Мы знаемъ что. Пока не опредѣлялся баричъ на службу, и записочки летали, и ти-

Digitized by Google

хонько видались они — да, не наше дѣло, а барское!

Маша. Ну, что̀ твоя Графиня: и теперь-то она дитя, а этому ужь три года прошло.

Анютка. Батюшки! этакъ выдумала: дитя! Давно изъ пеленокъ вышла.... А прошлую зиму послушала-бы ты, что о ней по Москвѣ-то говорили: первая, видишь, красавица и щеголиха; лучше ея никто въ Благородномъ Собраніи плясать не умѣетъ.

Маша. А знаете-ли что: я такъ другое подозрѣваю. Нѣмка эта не колдунья-ли? Ну, какъ она приворотила къ себѣ барича какимъ нибудь зельемъ, а на всѣхъ родныхъ его обморокъ накинула?

Пар. Не правда. Она такая добрая!

Маша. Смотри ты на этихъ добрыхъ! Вѣдь Княгиней-то быть велико дѣло! А сама разсуди: что въ этой Нѣмкѣ хорошаго? Такъ, всю-то красоту лавочнымъ аршиномъ смѣряешь — ни кожи, ни рожи! А голь-то какая! что за бѣльишко у нея! Три капота бѣлыхъ, то и дѣло въ стирку; а чепчиковъ-то всего полдюжины!

Анютка. Надарятъ, не бойся.

Пар. И ухватки-то у нея всѣ нашей братьи, лакейскія: слова гордаго не скажетъ, взгляда

Digitized by Google

сердитаго не увидишь — ничего нѣтъ барскаго; сама одѣваешся, сама голову чешетъ....

Анютка. Да, такъ тебѣ кажется, будто барскаго нѣтъ, а поди-ка, спѣси въ ней не Миссъ Чортъ чета! Я таки живала съ барышнями. Бывало, къ самой спѣсивой, какъ разъ и въ фаворитки попадешь. А съ этой заводишь рѣчь —она молчитъ; продолжаешь —проговоритъ тебѣ: «Милая! мнѣ ничего не надобно — ты можешь идти»—и пойдешь, несолоно хлѣбавши...

Маша. Вѣдь и съ баричемъ она также обходится: не подлещивается, гордеянка, а какъ будто все приказывать ему хочетъ.

Анютка. Да, ужъ не обвѣнчаны-ли они, чего добраго?

Маша. Куда тебѣ! Тогда съ старой барыней и не сладишь!

Пар. Но ты видишь, что старая барыня сама въ ней души не слышитъ.

Маша. А, право, дѣвки, дѣло чудное; я и не слыхивала объ этомъ; не знаешь, какъ къ этой Нѣмкѣ и подходить: не то барышня, не то служанка, не то жена барича — а ходятъ вмѣстѣ, сидятъ вмѣстѣ.

Степ. А вотъ этакъ, не замѣтила-ль ты, такъ сказать, чего нибудь...

Digitized by Google

Маша. Ахъ! нѣтъ, нѣтъ! Вотъ ужъ нѣтъ— нечего и грѣха принимать на душу— ей Богу! нѣтъ! ничего— какъ братъ съ сестрой — хоть и одни остаются, такъ на фортепіянахъ начнутъ играть, либо книги читать... Ну! ручки не пожметъ ни разу!...

Пар. Ахъ! нелегкая васъ побери! заговорилась съ вами, да любимый барынинъ чепчикъ прожгла утюгомъ....

Всѣ. Ахъ! бѣда! ахъ! ахъ! ахъ!

IX.

« Давно не писала я къ тебѣ, милая Фанни, и вотъ ужъ почти осень наступаетъ, а мое послѣднее письмо было писано, когда еще цвѣли розы. Милый другъ! прости меня—виновата, и хочу теперь такъ положить, чтобы писать къ тебѣ всякій день, а потомъ вдругъ отсылать, что у меня будетъ написано. Безъ этого, когда есть случай, ничего въ голову не приходитъ— ни пера, ни бумаги не сыщешь...

«Боже мой! у меня и нечего много разсказывать. Я писала къ тебѣ подробно о нашемъ пріѣздѣ въ Княжескую деревню, о Княгинѣ, о прелестномъ здѣшнемъ мѣстоположеніи. Какъ сказать: *прелестномъ?* Можетъ-ли быть назва-

Digitized by Google

но такъ мѣсто, гдѣ бѣдная природа брошена къ ногамъ роскоши и искуства; гдѣ лужку не позволяютъ быть зеленымъ, пока не усыпали его золотомъ, а цвѣшочку цвѣсти, пока садовникъ не утвердитъ, что это цвѣтокъ рѣдкій, или модный? Здѣсь все размѣряно, разсчитано. Что кажется просто, то держится самымъ скрытнымъ искуствомъ. Обширные парки Княжескіе занимаютъ ежедневно множество народа; каждое дерево тамъ обдѣлано, осмотрѣно, и что сначала почтешь простымъ, очаровательнымъ, дикимъ лѣсомъ, то все обработано по самой ученой перспективѣ. Вотъ окрестности здѣшнія точно прелестны; виды въ нихъ превосходные. Но, знаешь-ли, милая, что я теперь чувствую?

«Я писала къ тебѣ, какъ сначала испугало меня великолѣпіе, богатство, знатность, какія встрѣтила я у Княгини. Но я скоро къ этому привыкла, узнала порядокъ здѣшней жизни, примѣнилась къ людямъ, и теперь ничего не пугаюсь. Надобно знать тебѣ, что каждый день я открываю въ милой Княгинѣ новыя достоинства. Она такъ добра, проста, откровенна, ласкова! Она подарила мнѣ такое множество всякой всячины, что я не знаю даже, куда мнѣ съ этимъ дѣваться. Не принять совѣстно, принять тоже. Князь старичекъ пре-

Digitized by Google

добрый, и мы его мало и видимъ: только главное за обѣдомъ. Завтракъ по утру носятъ къ нему въ кабинетъ, а за чаемъ вечеромъ всегда составляется у него партія виста. Онъ, и еще трое стариковъ сосѣдей, а иногда нашъ Докторъ, каждый вечеръ сидятъ въ гостиной и играютъ; между тѣмъ, мы собираемся въ свое отдѣльное общество. Не воображай себѣ Княгиню и домъ ея, какъ мы всегда воображали знатныхъ людей, съ толпою гостей, съ множествомъ народа. Мимоѣздомъ, изрѣдка посѣщаютъ насъ, и Княгиня ѣздитъ иногда съ визитами. Но кромѣ того, что Князь и Княгиня не имѣютъ здѣсь много знакомыхъ, по болѣзни сына они совсѣмъ отказались отъ гостей. Думаю, что при гостяхъ, при выѣздахъ, при балахъ, я потерялась-бы, не знала, что мнѣ дѣлать. Но теперь совсѣмъ другое, и я совершенно обжилась у милой моей Княгини. И—вотъ что чувствую я теперь: какую-то тягость, какую-то пустоту въ великолѣпіи и богатствѣ! Меня удивляла прежде эта пышность — теперь ни сколько не удивляетъ. Я не могла сначала пройдти мимо огромныхъ зеркалъ, какія вездѣ разставлены по заламъ, безъ того, чтобы не поглядѣться въ каждое. Теперь хожу мимо ихъ и не думаю взглянуть на себя. Сначала, я тихонько дотрогивалась бывало до малахита, бронзы, мрамора — такъ гладко, такъ хоро-

Digitized by Google

шо погладишь эти столы и вазы. Теперь все одно и тоже приглядѣлось мнѣ, и даже приходишъ иногда въ голову: для чего стоятъ тутъ какія нибудь пустыя мраморныя чаши и вазы, и можно-ли платишь за нихъ тысячами, когда они ни на что не надобны, кромѣ того, чтобы занять мѣста по угламъ и подлѣ стѣнъ? Картинъ у Князя такъ много, что часть ихъ отнесена въ кладовую. И не лучшія, но по симметріи подобранныя, поставлены картины на стѣнахъ. Многія цѣнятся за одно то, что онѣ дороги. Въ гостиной находится большая картина: Дикіе Американцы ѣдятъ плѣнника—такая гадкая сцена, и я не взяла-бы дорого смотрѣть на нее; но она дорого заплачена, писана какимъ-то славнымъ живописцемъ, и потому поставлена въ лучшемъ мѣстѣ. Не повѣришь, по какому размѣру и разсчету все дѣлается въ знатномъ домѣ. Тутъ нѣтъ мѣста уединенію, или свободѣ дѣлать что ты хочешь: на все часы, условіе, и сто человѣкъ только того и смотрятъ: чего ты желаешь? Здѣсь все безмолвно слушается и услуживаетъ — даже карпы въ пруду слушаются звона колокольчика — и, не повѣришь, какъ это скоро и сильно надоѣдаетъ. Здѣсь такъ всего много, что желать нечего, и скучно желать, потому, что напередъ знаешь, что все тотчасъ исполнится,

Digitized by Google

чего ты ни захочешь. Отъ этого, думаю, и добрая Княгиня моя смотритъ на все равнодушно, холодно, ничему не удивляется, ничему не радуется. Помнишь, когда, на выработанныя тихонько деньги, мы дѣлаемъ бывало другъ другу какой нибудь сюрпризъ? — Теперь я понимаю: не въ томъ радость, что подаришь, но въ томъ, что сколько прежде этого думаешь, придумываешь, заботишься, какъ-бы все это устроить и сдѣлать! А когда бывало дѣдушка наймешъ карету, и мы отправимся въ Царицыно—какъ радовала насъ карета, какъ мы восхищались тѣмъ, что ѣдемъ въ каретѣ! Теперь, милый другъ, пять каретъ, и кабріолетка, и линѣйка — только захотѣть, и поѣдешь въ каретѣ, или въ чемъ угодно, и—мнѣ ни однажды этого не захотѣлось, право, не знаю почему. Не знаю еще, какимъ образомъ милая моя Княгиня узнала день именинъ моихъ, и подарила мнѣ богатый изумрудный фермуаръ. Но, вѣдь я не обрадовалась ему такъ, какъ радовалась той браслеткѣ, которую прошлаго года подарила мнѣ ты. Не думаешь-ли, что я не люблю Княгини? О, это невозможно — ея не льзя не любить; но для браслетки ты полгода копила деньги, а Княгиня взяла фермуаръ изъ ящика, гдѣ у нея лежитъ множество брилльянтовъ и всякой всячины; она подарила мнѣ его, какъ ничтожную

Digitized by Google

бездѣлку — я знала, что онъ ничего не значитъ для нея, и онъ потерялъ для меня всю свою цѣну. Дня три тому, мы зашли на Княжескую ферму. Тутъ я увидѣла дюжину превосходныхъ коровъ—Тирольскихъ, Англійскихъ —такія миленькія! И мнѣ тотчасъ пришло въ голову, видя, что Княгиня и не смотритъ на нихъ: «Ахъ! если-бы у бабушки моей была хоть одна такая коровка!» Я давала въ это время кусокъ хлѣбца прелестной Англійской коровѣ, бѣлой, какъ снѣгъ, и она такъ ласково лизала мою руку. Княгиня замѣтила, что я задумалась, и стала спрашивать, о чемъ я думаю? Я откровенно призналась ей. Chère enfant! сказала она, печально улыбнувшись, и поцѣловала меня. На другой день я узнала, что корову увели въ Москву, къ дѣдушкѣ. Это до слезъ растрогало меня. Я побѣжала къ Княгинѣ и цѣловала ея руки. Пожалуста, Фанни, поласкай мою коровку, когда приведутъ ее къ бабушкѣ, и напиши, рада-ли была ей бабушка? Мы послѣ того цѣлыхъ полдня сидѣли и говорили съ Княгинею. Она жаловалась мнѣ на скуку жизни — я вѣрю ей: у ней всего много, и ей нечего желать....

«Разскажу тебѣ еще прогулку нашу, дней пять тому назадъ. Она оставила глубокое впечатлѣніе въ душѣ моей. Сквозь Княжескую

Digitized by Google

рощу, изъ окошекъ моей комнаты видна золотая глава .... ской пустыни. Давно хотѣлось мнѣ побывать въ этомъ монастырѣ. Я слышала, что тамъ поютъ монахи по старинному, и очень хорошо, а ты знаешь, что никогда прежде совсѣмъ не слыхивала я монастырскаго пѣнія, и даже совсѣмъ не видала монастырей. Княгиня вздумала ѣхать, и взяла меня съ собою. Когда живетъ она лѣтомъ въ деревнѣ своей, то всегда говѣетъ, и духовникъ ея одинъ изъ монаховъ этого монастыря. Его всѣ считаютъ здѣсь за святаго человѣка. Наружность монастыря обыкновенная, и онъ походитъ на всѣ Московскіе монастыри: четыре каменныя стѣны, старинныя башни, на воротахъ написаны Святые. Мы молчали всю дорогу. Я думала, не сердита-ли на меня Княгиня; но подъѣзжая къ монастырю, она печально сказала мнѣ: «Здѣсь погребена мать моя.» —*Ея мать!* Я поняла причину ея грусти, мнѣ стало самой тяжко и грустно. Монастырь показался мнѣ послѣ того гробомъ живыхъ мертвецовъ, которые оберегаютъ могилы мертвыхъ. У воротъ мы вышли изъ кареты... Нѣтъ! жаль, что въ нашихъ Лютеранскихъ церквахъ нѣтъ образовъ! Ты не повѣришь, какое чувство произвело во мнѣ изображеніе на воротахъ двухъ смиренныхъ монаховъ, несущихъ крестъ, и надпись надъ ними: «*Отвергнись*

Digitized by Google

себя, возьми крестъ мой, и по мнѣ иди!» Но въ тоже время неописанное наслажденіе произвело въ душѣ моей изображеніе Спасителя, надъ дверьми главной церкви, и надпись: «*Придите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ!*» Мнѣ казалось, что я приближаюсь къ святому мѣсту успокоенія, обѣщанному Спасителемъ. Когда мы вошли въ церковь, старинную, высокую, темную, невольное благоговѣніе объяло меня. Церковь была почти пуста; народу было въ ней немного: крестьянки старухи, да еще нѣсколько богомольцевъ, пришедшихъ изъ Москвы; но служба совершалась въ церкви, какъ всегда; свѣчи зажжены были повсюду. О Фанни! мысль, что здѣсь, въ этой уединенной обители, люди, отрекшіеся отъ міра, забытые міромъ, молятся за Государя, за страждущихъ, плѣненныхъ, за цѣлый міръ, за счастіе его, за будущее небо для другихъ людей — и въ тоже время свѣтъ, и люди, и міръ шумятъ, бѣгутъ, ѣдутъ мимо ихъ, и не мыслятъ о молитвѣ ихъ — и нѣтъ никакой награды въ мірѣ этимъ инокамъ, кромѣ мысли о темномъ гробѣ, о свѣтлой жизни за гробомъ... Фанни! я невольно стала на колѣни и молилась усердно! Только молитва бѣдныхъ поселянъ и смиренныхъ богомольцевъ, пришедшихъ издалека, сюда, въ забытую эту оби-

Digitized by Google

пѣль, сливалась съ моею молитвою. «*Господи! успокой его тамъ, гдѣ успокоены праведные!*» шептала за мною какая-то старушка, босая, съ котомкою за плечами, съ изношеннымъ платкомъ на головѣ — она молилась со слезами, въ землю. Я спросила у другой старушки: о чемъ плачетъ ея подруга? «У нея умеръ сынъ, барышня, и она для утѣшенія пришла сюда, потому, что съ печали совсѣмъ лишилась хлѣба, и только въ богомольѣ находитъ еще отраду.» Бѣдная мать ничего не замѣчала, молилась и плакала. Я готова была обнять ее и также плакать. Всѣ несчастные казались мнѣ друзьями моими. И такъ, только въ горести, въ скорби — думала я — мы вспоминаемъ объ этихъ святыхъ монастыряхъ, приходимъ сюда плакать и молиться! И звонъ колокола, который сколько разъ слыхала я равнодушно, утромъ и вечеромъ, каждый разъ говорилъ мнѣ: «*Бѣдствующіе! утѣшьтесь! есть мѣсто, гдѣ вы можете плакать; и люди не помѣшаютъ вамъ, и самъ Спаситель сойдетъ свѣтлымъ утѣшеніемъ въ душу страдальца!*»

«Между тѣмъ съ любопытствомъ смотрѣла я на монаховъ, на ихъ длинныя, черныя рясы: мнѣ казалось, что я вижу тѣни людей, уже умершихъ, и только молитва, мрачная, грустная, печальная молитва являлась мнѣ въ обра-

Digitized by Google

зѣ этихъ черныхъ иноковъ, возносимая изъ глубины гроба, гдѣ погребены они. «Зачѣмъ-же молитва Тому, Кто столь милосердъ, должна быть мрачна и печальна?» думала я, смотря на черныя рясы и важныя, угрюмыя лица монаховъ. Я вслушивалась въ пѣніе, и оно удивляло меня какою-то важностью, дышало чѣмъ-то гробовымъ, страшнымъ, заставлявшимъ содрогаться. Вдругъ всѣ монахи сошлись на средину церкви, и громкій хоръ ихъ раздался повсюду. Я не знаю словъ того, что они пѣли, но этотъ хоръ поразилъ меня какою-то патріархальною простотою: мнѣ казалось, что я живу еще въ первыя времена Христіанства, когда еще не много стекалось народа въ храмы, и всѣ страшились, что посланные тирана набѣгутъ на храмъ, сокрытый въ какой нибудь пустынѣ, и смерть ждетъ Христіанъ въ усердной молитвѣ ихъ...

«Но хоръ умолкъ, и вдругъ три тихіе голоса запѣли—о Фанни! И теперь слезы на глазахъ моихъ, едва вспомню я, какъ пѣли они! Я достала себѣ слова и ноты этой церковной пѣсни: это та самая пѣснь, которую пѣлъ святой старецъ Симеонъ, когда увидѣлъ Христа, принесеннаго во храмъ Іерусалимскій. Ты помнишь эту великую повѣсть? Симеону было обѣщано, что онъ не умретъ, пока не

Digitized by Google

увидитъ Спасителя міра. И вотъ, ждалъ Симеонъ, долго ждалъ, состарѣлся, одряхлѣлъ — нѣтъ Обѣтованнаго! Напрасно приходилъ онъ ежедневно во храмъ, смотрѣлъ, тосковалъ душею и сердцемъ—нѣтъ Его! Уже ноги Симеона едва двигались, глаза едва смотрѣли — а смерть не приходила къ нему! Онъ идетъ во храмъ еще разъ, и— передъ нимъ Божественный Младенецъ, на рукахъ Пресвятой Дѣвы — и мысль, что онъ видитъ отъ вѣковъ обѣщанное спасеніе міра и людей, и сладкая дума, что онъ видитъ вѣстника освобожденія своего изъ тюрьмы здѣшняго міра, и что насталъ для него часъ праведной кончины и для міра часъ вѣчнаго спасенія.... все это излилось изъ глазъ его горячими слезами. И старецъ Симеонъ бросилъ въ сторону свой костыль, принялъ на руки Божественнаго Младенца, и вдохновенно запѣлъ: «*Нынѣ отпущаеши раба твоего, Владыко! по глаголу твоему, съ миромъ!*» . . . Эту самую пѣснь пѣли иноки обители. Не могу писать къ тебѣ болѣе — дай мнѣ поплакать немного! . . .»

X.

— Не прикажете-ли, Ваше Сіятельство, поднять шпору?—униженно спросила у Княгини служанка, горничная Княгини, если угод-

Digitized by Google

но. Впрочемъ, въ цѣломъ домѣ звали эту служанку Аграфена Михайловна; Дворецкій всегда ласково кланялся ей, и *Миссъ Шортъ*, или, какъ называли Ключницу-Англичанку слуги и служанки: *Миссъ Чортъ*, всегда звала ее къ себѣ завтракать. Аграфена Михайловна рѣдко отказывалась отъ этого: она очень любила *бріошки*, какія Миссъ Чортъ готовила для своего завтрака.

Княгиня сидѣла на низенькомъ табуретѣ, подлѣ круглаго столика, и, казалось, со вниманіемъ смотрѣла въ письмо, которое только что было прочитано, и лежало передъ нею на столикѣ. Глаза Княгини не могли оторваться отъ слѣдующихъ словъ письма — мы переведемъ ихъ для нашихъ читателей. Письмо писано было по-Французски, разумѣется.

« Словомъ, милый другъ, прости эгоизму, съ какимъ читала я твое извѣстіе о надежномъ выздоровленіи твоего Поля. Ты опять возвратишься въ Петербургъ; опять, счастливая мать, ты увидишь милаго сына своего на блестящемъ пути, какой открываютъ ему его родъ, дарованія и образованіе. Но мы радуемся всего болѣе за себя, милый другъ: безъ тебя мы сиротѣемъ; нѣгдѣ души отвести, и если-бы не нашъ Баронъ Б. Б. завелъ дни, я не знала-бы куда дѣваться съ днями, прежде

Digitized by Google

тебѣ посвящаемыми. Ты полюбишь его Баронессу; въ этомъ я увѣрена. Кстати, милый другъ, неужели ты не знаешь, что въ сосѣдствѣ твоемъ опять живетъ нынѣшнее лѣто сестра Баронессы, Графиня N. N.?—Кажется, вы бывали нѣкогда довольно знакомы, когда еще Графиня не ѣздила въ Италію. Баронесса сказываетъ, что малютка Графини, эта Лауренсова головка, *Моина*, сдѣлалась прелестна, и исполнена дарованій; что вся Москва была восхищена ею въ прошедшую зиму. Мнѣ невольно пришелъ въ голову твой Поль. Если-бы слабость здоровья не позволила ему служить, Моина твоя сосѣдка. Не смотря на разстроенное состояніе матери....»

Княгиня задумалась, и оборотила голову къ окну. Аграфена Михайловна съ величайшимъ вниманіемъ смотрѣла въ это время въ окно.

— Что ты видишь тамъ такого любопытнаго, Груня? — невнимательно спросила у нея Княгиня.

«Ахъ! Ваше Сіятельство! извините..... я засмотрѣлась....

— Что тамъ такое?—Княгиня встала и подошла къ окну, изъ котораго видна была часть сада. На прелестномъ садовомъ лужку, молодой

Digitized by Google

Князь и Эмма играли въ *серсо*, и весело бѣгали по саду.

Княгиня молчала и внимательно смотрѣла. Игра кончилась. Эмма бросила свою рапиру; Князь побѣжалъ къ дерновой скамейкѣ, гдѣ лежали зонтикъ Эммы и платокъ; онъ подалъ ихъ и потомъ взялъ Эмму подъ руку. Онъ и Эмма пошли послѣ того по садовой дорожкѣ.

— Прекрасная парочка!... прошептала Аграфена Михайловна, какъ будто забывшись.

«Что ты говоришь?» быстро спросила Княгиня, оборотясь къ ней.

— Ахъ! Ваше Сіятельство! извините...

«Что говоришь ты?» Взоръ Княгини сдѣлался мраченъ.

— Ваше Сіятельство! я осмѣлилась сказать: *прекрасная парочка*.

«Кто-же эта парочка?

Аграфена Михайловна обратила взоры, молча, на Князя и Эмму. Бѣлое платье Эммы еще мелькало вдали, между деревьями.

— Ты знаешь, Аграфена, что я терпѣть не могу, если ты позволяешь себѣ болтать всякій вздоръ.

Digitized by Google

« Я полагала, что на это есть воля Вашего Сіятельства, и не смѣла-бы подумать ничего противнаго волѣ вашей.

— Ты дерзкая болтунья.

« Не я, Ваше Сіятельство: это общій слухъ. Въ домѣ Графини N. N. недавно говорили объ этомъ.»—Княгиня молчала. «Дѣдушка Эммы совсѣмъ этого не скрываетъ отъ своихъ знакомыхъ.»

— Кто сказывалъ тебѣ, что въ домѣ Графини говорили объ этомъ?

« Лука Лукичъ, возвратясь отъ Графини домой, говорилъ это своей супругѣ, а она спрашивала у меня, встрѣтившись со мною въ церкви.

— И неужели старикъ Нѣмецъ осмѣлился сказать что нибудь подобное?

« Ваше Сіятельство! я не знала, что это тайна.

— Поди вонъ, и не смѣй показываться мнѣ на глаза! —

Аграфена Михайловна сдѣлала печальную рожу, и безмолвно пошла изъ комнаты, думая: гдѣ гнѣвъ, тутъ и милость. Но ея насмѣшливая улыбка могла-бы показать, что ядовитая

Digitized by Google

стрѣла пущена была не безъ намѣренія, не пролетѣла мимо, и попала по своему назначенію.

«Объ этомъ ужь *говорятъ*; и у Графини N. N.; и я сдѣлалась басней слугъ и сосѣдей; и этотъ дерзкій Нѣмецъ осмѣлился думать, и говорить.....» Княгиня такъ сильно толкнула пьедесталъ съ мраморнымъ Амуромъ, что бѣдный богъ Любви полетѣлъ съ него и отшибъ себѣ оба крыла. Княгиня такъ задумалась, что совсѣмъ не замѣтила паденія Амура....

«Въ самомъ дѣлѣ—какое несчастное стеченіе обстоятельствъ! Кто не подумаетъ?»—проговорила она въ полголоса.

О! какъ много дѣйствуетъ одно слово, одинъ намекъ! какъ правы были наши старики, говоря: Слово не дубина, а убиваетъ сильнѣе обуха!

Только теперь все вдругъ освѣтилось въ глазахъ Княгини, и устроилось въ какой-то особенный порядокъ идей, изъ которыхъ мы перескажемъ только немногія:

— Она моя невѣстка — жена моего Поля — дерзкая дѣвчонка! Неужели ты думала? — И этимъ все должно кончиться для меня!—Какая глупость съ моей стороны, какое безразсудство!

Digitized by Google

Неужели совѣсть не сказала въ это время Княгинѣ: «А отчаянное положеніе твоего сына? А то мгновеніе, когда ты плакала при одрѣ его, и говорила врачу: «Спасите его, спасите, чего-бы то ни стоило!»

Нѣтъ! Совѣсть ничего подобнаго ей не сказала.

Не ясно, неопредѣленно думала теперь Княгиня: «Дерзость этихъ Нѣмцевъ—лекарка эта моя дочь!....» Да, сынъ Княгини былъ уже здоровъ, и чего-же еще болѣе? Какая была надобность, если это непостижимое таинство природы, совершившееся надъ сыномъ Княгини, должно было кончиться, можетъ быть, нѣжнымъ чувствомъ любви; если земному надобно было перейдти въ небесное; какая надобность, что на свѣтлой душѣ Эммы взоръ Княгини до сихъ поръ не открылъ еще ни одного пятнышка; какая надобность, если судьба уже благословила два сердца на всю вѣчность быть однимъ сердцемъ, и разрывая ихъ, надобно было растерзать ихъ, облить кровью, и, можетъ быть, окровавленными руками положить во гробъ— и юношу, спасеннаго Эммою, и дѣвушку эту, спасительницу юноши.... Зачѣмъ-же не догадалась глупая судьба пустить его въ міръ какимъ нибудь Нѣмцемъ учителемъ, подъ пару Нѣмкѣ, дочери небогатаго чиновника?

Digitized by Google

А теперь— онъ *Князь*, она *мѣщанка*, и судьбѣ вздумалось шалишь шакъ неосторожно сіятельными родословными?....

Но, что-бы ни думала Княгиня, она спокойно, не измѣняя ничего прежняго, встрѣтила Эмму и сына своего, когда они воротились съ прогулки.

И какъ несправедлива была Княгиня къ бѣдной Эммѣ! Прочтемъ письмо, посланное Эммою къ Фанни, черезъ нѣсколько дней послѣ того.

XI.

«Ты спрашиваешь меня, милый другъ, почему ни однажды не упоминала я тебѣ о молодомъ Князѣ; ты говоришь мнѣ, что заочно видишь, какъ я буду краснѣть, читая твое письмо. Ошибаешься, Фанни: я читала письмо твое и не краснѣла. Ты шутишь надъ отысканнымъ идеаломъ—несправедливая Фанни! Нарочно хочу написать тебѣ мою полную исповѣдь, и если-бы не грѣшно было божиться, я напередъ побожилась-бы тебѣ, что говорю сущую правду.

«Всегда бранивала ты меня за мои странныя мечты, за мои несбыточныя понятія о томъ, что люди называютъ *любовью*. Виновата-ли я, милый другъ, что иначе не могла

Digitized by Google

думать? Не знаю, какъ и отъ чего составляются въ душѣ нашей понятія; но не такого мужчину, не такою любовью могла любить я, какихъ мужчинъ знавала я на свѣтѣ, и какою любовью любила ты, Фанни, и другія подруги.

«Молодой Князь С*** также совсѣмъ не тотъ человѣкъ, котораго ждала мечта моя — нѣтъ! Онъ не тотъ! Сказать-ли тебѣ, Фанни? Сначала мнѣ самой казалось, что этотъ бѣдный страдалецъ въ самомъ дѣлѣ приведенъ къ сердцу моему изъ милльоновъ людей, чтобы молитва моя и непонятное дѣйствіе, которымъ могу я возвратить ему разумъ, исцѣлили его, и чтобы послѣ того онъ на вѣкъ отдалъ мнѣ свое сердце, на вѣкъ взялъ мое. Никогда подобное чувство не могло-бы запасть въ душу мою, если-бы я встрѣтила Князя въ обществѣ, въ блестящемъ свѣтскомъ кругу, съ его отличіями по роду и званію; но ты знаешь, какъ странно мы встрѣтились — я могла думать, могла мечтать о родной душѣ.... Фанни! мысль эта мелькнула въ душѣ моей, когда не *Князь*, но какой-то несчастный молодой человѣкъ встрѣтился со мною. И при всемъ томъ, только мелькнула у меня эта мысль, Фанни, и, увѣряю тебя, тотчасъ исчезла невозвратно. До сихъ поръ, я вовсе не знаю, отъ чего именно надобна была моя воля для исцѣленія

Digitized by Google

Князя. Но я поняла это леченіе такъ, что мнѣ должно было желать ему исцѣленія, желать всѣмъ сердцемъ и молить о томъ Бога. Фанни! я желала этого всѣмъ сердцемъ, я молилась— ничего болѣе не дѣлала я, но въ этомъ соединялось все мое бытіе, всѣ мои мысли. Только это заняло всю мою душу; съ этимъ поѣхала я въ деревню Княжескую; объ этомъ только крѣпко и постоянно думаю донынѣ. Недавно прибавилось къ этому ещѐ наслажденіе: видѣть, что предвѣщаніе Доктора исполняется, и молодой Князь получаетъ постепенно умъ, здоровье и молодость, и всѣмъ этимъ онъ мнѣ обязанъ....

«Припадковъ безумія у него вовсе не стало съ самаго пріѣзда нашего въ деревню. На другой день по пріѣздѣ, онъ явился уже одѣтый настоящимъ образомъ, только блѣдный, молчаливый, угрюмый. Такъ прошло нѣсколько дней. Онъ безпрестанно находился съ нами, но всегда молчалъ и сидѣлъ потупивъ глаза. По приказанію Доктора, онъ долженъ былъ каждый день съ нимъ прогуливаться. Странно, что всегда почти надобно было мнѣ пристально поглядѣть на него, чтобы онъ послушался. Однажды, мы остались съ нимъ одни. Я ласково взглянула на него, улыбнулась — онъ также улыбнулся, и угрюмость его пропала. Ахъ!

Digitized by Google

какъ это обрадовало меня, обрадовало самою чистою, святою радостью! На другой день Докторъ велѣлъ мнѣ идти гулять съ нимъ, взявъ его подъ руку. Князь задрожалъ, когда я протянула къ нему мою руку, протеръ себѣ глаза, но не могъ не послушаться. Мы гуляли съ нимъ долго и молча. Въ другой разъ, прогуливаясь, я начала съ нимъ говорить, и онъ охотно началъ говорить со мною. Но еще долго послѣ того не говорилъ онъ ни съ кѣмъ, кромѣ меня. Мнѣ удивительно было, что со мной разговаривать какъ будто кто нибудь ему приказывалъ. Еще удивительнѣе казалось, что онъ походилъ въ это время на ребенка, долженъ былъ пріискивать слова, съ видимымъ усиліемъ мыслить; иногда онъ отвѣчалъ совсѣмъ не то, о чемъ его спрашивали, казался опомнившимся послѣ того, думалъ, и отвѣчалъ складно. Вообрази себѣ, милый другъ, статую, которая постепенно оживляется: таковъ былъ этотъ бѣдный Князь. Онъ очень не дуренъ собою теперь, когда изглаживаются въ немъ всѣ слѣды его ужасной болѣзни; дикость глазъ его пропала, и онъ всегда теперь одѣтъ прекрасно. По всему видно, что онъ получилъ отличное воспитаніе. Сумасшествіе уничтожило въ немъ все это; только я думаю, въ душѣ его оставались какіе нибудь слѣды прежняго: ему стоитъ напоминать теперь, и иногда легко,

Digitized by Google

иногда съ прудомъ, онъ тотчасъ вспомнитъ и начнетъ дѣлать то, что дѣлывалъ прежде. Такъ я узнала, что онъ превосходно рисовалъ, и вотъ однажды велѣла ему сѣсть подлѣ себя, взяла карандашъ, и начала рисовать цвѣточекъ. Онъ смотрѣлъ внимательно. Кончивъ мой рисунокъ, я подала карандашъ ему, и сказала: «Нарисуйте и вы.» Онъ казался изумленнымъ; по обыкновенію, протеръ себѣ глаза; я пристально смотрѣла на него; онъ взялъ карандашъ; долго вертѣлъ его въ рукахъ. У меня на груди было приколото нѣсколько цвѣточковъ, сорванныхъ во время нашей прогулки. Я бросила ихъ на столъ, и сказала: «Срисуйте ихъ.» И онъ началъ рисовать ихъ, и срисовалъ прелестно подлѣ моего цвѣточка; но работа казалась ему трудною: онъ думалъ, счищалъ написанное, опять рисовалъ. Наконецъ съ улыбкой посмотрѣлъ онъ на меня, и обвелъ гирляндой мой цвѣточекъ и нарисованные имъ. Точно такъ стали мы съ нимъ играть на фортепіано въ четыре руки, и теперь играемъ всякій день. День ото дня показываетъ онъ болѣе и болѣе и природный умъ свой, и прежнее превосходное свое образованіе. Онъ уже говоритъ свободно со всѣми; только все еще робокъ, застѣнчивъ кажется онъ, хотя прежде, сказываютъ, бывалъ отмѣнно ловокъ и разговорчивъ. Душа его также должна быть прекрасна. Вчера

Digitized by Google

мы стояли съ нимъ подлѣ окна. На небѣ была великолѣпная радуга: она перегибалась по всему небу, казалась великолѣпнымъ сводомъ небеснымъ, и заходящее солнце измѣняло и переливало безпрерывно цвѣта ея. «Какая прелесть!» сказала я.—Oui—отвѣчалъ онъ, и, задумчиво прибавилъ, смотря на радугу—Voyez avec quelle brillante variété il change ses couleurs; mais quelque changement qu'on aperçoive dans ses teintes, n'est ce pas toujours le signe consolateur de l'amour céleste?—У меня невольно навернулись слезы, когда слушая эти слова его, я вообразила ужасное его состояніе за нѣсколько мѣсяцевъ. Въ первый разъ, самъ взялъ онъ тогда мою руку, и уныло смотря на меня, сказалъ: Notre vie ici bas—rien que misère — un souffle et nous ne sommes plus; mais tout ce qui nous attriste et nous accable n'est fait que pour nous rapprocher de l'amour du Père céleste....

Фанни! согласись, что только прекрасная, чистая душа могла внушить ему сіи слова. Но, милый другъ! никогда въ душѣ моей не замѣнитъ Князь того, о чемъ мечтала я съ тобою нѣкогда. Теперь мнѣ, право, нѣтъ времени ни о чемъ думать, но въ Князѣ я вижу не тотъ прелестный образъ, взоръ ко-

Digitized by Google

шораго заставилъ-бы меня потупить глаза, заставилъ сердце мое биться сильнѣе обыкновеннаго. Если-бы можно было (надобно было, хотѣла я сказать), то я назвала-бы чувство мое къ нему какою-то родственною привязанностью — буду откровенною: чѣмъ-то больше дружбы, меньше любви. Признаюсь тебѣ, что видѣть его, говорить съ нимъ, изъяснять ему разныя понятія, сдѣлалось для меня даже привычкою. Мнѣ будетъ, можетъ быть, грустно разстаться съ нимъ, но мнѣ не менѣе грустно разстаться и съ Княгинею. Я такая animal d'habitude, такъ привыкла къ нимъ, даже къ нашему чудаку Доктору. Но какая-же это любовь, Фанни? Похожи-ли мои чувства на чувства Теклы? — Ты вѣдь читала и помнишь *Валленштейна*. — Я совсѣмъ не замѣчаю въ себѣ ни тайной грусти, ни унынія. Мы такъ весело играемъ, бѣгаемъ съ Княземъ, и мнѣ всего болѣе удовольствія приноситъ то, что милая моя Княгиня радуется, смотря на насъ. —Меня любятъ здѣсь всѣ, даже старая управительница Англичанка, ужасная воркунья на другихъ. Но не думаешь-ли ты, Фанни, чтобы все это замѣняло мнѣ васъ — тебя, милая, и бабушку и дѣдушку? Ахъ! нѣтъ — никто и никогда не замѣнитъ васъ въ моемъ сердцѣ! Одного взгляда на великолѣпіе и холодныя

Digitized by Google

условія приличій здѣшнихъ достаточно напомнишь мнѣ, что не здѣсь мое счастіе, не здѣсь назначеніе моей жизни.... Я и забыла сказать тебѣ, что мы еще не скоро съ тобою увидимся. Княгиня остается въ своей деревнѣ на всю зиму, и она упросила дѣдушку оставить меня съ нею. Повѣришь-ли, что это сначала опечалило меня, когда я объ этомъ узнала? Можешь судить послѣ сего: справедливо-ли все то, что я писала тебѣ о Князѣ? Говорятъ, что въ деревнѣ глубокою осенью бываетъ скучно, а зимою совсѣмъ несносно. Мнѣ кажется, напротивъ, должно быть весело. Отъ чего будутъ печалить насъ желтые листья, падающіе съ деревьевъ, если мы знаемъ, что за осенью слѣдуетъ новая весна, съ новыми зелеными листьями? Грустно, если-бы этого не было. Но человѣкъ? Гдѣ у него новая весна послѣ его осени? Гдѣ? — А жизнь за гробомъ, милый другъ! Помнишь-ли послѣднія слова бѣднаго Пальмера: There is another and a better world (есть другой міръ, лучше нашего)?...

XII.

Княгиня. И такъ, любезный Г-нъ Докторъ, вы можете теперь ручаться за рѣшительное выздоровленіе моего сына?

Digitized by Google

Докторъ. Сколько умъ человѣческій можетъ предвидѣть, онъ внѣ всякой опасности. Дайте пройдти зимѣ, и весной мы приступимъ къ гимнастическимъ сильнымъ упражненіямъ, станемъ пить кумысъ, и къ будущей зимѣ сынъ вашъ сдѣлается здоровѣе меня, потому, что сильный ревматизмъ мой съ нѣкотораго времени даетъ мнѣ чувствовать жестокость здѣшняго климата, и я....

Княгиня *(перебивая рѣчь его)*. Я хотѣла посовѣтоваться съ вами о томъ: не надобно-ли теперь испытать какого нибудь свѣтскаго разсѣянія.

Докторъ. Нѣтъ! это еще не возможно. Ваши ночные выѣзды, театры, балы, городская жизнь вообще могутъ разстроить снова его здоровье. Еще годъ уединенія, Княгиня; поскучайте въ деревнѣ еще одно лѣто.

Княгиня. Боже мой! вы не поняли меня! Могу-ли скучать въ какой-бы то ни было глуши, если это необходимо для здоровья моего Поля? Нѣтъ! я думала такъ: не льзя-ли у насъ въ деревнѣ завести небольшіе вечера. Нѣсколько добрыхъ пріятелей и родныхъ рады пріѣзжать къ намъ изъ Москвы, и собранія наши будутъ безъ шума, безъ блеска....

Digitized by Google

Докторъ. Да, такимъ образомъ. Въ самомъ дѣлѣ, это испытать не худо; это можетъ послужить къ разсѣянію вашего сына, и только это, можетъ быть, рѣшительно прогонитъ его задумчивость, его какую-то грусть и странную робость. Я забылъ, что у свѣтскихъ людей разсѣяніе бываетъ стихіею, безъ которой они жить не могутъ и задыхаются, какъ рыба безъ воды. Вы правы, Княгиня: немного болѣе движенія въ жизни вашей не худо.

И черезъ недѣлю, въ день какихъ-то именинъ, или чьего-то рожденія, великолѣпно освѣщены были комнаты въ деревенскомъ дворцѣ Князя С***. Множество гостей съѣхалось изъ Москвы наканунѣ и съ утра.

XIII.

(Письмо, котораго Эмма не отправила къ Фанни. Оно было писано въ ночь послѣ Княжескаго вечера).

«Фанни, милый другъ! гдѣ ты? Приди ко мнѣ, спаси свою Эмму! Она несчастлива, она гибнетъ, и ужасъ обнимаетъ ее, когда она подумаетъ о будущемъ!

«Я не обманывала тебя, Фанни, когда пи-

Digitized by Google

сала къ тебѣ прежде, что никакого чувства любви не ощущала я къ Полю — у меня уже нѣтъ силъ назвать его *Княземъ* — нѣтъ! я не обманывала тебя: я сама этого не знала! Теперь — стыжусь сказать тебѣ—теперь вижу, знаю, чувствую, что я люблю его, люблю такъ, что не смотря на терзаніе, какое причиняютъ мнѣ эти слова — сто разъ сряду готова я написать: *Люблю Поля!* И мнѣ надобно было узнать эту страшную истину вмѣстѣ съ ужасающею увѣренностью, что несчастное чувство мое есть безнадежное безуміе, узнать эту истину вмѣстѣ съ терзательнымъ чувствомъ ревности и отчаянія. Все это совершилось для меня въ одинъ день—и въ одинъ день передо мной раскрылась пропасть будущности, на краю которой столь безпечно стояла я; вдругъ исчезло мое заблужденіе, пропала тишина души, простота сердца, и всѣ мученія любви я испытала въ одинъ день.... И неужели такъ должно быть всю жизнь мою — *всю жизнь?* А если жизнь моя продолжится, и вся станетъ походить на этотъ несчастный день.... грѣшно-ли молить о смерти? Неужели грѣшно? Но, великій Боже! я-ли искала Поля? я-ли увлеклась въ эту бездну несчастной страсти? Какая-же невидимая рука злаго демона увлекла меня?... Я не могу плакать, Фан-

Digitized by Google

ни; глаза мои горятъ, въ груди жжетъ; все вокругъ меня тихо и безмолвно, а мнѣ чудится что-то похожее на похоронный звонъ. Не сказать тебѣ всего—я не могу: меня задушитъ! Но въ силахъ-ли буду я разсказать тебѣ все? Осмѣлюсь-ли послать къ тебѣ этотъ листокъ? Зачѣмъ нѣтъ тебя здѣсь: я все сказала-бы тебѣ, и убѣжала-бы съ тобою отсюда! — но въ силахъ-ли я бѣжать отсюда?

«Дня три тому, Княгиня извѣстила меня, что у нихъ будутъ гости. Есть предчувствія: я этому вѣрю теперь — мнѣ показалось страшно это извѣстіе; я чувствовала, какъ вся кровь отхлынула у меня отъ сердца и ударила въ голову; мнѣ невольно пришли на память—непонятное впечатлѣніе, останавливавшее меня, когда я садилась въ первый разъ въ карету съ Княгинею — мой ужасный сонъ, наканунѣ перваго свиданія съ нею—моя робость, когда я вошла въ домъ Княжескій. «Гости, съѣздъ, знатные—а ты, что будешь между ними?» Но Поль вошелъ въ это время въ комнату. Княгиня сказала ему о будущемъ праздникѣ. Казалось, что и ему это не понравилось. «Онъ одинаково думаетъ со мною!» едва не проговорила я вслухъ. Поль предложилъ мнѣ играть на фортепіано. Музыка разсѣяла грусть мою, и въ первый разъ подумала я тогда: «На

Digitized by Google

что *намъ* другіе люди, *мнѣ* и *ему?* Не мнѣ-ли было суждено возвратить ему прелесть бытія? Могли-ль сдѣлать это другіе? Онъ *мой:* я пересоздала его — онъ мое созданіе. Зачѣмъ хотятъ, чтобъ между нами другіе люди? Гдѣ были они, когда, забытый всѣми, Поль былъ страшный безумецъ, и скрежеталъ зубами при одномъ взглядѣ на человѣка?»—Мы разыгрывали *Олимпіаду* Чимарозы, и именно ту арію Мегакла, гдѣ поетъ онъ:

Addio mia vita; addio
Mia perduta speranza. Il ciel ti renda
Più felice di me.... (*).

«Я не могла продолжать: мнѣ показалось, что я предсказываю свою собственную участь.

«Сегодня, съ самаго утра начали съѣзжаться гости. Простое, *дружеское* собраніе Княгини состояло человѣкъ изъ ста, дамъ и мужчинъ: у знатныхъ такъ много *друзей*..... Меня оглушили громкими именами, Превосходительства-

(*) Прости жизнь; простите мои погибшія надежды! Будь счастливѣе меня....

Digitized by Google

ми, Сіятельствами. Щегольскіе наряды, какой-то особенный языкъ общества, условный, непонятный для меня, взгляды гостей на меня, бѣдную Эмму, явно отличавшуюся отъ всѣхъ—одну не Сіятельную, не Превосходительную, не ловкую, робкую—о! какъ все это унизило меня въ собственныхъ моихъ глазахъ! Я страшилась: не знаютъ-ли эти люди всѣхъ чудныхъ событій между Полемъ и мною. Меня приняли-бы тогда за магнетизёрку, за шарлатанку. Ахъ! какъ я терзалась! И какъ обрадовалась я, замѣтивъ, что Княгиня выдавала меня просто за бѣдную дѣвушку, компаньонку, и я не видала никакого признака удивленія, зѣванья на меня. Впрочемъ, удивленіе можемъ дать замѣтить только мы, bourgeois, а знатные всегда стыдятся и не показываютъ удивленія. Я была забыта въ этой толпѣ народа. Мимоходомъ, молодыя дѣвушки говорили со мною этимъ милостивымъ, покровительнымъ тономъ, которому научаются онѣ отъ пеленокъ. Увы! тутъ всѣ были *свои*, *равные*—кромѣ бѣдной Эммы! Въ первый разъ увидѣла я и добрую мою Княгиню совсѣмъ иначе, какъ никогда еще не видывала: она иначе была одѣта, иначе говорила. И Поль явился тутъ въ первый разъ настоящимъ свѣтскимъ молодымъ человѣкомъ, щегольски одѣтый. Я изумлялась, не узнавала его — и не я

Digitized by Google

была причиною этой перемѣны: *она* была тутъ, *она* — и что-же? Могу-ли я жаловаться на Поля? Она такъ прекрасна, она была всѣхъ лучше! Эммѣ-ли спорить съ нею, когда эта красавица давно обладаетъ его сердцемъ....

«Кто же *она?* — Ласковѣе всѣхъ вспрѣшила Княгиня семейство Графини N. N. — Я слыхала объ этихъ сосѣдяхъ, но я не знала, что у Графини есть дочь. Не знаю какъ зовутъ ее по-Русски, но всѣ называютъ ее *Моиною*. И очаровательно хороша Моина, милый другъ! Стройна, прелестна, рѣзва, весела, говорлива. Поль разговаривалъ съ какимъ-то мужчиною, когда вошла Моина съ машерью. Онъ взглянулъ на нее, казался обрадованнымъ. Ахъ! какъ хорошъ сдѣлался онъ въ это время, какъ заблистали его глаза, какой румянецъ опалилъ его щеки. «Моина! вы-ли это?» говорилъ онъ, съ восторгомъ встрѣчая молодую Графиню. Такъ вотъ каковъ можетъ быть Поль, когда любовь одушевляетъ его? И въ первый разъ — не зависть—но ревность закипѣла въ груди моей.... Еще не понимала я чувства своего: голова у меня кружилась, въ глазахъ было темно; я думала, что мнѣ просто нездоровится, поспѣшила выйдти въ другую комнату, и здѣсь все было для меня разгадано. Сердце не оши-

Digitized by Google

бается: пусть цѣлый міръ разувѣряетъ его — оно вѣритъ; пусть никто ничего не видитъ и всѣ вѣрятъ: его не обманешь — оно не вѣритъ. Въ другой комнатѣ сѣла я на стулъ, и едва могла отдохнуть. «Вы что-то блѣдны, сударыня?» сказала мнѣ горничная Княгини, любимица ея, Аграфена. Не знаю почему, я не могу любить этой женщины. Мнѣ все кажется, что ея сѣрые, змѣиные глаза показываютъ злое сердце, хотя всѣ говорятъ, что она очень добрая женщина. Мнѣ всегда казалось, что и она терпѣть меня не можетъ — не знаю за что. «Ничего» — отвѣчала я Аграфенѣ. —Тутъ она искривила свой ротъ, и съ усмѣшкою начала мнѣ говорить: «Видѣли-ль вы Ея Сіятельство, Графиню N. N.?» — Я молчала. «Посмотрите-ка на нее, сударыня, какова красавица, и что за пребогатая, что за превоспитанная! Кажется, она со временемъ не будетъ у насъ чужою, и видно ей быть суженою нашего молодаго Князя. Онъ уже давно любитъ ее; почти вмѣстѣ росли онъ и она, и стоятъ одинъ другаго.» —У меня достало силъ уйдти отъ злой болтуньи, и дотащиться до своей комнаты; но здѣсь силы меня оставили—я упала въ обморокъ.... Первая мысль, когда меня привела въ чувство дѣвушка, ко мнѣ приставленная, было: «Несчастная! ты *любишь* его!»

Digitized by Google

Я увидѣла это, увидѣла ясно, и первая мысль о любви моей слилась съ горькимъ отчаяніемъ.

«И мнѣ надобно было опять идти въ это блестящее, шумное общество; цѣлый день быть въ немъ; видѣть, что Поль забылъ самого себя и всѣхъ для Моины. И она глядѣла только на него, говорила только съ нимъ.... Мнѣ пришло въ мысль, что мой взоръ, моя воля имѣютъ непреодолимую силу надъ Полемъ; но очарованіе пропало: онъ не смотрѣлъ на меня болѣе, не обращалъ на меня никакого вниманія, ни разу не заговорилъ со мною: Эмма уже не существовала для него болѣе....

«Не знаю, какъ могла я прожить весь этотъ безконечный, ужасный день. Вечеромъ начались танцы — всѣ были веселы, шалили, смѣялись. Поль танцовалъ только съ Моиною. Она танцуетъ прелестно. Княгиня принуждена была наконецъ запретить Полю танцовать. И Моина тотчасъ отказалась отъ танцевъ; они сидѣли послѣ того вмѣстѣ и безпрестанно говорили, смѣялись. Чего не успѣли они переговорить въ это время....

«Мнѣ показалось, что и въ доброй Княгинѣ произошла какая-то перемѣна; что она холод-

Digitized by Google

но простилась со мною; что ея взоръ изъявлялъ даже какое-то сожалѣніе, и какую-то скрытную радость, которою она не хотѣла подѣлиться со мною.... Но, нѣтъ! Она конечно устала, утомилась — ей нѣкогда уже было со мною разговаривать....

«Бьетъ пять часовъ, а я еще не сплю, и не понимаю, какъ прежде спала я съ самаго вечера, такъ охотно, даже не утомившись послѣ какого нибудь бала. Правда, я сегодня почти не танцовала, и мнѣ не отъ чего быть утомленною....

«Фанни! Не мой-ли чередъ теперь сойдти съ ума? Сумасшедшая! Ахъ! нѣтъ — лучше смерть, смерть....

(*Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.*)

Digitized by Google

КРИТИКА.

— *Торквато Тассо.* Большая Драматическая фантазія, въ стихахъ. Сочиненіе Н. К. (писана въ 1830 и 1831 гг.) СПб. 1833 г. Въ т. Н. Греча, VIII и 174 стр. in-8.

Многимъ именамъ Историческимъ привыкли мы придавать извѣстное значеніе, и часто это значеніе совсѣмъ не вполнѣ выражаетъ для насъ понятіе о лицѣ, даже бываетъ не вѣрно и односторонно. Такъ имя *Макіавеля* изъ вѣка въ вѣкъ переходитъ, какъ имя чудовища Политики; имя *Медичи* означаетъ покровителя Наукъ и Искуствъ, при которомъ они цвѣли во всей красотѣ. Цѣлымъ періодамъ времени придаются значенія ложныя: кто не говоритъ о вѣкѣ Леона X-го и вѣкѣ Людовика XIV-го, какъ временахъ полнаго проявленія всѣхъ умственныхъ силъ человѣческихъ? При имени Тасса является идея *Поэта великаго и несчастнаго:* онъ былъ влюбленъ въ сестру своего Государя, великодушнаго покровителя Наукъ и Поэзіи; осмѣлился въ восторгѣ страсти поцѣловать ее; за такую дерзость посадили его въ темницу, гдѣ онъ сошелъ съ ума, и

Digitized by Google

потомъ, выпущенный изъ тюрьмы, скитался по мѣшаннымъ по Италіи, когда въ тоже время всюду гремѣла слава его, и стихи его читали и пѣли съ восторгомъ, такъ, что Папа рѣшился наконецъ увѣнчать его лавровымъ вѣнкомъ въ Капитоліи, благоговѣя передъ геніемъ полусумасшедшаго великаго поэта. Тассъ является въ Римѣ, и — умираетъ наканунѣ дня, назначеннаго къ его увѣнчанію; Римъ готовился торжествовать славу своего поэта, и горестно оплакиваетъ кончину его!

Такова *простонародная* исторія Тасса, и она, въ самомъ дѣлѣ, представляетъ воображенію много блестящихъ сторонъ. Всравненіи съ прозою нашей жизни, является здѣсь какая-то поэтическая жизнь Италіи Среднихъ Временъ: владыки и Государи покровительствуютъ, увѣнчаваютъ поэтовъ, призываютъ ихъ ко Двору, дружатся съ ними; поэты влюбляются въ Принцессъ, торжественно цѣлуютъ ихъ — правда, сидятъ за то въ темницѣ, но Принцессы любятъ ихъ страстно. Какой поэтъ не согласится сойдти съ ума за одно это? А когда при томъ цѣлый народъ поетъ его поэму, и владыка владыкъ торжественно спѣшитъ увѣнчавать его? И гдѣ-же? въ *Римѣ*, въ *Капитоліи!*

Надобно еще удивляться, какъ Тассъ, послѣ всего этого, былъ источникомъ вдохновенія не для многихъ! Какъ не написали о немъ множества Драмъ Французы, Нѣмцы, Англичане! *Классики* могли-бы вышянуть похожденія Тасса въ громкіе

Digitized by Google

монологи; представишь, напримѣръ, въ первомъ актѣ — любовь и славу поэта; въ другомъ заговоръ придворныхъ; въ третьемъ клевету ихъ и гнѣвъ Альфонса; въ четвертомъ, Элеонора жертвуетъ всѣмъ для спасенія Тасса; въ пятомъ — восторгъ поэта, торжественный поцѣлуй — Элеонора въ обморокѣ — умираетъ, Тассъ хочетъ заколоться — его тащатъ въ темницу! — Нѣмецкіе *Романтики* могли-бы вывести на сцену все бѣшенство страстей и поэтическихъ изступленій, какія только могутъ вмѣститься въ голову самаго пламеннаго *бурша*. Но къ счастію: Англичане не любятъ Трагедій, взятыхъ изъ жизни поэтической, гдѣ не льзя забросать сцены трупами; Нѣмцамъ, кажется, загородилъ дорогу Гёте своимъ *Тассомъ*; Итальянцы до нашего времени Трагедій вовсе не писали, а если что и писали, то разводя все это на сиропѣ Метастазія и Классицизмѣ Французовъ. А Французы-Классики и рады-бы вклеить Тасса въ Трагедію, но какъ: вѣдь онъ не Король, не Принцъ? И кто тутъ будетъ герой? Тассъ мѣщанинъ! Не годится. Притомъ-же нѣтъ и тирана; да и кого прикажете заколоть? И какъ ввести домъ сумасшедшихъ на сцену? Какой герой у Корнеля, Расина, Вольтера, Кребильона оканчивалъ трагедію сумасшествіемъ?

Такъ или сякъ, Тассъ спасался до сихъ поръ и отъ Романтизма и отъ Классицизма. Гёте давно понялъ поэзію жизни Тасса, и создалъ изъ нея свой Драматическій барельефъ. Въ новѣйшее время всѣ

Digitized by Google

видятъ, какое высокое зрѣлище представляетъ судьба Тасса въ Исторіи сердца человѣческаго. Не дивимся, что Тассъ вдругъ овладѣлъ вдохновеніемъ Итальянскихъ и Русскихъ Поэтовъ.

Полагаемъ, что любопытно будетъ нашимъ читателямъ посмотрѣть: какъ идею жизни Тасса изобразилъ великій Гёте? Мы упомянемъ потомъ: какъ представилъ Тасса въ Исторической Драмѣ одинъ изъ Итальянскихъ современныхъ писателей, Розини; наконецъ мы сообразимъ Драму соотечественника нашего, Г-на Кукольника.

Замѣчательно, что Гёте не искалъ для Драмы своей собственно вѣрнаго изображенія жизни Тассовой. Онъ взялъ изъ нея только тему для своей Драмы: *Любовь Поэта* — такова сія тема. Имя Тасса можете замѣнить въ ней другимъ, и Драма Гёте почти не измѣнится. Нашъ Русскій Поэтъ, напротивъ, создалъ Драму свою именно изъ *Жизни Тасса*, со всѣми ея подробностями. Еще болѣе, *совершенно Исторической истины* держался соотечественникъ Тасса, прежде сочиненія Драмы своей издавшій превосходныя изслѣдованія о жизни сего поэта, а въ драмѣ своей заключившій только одинъ краткій эпизодъ изъ его жизни. Вотъ три разныя направленія поэзіи, возбужденныя Тассомъ. Послѣ сего, особенную занимательность можетъ заключать въ себѣ соображеніе жизни и твореній Тасса, въ истинномъ ихъ видѣ, какъ говорятъ о нихъ Исторія и Критика, чуждыя предразсудковъ прошедшаго времени. Намъ необходимо

Digitized by Google

притомъ взглянушь на самый вѣкъ, когда жилъ Тассъ — одинъ изъ любопытнѣйшихъ періодовъ въ Исторіи. Мы увидимъ тутъ *Драму дѣйствительной жизни*, противъ Драмы, какую извлекаетъ изъ жизни Тасса воображеніе поэтовъ; и, можетъ быть, первая — дѣйствительная жизнь, покажется намъ огромнѣе и величественнѣе послѣдней, *вымысла поэзіи*. Имѣя случай указать на ошибки, коими преданіе обезображиваетъ донынѣ Тасса и вѣкъ его, можетъ быть, мы уничтожимъ мимоходомъ кой-какія блестки, коими дорожатъ безотчетная чувствительность и воспаленное воображеніе юности; но *истина* всего дороже, и, повѣрьте, всего выше, всего изящнѣе.

Торквато Тассъ родился въ Мартѣ 1544 года, въ Сорренто, близъ Неаполя. Его родители были старинные дворяне изъ Бергамо. Отецъ его, Бернардо, былъ дѣловой, но бѣдный дворянинъ, оставилъ родину, служилъ Салернскимъ владѣльцамъ, и когда Принцъ Салернскій вынужденъ былъ обстоятельствами бѣжать изъ своего владѣнія, Бернардо раздѣлилъ его участь. Принцъ удалился во Францію; Бернардо слѣдовалъ за нимъ; все имѣніе Принца и его приверженцевъ было описано; ихъ всѣхъ объявили изгнанниками, и девяти-лѣтній единственный сынъ Бернарда, Торквато, на вѣки изгнанъ былъ изъ Неаполя, вмѣстѣ съ отцомъ. Бѣдный Бернардо скоро увидѣлъ, что ему нечего дѣлать при своемъ изгнанномъ повелителѣ; онъ возвратился въ Италію, просилъ милости у

Digitized by Google

владѣльца Урбинскаго; потомъ у Маншуанскаго; здѣсь, въ Маншуѣ, жилъ онъ, уважаемый какъ хорошій стихотворецъ, но въ большой бѣдности. Главнымъ трудомъ и вѣнкомъ славы своей Бернардо почиталъ огромную поэму въ 100 *пѣсенъ*, которой никто теперь не читаетъ: это былъ извѣстный *Амадисъ Галльскій*, передѣланный имъ въ поэму. Послѣ Боярдо и Аріосша, поэты Итальянскіе помѣшались на рыцарскихъ и волшебныхъ сказкахъ, и писали изъ нихъ поэмы безъ всякаго милосердія.

Набирая рифмы и прося милостыни у разныхъ Государей, Бернардо смертельно возненавидѣлъ Поэзію, и съ негодованіемъ узналъ, что юный сынъ его страстно влюбленъ въ эту мучительницу порядочныхъ людей. Стихами прощался Торквато съ своею родиною, когда было ему только девять лѣтъ (*), и въ Римѣ, а потомъ въ Падуанскомъ Университетѣ, не думалъ учиться ни Правамъ, ни чему другому. За стихи дали ему Докторъ-

(*) «Неумолимая фортуна исторгла меня, бѣдное дитя, изъ объятій нѣжной матери, и со вздохомъ вспоминаю я прощальные поцѣлуи, и слезы ея, и обѣты о скоромъ свиданіи — тщетные обѣты, разнесенные вѣтромъ! Увы! никогда уже болѣе не чувствовать мнѣ материнскихъ объятій! Подобно Асканію, я осужденъ слѣдовать дрожащими ногами по слѣдамъ отца моего, изгнаннаго скитальца,» и проч.— Этимъ стихамъ подражалъ Батюшковъ: «*Соренто, колыбель моихъ несчастныхъ дней*,» и проч.

Digitized by Google

скій калпакъ по факультетамъ Богословія, Философіи и Юриспруденціи. Отличныя познанія въ Греческомъ и Латинскомъ языкѣ служили Торквату только для чтенія древнихъ поэтовъ. Наконецъ, 16-ти лѣтъ, онъ написалъ рыцарскую поэму: *Ринальдъ* (il Rinaldo), гдѣ въ 12-ти пѣсняхъ прославилъ любовь Ринальда Монтабанскаго и прекрасной Кларисы. Его сонеты, пѣсни, отрывки изъ поэмы, ходили по рукамъ въ рукописи. Отецъ сердился на Торквато; уговаривалъ его отказаться отъ Поэзіи. Сынъ ничего не слушалъ. Блестящій успѣхъ первыхъ созданій, приняшіе въ Академію, дружба знаменитаго Сципіона Гонзаго, соученика по Университету — все увлекало юношу, одареннаго пылкимъ горячимъ нравомъ, влюбчивымъ сердцемъ, прекрасною, благородною наружностью (*). Часто ему нечего было ѣсть, а онъ, какъ потомокъ благороднаго Дома, и всего болѣе какъ поэтъ, являлся въ блестящее собраніе Принцевъ и вельможъ. Его не спрашивали тамъ: объ-

---

(*) Бюстъ, вылитый по слѣпку, снятому съ мертваго Тасса, хранится въ Римскомъ монастырѣ Св. Онуфрія, и доказываетъ, что Тассъ, послѣ всѣхъ бѣдствій, даже при концѣ жизни, сохранялъ еще слѣды благородной красоты. Онъ былъ высокъ ростомъ, но довольно неловокъ въ движеніяхъ и разговорѣ, если не одушевлялся предметомъ разговора; Тассъ не много заикался при томъ; но если говорилъ, или читалъ онъ съ жаромъ, этого вовсе не было замѣтно.

Digitized by Google

далъ-ли онъ; но заставляли читать стихи и осыпали похвалами. Кардиналъ Эсте благосклонно принялъ посвященіе поэмы Торкваша; онъ уговорилъ отца его не препятствовать напечатанію этой поэмы, и дать полную волю сыну его писать стихи. Уже Торквато думалъ тогда о созданіи Итальянской Эпопеи; сочинялъ планъ; написалъ предваритѣльно три Разсужденія объ Эпической Поэзіи (*); даже избралъ себѣ героя, началъ писать поэму: *Готтфредъ*, и читалъ отрывки ея друзьямъ и покровителямъ. Бернардо *махнулъ рукой*, какъ говорятъ Русскіе, и съ горестію предвидѣлъ, что сыну его предлежитъ одинакая съ нимъ участь: питаться дымомъ поэзіи, и умирать съ голоду. Бернардо скончался въ 1569 году. Тогда напечатанъ уже былъ *Риналъдо* Торкватовъ (въ 1562 г.); имя юнаго поэта славили повсюду, и Кардиналъ Эсте призвалъ его къ Феррарскому Двору, опредѣливъ въ свою придворную свиту. Братъ Кардинала, владѣтель Феррары (въ 1559 г.), Герцогъ Альфонсъ вспрѣпилъ милостію и покровительствомъ юнаго, двадцатилѣтняго Торкваша, когда онъ явился въ 1565 году при Дворѣ его. Мысль о поэмѣ эпической была совершенно обдумана поэтомъ. Вмѣсто Гоштфреда, онъ рѣшился писать *Освобожденный Іерусса-*

(*) По имени друга своего Гонзаго, Тассъ назвалъ сіи Разсужденія, изложенныя въ видѣ разговоровъ: Gonzaga, ovvero del piacer onesto, dialogo, и проч.

Digitized by Google

лимъ, и громкія рукоплесканія слышны были при чтеніи каждаго отрывка изъ сей поэмы. Тассъ забывался тогда въ любви и въ мечтахъ о славѣ. Здѣсь необходимо пояснить тогдашнее состояніе Италіи, Итальянской тогдашней Литтературы, и это покровительство тогдашнихъ Принцевъ и вельможъ, столь блестящее по наружности, о которомъ столько кричали, совершенно ошибаясь въ сущности его.

До нашего времени, Европа *литтературно* пережила уже два періода и живетъ въ третьемъ. Первый былъ *Классическій Древній*, окончившійся съ паденіемъ Рима и водвореніемъ въ міръ Христіанства. Другой періодъ, *Среднихъ Вѣковъ*, начался съ окончаніемъ перваго; назовемъ его *Романтическимъ*. Въ третьемъ періодѣ живемъ мы. Всѣ эти дѣленія могутъ показаться повтореніемъ сказаннаго много разъ. Мы въ Телеграфѣ имѣли случай не однажды говорить объ этомъ. Но, кромѣ того, что надобно начинать съ основанія, прибавимъ еще, что всегда остается договаривать многое въ подробностяхъ. Здѣсь обратимъ мы особенное вниманіе на два важные предмета:

Первое. Когда надобно полагать окончаніе Среднихъ Временъ, т. е. *втораго періода?* — По нашему мнѣнію, въ XVII-мъ вѣкѣ, когда Людовикъ XIV-й началъ *новую политическую Исторію Европы*, а прежде его *Реформація* докончила исторію втораго періода.

Второе. Замѣтимъ постоянный Историческій *порядокъ событій*, въ древнемъ и среднемъ періо-

Digitized by Google

дахъ: они были одинаковы. Изъ хаотическаго состоянія постепенно возникаетъ блестящее развитіе всѣхъ нравственныхъ и физическихъ способностей человѣка и общества. Вещественная сила развивается при томъ болѣе всего другаго. Она подавляетъ собою все другое, сосредоточивается въ одномъ мѣстѣ, и тогда окружаетъ и все великое и прекрасное, чѣмъ только можетъ гордиться человѣкъ: подлѣ нея становятся умъ, искусство, законъ. Но это есть уже страдательное положеніе человѣка и общества, окончательный переходъ отъ ихъ настоящаго, самобытнаго, независимаго развитія. И потому сіи блестящія эпохи силы всегда преслѣдуются быстрымъ, скорымъ, мгновеннымъ паденіемъ, и за ними вдругъ слѣдуетъ начало хаоса, изъ котораго долженъ явиться новый переворотъ жизни человѣчества.

Такъ въ *древнемъ періодѣ*, полное, самобытное, истинное развитіе человѣка и общества было въ V-мъ вѣкѣ до Р. Х. и слѣдующихъ за нимъ годахъ, во времена Мильтіада и Алкивіада, Сократа и Платона, Иродота и Оукидида. Но *Македонія* и *Римъ* возстаютъ на Востокѣ и Западѣ—это явленіе политической, превозмогающей силы, передъ которою все блѣднѣетъ и меркнетъ. Дѣйствіе переходитъ въ Римъ; здѣсь сила преобораетъ все другое. Но когда крѣпко утвердилась она въ Римѣ, умъ человѣческій устремился къ ней. И какъ побѣда силы рѣшилась на Филиппійскихъ поляхъ, въ странѣ, гдѣ было величайшее развитіе ума, такъ умъ приблизился къ гнѣзду силы, Риму, окружилъ

Digitized by Google

его нравственными обломками Греціи, и произвелъ *Вѣкъ Августа.* Здѣсь Омиръ являлся въ Виргиліи, Эсхилъ въ Сенекѣ, Платонъ и Димосѳенъ въ Цицеронѣ, Ѳукидидъ въ Тацитѣ, Иродотъ въ Титѣ-Ливіи, Аристофанъ въ Плавтѣ и Теренціи. Призракъ ума не могъ однакожъ быть его существенностью: онъ погасъ, подобно яркому метеору; насталъ, и насталъ мгновенно, хаосъ, изъ котораго явился новый періодъ.

Уже въ то время, когда сила торжествовала свое величіе въ Римѣ, вдали гремѣла дикая пѣсня варваровъ, и въ лѣсахъ Германіи созидалось Готическое зодчество. Новый періодъ обхватилъ болѣе, явился огромнѣе: онъ просвѣщенъ Христіанствомъ; Европа и Азія вмѣшаны въ него. Стихіи его: Исламизмъ, Феодализмъ, Крестовые походы, Нордманны, Монголы, Папство, Реформація — велики и ужасны! Но, какое время было въ немъ временемъ самаго полнаго развитія Человѣчества? *Четырнадцатый вѣкъ*, и слѣдующіе за нимъ годы. Умъ человѣческій свободно стремился тогда по всѣмъ направленіямъ: Данте, Петрарка, Боккачіо самобытно развивали Итальянскую Словесность; Трубадуры и Скальды пѣли также по вдохновенію самобытному; тогда явились книгопечатаніе, компасъ, порохъ; ученость неутомимо рылась въ остаткахъ Греціи и Рима. Но снова явленіе силы образуется въ Азіи Турками и Монголами; въ Европѣ Папствомъ и Императорствомъ; потомъ Испаніею и Франціею. Замѣтьте, что опять на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ совершалось древнее разви-

Digitized by Google

тіе ума, въ Греціи происходила борьба силы, и еще тамъ являлась она, гдѣ человѣкъ развился въ Средніи Времена наиболѣе, то есть въ Италіи. Вещественной силѣ необходимо должно было опять побѣдить все другое; и ея побѣда началась вторженіемъ Французовъ въ Италію (1494 г.), вторженіемъ власти Мусульманъ въ Европу (1453 года). Сила сосредоточиваешся потомъ во власти Папъ, въ деспотахъ Италіи, въ Императорѣ и другихъ повелителяхъ Европы. Въ XVI-мъ вѣкѣ она совершенно побѣдила, и гордо блистала величіемъ, великолѣпіемъ и роскошью. Умъ устремился къ ней, такъ-же какъ въ древнемъ періодѣ, и произвелъ явленіе, подобное Вѣку Августа—*Вѣкъ Леона X-го и Медичисовъ*. Въ этотъ вѣкъ Рафаэль, Леонардо да Винчи, Корреджіо явили высокіе образцы Живописи; Микель-Анджело строилъ церковь Св. Петра; явились Аріостъ, Гвиччіардини, Макіавель; Европейцы устремились за предѣлы знаемыхъ морей; ученые посвящали жизнь на изысканіе Древности. Всюду распространялась эта жизнь ума: въ Германіи былъ Дюреръ, въ Португаліи Камоэнсъ, въ Испаніи Сервантесъ, Л. Де-Вега, Кальдеронъ; во Франціи Корнель и Декартъ, Мольеръ и Паскаль; въ Англіи Шекспиръ и Баконъ. Это вѣкъ Коперника и Альбукерка, Галилея и Пизарра; безсмертныя творенія созданы; новый міръ открытъ; солнце остановлено на небѣ. Но все это было послѣднее, самое тяжкое, хотя и великое усиліе ума, задавленнаго силою — и сей порывъ ума, какъ прежде вѣкъ Августа, мгновенно исчезъ мегеоромъ. Умы слабѣютъ, воля уничтожаешся, са-

Digitized by Google

мобышность гибнешъ. Настаютъ снова времена нашествія варваровъ, явившихся въ лицѣ Карловъ V-хъ, Ришельё, Кромвелей, Валленштейновъ, Альбъ, Люперовъ, Густавовъ-Адольфовъ, Мугаммедовъ IV-хъ. Ужасы этого времени менѣе-ли были ужасовъ нашествія Аттилы и Аларика? Нѣтъ: не *возстановленіемъ Искуствъ* назовите это время, но такимъ-же отчаяннымъ, послѣднимъ явленіемъ ума, сосредоточеннаго въ самомъ себѣ, какое было при Августѣ, и за которымъ такъ-же, какъ послѣ Августа, слѣдуетъ смертное томленіе, смерть, и — начало *новаго періода*. — Какъ? Неужели вы видите въ этомъ времени начало жизни? Неужели вы думаете, что *мы*, *теперь*, живемъ этою жизнію? Совсѣмъ нѣтъ! *Средній періодъ* умиралъ съ XVI-мъ вѣкомъ и умеръ съ Реформаціею, а Людовикъ XIV-й и XVIII-й вѣкъ были уже хаотическимъ началомъ новаго, *нашего* періода, въ которомъ переживаемъ мы теперь время похожее, можетъ быть, на время Карла Великаго. Хотите-ли убѣдиться, что послѣ Рафаэля, Корнеля, Шекспира, Декарта, Европа томилась смертными судорогами? Разсмотрите исторію ума въ этомъ времени: *Живопись* постепенно умираетъ, замѣняя Рафаэля и Корреджіо Юліемъ Романомъ, Тиціаномъ, Тинторетомъ, Караччіями, Гвидомъ, Альбаномъ, Каведономъ—Доменикино дѣлаетъ вдохновеніемъ своимъ ужасъ и смерть. *Схоластика* смѣняетъ самобытность мысленія; мелочь смѣняетъ великое. *Комедія* принуждена убѣжать въ *фарсъ*; Поэзія удалится въ *народъ*. Макіавель пишетъ страшную исповѣдь Деспотизма; Рабеле,

Digitized by Google

Монтань, Эразмъ, Ларошфуко смѣются надъ умомъ и сердцемъ. Кто является на мѣсто Данте, Петрарки, Боккачіо? Аріостъ — этотъ Рабеле Итальянской Поэзіи—Боярдо, Аламанни, Триссино, Санацаро, Арешино, Гварини, и — наконецъ все гибнетъ съ Марини, Тассони, Мешасшазіемъ, Апостоло-Зено. Во Франціи Расинъ умираетъ отъ одного косаго взгляда Людовика, и Кребильонъ, Кампистронъ, Буало, Лафаръ, Шольё наслѣдуютъ Мольеру и Корнелю, а съ Фонтенелями, Миньярами, Грёзами во Франціи, съ Драйденами, Аддисонами, Попами въ Англіи, съ Вольфами, Гошшедами въ Германіи, съ Іезуитизмомъ въ Польшѣ — умерло все. *Вольтеръ* и *Энциклопедія*, *Классицизмъ* и *Поэзія Европы въ XVIII-мъ вѣкѣ*, волокитство и галломанія, стриженые сады и Версаль, были могилы, гдѣ схоронило Человѣчество всѣ воспоминанія *Средняго* и *Древняго* періодовъ, чтобы опять начать новое умственное движеніе съ идеализма Канта, съ поэзіи Германцевъ, съ водевиля и фарса, съ Русскаго штыка и Наполеона, Сагъ Скандинавіи, истинныхъ понятій о Классицизмѣ, Шекспирѣ, Готическомъ зодчествѣ. народной пѣснѣ, Политической Экономіи, съ паровыхъ машинъ и спора о томъ, о чемъ спорили въ Аѳинахъ при Филиппѣ Македонскомъ, въ Общинахъ Среднихъ Вѣковъ, во времена Крестовыхъ походовъ и при Людовикѣ XV-мъ, когда по волѣ Дюбарри Парижскій Парламентъ вышолкали за городскую заставу.

« Скажите, сдѣлайте милость » — спросятъ насъ читатели — « къ чему говорите вы все это, начав-

Digitized by Google

ши Платономъ и кончивши Дюбарри? Неуже-ли къ тому, чтобы пояснишь намъ жизнь Тасса? — Именно такъ, ММ. ГГ., и если вы признаете вѣрность идей въ небольшомъ нашемъ очеркѣ, то мы успѣли доказать вамъ весьма важную истину, и объяснишь затруднительное обстоятельство, о которомъ донынѣ судили ложно. Мы утверждаемъ, что вопреки общепринятому мнѣнію, вѣкъ Леона X-го (XV-й) и вѣкъ Людовика XIV-го (XVII-й) были не золотые вѣка умственной дѣятельности человѣческой, но вѣка, такъ сказать, отчаянія умственнаго, когда общество, лишенное жизни и самобытнаго духа, устремлялось къ наукамъ и художествамъ, какъ единственному средству своего умственнаго бытія. Подобно лампадѣ, ярко вспыхивающей передъ потуханіемъ, подобно умирающему, который чувствуетъ удивительное возобновленіе тѣлесныхъ и душевныхъ способностей передъ минутою кончины, человѣкъ въ это время вспыхнулъ, ожилъ, чтобы погаснуть и умереть. За тѣмъ слѣдовало ничтожество и мелочничество ума. Симъ выводомъ уничтожается наконецъ то оскорбительное для достоинства человѣка мнѣніе, будто золотомъ и наградами Августы, Леоны и Людовики могли по волѣ своей производить геніевъ, и что имъ стоило только засѣять поле умственной дѣятельности своимъ покровительствомъ и золотомъ, дабы необходимо произвесть богатую жатву великаго и изящнаго. Наполеонъ могъ думать, что жалуя въ Герцоги, онъ породитъ Корнелей; Вольтеръ могъ увѣрять въ этомъ старика Сумарокова, безстыдно торгуя

Digitized by Google

умомъ и совѣстью. Но мы, неужели не поймемъ, что и Наполеонъ и Вольтеръ ошибались?

Изъ сего слѣдуетъ важный выводъ: если, послѣ блестящихъ усилій ума человѣческаго въ XV-мъ вѣкѣ въ Италіи, и въ XVII-мъ во Франціи, долженствовало необходимо слѣдовать томленіе умственное и постепенность смерти, то, слѣдственно: Тассъ, родившійся въ половинѣ, умершій въ концѣ XVI-го вѣка, жилъ въ несчастную эпоху, когда умъ человѣческій былъ униженъ силою, и общественное бытіе представляло самое плачевное зрѣлище.

Перейдемъ къ другимъ общимъ положеніямъ. Въ статьѣ о Державинѣ (Телеграфъ, 1832 года, книжка XVI-я, стр. 527–532), мы старались показать противоположность *поэта* и *человѣка*, разницу между міромъ умственнаго бытія и міромъ бытія общественнаго. Отсылаемъ читателей къ упомянутой статьѣ, гдѣ было раскрыто нами подробно то, чего здѣсь мы представимъ только одни результаты. Вотъ они: общество живетъ *положительною* жизнью, поэтъ, чѣмъ онъ выше, тѣмъ отрицательнѣе бытіе его въ положительномъ мірѣ. И *міръ* и *поэтъ* — оба правы; общество ошибается, если хочетъ изъ поэта сдѣлать своего *работника* (le travailleur productif), на ряду съ другими; поэтъ равно ошибется, если подумаетъ, что его поэзія даетъ ему такое-же право на мѣсто между людьми, какое даетъ купцу его аршинъ, чиновнику его канцелярія, придворному его золотой кафтанъ. Но по непреложному закону, который изъ души и тѣла составляетъ *одно* бытіе, общество, восхищенное

Digitized by Google

геніемъ поэта, зоветъ его къ себѣ, а поэтъ бѣжитъ въ его холодныя объятія. Два слѣдствія: или поэтъ задохнется въ этихъ объятіяхъ, или съ бѣшенствомъ вырвется изъ нихъ, и въ награду за то получитъ прозваніе сумасшедшаго. Чѣмъ выше общество, тѣмъ болѣе бываетъ разница между имъ и міромъ поэта. Но что-же будетъ съ поэтомъ, если онъ захочетъ вдвинуться въ самый первый рядъ общественнаго бытія? Неужели вы думаете, что Рафаэль безъ причины умеръ отъ распутства? Неужели вы полагаете, что безъ всякой причины Французская Поэзія цѣлыя сто лѣтъ надѣвала на себя обноски придворные, и цѣлое столѣтіе шаркала между переднею и будуаромъ?

Этою цѣною всегда покупаютъ Поэзія и поэты свое золотое, или, лучше сказать, позолоченное общественное счастіе и покровительство, которымъ такъ гордятся многіе знатные люди, называя свое вниманіе къ бѣдной Поэзіи Меценатствомъ, и золотымъ временемъ для Поэзіи то время, когда Меценатство дѣлается модою, какъ было это при Людовикѣ XIV-мъ.

Но золотой вѣкъ Искусствъ и Поэзіи при Леонѣ X-мъ былъ хуже всякаго другаго вѣка, ибо, хотя Браманте заложилъ тогда церковь Св. Петра, Рафаэль писалъ по заказу рисунки для Вашиканскихъ ковровъ, Лавренній Медичи самъ кропалъ стихи, Аріосту и Триссину давали пенсіи, Санацару платили за стихъ по червонцу; хотя пріобрѣтеніе Греческой рукописи считалось великою находкою, и бѣглецамъ изъ Царяграда давали за то кусокъ на-

Digitized by Google

сущнаго хлѣба—но знаете-ли вы, какой былъ этотъ вѣкъ? Что̀ ему предшествовало? Что̀ слѣдовало за нимъ? — Это были вѣка скорби и слезъ, позора и посрамленія, убійства и разврата, стыда подвластныхъ, безславія повелителей! Все, что человѣчество называетъ высокимъ, благороднымъ, великимъ, было когда унижено, гонимо, попрано. Политика Итальянскихъ властителей дѣлала ихъ ненавистными тиранами; политика республикъ Итальянскихъ была еще гибельнѣе; Турки, Варварійцы опустошали Италію; междоусобія мелкихъ властителей, раздѣлившихъ ее между собою, обагряли кровію поля, наполняли жертвами темницы; ядъ и кинжалъ убійцы продавались такъ-же явно, какъ продавался мечъ кондотьера, тому, кто больше дастъ. Наконецъ въ Италію вошли иноземцы, Французы, Испанцы, Германцы; самобытность Италіи исчезла, и все совершенно уничтожилось въ безмолвіи и страхѣ.

И за нѣсколько пенсій литтераторамъ, за то, что роскошь бросала иногда художникамъ горсть червонцевъ, какъ бросала ихъ другимъ ремесленникамъ; за то, что поэтамъ позволяли сидѣть въ уголку гдѣ нибудь, между Знатью того времени, и иногда препоручали имъ кой-какія дѣлишки—этотъ вѣкъ прослылъ вѣкомъ *возстановленія Наукъ* и *Знаній!* Смѣшная ошибка! Назовите его лучше вѣкомъ гибели Наукъ и Знаній, отъ которой едва только начали они отдыхать въ послѣднее время! Съ тѣхъ поръ, съ этого вѣка несчастная мысль о Меценатахъ, о томъ, что только Меценатство содѣлываетъ бле-

Digitized by Google

стящими Литтературу и Искуства, систематически водворилась въ Европѣ; съ тѣхъ поръ овладѣли Классицизмъ Поэіею, а Схоластика ученостію; съ тѣхъ поръ исчезли самобытные Данте, Боккачіо, Шекспиры, Кальдероны, и не смѣли являться до Гёте и Байрона, до В. Скотта и В. Гюго, до Вернера и Шиллера; языкъ облекся въ приличія, Искуства упали въ подражаніе, вдохновеніе сдѣлалось системою, а Парнассъ мебелью переднихъ.

Только продажнымъ душамъ Павла Іовія и Аретина могло быть тогда хорошо; но не *Помпонію Лето*, думавшему о самобытности Поэзіи и измученному пытками при Павлѣ VI-мъ; не *Макіавелю*, помышлявшему о самобытности отечества и умиравшему съ голода. Что̀ слѣдовало потомъ — читайте Исторію, и ужаснитесь (*)! — Съ тѣмъ вмѣстѣ, не льзя не смѣяться, какъ ничтожно было тогда мнимое покровительство; до какой степени тогда приличія и Классицизмъ овладѣвали умами; какой несчастный педантизмъ, какое ложное остроуміе замѣняли вдохновеніе и умъ; наконецъ, до какого униженія общественнаго доходили поэты и художники, и какъ самыя высокія дарованія пресмыкались во прахѣ, и не стыдились своего позора!

Повѣрятъ-ли, что иногда *лавроносный поэтъ* (poeta laureatus) умиралъ съ голода и холода; что

(*) См. De la Litétr. du midi de l'Europe, Сисмонди, т. II, стр. 183, и стр. 242 (второе изданіе).

Digitized by Google

Аріостъ съ улыбкою кланялся своему Меценату, когда тотъ, прочитавъ его *Неистоваго Роланда*, спрашивалъ: «Кой чортъ, Г-нъ Людовико! Да гдѣ ты набралъ всѣхъ этихъ нелѣпостей (Messer Luigi, dove diavolo avete pigliate tanti coglionerie)»? Что за обѣдъ, или подарокъ, поэтъ долженъ былъ писать поэму; что подъ аллегорическими именами боговъ и героевъ, писатели славили своихъ жалкихъ Меценатовъ и ненавистныхъ тирановъ Италіи, и въ тоже время рабское подражаніе Древнимъ до такой степени овладѣло театромъ, что поэты просто переводили Грековъ, уродуя ихъ трагедіи сообразно вкусу своихъ покровителей! Нелѣпая Пастушеская Драма, жалкая Классическая Эпопея, безконечныя рыцарскія поэмы, *концетти*, сонеты, въ которыхъ думали только о рифмѣ, губили вкусъ и даже здравый смыслъ.

И въ этомъ-то несчастномъ вѣкѣ, въ этомъ обществѣ явился Тассъ, пламенный юноша, истинный поэтъ, по душѣ и по генію, явился, когда милость покровителей считалась первою наградою дарованій, Классицизмъ поработилъ всю самобытность, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самымъ страннымъ образомъ, смѣшалъ изученіе Древнихъ съ искаженными формами Романтизма; умъ замѣнило остроуміе; величіе духа смѣнено было ничтожествомъ. Въ эту бездну попалъ геній Тасса.

Еще худшее ожидало Тасса, какъ человѣка. Дворянинъ и нищій, благородный, прекрасный собою, мужественный, но допускаемый въ общество только съ клеймомъ ученаго и стихотворца; человѣкъ,

Digitized by Google

съ сердцемъ, созданнымъ для любви истинной, и погрязшій въ міръ волокитства и чувственной любви; приведенный притомъ судьбою ко Двору самаго ничтожнаго, мѣлкаго тирана, тщеславнаго властителя Феррары, владѣнія коего окружены были такими-же ничтожными властителями, старавшимися превзойдти одинъ другаго въ роскоши, гордости и своеволіи прошивъ нисшихъ себя; среди придворныхъ — низкихъ ласкателей, бездушныхъ и развратныхъ — Тассъ ошибся, равно и въ жизни и въ направленіи своего генія.

Италія донынѣ гордится тѣмъ, что Тассъ подарилъ ее *Эпическою* поэмою. Не споримъ, что Тассъ обладалъ великимъ даромъ писать прекрасные стихи, и что онъ могъ-бы возвыситься до величія стиха Эпическаго. Еще менѣе станемъ мы спорить о возможности *Христіанской Эпопеи*, зная Данте, и Мильтона, и увѣренные, что Эпопея возможна даже и въ наше время, и что вовсе несправедливо мнѣніе, будто Эпопея умерла съ міромъ Древнихъ. Но столько-же увѣрены мы и въ томъ, что *Освобожденный Іерусалимъ* — говоря безпристрастно — должно почесть не совершеннымъ произведеніемъ, но ошибкою генія; что эта поэма, исполненная великихъ отдѣльныхъ красотъ, въ общности своей не стоитъ названія Эпопеи, носитъ на себѣ всѣ признаки испорченнаго вкуса XVI-го вѣка, и совсѣмъ недостойна великаго предмета, какой въ ней описывается. Изображеніе Бога и Сатаны, какъ двухъ соперниковъ; смѣшныя чародѣйства; множество несбыточныхъ интригъ

Digitized by Google

любовныхъ; холодное подраженіе Древнимъ и смѣсь рыцарскихъ сказокъ съ эшимъ подражаніемъ—все эшо, при изысканносши языка и щеголеваносши каршинъ, при совершенной несообразносши и невѣрносши съ исшиною собышій, великихъ и изумишельныхъ, если мы при шомъ видимъ унизишельную лесшь, какую оказалъ Поэшъ своему Меценашу, завязавъ всю поэму свою на небывалыхъ подвигахъ его предка — все эшо ошвращаешъ насъ ошъ Тассовой поэмы. Едва-ли кшо нибудъ, прочишавъ ее ошъ начала до конца два раза, не оскорбишся шѣмъ, чшо геній сшоль великій, какъ Тассъ, могъ поработишься до шакой сшепени своему несчасшному вѣку!

Какъ посшупаюшъ шеперь съ *Освобожденнымъ Іерусалимомъ?* Хвалящъ его по преданію; чишаюшъ изъ него ошрывки: Олинша и Софронію; Эрминію у пасшуховъ; Армидины сады, и — шолько! Повѣрьше, чшо шочно шоже дѣлали и современники Тасса, бывшіе въ восшоргѣ ошъ ошрывковъ его поэмы. Въ общносши имъ было довольно шого, чшо Тассъ *подражалъ Эпопеѣ Древнихъ*, хошя между проспошою и самобышносшью Омира, и щегольсшвомъ и схоласшикою Тасса шакое-же различіе, какое между золошомъ и семилоромъ (*).

(*) Къ сожалѣнію, мѣсшо не позволяешъ намъ здѣсь войдши въ подробносши о поэмѣ Тасса; но мы гошовы подкрѣпишь мнѣніе наше доказашельсшвами, еслибы эшо пошребовалось.

Digitized by Google

Нѣкому было объяснишь все эшо Тассу; отъ него шребовали шолько блесшящихъ сшиховъ, и — великій геній разсыпался перекашнымъ жемчугомъ, вмѣсшо шого, чшобы засіяшь въ вѣкахъ безцѣннымъ алмазомъ. Такъ же, какъ геній свой, погубилъ онъ и самую жизнь свою...

Несчасшіе ожидало его при самомъ вшупленіи ко Двору Феррарскаго Герцога. Тассъ увидѣлъ двухъ сесшеръ Альфонса, и, по обыкновенію шогдашнему, объявляя себя обожашелемъ всѣхъ *прекрасныхъ и благородныхъ дамъ*, вписался въ число обожашелей обѣихъ Принцессъ. Такое поэшическое обожаніе позволялось всѣмъ. Но Тассъ, уже сшрасшно влюбленный въ Лауру Пеперара (вышедшую пошомъ за Графа Турки), скоро забылъ эшу бѣдную Лауру, и любовь пламенная и безумная овладѣла имъ: онъ былъ плѣненъ младшею сесшрою Альфонса, Принцессою Элеонорою. Вѣримъ, чшо на зло вѣку, любовь поэша была исшинная. Объ эшомъ можнобы сомнѣваться, судя пошому, чшо Тассъ краснорѣчиво изображалъ любовь свою въ шысячахъ сшиховъ, которыми, судя по нашему, едва-ли можешъ высказываться исшинное чувсшво. Но всякій вѣкъ, всякій народъ имѣешъ свой обычай, свой образъ выражашь сшрасши. Надобно замѣшишь, чшо Элеонора была десяшью годами сшарше Тасса, и при немолодыхъ лѣшахъ (ей былъ 32-й годъ, когда Тассъ увидѣлъ ее въ первый разъ), она была еще не красива, слабаго, больнаго сложенія, и эшо заставило ее ошказашься ошъ всѣхъ предложеній

Digitized by Google

супружества. Элеонора вела уединенную жизнь. Внука гнусной Лукреціи Боржіа, она была дочь добродѣтельной Принцессы Рене, передавшей ей охоту свою къ Поэзіи и Наукамъ. Удивимся-ли, что тайное чувство увлекало Элеонору къ Поэту; что заслушиваясь пламенныхъ стиховъ его въ уединеніи своемъ, Элеонора мечтала иногда о самомъ Поэтѣ, и задумывалась, когда онъ, неопредѣленно, но краснорѣчиво, выражалъ страсть, имъ обладавшую. Можетъ быть, чувствуя во глубинѣ сердца, что только чистое сердце Элеоноры, уединенное среди испорченнаго Двора Альфонсова, можетъ понимать его, Тассъ видѣлъ въ Элеонорѣ совершенное божество. Но Элеонора была женщина, Принцесса, Итальянка XVI-го вѣка: она сохраняла строжайшія приличія съ Тассомъ; ни одно слово не измѣняло ея чувства къ этому *стихотворцу*, *мѣщанину*, *бѣдняку*. Не такъ поступалъ Поэтъ: не только въ искреннихъ разговорахъ съ друзьями, но и въ стихахъ, онъ высказывалъ свою роковую тайну. Списки сонетовъ его ходили по рукамъ, и заставляли догадываться, говорить. Друзья Тасса разславили наконецъ, что Поэтъ влюбленъ въ Лукрецію Бендидіо, придворную даму. Этому не вѣрили: Элеонора узнала отъ любимицы своей, Графини Ливіо Арко, о томъ, что Дворъ и городъ говорятъ о любви къ ней Поэта. Жалѣя о немъ, страшась погубить его, и увѣренная въ томъ, что ее самое не достигнетъ клевета въ Герцогскомъ Дворцѣ, Элеонора рѣшилась уговаривать Тасса быть осторожнѣе, и не обнародывать никакихъ стиховъ, не показавъ прежде ей. Тассъ видѣлъ, что

Digitized by Google

Элеонора не оскорбляется; онъ почелъ это согласіемъ на любовь его, и громко провозгласилъ Лівію посредницею между *имъ* и *предметомъ его любви* (*). Безразсудство поэта не кончилось и этимъ: тайно писалъ онъ стихи, гдѣ откровенно высказывалъ всю любовь свою къ Элеонорѣ; и еще болѣе — въ мечтахъ несбыточныхъ, онъ говорилъ о мнимомъ соотвѣтствіи любви своей, о своемъ счастіи быть любимымъ взаимно Элеонорою. Тщательно скрывалъ Тассъ свои безумныя мечты, хранилъ ихъ въ скрытномъ ящичкѣ, и отъѣзжая во Францію въ 1571-мъ году, умолялъ друга своего Рондинелли, если услышитъ онъ о смерти его — истребить этотъ ящичекъ: самому истребить свои тайныя откровенія — у Поэта не доставало силъ. Это были лучшія его созданія, драгоцѣнности, ничѣмъ для него неоцѣнимыя....

Во Францію поѣхалъ Тассъ съ Кардиналомъ Эсте; принятъ былъ тамъ ласково Карломъ IX-мъ и Маріею Медичи; но скоро поссорился съ своимъ благодѣтелемъ Кардиналомъ, за какія-то свободныя мысли о Религіи. Кардиналъ отнялъ у Тасса маленькое жалованье, которое давалъ ему до тѣхъ поръ. Тассъ писалъ въ Феррару; умолялъ Герцога

(*) «Мнѣ позволяютъ любить, но упорно налагаютъ на меня угрюмое молчаніе. Со мною говоритъ только посланница прекраснѣйшей изъ богинь, Лівія, но въ ея устахъ я слышу голосъ любви,» и проч.

Digitized by Google

Альфонса позволишь ему вступишь въ службу при его Дворѣ. Альфонсъ согласился. Тассъ пріѣхалъ въ Феррару въ концѣ 1571 года.

Говорятъ, что жизнь поэта была послѣ того нѣсколько лѣтъ самою счастливою и блестящею. Говорятъ, что онъ осыпанъ былъ въ это время милостями Альфонса, и слава его гремѣла во всей Италіи. О славѣ нѣтъ спора: въ 1572-мъ году, на придворномъ театрѣ играли Тассову пастушескую Драму: *Аминтъ* — уродливое произведеніе ложнаго вкуса; но современники были отъ него въ восторгѣ — этого довольно. Въ 1575 г. Тассъ кончилъ и посвятилъ свой *Освобожденный Іерусалимъ* Герцогу Альфонсу. Сонеты и другія стихотворенія сыпались у него десятками. Извѣстно, что Тассъ написалъ однихъ сонетовъ *болѣе тысячи*, мадригаловъ *болѣе трехъ сотъ*. Если теперь, мы, холодные дѣти Сѣвера, не можемъ не любоваться пламеннымъ воображеніемъ Тасса, каково-же было дѣйствіе его поэзіи на современниковъ? — Но о *милостяхъ*, какими *осыпали* Тасса при Феррарскомъ Дворѣ, не льзя слышать безъ негодованія! Поэтъ жилъ въ одной изъ комнатъ дворца; свободно гулялъ въ дворцовыхъ садахъ; читалъ стихи свои придворнымъ, и писалъ къ сестрѣ своей, что не можетъ довольно изобразить милостей, коими награждаетъ его Альфонсъ. «Вообразите,» пишетъ Тассъ, «что не рѣдко удостоиваетъ меня Герцогъ разговорами, даже приглашаетъ за столъ свой и удостоиваетъ особеннымъ вниманіемъ.» Тассу давали и денегъ, но

Digitized by Google

шакъ мало, что онъ едва могъ порядочно одѣваться. Явясь во Францію съ Кардиналомъ Эсте, онъ имѣлъ только одну пару плашья. Однажды принужденъ онъ былъ занять *одно экю*, ибо у него не на что было пообѣдать. Въ другой разъ, сидя въ пошемкахъ, написалъ онъ сонетъ своему коту, прося его ссудить видящими въ темнотѣ глазами: Тассу не на что было купить свѣчку! Въ 1573-мъ году, вздумавши написать свою духовную, Тассъ просилъ въ ней выкупить плашье его, заложенное имъ какому-то Жиду, продать это плашье, заплатить его мѣлкіе долги и поставить памятникъ его отцу. «Если чего нибудь не достанетъ, надѣюсь, что Eccellentissima Madama Элеонора, изъ снисхожденія ко мнѣ (per amor mio), дополнитъ недостающее» — прибавляетъ великій придворный поэтъ!

Но и *такія милости*, при славѣ поэта, возбуждали ненависть къ нему придворныхъ и знатныхъ. Одно то, что этотъ голый піитъ толкался во дворцѣ между Знатью, казалось унизительнымъ. Тассъ, не могшій превзойдти въ ловкости и свѣтскости послѣдняго пажика Герцогскаго, былъ предметомъ злыхъ насмѣшекъ, и скоро сдѣлался жертвою злобы. Умѣли отравить самую славу его, погубить его, какъ человѣка. Все вошло въ заговоръ противъ Тасса. Его окружили измѣнники, ложные друзья; раздражали его, вводили въ безпрестанныя ошибки и глупости, и — довели до дома сумасшедшихъ....

Digitized by Google

Первымъ, самымъ злымъ врагомъ Тасса — былъ онъ самъ. Вспыльчивый, неукротимый, гордый, онъ забывалъ всякую осторожность въ несчастной своей страсти: любовь сдѣлалась жизнію его, и совершенно лишала его разсудка. Напрасно хотѣли друзья Поэта сберечь, предостеречь его — Тассъ ежеминутно разрушалъ всѣ ихъ предосторожности. Напрасно вздумала наконецъ Элеонора остановить Поэта своею холодностію. Во время кратковременной отлучки своей изъ Феррары, Тассъ узнаетъ, что соперникъ его въ Поэзіи, Гварини, Авторъ *Вѣрнаго пастуха*, былъ милостиво допущенъ къ Элеонорѣ и читалъ ей свои стихи. Онъ бѣсится отъ ревности и гнѣва, сочиняетъ злую сатиру на Гварини, и въ тоже время пишетъ къ самой Элеонорѣ: «Видѣть васъ, быть при васъ—одно счастіе для меня на землѣ. Оцѣните это счастіе моею жизнію, и возьмите, возьмите притомъ и честь мою, и счастіе моего отечества. Только видѣть васъ хочу я. Если-бы любовь моя зависѣла отъ меня — она была-бы преступленіе; но она не преступленіе, когда жестокая судьба моя лишила меня душевной воли.» — Холодность Элеоноры и стараніе удалиться отъ него, приводили Тасса въ отчаяніе: но видѣлъ онъ въ этомъ доказательство скрываемой любви, борьбы съ любовью, но вдругъ убійственную измѣну. Желая отмстить Гварини, Тассъ притворился влюбленнымъ въ Элеонору Санъ-Витали, Графиню Скандіано, обожаемую Гварини, разсердилъ этимъ своего противника, и заставилъ его соединиться съ врагами своими. Они взаимно перебранивались сонетами. Наконецъ непріятели

Digitized by Google

успѣли довесши любовь Тасса и всѣ его безразсудства до ушей Альфонса. Доказательства были сильны; Герцогъ изумился; но гордость его еще не хотѣла вѣрить дерзости Тасса. Прежде того, несчастная ссора Тасса съ однимъ изъ придворныхъ, по имени Маддало, произвела было общій соблазнъ: имя Элеоноры, подверженное разговорамъ придворныхъ и клеветѣ ихъ, вывело Тасса изъ себя. Встрѣтясь съ Маддало во дворцѣ, онъ далъ ему пощечину и былъ вызванъ на поединокъ. Трое напали на него, когда онъ явился въ назначенномъ мѣстѣ. Тассъ изумилъ противниковъ храбростію, дрался, и заставилъ ихъ бѣжать. Весь Дворъ, самъ Альфонсъ, удивлялись Тассу, и ссора съ Маддало не имѣла дальнѣйшихъ послѣдствій. По улицамъ Феррары пѣли въ честь Тасса похвальныя пѣсни, нарочно сочиненныя. Но Альфонсъ затрепеталъ отъ ярости, узнавъ потомъ о причинѣ ссоры съ Маддало. Неожиданно, Тассъ прибѣжалъ однажды, какъ помѣшанный, въ комнаты Принцессы Лукреціи, съ ножемъ въ рукахъ, и хотѣлъ при глазахъ ея зарѣзать одного изъ ея придворныхъ. Несчастный поэтъ! Враги поддѣлали ключъ къ его ящичку, гдѣ хранились всѣ его страстные стихи, всѣ его тайныя мечтанія. Тасса схватили. Бумаги его были въ рукахъ Альфонса. Не оставалось сомнѣнія въ дерзости піита, дерзнувшаго безславить любовью своею — сестру Герцога!

Какъ истинный Итальянецъ поступилъ тогда Альфонсъ. Онъ велѣлъ задержать Тасса; потомъ велѣлъ отвезти его въ свой увеселительный дво-

Digitized by Google

рецъ Бель-Ригвардо. Здѣсь явился онъ самъ, и съ злобною насмѣшкою показалъ Тассу всѣ украденныя у него бумаги. Тассъ упалъ передъ нимъ на колѣни. Не знаемъ, что́ говорилъ онъ. Но мщеніе Альфонса было ужасно! Казнивъ Поэта, онъ возбудилъ бы негодованіе и сожалѣніе всей Италіи, и при томъ казнь его могла-ль оправдать честь Элеоноры? Уже носились слухи, что она и Тассъ *взаимно любили другъ друга*; что Тассъ, въ восторгѣ страсти, публично обнялъ и поцѣловалъ Принцессу. Имя Элеоноры было замѣшано такимъ образомъ въ сплетни народныя, было предано позору площадныхъ разговоровъ. Простолюдины радовались отвагѣ и успѣху своего брата простолюдина. Альфонсъ сдѣлалъ Тассу страшное предложеніе: притвориться сумасшедшимъ, и увѣрить всѣхъ, что любовь и мечты его были слѣдствіемъ его безумія, и что, слѣдственно, Элеонора ни сколько не была въ нихъ участницей, ибо влюбляться въ Принцессъ, и любить ихъ, позволено всякому, только-бы онѣ не унижались любовью къ простолюдину.

Поэтъ согласился на все. И чего не сдѣлалъ-бы онъ, если ему говорили, что любовь его безславитъ Элеонору, которая была ему дороже славы и жизни? Іюля 11-го 1577 года, Тасса отвезли въ Феррару, въ Францисканскій монастырь, и объявили помѣшаннымъ. Онъ просилъ пощады. Пощады не было. Но присмотръ за Тассомъ былъ слабый, и 20-го Іюля Тассъ бѣжалъ изъ Феррары.

Здѣсь, говоря собственно, кончилась исторія

Digitized by Google

Поэта. Тассъ существовалъ еще послѣ того около *восмнадцати* лѣтъ, но жизнь его была сцѣпленіемъ скорбей физическихъ и моральныхъ; онъ и писалъ до самой своей смерши, но божественный даръ уже улетѣлъ изъ его бреннаго сосшава, и Тассъ являлъ собою скорбный примѣръ бѣдносши человѣческой, когда небесная часшь, одушевляющая человѣка, удаляешся ошъ него.

Нѣшъ сомнѣнія, чшо оскорбленный, раздраженный Тассъ не былъ помѣшанъ въ шо время, когда внукъ Лукреціи Боржіа пошребовалъ ошъ него сшрашной жершвы, которою думалъ очисшишь чесшь своего Княжескаго дома. Но съ самаго похищенія шайныхъ бумагъ своихъ, видя, чшо шо, чего не ошкрывалъ онъ никому, чшо берегъ онъ болѣе своей жизни — ошкрышо, сдѣлалось явно, сшало позоромъ для Элеоноры, Тассъ, всегда до безразсудсшва вспыльчивый, пламенный, и въ шоже время склонный къ грусши, задумчивый (обыкновенный харакшеръ каждаго Поэша!), пришелъ въ неесшесшвенное сосшояніе. Онъ пересшалъ вѣришь дружбѣ и самой любви (ибо Элеонора сшрого запрешила допускашь его къ себѣ), видѣлъ повсюду покушенія на жизнь, на славу свою. Иногда онъ жаловался на ширансшво Альфонса; въ другое время вѣрилъ, чшо нѣшъ въ мірѣ наказанія, какого не былъ-бы онъ досшоинъ за свое пресшупленіе, дерзнувъ обезславишь своею любовью Элеонору. Онъ думалъ даже, чшо Богъ наказываешъ его за гордосшь, за щеславіе своимъ геніемъ; иногда шрепешалъ, полагая, чшо нарушилъ свяшосшь религіи

Digitized by Google

своею поэмою, гдѣ заставилъ рыцарей, завоевателей Св. Гроба, влюбляться въ невѣрныхъ, и ввелъ цѣлые разсказы любовные въ описаніе святаго Крестоваго похода. Боясь посему случаю преслѣдованій Инквизиціи, Тассъ просилъ у нея суда и прощенія. Такъ, обуреваемый страстями, иногда впадая въ совершенное сумасшествіе, гонимый привидѣніями, какія создавало его больное воображеніе, Тассъ скитался изъ страны въ страну. Мы крашко означимъ здѣсь остальныя событія Тассовой жизни.

Пѣшкомъ, безъ денегъ, почти въ рубищахъ, почти питаясь милостынею, Тассъ ушелъ въ Сорентo. Корнелія, сестра его, приняла несчастнаго Поэта, какъ добраго брата своего, предложила ему уголокъ въ своемъ домѣ и нѣжныя попеченія дружбы. Тассъ прожилъ у нея нѣсколько мѣсяцевъ, но не могъ оставаться долѣе; писалъ къ Альфонсу, просилъ прощенія, позволенія воротиться въ Феррару; писалъ къ Герцогинѣ Урбинской, къ самой Элеонорѣ. Никто не отвѣчалъ ему; только Элеонора велѣла увѣдомить Тасса, что *не можетъ ничѣмъ ему пособить*. Больное воображеніе Тасса оклеветало наконецъ передъ нимъ и добрую Корнелію. Подозрѣвая, что и она находится въ заговорѣ съ его врагами, Тассъ тихонько бѣжалъ изъ Сорентo, явился въ Римъ, и Министръ Феррарскій, находившійся при Папскомъ Дворѣ, объявилъ ему, что возвращеніе въ Феррару не запрещено, если только онъ «согласенъ лечиться отъ сумасшествія своего, и будетъ остороженъ.» Въ Апрѣ-

Digitized by Google

лѣ 1578 года, согласный на всѣ условія, согласный на всѣ жертвы, Тассъ прибылъ въ Феррару. «Исторія не представляетъ примѣра жертвы, равной той, какую рѣшился принести я. Только жертва Авраамова сравняется съ моею» — писалъ Тассъ къ своему другу. Бѣдный поэтъ!...

Онъ явился немедленно ко Двору. Альфонсъ холодно объявилъ Тассу, что онъ дѣйствительно теперь помѣшанъ; потребовалъ отъ него послушанія лекарямъ; потребовалъ еще болѣе, такъ, что стыдясь объясняться словами, объяснялъ желаніе свое знаками... Элеонора не хотѣла видѣть, не допустила къ себѣ Тасса, и — въ Іюлѣ 1578 г. Тассъ снова ушелъ изъ Феррары. Онъ жилъ нѣсколько времени въ Мантуѣ, въ Урбино. Здѣсь захотѣлъ онъ оправдаться отъ обвиненія въ сумасшествіи, и всѣ увидѣли, что безуміе его была только злобная выдумка Альфонса. Феррарскій Герцогъ испугался намѣренія Тасса, и всячески началъ стараться залучить къ себѣ *опаснаго клеветника.* Тассъ бѣжалъ въ Піемонтъ. Нищимъ явился онъ туда, такъ, что городская стража въ Туринѣ хотѣла было заключить его въ тюрьму, какъ бродягу. Но Герцогъ Савойскій, Дворъ его, ученые и поэты, приняли Тасса весьма ласково. Альфонсъ звалъ его къ себѣ, и Тассъ, слыша притомъ, что Элеонора смертельно больна, оставилъ все, и спѣшилъ въ Феррару. Онъ явился прямо во дворецъ, потребовалъ себѣ прежней своей комнаты; вмѣсто отвѣта его окружила стража. Пришедши въ неистовство, Тассъ осыпалъ ругательствами Герцога, придворныхъ,

Digitized by Google

и прокляшіями Феррару и свой несчастный жребій! Альфонсъ опредѣлилъ ему вѣчную темницу. Въ Февралѣ 1579 года, Тасса заключили въ больницу Св. Анны, въ отдѣленіе сумасшедшихъ.

Семь лѣтъ и два мѣсяца страдалъ здѣсь человѣкъ, краса своего вѣка, поэтъ, имя котораго повторялось между шѣмъ во всей Европѣ, сшихи котораго съ восторгомъ читали и пѣли во всей Италіи. Тасса совсѣмъ не лечили (новое доказательство, что онъ не былъ сумасшедшій); но первые два года держали его въ тяжкомъ заключеніи: не позволяли ему стричь волосовъ, бришь бороды, даже не допускали къ нему никого. Только юный Мосши, племянникъ Пріора больницы, приходилъ иногда раздѣлять его скорбное уединеніе, слушать сшихи его, ушѣшать надеждою. Потомъ перевели Тасса въ комнашу болѣе удобную, позволили ему принимать посѣшителей, и ходить въ больничную церковь къ обѣднѣ. Въ это время видѣлъ его Моншань. Но щщетно самъ Тассъ умолялъ Альфонса о свободѣ; щщетно писалъ онъ къ нему, къ другимъ Государямъ, къ Папѣ, къ друзьямъ своимъ; щщетно всѣ они просили о немъ Альфонса. Мстишель за честь Элеоноры, уже нѣсколько лѣшъ шлѣвшей въ могилѣ, былъ неумолимъ.

И всѣ скорби, какъ человѣкъ, и всѣ оскорбленія, какъ поэтъ, перенесъ въ это время несчастный творецъ Освобожденнаго Іерусалима! Черезъ годъ послѣ его заключенія, умерла Элеонора... Поэму Тасса напечашали въ Венеціи въ 1580-мъ году, съ первыхъ неполныхъ списковъ, подъ названіемъ:

Digitized by Google

Готтфредъ (Il Goffredo); потомъ перепечатали ее шесть разъ въ настоящемъ видѣ; новая польза отъ изданій досталась барышникамъ, а Тассъ только оскорблялся тѣмъ, что издатели позволяли себѣ портить и передѣлывать стихи его. Всѣ были увѣрены въ Феррарѣ, или представлялись увѣренными въ безуміи Тасса, и осыпали похвалами Гварини, безстыдно торжествовавшаго бѣдствіе личнаго своего врага. Въ 1585 году съ величайшимъ успѣхомъ играли въ Феррарѣ Гварніева: Pastor fido, и говорили, что Тассовъ *Аминтъ* никуда не годится противъ сего великаго творенія. Въ тюрьмѣ своей слышалъ объ этомъ горделивый Тассъ, и написалъ Трагедію: *Торрисмондо*, какъ будто въ опроверженіе. Впрочемъ, сія трагедія замѣчательна только тѣми стихами, коими она оканчивается: «Какъ быстрый потокъ Альпійскій, какъ молнія въ тучахъ, какъ вѣтеръ, какъ дымъ, какъ быстролетная стрѣла, пролетаетъ наша слава, и все величіе наше подобится увядшему цвѣтку! Чего еще надѣяться, или чего ожидать? Послѣ торжествъ и пальмовыхъ вѣнковъ, одно остается для души нашей — скорби, жалобы и сѣтованія. Къ чему-же веселая дружба, къ чему ты, веселая любовь? — О слезы! О скорбь (*)!» — Поэта могла-бы утѣшать хотя громкая слава его великой

(*) E come alpestro e rapido torrente,
Come acceso baleno
In notturno sereno,

Digitized by Google

поэмы, которую читали повсюду. Однихъ Латинскихъ переводовъ вышло пять въ три года, и цѣлые томы написаны были похвалъ ей, пока многіе ученые систематически доказывали, что Тассъ есть величайшій поэтъ въ мірѣ, и пока народъ повсюду твердилъ наизусть стихи его. Но злоба возстала и здѣсь: какъ одни хвалили, такъ другіе начали ругать и поносить Тасса, утверждая, что Аріостъ выше его. Всѣ критики и ругательства были постоянно доставляемы въ темницу Тасса; онъ писалъ опроверженія, но ихъ не выпускали въ свѣтъ, и наконецъ, Тассъ потерялъ послѣднее утѣшеніе, когда вновь учрежденная Флорентійская Академія Делла-Круска издала ученую на него критику, и въ этой критикѣ рѣшила, что поэма Тасса никуда не годится. Педантически, нелѣпо, но оскорбительно и ядовито было сказано это рѣшеніе важнаго ученаго общества. Тассъ повѣрилъ, и началъ

Come aura o fumo, o come stral repente,
Volan le nostre fame; ed ogni onore
Sembra languido fiore.
Che più si spera, o che s'attende omai?
Dopo trionfo e palma
Sol qui restano all'alma
Lutto e lamenti, e lagrimosi lai.
Che più giova amicizia o giova amore
Ahi lagrime! ahi dolore!

Digitized by Google

передѣлывалъ свою поэму, исключалъ, переработывалъ стихи, уродовалъ свою поэму, даже перемѣнилъ ея названіе, наименовавъ ее: *Завоеванный Іерусалимъ*. «Я видѣлъ въ Вѣнской Библіотекѣ подлинную рукопись Тасса,» говоритъ Сисмонди, «со всѣми его переправками: печальный памятникъ паденія великаго изъ поэтовъ, у котораго несчастіе погубило всѣ душевныя способности.»

Но человѣкъ живущъ: Тассъ пережилъ все. И письма и записки его доказываютъ, что если онъ утратилъ свой поэтическій геній, то сохранялъ разсудокъ. Какъ трогательны многія изъ его жалобъ, писанныхъ въ это время! — «Герцогъ могъ наказать меня — пишетъ Тассъ, въ одномъ своемъ письмѣ «но могъ-ли онъ употребить противъ меня неслыханную строгость, неслыханный образъ наказанія? Видѣть, что тѣ, кто долженъ-бы облегчать, по крайней мѣрѣ утѣшать меня въ моей бѣдности, сдѣлались орудіями жестокости Герцога, исполнителями его свирѣпой воли — горько, горько видѣть все это! Для чего приписываютъ мнѣ послѣднее изступленіе мое по прибытіи въ Феррару? Кто хочетъ другаго сдѣлать безумцемъ, не долженъ жаловаться, если несчастный, въ отчаяніи, что не въ силахъ исполнить невозможнаго, смѣшанный въ чувствахъ своихъ, встревоженный тысячью надеждъ, тысячью подозрѣній, приходитъ въ самомъ дѣлѣ въ безумное изступленіе.»

Это безумное изступленіе иногда въ сильной степени овладѣвало Тассомъ, и временно онъ терялъ даже разсудокъ. Такъ во время болѣзни, слу-

Digitized by Google

чившейся съ нимъ въ шюрьмѣ, Тассъ мечталъ, будто ему являлась Богоматерь. Потомъ думалъ онъ, что иногда злой духъ приходитъ къ нему въ видѣ блудящаго огонька, прыгаетъ въ шюрьмѣ его, и крадетъ у него бумаги, которыхъ онъ не доискиваешся впослѣдствіи. Наконецъ, Тассъ видалъ иногда злаго духа лицомъ къ лицу, разговаривалъ съ нимъ, и каждый разъ молился онъ послѣ того, да избавитъ его Господь отъ козней Діавола, обѣщающаго ему дары, свободу и славу, если только Поэтъ согласится передашь ему свою душу.

Въ такомъ несчастномъ состояніи былъ Тассъ, когда ударилъ часъ его освобожденія. Не вѣря суждению своей ученой Академіи, Медичи убѣдительно просили Альфонса возвратить свѣту великаго поэта. Въ Іюлѣ 1586 года, Тассъ былъ освобожденъ; немедленно оставилъ онъ Феррару, удалился въ Мантуу, потомъ въ Римъ и въ Неаполь. Остальное время жизни Тасса скитался изъ Неаполя въ Римъ и обратно, почти безпрестанно перемѣняя свое мѣстопребываніе, опасаясь всѣхъ, подозрѣвая каждаго, то унылый, то восторженный. Сегодня отказывался онъ отъ богатаго подарка — завтра просилъ нѣсколько скудій на пропитаніе. Приходилъ къ другу, и черезъ недѣлю потомъ съ ужасомъ бѣжалъ отъ него. Только немногіе искренніе друзья могли переносить всѣ причуды за-живо умершаго Тасса, и въ этомъ случаѣ потомство должно сохранить имя *Іоанна Баттиста Манзо, Маркиза де Вилла:* онъ постоянно любилъ, берегъ, охранялъ Тасса; у него болѣе всѣхъ жилъ Тассъ и

Digitized by Google

ошогрѣвался сердцемъ. Тассъ не оставлялъ Поэзіи, хотя его послѣдніе Сонеты, передѣлка Іерусалима, и Трагедія *Торрисмондо*, изданные въ свѣтъ при жизни его, также комедія: Gli Intrighi d'Amore, и начало поэмы: *Семь дней сотворенія міра* (Le Sette giornate del Mondo creato), найденныя въ бумагахъ, послѣ смерши Тасса, служили доказашельствомъ погибели его генія.

Прошло *девять лѣтъ* жизни Поэта, странническої, горестной, печальной. Здоровье его наконецъ совершенно разстроилось; смершь близилась; друзья предчувствовали его кончину. Тушъ судьба, казалось, улыбнулась ему. На престолъ Панскій восшелъ Кардиналъ Ипполишъ Альдобрандини, любившій Поэзію, Науки и Художесшва. Племянникъ новаго Папы, Чинціо Альдобрандини, страсшно любившій сшихи Тасса, уговорилъ дядю почшить бѣднаго сшрадальца давно небывалымъ шоржесшвомъ: увѣнчаніемъ въ Капишоліи. Это было очень ксшаши при великолѣпныхъ праздникахъ, которыми ознаменовывалось избраніе новаго Папы. По сшранному смѣшенію Исшорическихъ преданій, вслѣдсшвіе коншраго Лашинское слово: virtus, Итальянцы принимаюшъ въ смыслѣ своего слова: virtù, производя ошъ него слово: *Виртуозъ*, мысль увѣнчавашь поэшовъ въ Капишоліи, вмѣсшо шоржесшвованія шріумфа побѣдишелей Римскихъ, нѣкогда горделиво въѣзжавшихъ въ Капишолію, явилась еще въ полови-нѣ XIV-го вѣка. Петрарка былъ шоржесшвенно прдвезенъ въ Капишолію въ 1341-мъ году, въ сопровожденіи шолпы народа, съ музыкою, пѣснями;

Digitized by Google

Дворъ Папскій блисталъ великолѣпіемъ одежды, и весь городъ праздновалъ славу Петрарки, увеселеніями и убранствомъ улицъ, по которымъ везли поэта. Отслуживъ обѣдню, Папа возложилъ на него вѣнокъ лавровый, по словамъ самого Петрарки, доставившій ему только враговъ и завистниковъ. Странный обрядъ этотъ, смѣшеніе чего-то Христіанскаго съ языческимъ, подобное празднику Виноградниковъ въ Швейцаріи, возобновлялся послѣ того два раза: въ 1355-мъ году, въ Пизѣ увѣнчанъ былъ Императоромъ Карломъ IV-мъ какой-то великій поэтъ, Цаноби-Страда; а въ 1406-мъ году готовились увѣнчать во Флоренціи Колуччіо Салютати, за его Латинскія сочиненія. Но Салютати умеръ, не дождавшись увѣнчанія.

Предложеніе Кардинала Чинціо порадовало дядю его, Папу Климента VIII-го. Двору Папскому былъ случай попраздновать, народу повеселиться, Папѣ за дешевую цѣну показать себя покровителемъ Искусствъ и Поэзіи. Въ смиренномъ уединеніи у друга своего Мансо, Тассъ неожиданно получилъ приглашеніе прибыть въ Римъ, и принять вѣнокъ. «Вѣнокъ!» воскликнулъ онъ. — «Дайте мнѣ лучше гробъ, а не вѣнокъ; положите лучше вѣнокъ вашъ на гробъ мой. Ваше торжество не прибавитъ достоинства моимъ твореніямъ и не возвратитъ мнѣ счастія, а только болѣе отравитъ завистью людей послѣдніе дни мои.» Но друзья убѣждали Тасса; онъ согласился, и отправился въ Римъ, съ толпою богомольцевъ. На границахъ Папскихъ владѣній, путешественниковъ остановила шайка слав-

Digitized by Google

наго разбойника Скіарры. Едва ашаманъ узналъ, что подчиненные его остановили Тасса, какъ прискакалъ самъ и велѣлъ пропустить великаго поэта и всѣхъ его сопутниковъ. Такъ извѣстенъ былъ Тассъ. Уже больной пріѣхалъ онъ въ Римъ. Депутація встрѣтила его за городскими воротами; Чинціо представилъ его Папѣ, и Папа сказалъ ему: «Вы украсите вашею славою вѣнокъ, донынѣ украшавшій славу другихъ.» Боясь, чтобы смерть не предупредила торжества, спѣшили приготовить всѣ декораціи, вѣнки, колесницу. Къ досадѣ Чинціо, дурная погода остановила торжество; а Неумолимая не хотѣла подождать ясной погоды, и безжалостно положила ледяную руку свою на Тасса! Страшась, что праздника не будетъ, если Поэтъ умретъ, Римъ очень безпокоился о здоровьѣ своего гостя. Но уже ничто не могло спасти бѣднаго страдальца. Послѣдніе дни Тасса служили предметомъ вдохновенія для многихъ поэтовъ и живописцевъ: они изображали и воспѣвали, какъ, чувствуя близость смерти, Тассъ думалъ только о вѣчности, велѣлъ себя перевезти въ монастырь Св. Онуфрія, и тихо скончался тамъ, Апрѣля 25-го 1595-го года, окруженный плачущими друзьями и смиренными иноками. Читайте Элегію Батюшкова: *Умирающій Тассъ*. Но еще лучше, прочитайте письмо Тасса къ другу его Конспаншини: «Что скажешь ты, мой Конспантини! узнавъ о кончинѣ твоего милаго Торквато? Не замедлишь дойдти къ тебѣ сія вѣсть. Чувствую приближеніе смерти. Никакое лекарство не исцѣлитъ моей болѣзни. Она увлекаетъ меня, какъ будто быстрый потокъ.

Digitized by Google

Поздно теперь жаловаться на судьбу, всегда враждебную — не говорю о несправедливости людей. Судьба торжествуетъ! Нищимъ сшою у гроба моего, когда надѣялся, что слава, на зло врагамъ пріобрѣтенная, не будетъ для меня безполезною. Я перешелъ въ обитель Св. Онуфрія, не потому только, что лекаря хвалятъ здѣшній воздухъ; я хотѣлъ бесѣдовать со святыми отшельниками, и начать бесѣды съ небомъ. Молись за меня и вѣрь, что уважая и любя тебя здѣсь на землѣ, перенесу и туда, за гробъ, мое чувство, вмѣстѣ съ обязанностями Христіанина: *тамъ* жизнь настоящая. Прости! Себя и тебя поручаю Богу.»

Похороны Тасса были великолѣпны: трупъ его еще надобенъ былъ для тщеславія людскаго. Тасса схоронили въ обители Св. Онуфрія. Чинціо хотѣлъ воздвигнуть ему гробницу, и — забылъ; хотѣлъ издать его полныя сочиненія, забралъ всѣ его бумаги — и также забылъ объ этомъ. Уже въ 1608-мъ году, Кардиналъ Бевилаква соорудилъ надгробіе на могилѣ Поэта, и велѣлъ вырѣзать на ней: «*Здѣсь лежатъ кости Торквато Тассо.*» Только; и надобно-ли было еще что нибудь болѣе?

Вотъ Тассъ, жизнь его, и вѣкъ его, обнаженные отъ всѣхъ поэтическихъ вымысловъ, въ простотѣ Исторіи, передъ судомъ потомства.

Признаемся, что эта простота, по мнѣнію нашему, представляетъ самую высокую поэзію, если поэзія состоитъ въ противоположностяхъ судьбы генія и человѣка, изображающихъ намъ позорище

Digitized by Google

истины, ужасной и отрадной вмѣстѣ! Геній и темница, любовь и свѣтъ, съ его условіями и приличіями; ничтожное тщеславіе, полагающее вѣнокъ на гробъ поэта, и истинное чувство, заставляющее разбойника благоговѣть передъ поэтомъ; и самый Тассъ, съ его ошибками въ жизни и поэзіи, полусумасшедшій и пережившій самого себя.... Посмотримъ, что поэтическій вымыслъ можетъ прибавить къ этой истинѣ болѣе высокаго, болѣе изящнаго.

Розини, заключая книгу, изданную имъ о Тассѣ, говоритъ: «Изложеніемъ бѣдствій Тасса, мы хотѣли влить каплю бальзама въ раны людей, посвящающихъ себя на прославленіе отечества плодами трудовъ тяжкихъ, и всего чаще получающихъ въ награду за то гоненіе духа нарушій, злобы и невѣжества. Сравнивая жребій свой съ судьбою Тасса, да ушѣшатся они въ настоящей жизни, и да возродятся силами: есть потомство.»

Самъ холодный изъ холодныхъ Историковъ, Нѣмецкій Профессоръ Бутервекъ, окончилъ жизнеописаніе Тасса (въ своей Geschichte der schönen Wissenschaften, ч. II, стр. 230) слѣдующими словами: «Да будетъ святъ для каждой души человѣческой прахъ твой, мученикъ любви и поэзіи! Да позволено будетъ Историку твоему прервать холодный разсказъ, и не умолчать о чувствахъ, какія возбуждаетъ въ немъ жизнь твоя. Ты былъ слабъ, и часто безразсуденъ. Ты не зналъ міра. Но изъ того, что знаетъ о тебѣ міръ, видимъ, что ты не обезславилъ

Digitized by Google

высокаго достоинства Поэта и человѣка. Ты заблуждался, какъ поэтъ, и какъ человѣкъ, но истина была во глубинѣ души твоей. Всѣ письма твои доказываютъ дѣтскую чистоту твоего сердца. Между лживыми и двусмысленными людьми, какими въ твое время была бо́льшая часть Итальянскихъ поэтовъ, видѣнъ ты, странный, но въ Петрарковской чистотѣ. Какъ для твоего вождя Петрарки, Доброе и Прекрасное были и для тебя единымъ подъ двумя именами,» и проч. — Бушервекъ говоритъ за тѣмъ, что Тассъ почти исторически-вѣрно изображенъ, какъ человѣкъ (mit seiner Liebenswürdigkeit, Excentricität und Schwäche), въ Гётевой Трагедіи. Обратимся къ творенію Гёте; одно имя сочинителя требуетъ отъ насъ преимущественнаго къ нему вниманія передъ другими.

(До слѣд. книжки).

РУССКАЯ ЛИТТЕРАТУРА.

Новыя книги.

— *Повѣсти изъ Русскихъ народныхъ преданій*, изданныя М. Н. Макаровымъ. М. 1834. Въ т. С. Селивановскаго. 175 стр. in-12.

Одинъ изъ самыхъ ревностныхъ любителей Русской старины, М. Н. Макаровъ, издаетъ повѣсти, основанныя на Русскихъ преданіяхъ. Это любопытно для всякаго, кто знаетъ прежніе труды сего почтеннаго Литтератора. Но чего должно искать въ сочиненіи Г-на Макарова? Вѣрныхъ-ли преданій о старинѣ, или поэзіи? Отчасти того и другаго, но конечно болѣе поэзіи, нежели Исторіи, потому что если хотите свѣдѣній, хотите самороднаго духа Русскаго, то не въ передѣлкахъ надобно искать ихъ, а въ лѣтописяхъ, въ преданіяхъ, въ *самихъ преданіяхъ*, и въ сказкахъ, сложенныхъ не въ наше время.

Намъ кажется однакожь, что М. Н. Макаровъ не имѣлъ этой мысли, и думалъ, что преданія можно облечь современнымъ разсказомъ, придать имъ своего ума, своихъ чувствованій, и въ новомодномъ кафтанѣ à la *Марѳа Посадница* предста-

Digitized by Google

высокаго достоинства Поэта и человѣка. Ты заблуждался, какъ поэтъ, и какъ человѣкъ, но истина была во глубинѣ души твоей. Всѣ письма твои доказываютъ дѣтскую чистоту твоего сердца. Между лживыми и двусмысленными людьми, какими въ твое время была бо́льшая часть Итальянскихъ поэтовъ, виденъ ты, странный, но въ Петрарковской чистотѣ. Какъ для твоего вождя Петрарки, Доброе и Прекрасное были и для тебя единымъ подъ двумя именами,» и проч. — Бутервекъ говоритъ за тѣмъ, что Тассъ почти исторически-вѣрно изображенъ, какъ человѣкъ (mit seiner Liebenswürdigkeit, Excentricität und Schwäche), въ Гётевой Трагедіи. Обратимся къ творенію Гёте; одно имя сочинителя требуетъ отъ насъ преимущественнаго къ нему вниманія передъ другими.

(До слѣд. книжки).

Digitized by Google

РУССКАЯ ЛИТТЕРАТУРА.

Новыя книги.

— *Повѣсти изъ Русскихъ народныхъ преданій*, изданныя М. Н. Макаровымъ. М. 1834. Въ т. С. Селивановскаго. 175 стр. in-12.

Одинъ изъ самыхъ ревностныхъ любителей Русской старины, М. Н. Макаровъ, издаетъ повѣсти, основанныя на Русскихъ преданіяхъ. Это любопытно для всякаго, кто знаетъ прежніе шруды сего почтеннаго Литтерапора. Но чего должно искать въ сочиненіи Г-на Макарова? Вѣрныхъ-ли преданій о старинѣ, или поэзіи? Отчасти того и другаго, но конечно болѣе поэзіи, нежели Исторіи, потому что если хотите свѣдѣній, хотите самороднаго духа Русскаго, то не въ передѣлкахъ надобно искать ихъ, а въ лѣтописяхъ, въ преданіяхъ, въ *самихъ преданіяхъ*, и въ сказкахъ, сложенныхъ не въ наше время.

Намъ, кажется однакожь, что М. Н. Макаровъ не имѣлъ этой мысли, и думалъ, что преданія можно облечь современнымъ разсказомъ, придать имъ своего ума, своихъ чувствованій, и въ новомодномъ кафтанѣ à la *Марѳа Посадница* предста-

Digitized by Google

вить Русскій духъ и Русскую душу. Ошибка, непростительная для опытнаго Литтератора! Можно было во время Карамзина восхищать *Марѳою Посадницею*; но и для этого надобенъ былъ увлекательный разсказъ Сочинителя оной. Въ наше время, такое предпріятіе не можетъ отличиться успѣхомъ, ибо читатели уже имѣютъ другія понятія объ Искусствѣ. Исторія не романъ, и романъ не Исторія, а поэзія — вотъ небольшое правило, котораго не соблюлъ М. Н. Макаровъ, и отъ того книга его есть попытка неудачная.

Въ ней восемь Повѣстей: *Пронскій Ростиславецъ — Дочь Гостомысла — Любовь и Законъ — Снѣжана — Свадебки и прекрасная дочка — Сирота Анисья — Филиппъ Щетининъ и Мадлена Тарновская — Тверской Вражекъ*. Читатели не будутъ требовать, чтобы мы разсказывали здѣсь содержаніе всѣхъ этихъ Повѣстей, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ оныхъ въ 7, 8, 10 страничекъ, изъ коихъ еще нѣсколько заняты отступленіями и примѣчаніями, такъ что для содержанія иной повѣсти остается нѣсколько словъ. Напримѣръ, повѣсть: *Сирота Анисья*, занимаетъ всего 6 страницъ, и начинается такъ: «М. к. въ, ты любишь свое родное,» сказалъ мнѣ пріятель С.... въ (*),

(*) Кто читалъ *Журналъ Пѣшеходцевъ*, тому знакомо имя С....ва (И. В. Смирн.), добраго пріятеля и неразлучнаго моего спутника по Царству Русскому. М.

Digitized by Google

«и, между прочимъ, вѣрно не одинажды прочелъ историко-романическую повѣсть о Посадницѣ Новгородской, изданную незабвеннымъ Карамзинымъ?»—Какое заблужденіе! — отвѣчалъ я. — Но эта повѣсть и безъ пиѳета: *Историко-романическая*, есть истинно образцовая въ своемъ родѣ; написана прекрасно, и—что всего лучше—съ самыми близкими подробностями къ настоящему дѣлу: тутъ всѣ лица въ своихъ костюмахъ и годы повѣствовательной сущности не въ разбродѣ. У Карамзина столѣтія не прыгаютъ, а идутъ всегда по очереди. — «А знаешь-ли ты, что мы теперь стоимъ противъ того самаго мѣста, на которомъ нѣкогда красовался высокій теремъ Марѳы Посадницы?» воскликнулъ мой Историкъ. — «Можетъ быть,» — и такъ далѣе.... Мы переписали здѣсь болѣе страницы, а еще приступа къ дѣлу не нашли. Едва начинается онъ на третьей страницѣ.

Этотъ *Ариѳметическій разборъ* нуженъ былъ для того, чтобы показать читателю объемъ Повѣстей Г-на Макарова. Въ нихъ не должно искать истинно-*Русскаго*. Нѣтъ, Г. Макаровъ безусловный обожатель Карамзина, почти современникъ его, и, вѣроятно, послѣдователь во всѣхъ мнѣніяхъ. Для этой школы писателей, старая наша Русь не въ преданіяхъ и памятникахъ, а въ *Исторіи Государства Россійскаго*. Такое пристрастіе похвально въ друзьяхъ и почитателяхъ незабвеннаго Карамзина, однако оно не выгодно для свободнаго труда Исторіи и Поэзіи. Оно необходимо влечетъ къ тому, что Исторія превращается въ великолѣпный разсказъ, а основанная

Digitized by Google

на немъ Поэзія не смѣетъ проницать душевнымъ окомъ въ событія, и даритъ насъ возгласами и вымышленными событіями тамъ, гдѣ истина, прошедшая сквозь призму поэтической души, должна-бъ была красоваться всѣми цвѣтами радуги.

— *Преступленіе.* Трагедія въ четырехъ дѣйствіяхъ. Соч. Мюльнера. Переводъ съ Нѣмецкаго Екатерины Хотяинцовой. СПб. 1833. Въ т. III Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи. 141 стр. in-8.

Это переводъ извѣстной трагеіи: Die Schuld. Авторъ ея, Адольфъ Мюльнеръ, романистъ, драматическій писатель, Журналистъ, критикъ, бурная голова и горячее сердце, искалъ цѣлый вѣкъ свой настоящаго, истиннаго своего поприща — и, кажется, не нашелъ его. Онъ умеръ, отъ удара, въ 1829-мъ году. Изъ множества разныхъ его сочиненій, лучшими почитаются трагедіи, а изъ трагедій лучшею переведенная нынѣ Г-жею Хотяинцовою. Тутъ особенно замѣчательна завязка, основанная не на судьбѣ или рокѣ древнихъ Грековъ, и не на катастрофѣ Классиковъ, а на внутреннемъ чувствѣ, являющемся въ повѣрьяхъ и предразсудкахъ. Мюльнеръ какъ будто хотѣлъ показать, что предразсудки не пустая слабость души, а слѣдствіе глубокаго убѣжденія въ неисповѣдимой судьбѣ, которую Провидѣніе даетъ намъ чувствовать и даже видѣть въ мелкихъ, по видимому, событіяхъ. Мысль новая и съ одной стороны поэтическая,

Digitized by Google

но необходимо вовлекающая въ принужденность, въ нашяжку, ибо недостаточно ея для указанія судьбы человѣка. Міръ держится и движется не предразсудками. За всѣмъ тѣмъ, трагедія: *Преступленіе*, украшенная звучными стихами въ подлинникѣ, прекрасна, и отъ того имѣла она необычайный успѣхъ въ Германіи и даже во Франціи. На Русскомъ языкѣ, въ переводѣ Г-жи Хотяинцовой, не можетъ она имѣть успѣха, потому что въ этомъ переводѣ утрачена прелесть стиховъ подлинника.... Впрочемъ, можетъ быть не должно было-бы говорить столь смѣло, видя, что это трудъ *переводчицы*, а не переводчика. И такъ, оставляя всѣ привязки къ Русскому переводу, мы подтвердимъ слова наши только немногими выписками. Читайте и судите.

Гуго *(послѣ довольнаго молчанія, глухо и наконецъ какъ-бы страшась привидѣній.)*

Что если онъ придетъ сюда,
Не въ добрый часъ, когда любовь
Сгорѣвшая, какъ эти свѣчи,
Истаяла въ пылу страстей
И болѣе въ сердцахъ не свѣтитъ!
Что если онъ, оставя предковъ
Гробницу, явится внезапно
Напомнить намъ, о томъ теперь,
Теперь — — —

Digitized by Google

Эльвира *(съ трепетомъ.)*

Ужасно!

(Краткое молчаніе. Вдругъ слышенъ стукъ у дверей; Гуго и Эльвира затрепетали.)

Оба.

Ахъ. (стр. 18-я).

Отто.

И шпагу выхвативъ, отважно
На разъяреннаго быка
Напалъ онъ; дикій звѣрь взревѣлъ
И прямо на него; но первый
Ударъ его такъ вѣренъ былъ,
Что остріе *коснулось жизни*;
И только волъ хотѣлъ пронзить
Соперника, вдругъ съ ревомъ самъ
Упалъ къ его ногамъ,
Запѣнился, *замолкъ*, издохъ,
И «Браво! Браво!» раздалося. (стр. 65-я).

Трагедія сія была представлена на Петербургскомъ театрѣ, и публика вызвала переводчицу. Это было 26 Іюля 1833 года.

— *Раиса*, Русская народная трагедія. Въ пяти дѣйствіяхъ. Въ стихахъ. Взятая изъ истиннаго произшествія въ Россіи бывшаго, во время Цар-

Digitized by Google

ствованія Императрицы Екатерины Великой и основанная на изустныхъ преданіяхъ. Соч. А. Ш. СПб. 1833. Въ т. К. Вингебера. X и 100 стр. in-8.

«Родись не хорошъ и не пригожъ, родись счастливъ!» говоритъ Русская пословица, и мы невольно вспомнили ее, прочитавъ Русскую *народную* трагедію: *Раиса*. Впрочемъ, счастье съ несчастьемъ ѣздятъ въ однѣхъ саняхъ, говоритъ другая пословица. Не желая играть въ загадки, объяснимся.

Лѣтъ тридцать пять тому (если не болѣе) напечатана была на Русскомъ языкѣ книжонка, подъ заглавіемъ, кажется, *Несчастной Маргериты*. Въ ней описывалось довольно гадкое происшествіе, какъ одна дѣвушка принимала къ себѣ любовника по ночамъ, и какъ въ одну ночь неожиданно явился къ ней отецъ; дѣвушка спрятала любовника подъ постель, на кровать; отецъ вздумалъ о чемъ-то разговориться съ дочерью, сѣлъ на постель, и задушилъ возлюбленнаго ея. Дѣвушка призвала дворника и велѣла ему утащить трупъ и бросить его куда нибудь. Но послѣ этого дворникъ овладѣлъ ею, и однажды, подъ пьяную руку, въ кабакѣ, расхвастался своею властью надъ хозяйскою дочерью. Надъ нимъ стали смѣяться, и онъ, желая доказать, что говоритъ правду, послалъ къ ней повелѣніе — явиться къ нему въ кабакъ, а иначе, грозилъ открыть все, что знаетъ. Дѣвушка явилась, но не перенесла такого оскорбленія, и вышедши изъ кабака, зажгла и сожгла его, вмѣстѣ съ пьяными своими оскорбителями. Она сама объявила о своемъ преступленіи.

Digitized by Google

Это происшествіе, годное въ любой *ужасный* романъ Карра, Сю или Жанена, было описано въ упомянутой книжонкѣ. Пошомъ, лѣтъ черезъ придцать, вдругъ явилось оно, въ видѣ повѣсти, въ разсказѣ Г-на Погодина (Теньера или Измайлова Русской прозы), и въ тоже время написалъ повѣсть изъ этого происшествія нѣкто Г-нъ П—въ (см. *Деннцу* на 1830-й годъ). Наконецъ, вотъ и трагедія изъ исторіи несчастной Маргериты! Не правда-ли, что счастье этому гадкому событію? Не правда-ли и то, что намъ не льзя осуждать Французовъ, видя, что у нихъ появляются подобныя рѣдкости въ романахъ и трагедіяхъ, когда и у насъ не презираютъ ихъ самые почтенные люди?

Но таково *несчастье* этого событія, справедливаго или нѣтъ въ основаніи, что бывши описано нѣсколько разъ, оно все остается несмѣрнимо. Этому причиной сколько самая сущность его, столько-же и неискуство обрабатывавшихъ его для Словесности. Сочинитель трагедіи *Ранса*, едва-ли не отсталъ еще отъ своихъ предшественниковъ... Болѣе ничего не скажемъ о его твореніи; но не льзя не удивляться, видя, *что* обращаетъ на себя вниманіе нашихъ *поэтовъ*!...

— *Фантазіи Жюль-Жанена*. Переводъ съ Французскаго. Часть I-я. СПб. 1834. Въ т. Вингебера. 159 стр. in-12.

Спѣшимъ просить неизвѣстнаго намъ Г-на Переводчика, чтобы онъ оставилъ въ покоѣ Жанена, и

Digitized by Google

не переводилъ болѣе его *Фантазій*; спѣшимъ для того, что слово: *Часть 1-я* угрожаетъ намъ и 2-ю Часпію. Къ утѣшенію слабости человѣческой можемъ сказать, что въ цѣлой Россіи не найдется человѣка, который могъ-бы вполнѣ передать пламенный, своенравный, неподражаемый слогъ Жанена, и не много, можетъ быть, есть Русскихъ Литтераторовъ, которые способны передать хоть половину прелести его очаровательнаго слога. Но переводить такъ, какъ переведена 1-я Часть *Фантазій* — это больше нежели варварство: это литтературное убійство. Переводчикъ не понимаетъ подлинника, не имѣетъ никакихъ литтературныхъ свѣдѣній, и онъ того коверкаетъ имена, не постигаетъ намековъ на самые извѣстные предметы, и въ прибавокъ — ни сколько не умѣетъ писать по-Русски. Онъ, напримѣръ, пишетъ: «Неблагопристойныя повѣсти *Бокаса* или Сто *новыхъ новостей* (?!!).... стр. 48-я. — «Лавальеръ *сидѣлъ* близь *ее* и *не замѣчалъ ее*; Монтеспанъ *попиралъ* ее ногами....» Это ужасно, несшерпимо!...

СМѢСЬ.

— *Изъясненіе картинки.* — Избіеніе младенцевъ въ Виѳлеемѣ было предметомъ многихъ картинъ. Французскій живописецъ Конье взялъ, такъ сказать, одинъ эпизодъ изъ этого ужаснаго событія, и представилъ его съ поэтическою простотою. Въ его картинѣ уже видѣнъ переходъ отъ Классической, упорной школы, къ естественности. Прелестная молодая женщина укрылась въ подземельѣ съ младенцемъ своимъ. Другая женщина, съ цѣлымъ семействомъ, спѣшитъ туда-же по лѣстницѣ, но одинъ изъ воиновъ Иродовыхъ уже догоняетъ ее: онъ столько остановился, боясь сойдти въ темный переходъ, и старается разглядѣть, приложивъ руку къ глазамъ, можно-ли ему идти въ подземелье. Между тѣмъ несчастная юная мать, почитавшая себя совершенно уединенною отъ всѣхъ, слышитъ шумъ, и съ отчаяніемъ зажимаетъ ротъ своему младенцу, страшась, чтобы онъ не измѣнилъ ей крикомъ.

Картина сія дѣлаетъ великую честь живописцу. Она была на выставкѣ въ Парижѣ, въ 1824-мъ году, и заслужила справедливое удивленіе публики. Не-

Digitized by Google

обыкновенная простота изобрѣтенія, правильность рисунка, и строгій, сообразный съ предметомъ колоритъ отличаютъ ее. Особенно замѣчательно въ ней выраженіе лица главной фигуры: тутъ глубина мысли и нѣжность чувства достойны великихъ живописцевъ.

Рейнольдсъ сдѣлалъ съ сей каршины эстампъ en mezzotinte. Вышина ея 8 фут., ширина 6 фут. 10 дюймовъ.

— *Письмо къ А. М. М.* — Мой милый другъ, какъ удивишься ты, получивъ письмо мое необыкновеннымъ путемъ, не въ кувершѣ, не на почтовомъ листѣ бумаги, а тиснутое въ Журналѣ. Твоя вина. Это одно средство, которое я изобрѣлъ, чтобъ отвѣчать тебѣ. — Послѣ шестилѣтней разлуки, въ письмѣ своемъ, ты далъ мнѣ порученія, но не увѣдомилъ о мѣстѣ своего пребыванія. Что былъ мнѣ дѣлать? Богъ знаетъ, гдѣ носишься ты теперь! Поднимаюсь на хитрости: ты получаешъ Русскіе Журналы — отвѣчаю чрезъ Журналъ.

Порученія твоего: «заказать, на лучшей хрустальной фабрикѣ, полный сервизъ съ живописью, живописныя стекляныя ширмы для оконъ, и транспаранты для лампъ и кенкетовъ,» я еще не исполнилъ. Все это я намѣренъ заказать на фабрикѣ и въ заведеніи живописи на стеклѣ Михаила Ѳедоровича Орлова. Достоинство хрусталя, совершенство формъ, очаровательная живопись, отдѣлка,

Digitized by Google

въ этихъ заведеніяхъ стоятъ уже на высокой степени искусства, наровнѣ съ достоинствомъ Европейскихъ произведеній въ семъ родѣ. Ты самъ увидишь, какъ золото, серебро и другіе минералы обращаются въ яркіе, дивные, прозрачные цвѣта радуги, и являются на стеклѣ, какъ будто предметы, отраженные свѣтомъ на гладкихъ граняхъ хрусталя.

Но прежде чѣмъ я закажу вещи, ты долженъ одобрить идеи рисунковъ:

Ты любишь Москву — на стеклахъ ширмъ я хочу изобразить лучшіе виды Москвы.

Ты любишь *неземную* красоту женщинъ — я велю изобразить на транспарантѣ облачную *Пери*; ты любишь гармонію цвѣтовъ — прикажу на другомъ транспарантѣ нарисовать павлина.

Игра свѣта съ тѣмою понятна только на стеклѣ: блѣдная, томная луна, восходъ солнца, вечеръ, утро, пожаръ во время ночи, явленіе духовъ — сокровища живописи на стеклѣ.

Желаніе твое, знать объ изобрѣтеніи стекла и живописи на стеклѣ, удовлетворю какъ могу. Первый изобрѣтатель во всемъ былъ случай. Онъ открылъ намъ большую часть таинствъ природы. По нѣкоторымъ преданіямъ, дошедшимъ до насъ изъ мрака временъ, Финикіяне, по крайней мѣрѣ за 3000 лѣтъ, имѣли уже стекляныя издѣлія, возводили оныя до возможнаго совершенства и *прозрачно цвѣтили* стекло. Лукрецій, въ De rerum natura,

Digitized by Google

и Флавій Вописк, пишутъ о стекляныхъ заведеніяхъ Александріи.

На счетъ давности живописи на стеклѣ вѣрныхъ преданій не сохранилось; по изысканіямъ *А. Ленуара*, открытіе сего искусства во Франціи принадлежитъ царствованію Карла II-го (около половины 9-го столѣтія). Въ 1052-мъ году, въ одномъ изъ монастырей Дижона, была древняя рама съ стекломъ, на которомъ была изображена Св. *Пасхазія*; но здѣсь предполагаются сомнѣнія: можетъ быть изображеніе состояло изъ соединенныхъ вмѣстѣ цвѣтныхъ стеколъ, ибо и древніе Римляне употребляли окна, составленныя изъ разноцвѣтныхъ прозрачныхъ камней, а изображенія, въ Среднихъ Вѣкахъ, составлялись изъ разноцвѣтныхъ стеколъ, соединенныхъ посредствомъ свинца. Это было не что иное, какъ прозрачная мозаическая работа.

Въ XIII-мъ-же вѣкѣ, появилась уже настоящая живопись на стеклѣ. Во многихъ храмахъ древней Нормандіи, и особенно въ Руанской соборной церкви, сохранились стекла, изображающія жизнь Св. Іуліана гостепріимца; въ другой Руанской церкви: стекло изображающее Севиллу Самосскую; въ церкви Св. Патриція, аллегорическое изображеніе грѣха, діавола, смерти и плоти, и другое, представляющее чудеса Св. Антонія Падуанскаго.

Соборъ Страсбургскій заключаетъ въ себѣ также много стеколъ живописныхъ XIV и XV-го столѣтій.

Digitized by Google

Такимъ образомъ Нормандія, кажется, была колыбелью живописи на стеклѣ, и высокое, *благочестивое* въ то время искусство сіе принадлежало единственно украшенію храмовъ, а слава принадлежала Фламандцамъ: между многими тамъ извѣстны были особенно живописцы на стеклѣ Ванъ-Эйкъ, изобрѣтатель масляныхъ красокъ, и Ванъ-Дикъ, отецъ славнаго ученика Рубенсова.

Можетъ быть удивишься ты, если узнаешь, что и въ Россіи не въ первый разъ уже является живопись на стеклѣ. Въ 1663-мъ году, при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, окончины храма Покрова были украшены стекловою живописью, Шведскими плѣнными; я самъ видѣлъ нѣсколько осколковъ подобныхъ стеколъ, по которымъ можно однакожь заключить о бѣдности красокъ, употреблявшихся для сего искусства, хотя и составляли ихъ изъ золота и серебра.

Но теперь, это забытое искусство ожило, тайна его постигнута вполнѣ, и Россія можетъ этимъ похвалиться. Химическій составъ красокъ усовершенствованъ открытіями М. Ѳ. Орлова. Огонь не измѣняетъ ихъ цвѣта, не затемняетъ, не пузыритъ.

Ты любишь Россію, мой другъ, тебѣ это пріятно; но не въ одномъ этомъ искусствѣ наши художники, оставивъ слѣпое подражаніе, пошли своимъ путемъ, стали жить своимъ умомъ. Если-бъ ты видѣлъ наши выставки! Да, мой другъ, никогда еще Россія не шла такими исполинскими ша-

Digitized by Google

гами къ самостоятельности, никогда и не могла она шагъ идти: поставленная судьбою между просвѣщающимся Западомъ и невѣжественнымъ Востокомъ, долго служила она оградою просвѣщенной части свѣта отъ буйства дикихъ племенъ, которымъ подпала подъ власть лучшая часть земнаго шара. Не говоря о вѣкахъ до нашествія Татаръ, когда отечество наше начинало давать собственныя отрасли народнаго великаго свойства, исполненнаго самостоятельнымъ умомъ и собственнымъ нравомъ, Россія до 15-го вѣка заботилась единственно о томъ, чтобъ сохранить жизнь свою подъ игомъ Татаръ; полвѣка сбирала силы свои, чтобъ свергнуть тяжкое иго; полвѣка оживала на пепелищѣ величія своего, и наконецъ въ 16-мъ столѣтіи очнулась, облеклась въ *царственный* вѣнецъ и въ порфиру, и какъ исполинъ пошла воевать себѣ честь и славу. До битвы при Полтавѣ она утверждала права свои мечемъ, прославляла себя дѣлами рукъ, а не мысли. Великій Петръ породилъ въ ней умственную жизнь, и эта умственная жизнь развертывается только теперь, мой милый другъ; дѣятельность ея видима во всѣхъ отношеніяхъ; она уже трудится въ общей сферѣ дѣятельности человѣчества; она уже членъ ума всемірнаго.

Ты говоришь: люблю Россію, люблю все Русское, только не люблю Русской осени и зимы. Я вижу, что ты заразился южнымъ климатомъ. По твоему, Россію не худо-бы перенести въ лучшій поясъ земли, въ колыбель рода человѣческаго, въ богатую Индію, въ сады древней Греціи.... Это кладовыя со-

Digitized by Google

кровищъ природы; но — время переселенія народовъ прошло; да и они текли всегда какъ солнце, отъ востока къ западу. Не тоскуешь-ли душа твоя по костямъ Мидянъ? Не считаешь-ли ты ихъ за предковъ Славянъ, потому что Иродотъ сказалъ: по-Мидски собака называется *сбака?* Или не почитаешь-ли ты за предковъ Славянъ *Лидянъ*? Это еще вѣроятнѣе: Иродотъ, вѣрно, людей или людиновъ передѣлалъ въ *Лидянъ?* И сверхъ того, помнишь-ли ты слова Иродота, что одинъ изъ Лидійскихъ Царей, по причинѣ голода, одну часть своего народа отправилъ съ сыномъ своимъ, Тирриномъ, искать мѣста по сердцу за море, и они, въ Смирнѣ построивъ корабли, прибыли въ землю Умврянъ, то есть Кимвровъ, и населили берега Чернаго моря подъ именемъ Тиришовъ, берега Адріатическаго подъ именемъ Венешовъ, а горы Альпійскія подъ именемъ Лигуровъ, или людей-горъ. А помнишь-ли ты выходъ Кольховъ или Цельшовъ отъ подошвы Кавказскихъ горъ, и населеніе ихъ по берегамъ Сѣвернаго моря подъ именемъ *Поморянъ?* — Это все вѣрно, но намъ не повѣряшъ потомки *людей.* Забудемъ-же Востокъ, родину алмазовъ, гдѣ чудная игра радуги и драгоцѣнныхъ камней отразилась на всемъ, на благовонныхъ цвѣшахъ, на всѣхъ родахъ птицъ, звѣрей, рыбъ и насѣкомыхъ. Тамъ, подъ высокой пальмой, подъ шикомъ, подъ шамаріскомъ, подъ лавромъ, отдыхаетъ уже не мудрецъ, читающій книгу природы, души и сердца человѣческаго, но тигръ, орангутангъ, змѣя; и иногда только появится сумрачный человѣческій образъ,

Digitized by Google

можешъ быть пошомокъ того племени, къ которому Пиѳагоръ приходилъ учиться мудрости. Тамъ Гиммалай высится уступами какъ восходъ на небо, но по немъ никто нейдетъ; тамъ свя[illegible]ный источникъ языковъ сякнетъ и шлѣютъ листы *Веды*.

Тамъ живутъ теперь люди, для которыхъ нѣтъ ничего любопытнаго во вселенной, ничего дивнаго въ жизни; нѣтъ инаго наслажденія, кромѣ прохлады, нѣтъ другой мудрости кромѣ равнодушія и молчанія, нѣтъ блага кромѣ спокойствія, нѣтъ потребностей кромѣ врага, пищи и женщины.

Тамъ дивна природа, здѣсь дивенъ человѣкъ. Одно лучше другаго. Природу мы купимъ за свое золото; разнесемъ ее по частямъ, размѣстимъ весь Востокъ и Югъ по садамъ, оранжереямъ, звѣринцамъ, и кабинетамъ рѣдкостей; перенесемъ райскій климатъ и благовонный воздухъ въ свои бѣлокаменныя палаты, и насладимся просвѣщеніемъ и мечтой, будемъ блаженны, какъ только можно быть блаженными на землѣ!

Усталъ писать! — Прощай, мой другъ, до свиданія; ожидаю твоего отвѣта.

А. В.

Digitized by Google

— *Объявленіе объ изданіи Малороссійской Исторіи, сочиненіи Н. Гоголя* (*). — Досихъ поръ еще нѣтъ у насъ полной, удовлетворительной Исторіи Малороссіи и народа, дѣйствовавшаго почти четыре вѣка независимо отъ Россіи. Я не называю Исторіями многихъ компиляцій (впрочемъ полезныхъ, какъ матеріялы), составленныхъ изъ разныхъ лѣтописей, безъ строгаго критическаго взгляда, безъ общаго плана и цѣли, большею частію неполныхъ и не указавшихъ донынѣ этому народу мѣста въ Исторіи міра.

Я рѣшился принять на себя этотъ трудъ и представищь сколько можно обстоятельнѣе: какимъ образомъ отдѣлилась эта часть Россіи; какое получила она политическое устройство, находясь подъ чуждымъ владѣніемъ; какъ образовался въ ней воинственный народъ, означенный совершенною оригинальностью характера и подвиговъ; какимъ образомъ онъ три вѣка съ оружіемъ въ рукахъ добывалъ права свои и упорно отстоялъ свою религію; какъ наконецъ навсегда присоединился къ Россіи; какъ исчезало воинственное бытіе его и превращалось въ земледѣльческое; какъ мало по малу вся страна получала новыя, въ замѣнъ прежнихъ, права, и наконецъ совершенно слилась въ одно съ Россіею.

Около пяти лѣтъ собиралъ я съ большимъ стараніемъ матеріялы, относящіеся къ Исторіи этого

(*) Автора Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки.

Digitized by Google

края. Половина моей Исторіи уже почти готова, но я медлю выдавать въ свѣтъ первые томы, подозрѣвая существованіе многихъ источниковъ, можетъ быть мнѣ неизвѣстныхъ, которые безъ сомнѣнія храняться гдѣ нибудь въ частныхъ рукахъ. И потому обращаясь ко всѣмъ, усерднѣйше прошу (и не льзя чтобы просвѣщенные соотечественники отказали въ моей просьбѣ) имѣющихъ, какіе-бы то ни было матеріялы, лѣтописи, записки, пѣсни, повѣсти бандуристовъ, дѣловыя бумаги (особенно относящіяся до первобытной Малороссіи), прислать мнѣ ихъ, если не льзя въ оригиналахъ, то по крайней мѣрѣ въ копіяхъ. Прошу также приславшихъ назначить мнѣ время, какое я могу продержать ихъ рукописи, если только онѣ имъ очень нужны.

Адресовать ко мнѣ въ Санктпетербургъ, или въ магазинъ А. Ф. Смирдина, или въ собственную мою квартиру: въ 1 Адм. Части, въ Малой Морской, въ домѣ Лепена, Николаю Васильев. Гоголю.

Digitized by Google

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ (*).

Les ornemens noirs sur les robes de bal ont perdu toute leur faveur. Les nœuds noirs sont remplacés par des nœuds blancs, lorsque l'on veut faire une toilette de deux différentes nuances; autrement ils sont couleur sur couleur.

A une réunion pour une lecture, nous avons remarqué deux jeunes personnes en robes de mousseline indou à mille raies de satin, fond rose, brodées en tabliers de liserons en soie plate blanche. Dans les cheveux, des couronnes diadèmes en liserons roses et blancs; au cou un rang de perles; une écharpe de tulle blanc.

Pour le bal, on fait de charmantes robes de crêpe et de satin avec des montans de rubans et de fleurs; entre autres une robe de crêpe blanc ouverte sur une jupe de satin, et fixée par des ramages verts sur lesquels se détachait, de distance en distance, un bouquet de roses-capucines; au corsage et dans les manches se retrouvaient les mêmes fleurs au lieu de nœuds.

Pour les jeunes personnes le blanc n'a jamais été plus en faveur. Une robe de crêpe blanc avec des rubans de taffetas rose ou de satin blanc est très-élégante. Le corsage à pointe, à draperies Sévigné, des nœuds de page et des manches à grands bouillons sans manchettes; peu de bijoux et des fleurs peu apparentes.

C'est sans doute à cause de l'énorme distance qu'il y a cette année entre la toilette des *femmes* et celle des *jeunes*

(*) Въ Парижѣ до 6 Февраля (н. ст.) 1834 года.

Digitized by Google

filles, que ces dernières ont choisi une si extrême simplicité.

Pour coiffure, les *Berthe* sont toujours ce qu'elles portent de préférence. Ces nattes ont l'immense avantage de rester intactes à la fin du bal, malgré la chaleur et le mouvement de la danse.

Les gazes damiers, les gazes rayées sont fort jolies sur des dessous de taffetas; sur le crêpe, les jeunes personnes portent aussi des traverses de fleurs délicates.

Avec une robe d'étoffe de laine ou de cachemire, on met souvent le matin des tours de cou en rubans de taffetas glacé, tournés deux fois en cravatte et passés sous la ceinture.

Un joli ensemble pour un bal: une robe de crêpe rose ouverte sur une jupe de satin, était rattachée par des bouquets d'acacia blanc. Sur chaque épaule retombait comme un nœud une grappe d'acacia; dans les cheveux deux bouquets étaient placés sur les tempes en dehors des nattes.

Черныя украшенія на бальныхъ платьяхъ совершенно вышли изъ моды. Банты черные замѣняютъ бѣлыми, если хотятъ, чтобы нарядъ состоялъ изъ двухъ разныхъ цвѣтовъ; иначе ихъ дѣлаютъ цвѣтъ на цвѣтъ.

Въ одномъ собраніи для чтенія, мы (говоритъ Издатель Парижскаго Журнала) замѣтили двухъ молодыхъ особъ, въ платьяхъ изъ Индійской кисеи, съ мѣлкими атласными полосками на розовомъ; платья были вышиты, въ видѣ фартучка, бѣлымъ несученымъ шелкомъ, цвѣтами колокольчика. Въ

Digitized by Google

волосахъ вѣнки діадемой, изъ бѣлыхъ и розовыхъ колокольчиковъ; нишка жемчугу на шеѣ; бѣлый тюлевый шарфъ.

Дѣлаютъ красивыя бальныя, креповыя и атласныя платья, съ украшеніями изъ лентъ или цвѣтовъ. Между прочимъ замѣчено бѣлое креповое открытое платье, на атласной юпкѣ, прикрѣпленное зелеными вѣтвями, на которыхъ отдѣлялись, въ равномъ разстояніи одинъ отъ другаго, букеты капуцинскихъ розъ; на лифѣ и на рукавахъ такіе-же цвѣты вмѣсто банпювъ.

Никогда бѣлый цвѣтъ не былъ въ такомъ употребленіи для молодыхъ особъ, какъ теперь. Бѣлое креповое платье, съ розовыми тафтяными или бѣлыми атласными лентами, чрезвычайно нарядно. Лифъ угломъ съ драпировкой Севинье; банты; рукава большими буфами безъ оборокъ; драгоцѣнныхъ каменьевъ мало, и цвѣты не очень видные.

Вѣроятно, удивительное различіе въ нынѣшній годъ между нарядами дамы и молодой дѣвушки причиной, что дѣвушки одѣваются чрезвычайно просто. Для уборки волосовъ предпочитаютъ всему другому въ Berthe; заплетенные волосы имѣютъ ту выгоду, что до конца бала такъ-же хороши, какъ и при началѣ, не смотря на жаръ и движеніе.

Клѣтчатые и полосатые газы очень красивы на тафтяныхъ чехлахъ. Молодыя особы накалываютъ на креповыя платья, съ верху до низу вкось, гирлянды, изъ цвѣтовъ самыхъ нѣжныхъ.

Къ платью изъ шерстяной ткани или кашемира, по утрамъ часто надѣваютъ des tours de cou, изъ тафтяныхъ лощеныхъ лентъ, которыя обвиваютъ

Digitized by Google

два раза кругомъ шеи, какъ галстучекъ, и продѣваютъ подъ поясъ.

Красивый бальный нарядъ: розовое креповое платье на атласномъ чехлѣ, открытое спереди и сколотое букетами изъ бѣлыхъ акацій. На плечахъ, вмѣсто банпювъ, спадали букеты акаціи; въ волосахъ, за плешушками, на вискахъ два букета.

На приложенной картинкѣ:

Дама. Прическа съ жемчугомъ и однимъ esprit. Платья атласныя. Пелеринки атласныя, подшитыя лебяжьимъ пухомъ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи представлены были въ Цензурный комитетъ *три* экземпляра. Москва, Февраля 10 дня 1834 года.

Цензоръ и Кавалеръ Лазаревъ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА.

Digitized by Google

№ IV. ФЕВРАЛЬ.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

АМСТЕРДАМЪ.

Отрывокъ изъ Путешествія Рускаго по Голландіи въ 1828 году (*).

Дилижансъ и барка ходятъ изъ Утрехта въ одно время; послѣдняя медленнѣе; но живописные, богатые, и хотя однообразные, однакожъ оригинальные виды Голландской сельской промышленности, и роскошь сѣнистыхъ садовъ, за-

(*) Занимательная книга, изъ коей представляемъ сей отрывокъ, печатается и вскорѣ выйдетъ въ свѣтъ. Голландія, сколь любопытная для насъ по воспоминаніямъ о Петрѣ, и по своей высокой образованности, еще не была до сихъ поръ описана ни однимъ Рускимъ. *Прим. Изд. Тел.*

Digitized by Google

ставляютъ самаго торопливаго путешественника забыть время для наслажденія. Я видѣлъ только часть этой картины, ибо поѣхалъ въ дилижансѣ. Сады сливались, красивые фасады сельскихъ домиковъ пестрѣли, и я не выѣзжалъ изъ густой аллеи почти до самаго Амстердама, въ который въѣхалъ ночью и въ проливной дождь. Насилу нашелъ свою квартиру, подъ пышной вывѣской Амстердамскаго герба, куда еще изъ Брюсселя отправилъ свой чемоданъ.

Ничего вообразить не льзя удивительнѣе и страннѣе наружности Амстердама: это Ванъ деръ-Лейдова картина. Его сооружалъ геній точности, чистоты, терпѣнія — прибавимъ, и однообразія. Нѣсколько тысячь домовъ, построенные въ продолженіе 4 столѣтій, не отличаются одинъ отъ другаго ни архитектурою, ни временемъ; почти всѣ они въ 3 окошка, въ 5 или 6 этажей; почти у всѣхъ острыя кровли, лѣстницы снаружи сѣраго камня; мѣлкій переплетъ въ широкихъ окнахъ; внизу лавки и магазины; въ комнатахъ цвѣты; гладкія стѣны, кирпичныя, небѣленыя, а сіяютъ глянцемъ какъ будто вчера выстроены. Городъ пересѣкается широкимъ Амстелемъ; на немъ лучшіе мосты и набережныя. Почти по всѣмъ улицамъ каналы и липовыя аллеи; для удобности барокъ каналы

Digitized by Google

безъ перилъ. Тротуары вдоль домовъ кирпичные. Обширный портъ изгибается амфитеатромъ и унизанъ небольшими домиками, похожими на карточные. Множествомъ каналовъ, которыми портъ усѣянъ, корабли проникаютъ въ средину города; длинными мостами и гатями доходите до средины порта, гдѣ выстроена гостинница для моряковъ. Улицы, гдѣ нѣтъ каналовъ, темны, узки и печальны; впрочемъ на Kalver-Straße (телячья улица) лучшіе магазины. Площадей въ Амстердамѣ не много, и тѣ не обширны. Въ главной, Dam (плотина), только два канала; на ней-же дворецъ, прежняя Ратуша, называемая Голландцами 8-мъ чудомъ свѣта — и почти справедливо. Возлѣ, полуразрушенная и деревомъ повершенная новая церковь; Протестанты отняли ее у Кашоликовъ, и отъ прежняго богатства оставили въ ней мраморный портикъ, цвѣтныя стекла и бронзовую рѣшетку. Въ ней гробъ Рюйтера, который сжегъ Англійскій флотъ въ самой Темзѣ, и весьма краснорѣчиво, хотя по-мѣщански выразилъ свое торжество и намѣреніе очистить всѣ моря, прицѣпивъ къ своей мачтѣ мешлу. Рюйтеръ, герой своего вѣка, погибъ противъ Дюкена, которому Людовикъ XIV, какъ Протестанту, отказалъ въ могилѣ. Мѣщане были благодарнѣе и великодушнѣе: они воздвигли мраморный памятникъ побѣжденному. Немного

Digitized by Google

далѣе, вновь выстроенная церковь Лютеранская, красивой наружности, съ куполомъ, но всевозможной простоты; внутри, кромѣ лавокъ и дубовой каѳедры, ничего нѣтъ. Общественныя зданія Амстердама не блестятъ роскошью и великолѣпіемъ: биржа, построенная на каналѣ, украшена только аркадами; подъ каждою назначено сборное мѣсто какого нибудь коммерческаго дома. Колоколъ на маленькой башнѣ возвѣщаетъ начало и конецъ собранія; надъ воротами Меркурій. Нѣсколько недостроенныхъ башенъ и колоколень чернѣютъ надъ грудами домовъ; съ Весперъ-Турмъ видъ самый обширный. Безъ памятниковъ, съ малымъ количествомъ замѣчательныхъ зданій, съ безпрерывными каналами, мостами, и однообразіемъ фасадовъ, въ Амстердамѣ, безъ привычки, легко запутаться. Я однажды спросилъ дорогу къ квартирѣ. «На право пройдете мостъ, тамъ два; на лѣво еще три, и прошивъ средняго вашъ домъ.» Все это на пространствѣ 200 саженъ. Въ портѣ умѣщается до 1000 кораблей; большіе останавливаются на рейдѣ. Портъ сей, не взирая на свою славу, весьма неудобенъ, и засаривается. Въ Амстердамъ приходятъ Англійскіе пароходы, и Амстердамскій ходитъ въ Гамбургъ.

Взглядъ на Амстердамъ любопытенъ для Русскихъ еще тѣмъ, что поясняетъ идею Петер-

Digitized by Google

бурга; но сухопутная наша природа одолѣла. Положительному уму Петра понравилась точность, бережливость Голландцевъ; онъ хотѣлъ Рускимъ привить ихъ характеръ; должно предполагать, что въ его время наши предки не имѣли своего собственнаго; коренные-же ихъ привычки и обычаи, которые впрочемъ уже много исказились отъ соприкосновенія иностранцевъ, не стоило труда сохранять. Вся Голландія, Амстердамъ особенно, на болотахъ, и польза, приносимая каналами, поразила его.

Презрѣвъ выгоды сухопутныя, которыя не уступали водянымъ, сей геній-нововводитель, увлеченный пристрастіемъ къ своимъ учителямъ Голландцамъ, поставилъ свою столицу, свой единственный портъ Балтійскій, на болотѣ, и хотѣлъ надѣлить его каналами. Но въ Амстердамѣ ихъ изрыла промышленность, а въ Петербургѣ сію послѣднюю хотѣли произвесть каналами. Никто не чувствовалъ въ нихъ надобности, не только необходимости, какъ въ Голландіи, и его не поняли; планы его еще при немъ были испорчены, а послѣ оставлены. На Васильевскомъ острову уже сдѣланные каналы засыпали; Петербургъ ушелъ на высокій берегъ Невы, оставивъ острова для дачь, и весьма разошелся съ Амстердамомъ, на который долженъ былъ походить. Сей по-

Digitized by Google

слѣдній, своею скромною наружностью напоминаетъ жилище достаточныхъ и даже зажиточныхъ купцовъ и ремесленниковъ, тогда какъ гранитный Петербургъ является державной столицею мощнаго и роскошнаго народа. Чтобъ сдѣлать по своему, бережливому Петру надобно было жить и долго жить. Характеръ народа составляется временемъ и особенными обстоятельствами.

Голландцы, тѣснимые сильными, воинственными врагами, ушли отъ нихъ въ болото: сохраняя независимость, предпочли сражаться съ Океаномъ. Вотъ первое зерно ихъ любви къ свободѣ, которое развилось столь прекраснымъ деревомъ. Напоръ волнъ и болотистую почву остановили и укрѣпили плотинами и каналами, которые требуя ежегодной поправки, безпрерывныхъ трудовъ и неусыпности, пріучили ихъ къ сей не блестящей дѣятельности муравьевъ. Дѣятельность терпѣливая, постоянная, побѣждающая всѣ препятствія! Обезпеченные на счетъ своихъ жилищъ, они для пропитанія, въ которомъ отказывала имъ скудная земля, пустились въ море, ими укрощенное. Родилось мореходство, никѣмъ изъ Европейцевъ неоспориваемое; Венеція не дерзала подъ полюсами ловить сельдей и сражаться съ китами; Индія выгоднѣй и привлекательнѣй пылкому воображенію богатаго жителя юга.

Digitized by Google

Обиліе и богатство полились въ Голландію; но такъ какъ они основаны были на трудѣ, бережливости, дѣятельности, доставались медленно и всегда были подвержены опасностямъ, то пышность и роскошь, обыкновенные спутники оныхъ и враги истинной производной промышленности, не восторжествовали надъ коммерческими добродѣтелями Голландцевъ. Амстердамъ снабжалъ капиталами всю Европу, покрывалъ моря судами, нанималъ арміи, предписывалъ законы надменному Людовику XIV, и сохранилъ простоту, которая замѣтна не въ одной наружности, но и въ нравахъ всего народа. Послы Французскіе и Испанскіе, пріѣхавъ въ Нимвегенъ, спросили у завтракавшихъ на лугу, сельдями и сыромъ, людей — гдѣ полномочные отъ Голландіи? Мы — отвѣчали они, и заключили миръ Ризвикскій.

Сложная цѣна всѣхъ строеній Амстердамскихъ едва-ли равняется суммамъ, употребленнымъ Людовикомъ XIV на Версаль и на другіе дворцы его. Торговля и разсчеты, съ положительными выгодами, единственное занятіе флегматическихъ Голландцевъ, и они не постигаютъ другихъ наслажденій. Не мудрено, что Словесность ихъ не въ цвѣтущемъ состояніи; поэтовъ почти нѣтъ. Объ Архитектурѣ и Музыкѣ не думаютъ; Живопись только

Digitized by Google

подражательная. Ванъ-Дики, Ванъ-деръ-Лейды, Теньеры, Поль-Поттеры прельщаютъ зрителя; они истинно превосходны въ портретахъ, пейзажахъ, цвѣтахъ, и въ картинахъ домашней жизни. Сады, установленные расписанными и набивными куклами и чучелами — напоминаютъ младенчество съ его игрушками. Какъ будто для противоположности, къ Голландцамъ вкрался одинъ родъ роскоши, самый оригинальный: цвѣты! Были примѣры, что за одинъ тюльпанъ платили до 4000 гульденовъ. Кромѣ ратуши, гдѣ замѣшалась народная гордость, ни одно изъ общественныхъ зданій не стоитъ осмотра. Церкви не достроены или додѣланы тесомъ; музеумы тѣсны; дворцы малы и просты; каналы безъ рѣшетокъ; мосты деревянные; пристани на сваяхъ; корабли безъ украшеній; весь городъ кирпичный, не бѣленый; домы безъ дворовъ; лѣстницы круты какъ въ каютахъ; сама биржа, торжище Голландцевъ, ихъ Палладіумъ, ихъ форумъ, довольно просторный сарай съ звонкимъ колокольчикомъ.

Голландцы не усиливаются предвидѣть препятствія, и заранѣе излагать блестящую теорію, но стараются, съ необыкновеннымъ терпѣніемъ и практическимъ искусствомъ, преодолѣвать всѣ препятствія по мѣрѣ ихъ встрѣчи.

Digitized by Google

Ихъ каналы, плотины, рѣзныя мебели, кружева, картины, доказываютъ это. Отъ непріятелей Голландцы ушли въ болото; отъ Океана оградились плотинами; для пропитанія ударились въ море; для жилища осушили землю каналами; для облегченія каналовъ поставили тысячи черпальныхъ мѣльницъ; для очищенія воздуха насадили деревьевъ; предохраняя домы отъ сырости, привыкли къ примѣрной чистотѣ; спасаясь отъ вина, пристрастились къ цвѣтамъ; они не терпятъ праздности, какъ матери пороковъ и бѣдности; уважаютъ трудолюбіе и бережливость, какъ способы къ обогащенію; почитаютъ богатство какъ средство независимости, а независимость цѣль ихъ жизни: она облагораживаетъ ихъ характеръ, столь положительно-житейскій, но честный и твердый. Они потоками крови исторгли свою независимость у Испанцевъ; упорно защищались противъ Людовика XIV; съ нетерпѣніемъ сносили иго Наполеона, и теперь отдыхаютъ подъ кротkимъ и благоразумнымъ правленіемъ любимаго Короля.

Но къ чему Голландцевъ не побуждаютъ повелительно обстоятельства, то они дѣлаютъ весьма не охотно. Амстердамъ по горло въ

Digitized by Google

водѣ, но терпитъ Танталову участь: изъ Утрехта возятъ туда свѣжую воду, и платятъ за нее довольно дорого; чернь пьетъ воду дождевую. Одинъ Французъ сталъ очищать ее и продавать втрое дешевле Утрехтской: народная гордость оскорбилась, что иностранецъ, Французъ, хочетъ ихъ учить, и ему надѣлали непріятностей. Еще Людовикъ Наполеонъ хотѣлъ провести воду изъ Утрехта водопроводомъ, но встрѣтилъ затрудненіе въ жителяхъ, и его планъ оставленъ. Голландцы не имѣютъ Спасителя, не взирая на примѣръ Англичанъ и Французовъ, которые пишутъ о ней безпрестанно. Они еще скрываютъ пружины своей торговли, и съ неудовольствіемъ, и недовѣріемъ смотрятъ на любопытнаго иностранца, собирающаго свѣдѣнія. Они не рѣшаются обнародовать количества ввозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ.

Ни въ какой Европейской столицѣ не льзя имѣть полнаго понятія о тишинѣ и безмолвіи улицъ Амстердамскихъ; въ портѣ, гдѣ всегда множество народу, громко не говорятъ; полиціи не замѣтишь, да и дѣлать ей почти нечего. Не взирая на большое употребленіе хлѣбнаго вина и водки, въ народѣ пьяницъ не видно. Нищіе рѣдки и тѣ не просятъ милостыни, но продаютъ, впрочемъ довольно докучливо, мѣл-

Digitized by Google

кія вещицы, или чистятъ сапоги. Надобно прибавить, къ чести Голландцевъ, что ни въ одномъ городѣ нѣтъ столько человѣколюбивыхъ заведеній: у нихъ есть рабочіе домы для бѣдныхъ, для сиротъ, домы призрѣнія для старыхъ слугъ и проч.

Я не видалъ, въ теченіе недѣли, ни одной кареты; видѣлъ всего двѣ коляски, и съ полдюжины кабріолетовъ, хотя по каналамъ не плаваютъ, какъ въ Венеціи, въ гондолахъ. Каретный кузовъ, на полозьяхъ, который тащатъ по мостовой руками, и дѣтскія тѣлежки, везомыя козлами, всего чаще попадаются на Амстердамскихъ улицахъ.

Магазины здѣшніе не богаты и болѣе украшены нежели наполнены Французскими товарами. Торговля съ Германіей дѣятельнѣе, особенно съ Гамбургомъ, въ который отпускаютъ хлѣбную водку, получая въ обмѣнъ Балтійскій хлѣбъ и издѣлія Нѣмецкой рукодѣльной промышленности.

Книжныхъ лавокъ не много; литтерашурныхъ кабинетовъ для чтенія еще менѣе; читателей мало; за то они и не прихотливы. Въ окошкѣ одного изъ кабинетовъ для чтенія была выставлена, какъ будто для привлеченія охотниковъ, *Женевьева Брабантская*, съ каршинками

Digitized by Google

Ни за какія деньги не могъ я найдти гравированныхъ видовъ Амстердама. За то почти всѣ нижніе этажи набиты съѣстными припасами, и улицы припахиваютъ сыромъ и селедкой.

Есть театръ, но ниже посредственнаго: жители не любятъ его и предпочитаютъ, по вечерамъ, сборища въ кофейныхъ домахъ, гдѣ пьютъ пуншъ, пиво, и курятъ изъ своихъ бѣлыхъ трубокъ.

Гостепріимства и общественной жизни мало; каждый, отработавшись или въ портѣ или на биржѣ, запирается въ своемъ домѣ. Жизнь женщинъ еще уединеннѣй. Мужчины отличаются крѣпкимъ тѣлосложеніемъ; до 20-лѣтняго возраста имѣютъ въ лицѣ живость и пріятность, но послѣ тучнѣютъ и грубѣютъ. Женщины вообще не дурны; особенно щеголяютъ необыкновенной бѣлизною и нѣжностью. Зубы и у тѣхъ и у другихъ чернѣютъ и скоро крошатся, что должно приписать всеобщему употребленію сыра, сельдей, и постоянной сырости воздуха. Нигдѣ не видалъ я дѣтей прекраснѣе: это Ванъ-Диковы ангелы— такъ они полны, нѣжны, румяны.

Религіозный духъ Голландцевъ утратилъ свою первобытную упругость, и превратился въ благоразумное вѣротерпѣніе. Въ одномъ селеніи, близъ Амстердама, половина жителей были

Digitized by Google

Католики, а другая Реформаты; сіи послѣдніе не имѣли Пастора и были каждое Воскресенье въ большомъ затрудненіи и горѣ. Наконецъ Католическій священникъ сдѣлалъ имъ предложеніе, прибавить ему жалованья; а онъ брался говорить имъ проповѣди въ Протестантскомъ духѣ, и давалъ честное слово, не примѣшивать къ онымъ ни малѣйшей тѣни Католицизма. Знали, что священникъ не Іезуитъ, и охотно согласились на его предложеніе.

Амстердамъ жалуется на упадокъ своей торговли: онъ помнитъ еще то время, когда Англія и Франція враждовали за освобожденіе Америки, и Голландія, какъ неутральная держава, одна торговала съ ними, покрывая всѣ моря своими кораблями. Она была всѣхъ богаче, всѣхъ дѣятельнѣе, опытнѣе, и ни Англія, ни Франція не могли съ ней состязаться; Америка была еще въ пеленахъ: Антверпенъ принадлежалъ Австріи; Роттердамъ одинъ не могъ оспоривать первенства у столицы Республики. Теперь все измѣнилось: сама Голландія сдѣлалась областью Государства; духъ, оживлявшій ее, отлетѣлъ; кругомъ все выросло и развернулось; а она, съ своего апогея, должна была сойдти на степень, назначаемую ей природою вещей, и съ которой она была сдвинута геніемъ свободы и торговли. Амстердамъ упа-

Digitized by Google

даетъ, ибо пересталъ быть столицею; Гага и Брюссель отбили у него сію честь. Онъ пересталъ быть и центромъ дѣлъ Государства, хотя его ратуша превратилась во дворецъ, и передняя купцовъ въ большую залу. Портъ его неудобенъ, не взирая на *Большой каналъ* (*), соединяющій его съ Гельдеромъ. Въ семъ отношеніи, Роттердамъ, прямо противъ береговъ Англіи, ближе къ Франціи, на устьѣ Мааса, и при открытомъ морѣ, опасный ему сосѣдъ, не говоря уже объ Антверпенѣ, до котораго, въ добавленіе, коснулся Наполеонъ. Еще капиталы изъ Амстердама не перемѣщаются, но опытные люди думаютъ, что сей переходъ не замѣшкается. Я ни разу не видалъ въ Амстердамской биржѣ болѣе сотни купцовъ, тогда какъ на Роттердамской ихъ всегда толпится болѣе 500.

Лѣтомъ здѣсь частые дожди и вѣтры; въ жары городъ воняетъ отъ каналовъ; осенью сырость и тѣснота производятъ болѣзни; зима сѣверная, и для нея есть сани. Характеристическая черта Голландцевъ страсть къ конькамъ.

Объ общественныхъ зданіяхъ Амстердамскихъ говорить много нечего; но дворецъ заслужива-

(*) Gros-kanal.

Digitized by Google

ешъ особенное вниманіе и архитектора, и всякаго любителя изящнаго; его исторія хотя любопытна, но весьма коротка. Большая часть торговыхъ городовъ Бельгіи и Фландріи имѣли великолѣпныя ратуши, которыми съ патріотическо-торговою гордостью тщеславились передъ иностранцами и сосѣдами. Амстердамъ захотѣлъ, для успокоенія народнаго самолюбія, имѣть свою: не пожалѣли денегъ, выписали заморскаго архитектора, Итальянца, и затѣяли громаду. Съ трудомъ нашли для нея мѣсто въ цѣломъ городѣ, и то болото, которое укрѣпили тринадцатью тысячами мачтъ, вмѣсто свай. Послѣ подобнаго начала, употребили еще 30 милльоновъ флориновъ, работали слишкомъ сто лѣтъ, и воздвигли зданіе, которое въ пылу восторга прозвали осьмымъ чудомъ свѣта.

Планъ строенія продолговатый четвероугольникъ, съ двумя внутренними дворами и безъ воротъ. Всѣ четыре фасада одинакіе, изъ дикаго камня, убраны двойнымъ рядомъ пиласпровъ, Коринѳскаго ордена; фронтоны мраморные, съ богатой рѣзьбою; кровля аспидная; по срединѣ башня съ колоколами. Внутренность дворца отдѣлана Люд. Наполеономъ, съ свойственною Наполеонамъ пышностью и вкусомъ. Но камины, галлерея, картины и зала, не взирая на опасное сосѣдство модной роскоши,

Digitized by Google

привлекаютъ невольно вниманіе и свидѣтельствуютъ о богатствѣ и щедрости купцовъ-республиканцевъ. Особенно зала, конечно одна изъ лучшихъ въ Европѣ. Она въ два свѣта, бѣлая мраморная, съ статуями, съ широкой драпировкой, съ рѣзьбою и живописнымъ плафономъ—кажется Ванъ-Лоо. Въ ней важно дожидалась Амстердамская публика рѣшенія своего Магистрата! Съ тѣхъ поръ какъ Ратуша сдѣлалась дворцомъ, въ ней танцуютъ. Зала засѣданій Магистрата, гдѣ превосходная картина въ 70 фигуръ, совѣтъ Санхедріоновъ, занимаетъ цѣлую стѣну, превратилась въ столовую. Король пріѣзжаетъ въ Амстердамъ рѣдко, и то на короткое время, такъ что дворецъ большую часть времени совершенно пустъ.

Синагога Португальскихъ Жидовъ, въ концѣ Жидовской улицы, также посѣщается путешественниками. Жиды въ Амстердамѣ пользуются всѣми правами, наравнѣ съ Голландцами, едва не первенствуютъ на биржѣ, и вѣроятно по этой причинѣ никому въ голову не приходитъ, что они не такіе-же люди, какъ и православные Христіане. Зданіе довольно обширное, но совсѣмъ почти пустое; стѣны его едва оштукатурены. Въ немъ дубовыя лавки, и множество мѣдныхъ, нечищенныхъ подсвѣчниковъ. Рѣзной поршикъ Бразильскаго дерева украша-

Digitized by Google

етъ шкафъ, въ которомъ хранятся заповѣди. Жидовка съ гордостію показала мнѣ изображеніе попугая въ струяхъ дерева, и полунѣмецкимъ языкомъ толковала, что это чудо. Изъ синагоги пошелъ я въ алмазную фабрику.

Въ немногихъ мѣстахъ умѣютъ гранить алмазы, хотя ничего особенно-труднаго тутъ я не замѣтилъ. Горизонтальный стальной кругъ вертится, посредствомъ машины, съ большою быстротою, и камень, вдавленный въ свинцовую массу, безпрестанно намазываемый алмазною пылью, разведенною въ маслѣ, подставляется попеременно всѣми сторонами, которыя и обтачиваются трепіемъ. Свинецъ столь сильно разгорячается, что его почти ежеминутно обмакиваютъ въ воду. Работа медленная, требующая вѣрной руки и привычнаго глазу въ работникахъ. Имъ платятъ по 7-ми флориновъ за каратъ, и нѣкоторые обдѣлываютъ до 3-хъ каратовъ въ день; обыкновенно-же не болѣе одного. Большихъ камней въ работѣ не было.

Werk-haus. Нищимъ въ Голландіи строго запрещается просить милостыню на улицахъ, и крайность превращается въ постыдное ремесло. Для предупрежденія и уничтоженія сего зла, которое, къ стыду вѣка и учрежденій, опозориваетъ многія столицы Европы, Голландцы, движимые просвѣщенною политикою и человѣ-

Digitized by Google

колюбіемъ, согласными чаще нежели думаютъ, учредили въ своихъ городахъ рабочіе домы для бѣдныхъ. Я пошелъ осмотрѣть одинъ изъ нихъ. Сперва показали мнѣ комнаты администраторовъ, довольно скромныя, но украшенныя драгоцѣнными произведеніями Ванъ-Дика и Рембрандта. Долго споялъ я передъ ними, удивляясь магіи Искуства и не менѣе проспотѣ геніяльныхъ Голландцевъ. Они изобразили домашнія сцены сего заведенія, какъ-то Директоровъ считающихъ кухарокъ и тому подобное. Всѣ картины и портреты превосходны: Ванъ-Диковы лица живыя; Рембрандтовы принадлежности — природа. За позволеніе вырѣзать одну собаку, лишнюю въ Ванъ-Диковой картинѣ, Англичане давали 100 червонцевъ дому. Въ семъ заведеніи находится 450 человѣкъ обоего пола; каждый работаетъ что умѣетъ, или его учатъ и заставляютъ производить общую, не требующую особеннаго искуства работу. Что сдѣлано работникомъ сверхъ цѣны его содержанія, то откладывается для него въ кассу и выдается ему, если онъ пожелаетъ оставить домъ. Комнаты просторны и свѣтлы; кухни отмѣнно чисты; въ домѣ восемь цитернъ. Пища не прихотливая: всякой день картофель, хлѣбъ, молочный кисель, изрѣдка мясо, или сало; ржаной хлѣбъ весьма посредственный; для больныхъ идетъ бѣлый. Одежда обитателей дома

Digitized by Google

самая грубая; спятъ они на соломенныхъ тюфякахъ; каждыя двѣ недѣли гошова для нихъ ванна, теплая или холодная, по желанію. Со всей такою умѣренностью, содержаніе человѣка въ семъ заведеніи стоитъ 50 крейцеровъ въ день.

Кабинетъ земледѣлія заключаетъ въ себѣ до 500 орудій, вообще употребляемыхъ въ Нидерландскомъ Королевствѣ, гдѣ не только каждая почва, но почти каждая неровность почвы имѣетъ свой особенный плугъ или соху. Глядя на всѣ эти машины и орудія, столь разнообразныя, сложныя и дорогія, по неволѣ выведешь выгодное заключеніе о Голландскомъ земледѣліи, и признаешься, что эта фабрика весьма прибыльна. Всѣ модели можно здѣсь заказывать. Дрезденскій кабинетъ однакожъ богаче.

Арсеналъ и Верфь. Ими нѣкогда славился Амстердамъ; въ нихъ пріѣзжали всѣ Европейцы учиться кораблестроительству; тамъ, какъ простой работникъ, прудился Петръ I. Цѣлый островъ занятъ обширными строеніями, гдѣ расположены магазины, столярные, плотничные, кузницы, верфь и проч.—16 навѣсовъ покрываютъ корабельныя гнѣзда; 5 кораблей строились при мнѣ съ большою дѣятельностью. Вездѣ замѣненъ большой порядокъ: въ магазинахъ каждый корабль имѣетъ присвоенное ему мѣсто, его

Digitized by Google

именемъ называемое, куда складываются все нужное для его постройки или поправки.

Я видѣлъ также великолѣпную Королевскую яхту, въ бронзѣ и съ краснымъ деревомъ: на ней 6 пушекъ. — Администраціи Адмиралтейства находятся въ замкѣ, котораго фронтоны украшены богатыми барельефами; кругомъ его каналы; изъ оконъ прелестный видъ на Зюйдеръ-Зее, Саардамъ, на портъ, усыпанный судами и на множество деревень, будто выплывшихъ изъ волнующагося моря съ своими садами, цвѣтниками, огородами и черепичными кровлями. При входѣ въ Адмиралтейство меня удивилъ вопросъ швейцара: не Англичанинъ-ли я? Послѣ отрицательнаго моего отвѣта, которому Богъ вѣсть почему онъ повѣрилъ, меня впустили и растолковали, что Англичанамъ сюда входъ воспрещенъ. Неужели это дѣйствіе соперничества съ Англіей, и страхъ, чтобы она чего украдкой не переняла? Во время хватились! Вопросъ этотъ пахнетъ варварствомъ Среднихъ Вѣковъ, когда Науки и Искуства еще скрывались, какъ заповѣдныя тайны. Запрещительный законъ существовалъ, но точность его исполненія доказала, что онъ служитъ только къ тому, къ чему и всѣ неисполняемые, но неуничтоженные законы служатъ: перифразою весьма извѣстной фразы: дайте мнѣ денегъ!

Digitized by Google

Поѣздка за городъ. Утро. Я чѣмъ свѣтъ на пристани. Небо туманно; дождь по пойдетъ, то перестанетъ. Яхта, убранная зеленью, распустивъ паруси, скоро донесла меня, съ многими другими пассажирами, до низменнаго берега Нортъ-Голландіи. У входа въ большой каналъ я высадился въ деревнѣ Schluß, т. е. Шлюзъ. Здѣсь въ самомъ дѣлѣ находится первый шлюзъ сего гигантскаго канала, по справедливости названнаго Grot-Kanal. Но объ немъ послѣ.

Schluß не представляетъ ничего особеннаго, и я, сѣвши въ коляску, поѣхалъ въ Саардамъ или Зандамъ, увѣковѣченный минутнымъ маскарадомъ Императора Петра Великаго. Дорога шла вдоль морскаго берега, по длинной, высокой плотинѣ; колеса коляски были наравнѣ съ кровлями. Эти плотины, которыми обведена вся Голландія, уступаютъ великолѣпіемъ и славою Египетскимъ пирамидамъ и Версальскимъ дворцамъ, но, будь сказано не въ обиду сихъ геніяльныхъ произведеній ума и рукъ человѣческихъ, стоятъ не менѣе и превосходятъ ихъ пользою: они обороняютъ малый лоскутокъ земли и трудолюбивыхъ ея жителей отъ свирѣпости волнъ, ежеминутно грозящихъ превратить цвѣтущую Голландію въ пустыню, усѣянную развалинами, или въ зловонное болото. Саардамская плотина сооружена изъ

Digitized by Google

огромныхъ камней, покрытыхъ землею; она заросла зеленью, деревьями и походитъ на крѣпостной валъ. Какъ стадомъ Американскихъ попугаевъ, Саардамъ окруженъ безчисленными мѣльницами, выкачивающими воду; ихъ крылья пестрятъ здѣсь разными цвѣтами. Безпрестанная дѣятельность этихъ мѣльницъ, которыя существуютъ только въ Голландіи, напоминаетъ однообразное и безконечное занятіе Данаидъ.

Главная Голландская верфь, переведенная въ Амстердамъ, находилась прежде въ Саардамѣ, что и побудило Петра I-го основать въ немъ свое жилище. Мѣстопребываніе его здѣсь продолжалось однако-же немного времени. Тревожимый безпрестанно всякаго рода любопытствомъ, онъ скоро перебрался въ Амстердамскій арсеналъ, гдѣ могъ на досугѣ изучать столь имъ любимое кораблестроительство. Едва пробрались мы, тѣсными улицами, до его менѣе нежели скромнаго домика. Онъ принадлежитъ одному Голландскому шкиперщику, которому достался по наслѣдству, и который изъ чести и разсчета никакъ не хочетъ продать его. Принцесса Оранская выстроила надъ домикомъ каменный сарай. Одно имя великаго человѣка, или тѣнь его, какъ нѣкій палладіумъ, сохранили сію лачужку, давно-бы уже съѣденную и временемъ и червями. Деревянныя стѣны

Digitized by Google

ея покачнулись; двери искривились; черепицы валятся; доски прогочены гнилью; все держится на зло времени, однимъ духомъ! Въ домикѣ всего двѣ небольшія комнатки: первая съ альковомъ, гдѣ онъ спалъ и писалъ; тамъ маленькій очагъ, дубовый столъ, при столъ, одно окошко. Другая, рабочая комната, совершенно пустая. Надъ очагомъ двѣ мраморныя плиты: одна врѣзана блаженной памяти Императоромъ Александромъ. Стѣны исписаны именами; Русскихъ мало. Висятъ два гравированные портрета Петра; одинъ современный ему. Книга, въ которую путешественники вписываютъ свои имена, очень толста. Купивши нѣсколько дурныхъ гравюрокъ (обыкновенная дань любопытству), я подумалъ въ жару піитическаго восторга: «Здѣсь умѣщался человѣкъ, котораго мысль, развернувшись, образовала Русское Царство. Если другой подобный явится — прощай земной міръ! Лопнетъ какъ недосиженое яйцо!» Но успокоимся: мы видѣли, видѣли Наполеона!... Голландцы вообще любятъ Петра: онъ живетъ въ памяти народа. Глядя на его хижину, одинъ добродушный Голландецъ вздумалъ извинить презрѣніе его не только пышности, но и обыкновенной удобности, и сдѣлалъ слѣдующую надпись по-Русски: «Ничего главному человѣку мало.» Въ Саардамѣ около 15,000 жителей; промышляютъ

Digitized by Google

рыбной ловлей и масломъ. Многочисленныя вѣтреныя мѣльницы, находящіяся въ селеніи, заняты маслобойнями. Домики тамъ чистые, съ цвѣтниками; по обыкновенію, каналы; много магазиновъ; замѣтна жизнь и дѣятельность.

Въ церкви показываютъ картину, изображающую Саардамское трагическое происшествіе 16-го столѣтія. Разсерженный быкъ взбросилъ беременную женщину на воздухъ; она воспользовалась благопріятнымъ случаемъ родить; мужъ прибѣжалъ на помощь, и былъ убитъ быкомъ. На картинѣ, весьма посредственной работы, изображенъ мужъ, подъ ногами быка; ребенокъ на землѣ, а женщина, съ размешавшимися туфлями, на воздухѣ. Кругомъ толпа народа и дѣти съ летучими змѣями. Всѣхъ трехъ несчастныхъ жертвъ быка похоронили въ церкви, увѣковѣчили память ихъ картиной, и на гробѣ ихъ вырѣзали быка, который уже почти стерся.

Я. Сабуровъ.

Digitized by Google

МНѢНІЕ

Дѣйствительнаго Члена Московскаго Общества Скаковой охоты Ѳедора Мосолова, о тридцатитысячномъ призѣ и о вредѣ, каковой произойдти можетъ отъ допущенія Англійскихъ скакуновъ къ скачкамъ на призы въ Россіи (*).

Разсматривая безпристрастно нынѣшнее состояніе коннозаводства въ Россіи, съ сожалѣніемъ должно сознаться, что оно у насъ до сихъ поръ находится во младенчествѣ. Многолѣтнія наблюденія надъ многими нашими заводами и опытность, пріобрѣтенная при управленіи собственнымъ, убѣдили меня въ сей горькой истинѣ. Дороговизна въ пріобрѣтеніи за-

(*) Сія статья и слѣдующая доставлены къ намъ для напечатанія, отъ одного изъ Гг. Сочинителей оныхъ. Предметъ важный, достойный внимательнаго разсмотрѣнія! *Изд. Телеск.*

Digitized by Google

водскихъ кобылицъ и жеребцовъ, недостатокъ средствъ для улучшенія скаковыхъ породъ, неудача при воспитаніи жеребятъ, и наконецъ дешевизна выращенныхъ — вотъ причины, отъ которыхъ многіе наши заводы или совершенно уничтожены, или на пути къ уничтоженію. Весьма не много заводовъ, которые при всей ихъ невыгодности поддерживаются и улучшаются, не щадя трудовъ, ни пожертвованій, единственно по одной только любви къ коннозаводству.

Мудрое Правительство, наблюдая ходъ и успѣхи нашего коннозаводства, вполнѣ постигая нынѣшнее его состояніе и будучи подкрѣпляемо щедротами и особеннымъ покровительствомъ Монарха, приняло уже рѣшительныя мѣры, къ поощренію и улучшенію коннозаводства въ Россіи.

Устройство Обществъ конской Скаковой охоты, учрежденіе скачекъ въ Санктпетербургѣ, Москвѣ и Лебедяни, назначеніе Императорскихъ призовъ, и ежегодное назначеніе богатаго тридцати-тысячнаго приза, служатъ несомнѣннымъ знакомъ вниманія Правительства къ сей важной и полезной отрасли народной промышленности.

Распредѣленіе призовъ, соотвѣтственно цѣ-

Digitized by Google

ли улучшенія коннозаводства въ Россіи, есть дѣло весьма трудное, требующее большихъ соображеній. Желая по возможности содѣйствовать общеполезному дѣлу, и вмѣстѣ съ симъ исполнить волю Общества, касательно распредѣленія тридцати-тысячнаго приза, имѣю честь представить на судъ почтеннѣйшихъ Членовъ оное мое мнѣніе, относительно сего предмета.

Предметъ скачекъ — улучшеніе заводовъ; назначеніе-же большихъ призовъ въ Москвѣ — награда за улучшеніе: естественно, что награда сія должна принадлежать исключительно Русскимъ заводчикамъ, оказавшимъ больше успѣха въ улучшеніи конскихъ заводовъ; допустить-же Англійскихъ лошадей участвовать въ выигрышахъ столь значительныхъ призовъ, есть дѣло совершенно противное предположенной цѣли, и не только не произведетъ желаемаго успѣха, но напротивъ ускоритъ ихъ уничтоженіе. И вотъ тому причины: 1-я, всѣ охотники, имѣя въ предметѣ большіе призы для скакуновъ Англійскихъ, обратятъ на нихъ все вниманіе, не думая больше о заводахъ; 2-я, коннозаводчики, зная превосходство скакуновъ Англійскихъ, и лишась надежды, Русскими лошадьми выиграть призы, оста-

Digitized by Google

вяшъ свои заводы, и займутся также скакунами Англійскими; 3-я, молодые охотники, по честолюбію, забывъ всѣ разсчеты, отправятъ большія суммы денегъ въ Англію для покупки скакуновъ; но по неопытности своей, не достигши цѣли — раззорятся; 4-я, скаковые призы, отдѣлясь отъ заводовъ, и перейдя въ руки Англичанъ или Русскихъ спекуляторовъ, составятъ только азардную игру, или лотшерею, столь вредныя Государству; 5-я, Англичане, составивъ компанію, овладѣютъ нашими призами; скакуны-же ихъ, приводимые въ Россію, будучи третьяго разряда, притомъ малаго роста и статей неправильныхъ, вмѣсто улучшенія заводовъ, разстроятъ ихъ совершенно; 6-я, цѣны на лошадей Русскихъ упадутъ совершенно, на Англійскихъ-же возвысятся, и вся торговля оными, по прежнему, останется въ рукахъ Англичанъ; 7-я, Европа усмотритъ ясно превосходство лошадей Англійскихъ, недостатокъ нашихъ, и народное честолюбіе пострадаетъ.

Англійское Правительство, опасаясь, какъ видно, тѣхъ-же послѣдствій, учреждая скаковые призы, никогда не допускало скакать на оные Арабскихъ лошадей, и не давало имъ никакихъ премій, хотя знало всѣ трудности

Digitized by Google

приводить ихъ въ Англію. Главнымъ попеченіемъ его всегда было, поощрять свои заводы, и оно не жалѣя денегъ покупало для нихъ вездѣ Арабскихъ жеребцовъ и кобылицъ, которыя извѣстны понынѣ подъ названіемъ Королевскихъ. Въ сіе время было у нихъ только двадцать Королевскихъ призовъ по сту гиней; нынѣ-же оныхъ находится 33, сверхъ того золотыхъ и серебряныхъ кубковъ 69, отъ 100 до 300 гиней; частныхъ-же призовъ и закладовъ, кои суть слѣдствіе основательнаго положенія скачекъ, бываетъ тамъ ежегодно болѣе тысячи, оставляя всегда лучшихъ скакуновъ въ заводахъ Слѣдуя симъ правиламъ, они достигли наконецъ цѣли, и чрезъ 60 лѣтъ отъ учрежденія извѣстныхъ Арабскихъ заводовъ, увидѣли зрѣлые плоды постоянныхъ трудовъ своихъ: они увидѣли въ Англіи Матчима, Кингъ-Эрода и Эклипса, который, въ 1770 году, первый явилъ необыкновенную быстроту въ скачкѣ, и выигралъ въ одинъ годъ 10 Королевскихъ призовъ, изъ коихъ 9 взялъ шагомъ. Король Англійскій, обѣдая въ прошломъ году съ 75 охотниками, подарилъ имъ въ память Эклипса, и въ награду за улучшеніе заводовъ, превосходной работы богатое золотое блюдо, украшенное, по ихъ выраженію, ногой Эклипса; сверхъ того учредилъ новый призъ въ 200 ги-

Digitized by Google

ней, подъ названіемъ также ноги Эклипса, на который позволено скакать только лошадямъ, принадлежащимъ Членамъ Джокей-Клуба, кои суть большею частію коннозаводчики.

Европа, усматривая большіе успѣхи Англійскаго коннозаводства, приняла со временъ Наполеона тѣ же мѣры: вездѣ учредили скачки, вездѣ устроили скаковые заводы, покупая лучшихъ жеребцовъ и кобылъ въ Англіи; но нигдѣ еще не учредили призовъ для скакуновъ Англійскихъ, назначая ихъ единственно для лошадей своеземныхъ; Французское Правительство ежегодно отпускаетъ на оные по сту тысячь ливровъ.

Людовикъ XVI, не задолго до Революціи, учредилъ было во Франціи скаковые призы, не исключивъ лошадей Англійскихъ. Добрые сосѣди скоро воспользовались онымъ, и составивъ общество, привели къ нимъ много скакуновъ, и по разсчетамъ своимъ проигрывали и выигрывали призы; наконецъ все это кончилось тѣмъ, что Герцогъ Орлеанскій проигралъ Дюку Квинзбири два милліона ливровъ. Англичане благополучно отправились обратно, а Правительство Французское запретило скачки навсегда. Вотъ слѣдствіе необдуманнаго плана!

Digitized by Google

Я знаю, что нѣкоторые почтенные члены наши, не имѣя въ семъ дѣлѣ надлежащихъ опытовъ, полагаютъ, что призы для лошадей Англійскихъ полезны потому, что для выигрыша оныхъ будутъ приводить въ Россію лучшихъ заводскихъ жеребцовъ; но напротивъ того, милостивые государи, сія самая мѣра совершенно преградитъ приводъ оныхъ; ибо не было еще примѣра, чтобы первые ихъ скакуны, составляющіе корень ихъ заводовъ, продавались за границу, прежде чѣмъ они оканчивали свои скачки; причина-же сему есть та, что сіи скакуны могутъ выигрывать тамъ, одними подписными призами, по триста тысячь рублей въ годъ, кромѣ закладовъ, простирающихся на многіе милліоны. Самъ Король Англійскій, во время пребыванія покойнаго Императора Александра Павловича въ Англіи, желая подарить Его Величеству лучшаго скакуна, не могъ сего выполнить потому, что не нашелъ таковыхъ въ продажѣ, хотя предлагалъ за Смоленскаго пять тысячь гиней, за Бурбона три тысячи гиней; послѣ-же скачки, сей самый Бурбонъ проданъ въ Россію за 800 гиней, и за Смоленскаго взяли-бы не дороже — вотъ явное доказательство невозможности, и вмѣстѣ съ тѣмъ невыгоды, покупать въ Англіи первыхъ ихъ скакуновъ въ то время, когда

Digitized by Google

они еще скачутъ; слѣдовательно въ скакунахъ Англійскихъ мы никогда уже не увидимъ въ Россіи тѣхъ превосходныхъ жеребцовъ, каковые были и теперь есть, въ нашихъ заводахъ, какъ-то: Скалярка, Синабара, Серъ-Девида, Некшара, Бурбона, Совереня, Интерпретора, Алегро, Мемнона, Мидлетона и Бирмингама; ибо всѣ сіи жеребцы куплены были, послѣ ихъ скачекъ. Правда, къ намъ приведутъ много скакуновъ, они выиграютъ всѣ призы, и Англичанамъ откроется новое средство къ обогащенію; но Россія вездѣ потеряетъ.

Положеніе конскихъ заводовъ сходно съ состояніемъ мануфактурныхъ заведеній: когда произведенія ихъ имѣютъ сбытъ и цѣнность— они процвѣтаютъ. Для сей именно цѣли Правительство учредило выставки, щедро награждаетъ за лучшія произведенія, и сверхъ того запрещаетъ и налагаетъ большія пошлины на тѣ предметы, кои могутъ вредить онымъ; но если-бы, вмѣсто того, стали награждать иностранцевъ за привозъ къ намъ лучшихъ произведеній, чтобы тогда было съ нашими мануфактурами, стоящими для Россіи милліоновъ? Справедливая награда за полезное открываетъ уже сама собой всю силу народной промышленности, не требуя болѣе никакихъ пособій.

Digitized by Google

Конскіе лучшіе заводы наши не имѣютъ недостатка въ скаковыхъ породахъ, которыя существуютъ въ Россіи болѣе 60 лѣтъ; а нужно только, чтобъ обратили на нихъ болѣе вниманія, и по указанію скачекъ, привели-бы ихъ въ надлежащій порядокъ не только относительно породъ, но и содержанія заводовъ, входящаго въ составъ силы каждаго животнаго. Если-же при такомъ ихъ положеніи, охладятъ рвеніе коннозаводчиковъ, и поселятъ въ нихъ ту мысль, что Англичане возьмутъ всѣ призы наши, кто-же заниматься тогда будетъ своими заводами, требующими большихъ трудовъ и капиталовъ? Прочное улучшеніе скаковыхъ заводовъ основано единственно на томъ, когда всѣ удостовѣрены будутъ, что призы вѣрны, и никакими другими средствами, кромѣ лошадей Русскихъ, выиграть ихъ не возможно; тогда между охотниками возродится чувство благороднаго соревнованія, и дѣйствуя всѣ на одинъ предметъ и одними средствами, достигнутъ скоро до своей цѣли, и мы увидимъ коннозаводство въ Россіи въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Я совершенно въ томъ увѣренъ, что разсматривая безпристрастно мое мнѣніе, и тѣ почтенные охотники, которые полагаютъ полезнымъ допустить Англійскихъ лошадей скакать на призы Русскіе, скоро

Digitized by Google

усмотрятъ, смѣю сказать, свою ошибку; но вредъ, который произвесши можетъ и временное отступленіе отъ общихъ правилъ, долго не забудетъ Россія — она не забудетъ того, что заводы, съ поликимъ раченіемъ устроенные, и заслуживающіе вниманіе Россіи, подавлены, и честолюбіе охотниковъ помрачено для того только, чтобы заводамъ будущимъ, коихъ существованіе еще не вѣрно, открыть возможность пріобрѣсти выгоднѣе нѣсколькихъ кобылокъ.... Таковое пожертвованіе сколько несправедливо, столько и вредно Государству, и голосъ самой Россіи долженъ воспротивиться оному.

Соображая всѣ прописанныя мною обстоятельства, и принимая во уваженіе Высочайше утвержденные скаковые уставы, также правила Императорскихъ призовъ, я, покоряясь истинѣ, рѣшительно объявляю предъ лицемъ Почтеннѣйшаго Общества, что скаковые призы въ Москвѣ (кромѣ двухъ) должны быть, по уставу Московскаго Скаковаго Общества, для однѣхъ Русскихъ лошадей, и не болѣе каждый 4,000 рублей; придцати-же тысячная сумма, предполагаемая на призы, должна раздѣлиться на слѣдующіе предметы: 1-е, пять тысячь рублей отдѣлять ежегодно на жалованье к со-

Digitized by Google

держаніе общаго пренеръ-грума, и единовременно для построенія скаковой конюшни 10,000 рублей ассигнаціями.

2-е, Изъ остальной суммы учредить два приза по 2,500 рублей, на кои допускать скакать Англійскихъ скакуновъ — одинъ изъ нихъ для жеребцовъ, другой для кобылъ, на 6 верстъ безъ перескачки, съ вѣсомъ опредѣленнымъ на Императорскій первый призъ въ Москвѣ.

3-е, На сіи два приза дозволить записывать каждому лицу по три лошади, внося за каждую по 50 рублей.

4-е, Остальная сумма раздѣляется на призы отъ 2,000 до 4,000 рублей, для однѣхъ Русскихъ лошадей, на основаніи устава Московскаго Общества Скаковой охоты, безъ перескачки.

5-е, Права скакать на призы не ограничивать числомъ лошадей, какъ въ сихъ призахъ, такъ и во всѣхъ Московскихъ, и одна лошадь, по уставу, получаетъ призъ. Если измѣнить сіи правила, тогда лучшіе скакуны никогда не выиграютъ призовъ; ибо никто записываться съ ними не будетъ, или, для дополненія опре-

Digitized by Google

дѣленнаго числа, станутъ нанимать лошадей, что совершенно разстроитъ скачки.

6-е, Установить особую награду тѣмъ коннозаводчикамъ, коихъ лошади три года сряду выигрываютъ всѣ Императорскіе призы, хотябы проходили ихъ шагомъ, дабы сіе послужило къ большему еще поощренію, улучшивать свои заводы.

Изложивъ свое мнѣніе, я скажу рѣшительно, что еслибъ Правительству благоугодно было уничтожить скаковые заводы въ Россіи, то надобно начать именно съ того, чтобъ допустить Англійскихъ лошадей скакать на призы Русскіе; ибо сія мѣра, противная со всѣхъ сторонъ пользамъ Россійскаго коннозаводства, сама собою уничтожитъ оное. Скаковые призы учреждаются для того, чтобъ возбудить соревнованіе, наградить оными тѣхъ, которые успѣли довести заводы свои до лучшаго состоянія, что совершенно справедливо; но отдавать ихъ въ руки Англичанамъ за то, что приведутъ къ намъ лошадей ничтожныхъ и послѣ продадутъ ихъ за весьма высокую цѣну, по мнѣнію моему, есть дѣло не согласное даже съ пользами Государства. Я спрашиваю теперь самихъ Англичанъ: будутъ-ли они приво-

Digitized by Google

дить таковыхъ жеребцовъ для скачки, каковыхъ приводили къ намъ для заводовъ? Вѣроятно, отвѣтъ будетъ отрицательный. И тогда всѣ скажутъ: «Зачѣмъ-же намъ скакуны Англійскіе?» За что награждать Англичанъ призами? Лошадей въ Россіи и безъ того много, и польза заводовъ нашихъ требуетъ убавить ихъ въ половину; но намъ нужны первые ихъ заводскіе жеребцы, которые, будучи испытаны въ большихъ ихъ призахъ, гдѣ записывается по сту лошадей, могли-бы прочностію своей породы служить корнемъ всѣхъ нашихъ заводовъ; но сихъ жеребцовъ сами Англичане покупаютъ не иначе, какъ послѣ скачекъ, дабы не платить за нихъ вчетверо дороже, и съ большею точностію опредѣлить настоящую ихъ силу и тѣ качества, которыя именно принадлежатъ заводскому жеребцу. Скакуновъ въ Англіи много, но тѣ изъ нихъ, которые имѣя правильныя часши, свойственныя только однимъ скакунамъ первой степени, могли-бы основать прочно скаковые заводы, весьма рѣдки, и выборъ оныхъ требуетъ особеннаго соображенія знатоковъ опытныхъ; одна-же скачка, а особливо въ Россіи, для сего совсѣмъ недостаточна. Мы удивляемся тѣмъ, которые дѣлали въ Петербургѣ заклады на казацкихъ лошадей противъ Англійскихъ, удивляемся Казакамъ, которые пу-

Digitized by Google

скаютъ лошадей своихъ на призы Московскіе; но Европа удивляпься будетъ тому, что Московское Общество Скаковой охоты, принявшее на себя обязанность пещись объ улучшеніи коннозаводства въ Россіи, допустило (чего я не ожидаю) Англійскихъ лошадей, скакать на свои призы, и для угожденія немногимъ богачамъ, пожертвовало лучшими своими заводами, которые, при учрежденіи постоянныхъ скачекъ въ Москвѣ, достигли-бы скоро до возможнаго совершенства.

Я не забылъ еще, какъ мой Травлеръ, заплаченный въ Англіи 25 гиней, и Травлеръ Г-на Муравьева, весьма также недорогой цѣны, легко обскакивали лошадей Графа Орлова-Чесменскаго, отъ лучшихъ жеребцовъ его Скалярка и Синабара; и наша участь, при шеперешнемъ состояніи заводовъ, будетъ та же самая. Если уже почтенные Члены Общества боятся, чтобъ коннозаводчики, успѣвшіе завести Скаковые заводы въ Россіи прежде другихъ, не спали долго выигрывать въ Москвѣ всѣхъ призовъ — какимъ-же образомъ не боятся они Англичанъ, коихъ заводы, существуя при всѣхъ способахъ знанія и богатства болѣе двухъ сотъ лѣтъ, производятъ ежегодно по тысячѣ скакуновъ, и гдѣ искуство ѣздоковъ и грумовъ доведено

Digitized by Google

до возможнаго совершенства? Я смѣло скажу, что всѣ охотники, при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ, не только не станутъ заниматься устройствомъ новыхъ заводовъ, но и существующіе весьма скоро уничтожатъ, если не будетъ у нихъ въ предметѣ постоянныхъ и прочныхъ призовъ. Пятидесяти-тысячный призъ для Русскихъ лошадей, можетъ, и былъ-бы полезенъ, еслибъ при ономъ, какъ въ Англіи, было-бы тысячи другихъ; но дожидаться его пять лѣтъ, и во все это время лишиться не только другихъ призовъ, но и сбыта лошадей — есть дѣло не согласное ни съ какимъ разсчетомъ. Что значитъ одинъ призъ въ пять лѣтъ, для цѣлой Россіи? Чего ожидать могутъ заводы наши отъ одной лошади, хотя-бы она выиграла пятьдесятъ тысячь рублей? тѣмъ болѣе, что и лучшіе скакуны по разнымъ причинамъ проиграть его могутъ. Онъ породитъ только одни умыслы, со всѣми гибельными ихъ послѣдствіями, и самое основаніе заводовъ поколебать можетъ. Это будетъ лоттерея, съ тою только разницею, что за билетъ оной платишь надобно не сто рублей, а сто тысячь; ибо и небольшой Скаковой заводъ станетъ не менѣе сей суммы. Притомъ-же, какого успѣха ожидать можно вообще отъ тѣхъ заводовъ, коихъ лошади, въ теченіе пяти лѣтъ, оставались

Digitized by Google

безъ пробы, люди не имѣли опытовъ, и сами хозяева не находили побудительныхъ причинъ заниматься оными? По сему-то именно, Милостивые Государи, ни одно Правительство ни временныхъ, ни большихъ призовъ не учреждаетъ, а старается только умножать число ихъ, для разныхъ лѣтъ, дистанцій и вѣса, дабы охотники всѣхъ состояній, имѣющіе и двухъ матокъ, могли-бы надѣяться выиграть ихъ нѣсколько, а не оставалась-бы сія полезная охота въ тѣсномъ кругу богатыхъ людей, и того еще вреднѣе Англичанъ, что неминуемо послѣдуетъ, если допустятъ лошадей ихъ скакать на наши призы. Къ тому-же не многіе будутъ увѣрены въ прочности пяти-лѣтняго приза, составленнаго изъ разныхъ суммъ, которыя легко могутъ измѣниться; да и по самой природѣ человѣка, близкіе предметы дѣйствуютъ надъ нимъ гораздо сильнѣе, чѣмъ отдаленные.

Я также совершенно увѣренъ въ томъ, что новое положеніе о призахъ скоро уничтожитъ всѣ Московскія скачки, и вотъ почему: положимъ, что на первый годъ приведутъ къ намъ изъ Англіи 10 скакуновъ, которые скакать будутъ между собою; но изъ нихъ, какъ надобно ожидать, одинъ будетъ первый и

Digitized by Google

выиграетъ всѣ призы; кто-же скакать съ нимъ будетъ на будущій годъ? Тѣхъ, которые проиграли, вѣроятно пускать не будутъ, ибо одно приготовленіе скакуновъ стоитъ уже весьма дорого; приводить вновь изъ Англіи, послѣ неудачныхъ опытовъ, не многіе согласятся; своихъ-же ни у кого не будетъ — и конецъ скачкамъ! Но если при томъ утвердятъ и то мнѣніе: когда запишутся на призъ двѣ лошади, или явится третья, которая останется за флагомъ, то сего приза не выдавать; таковое положеніе вовсе уже уничтожитъ скачки, ибо тогда надобно будетъ платить деньги, чтобы записывали трехъ лошадей, и чтобы ни одна изъ нихъ не осталась за флагомъ, что всегда можно дѣлать съ намѣреніемъ. Мнѣ не понятно, по какому праву могутъ лишать приза за то, что третья лошадь споткнулась, или ѣздокъ съ нея упалъ? Послѣ сего ограниченія, кто станетъ покупать скакуновъ въ Англіи? Кто станетъ заниматься ими въ Россіи? Ибо въ день самой скачки, ни одинъ призъ вѣренъ не будетъ, и честнымъ образомъ никто его не выиграетъ; а потому благородномыслящіе, къ общему сожалѣнію, должны будутъ оставить сію полезную охоту навсегда. Правда, она можетъ оставаться еще въ рукахъ Англичанъ, кото-

Digitized by Google

рые напередъ раздѣлять будутъ всѣ призы между собою, а поскачутъ только для одной забавы Московской публики, приготовивъ для сего столько лошадей, сколько потребно будетъ по уставу Общества, вновь исправленному; но та-ли цѣль скачекъ?

Оканчивая мое мнѣніе, я смѣю удостовѣрить почтеннѣйшее Общество, что единственнымъ предметомъ моимъ было: учреждаемые попечительнымъ Правительствомъ скаковые призы въ Москвѣ основать прочно, чтобы оные принесли Отечеству нашему таковую-же пользу, каковую видимъ мы отъ нихъ въ Англіи, и чтобы удалены были всѣ новыя мѣры, которыя, будучи не согласны съ цѣлію скачекъ, совершенно разстроятъ заводы наши. Россія сего ожидаетъ и позднѣйшее потомство сохранитъ живѣйшую благодарность къ виновникамъ сего полезнѣйшаго учрежденія.

Дѣйствительный Членъ Московскаго Скаковаго Общества

Ѳедоръ Мосоловъ.

30-го Ноября
1833 года.
Москва.

Digitized by Google

Мнѣніе Члена Скаковаго Общества, Алексѣя Николаевича Дьякова, на вопросъ: должно-ли допускать выписныхъ Англійскихъ лошадей къ призамъ Россійскихъ скачекъ, и нужно-ли увеличивать скаковые призы?

Скаковыхъ лошадей въ Англіи можно раздѣлить на два класса: на производительныхъ и не-производительныхъ. Скакунъ производительный, жеребецъ или кобыла, есть лошадь, одаренная отъ природы не только наружными качествами, правильнымъ, способнымъ механизмомъ, споспѣшествующимъ быстротѣ ея движеній; но сверхъ сего она заключаетъ въ себѣ драгоцѣнное внутреннее достоинство, посредствомъ коего сообщаетъ всѣ свои качества породѣ своей. Таковые испытанные производительные скакуны, какъ напримѣръ въ Англіи: Орвиль, Фантомъ, Эмиліусъ и много другихъ, помѣщаются въ заводахъ Англійскихъ или назначаются къ приплоду, и доставляютъ своимъ хозяевамъ значительные и постоянные доходы. Лошадей сего рода не возможно выписывать изъ Англіи; и съ великимъ затрудненіемъ, и за большія деньги, мы можемъ получать оттуда лишь неиспытанныхъ еще въ заводахъ лошадей изъ сего разряда, выигравшихъ первые призы и подающихъ нѣкоторую надежду быть производительными, какъ напримѣръ, поступившіе

Digitized by Google

въ Россію жеребцы: Бурбонъ, Интерпреторъ, Некпаръ, Алегро и наконецъ знаменитый по своей скачкѣ и породѣ жеребецъ Мемнонъ, который своимъ Акціонерамъ стоитъ болѣе 30 тысячь рублей. Оныхъ лошадей можно покупать въ Англіи только тогда, когда они по разнымъ причинамъ дѣлаются для скачки уже неспособными.

Непроизводительный скакунъ есть лошадь, хотя и одаренная также наружною способностію, счастливымъ движеніемъ, споспѣшествующимъ ея быстротѣ и доставляющимъ ей возможность выигрывать призы, но, не заключая въ себѣ внутренняго достоинства и силы производительной, она не передаетъ своихъ качествъ породѣ своей, и никакой существенной пользы заводамъ приносить не можетъ. Таковыми-то лошадьми Англійскіе барышники до сего времени наводняли Россію, и безъ сомнѣнія будутъ продолжать свою вредную торговлю, если ихъ скаковые *трутни* будутъ допускаемы до призовъ нашихъ скачекъ.— Съ увѣренностію можно сказать, что изо ста скакуновъ въ Англіи, выигравшихъ намъ первые призы, не болѣе двухъ или трехъ поступаютъ въ производительные; и такъ, размѣряя по сему масштабу, изъ пя-

Digitized by Google

ти сотъ Англійскихъ лошадей, которыя могутъ поступить на наши призы въ Россію, едва-ли сотая часть произведетъ что-либо полезное; остальныя-же всѣ, переводя наши деньги въ Англію, будутъ рѣшительно вредить коннымъ заводамъ нашимъ, лишая ихъ назначенныхъ поощрительныхъ призовъ и охлаждая полезное соревнованіе.

Что касается до предполагаемыхъ призовъ для Русскихъ лошадей, отъ 20 до 50 тысячь рублей, я полагаю, что они сдѣлаютъ болѣе вреда, нежели пользы, ибо всякое поощреніе должно имѣть свою благоразумную границу: переступая за оную, оно дѣлается уже не поощреніемъ, но искушеніемъ. Таковые призы, несоразмѣрные достоинству предпринимаемаго дѣла, могутъ быть причиною многихъ злоупотребленій. Я не усматриваю надобности принимать таковыхъ сильныхъ и рѣшительныхъ мѣръ: это будетъ — двигать море, топить муху. Наши конные заводы въ Россіи еще не въ отчаянномъ положеніи; сія отрасль, при всѣхъ нашихъ способахъ, находится въ равномъ младенчествѣ со всѣми другими. Мы дѣти въ семъ дѣлѣ, какъ и въ прочихъ хозяйствахъ, и не столько намъ нужны поощренія, сколько необходимы хорошія школы, книги и учители. Пяти-

Digitized by Google

десяти-тысячный призъ, перессоривши многихъ, можетъ породишь вредные умыслы со всѣми ихъ послѣдствіями; но не прибавишъ ни знанія, ни искуства по коннозаводству, которое не достигнетъ желаемой цѣли безъ образованнаго улучшенія прочихъ частей хозяйственныхъ, столь необходимыхъ при воспитаніи лошадей. При содержаніи оныхъ, можно-ли, напримѣръ, поставишь въ сравненіе: истощенный паръ 3-го поля, у насъ покрытый полынемъ, чернобыльникомъ и сорными травами, на которомъ въ теченіе цѣлаго лѣта бродятъ голодные табуны наши, съ изобильными кормами искуственныхъ, питательныхъ травъ Англіи и даже парами ихъ, при помощи плодопеременныхъ системъ всегда покрытыхъ зеленою, питательною травою? При зимнемъ содержаніи нашихъ заводовъ въ сравненіи съ Англійскими существуетъ таковое-же различіе; тамъ лошади питаются сухою, чистою соломою, чистымъ, сухимъ, питательнымъ сѣномъ, таковымъ-же овсомъ, ячменемъ и бобами; тогда какъ въ нашихъ хозяйствахъ не только на солому, которая всегда у насъ гніетъ въ разбросанныхъ омешахъ, но и на чистому сѣна и зерноваго хлѣба не обращаютъ никакого вниманія. Ужели таковая небрежность въ кормахъ при воспитаніи лошадей не производитъ вліи-

Digitized by Google

нія на здоровье и даже на развитіе ихъ наружныхъ частей и способностей? Будучи убѣжденъ въ важности сего, я увѣренъ, что лошадь, родившаяся въ Англіи, но поступившая жеребенкомъ и воспитанная въ Россіи, потеряетъ половину своего достоинства, и, можетъ быть, проиграетъ нашимъ лошадямъ, у которыхъ она-бы легко выиграла призъ, ежелибъ поступила въ Россію 2 или 3-хъ лѣтъ. На сей-то важный предметъ воспитанія нужно обратить вниманіе заводчиковъ.

Учрежденіе скачекъ въ Россіи, при покровительствѣ попечительнаго Правительства, должно имѣть прямою цѣлію поощренія, не безъ различія всѣхъ конныхъ охотниковъ, но предпочтительно заводчиковъ, для которыхъ скачка будетъ служить вѣрнымъ, необходимымъ оселкомъ, посредствомъ коего вниманіе каждаго изъ нихъ можетъ быть обращено на ту изъ его лошадей, которая выиграетъ призъ: тогда, для испытанія внутренняго производительнаго ея достоинства, каждый попробуетъ ее въ заводѣ своемъ, и судя только по достоинству производимыхъ дѣтей, получитъ возможность безошибочно заключать о достоинствѣ скакуна своего. Но такъ какъ при испытаніи лошадей скачкою не одно достоинство породы, но

Digitized by Google

и искуство въ приготовленіи оныхъ имѣетъ несомнительное вліяніе на успѣхъ выигрыша, то на сей предметъ Скаковое Общество должно обратить все вниманіе и всѣ способы свои. Я не считаю теперь полезнымъ и даже справедливымъ увеличиваніе скаковыхъ призовъ: Императорскіе кубки и призы Общества могутъ служить достаточнымъ награжденіемъ для тѣхъ заводчиковъ, которые до сего времени предпочтительно занимались улучшеніемъ породы кровныхъ лошадей; сверхъ того они имѣютъ въ предметѣ, при учрежденіи скачекъ, съ большею выгодою продавать своихъ лошадей, сколько охотникамъ, столько и заводамъ устроивающимся. И такъ самымъ полезнымъ и необходимымъ считаю теперь: учрежденіе въ Москвѣ скаковой конюшни, каменной, прочной и удобной, на первый случай хотя-бы на 25 денниковъ, съ запаснымъ мѣстомъ для увеличенія оной до 100 и болѣе денниковъ; выписаніе искуснаго, благонадежнаго тренинъ-грума изъ Англіи считаю я также необходимостію; а въ продолженіи времени, при увеличеніи скаковой конюшни и способовъ Общества, не лишнимъ будетъ выписать оныхъ нѣсколько человѣкъ, для возбужденія между ими необходимаго соревнованія. При семъ полезномъ скаковомъ заведеніи должно имѣть искусныхъ

Digitized by Google

Англійскихъ кузнеца и ветеринара, съ шѣмъ предположеніемъ, чтобъ каждый Членъ Общества имѣлъ право, за назначенную плату, помѣщать къ нимъ своихъ мальчиковъ для обученія.

Учрежденіе скаковой конюшни при помощи тренинъ-грума, уравняетъ способы всѣхъ заводчиковъ по предмету приготовленія скаковыхъ лошадей; оно доставитъ возможность отдаленнѣйшимъ отъ Москвы коннымъ заводамъ присылать своихъ лошадей, за нѣсколько мѣсяцевъ до скачки, и съ довѣріемъ поручать ихъ, и при нихъ мальчиковъ своихъ, сему общеполезному заведенію, которое будетъ совершенно соотвѣтствовать всѣмъ другимъ разнаго рода, устроеннымъ въ Москвѣ съ 1819 года, неусыпнымъ стараніемъ и дѣятельною попечительностію истинно благонамѣреннаго Начальства.

Алексѣй Дьяковъ.

Digitized by Google

ЭММА.

(Окончаніе.)

Черезъ три недѣли послѣ вечера Княжескаго, Докторъ разговаривалъ съ Княгинею. Онъ ходилъ по комнатѣ, былъ мраченъ и задумчивъ. Княгиня спокойно сидѣла на своемъ диванѣ, съ беззаботнымъ, если не совершенно довольнымъ видомъ. Взглянувъ на нихъ, можно было сказать: *онъ проигралъ—она выиграла.*

Но что-же *проигралъ* онъ? Что она *выиграла?* Не пояснитъ-ли этого разговоръ ихъ? Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, что они говорили прежде. Мы поспѣли только къ концу разговора.

— Мнѣ очень хотѣлось-бы знать причину неудовольствія вашего, любезный Докторъ, послѣ всего этого.

« Вы правы, Княгиня, правы; я ничего не могу болѣе сказать.

Digitized by Google

— И вы-же говорите, что ея здоровье совершенно поправляется.

«Да, я позволилъ ей сегодня выйдти изъ комнаты.

— Я прошу васъ еще разъ: не щадить вашихъ прудовъ и попеченій.

«То есть, микстуръ и порошковъ.» Докторъ горестно улыбнулся. «Я и не жалѣлъ ихъ, Княгиня.

— И вы полагаете, что опасность совершенно прошла?

Докторъ молчалъ и ходилъ по комнатѣ. Княгиня, казалось, ожидала отвѣта.

«Не знаю,» сказалъ наконецъ Докторъ съ тяжелымъ усиліемъ — «не знаю ничего, кромѣ того только, что вся наука человѣческая есть гордость, помноженная на незнаніе, и раздѣленная по правилу товарищества: Философамъ — Юристамъ—Математикамъ—Физикамъ—Химикамъ—и *Лекарямъ!*»—Онъ шагалъ при каждомъ словѣ, и произнеся послѣднее, остановился противъ Княгини, съ забавною досадою.

Она разсмѣялась.—Это ваше дѣло знать, любезный Докторъ!

«Да, мое, разумѣется; такъ заведено, и прекрасно заведено. Мы такъ легко ошдѣлы-

Digitized by Google

ваемся, когда исполняемъ по условію, какое записано въ маклерской книгѣ приличій общественныхъ. Кто даетъ серебряный рубль бѣдняку, и давши велитъ лакеямъ вытолкать его, тотъ благотворитель. Кто разыграетъ лотерею въ пользу нищихъ, и съѣстъ за однимъ обѣдомъ четыре такихъ лотереи, тотъ добродѣтеленъ. Ну! Мы убьемъ человѣка, и велимъ Доктору лечить его. Докторъ лжетъ, увѣряя насъ, что онъ вылечитъ, а мы лжемъ передъ совѣстью, увѣряя, что ничего не пощадимъ для спасенія убитаго нами.

Княгиня улыбнулась.

«Да не смѣйтесь, по крайней мѣрѣ, Княгиня! Разумѣется, вамъ теперь смѣшно: передъ вами здоровый сынъ и дуракъ Докторъ, который откровенно признается, что вся его наука вздоръ, а самъ онъ глупецъ.

— Я просила уже васъ объяснить мнѣ причины вашего неудовольствія. Развѣ болѣзнь Эммы не прекратилась?

«Нѣтъ! она прекратилась; а впрочемъ, кто-же это знаетъ.

— Ваша дружба къ этой дѣвушкѣ увлекаетъ васъ, хотя нѣтъ никакой причины безпокоиться. Развѣ не случается быть нездоровымъ всякому изъ насъ? И если-бы каждый разъ Докто-

Digitized by Google

ра такъ боялись, какъ вы теперь, то на долго-ли станетъ ихъ? Мы, я и вы, исполнили весь долгъ нашъ къ Эммѣ: она была у меня какъ родная, и я готова стараться о будущей участи этой доброй дѣвушки.

«Что разумѣете вы подъ этими словами: стараться о будущей участи?

— А что-бы такое вы разумѣли?

«Я думаю, что возвышеніе духа, какое видѣли мы въ Эммѣ, не дается человѣку даромъ. Каждый негодяй, который вздумаетъ подняться изъ грязной кучи другихъ людей, получаетъ за это щелчекъ отъ судьбы; и бѣдная эта дѣвушка поплатится душею, или сердцемъ, за свое дерзкое возвышеніе.»

Докторъ выискивалъ выраженія, но не могъ найдти, и съ досадою сказалъ: «Просто, сынъ вашъ и Эмма любятъ другъ друга; и Эмма и сынъ вашъ могутъ погибнуть отъ этого.

Княгиня разсмѣялась. «Любезный Докторъ!» сказала она хладнокровно. «Вы знатокъ въ болѣзняхъ тѣла, но не души. Увѣряю васъ, что сердечная связь между сыномъ моимъ и Эммою —мечта, порожденная вашимъ воображеніемъ.

— Какъ: мечта? Вы пріучили меня, Княгиня, къ откровенному обхожденію. Я имѣлъ

Digitized by Google

счастіе оказать вамъ услугу. Странно, что я говорю теперь съ вами совсѣмъ не по медицинской части. Но съ кѣмъ-же и говорить мнѣ? Вы добры, вы умны — вы мать. И съ кѣмъ-же вамъ говорить? Около васъ такая.... такая сволочь, что.... мнѣ надобно съ вами говорить.

« Я привыкла къ откровенности вашей, Докторъ. Можете все говорить, даже и не по медицинской части; впрочемъ, предупреждаю васъ, что вы не знатокъ въ любви.

— Какъ-же не любовь это сначала тайное чувство, страхъ какой-то, который показывалъ сынъ вашъ? безпрекословное повиновеніе его.... ну! оно и должно было перейдти въ любовь....

« Ни сколько, Докторъ. Кто пойметъ, что имъ повелѣвали, что надъ нимъ имѣли власть по неволѣ—тотъ не можетъ любить.

— Ну! правда; положимъ, что правда. А если Эмма, передавшая ему душу свою....

« Сдѣлается такъ самолюбива, что влюбится въ душу свою, ему переданную?

— Можно-ли шутить!

« Но, что-же дѣлать мнѣ тогда?

Digitized by Google

— Я увѣренъ, что болѣзнь ея была слѣдствіе страшнаго душевнаго перелома! она любитъ!

« Развѣ она вамъ сказывала?

— Эмма станетъ сказывать? Эта дѣвушка станетъ сказывать? О, Княгиня! какъ вы не понимаете ея!

« Но неужели мнѣ должно, подвесши къ ней сына моего, и сказать ей: возьми его и женись на немъ, хоть онъ тебя не любитъ?

— Княгиня! ради Бога! это ужасно! За что-же она погубила себя? За что она спасла вашего сына?...и это-ли награда! Княгиня! душевныя болѣзни ужасны. Я исцѣлилъ Эмму отъ горячки, но душу ея—исцѣлитъ только Богъ....

« Предоставимъ-же все Ему.

— Да! надобно Ему предоставить судьбу твою, Ему, а не людямъ, бѣдная Эмма! Но, еще слово, Княгиня, и я, или поцѣлую ручку вашу съ такимъ-же благоговѣніемъ, съ какимъ Католики цѣлуютъ Папину туфлю, или....

« Я предвижу вашъ вопросъ: могла-ли-бы согласиться я на свадьбу сына моего съ Эммою, если-бы онъ любилъ ее? Поцѣлуйте-же съ благоговѣніемъ руку мою. Хоть это и походило-бы на Памелъ и Нанинъ—я согласилась-бы.

Digitized by Google

— И презрѣли-бы всѣ предразсудки вашей знатности?

« Вы почитаете меня какимъ-то исключеніемъ изъ людей!» смѣясь сказала Княгиня.

— Почти—думалъ Докторъ;—и ты не смѣялась-бы такъ, если-бы говорила правду.

Въ это время, вдали, въ залѣ показалась Эмма. Она шла тихо, блѣдная, слабая; румянецъ, яркимъ пятномъ былъ видѣнъ на обѣихъ щекахъ ея....не естественный румянецъ! предвѣстіе разрушительной болѣзни, которая такъ страшно терзаетъ человѣка внутри, когда наружно онъ кажется спокоенъ и здоровъ.

Княгиня пошла къ ней навстрѣчу, дружески взяла ее подъ руку, и тихо повела въ свою комнату, говоря: « Поздравляю васъ, милая Эмма, съ вашимъ выздоровленіемъ. Сядьте, сядьте; какъ вы себя чувствуете?

— Теперь хорошо, Княгиня. Я пришла поблагодарить васъ за всѣ ваши попеченія, за всю вашу нѣжность и заботливость.

« Можно-ли, милый другъ....

— Ахъ! не знаю, чѣмъ могу засвидѣтельствовать сердечную благодарность за одно то, что вы скрыли болѣзнь мою отъ дѣдушки и ба-

Digitized by Google

бушки! Бѣдные старики испугались-бы—они меня такъ любятъ....

« Конечно не болѣе того, какъ я люблю васъ, мой другъ.

Эмма поцѣловала руку Княгини.— Теперь, позвольте мнѣ просить васъ: отпустить меня къ моимъ роднымъ. Я не нужна вамъ болѣе; а не весело смотрѣть на больныхъ....

« Какъ? вы хотите, при вашей слабости, зимою, ѣхать въ Москву?

— Силъ у меня достанетъ.

« Только *достанетъ!* И за кого почитаете вы меня, Эмма! Мнѣ согласиться отпустить васъ, теперь? Никогда! Мы дождемся лѣта, проведемъ его вмѣстѣ.

— А потомъ, надобно-же разстаться? Ахъ! вы скоро забудете Эмму, если-бы я и осмѣлилась ласкаться надеждою, что заслужила вашу благосклонность.... Но, мнѣ тяжело разставаться съ вами: я такъ полюбила васъ...

Княгиня усмѣхнулась. « Полно-те говорить объ этомъ; думайте только о своемъ здоровьѣ. Не холодно-ли вамъ здѣсь? постойте, я принесу вамъ мою шаль....

— Вы безпокоитесь....

Digitized by Google

«Сидите, сидите, милый другъ!» Княгиня пошла въ другую комнату. Эмма осталась одна. Три недѣли она не выходила изъ своей комнаты, и осматривалась кругомъ. «Здѣсь все такъ-же, какъ было; а я? Какая перемѣна!» Въ это время, въ дальней комнатѣ раздались звуки фортепіано. «Это онъ!» думала Эмма. Играли бывшій тогда въ большой модѣ Польскій Огинскаго. «О! какіе звуки!» Эммѣ пришла въ голову исторія бѣднаго сочинителя, его страсть, горесть, которую услаждалъ онъ сочиненіемъ своихъ Польскихъ. «Поль! перестань, перестань!» готова была она закричать, хотя Князь не могъ слышать ея голоса. Но онъ въ самомъ дѣлѣ пересталъ. «Неужели воля моя еще имѣетъ надъ нимъ власть? Какъ-бы желала я теперь взглянуть на него....»

Три недѣли Эмма не видала молодаго Князя, не видала съ самаго вечера Княжескаго. Онъ ни разу не приходилъ посѣтить больную Эмму. Только Докторъ сказывалъ ей, что Князь здоровъ; что онъ не рѣдко катается въ саняхъ и играетъ съ нимъ на бильярдѣ; что онъ веселъ, но очень сожалѣетъ о болѣзни Эммы.

Длинная анфилада комнатъ открывалась передъ Эммою, и оканчивалась большимъ зеркаломъ, противъ котораго она сидѣла. «Боже! это онъ! онъ идетъ сюда; онъ еще *мой!*

Digitized by Google

Князь шелъ весело, насвистывая какую-то арію. Увидѣвъ Эмму, онъ, казалось, обрадовался, радостно подошелъ къ ней, и нѣсколько разъ поцѣловалъ ея руку, говоря: «Вы здоровы, милая Эмма? какъ я радъ, что вижу васъ....»

Какая перемѣна въ немъ и въ ней! Гдѣ эта прежняя повелительница Князя? Неужели это она, блѣдная, слабая, оробѣвшая, потупившая глаза? Неужели этотъ молодой, ловкій, невнимательный человѣкъ тотъ бѣдный сумасшедшій, который сидѣлъ въ углу, и молчалъ, не смѣя взглянуть на Эмму....

Княгиня вошла въ эту минуту, держа въ рукахъ шаль. Она остановилась на порогѣ, изумленная; внимательно, заботливо устремила она глаза на сына своего и на Эмму. Черезъ минуту, безпокойство ея разсѣялось. Она окутала шалью Эмму. Начался разговоръ.....

Бѣдная дѣвушка! Она думала: «Поль не перемѣнился; я несправедливо подозрѣвала его! И его-ли душа покорится этой Моинѣ, этой свѣтской вертушкѣ!» Эмма оживала. Князь сбирался кататься, но велѣлъ отложить санки. Онъ остался съ матерью и съ Эммою.

Digitized by Google

XV.

Какъ страненъ человѣкъ уступками въ своей жизни! Сколько богачей, лишившихся огромнаго состоянія, благодарили судьбу за бѣдную жизнь, оставленную имъ! Человѣкъ плыветъ на гордомъ кораблѣ, почитаетъ себя Царемъ стихій, досадуетъ на медленность бѣга своего; буря; корабль разбило въ щепы, и—царь стихій благословляетъ судьбу, что она выкинула его, полумертваго, на безплодный утесъ.

Бываетъ время какого-то страннаго состоянія человѣческаго, между счастіемъ и бѣдствіемъ, время какого-то самозабвенія, когда мы спрашимся сами себя, и не хотимъ ни оглянуться, ни взглянуть впередъ. Это время, когда тучи нависли отвсюду, и дождь уже капаетъ огромными, лѣнивыми каплями. Еще мгновеніе—тучи разорвутся, и дождь шумя сольется съ огнемъ молній и грохотомъ грома. Но, можетъ быть, не будетъ ни грома, ни молніи; лучи солнца пробьются сквозь мракъ тучъ; вихрь изорветъ ихъ, разбросаетъ по небу, и день кончится свѣтлымъ захожденіемъ солнца.

Такъ и въ нравственномъ мірѣ, и въ мірѣ страстей. Такъ было и съ Эммою. Безпечность свойственна человѣку; она дальняя родня наслажденію.

Digitized by Google

Молодой Князь С*** сдѣлался внимателенъ, даже изъявлялъ какую-то благодарность, какую-то нѣжность къ Эммѣ, и она оживала съ каждымъ днемъ.

Не думайте, чтобы Эмма, какъ опытная какая нибудь кокетка, надѣялась увлечь Князя въ сѣти свои. Нѣтъ! она радовалась, какъ дитя, не могла скрывать своей радости, когда онъ говорилъ съ нею привѣтливо, нѣжно, и — ничего болѣе она не требовала, даже страшилась требовать.

Не думайте, чтобы Эмма мечтала когда нибудь достигнуть, любовью Князя, исполненія какихъ нибудь честолюбивыхъ надеждъ! Мысль объ этомъ не касалась души ея.

Молодой Князь подходилъ къ Эммѣ съ какимъ-то чувствомъ благоговѣнія. Онъ не былъ еще испорченъ свѣтомъ; онъ былъ уже испытанъ несчастіемъ, и это несчастіе было для него грознымъ разоблачителемъ людскаго сердца. Онъ зналъ, чѣмъ былъ одолженъ Эммѣ. Ему пріятно было теперь, въ свой чередъ, усладить страданія Эммы своею услужливостью. Но онъ *не любилъ* Эммы.

Однажды, когда онъ и мать его, безотлучно надзиравшая за каждымъ движеніемъ сына, просидѣли съ Эммою цѣлый вечеръ,

Digitized by Google

Князь, возвратясь въ свою комнату, задумался, и сказалъ: «Какая умная дѣвушка!.... какая добрая!» прибавилъ онъ, подумавши нѣсколько. Если мы хвалимъ умъ, красоту, сердце—мы не любимъ. Кто любитъ, тотъ не хвалитъ, или хвалитъ именно то, что не хорошо. Онъ, какъ будто боится высказать людямъ, что̀ плѣняетъ его: это тайна влюбленнаго, и часто онъ самъ не умѣлъ-бы растолковать ея.—Въ этотъ вечеръ Эмма была чрезвычайно словоохотна: она такъ мило, такъ добродушно говорила о мірѣ, о людяхъ, о дружбѣ, о своемъ дѣтствѣ.

Княгиня ни сколько не была обезпокоена сближеніемъ сына съ Эммою. Она уже разгадала его душу.

Докторъ часто задумывался, нюхалъ табакъ, уходилъ справляться съ психологическими трактатами ученыхъ о любви, о дружбѣ, и хмурилъ брови.

Между тѣмъ, дни летѣли, снѣга таяли, зима умирала. Лѣса зазеленѣли. Рѣки разломали наконецъ ледяной черепъ свой; жаворонокъ запѣлъ надъ лугами. Докторъ безпокойно наблюдалъ пульсъ Эммы. Она была слаба. Повѣяла весна, и онъ предписалъ Эммѣ выѣзжать прогуливаться. Князь сопровождалъ ее въ этихъ прогулкахъ, галопируя подлѣ ея кабріолета.

Digitized by Google

Былъ прекрасный весенній день. Солнце ярко свѣтило; свѣжій вѣтерокъ вѣялъ сквозь растворенныя окна. Докторъ совѣтовалъ воспользоваться хорошею погодою и погулять. Эмма сѣла въ свой кабріолетъ. Она сама правила смирною лошадкою; Князь скакалъ подлѣ нея верхомъ; жокей слѣдовалъ за ними. Рѣшились ѣхать далеко; останавливались, любовались видами окрестностей; потомъ опять ѣхали далѣе. Наконецъ, Княжескій паркъ кончился—передъ гуляющими было обширное поле, съ перелѣсками.

На другой сторонѣ поля, между сосновымъ лѣсомъ появилась большая кавалькада дамъ и мужчинъ, верхами и въ экипажахъ. Они, казалось, всѣ были щегольски одѣты. Князь увидѣлъ ихъ, и умолкъ среди начатаго разговора.

Эмма съ изумленіемъ взглянула на него. Онъ остановилъ свою лошадь, и неподвижно смотрѣлъ на гулявшихъ вдали. Взглянувъ въ свой лорнетъ, Эмма узнала эту толпу: Моина ѣхала верхомъ, прелестно одѣтая; ее окружало много дамъ и мужчинъ, но только Моину разглядѣла Эмма. Этого было довольно. Вожжи едва не выпали изъ ея рукъ. «Князь! васъ замѣтили,» сказала она дрожащимъ голосомъ. Въ самомъ дѣлѣ, двое мужчинъ скакали черезъ

Digitized by Google

поле, прямо къ Князю. Всѣ гуляющіе осшановились.

Князь не ошвѣчалъ ни слова, споялъ неподвижно. Эмма повернула кабріолетъ свой снова въ паркъ, и погнала свою лошадку. Изъ перелѣска, гдѣ не могли видѣпь ея, она видѣла всѣхъ. Эмма осшановилась: Князь былъ уже окруженъ спутниками Моины. Она сама ловко подскакала къ нему.

Эмма погнала свою лошадку, гнала ее поспѣшно, быспро, переѣзжала съ одной дорожки на другую, сама не зная куда ѣдетъ. Свѣжій весенній воздухъ казался ей чѣмъ-шо ядовипымъ; пѣсня жаворонка звучала насмѣшкою надъ людьми. Наконецъ передъ ней широкая дорога. «Куда-же эша дорога?» спросила Эмма у жокея.

— Вы, сударыня, далеко заѣхали на право. Эша дорога въ . . . скую пустыню.

«Туда!» подумала Эмма. «Далеко-ли до пуспыни?»

— Верспы три.

«Мы еще застанемъ обѣдню?

— Кажись, застанемъ. Солнце еще не такъ высоко.

Digitized by Google

У монастырскихъ воротъ оставила Эмма экипажъ и жокея, и пошла въ церковь. Обѣдня уже кончилась. Въ придѣлѣ служили молебны. Въ другой придѣлъ вошла Эмма. Здѣсь, гдѣ она почитала себя никѣмъ невидимою, кромѣ Бога, упала она на колѣни, и слезы полились ручьями изъ глазъ ея; судорожныя рыданія вздымали ея грудь—она плакала, не молилась; ни слова, ни мысли не приходили ей въ голову.

Но Эмма не замѣчала, а подлѣ нея, невдалекѣ, стоялъ монахъ, и наблюдалъ за нею. Его блѣдное, желтое лицо, изрѣзанное глубокими морщинами, показывало, что не лѣта, но страданія убѣлили его волосы. Въ глазахъ его свѣтился умъ, видна была душа, непобѣжденная ни міромъ, ни бѣдствіями, но вся перешедшая въ упованіе, что за гробомъ есть міръ, есть другой міръ свѣта тихаго и незаходимаго. Этотъ взоръ ничего не могъ искать на землѣ.

Приклонивъ голову къ холодному столпу, одному изъ четырехъ, на которыхъ держался куполъ церкви, холодному, безмолвному свидѣтелю столькихъ слезъ человѣческихъ, Эмма едва не лишилась чувствъ. Монахъ подошелъ къ ней, и чистымъ Нѣмецкимъ языкомъ сказалъ ей: «Сударыня! вы нездоровы—побереги-

Digitized by Google

те себя.» Эмма съ изумленіемъ взглянула на монаха. Она узнала въ немъ Отца Паисія, духовника Княгини, благочестиваго инока, учредителя хора въ монастырѣ. Но до сихъ поръ, она думала видѣть въ немъ одно простое благочестіе, и никогда не слыхала отъ него рѣчей. Голосъ, тонъ разговора показали Эммѣ ея ошибку. Она увидѣла человѣка, образованнаго, бросившаго міръ, скрывшаго подъ иноческою рясою растерзанную душу свою, и вѣрою и благочестіемъ замѣнившаго надежды на бѣдное счастіе міра.

Эмма поспѣшно отерла слезы свои, встала, но оперлась о стѣну, шатаясь, едва не падая.

«Дочь моя!» сказалъ О. Паисій—голосъ его былъ голосъ отца— «если ты ищешь здѣсь утѣшенія, оставь всѣ условія міра, и предо мною, служителемъ Бога-Утѣшителя, будь младенчески открыта душею. Если грѣхъ тяготитъ тебя—я буду за тебя молиться, и напомню тебѣ, что Онъ приходилъ въ міръ не праведныхъ призывать на покаяніе, но спасти грѣшныхъ. Если бѣдствіе налегло на юную душу твою— въ словѣ Бога ты найдешь отраду скорбной душѣ. Но не отчаяніе, а надежда да будетъ твоимъ путеводителемъ.

— Отецъ мой! я Лютеранскаго исповѣданія.

«Что мнѣ за дѣло, на какомъ языкѣ и въ

Digitized by Google

какомъ храмѣ молишься ты Богу! Его отеческія объятія равно отверзты для всѣхъ; служитель алтаря равно пріемлетъ къ сердцу каждаго несчастливца, дочь моя.

— Я несчастлива, отецъ мой!—Слезы опять полились изъ глазъ Эммы.

«Выйдемъ отсюда. Свѣжій воздухъ оживитъ тебя; братія могутъ здѣсь замѣшать скорбь твою.

О. Паисій пошелъ изъ церкви; Эмма слѣдовала за нимъ невольно. Недалеко отъ церкви было кладбище, усаженное деревьями. Дерновыя скамейки сдѣланы были между могилами. Ихъ осѣняли деревья, едва зазеленѣвшія свѣжими листьями; молодая травка пробивалась на могилахъ, между изсохшею прошлогоднею травою.

Здѣсь, подлѣ одной могилы, на которой рука времени уже разломала надгробный камень, сѣла Эмма, и свѣжій воздухъ оживилъ ее. Она оглядѣлась кругомъ: монастырская ограда, храмъ Божій, могилы, благочестивый, посѣдѣлый инокъ. Недалеко оттуда тянулся рядъ келлій; нѣсколько пришельцевъ въ пустыню, отдыхали на могилахъ, безпечно, беззаботно. Дитя играло тутъ подлѣ бѣдной какой-то женщины, уснувшей отъ усталости. Старикъ,

Digitized by Google

товарищъ богомолки, развязавъ свою котомку, вынималъ изъ нея куски черстваго хлѣба. Эмма взглянула на небо: оно было распростерто надъ нею, свѣтлое, весеннее, оживленное роями птичекъ, мелькавшихъ по поднебесью. Эмма вспомнила, что такое-же свѣтлое небо было распростерто надъ нею, когда она въ первый разъ увидѣла сумасшедшаго Князя. Но тогда, какъ высоко стояла она надъ міромъ!—Ее окружали родные, въ мирномъ пріютѣ своемъ. А теперь она одна, среди могилъ, растерзанная, униженная міромъ....

— Дочь моя!— сказалъ ей О. Паисій, когда Эмма отдохнула немного, и плакала, уже не въ отчаяніи, но тихо, облегчительно — дочь моя! забудь во мнѣ инока. Не думай встрѣтишь во мнѣ грознаго судію твоей совѣсти, твоей души. Ты видишь человѣка. Тотъ, Кто Самъ плакивалъ кровавыми слезами, Кто умирая за міръ, былъ напоенъ горечью, Тотъ призываетъ къ себѣ только бѣдствующихъ. Я испыталъ страданія; я былъ обольщаемъ великими надеждами — я знаю міръ и скорби его — скорби страшныя, отъ которыхъ и теперь болитъ душа моя, и которыя забываются только въ могилѣ. Я терялъ милыхъ сердцу, былъ унижаемъ, отчаявался....

Онъ умолкъ. «Отецъ мой! вы меня знаете» — могла только одно отвѣчать Эмма.

Digitized by Google

— Знаю, болѣе нежели ты думаешь. Твоя душа чиста. Никакая тайна твоей покровительницы, Княгини, не скрыта отъ меня. Бѣдная жертва судьбы непостижимой! Чего ищешь ты въ мірѣ? Твое счастіе погибло. Мудрость человѣческая запуталась въ твоей судьбѣ; она оторвала тебя отъ назначенія твоего — тихо провести вѣкъ въ кругу смиренныхъ родныхъ и друзей — и бросила въ величіе, знатность, великолѣпіе....

— Отецъ мой! не я пришла въ этотъ чужой мнѣ міръ....

« Зачѣмъ-же остаешься ты въ немъ, когда видишь, что онъ не твой?

— Куда-же убѣгу я!

« Туда, гдѣ тихо протекло твое дѣтство. Удались отсюда, дочь моя: ты здѣсь чужая — тамъ родная.

— Могу-ли возвратить мое прежнее спокойствіе, мою дѣтскую беззаботность....

« Ты удалишься бѣдствующею, но чистою, страдающею, но въ мирѣ съ Богомъ. Неужели не видишь ты, что если еще останешься здѣсь, то демонъ страстей начнетъ рыть въ сердцѣ твоемъ могилу для твоей погибели? Твое чистое чувство, въ которомъ никто не посмѣ-

Digitized by Google

етъ теперь обвинять тебя, потускнѣетъ въ бурѣ страстей. Ревность, зависть, ненависть овладѣютъ тобою. Спаси себя, дочь моя! Смотри въ свою душу и береги чистоту ея. Кто принесетъ растерзанное сердце къ престолу Бога— тотъ будетъ намъ сыномъ; но сердцу, ошемненному страстями, если и не падшему въ преступленіе, престолъ Бога явитъ сѣдалище грознаго судій. Пусть будутъ виновны предъ тобою люди: они отвѣчаютъ за то Богу— не будь виновна передъ ними.

— Слова ваши, отецъ мой, терзаютъ душу мою! Подкрѣпите меня....

И умилительная бесѣда была продолжительна между Эммою и благочестивымъ инокомъ. Всю душу свою открыла ему Эмма, и всѣ утѣшенія вѣры и надежды онъ пролилъ на сердце ея, растерзанное любовью.

Благоговѣйно поцѣловала руку его Эмма, и тихо отправилась въ Княжескую деревню. Здѣсь встрѣтило ее большое движеніе: нѣсколько экипажей и верховыхъ лошадей стояло во дворѣ. Она узнала, что Княгиня собирается ѣхать въ гости. Нѣсколько человѣкъ сосѣдей шумѣли въ бильярдной. Эмма прошла въ свою комнату по заднему крыльцу. Ей сказали, что Княгиня давно спрашивала ее. Эмма чувствовала себя

Digitized by Google

упомленною, но готовою на все. Ей казалось, что Княгиня зоветъ ее сказать ей роковое какое нибудь рѣшеніе. «Боже! я готова!» сказала Эмма, обративши взоры къ образу и сложивъ на груди руки. Она оправилась и пошла къ Княгинѣ. Румянецъ былъ видѣнъ на щекахъ ея отъ прогулки, и отъ всего, что чувствовала и слышала она въ это утро.

XVI.

— Вы загулялись, милый другъ—сказала Эммѣ Княгиня — и я начинала безпокоиться о васъ. Какой вѣтренникъ этотъ Поль: оставилъ васъ, уѣхалъ къ Графинѣ N. N., и прислалъ сказать, что вамъ пробудетъ цѣлый день.

«Мы встрѣтили Графиню съ большимъ обществомъ. Мнѣ не хотѣлось, чтобы меня замѣтили, и я оставила Князя, рѣшась еще поѣздить на свѣжемъ воздухѣ.

— И очень хорошо сдѣлали. Посмотрите, какъ разцвѣли розы на щечкахъ вашихъ.

Эмма горестно улыбнулась. Княгиня не замѣтила ея улыбки, примѣривая бриллiантовыя серьги передъ зеркаломъ.

— Вы и меня взманили гулять—сказала она. — Мы ѣдемъ обѣдать къ сосѣдамъ нашимъ В. В.

Digitized by Google

« Мнѣ позволите вы остаться дома?» съ безпокойствомъ спросила Эмма.

— Думаю, что вамъ нужно теперь всего болѣе спокойствіе, а тамъ будетъ толпа народа.

— Княгиня расположилась на своемъ диванѣ, и посадила подлѣ себя Эмму.

— Я знаю, милый другъ—сказала она — что вамъ въ тягость шумъ и большой свѣтъ. Вы любите уединеніе, тишину семейной жизни, домашнее счастіе. Ахъ! кто-бы не промѣнялъ на это самой блестящей доли. Какъ грустно смотрѣть на людей, которыхъ рожденіе и воспитаніе увлекаютъ въ свѣтъ! Какъ часто, смотря на васъ, я думала даже о себѣ самой...

« Вамъ-ли говорить это, Княгиня!

— Почему-жь не говорить мнѣ? Я чувствую, что не рождена для большаго свѣта, и только званіе и воспитаніе сдѣлали его для меня сноснымъ. Вы знаете моего мужа: могъ-ли онъ составить мое счастіе?

Откровенность Княгини изумила Эмму.

— И потомъ, потеря дѣтей, болѣзнь одного, оставшагося мнѣ сына!... Я могла-бы осчастливить человѣка съ душою и сердцемъ, милый другъ; я была-бы готова отдать за это

Digitized by Google

многое. Судьба лишила меня всѣхъ средствъ жертвовать чѣмъ нибудь для людей, милыхъ мнѣ; а что̀ можетъ замѣнить наслажденіе такимъ пожертвованіемъ.

«Пожертвованіемъ?» думала Эмма въ недоумѣніи.

— Воображаю себѣ: какое небесное чувство должно наполнять душу, напримѣръ, той дѣвушки, которая для счастія своихъ ближнихъ, своихъ родныхъ, рѣшилась-бы пожертвовать какою нибудь безразсудною страстью; промѣнять мимолетное наслажденіе на прочное добро; замѣнить прихоть воображенія постояннымъ наслажденіемъ добродѣтели и тихой радости.

Эмма чувствовала лихорадочную дрожь по всему тѣлу.

Княгиня не смотрѣла на Эмму, казалась задумчивою, и перебирая въ рукахъ золотую цѣпочку, на которой были дорогіе часы ея, продолжала говорить:

— Мнѣ надобно посовѣтоваться съ вами о важномъ дѣлѣ, милая Эмма. Посовѣтоваться; не совѣтовать хочу я вамъ. Вы знаете, что я привыкла любить васъ, какъ дочь.

«*Дочь!*» Эмма вздрогнула при этомъ словѣ.

Digitized by Google

— Вы привязали меня къ себѣ вашимъ милымъ сердцемъ, вашею душою, чистою и прекрасною. Вы, конечно, не замѣтили въ домѣ моемъ никакой разницы прошивъ родственной любви вашихъ добрыхъ родныхъ; вы были мнѣ подругою въ моей скорби, и все, что могла я дѣлать для вашего удовольствія, я дѣлала...

Эмма подняла глаза. Взоры ея обратились на эстампы, разставленные надъ диваномъ, и остановились на одномъ большомъ, превосходномъ эстампѣ. Тутъ изображенъ былъ Данте, изгнанникъ изъ отчизны, мрачный, угрюмый бѣглецъ. Онъ стоялъ, въ бѣдной одеждѣ, на первой ступенькѣ великолѣпнаго крыльца, ведущаго въ какой-то огромный дворецъ; странническій посохъ былъ въ рукѣ его; волосы его развѣвалъ вѣтеръ чужбины, и устна его только что не произносили словъ, выгравированныхъ внизу эстампа:

Tu proverai si come sà di sale
Lo pane altrui, e come è duro calle
Lo scendere e l'salir per l'altrui scale (*)....

(*) Ты испытаешь на себѣ, какъ солонъ чужой хлѣбъ, и какъ тяжело всходить на чужое крыльцо и сходить съ него...

Digitized by Google

— Княгиня! скажите, къ чему угодно вамъ говорить все это? Какое пожертвованіе отъ меня надобно? Что должна я сдѣлать — для чьего-бы то ни было спокойствія, счастія....

« Этого надѣялась я отъ васъ, милый другъ, и потому заботилась устроить будущую судьбу вашу. Я знаю состояніе вашихъ родныхъ....

— Развѣ я требовала отъ васъ чего-нибудь и когда нибудь, Княгиня?

« О Боже мой! Къ тому-ли говорю я это? Вашъ дѣдушка старъ; братцы ваши еще такъ малы; вы должны будете заботиться объ ихъ участи, но можете-ли вы сдѣлать это, вы, дѣвушка, одинокая....

— Есть Отецъ сиротъ, Княгиня....

« Благочестивая мысль. Но мы живемъ не въ вѣкъ чудесъ, милый другъ мой. Вамъ надобно избрать себѣ надежнаго покровителя....» Княгиня помолчала съ минуту. « Вы знаете нашего почтеннаго знакомаго, Полковника Доброва? вы видѣли его раза три у насъ въ домѣ. Онъ предлагаетъ вамъ свою руку.

— Великій Боже!—думала Эмма.— Я была готова на все; но—я человѣкъ! Это слишкомъ, Творецъ, Спаситель мой! Есть мѣра всему, есть предѣлъ всему, кромѣ Твоего милосердія.

Digitized by Google

Полковникъ Добровъ былъ сорокалѣтній вдовецъ, богатый помѣщикъ . . . . ской губерніи. Потерявъ первую жену свою, онъ отказался отъ службы, и жилъ нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ, занимаясь воспитаніемъ своего маленькаго сына. Не знаю, наскучивъ-ли уединеніемъ, или по дѣламъ какимъ, онъ пріѣхалъ въ Москву, и посѣтилъ Князя лѣтомъ въ деревнѣ. Послѣ того онъ пріѣзжалъ еще разъ, говоря, что рѣшился провести зиму въ Москвѣ. Въ третій разъ пріѣхалъ онъ, и долго говорилъ съ Эммою о погодѣ, о Нѣмецкой Литтературѣ, о ея дѣдушкѣ. Черезъ недѣлю Княгиня получила отъ него хорошо переписанное письмо, содержаніе котораго мы теперь знаемъ.

Эмма молчала, а Княгиня распространилась о любви Полковника къ первой женѣ его, о прекрасномъ его сосшояніи, о томъ, что онъ устроитъ будущую судьбу братьевъ Эммы.

Эмма не плакала. Княгиня кончила тѣмъ, что рѣшилась взглянуть на нее. Эмма была блѣдна, но спокойна; она даже улыбнулась.

— Позвольте мнѣ, Княгиня, обыкновенный отвѣтъ невѣсты. Я слыхала, что дѣвушки всегда отвѣчаютъ на предложенія, подобныя вашему: мнѣ надобно подумать.

« Разумѣется, милая Эмма. Моихъ словъ вы, конечно, не ожидали.

Digitized by Google

— Признаюсь.—Эмма встала и хотѣла идти.

« Да, кстати, милый другъ; не будете-ли вы писать къ вашимъ въ Москву? Сей часъ ѣдетъ туда нашъ обыкновенный посланникъ.

— Буду писать. Мнѣ необходимо надобно писать къ своимъ.

Княгиня осталась одна, нахмурила брови, и отирала потъ батистовымъ своимъ платкомъ. « Тяжелая обязанность матери!» шептала она.

Эмма остановилась на порогѣ своей комнаты. « Ты будешь гробомъ моимъ!» подумала она, обозрѣвая свою комнату. « Черезъ этотъ порогъ мнѣ уже не переходить болѣе.»

Она сѣла къ столику, и написала слѣдующія строчки:

« Фанни! Если ты меня любишь, если ты любишь своего Теобальда, поспѣши пріѣхать ко мнѣ, чтобы не умереть мнѣ на чужихъ рукахъ. Попроси своего Теобальда сходить къ дѣдушкѣ, приготовить его къ вѣсти о моей смерти, и пріѣхать съ нимъ вмѣстѣ сюда. Но сама пріѣзжай прежде ихъ. Поспѣши, Фанни, ради Бога, поспѣши!....»

— Отдай эту записочку по адресу, и вотъ тебѣ на водку; только не задержи и отдай ее тотчасъ по пріѣздѣ въ Москву. Мнѣ это очень нужно.

Digitized by Google

Твердо проговорила все это Эмма посланному въ Москву. Она сѣла послѣ того къ окну, и смотрѣла, какъ подъѣзжалъ экипажъ Княгини. На самыхъ этихъ вороныхъ коняхъ она пріѣхала съ Княгинею изъ Москвы.

XVII.

Княгиня возвратилась домой поздно. Когда на другой день проснулась она, Аграфена доложила ей, что барышня Эмма Ивановна вчерашній день опять занемогла, и, кажется, очень сильно.

— Для чего-жъ ты, дура, не сказала мнѣ этого вчера, когда я пріѣхала?

« Я не хотѣла безпокоить Ваше Сіятельство.»

Княгиня оставила свой завтракъ, и пошла въ комнату Эммы.

Передъ этою комнатою встрѣтилъ ее Докторъ, только что оставившій Эмму. Онъ всю ночь просидѣлъ у ея кровати.

— Что ваша больная? — поспѣшно спросила его Княгиня.

« Ничего; ей теперь лучше. Не безпокойте ея, Княгиня.

— Мнѣ надобно ее видѣть.

Digitized by Google

«Для чего-же, Княгиня? Она теперь спокойнѣе, и проситъ послать за духовникомъ вашимъ, монахомъ Паисіемъ. Да, она еще просила меня извинить ее передъ вами, что причиняетъ вамъ столько непріятностей своею болѣзнію. Прикажите поскорѣе послать за этимъ монахомъ; а что касается до безпокойствъ, причиненныхъ вамъ нездоровьемъ Эммы, то они продолжатся не много времени. Эмма не проживетъ до вечера.

— Любезный Докторъ!...

«Да, на этотъ разъ, наука меня не обманетъ....

Княгиня не въ силахъ была ни идти къ Эммѣ, ни говорить. Она пошла въ свой будуаръ. Старый Князь вспрѣгнилъ ее въ залѣ.

— Правда-ли, что наша Нѣмка отчаянно больна, и умираетъ?—спросилъ онъ.

«Да,» отвѣчала Княгиня.

— Какъ скучно! Филька! вели заложить мою карету.—Adieu, ma chère! я ѣду въ Москву.

«Теперь?

— Да, ты знаешь, что я терпѣть не могу мертвыхъ, и теряю сонъ и аппетитъ, когда въ домѣ есть покойникъ.

Digitized by Google

Черезъ часъ загремѣлъ экипажъ Княжескій, и въ самыхъ воротахъ столкнулся съ старинными дрожками, на которыхъ пріѣхалъ духовникъ Княгини.

Инока ввели въ комнату Эммы. Больная сидѣла въ большихъ креслахъ, противъ окна, обложенная подушками.

« Отецъ мой! » сказала ему Эмма, слабымъ, едва слышнымъ голосомъ. « Теперь скоро кончится все: и борьба, и страданіе. Одна просьба къ вамъ, моему послѣднему утѣшителю на землѣ: совершите надо мною святое таинство обращенія въ Православную вѣру, и, заклинаю васъ, упросите Княгиню, чтобы меня похоронили на здѣшнемъ сельскомъ кладбищѣ.

— Дочь моя! благословенно твое желаніе, и Святая Церковь Православная всегда готова принять прибѣгающаго къ ней. Но что за мысль о кладбищѣ....

« Неужели это грѣхъ? Здѣсь положены его предки... здѣсь положатъ и *его*, гдѣ-бы онъ ни умеръ, и сколько-бы еще лѣтъ ни прожилъ. Боже! дай ему жизнь долголѣтнюю и счастливую; но придетъ и его череда. Бренныя кости мои возрадуются, что на одной Божіей нивѣ возстанемъ мы нѣкогда—возстану я, не упрекать его, но встрѣтить взоромъ святой люб-

Digitized by Google

ви, котораго не узнаешь ему въ здѣшней жизни; возстанешъ и онъ — не отвергнешь меня, но вмѣстѣ приблизишься къ трону Любви безконечной.»

Благочестивый инокъ не могъ удержать слезъ своихъ. Онъ положилъ обѣ руки на голову Эммы, и молился о ней....

Едва кончился обрядъ муропомазанія, и Эмма причастилась Св. Таинъ, когда тихо вошла въ комнату Фанни, и со слезами упала у ногъ своей подруги.

«Неужели и дѣдушка пріѣхалъ съ тобою?» спросила Эмма безпокойно.

— Нѣтъ, я одна.

«Слава Богу! я не дождусь его, если онъ пріѣдетъ завтра.... Сядь здѣсь, подлѣ меня, Фанни; подвинь мои кресла сюда, поближе къ окну.» Всѣ оставили комнату; Фанни сѣла подлѣ своей подруги.

«Фанни! дай мнѣ свою руку. Счастлива-ли ты, Фанни, съ твоимъ Теобальдомъ?

— О, милый другъ мой!

«Фанни! если старикъ мой не переживетъ моей смерти—будь мастерью братьевъ моихъ...

— Живи, милый другъ, подумай о насъ!

Digitized by Google

«Нѣтъ! земное уже исчезло для глазъ моихъ.... Но, Фанни, посмотри— мои взоры помнѣютъ — кажется, это верховую лошадь ведутъ по двору.... Онъ ѣдетъ куда нибудь! Еще разъ увидѣть его..... Фанни! пошли къ Полю кого нибудь, сказать, что я желала-бы видѣть его, поговорить съ нимъ....

XVIII.

Молодой Князь былъ въ своей комнатѣ, совсѣмъ одѣтый для прогулки. Другой какой-то молодой человѣкъ стоялъ подлѣ него. Они смѣялись и разговаривали другъ съ другомъ.

— Время проходитъ, Поль; насъ ждутъ; поторопись! готова-ли твоя лошадь? Какой ты неразвязный! Все какъ будто прежняя дурь осталась въ твоей головѣ!

Вошелъ лакей Княгини.

— Что ты?

«Барышня Эмма Ивановна приказала васъ просить къ себѣ поскорѣе; ей, приказала сказать, крайняя нужда видѣться съ вами.

— Что такое, Поль? Какая барышня Эмма Ивановна?

«Компаньёнка маменьки.

Digitized by Google

— Да что у тебя съ ней за дѣла? Поль! что это такое?

Молодой Князь покраснѣлъ отъ двусмысленнаго взора своего товарища.

— Вздоръ! я тебя не отпущу. Что за ребячество! что за любовь въ домашнемъ уголкѣ! что за романы!

«Ничего; оставь свои глупыя подозрѣнія.

— Ну! такъ вели сказать ей....

«Она опять больна, говорятъ?» спросилъ Князь у лакея.

— Очень, говорятъ, нездорова, Ваше Сіятельство.

«Ну, такъ ты что за лекарь? Вздоръ! Если и были какія нибудь сплетни — пріѣдешь еще, и тогда можешь прощаться и плакать.

Да, развѣ она очень нездорова?

«Не могу знать, Ваше Сіятельство.

— Чего тутъ толковать! Скажи, что ты уѣхалъ. Человѣкъ! поди, скажи, что ты не засталъ уже Князя. Не правда-ли, Поль?

«Да, да!

Digitized by Google

Эмма печально улыбнулась, когда ей принесли опѣтъ Князя. Она подняла руку, и указывая въ окно, сказала Фанни: «А вонъ, видишь-ли, Фанни, ему только теперь подвели лошадь его—дай мнѣ лорнетъ — это онъ, кажется, идетъ по двору.... Боже!... когда онъ воротится, ему скажутъ, что Эммы нѣтъ уже болѣе.... Прости, Поль, прости!...

Она сложила руки и закрыла глаза свои. Фанни спѣшила позвать Доктора. Онъ вошелъ, и молча, сложивъ крестъ на крестъ руки на груди, смотрѣлъ на Эмму. Смертная блѣдность уже обхватила губы ея; пальцы ея холодѣли.... Веселая ласточка прилетѣла въ это время на окошко, запѣла, защебетала, вспорхнула, и—съ ея отлетомъ не спало Эммы. Фанни рыдала, цѣлуя охолодѣвшее тѣло ея. Дверь растворилась. Отецъ Паисій вошелъ въ комнату; за нимъ шла Княгиня. И онъ и она остановились въ изумленіи. Въ другой комнатѣ столпились люди Княжескіе. «Умерла, умерла!» говорили они.

«Умерла! Кто умеръ? Моя Эмма?» раздался среди ихъ шепота раздирающій душу вопль. Всѣ посторонились: сѣдой старикъ, въ безпорядкѣ, въ дорожной одеждѣ, покрытой

Digitized by Google

пылью, поспѣшно шелъ, поддерживаемый какимъ-то молодымъ человѣкомъ — это были дѣдушка Эммы и Теобальдъ.

Священна горесть каждаго, кто потерялъ милаго сердцу; но терзательна горесть старика, теряющаго милаго сына, добрую дочь— невыносимо зрѣлище такой горести старца, переживающаго послѣднія надежды свои....

« Эмма ! » воскликнулъ онъ, всплеснувъ руками. « Въ самомъ дѣлѣ умерла, умерла...»

Почти безъ чувствъ упалъ онъ въ руки Теобальда, который старался утѣшать его. Бѣдный старикъ зарыдалъ, горько зарыдалъ.

— Почтенный другъ !—началъ говорить ему Докторъ.— Неужели вы полагаете, что менѣе васъ чувствуемъ мы потерю этого милаго, небеснаго созданія....

« Ты чувствуешь? ты, безчеловѣчный !» вскричалъ дѣдушка Эммы. « Не ты-ли вырвалъ ее у меня веселую, здоровую, милую, и теперь отдаешь мнѣ трупъ ея, не ты-ли, говорунъ заморскій, людоморъ ! »

— Я не ожидалъ такихъ упрековъ отъ васъ, М. Г., не ожидалъ—возразилъ Докторъ. — Мо-

Digitized by Google

жете говорить что угодно, но не укорять меня въ незнаніи или небрежности. Извольте посмотрѣть мои журналы болѣзни; я готовъ анатомить тѣло вашей внучки, и доказать, что болѣзнь ея была неизлечима, заключалась въ ея сердцѣ....

Дѣдушка не отвѣчалъ ему ничего: онъ обнялъ холодный трупъ Эммы, и плакалъ....

Слезы текутъ и высыхаютъ. И милое и дорогое сердцу человѣческому забывается.

Эмму похоронили на сельскомъ кладбищѣ, въ селѣ Княжескомъ, тамъ, гдѣ въ отдѣльномъ склепѣ лежали предки Князя С***, и мирно покоились вокругъ нихъ, принадлежавшіе имъ, крестьяне. Могилѣ Эммы отвели уединенный уголокъ на этомъ кладбищѣ.

Княгиня нѣсколько времени задумывалась, но потомъ задумчивость ея прошла. «Если и было какое пожертвованіе отъ этой бѣдной дѣвушки, то могла-ли я, мать, заботливая объ участи своего сына, поступить иначе?»

Участь сына! Знала-ли ты эту участь, близорукая смертная?

Digitized by Google

Наступалъ 1812-й годъ. Молодой Князь С*** вырвался изъ сѣтей своей обольстительной Моины, и не смотрѣлъ на слезы матери, которая плакала, но не смѣла уговаривать его остаться. Онъ вступилъ въ тотъ-же гусарскій полкъ, гдѣ служилъ прежде, и явился въ армію, когда она переходила съ Рязанской дороги на Калужскую, послѣ Московскаго пожара. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, въ Приказахъ стояли слова: «*Исключается изъ списковъ: Убитый въ сраженіи, ... скаго гусарскаго полка Корнетъ Князь С***.*» — Пуля Французскаго мародёра прекратила старинный Княжескій родъ.

Вѣрный слуга Князя, бывшій при немъ въ арміи, привезъ гробъ его, на простой крестьянской шѣлегѣ, въ деревню праотеческую.

Здѣсь все уже было опустошено, разграблено; вмѣсто великолѣпнаго Княжескаго дворца видны были однѣ обгорѣлыя развалины. Жители села разбѣжались; церковь сельская была ограблена, превращена въ конюшню; даже гробы предковъ Князя С*** были разрыты.

Вѣрный слуга, съ немногими крестьянами, рѣшился похоронить тѣло молодаго господина своего въ углу сельскаго кладбища. Сняли

Digitized by Google

рыть могилу, и дорылись до какого-то еще свѣжаго гроба.

— Кто-бишь шутъ былъ недавно похороненъ? — сказалъ одинъ изъ крестьянъ, опершись на заступъ.

«Вотъ, забылъ! А та Нѣмка молодая, что жила у Княгини, окрестилась и умерла здѣсь.

— А! да, да!

Порадовались-ли кости твои, Эмма? Привѣтно-ли встрѣтили онѣ своего сосѣда?

Могилы безотвѣтны живущимъ.

Н. П.

Digitized by Google

КРИТИКА.

Торквато Тассо. Большая Драматическая фантазія, въ стихахъ. Соч. Н. К. (Писана въ 1830 и 1831 годахъ.) Спб. 1833 г. Въ т. Н. Греча, VIII и 174 стр. in-8.

(Окончаніе.)

Кажется, можно безъ оговорокъ согласиться съ тѣмъ, что Гёте не былъ *только поэтъ*, какъ были только поэтами Данте, Тассъ, Байронъ. Геній Гёте вмѣщалъ въ себѣ что-то всеобщее, универсальное: вселенная была его символомъ. Онъ изумлялъ именно всеобщностью генія, въ которой нераздѣльно сливался въ немъ поэтъ, мыслитель, ученый человѣкъ. Потому ни одно изъ поэтическихъ созданій Гёте, отдѣльно взятое, не удовлетворяетъ насъ вполнѣ: его романъ, трагедія, комедія, поэма, показываютъ, что это суть созданія генія, столь великаго, что въ нихъ никакъ не могъ онъ весь выразиться; мимоходомъ, часть Гёте видите вы въ нихъ; онъ не высказываетъ вамъ себя безостаточно, безъ всякой тайной, сокрытой во глубинѣ души его, недостигаемой для васъ мысли. Только въ *Фаустѣ* Гёте сказался вполнѣ. Отъ того Фаустъ

Digitized by Google

его выражаетъ все, и ни къ какому роду частныхъ созданій причисленъ быть не можетъ.

Посему романы и драмы Гёте не были слѣдствіемъ безусловной, восторженной мысли, идеи, воспламеняющей все бывіе поэта. Это суть поэтическія рѣшенія задачъ, предложенныхъ геніемъ Гёте самому себѣ. При мѣлкомъ дарованіи, подобные опыты надъ собою будутъ смѣшны и жалки; при всеобъемлемости Гёте, изъ нихъ являлись созданія великія. Рядъ твореній, каковы: *Гёцъ фонъ Берлихингенъ*, *Эгмонтъ*, *Ифигенія*, *Вертеръ*, *Германъ и Доротея*, *Вильгельмъ Мейстеръ* — это не есть рядъ вдохновеній, насильственно колебавшихъ душу поэта, невольно увлекавшихъ его воображеніе, терзавшихъ его бывіе. Нѣтъ! это опыты ничѣмъ не побѣдимой силы могущаго генія: Гёте захотѣлъ сказать свою мысль о любви — пишетъ *Вертера*; рѣшился явить въ Германіи Историческую Драму Шекспира — пишетъ *Гёца фонъ Берлихингена*; вздумалъ показать примѣръ Драмы Древнихъ — создаетъ *Ифигенію*. Такъ и Драма его: *Торквато Тассъ*, была однимъ изъ подобныхъ предпріятій. Это идея, спокойно принятая въ душу генія, и воспроизведенная имъ въ изящной формѣ Искусства.

Примѣръ Гёте можетъ однакожъ доказывать, какъ опасна для человѣка подобная борьба съ природою. Мы сказали, что каждое, отдѣльно взятое созданіе Гёте, кромѣ *Фауста*, не удовлетворяетъ насъ. Не доказательство-ли это того, что Гёте, какъ человѣкъ, платитъ дань человѣческой ограниченности, конечности? «Великъ ты, но я тебя болѣе: я

Digitized by Google

безгранична, а вы только великъ!» говоритъ ему вселенная, и указываетъ предѣлъ его самобытности. Прочтите драму Шиллера: при всѣхъ несовершенствахъ ея, вы увлечены, вы ослѣплены. Чѣмъ? Тѣмъ, что поэтъ весь тутъ, весь, душею и тѣломъ, безъ всякой сокрытой отъ васъ мысли; онъ показалъ вамъ всю свою душу. И это самоотверженіе, это приношеніе на жертву самого себя, сближающее человѣка съ безконечностью, невольно увлечетъ и васъ безъ отчета. Но съ Гёте вы торгуетесь, такъ сказать; принуждены уступать ему, но и побѣжденные еще спорите за свое пораженіе. Гёте — это философъ, убѣждающій васъ умомъ; Шиллеръ — это фанатикъ, увлекающій своею безграничною вѣрою въ свою фантазію.

Да не подумаетъ кто-либо, что мы хотимъ сказать, будто Гёте *не былъ поэтъ*: онъ былъ болѣе нежели поэтъ. Онъ изображалъ собою идею всеобщности, когда другіе поэты суть идеи частности, разливающейся на всеобщность. Потому созданія Гёте дышатъ и очаровательною поэзіею, только поэзіею отъ Искусства переведенною въ природу. Въ Ифигеніи Гёте Грекъ, въ Гётѣ Шекспиръ. Но Эсхилъ и Шекспиръ жили всею своею жизнію въ своихъ созданіяхъ; а Гёте только оживотворялъ свои созданія духомъ своего генія. Прочтите Ифигенію въ Тавридѣ Эврипидову, и пьесу сего-же имени Гётеву, и вы поймете разницу, которая можетъ быть скорѣе понята, нежели объяснена.

Гёте хотѣлъ изобразить *любовь поэта*. Онъ ищетъ въ Исторіи: кого-бы облечь ему въ свою идею? Выборъ его падаетъ на Тасса. Не думайте,

Digitized by Google

чшобы Гёше хошѣлъ вамъ изобразишь *Торквата Тасса* — нѣшъ! Въ лицѣ своего героя онъ видѣлъ шолько ошпечашокъ заключеннаго въ душѣ идеала: эшо не *Торквато* — эшо Поэшъ, *великій Поэтъ Италіи*; судьба уничшожаешъ его геній любовью къ женщинѣ; будучи проширворѣчіемъ обществу, какъ поэшъ, онъ дѣлаешся проширворѣчіемъ его и по любви своей, ибо, забывая всѣ ошношенія мірскія, поэшъ любишъ Принцессу. Эшо другой Вершеръ: опять любовь, шолько перенесенная въ другія ошношенія. Изъ жизни Тасса Гёше берешъ посылки для своего силлогизма. Какъ долженъ былъ *онъ* любишь? Чшо *она* должна была думашь? Таковы вопросы. Гёше пушешествовалъ по Иша̀ліи, когда писалъ своего Тасса: передъ нимъ была гробница сего поэша. «Чшо̀ ощущалъ, чшо̀ чувсшвовалъ шы, Поэшъ?» думалъ, можешъ бышь, Гёше, облокошясь на хладные осшанки Тасса. И передъ нимъ возсшалъ онъ изъ гроба, лишенный всего мимолешнаго, шлѣющаго, ошносишельнаго. И все пересказалъ онъ Гёше, все, чшо происходило нѣкогда въ душѣ его. И эшо видѣніе поэша, Гёше изсѣкъ изъ мрамора, посшавивъ еще подлѣ него изображеніе какихъ-шо двухъ женщинъ и двухъ мужчинъ. Но сіи лица сушь посредсшвующія. Вниманіе сосредошочено на главномъ лицѣ, *Поэшѣ*. Другія шолько поясняюшъ намъ лицо его своими ошношеніями. И все эшо неподвижно по наружносши, какъ древній барельефъ, изображающій Эдипа, какъ сшашуя Лаокоонова. Но передъ вами произнесены слова: *Эдипъ*, *Лаокоонъ* — и вы ошкрываеше цѣлый міръ сшрасшей въ эшихъ неподвижныхъ фигурахъ; вся судьба Лаіева сына явна для васъ въ

Digitized by Google

мраморной статуѣ, изображающей старика слѣпца; всѣ бѣдствія Лаокоона жгутъ душу вашу въ статуѣ, изображающей обвитаго змѣями человѣка.

Люди, смотрѣвшіе на Гёшево сочиненіе какъ на *Романтическую Драму*: *Торквато Тассъ*, находили, что Гёте ошибся и противъ Исторіи, и противъ Поэзіи. *Тассъ*, *Альфонсъ*, *Элеонора* не таковы въ Исторіи. Согласны; но поставьте вмѣсто этихъ собственныхъ именъ: *Поэтъ*, *Герцогъ*, *Принцесса*, и вы узнаете всю прелесть Гёшева созданія: это полный объемъ любви Поэта, въ противоположности съ міромъ, и его условіями. Только, и болѣе ничего не ищите. И развѣ этого мало? Но Романтизмъ требуетъ подробностей, обстановки множествомъ лицъ. Почему-же *требуетъ?* Міръ внѣшній Гёте перенесъ въ душу Поэта, и его статуя выражаетъ сей многообразный міръ въ удивительной степени совершенства: это жизнь, окаменѣвшая по волѣ генія Гёшева.

Изъ сего слѣдуетъ однакожъ, что собственно не *Тасса*, но *свою идею* воплотилъ Гёте въ своей драмѣ? Да, и потому-то мы не войдемъ здѣсь въ изслѣдованія о томъ: до какой степени воспользовался Гёте историческою дѣйствительностію. Вопросъ: выразилъ-ли Гёте все, что могъ и хотѣлъ выразить въ своей Драмѣ? совсѣмъ не относится къ нашей цѣли. Посему (когда притомъ содержаніе Драмы Гёшевой составляетъ *разговоръ*, а не *дѣйствіе*) мы не будемъ входить здѣсь въ подробности ея содержанія. По нашему мнѣнію, это едва-ли не самое

Digitized by Google

прекрасное изъ драматическихъ созданій великаго Германскаго Поэта, и съ нимъ не сравнимъ мы его Гёца фонъ Берлихингенъ, забросаннаго подробностями, и похожаго на Историческія сцены, а не на Драму; не сравнимъ ни Эгмонта, слишкомъ мечтательнаго, ни Ифигеніи, слишкомъ подражательной. Гётевы изображенія Поэта, Герцога, Принцессы — это изображенія Дюреровы, во всей поэтической простотѣ Среднихъ Вѣковъ. Французъ Дюваль вздумалъ было передѣлывать драму Гёте для театра. Что-же онъ сдѣлалъ? Не чувствуя жизни, проникнувшей въ мраморъ, онъ раскрасилъ статуи Гётевы дѣйствіемъ, и изъ безсмертнаго изваянія вышло что-то похожее на восковую статую, раскрашенную красками и одѣтую въ вещи. — Надобно еще сказать, что стихи Гёте въ его Тассѣ очаровательны: это музыка. Если-бы вдругъ нашлись два геніяльные актера и одна геніяльная актриса для представленія Драмы Гётевой, и соединили-бы мимику съ его стихами, зрители ихъ игры могли-бы понять тайну Изящнаго, заключенную въ Ваяніи, и таинственную связь Ваянія, Музыки и Мимики. Драма Гёте врѣзывается въ душу при чтеніи, и неизгладимое впечатлѣніе остается послѣ нея въ душѣ читателя.

Но *это не Тассъ!* невольно восклицаете вы, кончивъ Драму Гёте. Мы хотимъ видѣть *не идеалъ Поэта*, но то, *что Поэзія можетъ сдѣлать изъ жизни Тасса*, Историческаго Тасса, съ его слабостями и безуміемъ, славою и позоромъ, его геніемъ и любовью, его тріумфомъ и темницею. Здѣсь открываетсяся то, что мы говорили выше: Драма Гё-

Digitized by Google

ше не удовлетворяетъ васъ, ибо она не Драма дѣйствительной жизни, но собственно Драматическая Эпопея, гдѣ жизнь возведена къ идеалу, а дѣйствительность даетъ только ей общія формы.

Драма Итальянскаго Поэта Розини: *Торкватто Тассъ*, изданная въ 1832 году, также не можетъ насъ удовлетворить, только совсѣмъ по другой причинѣ. Мы упоминали, что Розини, отличный писатель въ числѣ современныхъ Итальянскихъ Литтераторовъ, предварительно издалъ Историческія изслѣдованія о жизни Тасса. Никто лучше его не изъяснилъ причины заключенія Тасса въ домъ сумасшедшихъ, всѣхъ обстоятельствъ этого дѣла, и отношеній Тасса къ Феррарскому Герцогу и сестрѣ его. Розини отыскалъ много бывшихъ до него неизвѣстными стихотвореній Тасса, поясняющихъ всѣ подробности. Словомъ: теперь судьба и Исторія Тасса, послѣ труда Розини, сдѣлались совершенно понятны и ясны. Трудъ Розини увлекъ все его собственное вниманіе. Безчеловѣчная, жестокая гордость Альфонса; закованныя въ приличія свѣта и знатности чувства Элеоноры; ничтожная злоба, недостойныя хитрости и мѣлкія интриги современниковъ Тасса; противоположность жизни и поэзіи Тассовой, все это, изъясненное Розини, подало ему мысль облечь Тасса въ Драматическую форму.

И онъ написалъ *Историческую Драму*. Надобно сказать, что Драма Розини имѣетъ большія достоинства, и показываетъ великія дарованія Автора. Но, заключая въ себѣ только происшествія окончательныя: открытіе несчастной тайны Поэ-

Digitized by Google

та Альфонсу, коварство Герцога въ отмщеніи Тассу за его безразсудную страсть, и осужденіе Тасса, она не являетъ намъ Тасса вполнѣ. Гдѣ его слава? Гдѣ его бѣдствія? Гдѣ этотъ человѣкъ — изгнанникъ въ отрочествѣ, бѣднякъ въ юности, колодникъ среди всеобщаго восторга, произведеннаго его твореніями, сумасшедшій, когда ему дивилась Европа? Гдѣ лавровый вѣнокъ на его гробѣ? Розини умѣлъ создать прекрасную Драму, ни сколько не нарушая истины Исторіи. Заслуга великая. Характеры дѣйствующихъ лицъ въ его Драмѣ удивительно вѣрны. Снято покрывало и съ мнимаго покровительства Альфонсова, и съ безчувственной Элеоноры, хотя ея тайная дума любви, ея невольное чувство сострадания высказаны поразительно. Но какъ у Гёте является не Тассъ, но неопредѣленно *Поэтъ*, такъ у Розини Тассъ заключенъ въ слишкомъ тѣсную раму одного изъ періодовъ его жизни, и не выражается вся поэтическая жизнь его. Виденъ *человѣкъ*, но не Поэтъ *Торквато Тассъ*. Словомъ: Драмою досказалъ Розини только то, чего не позволила сказать ему Историческая точность его изслѣдованій. Тамъ, онъ былъ холодный повѣствователь; здѣсь онъ оживилъ Исторію Драматическою жизнію, и догадками Поэзіи дополнилъ, чего не домолвила Исторія. Вотъ краткое изложеніе сочиненія Розини:

Драма начинается пребываніемъ Тасса въ Урбино. Враги, въ его отсутствіе, дѣйствуютъ. Элеонора видитъ интриги ихъ, и сожалѣетъ о несчастномъ Поэтѣ. Ревнуя къ Гварини, Тассъ является въ Фер-

Digitized by Google

рару. Ливія, любимица Элеоноры, уличаетъ Тасса въ его безразсудствѣ. Притворная холодность Элеоноры, улика Ливіи и злоба враговъ приводятъ Тасса въ отчаяніе. Слѣдуетъ ссора его съ Маддало. Нерѣшительное состояніе Элеоноры, опечаленной сею ссорою.

Второе дѣйствіе изображаетъ похищеніе тайныхъ бумагъ Тасса. Поэтъ былъ согласенъ съ другомъ своимъ Рондинелли, и готовъ уничтожить ихъ. Но бумагъ нѣтъ. Тщетное стараніе друзей Тасса обнаружить злодѣйство враговъ его. Ничтожность Гварини и придворныхъ. Тассъ у Элеоноры. Сцена прелестная! «Чѣмъ оскорбила я васъ, Торквато,» говоритъ Принцесса, испуганная мрачнымъ видомъ своего брата, «чѣмъ оскорбила я васъ, что за двѣнадцать лѣтъ вѣрной и искренней дружбы, ваша безразсудность дѣлаетъ меня посмѣшищемъ Италіи и всего свѣта!» — Принцесса! вы ничего не скажете мнѣ, чего не сказало-бы мнѣ, прежде васъ мое растерзанное сердце! Никогда не осудите вы меня такъ жестоко, какъ осуждаю я самъ себя! — «Не ожидайте отъ меня осужденія... Но жертва необходима.» — Назначьте ее мнѣ! — «Вы должны удалиться.» — Я приготовился къ этому, Принцесса! я готовъ, и пришелъ проститься съ вами! — «Не ожидая на отъѣздъ вашъ моей воли, безсовѣстный человѣкъ!» — невольно вырывается изъ устъ Элеоноры. Тассъ едва не переходитъ отъ горести и отчаянія къ безумному восторгу и радости. Но является Альфонсъ. Онъ скрываетъ свое негодованіе. Дѣтское добродушіе Тасса въ

Digitized by Google

этой сценѣ плѣнительно. Альфонсъ заставляетъ его разсказать подробности поединка съ Маддало, и написать стихи, которые Маддало осмѣлился изъяснять не въ пользу Поэта. Тассъ пишетъ ихъ съ трепетомъ: въ стихахъ встрѣчается имя Элеоноры (Quando sarà che d'Eleonora venia)! « Но, что-же скажетъ Графъ Скандіано » — говоритъ усмѣхаясь Альфонсъ — « когда прочитаетъ такіе пламенные стихи, написанные къ его супругѣ? » — Тассъ обрадованъ такимъ нежданнымъ толкованіемъ Герцога, но Герцогъ видитъ его радость, и грозно даетъ разумѣть Тассу свои настоящія, ужасныя подозрѣнія. Тассъ остается съ Ливіею. Что это значитъ: знаетъ-ли Герцогъ все, или только подозрѣваетъ? И что теперь дѣлать: бѣжать, или остаться? — Тасса зовутъ отъ имени Альфонса въ Бель-Ригвардо. Тассъ повинуется. — « Готово-ли? » спрашиваетъ Альфонсъ, являясь въ концѣ дѣйствія, съ своимъ клевретомъ Кристо. — Готово — отвѣчаютъ ему.

Прекрасны сцены Тасса съ служителемъ, съ Элеонорою, съ Ливіею, съ придворными въ Бель-Ригвардо. Элеонора велитъ ему оставаться при Дворѣ брата; бѣгство можетъ погубить Тасса. Она еще не понимаетъ души Альфонса. Сцена, гдѣ Альфонсъ уличаетъ Тасса и осуждаетъ его на безуміе — превосходна! Выписываемъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, какъ пересказываетъ эту сцену одинъ изъ Французскихъ критиковъ.

« Здѣсь начинается главная и лучше всѣхъ отдѣланная сцена Драмы. Не уступая ни одной труд-

Digitized by Google

ности своего предмета, Авторъ побѣдилъ ихъ всѣ, и столь-же превосходенъ онъ здѣсь какъ поэтъ, и какъ историкъ. Между тѣмъ на эту сцену всего болѣе устремлялись Итальянскіе критики. « Хороша роль, которую играетъ въ этой сценѣ Герцогъ! » восклицаютъ они. Но какъ-же иначе? Развѣ не легче было заставить Тасса провозглашать что нибудь громко, дерзко, смѣло, а Альфонсу вложить въ уста фразы, изжеванныя театральными тиранами? Но гдѣ тогда будетъ истина? Честь Автору за естественность, и знаніе сердца человѣческаго и Исторіи, что все показываетъ намъ эта прекрасная сцена!

« Герцогъ начинаетъ притворною довѣренностью, ласковостью. « Природа здѣсь такова, какъ вы изобразили ее, » говоритъ онъ Тассу, прогуливаясь съ нимъ по дворцовому саду. « Никогда не вхожу я въ эти сады безъ воспоминанія о томъ, что они послужили вамъ для образца въ описаніи садовъ Армиды. Вотъ въ срединѣ Дворецъ; здѣсь лабиринтъ; тамъ водопадъ, плещущій волнами рѣки По. Насъ не будетъ, а Іерусалимъ вашъ переживетъ насъ, и о садахъ Бель-Ригвардо вспомнятъ по садамъ Армиды. » Вдругъ Альфонсъ останавливается, и замѣчаетъ угрюмо: « Только одно не нравится мнѣ у васъ: слишкомъ сладострастны картины, окружающія ваше изображеніе Армиды. Ихъ надобно передѣлать.

— Но Поэзія требуетъ...

« Причина, сильнѣе вашей Поэзіи, требуетъ другаго: вы двѣнадцать уже лѣтъ пользуетесь благо-

Digitized by Google

склонною дружбою моихъ сестеръ; что подумаютъ о нихъ, читая ваши описанія и образы, заставляющія краснѣть женщину? Невольно, мысль каждаго обратится къ тому, что въ дѣйствительной жизни окружало Поэта, и что онъ такъ мало уважилъ своею Поэзіею. Надобно уничтожить все это, говорю я вамъ.

— Но списки моей поэмы ходятъ по рукамъ...

«Это сдѣлано очень неосторожно.» Альфонсъ раскрываетъ далѣе свою мысль; невнимательно принимаетъ онъ стихи, сочиненные Тассомъ по случаю его новаго супружества. «О! вы знаете, что я всегда показывалъ вамъ все мое уваженіе, и *нѣкогда* вы оказывали его мнѣ. Вы говаривали, писали даже, что похвалы мои прибавили многое къ вашей славѣ. Стихи, теперь вами поднесенные, я прибавлю къ собранію другихъ прекрасныхъ стихотвореній вашихъ. Вотъ ихъ нѣсколько — порядочное собраніе.» Герцогъ начинаетъ перебирать свертокъ стиховъ Тасса. «Эти написаны были вами, кажется, въ честь Лауры, придворной дамы Герцогининой?»

— Да, Государь.

«А вотъ эти относятся къ Графинѣ Скандіано? Прелестно, прелестно! Но, какъ-то я не нахожу въ нихъ той истины чувства, которая видна въ стихахъ, вчера переписанныхъ вами въ комнатѣ моей сестры. А притомъ, что значитъ все это, что говорите вы о какихъ-то *страданіяхъ, продолжающихся три люстра*, о какой-то *знаменитой дамѣ*. Имя Элеоноры запутано у васъ въ таинственныя

Digitized by Google

фразы. Неужели вы думаете, что найдется глупецъ, который не угадаетъ, о какой *Элеонорѣ* вы осмѣливаетесь говорить?

— Но, кажется, эти стихи не противны глубокому почтенію, которое....

« Глубокому почтенію! А когда вы пишете о придворной дамѣ сестры моей: « *Лидія говоритъ со мною, но въ ея устахъ я слышу голосъ любви* » — развѣ это значитъ почтеніе, благоговѣніе ваше? И еще-ли не ясно, когда вы дерзнули сказать: « *Приди ко мнѣ, Лидія, посланница божества моего!*» Что вы: безумецъ, или дерзкій человѣкъ, или то и другое вмѣстѣ? »

Альфонсъ продолжаетъ перебирать стихи, и указываетъ на самыя неосторожныя выраженія Поэта. « Знаю,» говоритъ онъ, «знаю, что только ваше мечтательное воображеніе виновно во всѣхъ этихъ нелѣпостяхъ. Знайте и вы, что мнѣ извѣстенъ каждый шагъ вашъ, каждое ваше слово. И неужели вы этого до сихъ поръ не вѣдали? »

Терзаемый упреками, а еще болѣе совѣстью, Тассъ едва можетъ произнести только: « Накажите мою нескромность! »

— Нѣтъ! я прощаю ее, прощаю тому человѣку, который посвятилъ мнѣ Іерусалимъ; я признателенъ къ чести, вами мнѣ оказанной. Вы жестоко оскорбили меня, а я вамъ прощаю. Мы расплатились теперь, и дѣло кончено между нами. » Тассъ отдыхаетъ, хочетъ удалиться. «Остановитесь,» говоритъ

Digitized by Google

ему Альфонсъ — «кончено, но не все. Человѣкъ, котораго отличалъ я моею милостію, любилъ, покровительствовалъ! скажи, что̀ долженъ я думать вотъ объ этихъ стихахъ?» — Альфонсъ вынимаетъ бумажникъ съ тайными стихами, похищенный у Тасса. — Измѣна!—восклицаетъ Тассъ, въ отчаяніи. «Зачѣмъ смѣшиваешь слова? Кто отдалъ мнѣ этотъ бумажникъ, будетъ наказанъ, за то, *какъ* онъ досталъ его. Но стихи сами по себѣ, другое дѣло: они *твои*, и оскорбленная честь моя, гостепріимство, поруганное тобою, заставляютъ меня спросить, что̀ долженъ я обо всемъ этомъ думать?»

Тассъ не можетъ болѣе выдерживать, и пламенно сознается, что всѣ эти стихи писаны были къ Элеонорѣ. Поэтъ заступаетъ въ немъ мѣсто обыкновеннаго человѣка, восторгъ мѣсто разсудка. Но онъ падаетъ передъ Герцогомъ на колѣни, и проситъ прощенія.

— Тебя простить! когда каждый стихъ твой въ этихъ бредняхъ — глупость и ложь постыдная!

«Но по этому-то ваше великодушіе....

— Могу-ли быть великодушенъ, когда честь моя оскорблена — *честь Герцога Феррарскаго* — понимаешь-ли ты, несчастный?

«Вы видите мою скорбь, мое раскаяніе. Будьте милосерды, великодушны....

Альфонсъ вдругъ принимаетъ хладнокровный видъ.

«Сознаніе, раскаяніе, прощеніе. Но скажи, Торквато, въ чемъ-же мнѣ простить тебя?

Digitized by Google

— Въ чемъ, Государь? — Тассъ изумляется.

« Или ты не видишь, или притворяешься?

— Притворяюсь?

« Да, разумѣется притворяешься: въ полномъ умѣ не льзя сдѣлать подобной глупости.

— Что я слышу!

« Ты сошелъ съ ума, когда осмѣлился писать всѣ эти стихи.

— Я! Боже великій!

« Да, ты сошелъ съ ума. Пусть-же люди узнаютъ это и тѣмъ извиняютъ тебя въ твоемъ преступленіи. Пусть знаютъ они, что потому только я не наказалъ смертью твоей непростительной вины. Криспо! исполните мое повелѣніе. »

— Я сумасшедшій, я!

« Да, ты сумасшедшій, долженъ быть сумасшедшимъ, и — горе тебѣ, если свѣтъ усомнится въ твоемъ сумасшествіи! » . .

Вотъ истина, вотъ живой Альфонсъ, живой Тассъ! Это выхвачено изъ души человѣческой.

Все окончаніе Драмы Розини поддержано чрезвычайно хорошо. Криспо увлекаетъ несчастнаго Поэта, почти безчувственнаго. Монастырь Св. Франциска избранъ его тюрьмою; его станутъ лечить, какъ сумасшедшаго. Слухъ объ этомъ распространяется въ Феррарѣ. Элеонора узнаетъ ужасную истину. Она не скрываетъ своей горести, она едва можетъ скрыть свое тайное чувство, перешедшее въ скорбь нестерпимую. « Я погубила

Digitized by Google

его! Онъ хотѣлъ бѣжать.... зачѣмъ остановила я бѣднаго Тасса!» Тщетно Ливія говоритъ Принцессѣ объ оскорбленіи, какое наноситъ ея имени и званію поступокъ Тасса. «Онъ былъ еще такъ молодъ, когда писалъ эти глупые стихи, онъ любилъ и былъ молодъ, и неопытенъ....

— Не такъ говорили вы прежде, Ваша Свѣтлость.

«Прежде только опасность грозила ему; теперь онъ гибнетъ. Братъ отвергъ мои просьбы. Онъ сказалъ, что преступленіе Тасса заслуживаетъ смерть. Но онъ изобрѣлъ наказаніе хуже смерти!

— Что-же теперь дѣлать?

«Ничего! и это приводитъ меня въ отчаяніе!

Ливія напоминаетъ Принцессѣ, что она дочь Королевы Французской, и должна поддержать свое высокое достоинство. Рондинелли проситъ позволенія переговорить съ Принцессою. Онъ плачетъ и разсказываетъ о всегдашнемъ стараніи Тасса скрывать свои несчастные, тайные стихи, о вѣроломномъ похищеніи ихъ врагами Поэта. Рондинелли видѣлъ Тасса въ его заключеніи. «Мнѣ сказывали, что всю ночь несчастный другъ мой былъ тихъ, безмолвенъ, тяжко вздыхалъ, убитый горестью; но когда явился одинъ изъ враговъ его, порадовавшься его бѣдствію, Тассъ пришелъ въ неистовство. Едва увидѣлъ онъ меня, какъ бросился ко мнѣ, съ воплемъ: «Гдѣ ключикъ отъ моего ящичка?» Я отдалъ ему этотъ ключикъ, плакалъ и разсказалъ всѣ подробности похищенія бумагъ. Ваша Свѣтлость! заклинаю васъ: прекратите позоръ скорби, или вскорѣ

Digitized by Google

погибнешъ этотъ великій геній! Еще день, и Тассъ дѣйствительно сойдешъ съ ума, или умрешъ, Принцесса, умрешъ. . . .

Входитъ Гварини. Онъ пришелъ на отпускную аудіэнцію къ Элеонорѣ, отъѣзжая въ Мантуу, съ порученіемъ отъ Герцога. «Не будешъ-ли нескромностью вопросъ мой, Ваша Свѣтлость» — говоритъ Гварини — « правда-ли, что бѣдняжка Тассъ сошелъ съ ума, какъ всѣ говорятъ въ Феррарѣ?

—Нѣтъ! онъ не сошелъ съ ума — раздается ужасный голосъ — это гнусная клевета, и горе тому, кто повторитъ ее! — Тассъ произноситъ сіи слова и вторгается въ комнату, къ изумленію всѣхъ присутствующихъ.

Несчастный обманулъ бдительныхъ сторожей своихъ, бѣжалъ изъ своего заключенія. Платье, и волосы его въ безпорядкѣ; глаза горятъ; самъ не зная для чего, онъ бѣжалъ прямо въ отдѣленіе дворца, занимаемое Элеонорою. Онъ говоритъ теперь, движимый только отчаяніемъ своимъ. Рѣчь его пламенна, но безпорядочна. Крисно слѣдуетъ за нимъ, и слушаетъ его съ радостью и съ ужасомъ. « Могли, если хотѣли, отнять у меня почести, бѣдное имѣніе мое, ничтожную жизнь мою. Все это во власти тѣхъ, въ чьихъ рукахъ находится сила. Но разумъ, данный мнѣ Богомъ, но этотъ единственный признакъ небеснаго происхожденія человѣка — хотѣть отнять его у меня по волѣ тирана, унизить меня до состоянія безсмысленныхъ животныхъ? Никогда, никогда!

Digitized by Google

— Понимаете-ли—вы, говоритъ ему Криспо—какъ оскорбительны слова ваши для моего Государя?

« *Твоего*, но не моего — я не подвластенъ ему болѣе! Только исторгая жизнь мою, какъ исторгнулъ онъ у меня мою роковую тайну, твой Альфонсъ можетъ показать власть свою надо мною. Что-же? Поди, донеси ему, что говорю я, поспѣши донести!» Криспо уходитъ.

— Подумай о себѣ, Торквато—говоритъ ему Рондинелли, умоляющимъ голосомъ.

« Подумать! О чемъ? Для чего? Тогда надобно было мнѣ думать, когда, приглашаемый великодушнымъ Государемъ Савоіи, я отвергъ его предложенія, когда, обнадеживаемый милостями повелителя Тосканы, я не внималъ ни чему, и бросился въ Феррару, сюда, въ эту бездну, гдѣ я погибъ. И я открылъ ему мою тайну, преклонялся передъ нимъ.... О стыдъ! я просилъ у него прощенія! Но развѣ я преступникъ? И Альфонсъ, безсмертный по моей милости, былъ неумолимъ....

Элеонора и Ливія изъявляютъ свою горесть. Тассъ ничего не слышитъ. Съ трепетомъ глядитъ онъ на самого себя, на другихъ. — Отдайте мнѣ мой разумъ, отдайте мнѣ его, люди! Мнѣ далъ его Богъ и только онъ одинъ можетъ отнять его у меня. Бѣгу изъ Феррары; не ущѣшу моего непримиримаго врага моею горестью. А вы, божественная Принцесса, вы, чей образъ всегда останется въ моемъ сердцѣ, вы первая должны свидѣтельствовать противъ клеветы въ моемъ безуміи.

Digitized by Google

Пусть Италія знаетъ, что я раскаивался только въ моемъ униженіи передъ Альфонсомъ. Альфонсъ будетъ отвѣчать потомству. . . .

Криспо входитъ съ солдатами. «Вонъ отвѣтъ моего повелителя — въ домъ безумныхъ!»

Тасса влекутъ полу-безчувственнаго. «Не говори мнѣ объ утѣшеніи,» отвѣчаетъ Элеонора Ливіи — «это ускоритъ смерть мою. Онъ гибнетъ за то, что любилъ меня, какъ никто еще меня не любилъ. . . .

Горестный Рондинелли остается одинъ, и заключаетъ Драму словами: «Если и велико было оскорбленіе, то мщеніе безмѣрно и безчеловѣчно!»

Немногія выписки наши могутъ доказать сказанное нами о достоинствѣ Драмы Розини. Но онѣ-же доказываютъ и другое, что, что объемля немногое изъ жизни Тасса, показывая только связь несчастныхъ событій въ жизни его съ 1573-го до 1577 года, Драма Розини не можетъ быть названа полнымъ выраженіемъ Тасса и его жизни. Здѣсь видѣнъ онъ только какъ страдалецъ, какъ жертва, и притомъ остается еще семь лѣтъ его заключенія, и девять лѣтъ его остальной жизни. — Мы слышали, что Нѣмецкій Поэтъ Раупахъ написалъ Трагедію: *Смерть Тасса*. Вѣроятно, онъ изобразилъ въ ней послѣдніе годы жизни Торквато.

При свободѣ Романтизма, неужели вся жизнь Тасса, *весь онъ*, какъ поэтъ, какъ человѣкъ, не можетъ быть предметомъ Драмы? Почему-же

Digitized by Google

нѣтъ? — Искуство изберетъ такія точки, что въ нихъ соединятся годы, исчезнутъ ненужныя подробности, и поэзія дѣйствительной жизни Тасса сосредоточится, какъ лучи свѣта въ зажигательномъ зеркалѣ, въ одну точку, отъ которой загорятся участіемъ души зрителей и читателей.

Но, предполагая подобную мысль, не должно-ли притомъ предварительно сдѣлать нѣкоторыя условія съ поэтомъ, избирающимъ Тасса предметомъ своей Драмы, въ предположенномъ нами объемѣ?

Непремѣнно *должно*. И вотъ какія условія желали-бы мы заключить предварительно:

Онъ уразумѣетъ поэзію истины въ самомъ Тассѣ, его жизни, его вѣкѣ, его современникахъ.

Онъ не замѣнитъ сей поэзіи піитическою надутостью: не представитъ Альфонса театральнымъ шираномъ, или патріархальнымъ покровителемъ Поэзіи; не изобразитъ въ Тассѣ мечтателя, Нѣмецкаго студента, который разсыпаетъ душу въ восторженныхъ фразахъ; не покажетъ и въ Элеонорѣ страстной дѣвочки, говоруньи, съ мечтательною любовью, съ романическими восторгами, сладкими слезами. Онъ пойметъ Элеонору, какъ тридцатилѣтнюю женщину, Испанку, но Принцессу, и притомъ Принцессу XVI-го вѣка.

Онъ не замѣнитъ намъ *Драмы* звучными стихами, ни разительности Историческихъ событій яркими, но несбыточными картинами. Словомъ: онъ по-

Digitized by Google

кажетъ намъ *людей*, а не Китайскія тѣни, блестящія, но пустыя.

За то пусть воспользуется онъ всѣмъ, на что Романтизмъ развязалъ намъ руки: свободою дѣйствія, разрушеніемъ трехъ единствъ; пусть украситъ онъ свое созданіе цвѣтами души и сердца, и прозорливостью вымысла дополнитъ то, чего не досказываетъ Исторія.

Такія условія могъ услышать отъ насъ Г-нъ Кукольникъ, когда рѣшился онъ избрать предметомъ Драмы своей *Тасса*, въ самомъ обширномъ объемѣ, какъ поэта, какъ человѣка, какъ Итальянца XVI-го столѣтія, какъ историческое лицо, котораго дѣйствительную жизнь мы узнали и изслѣдовали. — Предполагаемъ, что нашъ договоръ былъ заключенъ, подписанъ, и, безъ всякихъ мѣлочныхъ оговорокъ (*), переходимъ прямо къ Драмѣ нашего соотечественника, и излагаемъ ея содержаніе.

(*) Мѣлочными *оговорками* называемъ мы скучную церемоніяльность многихъ критиковъ, которые прежде всего наговорятъ много словъ объ уваженіи, почтеніи, снисхожденіи; о томъ, что ихъ мнѣніе не есть мнѣніе всѣхъ, и проч. и проч., что все само по себѣ разумѣется. Мы не говоримъ и о томъ, что Г-нъ К. называетъ свое сочиненіе *Драматическою фантазіею*, а не просто *Драмою*; что слово *дѣйствіе*, замѣняетъ онъ словомъ *актъ*, и дѣлитъ дѣйствіе на *явленія*, а явленія на *выходы*. По наше-

Digitized by Google

Драма начинается сценою дѣтей Корнеліи, сестры Тассовой. Она живетъ въ Соренто, ничего не зная о бѣдственной участи брата, и думая, что Торквато ея наслаждается славою и счастливъ при Феррарскомъ Дворѣ. Является угрюмый незнакомецъ, принесшій письмо отъ Тасса, и извѣщающій объ его бѣдствіяхъ. Корнелія плачетъ — незнакомецъ открывается ей: это самъ Тассъ. Разговоръ, гдѣ поэтъ высказываетъ свою пылкую душу, странную любовь къ двумъ сестрамъ Герцога, Лукреціи и Элеонорѣ. Тассъ жалуется, что его гонятъ люди, почитаютъ сумасшедшимъ. Приходъ сосѣда Корнеліи доказываетъ справедливость общаго мнѣнія, что Торквато дѣйствительно помѣшанъ. Тассъ думаетъ, что ему не безопасно даже и у Корнеліи. Онъ бѣжитъ отъ нея тайно. До сихъ поръ мы темно узнаемъ, что Тассъ изгнанъ изъ Феррары. — Онъ близъ Везувія. Толпа нищихъ окружаетъ его. Они идутъ въ Феррару, на тор-

---

му мнѣнію, это старая погудка на новый ладъ. И что намъ до этого за дѣло? Говорите, вмѣсто: дѣйствіе—*актъ, день, отдѣленіе, книга;* вмѣсто: *явленіе—часъ, входъ, выходъ, глава.* Все хорошо, что хорошо, въ сущности. Пора-бы, кажется, бросить подобныя мѣлочи въ Литтературѣ, какъ брошены теперь въ общежитіи бѣлые галстухи, приговорка: *желаю здравствовать,* при чиханьи, розовая бумажка съ купидонами для billets-doux, *Милостивѣйшій* Государь въ началѣ писемъ, и пр. и пр.

Digitized by Google

жество новаго супружества Альфонсова. Тассъ отправляется съ ними.

Сцена въ Феррарѣ. Стихотворецъ Гаскано разговариваетъ съ Лукреціею, сестрою Альфонса. Узнаемъ ничтожность этого мѣлочнаго поэта и волокиты, и непріязнь Лукреціи къ Тассу. Входитъ Элеонора. Она страстно, пламенно любитъ Тасса; проситъ сестру ходатайствовать у брата о прощеніи его; проситъ о томъ-же самого Альфонса. Здѣсь добрый Герцогъ объясняетъ намъ, что Тассъ изгнанъ былъ изъ Феррары за любовь къ Элеонорѣ, и за признаніе въ этомъ. Онъ согласенъ однакожь простить его, но только, говоритъ онъ Элеонорѣ:

Ни единымъ словомъ,
Ни ласковымъ, ни грознымъ, не должна ты
Его дарить... Исполнишь-ли?

«*Исполню*,» отвѣчаетъ Элеонора. — Пріѣздъ невѣсты Герцога. Площадь; толпа народа. Среди нея, между нищими, Тассъ. Констанцини, другъ его, получилъ уже прощеніе ему отъ Альфонса. Тасса узнаютъ. Константини береетъ его къ себѣ въ домъ. Сцены торжества во дворцѣ. Приходъ Тасса. Лукреція оскорбляетъ его насмѣшками; Элеонора падаетъ въ обморокъ, увидѣвъ его. Тассъ впадаетъ въ сумасшествіе; онъ сражается съ Гаскано и убиваетъ этого бѣдняка. Альфонсъ, который до того приказывалъ «*просить къ нему Тасса*,» и шелъ на встрѣчу Поэта съ словами:

Digitized by Google

«*Великій Тассъ, мой Тассъ любезный*,» видитъ убійство, и — отсылаетъ Тасса въ домъ сумасшедшихъ! — Все это заключаетъ два дѣйствія.

Актъ третій. Прошло *семь* лѣтъ. Констанціи груститъ о судьбѣ Тасса, котораго никакъ не прощаетъ Альфонсъ. Элеонора умоляетъ его еще ходатайствовать, откровенно говоря:

Вы знаете любовь мою къ Торквату!

Джюліо Мости береетъ у Констанціи книгъ для Тасса. Старикъ Гаскано является просить Альфонса о прощеніи убійцы сына его. Альфонсъ рѣшительно всѣмъ отказываетъ. Въ разговорѣ съ Констанціи, онъ открываетъ, что Лукреція разсказала ему всѣ злые умыслы Тасса: этотъ негодный поэтъ поссорилъ Лукрецію съ мужемъ ея, и хотѣлъ тайно жениться на Элеонорѣ.

Освободить Торквата невозможно....
Теперь, мой другъ, ты видишь: *правъ-ли я?*
Давно разносчики придворныхъ сплетней
По городу слухъ разнесли, что будто
Изъ зависти я заключилъ Торквата.
Изъ зависти! Нѣтъ! *безопасность наша*,
И, можетъ быть, *спасеніе Италіи* (?)
Торквату *казни просятъ*; но *безумье*
Спасло убійцу отъ позорной смерти;
Избѣгъ меча преступный соблазнитель....
И вотъ людей разумныхъ приговоромъ
Альфонсъ великодушный сталъ жестокимъ!

Digitized by Google

Но Альфонсъ поручаетъ Констанціини: разыскать, не оклеветанъ-ли Тассъ, ибо Констанціини опасается: не изъ ревности-ли Лукреція наговорила все это на Тасса? «Тутъ *что-то недоброе*» — прибавляетъ онъ. — Альфонсъ ужасно пугается, и восклицаетъ:

О Боже! если я *опять* (?) обманутъ?
Клянусь: не пощажу родной сестры!

Вводныя сцены глупаго надсмотрщика надъ домомъ сумасшедшихъ: онъ самъ кропаетъ стихи, и подсмѣивается надъ несчастнымъ Тассомъ. Темница и видѣніе Тасса: ему является въ громѣ и молніи духъ его Поэзіи. Джюліо уводитъ Тасса гулять. Сумасшедшіе. Между ними прокрался посланный отъ Констанціини, требующаго объясненій Тасса въ томъ: не оклеветанъ-ли онъ Лукреціею? Тассъ видитъ вѣроломство Принцессы, и хочетъ послать къ другу своему полное опроверженіе клеветъ ея.

Актъ четвертый. Лукреція больна смертельно. Элеонора уговариваетъ ее каяться въ грѣхахъ. Констанціини уличаетъ ее въ клеветѣ на Тасса. Лукреція въ отчаяніи. Альфонсъ слышитъ ея признаніе; велитъ скорѣе «*просить Тасса.*» Немедленно является Тассъ; Лукреція видитъ его и умираетъ въ страшномъ раскаяніи. Вводная сцена Джюліо Мости и его любовницы. Узнаемъ изъ разговора Элеоноры и Альфонса (ибо дѣйствіе немедленно переходитъ во дворецъ), что Альфонсъ рѣшился вознаградить Тасса за всѣ его страданія.

Digitized by Google

Онъ проситъ сестру, вмѣстѣ съ нимъ «изыскать къ тому средства.»

Альфонсъ.—Послушай!
Ты любишь-ли несчастнаго Торквата?
Элеон. Достоинъ ты взаимныхъ откровеній.
Такъ, я люблю, я горячо люблю!
Альф. Вотъ, какъ меня....

Элеон. Простите, Ваша Свѣтлость!
Альф. Нѣтъ, ничего, *извольте, продолжайте*...
Элеон. Я снова повторяю, что люблю....
Альф. Я это слышалъ....

Элеон. Но не такъ какъ должно.
Люблю его; онъ любитъ Леонору;
Но знаю я, что бракъ нашъ невозможенъ.
Альф. Сестра моя, герой мой Леонора!

Элеонора рѣшается утушить любовь свою къ Тассу разлукою, и немедленно ѣдетъ въ Римъ. — Приходитъ Тассъ, и проситъ Альфонса отпустить его также въ Римъ. Альфонсъ не согласенъ, но пока онъ хоронитъ тѣло Лукреціи, Тассъ, и вмѣстѣ съ нимъ Джюліо Мости, бѣгутъ изъ Феррары.

Актъ пятый. Римъ, Пантеонъ, толпа народа. Народъ оскорбленъ словами Тасса, ибо Тассъ говоритъ, смотря на Пантеонъ, и сличая съ нимъ людей:

Digitized by Google

Малюшки! жаль мнѣ васъ! Какая глупость
Написана на этихъ мѣлкихъ лицахъ;
Какъ всѣ черты изображаютъ ясно,
То гордость, то корысть, то униженье....

Хотятъ бить Тасса. Джюліо сказываетъ его имя. Народъ приходитъ въ восторгъ; несетъ Тасса на рукахъ, вѣнчать въ Капитоліи. — Комната Элеоноры. Нечаянно является къ ней Альфонсъ. Онъ подозрѣвалъ, что Элеонора уговорилась бѣжать вмѣстѣ съ Тассомъ, и за тѣмъ нарочно пріѣхалъ онъ въ Римъ. Громко разносится по Риму вѣсть, что Тасса вѣнчаютъ въ Капитоліи. Всѣ пріѣзжіе изъ Феррары спѣшатъ видѣть торжество своего поэта. — Капитолій. Народъ поетъ, славитъ Тасса. Но Тассъ едва живъ. Онъ вдругъ вдохновляется, читаетъ стихи, импровизируетъ и умираетъ въ ту минуту, когда Альфонсъ налагаетъ на него лавровый вѣнокъ. Элеонора плачетъ. Альфонсъ заключаетъ драму словами: «*Люди! на колѣни: кончается великій человѣкъ!*»

Извѣщая о сочиненіи Г-на Кукольника, мы сказали (Тел. 1833 г., № XVI, стр. 565), что это «твореніе поэтическое, прекрасное *по идеѣ*, прекрасное *по стихамъ*, обѣщающее *много въ будущемъ*, какъ заря весенняго дня, какъ *первый, смѣлый шагъ* поэта съ душею сильною, стихами звучными, сердцемъ пламеннымъ.» Мы назвали Драму Г-на К. «твореніемъ *истинно изящнымъ*, пріятною нечаянностью среди прозы Русской Поэзіи.» Кажется: довольно сказано; даже не слишкомъ-ли много?

Digitized by Google

Кто прочитаетъ сочиненіе Г-на К., тотъ однакожь согласится съ нами.

Но у насъ не любятъ хвалить умѣренно, и мы видѣли, послѣ нашего отзыва, рецензію въ *Библіотекѣ для чтенія*, гдѣ Г-нъ Кукольникъ превознесенъ похвалами до небесъ, поставленъ наравнѣ съ Байрономъ. Въ заключеніе Рецензентъ восклицаетъ даже: *Великій Кукольникъ!* Видя въ той-же книжкѣ весьма холодный отзывъ о В. Гюго, мы невольно подумали, что подобныя рецензіи могутъ дать невѣрное понятіе публикѣ о поэтѣ, и поэту о самомъ себѣ. Посему, да проститъ намъ и почтенный Рецензентъ *Библіотеки*, и Г-нъ К., что мы, отдавая должное должному, въ тоже время, искренно скажемъ мнѣніе наше о Драмѣ нашего юнаго соотечественника.

Подтверждаемъ прежде всего прежнія слова наши: Драма прекрасна *по идеѣ* — представитъ поэта въ противоположности съ міромъ и съ самимъ собою; Драма прекрасна и *по стихамъ*. Не выписываемъ здѣсь множества превосходныхъ стиховъ, начиная съ Предисловія до конца Драмы. Въ высокомъ, въ забавномъ, въ разговорномъ тонѣ Г-нъ К. является почти равно хорошъ. О недостаткахъ въ семъ отношеніи, скажемъ мы послѣ; но прочтите разговоръ Тасса съ Корнеліею; монологъ подлѣ Везувія; монологъ въ тюрьмѣ; монологъ подлѣ Паншеона; сцену сумасшедшихъ; сцену Джюліо Мости и Розины — прекрасно! Все это такъ; но разсматриваемое вообще, какъ *драма*, какъ *поэтическое созданіе*—сочиненіе Г-на К. можетъ быть похвалено, только какъ

Digitized by Google

первый опытъ юноши, и отнюдь не болѣе. Въ цѣломъ, это созданіе слабое, во многомъ изысканное, и въ немъ не угаданы ни жизнь Тасса, ни сердце человѣческое. Сцены, характеры, переходы, блестящи, но натянуты, не естественны. Исторія безчеловѣчно пожертвована вымыслу, но ни чѣмъ не выкуплено это пожертвованіе.

Съ трудомъ догадаешься вообще о сущности характеровъ въ Драмѣ Г-на К.—Лучше всѣхъ является *Тассъ*, хотя онъ слишкомъ говорливъ. *Альфонсъ* изображенъ какимъ-то добрымъ отцомъ семейства, который въ отчаяніи отъ безпорядковъ, вокругъ него происходящихъ; вѣритъ на слово сестрѣ, и семь лѣтъ губитъ за это Тасса; потомъ разувѣряется въ одну минуту, и едва не готовъ женить Тасса на Элеонорѣ; вдругъ потомъ пугается ихъ побѣга, бросаетъ все свое Государство, бѣжитъ въ Римъ, и *театрально* объявляетъ Тасса *великимъ человѣкомъ*.

Характеръ Элеоноры совсѣмъ обезображенъ. Никакая дѣвушка не станетъ безпрерывно и такъ свободно говорить и швердить о любви своей къ мужчинѣ (развѣ только въ спальнѣ, съ старою нянею, и то нашептывая ей: *я влюблена, я влюблена*); никакая не станетъ и любить и дѣйствовать такъ въ отношеніи своего любовника, какъ любитъ и дѣйствуетъ Элеонора. Не говоримъ уже, что Элеонора была *Принцесса*; что Тассъ представленъ *дѣйствительно помѣшаннымъ* съ самаго начала пьесы.

Digitized by Google

Лукреція, какъ вѣшреная кокетка, слишкомъ рѣзка; какъ преступная женщина, слишкомъ сердечна и подвижна на добро. Другіе характеры вовсе безцвѣтны, кромѣ вводныхъ лицъ: *Джюліо Мости*, *Августина Мости*, *Розины*. Вотъ доказательство, что мимолетомъ обрисовать характеръ Г-нъ К. умѣетъ; но онъ не умѣетъ еще создать основнаго, глубокаго характера, и выдержать его во все продолженіе своего созданія.

Изъ этихъ характеровъ что-же выходитъ? Что-то безотчетное и не конченное.

Въ началѣ Альфонсъ такъ легко изгоняетъ и прощаетъ Тасса, и Тассъ такъ скоро сходитъ съ ума. Это вовсе не годится. Случайное убійство, въ припадкѣ сумасшествія, влечетъ поэта въ темницу. — Здѣсь Драма совершенно разорвалась, и другая половина ея не вяжется съ первою. Надобно было Лукреціи оклеветать Тасса, чтобы Альфонсъ семь лѣтъ не прощалъ его. — Къ чему-же небывалое и ненужное убіеніе Гаскано? — Надобно было потомъ Лукреціи умирать, терзаться совѣстью, и Тасса тотчасъ оправдываютъ, прощаютъ, ласкаютъ! Къ чему-же введено все дѣйствіе въ домѣ сумасшедшихъ, когда оно ни сколько не служитъ къ развязкѣ? — Тассъ бѣжитъ въ Римъ немедленно. Но, едва Альфонсъ назвалъ Элеонору *героинею*, вдругъ самъ скачетъ за нею, какъ за обманщицею, или какъ за неопытною дѣвушкою, покорною своей страсти. — Причина, по которой вѣнчаютъ Тасса, прекрасна; но такъ-ли бываетъ въ свѣтѣ, и такъ-ли было съ Тассомъ? При-

Digitized by Google

бавимъ: такъ-ли говорятъ придворные; такъ-ли умираютъ, какъ умираетъ Лукреція и какъ умираетъ Тассъ? Такъ-ли, наконецъ, покровительствуютъ Герцоги поэтамъ? Такъ-ли смотритъ на поэтовъ народъ?

И чтобы натянуть, составить все это, Г-нъ К. измѣнилъ всѣ Историческіе характеры, умориль Лукрецію, оживилъ Элеонору, сжалъ въ коротное время множество лѣтъ, отбросилъ все происходившее до побѣга Тасса изъ Феррары въ 1571 году, отъ чего и не видимъ мы Тасса поэтомъ торжествующимъ, славнымъ: онъ съ перваго явленія скитается полусумасшедшій, страдалецъ, жалкій остатокъ прежняго Тасса. И чѣмъ замѣнена жизнь его послѣ освобожденія? Сценою изъ мелодрамы!

Мы изложили жизнь Тасса, и спрашиваемъ: неужели содержаніе Драмы Г-на К., эта завязка на слабодушіи Альфонса, небываломъ убіеніи Гаскано, небывалой ненависти и клеветѣ Лукреціи, притворной любви Элеоноры, и неестественномъ восторгѣ народа, увѣнчивающемъ Тасса — выше, и болѣе содержитъ въ себѣ поэзіи, нежели дѣйствительность? Гордое покровительство и свирѣпость Альфонса; безумная страсть Тасса; холодное чувство Элеоноры; коварное мщеніе Герцога за безразсудство поэта; долголѣтнее скитальчество Тасса, когда уже нѣтъ въ мірѣ его незабвенной Элеоноры; вся картина развратнаго, варварскаго, несчастнаго вѣка Тассова; тщеславіе Папы, вѣнчающее поэта; смерть Тасса, предупре-

Digitized by Google

дившая смѣшной и странный эшотъ обрядъ, и самый Тассъ, поэтъ, пережившій свой геній — можно-ли все эшо сравнишь съ говорливыми происшествіями, на коихъ основана Драма Г-на Кукольника!

Здѣсь можемъ мы вывесшь урокъ для всякаго человѣка съ дарованіемъ, хотя-бы самымъ блесшящимъ и обширнымъ: надобно глубоко изучашь Исторію, и сшрасши, и сердце человѣка, если хошимъ создавашь великое и полное. Сшихи и ошдѣльныя искры дарованія подарятъ насъ мгновеннымъ наслажденіемъ чишашелей, и, можешъ быть, шумнымъ говоромъ современной шолпы, ослѣпленной нашими искрами. Но *солнца славы*, но вѣковой швердосши безсмерши Байроновъ и Шекспировъ здѣсь и начала нѣшъ!

Желали-бы мы, чшобы Г-нъ К., не оскорбляясь правдивыми замѣчаніями нашими (ибо онъ можешъ видѣшь все уваженіе наше къ его созданію), желали-бы мы, чшобы Г-нъ К. вникнулъ во все, что мы говоримъ, и увѣрился въ искренносши словъ нашихъ. Надѣемся, что и шѣ, которые похвалами неумѣренными могли возгордишь юное дарованіе поэша, увидяшъ правду нашихъ словъ, и, воздавая должное Г-ну Кукольнику, не ошдадушъ ему слѣпо шого, что еще долженъ онъ купишь шрудомъ болѣе зрѣлымъ, болѣе совершеннымъ.

Г-нъ К. имѣешъ всѣ средсшва поэшическія: живое воображеніе, чувсшво добра въ сердцѣ, звучный сшихъ; но здѣсь все оканчиваешся. Ему

Digitized by Google

не достаетъ еще ни опыта, ни шворчества. Впрочемъ, это обыкновенная участь юности дарованія. Юность дарованія Г-на К. доказываетъ многое:

1-е. Умѣя прекрасно говорить, онъ иногда *заговаривается*; сошнею словъ высказываетъ одну идею, повторяется, и часто впадаетъ въ неестественную рѣчь. Какъ странно, напримѣръ, слышать, что Тассъ, передъ смертью, пророчествуетъ о Гёте, о Державинѣ — *даже о самомъ Г-нѣ Кукольникѣ* (и довольно нескромно пророчествуетъ)! Въ другихъ мѣстахъ находите цѣлые разсказы о любви, о славѣ, о жизни, составленные изъ общихъ мѣстъ. Иногда самовольно врывается въ рѣчи дѣйствующихъ лицъ эпиграфическій стихъ, что позволялось въ старину Классикамъ, и что въ наше время никуда не годится.

2-е. Кромѣ того, въ стихахъ Г-на К. видите странную какую-то неровность: подлѣ прекраснаго стиха — прозаическій; подлѣ сильнаго — нѣсколько слабыхъ, вялыхъ. Вообще тѣ мѣста, гдѣ Г-нъ К. впадаетъ въ лиризмъ, почти всѣ хороши; но разговоры иногда у него не выдержаны. Кромѣ того, Поэтъ часто не слушается Грамматики и Синтаксиса. Бѣдные! Они, конечно, обязаны иногда молчать при восторгахъ Поэзіи, но вовсе забывать ихъ не должно. Послѣ Пушкина, человѣку съ истиннымъ дарованіемъ совѣстно писать дурные стихи, подобные слѣдующимъ:

Подъ шубой весь, и въ шапкѣ *соболевой*....
Въ немъ громъ гремитъ въ словахъ *далековласныхъ*....

Digitized by Google

3-е. Замѣтимъ, наконецъ, въ Г-нѣ К. какую-то гордость, самоувѣренность, свойственную горячей юности. Прекрасно благородное сознаніе собственныхъ достоинствъ; но хвастливая самоувѣренность совсѣмъ не то. Не говоря уже, что Авторъ заставляетъ самого Тасса говорить ему похвалы, странно читать отзывъ о Критикѣ (въ предисловіи), когда Авторъ ни чѣмъ еще не доказалъ права своего говорить такимъ образомъ (стр. IV), или увѣрять насъ, что онъ лучше другаго проникъ въ тайны Тассовой жизни, Тассова генія. Нашъ разборъ, кажется, доказываетъ совсѣмъ противное.

Заключимъ: *Торкватo Тассъ* Г-на Кукольника — «обѣщаетъ многое въ будущемъ (если и на этотъ разъ Фебъ не обманетъ насъ обѣщаніемъ поэта, какъ обманывалъ столь часто и столь безсовѣстно)», но сама по себѣ, эта *Драматическая фантазія* есть только *надежда на что нибудь болѣе совершенное:* она несовершенна, какъ первый опытъ поэта съ дарованіемъ, но еще слишкомъ юнаго и неопытнаго. Не споримъ, что уже и это много; что и это должно радовать насъ въ бѣдной нашей Литературѣ; что и одинъ хорошій стихъ есть подарокъ драгоцѣнный; но не будемъ увлекаться ни пристрастіемъ, ни дѣтскою радостью. Вѣдь мы, по Географическому раздѣленію, живемъ въ Европѣ. . . .

Н. П.

Digitized by Google

РУССКАЯ ЛИТТЕРАТУРА.

Новыя книги.

— *Мазепа.* Сочиненіе Ѳаддея Булгарина. 2 ч. СПб. 1833. Въ т. Вд. Плюшаръ. VI, 368 и 451 стр. in-12.

Издавна, и чѣмъ ближе къ 1834-му году тѣмъ болѣе, жаловался Ѳ. В. Булгаринъ на своихъ литтерашурныхъ недруговъ, непріятелей, враговъ. Повѣришь ему, шакъ едва-ли не всѣ пишущіе на Русскомъ языкѣ — исключая, можетъ быть, полдюжины добрыхъ пріятелей — враги его. Что за странность! думалъ я иногда, читая безконечныя жалобы Г-на Булгарина. Да за что-же нажилъ онъ шакую шучу гонителей? Развѣ у насъ нѣшъ славныхъ именъ въ Литтературѣ? Развѣ у насъ нѣшъ писателей, превышающихъ Г-на Булгарина (увѣренъ, что при всей гордости, свойственной человѣку, онъ согласится съ этимъ)? Отъ чего-же не жалуется никто на своихъ враговъ литтерашурныхъ? И всякій разъ находилъ я, что Г-нъ Булгаринъ некстати воображаетъ себя вторымъ Жанъ-Жакомъ Руссо, который отъ души

Digitized by Google

вѣрилъ, что у него полміра недоброжелателей. Нашъ Жанъ-Жанъ говоритъ это или отъ самолюбія, неприличнаго образованному литтерашору, или отъ заблужденія, близкаго къ чему-то очень смѣшному. Помилуйте! Кто станетъ завидовать славѣ Ѳаддея Венедиктовича? Онъ заслужилъ ее справедливо, она принадлежитъ ему собственно, неотъемлемо. Если находятъ недостатки въ его сочиненіяхъ, то у кого-же не находятъ ихъ? И кто можетъ подумать о себѣ, что онъ непогрѣшителенъ? За что-же такъ громко жаловаться на тѣхъ, кто хвалитъ наше сочиненіе, не завязывая себѣ глазъ? За что, по крайней мѣрѣ, считать своими врагами всѣхъ, или хоть половину Русскихъ писателей?

Но такія откровенныя, прямыя размышленія не приходятъ въ голову человѣка, ослѣпленнаго собою. Г-нъ Булгаринъ не посовѣстился даже напечатать въ Сѣверной Пчелѣ прошедшаго года, будто «Московскій Телеграфъ, отъ начала своего су«ществованія, въ каждой почти книжкѣ бранитъ «его (Г-на Булгарина) прямо или намеками.» Не знаю: кто другой позволитъ себѣ написать такую пошлую несправедливость? Телеграфъ былъ всѣхъ безпристрастнѣе къ Г-ну Булгарину; не смотря ни на какія отношенія, хвалилъ все, что достойно похвалы въ его сочиненіяхъ, и не скрывалъ недостатковъ оныхъ; не разъ даже онъ (этотъ мимо-бранчивый Телеграфъ) защищалъ Автора *Выжигина* отъ нападеній несправедливыхъ. На то есть свидѣтельства печатныя.

Digitized by Google

Мы отнюдь не думаемъ оправдываться передъ Г-мъ Булгаринымъ: онъ можетъ думать и писать что ему угодно. Мы говоримъ передъ нашими читателями, и хотимъ, чтобы они видѣли предметъ въ настоящемъ его видѣ. Г-нъ Булгаринъ не упустилъ прибавить и того, что будто мы «бранимъ его, увѣряя въ дружбѣ и уваженіи.» Оправдаемъ-же слова его, и соблюдая все *уваженіе* къ нему, какъ къ гражданину образованнаго общества, скажемъ опять искренно мнѣніе наше о новомъ его произведеніи. Онъ опять воскликнетъ: браняшъ! Но мы шепнемъ ему дружески, что не знаемъ *дружбы* въ литтерапурныхъ сужденіяхъ: нашъ единственный девизъ — безпристрастіе. Напрасно за годъ онъ уже думалъ и забошился отвратить этотъ ударъ дружбы, напередъ сказывая, что мы будемъ *бранить* его за *Мазепу* и *Чухина*: мы неумолимы.

Покуда *Чухинъ* (давно обѣщаемый, новый романъ) остается еще въ портфёйлѣ Г-на Булгарина, поговоримъ о *Мазепѣ*, потому что онъ уже изданъ, и мы прочитали его.

Любопытно, что передъ *Мазепою* находится небольшое предисловіе, гдѣ Авторъ изложилъ *свою* теорію романа. Здѣсь, можно сказать, ключъ ко всѣмъ произведеніямъ Г-на Булгарина въ этомъ родѣ. По его мнѣнію: «Романъ долженъ служить «автору средствомъ или къ развитію какой-либо «философической идеи, или къ освѣщенію тайни«ковъ сердца человѣческаго, или къ поясненію ха«рактера историческаго лица. Такъ понимаютъ

Digitized by Google

« романъ отличнѣйшіе современные писатели Англіи « и Франціи, а потому даже мужи ученые, фило- « софы и политики не пренебрегаютъ нынѣ симъ « родомъ Словесности, и не стыдятся писать и « читать романы. Этого прежде не бывало.» И такъ Авторъ усиливается доказать, что романъ не дѣтская игрушка; что имъ не пренебрегаютъ даже люди порядочные, именно потому, что въ немъ можно сказать нѣчто дѣльное. Премудрость!.. Но философическую идею можно развивать во всякомъ родѣ сочиненій, даже въ пѣснѣ и въ баснѣ; освѣщать тайники сердца, разумѣется человѣческаго, тоже; а пояснять характеръ историческихъ лицъ — дѣло побочное въ романѣ, ибо романъ не можетъ быть исключительно историческимъ. Слѣдственно, послѣ всего этого мы еще не узнаемъ отъ Г-на Булгарина: что такое романъ? Занимались этимъ родомъ сочиненій всегда люди порядочные; но для сочиненія романа мало быть ученымъ, философомъ или политикомъ. Для этихъ господъ надобенъ только умъ, а для романиста еще надобны: воображеніе, душа, и особенное призваніе къ поэзіи, именно романической. Если Г-нъ Булгаринъ надѣется только на свой умъ и ученость, то мы не удивляемся, что онъ не можетъ создать чего-либо образцоваго въ романическомъ родѣ. Если онъ не шутя такъ понимаетъ романъ, какъ говоритъ, то мы видимъ еще, что онъ смотритъ на него. . . . . не какъ поэтъ. Романъ есть дѣло вдохновенія — а онъ доказываетъ, что въ немъ должно развивать то

Digitized by Google

и то! Романъ есть самъ себѣ цѣль, какъ всякое произведеніе изящное, а онъ говоритъ далѣе, что въ немъ надобно: *поучать забавляя.* Но только дѣтямъ можно давать лекарство, увѣряя что имъ даютъ конфекты! Если вы хотите поучать, то для этого есть проповѣди, есть Науки; въ Поэзіи-же должно быть свободное развитіе творческой мысли: тамъ нѣтъ мѣста никакимъ постороннимъ цѣлямъ.

Въ оправданіе Г-на Булгарина, мы предполагаемъ, что онъ писалъ свою теорію не по убѣжденію, а по наслышкѣ: такъ думали прежде, когда еще не знали истиннаго значенія романа, и мѣста его средп произведеній Словесности. Посему не должно говорить, будто «такъ понимаютъ романъ отличнѣйшіе современные писатели.» Ни одинъ отличный мыслитель *такъ* не понимаетъ его, и Г-нъ Булгаринъ не назоветъ ни одного: закладую сто противъ нуля. Зачѣмъ-же свою вину складывать на другихъ?

Для людей опытныхъ довольно прочитать такую теорію, и они закроютъ книгу, написанную для ея подтвержденія. Въ самомъ дѣлѣ: чего ожидать отъ нея? Посмотримъ однакожь.

Сочиненіе написано; восторгъ писателя-поэта миновался; весь жаръ души его, вся мысль, породившая этотъ жаръ, передъ нами. Теперь авторъ для

Digitized by Google

насъ, и даже для своего сочиненія, постороннее лицо; напрошивъ мы для его сочиненія, и оно для насъ — все. Мы должны почувствовать и узнать: какая мысль зажгла вдохновеніе автора; должны, потому что для этого беремъ въ руки и читаемъ до послѣдней буквы книгу его. И книга непремѣнно должна отвѣчать намъ. Иначе, это не произведеніе поэзіи, а, просто сказать — сборъ словъ и рѣченій.

Къ счастію, Авторъ *Мазепы* самъ объясняетъ намъ мысль свою, какъ будто боясь, что его читатели не увидятъ ея. «Въ семъ романѣ я *предпринялъ* (?) представить *очерки характера Мазепы*, такъ какъ я понялъ его по Исторіи и по преданіямъ. Мазепа былъ одинъ изъ умнѣйшихъ и ученѣйшихъ вельможъ своего вѣка, и чтобы быть великимъ мужемъ, ему недоставало только — добродѣтели! Безъ нея не сдѣлали его счастливымъ умъ, ученость, почести, богатство и власть. Вотъ *тема* моего романа!» (Предисловія стр. III—IV-я).

Мазепа былъ не таковъ, какимъ представляетъ его Авторъ. Но предположимъ, что читатель не знаетъ Исторіи, и что Авторъ по своему такъ понялъ главное лицо своего романа, какъ представляетъ его намъ. Романистъ не Историкъ: онъ схватываетъ не историческій, а поэтическій характеръ своего лица, и если понимаетъ его несправедливо, но поэтически — читатель не будетъ досадовать.

Но въ самой мысли: устремить всѣ силы романа къ доказательству истины очень обыкновенной,

Digitized by Google

извѣстной всякому, но, къ несчастію, рѣдко препятствующей дѣлать всѣ возможныя злодѣйства и подлости, для достиженія высшей власти и богатства — въ самой этой мысли слишкомъ много прозы. Представляйте истину какъ она есть, по крайней мѣрѣ какъ вы понимаете ее, и въ ней уже будетъ заключаться нравственность, потому что не мы управляемъ дѣлами судьбы, а Провидѣніе. Тотъ клевещетъ на Провидѣніе, кто не видитъ блага въ каждомъ событіи; въ томъ нѣтъ никакого религіознаго чувства, кто подумаетъ, что Провидѣніе допускаетъ злодѣянія, измѣны и пороки, не имѣя высокой, часто непостижимой для насъ нравственной цѣли. Сердце человѣческое, въ чистотѣ невинности, угадываетъ это, и потому-то можетъ съ наслажденіемъ видѣть въ произведеніяхъ изящнаго изображеніе бѣдствій, пороковъ, злодѣяній: за ними скрывается мысль о Непостижимомъ, Который все ведетъ къ благой цѣли. Негодованіе, презрѣніе къ пороку, и новая душевная чистота при взглядѣ на него: вотъ истинное дѣйствіе трагическаго, ужаснаго. Человѣкъ переселяется въ видимыя имъ лица, осуществляетъ воображеніемъ событія, и самое участіе, сожалѣніе, гнѣвъ, тоска и радость, испытываемыя имъ при этомъ, показываютъ его личную борьбу съ тѣми встрѣчами рока, которыя представляетъ ему поэтъ.

Но воображеніе нечистое, порочное, не исправившись ни отъ какого нравственнаго вывода. Самое высокое поэтическое созданіе проскользнетъ по уму порочнаго, и даже не коснется души его. Что для

Digitized by Google

него ваша сказка, вашъ романъ? Препровожденіе времени, игрушка, вистъ, зѣванье на театральную сцену. Такъ-то прежде думали сдѣлать училищемъ нравственности театръ! Теперь эта мысль оставлена; должно будетъ оставить и вообще мысль: учить нравственности произведеніями Изящнаго. И давно пора убѣдиться, что нравственность заключается во всемъ, но только для тѣхъ, кто вѣритъ Провидѣнію, кто чистъ душою, кто умѣетъ наслаждаться поэзіею. Если для такихъ людей писалъ Г-нъ Булгаринъ, то напрасенъ былъ трудъ его; если-же хотѣлъ онъ поучать людей порочныхъ, или слабыхъ въ добродѣтели, то опять напрасенъ трудъ его, какъ мы показали выше.

Но стремясь къ посторонней цѣли, онъ уже не могъ быть поэтомъ въ романѣ своемъ, и потому не достигъ ни къ чему. Поученія въ его книгѣ нѣтъ, и нѣтъ романа, потому что онъ хотѣлъ сдѣлать его поученіемъ. Мазепа представленъ довольно хитрымъ плутомъ — не болѣе; а подобный характеръ не можетъ быть занимателенъ. Человѣкъ, который изъ ничтожества достигъ такой силы, что хотѣлъ сдѣлаться независимымъ Государемъ, не могъ быть мѣлкимъ плутягой. Если-бы даже не справляясь съ Исторіей, Авторъ вывелъ на сцену человѣка, сильнаго умомъ и духомъ, но развратнаго, ослѣпленнаго честолюбіемъ и ложною привязанностью къ родинѣ; если-бы наконецъ главною пружиною дѣйствій его сдѣлалъ онъ неумиримую ненависть къ Петру Великому, то всѣ дѣйствія такого человѣка приняли-бы характеръ совсѣмъ иначе занимательный

Digitized by Google

ный. Мазепа погибъ, самымъ несчастнымъ образомъ, въ своемъ безумномъ предпріятіи — вотъ истинная кара его злыхъ помысловъ. Для чего-же было тутъ выводить жалкихъ его дѣтей, и только ими наказывать преступника? Но еще надобно сказать и то, что Огневикъ и Наталья, почти во все продолженіе романа, оспаются загадочными лицами; читатель не знаетъ, что они братъ и сестра, дѣти Мазепы, слѣдовательно не принимаетъ никакого участія въ той гибели, какую готовитъ имъ Мазепа. Напротивъ, зная родственныя ихъ отношенія, читатель волновался-бы сильнымъ ощущеніемъ, страшась ихъ гибели отъ руки отца, страшась и успѣха ихъ страсти, которая должна была кончиться кровосмѣшеніемъ. Но Авторъ не умѣлъ воспользоваться и тѣмъ вымысломъ, который ввелъ въ свой романъ совсѣмъ не кстати. О другихъ побочныхъ лицахъ не станемъ говорить: это по бо́льшей части лица неестественныя и неудачныя, какими наполняетъ Г-нъ Булгаринъ всѣ свои романы. Несноснѣе всѣхъ Марья Ивановна Ломшиковская, такъ странно обольщающая Огневика! Доступъ, который она открыла ему къ заключенному Палѣю, достоинъ видѣнія Ножова! И довольно забавна фигура Палѣя, лежащаго въ гробу. Зачѣмъ его живаго класть въ гробъ, и заставлять геройствовать такимъ образомъ? Неужели для эффекта? Но тутъ выходитъ эффектъ, котораго конечно не ожидалъ Авторъ. Надобно прибавить однакожъ, что изъ всѣхъ изображенныхъ Авторомъ лицъ, Палѣй лучше всѣхъ, потому что всѣхъ занимательнѣе. Правда, нападеніе его на замокъ Пани Дульской предста-

Digitized by Google

лено довольно невѣроятно; однакожь это выкупаютъ многіе поступки и рѣчи Палѣя; напримѣръ, появленіе его на балъ къ Мазепѣ въ Бердичевѣ. Еще замѣчательно изображеніе Іезуита. Да, они были таковы! Это вѣрно. За то Поляки представлены точно какими-то сумасшедшими! Это неестественно. И почти всѣ лица въ романѣ *Мазепа*, за исключеніемъ двухъ-трехъ, или незанимательны, или смѣшны безъ воли Автора. Мазепа, мѣлкій интриганъ; Огневикъ дрянной казачишка, храбрецъ на словахъ и глупецъ на дѣлѣ, отвратительный по связи съ Ломпиковскою; Наталья, ничтожная, безхарактерная фигурка; Ломпиковская и неестественна и гадка; всѣ другія (кромѣ Палѣя и Іезуита) такъ ничтожны по дѣйствію, что о нихъ не стоитъ и упоминать.

При такихъ неудачныхъ характерахъ, связь романа совершенно безсвязна. Не Мазепа является по ней главнымъ, а Огневикъ, на которомъ держится все. Мазепа интриганитъ и хитритъ своимъ чередомъ, а Огневикъ дѣйствуетъ. Онъ и забирается въ домъ къ Мазепѣ, и подвергается пыткѣ, и миритъ Гетмана съ Палѣемъ, и скачетъ въ Петербургъ, и безумствуетъ въ пустынѣ, и наконецъ отправляетъ отца. Спрошу только объ одномъ: что останется въ романѣ, если отнять Огневика? И по числу страницъ, и по важности дѣйствій — пустяки. Но выкиньте изъ романа Мазепу: останется еще романъ: *Огневикъ*. Какая-жь тутъ связь?

Но повѣритъ-ли Авторъ, что мы извинили-бы всѣ эти недостатки, если-бы въ его романѣ было

Digitized by Google

одно, главное достоинство: поэзія, одушевляющая изображаемыя событія? Романъ его остался-бы безсвязнымъ, безхарактернымъ, но многое выкупили-бы поэтическія картины. Что видимъ, напротивъ, у него? Какой-то простонародный, дѣтскій, пошлый взглядъ на все, и отъ того удивительное ничтожество изображеній. Какъ, напримѣръ, является у него Петръ? Угадайте? Онъ бьетъ палкою подъячаго середи улицы! Это выбралъ Авторъ изъ всѣхъ исполинскихъ подвиговъ Петра, для изображенія намъ его характера! Кто другой, кромѣ Г-на Булгарина, впадетъ въ такое недоразумѣніе? Полтавская битва больше похожа у него на реляцію, нежели на поэтическую картину. Житье-бытье Ломтиковской съ Огневикомъ въ Петербургѣ, просто отвратительно. Палѣй во гробѣ смѣшонъ. Огневикъ съ трупомъ Натальи, который разваливается у него въ рукахъ — мутитъ душу. Но такихъ сценъ тма, и онѣ совершенно уничтожаютъ двѣ-три, прекрасно выдержанныя, каковы пышка Огневика и пиръ у Мазепы.

Чтобы досказать все, надобно упомянуть о слогѣ *Мазепы*. Въ этомъ отношеніи, обыкновенно хвалятъ Г-на Булгарина, замѣчая, что онъ не дѣлаетъ ошибокъ противъ Грамматики Г-на Греча. Это конечно дѣло похвальное; но этого мало. Надобно еще, чтобы слогъ былъ живописенъ, одушевленъ, сообразенъ различнымъ картинамъ и ощущеніямъ. Этого нѣтъ у Г-на Булгарина. Его слогъ однообразенъ до утомленія, холоденъ, и, чтобы

Digitized by Google

выразиться уподобленіемъ, тянется, какъ знаменитый Плиѓинскій сургучъ. Лучше было-бы писать съ ошибками, которыя могла-бы выправить пріятельская рука грамотнаго товарища, но оживлять свой слогъ чувствомъ и жаромъ поэзіи. Теперь-же можно сказать, что слогъ Г-на Булгарина имѣетъ одно отрицательное достоинство: въ немъ нѣтъ ошибокъ грамматическихъ. Только!

Но довольно всего этого. Авторъ *Мазепы* и такъ сердится на насъ, за то, что мы искренно сказываемъ свое мнѣніе о его литтературныхъ трудахъ. «Браняшъ меня! браняшъ, и увѣряютъ въ дружбѣ и уваженіи!» воскликнетъ онъ. Посмотрите, что это будетъ.

— *Царствованіе* Елисаветы Петровны. Сочиненіе А. Вейдемейера. Служащее продолженіемъ *Обзора главнѣйшихъ происшествій въ Россіи, съ кончины* Петра Великаго, *и проч., того-же Автора.* 2 части. СПб. 1834. Въ т. Департамента Внѣшн. Торговли. 143 и 143 стр. in-8.

При совершенномъ недостаткѣ на Русскомъ языкѣ книгъ, въ которыхъ описывались-бы слѣдовавшія послѣ Петра Великаго событія нашей Исторіи, сборники, издаваемые Г-мъ Вейдемейеромъ, конечно могутъ быть любопытны для многихъ. По крайней мѣрѣ тутъ есть что нибудь, поверхностное, краткое, нигдѣ не подтвержденное свидѣтельствами, но все-же что нибудь; а это лучше нежели

Digitized by Google

ничшо. Болѣе не умѣемъ ничего сказать въ похвалу новой книги Г-на Вейдемейера, гдѣ описываешся царсшвованіе Императрицы Елисаветы Петровны. Многое, напротивъ, можно было-бы подвергнушь въ ней исшинѣ Критики; но мы предосшавляемъ эшо другимъ. Еще мы, живущіе въ 1834-мъ году, сшоль близки къ собышіямъ XVIII-го сшолѣшія, чшо намъ не льзя говоришь о нихъ даже съ исшиннымъ знаніемъ дѣлъ. Предосшавимъ-же эшо нашимъ пошомкамъ, которые лучше насъ оцѣняшъ и собышія исшорическія, и людей, излагавшихъ оныя въ своихъ книгахъ.

— *Ссыльный*. Русская Повѣсшь. Сочиненіе Павла Иноземцова. Харьковъ. Въ Универсишешской шип. 1833. 60 сшр. in-8.

Сшихошвореніе, заключающее въ себѣ много недосшашковъ, но вмѣсшѣ съ ними и признаки дарованія. Нѣкоторые изъ нашихъ чишашелей думаюшъ, чшо мы бываемъ излишне сшроги въ нашихъ кришическихъ замѣчаніяхъ. Можешъ быть и шочно мы сшроги къ самохвальсшву, къ шарлашансшву или къ совершенному оцсушсшвію всякаго досшоинсшва. За шо, кшо́ болѣе насъ радуешся всякой блесшкѣ, всякой искрѣ дарованія, или благонамѣренносши, или шруда? Находя легкосшь въ сшихосложеніи у Г-на Иноземцова, и вымыслъ, хошя не оригинальный, но украшенный нѣкоторыми цвѣшками поэзіи, мы съ радушіемъ привѣшсшвуемъ новаго

Digitized by Google

сподвижника Русской Словесности. Просимъ его только менѣе *подражать* и болѣе находить въ самомъ себѣ вдохновенія и звуковъ. Подражаніе есть гибель для всякаго поэта, и особенно для поэта юнаго.

Почти вся повѣсть *Ссыльный* заключается въ томъ, что молодой офицеръ, женихъ одной дѣвушки, открылъ счастливаго соперника, и убилъ его и свою невѣсту. Онъ въ ссылкѣ, и разсказываетъ повѣсть жизни своей какому-то старику. Въ подробностяхъ, и даже въ нѣкоторыхъ стихахъ, видно сильное подражаніе Пушкину; есть однакожъ мѣста и стихи, свидѣтельствующіе о дарованіи Автора. Вотъ нѣчто для примѣра, безъ дальняго выбора:

« Позволь мнѣ скрыть свое прозванье;
Я радъ забыть его и самъ:
Оно придастъ одно терзанье
Моимъ страдальческимъ словамъ.
Что пользы въ имени погибшемъ?
Когда-то лестное, оно
Посрамлено, истреблено,
Живетъ лишь въ злѣ, меня постигшемъ.
Но я напрасно умолчу:
Извѣстна слишкомъ эта тайна
На лобномъ мѣстѣ — палачу.
Мое отечество Украйна.
Въ глуши, въ деревнѣ, гдѣ Донецъ,

Digitized by Google

Свободный, тихій, величавый,
Уходитъ въ темныя дубравы,
Жилъ престарѣлый мой отецъ.
Оплакавъ смерть жены любимой,
Во цвѣтѣ самыхъ лучшихъ лѣтъ,
Отецъ мой, горестью томимый,
Оставилъ службу, шумный свѣтъ.
Возвратъ погибшаго покоя,
Надежды старости своей,
Онъ заключилъ въ судьбѣ моей.

— *Лирическія Стихотворенія Виктора Гюго.* Перевелъ съ Французскаго М. Сорокинъ. СПб. 1834. Въ т. И. Бенкена. 101 стр. in-12.

Съ перваго взгляда изумительно видѣть предпріятіе: перевести цѣлую книгу стихотвореній В. Гюго! Но разсмотрѣвъ эту книгу, видимъ, что тутъ всего 10 стихотвореній, выбранныхъ Переводчикомъ вѣроятно потому, что они особенно плѣнили его. Онъ издалъ ихъ отдѣльною книжкою; что-жь тутъ удивительнаго? Порадуемся лучше, что переводы сіи не совсѣмъ недостойны подлинниковъ своихъ, твореній перваго поэта нашего времени. Да, В. Гюго, можно сказать увѣрительно, первый поэтъ не только своего народа, но и своего времени. Разнообразіе его удивительно, и во всѣхъ родахъ онъ становится на первую степень. Высокій поэтъ въ Ли-

Digitized by Google

рическихъ и Романическихъ созданіяхъ, онъ прокладываетъ себѣ новый путь и въ Драмѣ. Онъ давно былъ глубокомысленнымъ Критикомъ, и явившись блистательнымъ Ораторомъ во время процесса за одну изъ своихъ трагедій, теперь, въ послѣднемъ сочиненіи своемъ (Etudes sur Mirabeau, извѣстныхъ намъ по отрывкамъ въ Журналахъ), онъ, кажется, предвѣщаетъ въ себѣ и краснорѣчиваго, глубокаго Историка. Радуясь за нашъ вѣкъ явленію писателя геніяльнаго, мы съ особеннымъ удовольствіемъ видимъ, что Русскій Переводчикъ Лирическихъ его стихотвореній не мрачитъ славы своего современника. Стихи его звучны, сильны, и хотя не вездѣ отличаются правильностью языка, но вездѣ показываютъ стихотворца хорошаго. Подтвердимъ слова наши въ обоихъ отношеніяхъ примѣрами.

Покидаешь ты насъ, чужеземецъ младой;
Не плѣнился ты нашею лѣнью,
Ни маиса кудряваго пышной главой,
Стройной пальмы роскошною тѣнью.

Въ послѣднихъ двухъ стихахъ слова уклонились отъ Синтаксиса; но въ сближеніи ихъ есть гармонія.

Не забуду *я эти напѣвы*.

Опять неправильность!

Одна, можетъ, изъ насъ, чужеземца любя,
За порогомъ домашняго крова,

Digitized by Google

И тебѣ услужить, и лелѣять тебя
Преклонивши колѣна готова.

Не хорошо, потому что темно, а темно отъ того, что слова разставлены неправильно.

Всѣ сіи примѣры взяты нами изъ стихотворенія: *Прощальная пѣснь Аравитянки.* Но вотъ цѣлое стихотвореніе, выдержанное довольно удачно:

Воинскій кличъ Муфти.

Пустъ ратники на смертный бой идутъ,
Во имя Бога и Пророка!
Пустъ ноги льва уснувшаго грызутъ;
Но часъ отмщенья не далёко.
Алла на нихъ изрекъ правдивый судъ!
Нагряньте, храбрые, толпою!
Они вино, не насыщаясь, пьютъ,
Они живутъ съ одной женою.
Да истребится гнусныхъ Франковъ родъ!
Воспой побѣдную молитву,
Ты, храбрый Спагъ, и ты, Тимаріотъ:
На смертную спѣшите битву!
Нетерпѣливо кобылицы ржутъ,
И воютъ трубы боевыя;
Косыя сабли, стремена звучатъ,
И треугольники златые.

Digitized by Google

Разрушьте ихъ, нечестья полный, станъ,
Какъ нѣкогда слуга Пророка,
Сынъ Ортогрула, храбрый Оттоманъ,
Опустошалъ страны Востока.

Кромѣ названныхъ нами, переведены слѣдующія стихотворенія: *Пиршественная пѣснь Нерона — Невѣста литаврщика — Рамону Герцогу де Бенавъ — Битва — Фея и Пери — Взятіе города — Два острова — Атласъ.*

— *Практическое наставленіе для употребленія Кали Берлинской, при окрашеніи въ цвѣтъ Берлинской лазури различныхъ тканей, особенно-же шерсти, какъ въ тканяхъ, такъ и въ рунахъ, дабы замѣнить индиго.* Сост. Г. Бессъ, Московскій 1-й гильдіи купецъ, фабрикантъ химическихъ произведеній, Членъ: Мануфактурнаго Совѣта, Императорскаго Общества Испытателей Природы и Общества Любителей Коммерческихъ знаній. М. 1834. Въ т. А. Семена. 16 стр. in-4.

— Praktische Anweisung über den Gebrauch des Blausauren Kali, etc. (тоже сочиненіе, на Нѣмецкомъ языкѣ). М. 1834. Въ т. Семена. 13 стр. in-4.

Г-нъ Бессъ, одинъ изъ ученѣйшихъ практическихъ Химиковъ въ Россіи, имѣющій близъ Москвы огромную фабрику для выдѣлыванія химическихъ произведеній, издалъ сію книжку, для общей пользы, на Русскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ. Ея цѣль и содер-

Digitized by Google

жаніе могутъ быть понятны изъ слѣдующихъ словъ Автора: «Просто, дабы надоумить и вразумить ремесленниковъ, занимающихся крашеніемъ, я рѣшился издать сіе Наставленіе, съ приложеніемъ подробнаго плана малосложнаго пароваго снаряда (appareil à vapeur), мною изобрѣтеннаго, который дастъ лучшее понятіе о всемъ производствѣ и облегчитъ исполненіе онаго. Меня поощрило къ сему наиболѣе то, что изъ опытовъ, какъ собственныхъ моихъ, такъ и сдѣланныхъ понынѣ въ иностранныхъ земляхъ, ясно видно, что наши фабриканты могутъ полагаться на сбереженіе въ расходахъ болѣе половины, всравненіи съ таковымъже цвѣтомъ, окрашеннымъ посредствомъ индиго; сверхъ того, симъ послѣднимъ способомъ не льзя получить оттѣнковъ, столь хорошихъ и столь разнообразныхъ, какъ чрезъ крашеніе Берлинскою лазурью.»

Извѣстно, что Берлинское Кали приготовляется изъ самыхъ простыхъ и дешевыхъ веществъ, находящихся во всей Россіи. Слѣдственно способъ Г-на Бесса можетъ принести не только частную, но и государственную пользу.

Digitized by Google

ЗАМѢЧАНІЯ

НА СЛОГЪ БАРОНА БРАМБЕУСА.

Письмо къ Издателю Телеграфа.

Я не литтераторъ; ни на многосложныя познанія, ни на высокія способности, претензій я не имѣю. Въ молодыхъ лѣтахъ бывалъ я, правда, въ кругу людей, по дарованіямъ отличныхъ, которые разными способами заманивая меня въ свою бесѣду, знакомили Словесность со мною; но лишь только служба нарядила меня въ мундиръ, и въ ряды свои поставила — всѣ мои умственныя забавы испугались, вспорхнули и улетѣли. Окружили меня дѣла, какъ тяжелая конница; приклеили меня къ столу; приставили сторожемъ ко мнѣ безсонную отвѣтственность, и такъ непримѣтно меня сосшарѣли.

Наконецъ служба, изъ снисхожденія къ моимъ послѣднимъ силамъ, уволила меня отъ работы; а какъ человѣкъ до послѣдняго издыханія ищетъ какой нибудь забавы, то и я, перешедъ многія безводныя степи, на служебномъ пути встрѣчаемыя, и возвратясь домой, обратился къ прежней любимой моей Словесности, надѣясь выпросить у ней какую нибудь игрушку, которая-бы всякой день мнѣ напоминала, что день прошелъ — такую игрушку,

Digitized by Google

которая-бы хотя нѣсколько пріостанавливала мое время, и забавляла другихъ, безъ чего въ жизни ничего не изловишь. Но что-жь изъ этого вышло? . . . Словесность я забылъ въ лицо, и не узналъ ея. Она возвысилась въ разновидныхъ достоинствахъ и честяхъ, и разбогатѣла! Новыя слова, новыя выраженія блестятъ на ней какъ звѣзды. Дворъ ея несравненно увеличился противъ прежняго; всякій день собранія, бесѣды; большая часть ея приближенныхъ, въ блистательныхъ уборахъ, закружились въ модныхъ отличіяхъ!... Какъ до нихъ доберешься!... Вотъ причины, по которымъ я многимъ нарядамъ Словесности удивляюсь, и почему она такъ одѣвается, не понимаю! — Что-же мнѣ было дѣлать? Я вздумалъ на счастье одѣться шутомъ, и стать такъ, чтобы она только меня замѣтила, и хотя минутною усмѣшкою меня подарила.... Впрочемъ, и то скажу: мнѣ, не придворному человѣку, можетъ быть, такъ лишь показалось; можетъ быть я ошибаюсь! Знаю, что рѣдко человѣкъ въ старости видитъ чисто; но, какъ-бы то ни было, а я утвердительно думаю, что когда кто пережилъ свое время, и живетъ въ другомъ, тогда прямая его обязанность не въ томъ состоитъ, чтобы только выхвалять прошедшее, и уничижать настоящее; напротивъ того, онъ долженъ, если хочетъ жить съ людьми, приноравливаться ко введеннымъ ими обычаямъ и модамъ, лишь-бы они ни разсудку, ни сердцу не были противны; а если не будетъ онъ умѣть повести себя такимъ образомъ, и не спросивъ людей знающихъ станетъ рѣшительно называть неприличное неприличнымъ, неумѣстное неумѣстнымъ, то

Digitized by Google

есшь шакъ какъ ему что кажешся, онъ, по моему поняшію, не правъ. Спроси лучше, учись; а не хочешь, сиди, сшарикъ, за печкой, молчи и слушай, что люди говорящъ. Приступимъ шеперь къ дѣлу?

Прочишавъ на сихъ дняхъ, въ новой *Библіотекѣ для чтенія*, прекрасную сшашью Барона Брамбеуса, подъ названіемъ: *Вся женская жизнь въ нѣсколькихъ часахъ*, я признаюсь, что и въ сшарыхъ моихъ лѣшахъ сердце у меня разогрѣлось; я не могъ оштстать ошъ милой, чувствишельной Олиньки до самаго конца ея мгновенной жизни. Характеры ея родишелей; истина въ дѣйствіяхъ; быстрота въ движеніи разнородныхъ сшрасшей; послѣдствія свѣшской роскоши, составили карштину, прямо съ нашуры писанную. Кисшь смѣлая и вѣрная! Различные виды мѣсшоположеній поставлены шакъ, что каждый смошришъ на нихъ, и припоминаешъ что-нибудь подобное. Живая природа! Та-же жизнь, та-же яркосшь въ краскахъ, то-же въ нихъ согласіе, та-же разнообразносшь, и шѣ-же оттѣнки! Словомъ, все событіе шакъ связно, шакъ ходко, что уподобляешся глубокой рѣкѣ, безпрерывно шекущей.

Но въ часшныхъ предмешахъ сей карштины, нѣкоторые показались мнѣ не довольно ясны, пошому, можешъ бышь, что наскоро писаны; другіе новы; иные не совсѣмъ осторожно раздѣты. Я говорю: мнѣ показались, и слѣдовашельно совсѣмъ, можешъ бышь, они не шаковы, какъ я ихъ вижу. Но уважая съ одной стороны рѣшишельный даръ Сочинишеля, а съ другой истинное досшоинство карштины, я объясню мои замѣчанія, откровенно, безпристрасш-

Digitized by Google

но, безъ всякой личности, потому, что никого оскорблять не люблю, и тѣмъ менѣе Барона, Графа, или Князя. Въ полной довѣренности къ почтенному Издателю Телеграфа, котораго тонъ критики, уклоненіе отъ пустой колкости, опытность и скромность, означаютъ безкорыстную любовь къ отечественной Словесности, я прошу его вывести меня изъ заблужденія, въ которое я легко могъ впасть, по недостаткамъ утомленнаго зрѣнія и по отвычкѣ отъ Словеснаго міра.

Благоволите, почтенный Г. Издатель, выслушать мои замѣчанія:

1-е, Что нѣкоторыя дѣвушки, въ Институтѣ, изъ-подлишка высовываютъ языки гувернанткамъ (35), я этому вѣрю; но признаюсь, необходимости въ этой картинѣ не вижу, и держусь того правила, что непріятная картина подражанія не стоитъ. Такъ-ли это?

2-е, Скажите мнѣ: почему воздухъ сыръ отъ глупости (40)? Я не понимаю.

3-е, Какимъ образомъ сіяющая лучами слеза Олиньки, упавъ на ея ланиты, «распрыснулась въ радужныя искры улыбки» и проч. (41). Я что-то тутъ худо вижу. Влажная слеза распрыснулась въ искры! Что нибудь, да не такъ!

4-е, Дышать честолюбіемъ, пусть такъ; но *потѣть честолюбіемъ, быть покрыту прыщами честолюбія* (42), какъ было съ отцемъ Олиньки, воля ваша, кажется мнѣ несбыточно, потому, можетъ

Digitized by Google

бышь, что такой болѣзни я, признаюсь, не видывалъ; а какъ духъ его *окисъ*, этого и совсѣмъ постичь уже не могу!

5-е, Судите сами: что мнѣ дѣла до слабительнаго, какое, послѣ каждаго повышенія въ чинѣ, Иванъ Ивановичъ принимать былъ долженъ (42)? Это, кажется, относится къ его Докшору, и только.

6-е, Баронъ говоритъ, что лучи солнца падали на подаренную Олинькѣ розу, и согрѣтая ими почка начинала раскрываться, образуя первые очерки юнаго цвѣтка. — Во-первыхъ, мнѣ кажется, онъ хочетъ сказать о цвѣткѣ въ пучкѣ, потому что почка на растеніи производитъ не цвѣтъ, особливо въ розѣ, а листъ. Во-вторыхъ, я не понимаю: какъ взоръ Олиньки могъ слѣдовать за тихими движеніями красивой жизни нѣжнаго растительнаго младенца? Никакой глазъ этого движенія видѣть не можетъ. Сверхъ того, я никакъ не могу убѣдиться, чтобы цвѣтокъ, отъ того что *растительнымъ младенцемъ названъ*, возвышался въ своей красотѣ, или достоинствѣ, и слѣдовательно не понимаю, для чего надобно было написать столько словъ, и переиначить выраженіе, когда однимъ словомъ и съ тою же силою предметъ объяснить можно? Потомъ, опять не знаю, можно-ли назвать цвѣтокъ *добрымъ?* А беззащитною розу уже и вовсе назвать, кажется, не льзя, потому что она колется (стр. 55).

7-е, Какъ вообразить, чтобы Олинька не помнила, гдѣ плѣшина, и гдѣ звѣзда носится, на груди или на маковкѣ (56)? Признаюсь, я засмѣялся, но

Digitized by Google

только засмѣялся потому, что такая острота не забавляетъ ни ума, ни сердца.

8-е, Воля ваша, не натурально, чтобы дѣвушка всю душу, всѣ чувства излила на образующійся при ея глазахъ розанъ, для того только, чтобъ заглушить въ себѣ вниманіе къ предложенію матери о женихѣ (57)! Она могла задумашься, могла замолчать, могла заплакать, могла грустить, чувствуя къ жениху отвращеніе, но не могла заниматься цвѣткомъ, потому что въ такомъ случаѣ, право, не до цвѣтовъ дѣвушкѣ!

9-е, Довольно того, что подвиги Инквизиціи, къ сожалѣнію, нашли себѣ мѣсто въ Исторіи человѣчества; но какая ушѣха приближать ужасы пытки къ туалету прекрасной дѣвушки, гдѣ, можетъ быть, какая нибудь булавочка или снурочекъ, усмиряя красоты, заставляютъ ихъ поморщиться? И потомъ, какая кому забава вообразить Барона, посаженнаго на колъ (58)?

10-е, Не знаю, почему полагаетъ Баронъ, что туалетъ дѣвушкѣ такъ тяжелъ! Мнѣ кажется, что напротивъ, ничто такъ не занимаетъ дѣвушки, какъ изысканіе разнообразныхъ украшеній для ея прелестей: такое занятіе всегда было и будетъ первымъ ея предметомъ, потому что сама природа одарила ее пылкимъ желаніемъ нравиться, прельщать и покорять себѣ сердца, къ ней летящія. И право было-бы жаль, еслибъ Баронъ, превратясь въ красавицу, во время туалета началъ визжать поросенкомъ и кусаться (59)?

Digitized by Google

11-е, Мнѣ кажется, что описаніе всѣхъ прелестей бала, гдѣ радужные лучи огней, играя на всѣхъ предметахъ комнатъ, играютъ въ свѣтлой похотливой кожѣ пухленькихъ, роскошныхъ грудей и плечъ, преданныхъ на жертву жаднымъ взорамъ, такъ ослѣпительно, такъ полно, такъ пресыпительно, что человѣкъ по неволѣ отъ нихъ отворотится (61).

12-е, Что такое: гранитная, плотная мысль? Не знаю, можно-ли безтѣлесному существу присвоить качество вовсе съ нимъ несродное.

13-е, Вникая въ теорію происхожденія первой и второй любви, Барономъ излагаемую, я долженъ признаться, что чистаго и вѣрнаго понятія по сему предмету составить себѣ не могъ. Баронъ утверждаетъ, что первое впечатлѣніе страсти остается въ душѣ на всю жизнь, что вторая любовь есть только подражаніе первой, и что сердце привыкаетъ къ любви, какъ носъ къ табаку (64).

Я сколько изъ опытовъ знаю, никакого положительнаго правила тутъ быть не можетъ. Все измѣняется въ жизни. Случилось мнѣ видѣть первыя и сильнѣйшія страсти измѣнившимися по времени; случилось мнѣ также видѣть привязанности, въ началѣ ни чуть не пылкія, но временемъ усилившіяся такъ, что по смерти одного, другой жить не можетъ, и идетъ за нимъ. Тутъ, кажется, все зависитъ отъ характеровъ, отъ степени чувствительности, отъ чистаго понятія другъ о другѣ, и согласныхъ мыслей. Но чтобъ сердце могло привы-

Digitized by Google

кашь любишь, какъ носъ привыкаетъ къ шабаку, этого, признаться, я не слыхивалъ (65)!

14-е, Сравненіе холодныхъ лицъ съ докладами ново, странно, но не шакъ, кажется, вѣрно; бываютъ доклады вовсе не холодные; я самъ много разъ читывалъ и писывалъ шаковые (67).

15-е, Кто могъ шепнуть Барону, что, на оставленной имъ бѣлой страницѣ въ его сочиненіи, я упишу отъ его имени все, что знаю дурнаго, смѣшнаго, мерзкаго о моихъ друзьяхъ и сосѣдяхъ? (68) Смѣшное, на счетъ сосѣдей, я-бы, можетъ быть, и написалъ, но писать дурное и мерзкое на счетъ друзей моихъ, еслибъ шакія качества были въ нихъ и могли, рука не подымется. И жаль, что Баронъ шакъ невыгодно обо мнѣ думаетъ.

16-е, Описаніе вальса (71) правильно, и живо; но фигуры въ картинѣ показались мнѣ шакъ раздѣты, какъ бываютъ люди въ банѣ. Какая была въ томъ необходимость? Мало-ль что всякій изъ насъ знаетъ; но видѣть или совѣстишся или не хочетъ.

17-е, Надобно признаться, что или Баронъ видитъ предметы особымъ образомъ, или мнѣ мерещится, и на глазахъ моихъ невидимыя бѣльмы. Напримѣръ:

На лицѣ другихъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, онъ видитъ синія и зеленыя пятна, которыя, «пожираемы были красною, порожденною негодованіемъ» (95). Синія пятна я видалъ, но зеленыхъ пятенъ отъ роду не видывалъ! — Онъ утверждаетъ, что

Digitized by Google

любишельницы поцѣлуевъ знаютъ искуство высасывать чужіе поцѣлуи изъ подъ кожи своихъ соперницъ (96). Это вѣрно новое какое нибудь изобрѣтеніе.

Онъ полагаетъ возможнымъ залѣзть въ чужую голову, и тамъ рыться въ мозгу (97).

Онъ видѣлъ, какъ одна сердитая барыня терзала Олиньку клещами самой утонченной злобы, какъ она поражала ее остротою мести, и задѣвъ зазубриною за рану, свирѣпо тащила трепещущую жертву за своею гордостію, и прижавъ ее къ землѣ, запоптала въ уничиженіе (98).

Онъ видѣлъ, какъ боль души Олиньки написана была на взрытомъ лицѣ судорожною игрою жилъ; какъ челюсти ея сощемились, какъ корчь крючила ея пальцы (100).

Онъ видѣлъ въ танцахъ на балѣ, какъ чадный газъ испаряется изъ множества раскаленныхъ, красныхъ и вспотѣвшихъ самолюбій (101).

Онъ, видѣлъ, какъ мать Олиньки цѣловала ея руку, огрызенную алчною, ужасною болѣзнію (110).

Онъ упрекаетъ людей, что они ввергли Олиньку изъ потѣхи въ бурную и пыльную мѣльницу свѣта, изломали, смололи ее зубчатыми колесами тщеславія.... испилили пилами разсчетовъ, и проч. (113).

Я долженъ откровенно сказать, что среди всѣхъ этихъ чудесъ, я съ толку сбился, и въ волшебномъ круженіи, гдѣ себя чувствовалъ, никакой ясной мысли на счетъ всѣхъ этихъ видѣній образовать не могъ.

Digitized by Google

Богъ знаетъ почему, вершѣлся только у меня въ памяти разговоръ изъ одной Комедіи Мольера, въ которомъ, гдѣ надобно было сказать: *подайте стулья*, говорили: voiturez nous les commodités de la conversation; гдѣ надобно было сказать: *вотъ кресла, пожалуйте садитесь*, говорили: Mais, de grâce, Monsieur, ne soyez point inexorable à ce fauteuil qui vous tend les bras il y a un quart-d'heure; contentez un peu l'envie qu'il a de vous embrasser. Потомъ, припомнился мнѣ извѣстный стихъ: le style le moins noble, a pourtant sa noblesse. Но сошедъ наконецъ будто съ быстрой качели, которую сильная рука Барона вершѣла какъ перышко, и пришедъ въ натуральное чувство, я воскликнулъ: Боже мой! какъ я сосшарѣлся! вижу худо! голова кружится, и что хуже всего, не что Вижу, что видятъ многіе! — Въ этомъ тяжеломъ положеніи, мнѣ предстали въ извѣшалыхъ одѣяніяхъ правила, какими меня въ молодыхъ лѣтахъ немилосердые учители кормили. Бывало, покойники только тѣмъ и подчиваютъ, что простота и ясность слога есть главное и самое высокое его достоинство; что богатыя и вѣрныя мысли, кратко и ясно выраженныя, возвышаютъ и украшаютъ всякое сочиненіе, въ какомъ бы родѣ оно ни было; что наборъ словъ, для выраженія какой либо мысли, требующей одного слова, разслабляетъ слогъ, утомляетъ вниманіе, и доказываетъ, что писатель болѣе думалъ о богатствѣ языка, нежели о достоинствѣ выраженія; что всѣ законы истиннаго вкуса состоятъ въ томъ, чтобы человѣкъ, по ясному впечатлѣнію чувствовалъ изящное и низкое, не смѣшивалъ одного съ другимъ, и не

Digitized by Google

принималъ одного за другое. Такъ мнѣ швердили; но такъ-ли это нынѣ, какъ прежде? Откровенно говорю: не знаю—видно, у каждаго установителя свой обычай! Но я опять думаю, неужели-же нѣтъ ничего положительнаго, вообще бѣлымъ или чернымъ признаннаго? Вотъ почему, обращаясь къ Г. Издателю Телеграфа, покорнѣйше его прошу взглянуть на эти замѣчанія, напечатать ихъ, если можно, въ своемъ Журналѣ, вывести меня изъ невѣдѣнія, и показать мнѣ заблужденія мои, которыхъ я не вижу. Болѣе всего прошу не беречь меня. Гдѣ дѣло идетъ объ исправленіи, тамъ я не щекотливъ. Прошедъ сквозь всякіе опыты въ жизни, я обдержался, много износилъ, выучился чувствовать и разбирать превосходство другихъ, и крѣпко увѣрился, что учиться никогда не поздно.

СПб.

Ѳедоръ Львовъ.

Digitized by Google

СМѢСЬ.

Аргосъ и Микины (*). Отъ Тиринѳа до Аргоса богатыя поля представляютъ безконечную скатерть зелени, индѣ обнизанную блѣдными оливковыми деревьями, старинною часовнею, бѣднымъ селеніемъ. По большой дорогѣ всегда стеченіе народное: поселянинъ гонитъ осла подъ тяжелою ношею, женщина несетъ въ столицу свои кувшины съ молокомъ, огромный возъ безъ шуму катится по гладкому шоссе, пикетъ уланъ подъ разноцвѣтными флюгерами скачетъ смѣнять караулы, а далѣе шальная ватага Англійскихъ Мичмановъ несется во весь опоръ на жалкихъ клячахъ, которыя вовсе не напоминаютъ славы древнихъ Аргосскихъ коней.

(*) Отрывокъ изъ книги: *Архипелагъ и Греція въ 1830 и 1831 годахъ*. Авторъ ея, находясь при Адмиралѣ Рикордѣ нѣсколько лѣтъ, и обладая языкомъ древнихъ и новыхъ Грековъ, имѣлъ случай дѣлать наблюденія и изысканія. Съ нетерпѣніемъ ждемъ любопытной его книги. *Изд. Тел.*

Digitized by Google

Проѣхавъ сады Даламанары, я привѣтствовалъ прославленнаго Инаха, праотца Аргосской долины. Гнѣвъ Поссидона превратилъ когда-то старика въ *мутную* рѣку, а его пятьдесятъ дочерей въ колодези; но видно утишился гнѣвъ морскаго царя, и полубогъ-Инахъ, возвратившись къ первому существованію, оставилъ со всѣмъ семействомъ долину Аргоса; теперь ни одна струя не омываетъ его широкаго ложа. Связанный узами родства со всѣми древностями Аргосской долины, онъ подвергся ихъ судьбѣ, и какъ алтарь, лишенный своего божества, сухое ложе оплакиваетъ потерянную рѣку.

Мы въ областяхъ Агамемнона. Его столица и теперь занимаетъ обширное пространство подъ гранитною громадою Лариссы, на которой видны оставленныя укрѣпленія, начатыя Циклопами и конченныя Крестоносцами и Турками.

Аргосъ въ нѣкоторомъ разстояніи кажется вамъ безконечнымъ садомъ. Группы деревъ закрыли его незначущія зданія, и тонкіе кипарисы занимаютъ мѣсто колоколенъ и минаретовъ.

Въ продолженіе нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ страдальческаго существованія, Аргосъ никогда не имѣлъ спокойной, продолжительной эпохи для своего развитія. Напасти его, особенно въ новѣйшія времена, разительно напоминаютъ кровавую хронику царствовавшаго въ немъ племени Атридовъ; древнія нашествія потомковъ Геркулеса отразились чрезъ 3000 лѣтъ въ нашествіяхъ Албанцевъ. Пострадавъ нѣсколько разъ при переходахъ изъ рукъ

Digitized by Google

Венеціи къ Туркамъ и обратно, Аргосъ наконецъ былъ совершенно истребленъ Ибрагимомъ. Теперь не ищите въ немъ *пышныхъ* чертоговъ, о которыхъ такъ надменно говоритъ вождь царей при осадѣ Грои. Показываютъ какое-то кирпичное зданіе, которому даютъ названіе Агамемнонова дворца; но его древность не идетъ далѣе Византійскаго вѣка.

Потерянные царскіе чертоги замѣнены теперь нѣсколькими новыми, красивыми зданіями, которыхъ правильныя формы, среди кучъ развалинъ и хижинъ, такъ пріятно напоминаютъ вамъ, что наступила наконецъ эпоха возрожденія столь древняго города. Проѣхавъ садами и длинными улицами и базаромъ, въ которомъ тѣснится народъ около сотни лавочекъ, мы остановились предъ городскою площадью, на которой построена Президентомъ кавалерійская казарма — огромное зданіе, вмѣщающее до 600 солдатъ и ихъ конюшни. Въ сторонѣ прекрасный домъ Калержи, обыкновенно служащій дворцомъ Правителя, во время пребыванія его въ Аргосѣ. Кругомъ площади перемѣшались новыя зданія съ обгорѣлыми развалинами. Въ Аргосѣ построилъ также Президентъ прекрасную залу для училища и церковь во имя Св. Іоанна Предтечи. И какъ всѣ почти города Греціи, Аргосъ хранитъ памятники его усилій для введенія военной системы, для просвѣщенія и для нравственнаго улучшенія народа.

Другіе путешественники были счастливѣе меня: они видѣли въ семъ городѣ развалины храмовъ Юпите-

Digitized by Google

ра и Венеры (*); но мои поиски были всѣ безуспѣшны; я не открылъ ни одной колонны, ни одного помоста древняго храма. Мѣстами попадались мнѣ мраморные обломки, въ которыхъ воображеніе мое силилось угадать сомнительные только признаки глубокой древности. Сколько легкихъ капителей, сколько статуй забытыхъ богинь Аргоса превратились, подъ грубымъ рѣзцомъ послѣднихъ вѣковъ, въ надгробные памятники варваровъ! Голова башни лишилась своихъ восхитительныхъ формъ, и не узнается болѣе въ мраморной чалмѣ, которая безсмысленно торчитъ на Мусульманскомъ кладбищѣ.

Въ полуразрушенной часовнѣ показывали мнѣ вставленный въ стѣну барельефъ, изображающій всадника, Аполлона-ли, котораго первый храмъ былъ воздвигнутъ въ Аргосѣ, или Кастора и Полукса — я узнать не могъ. Въ другомъ мѣстѣ я видѣлъ надгробныя надписи: то побѣдителя на Немейскихъ играхъ, то Римлянки, поселенной въ Аргосѣ, то рыцаря изъ свиты Маріи Энгіэнъ и Вильгельма Вилардуэнъ, то Проведитора Венеціи.

На берегахъ Инаха найдено множество древнихъ гробовъ, изъ которыхъ достаютъ могильныя вазы. Но единственный памятникъ, котораго никогда рука времени не изгладитъ — это Аргосскій амфитеатръ. Углубленіе долины у подошвы Ларисы составило его первоначальную форму, а слои флет-

(*) Кларкъ.

Digitized by Google

цоваго образованія служили основою его ступеней. Рука человѣка здѣсь такъ счастливо пользовалась мѣстными выгодами, что трудно узнать: что оставалось ей додѣлывать въ театрѣ, изготовленномъ самимъ потопомъ для твореній Софокла.

До семидесяти широкихъ ступеней составляютъ его поясы. Простота и величіе Греческой Драмы свято сохранились на исполинскомъ ея памятникѣ. Ступени покрылись кустарниками и хворостомъ, и когда вѣтеръ пробуждаетъ ихъ шепотъ, вы подумаете, что тѣни многихъ тысячъ зрителей еще сидятъ на своихъ мѣстахъ. Въ какомъ другомъ театрѣ Греціи могли производить столь сильное впечатлѣніе геніяльныя трагедіи, которыхъ предметомъ былъ царскій Домъ Аргоса, его несчастія, и злодѣйства, о которыхъ преданіе тревожило еще народные умы? Зритель съ высоты амфитеатра могъ видѣть самыя мѣста, гдѣ происходило дѣйствіе, повторяемое на сценѣ, и дворецъ, гдѣ лилась такъ часто подъ ударами мести кровь Атридовъ, и царскую баню, гдѣ измѣна и смерть встрѣтили Агамемнона, и тропинку, по которой Электра несла свою урну къ гробу родителя.

Аргосскій амфитеатръ памятенъ и другаго рода представленіями: въ немъ соединились въ 1829-мъ году депутаты Греціи для IV народнаго конгресса. Мысль Президента: назначить для ихъ засѣданій мѣсто, котораго классическія воспоминанія такъ возвышаютъ душу—достойна его благороднаго ума. Въ семъ только народномъ собраніи Греки показали совершенное согласіе, и издали акты, дѣлаю-

Digitized by Google

щіе честь ихъ патріотизму, достойные генія путеводителя, который ими правилъ.

Недалеко отъ амфитеатра видна искуственная пещера, изсѣченная въ горѣ Лариссѣ. Подземные ходы ея заставляютъ думать, что здѣсь было прорицалище, въ которомъ жрецы, игрою Акустики, поддерживали народное суевѣріе: Можетъ быть на семъ мѣстѣ стоялъ храмъ Минервы (о которомъ упоминаетъ Павзаній), или Аргосской Юноны.

Переночевавъ въ Аргосѣ, я всшалъ на разсвѣтѣ, окруженный образами Даная, Пелазга, Тіэста, Клитемнестры, и всѣхъ воспоминаній, которыя тревожили мое воображеніе во снѣ. Предполагая продолжать мое путешествіе еще въ мѣстахъ богатыхъ ими, я оставлялъ себя въ какомъ-то продолжительномъ сновидѣніи, подъ очаровательнымъ жезломъ генія древности. Толпа сбиралась на рынкѣ, дѣти весело отправлялись въ Ланкастерскій классъ, а я за моимъ Албанцомъ молчаливо побрелъ по дорогѣ, ведущей въ Микины. Многіе путешественники жаловались на суровость своихъ проводниковъ, и досадовали, что они не были ни въ духѣ, ни въ состояніи разсказать имъ что нибудь о мѣстахъ, которыя съ ними осматривали. Я, признаюсь, былъ благодаренъ моему Албанцу за его молчаніе. Въ Аргосской долинѣ, гдѣ шакъ я дорожу впечатлѣніями ея величія и ея памятниковъ, лепетъ чичерони былъ-бы для меня несносенъ. Если хотите вполнѣ насладиться восторгами подобныхъ каршинъ, не беріше съ собою даже и описа-

Digitized by Google

ній путешественниковъ. Вы не будете нуждаться, чтобъ вамъ диктовали выписныя мысли и чужія чувства, которыя могутъ занять васъ въ кабинетѣ, а предъ гробомъ Агамемнона убьютъ только дѣвственную красоту вашей мечты. Но со мною была Софоклова Электра; звучные ея стихи нашли давно знакомое эхо. Въ той сценѣ, гдѣ она, не узнавъ еще Ореста въ бѣдномъ путешественникѣ, описываетъ ему окрестности и осквернённый злодѣйствами чертогъ Микинъ — я видѣлъ самую живую картину окружавшихъ меня предметовъ. Послѣ двухъ-часовой ѣзды мы въѣхали въ бѣдную деревню Харваши; такъ называется теперь мѣсто древнихъ Микинъ. При поворотѣ у гранитной скалы, мой проводникъ сказалъ: Вотъ Агамемноновъ гробъ — и я увидѣлъ себя предъ святынею, еще сохраняющею свое великое имя. Къ этой стороны вы видите только раздвинутую скалу, обросшую кустарникомъ, и въ промежуткѣ стѣну изъ правильныхъ гранитовъ. Колоссальный камень составляетъ архитравъ надъ входомъ. Онъ имѣетъ около сорока футовъ въ діагонали, и до Исакіевскихъ колоннъ былъ огромнѣйшій изъ изсѣченныхъ рукою человѣка обломковъ гранита. Внутренность гроба представляетъ коническій куполъ, изсѣченный въ горѣ, въ исполинскомъ размѣрѣ, каковой придаетъ Омиръ своимъ гробамъ. Вышина его кажется около двѣнадцати сажень, но можетъ быть это преувеличено отъ темноты, среди которой такъ смѣло падаетъ пукъ лучей изъ небольшаго отверстія въ верхнемъ центрѣ. Сферическая стѣна его составлена изъ гранитовъ, совершенно пра-

Digitized by Google

вильныхъ формъ. На нихъ еще, мѣстами, видны слѣды бронзовыхъ гвоздей, на которыхъ были развѣшаны украшенія. Въ правой сторонѣ отверстіе, совершенно подобное первому, но въ меньшемъ размѣрѣ, ведетъ въ галлерею, гдѣ я въ темнотѣ ничего различить не могъ. Памятникъ столь чудной архитектуры, гробъ такихъ размѣровъ, прочность его непонятной постройки, невольно заставятъ васъ обратиться къ пирамидамъ Египта, гдѣ нѣсколько поколѣній трудились надъ сооруженіемъ гроба, съ предчувствіемъ, что онъ будетъ служить лучшимъ памятникомъ народа, котораго и жизнь и мистическія понятія столь-же темны для потомства, какъ могильныя таинства. Воображеніе, представляя памятникъ древней Греціи, одѣваетъ его въ легкія формы перистиля и фронтона; но здѣсь оно поражается первобытнымъ духомъ героической Греціи, еще не совсѣмъ освобожденной отъ тяжести Циклопскихъ громадъ. Здѣсь уже не та колоссальная грубость, здѣсь не одно взгроможденіе гранитныхъ кусковъ: замысловатая форма и чистота отдѣлки имѣютъ что-то особенное, дѣлающее Агамемноновъ гробъ единственнымъ въ своемъ родѣ памятникомъ. Памятникъ мрачный и сокрытый въ утробѣ горы въ виду Микинъ — онъ сдѣланъ, кажется, чтобы живѣе передать потомству ужасъ, окружавшій Ашреево племя. Выходя изъ гроба, вы видите на противолежащей горѣ темныя массы Акрополиса Микинъ. Я пошелъ къ нимъ, слѣдуя тропинкѣ, которая такъ часто представляется на театрахъ, гдѣ сходятся Электра съ Орестомъ. Акрополисъ Микинъ, и формою и по-

Digitized by Google

строеніемъ, походитъ на Тиринѳъ. На немъ также лежитъ геній Циклоповъ, тяжелый и колоссальный, и еще болѣе суровый при геніи разрушенія, который такъ давно соединился съ нимъ. Подъ Циклопскими стѣнами слои гранита принимаютъ какъ будто ихъ Форму, и составляютъ ихъ продолженіе, которое вросло глубоко въ землю, такъ что трудно различить въ иныхъ мѣстахъ: гдѣ оканчивается твореніе природы и начинается работа Циклоповъ. Здѣсь явно видно, что расположеніе слоевъ на горахъ было первымъ образцомъ этой колоссальной архитектуры. Можетъ быть, смѣлыя ихъ зданія въ такомъ родѣ подали поводъ къ Вавилонской башнѣ Миѳологіи — къ войнѣ Неба съ Титанами, которые поставили Олимпъ на Иду, и не помню какую еще гору сверху, чтобъ сдѣлать по такой лѣстницѣ свой приступъ къ небу; за что несчастные, подавленные Этною, долго мучились въ пламени.

Микины находятся теперь точно въ такомъ состояніи, въ какомъ ихъ описываетъ Павзаній. Въ самую цвѣтущую эпоху Греческой Исторіи — во время Персидскихъ войнъ—Микины сдѣлались жертвою завистной злобы Аргивянъ. Микины участвовали въ славѣ Термопилъ; восемьдесятъ изъ ихъ гражданъ записали свои имена подлѣ безсмертныхъ Спартанцевъ Леонида. Столь высокая слава сдѣлалась гибельною для роднаго города; онъ былъ превращенъ въ кучу развалинъ, которыя доказываютъ потомкамъ, что и Циклопскія стѣны не могутъ устоять противъ семейной злобы. — Между сими

Digitized by Google

развалинами находится самая любопытная древность Пелопоннеза — врата Микинъ. О вышинѣ ихъ не могу судить, потому что кругомъ значительно поднялась земля, заваленная обломками стѣнъ, между которыми съ трудомъ пробирается кустарникъ. Сѣрый гранитъ составляетъ ихъ архитравъ, подобный размѣрами архитраву Агамемноновой гробницы. На немъ стоитъ огромный треугольный камень, гдѣ изображены высокимъ рельефомъ два льва, опирающіеся о піедесталъ небольшой колонны, которая поддерживаетъ родъ жертвенника. Эта гіероглифическая задача возбудила любопытство всѣхъ ученыхъ Археологовъ (Крейцеръ, Мюллеръ, Риттеръ писали о ней). Каждый приписывалъ ей особенное значеніе, и многіе даже искали въ религіи далекаго Индостана и Персіи таинственнаго ея смысла. Видѣли въ ней то богослуженіе солнца, то Индѣйскаго Будду, то пламя древнихъ Персовъ, невидимо горящее на Митрійскомъ жертвенникѣ. Оставивъ область сихъ изысканій для ученыхъ, я съ особеннымъ удовольствіемъ всматривался въ эту колонну — прародительницу изящныхъ созданій Греческаго перистиля. Поставленная между львами, она означаетъ рубежъ древняго Египта, который съ своими символами, съ своими безжизненными барельефами, переходя подъ небо Греціи, раздѣвается посшепенно отъ своихъ таинствъ, и одушевляетъ выраженіемъ жизни тяжелыя формы своего ваянія. Львы Микинъ суть рѣшительное выраженіе сего перехода. Они уже не сохраняютъ безжизненности Египетскаго Сфинкса, хотя и далеки отъ одушевленныхъ

Digitized by Google

формъ Греческаго рѣзца. Къ сожалѣнію, головы ихъ давно сняты, и не льзя судить объ успѣхахъ искуства въ физіогноміи.

На вершинѣ колонны четыре постепенныхъ, выпуклыхъ круга предсказываютъ о подвигахъ искуства въ усовершенствованіи капители, и разсматривая ихъ формы, вы легко догадаетесь, что они скоро перейдутъ въ правильный Дорическій Орденъ.

Какъ жаль, что въ странѣ, гдѣ родились и усовершенствовались Изящныя Искуства, такъ много потеряно памятниковъ, которые могли-бы показывать намъ ихъ любопытные успѣхи. Тѣмъ дороже встрѣчаемые изрѣдка подобные памятники, надъ которыми Исторія Художествъ должна еще сдѣлать тщательныя изысканія. Свѣтила, непотушенныя дыханіемъ стольких вѣковъ, они покажутъ намъ шаги усовершенствованія вкуса, который пребудетъ всегдашнимъ мѣриломъ нашихъ усилій къ улучшенію созданій, доставшихся намъ въ наслѣдство отъ древняго міра.

Константинъ Базили.

— *Изъясненіе картинки.* — Кто изъ читателей нашихъ не помнитъ безсмертной сцены въ Шекспировомъ *Гамлетѣ*, гдѣ этотъ полупомѣшанный мудрецъ держитъ въ рукахъ черепъ Іорика, и говоритъ: « *Бѣдный Іорикъ!* Какъ былъ неистощимъ онъ въ шуткахъ! Какъ умѣлъ быть веселымъ! А теперь? » Горькая насмѣшливость сверкаетъ въ рѣчахъ Гамлета, но онъ мраченъ и задумчивъ.

Digitized by Google

Кембль, по общему признанію, былъ единственъ во всей ролѣ Гамлета, и особенно увлекателенъ въ упомянутой сценѣ, на кладбищѣ, среди грубыхъ могильщиковъ, съ черепомъ Іорика въ рукѣ. Въ очеркѣ, приложенномъ къ сей книжкѣ Телеграфа, изображенъ Кембль, какъ являлся онъ въ это мгновеніе передъ изумленными зрителями. Лауренсъ, одинъ изъ превосходнѣйшихъ Англійскихъ живописцевъ, есть творецъ сей картины. Говорятъ, что она заключаетъ въ себѣ много красотъ въ отношеніи къ художеству, что богатство красокъ и таинственный полусвѣтъ придаютъ новое достоинство произведенію Лауренса. Въ бѣдной гравировкѣ теряется это, но остается мысль художника и общность его созданія. Впрочемъ, тутъ живописецъ былъ только списывателемъ. Онъ представилъ намъ Кембля, въ ролѣ Гамлета — и этого довольно. Совѣтуемъ нашимъ *артистамъ* взглянуть на изображеніе великаго актера. Въ немъ найдутъ они многое для своего изученія. Эта возвышенность чувства, эта дикость ощущеній и задумчивость человѣка, размышляющаго о жизни и смерти, выражены такъ естественно, что, кажется, вы видите передъ собою не актера, а самого Датскаго Принца, непостижимаго для другихъ и для самого себя, и старающагося разгадать таинственныя рѣшенія судьбы.

Картина Лауренса принадлежала покойному Королю Англійскому, Георгу IV-му. Съ нея былъ также сняшъ эстампъ, Рейнольдсомъ.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ

55-й Части.

Стран.

О Сочиненіяхъ Гёте, изданныхъ послѣ его смерти..... 3 и 196

Краткое обозрѣніе Исторіи Египта, сочиненное Шампольіономъ Младшимъ..... 345.

Амстердамъ. Отрывокъ изъ *Путешествія Русскаго по Голландіи въ* 1828 *году*. Соч. Г-на Сабурова..... 525.

Осада и взятіе Акры Ибрагимомъ Пашею, въ 1831 и 1832 годахъ. Отрывокъ изъ Записокъ Г-на Корниля..... 33.

Мнѣніе о скачкахъ и призахъ на оныя, сочиненіе Ѳ. С. Мосолова..... 549.

Мнѣніе о томъ же, А. Н. Дьякова..... 567.

Вечера у Г-жи Сталь, или Парижскія собранія 1789 и 1790 годовъ. Соч. Бульи..... 373.

Эмма. Повѣсть. Н. П..... 72, 241, 407 и 574.

Digitized by Google

Стран.

Отрывокъ изъ несочиненнаго еще сочиненія, Г-на Марлинскаго..... 222.

Критика. Повѣрка замѣчаній О. Іакинѳа на IV-й томъ Исторіи Русскаго народа. Н. П.. 128 и 287.

Торкватто Тассо. Большая драматическая фантазія, въ стихахъ. Соч. Н. К. СПб. 1833. in-8..... 454 и 613.

Русская Литтература. Извѣстія о книгахъ: *Аскольдова могила*, Г-на Загоскина—*Фантастическія путешествія Барона Брамбеуса* — *Денница на 1834-й годъ* — *Брошюрки*, Г-на Кронеберга, N° 10-й—*Руководство къ познанію Исторіи Литтературы*, Г-на Плаксина — *Повѣсти и разсказы Петра Сумарокова* — *Рукопись Мартына Задека*, Г-на Вельтмана—*Синтаксисъ Греческаго языка*, Г-на Ивашковскаго —*Повѣсти изъ Русскихъ народныхъ преданій*, Г-на Макарова—*Преступленіе*, трагедія Мюльнера, переводъ Г-жи Хотяинцовой—*Раиса, Русская Траееділ* — *Фантазіи Жюль-Жанена*, Ч. I-я — *Мазепа*, Г-на Булгарина — *Царствованіе Елисаветы Петровны*, соч. Г-на Вейдемейера — *Ссыльный*, Г-на Иноземцова — *Лирическія стихотворенія В. Гюго*, Г-на Сорокина— *Практическое наставленіе для употребленія Кали Берлинской*, Г-на Бесса — Тоже на Нѣм. якыкѣ..... 166, 319, 498 и 647.

Digitized by Google

Стран.

Замѣчанія на слогъ Барона Брамбеуса. Соч. Ѳ. П. Львова..... 666.

Смѣсь..... 186, 334, 515 и 677.

Парижскія моды.

Къ сей части Телеграфа приложены: *четыре очерка* (статуи Діаны, картинъ Герѐна, Конье и Лаурен-са) и *шесть картинокъ Парижскихъ*, дамскихъ и мужскихъ, *модъ*.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ (*).

Les robes de tulle brodé sont de fort jolies parures pour le bal ou les grandes réunions parées. Celles de tulle rose, citron ou bleu, brodées en soie de même couleur sont élégantes et fraiches. Ces robes sont également brodées, quelquefois en fleurs nuées sur fond blanc ou fond noir.

Une jolie façon de robe de bal est une robe de crêpe blanc, garnie du haut en bas de deux traverses en nœuds de satin, diminuant en s'approchant de la ceinture et s'écartant vers le bas. Des fleurs avec leurs feuillages posées de cette façon, sont aussi fort bien; cette façon est légère et simple.

Les turbans de tulle sont légers pour le bal; ils ne chargent nullement la tête et vont parfaitement au visage.

Les capotes de promenade sont simples, à grandes formes, à bavolets, avec des nœuds en rosette. Le velours plain sera encore de saison; cependant on fait déjà des capotes de velours des Indes avec des rubans de taffetas.

Une couleur charmante pour les jours de soleil est le vert bourgeon; cette nuance est d'une douceur et d'une fraicheur parfaites en velours épinglé, avec des rubans de satin.

Les chapeaux de velours des Indes et de satin vert-pistache, sont charmans avec deux ou trois plumes pareilles ou un bouquet de petites fleurs. De plus simples et très-élégans, comme fraicheur et distinction, sont ornés d'une rosette en ruban de taffetas, bordé d'une raie satinée.

(*) Въ Парижѣ до 20 Февраля (н. ст.) 1834 года.

Digitized by Google

Les écharpes de satin broché ou brodé sont toujours fort élégantes pour le bal ou les demi-toilettes du soir.

Une jolie robe de bal est une robe de tulle blanc sur un dessous de satin. La jupe de tulle plissée sur les côtés, par trois plis marqués dans toute la longueur et retenus par un bouquet de volubilis. La partie du milieu qui restait unie, était garnie de quatre rangs de volubilis de toutes couleurs; le corsage drapé à la Sévigné, la manche à trois bouillons, dont l'un, celui du bas, est retenu par une fleur.

Les porte-bouquets sont presque une nécessité; les mieux entendus sont attachés à un anneau tenant à une chaine, de façon que le bouquet soit retenu après la main, dans le cas où il gênerait pour agir.

Шитыя тюлевыя плащья очень красивый нарядъ для баловъ или большихъ собраній. Тюлевыя розовыя, лимонныя или голубыя, шитыя шелкомъ одного цвѣта съ платьемъ, нарядны и новы. Ихъ также вышиваютъ иногда подъ тѣнь цвѣтами, на бѣломъ или черномъ грунтѣ.

Красивое платье для бала: креповое бѣлое, украшенное сверху до низу двумя полосами бантовъ изъ ленты; полосы эти къ верху сближаются, а къ низу болѣе расходятся. Цвѣты съ зеленью, приколотые такимъ образомъ, очень милое украшеніе: оно легко и просто.

Тюлевые тюрбаны чрезвычайно легки для баловъ; они нисколько не обременяютъ головы и очень къ лицу.

Digitized by Google

Парижскія моды.

Шляпки-капоты для прогулокъ, дѣлаются просто, довольно большіе, съ баволе, и бантами розешкой. Бархатъ все еще носятъ; однако начинаютъ уже дѣлать шляпки-капоты изъ Индійскаго бархата, съ шафтяными лентами.

Прелестный цвѣтъ для выѣзда въ ясные дни: зеленый, распускающихся древесныхъ почекъ. Этотъ цвѣтъ чрезвычайно нѣженъ и свѣжъ на бархатѣ, съ атласными лентами.

Чрезвычайно красивы шляпы изъ Индійскаго бархата, и атласа зелено-фисташковаго цвѣта, съ двумя или тремя такими-же перьями или букетомъ мелкихъ цвѣтовъ. Попроще и очень нарядныя, по свѣжести своей, украшаются розешкой изъ шафтяныхъ лентъ, съ атласистой полоской по краямъ.

Атласные шарфы, съ прошканными или вышитыми цвѣтами, очень красивы для баловъ или вечернихъ полунарядовъ.

Вотъ еще бальное красивое платье: тюлевое бѣлое, на атласномъ чехлѣ Тюлевая юпка, по бокамъ сложенная въ три складки, видныя до низу, и придерживаемыя букетомъ volubilis; по срединѣ четыре ряда ихъ-же, всѣхъ цвѣтовъ; лифъ драпированный à la Sévigné; рукава тремя пуфами, изъ которыхъ послѣдній приколотъ цвѣткомъ.

Ручки для букетовъ сдѣлались почти необходимостью; самыя лучшія тѣ, которыя прикрѣплены къ кольцу у цѣпочки, такъ чтобъ букетъ могъ держаться, когда его спускаютъ съ руки.

Digitized by Google

На приложенныхъ картинкахъ:

Дама. Бархатная шляпка. Бархатное платье, убранное куницею. — Атласная шляпка. Бархатное платье. Арабскій плащъ (bernou), казимировый.

Мужчина. Сюртукъ суконный, выложенный шнурками. Вечерній нарядъ. Сюртукъ верхній, подбитый мерлужкою и обшитый шнурками.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Марта 12 дня 1834 года.

Цензоръ и Кавалеръ Лазаревъ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА.

Digitized by Google